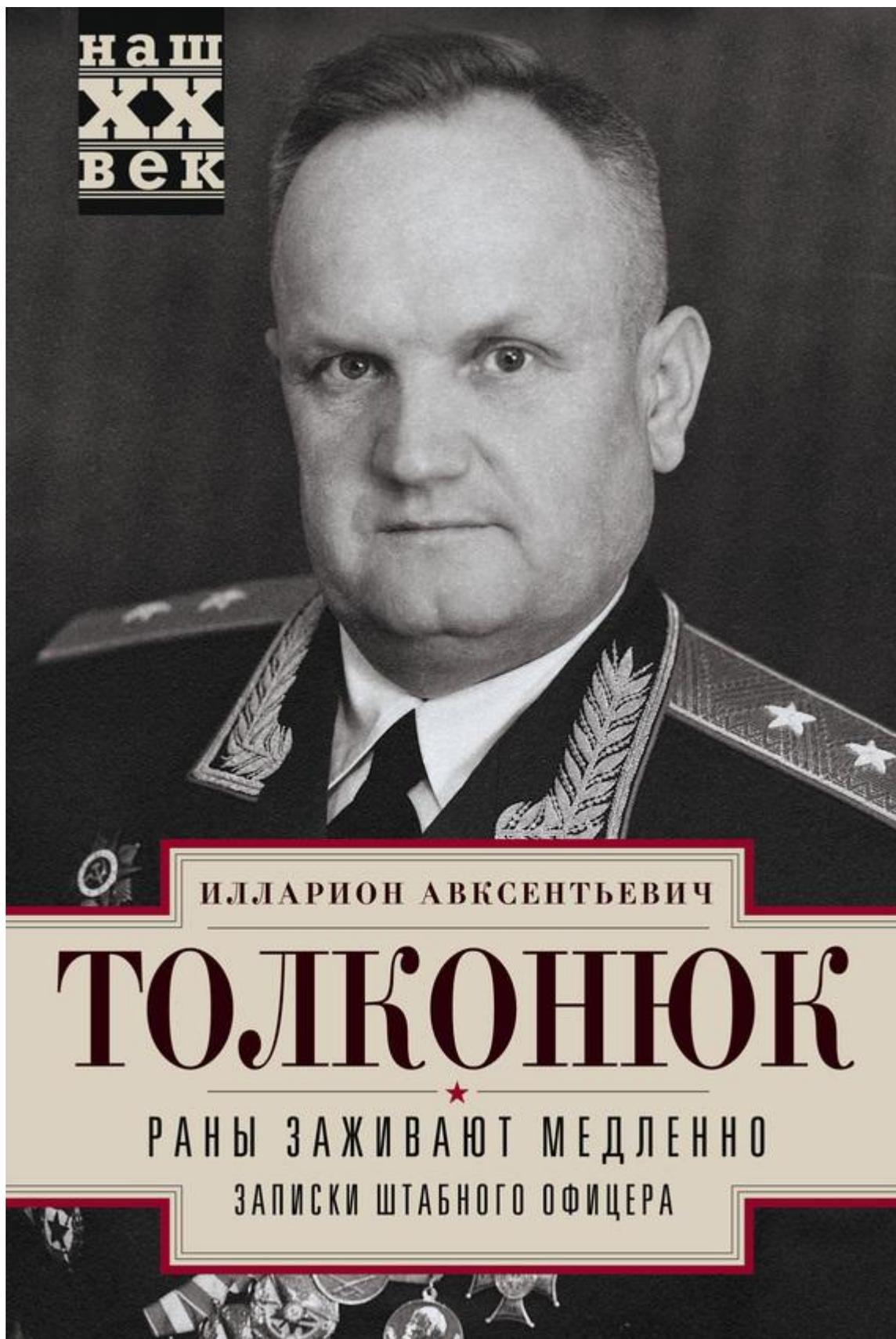

Илларион Авксентьевич Толконюк
Раны заживают медленно. Записки штабного офицера

Наш XX век –

«Раны заживают медленно. Записки штабного офицера / Илларион Толконюк.»:
 Центрполиграф; Москва; 2017
 ISBN 978-5-227-07501-7

Аннотация

Мемуары эти, написанные еще в советское время, между 1971 и 1991 годами, абсолютно не похожи на издававшиеся тогда во множестве мемуары советских фронтовиков. Фактов и суждений, неудобных для официальной советской версии истории войны, в них так много, что на основе их одних можно выстроить другую версию, с официальной не имеющую ничего общего. При этом автор был убежденным коммунистом, который и сам иной раз спохватывался, что пишет что-то не то, что-то «очерняющее» или «недооценивающее». Воспоминания Толконюка дают также исключительно наглядное представление о причинах, по которым на освобождение территорий, потерянных в сорок первом за четыре месяца, потребовалось два-три года; он рисует картину крайне негибкого, излишне централизованного управления войсками, не позволявшего нижестоящим командирам вовремя влиять на развитие событий, а вышестоящих заставлявшее подменять нижестоящих. Толконюк ярко высвечивает и характерное для советских командиров пренебрежение профессионализмом, подмену его «волевизмом». В общем, картина войны, постепенно восстанавливаемая независимыми историками, получает более чем существенное подкрепление. Сведения немецких источников и рассекреченной советской военной документации полностью подтверждаются мемуарами советского офицера.

Илларион Толконюк Раны заживают медленно. Записки штабного офицера

От автора Для чего я пишу эти воспоминания

В последнее время, как у нас в Советском Союзе, так и за границей, широко вошло в моду писать мемуары или другого рода воспоминания. Разразилась своеобразная мемуарная эпидемия. Пишут буквально все, достигшие, как правило, преклонного возраста. Особенно активно взялись за писательский труд пенсионеры и старики-военные, принимавшие то или иное участие в Великой Отечественной войне Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов.

Книжный рынок переполнен мемуарами авторов всех калибров и рангов: больше тех, кто калибром покрупнее, кому легче продвинуть свое творение в печать. А сколько пишут просто в корзину, с чуть теплящейся надеждой как-нибудь пробиться к цели в бесконечной очереди на подступах к издательствам, не поддается даже приближенному учету. Среди пишущих свои воспоминания немало и таких, которые не только далеки от писательского ремесла, но и расписываются с ошибками. В общем,

Как только стал товарищ старым,
 Писать берется мемуары.

И каждому пишущему представляется, что все другие авторы мемуаров безбожно врут, а он один освещает абсолютную и объективную истину, так необходимую для просвещения неразумных, но жадных до истории потомков. О грехах своих, промахах и наделанных в жизни глупостях не пишет никто. А сколько их было!

Хотя изданные до сего времени мемуары и разношерстны по тематике, объему, стилю,

внешнему оформлению, в них нетрудно уловить нечто общее. Почти каждый автор буквально выпячивает свою особо выдающуюся роль в освещаемых событиях, явно преувеличивая значение, роль, мудрость и героизм своей персоны, привлекая в свидетели, как правило, мертвецов, которые не могут возмущаться или протестовать. Мертвые, как говорится, не вопиют.

Может показаться, что и я заразился этой мемуарной лихорадкой и, будучи захвачен бурным потоком мемуаристов, взялся за перо. Не стану опровергать такого мнения. Может быть, это так и есть. Хочу лишь заметить, что я уже в среднем возрасте украдкой подумывал решиться на этот шаг и кое-что записывал по ходу дела. Сначала так, на всякий случай, а затем все серьезнее и серьезнее меня охватывала забота о том, чтобы не забыть чего-либо важного и значительного. Когда я был помоложе, полон энергии, то направлял свою активность на практическую работу. Но уже тогда имел в виду в свое время попробовать силы на поприще литературы, а вернее, мечтал облачить свои мысли в печатную форму. И я зафиксировал свои планы на будущее. Остался в памяти лишь небольшой отрывок на этот счет:

Сложу в труде иль на войне
Свои израненные кости.
Надеюсь, место будет мне
На Новодевичьем погосте!
А если долго проживу
И стану немощным и старым,
Переберусь тогда в Москву
И там возьмусь за мемуары.

Из этого видно, что и я именно к старости толкал себя на путь мемуаристов.

И вот теперь это время неумолимо наступает. Сажусь за стол и принимаюсь за воспоминания.

Мне не суждено было стать выдающимся военным или государственным деятелем. Ни во время войны, ни в послевоенный период я не вышел в полководцы, да и не стремился к этому. Поэтому у меня нет ни оснований, ни тяги к тому, чтобы оставить потомкам свое жизнеописание. До Великой Отечественной войны, как и многие мои сверстники, я окончил техникум, военное училище и военную академию, прослужив в армии 38 лет. Во время войны я был обычным штабным офицером, каких было много, выполнял свои скромные обязанности, рвался в бой с врагом где следовало и где не следовало, был дважды тяжело ранен, награжден несколькими орденами и медалями. После войны служил на ряде должностей среднего порядка: высоко не поднимался и низко не опускался. В звании генерал-лейтенанта меня настигла старость. А сколько мне подобных! И если все напишут свои мемуары, то вряд ли у кого-нибудь хватит времени, чтобы их прочитать. И все же что мне остается делать, если не взяться за воспоминания. Молодежь, как говорится, живет мечтами, а старики – воспоминаниями. Что же, попробую и я. Пусть это будет моим последним свершением. Авось издадут и, может быть, кто-либо прочитает. Неплохо придумано. Не правда ли?

В моих воспоминаниях читатель найдет описание эпизодов из моей ничем не примечательной жизни и свидетельство всего того, что мне приходилось наблюдать и делать в таком виде, в каком все это запечатлено в моей памяти. Итак, за дело!

Часть первая Дорога на войну

Глава 1 Новобранец

Моя военная служба началась в начале 30-х годов. Прекрасное, хотя сложное и трудное то было время. Великая и многострадальная страна наша успешно освобождалась от экономической разрухи, вызванной Первой мировой и Гражданской войнами. Могучие руки и плечи раскрепощенного труда возводили на необъятных просторах Родины заводы и фабрики, кулачество ликвидировалось как класс, завершалась коллективизация многомиллионной крестьянской мелкоты. Молодое Советское государство, ломая злобное сопротивление врагов всех мастей и оттенков, наливалось созидательными силами, приступив к построению нового, социалистического общества. Но мировой капитализм, перепуганный и озлобленный опасным для него примером первого в мире рабоче-крестьянского государства, бешено вооружался и готовился задушить молодую Советскую республику любыми средствами. По Европе поползла зловещая тень фашизма, Италию и Германию взбесила коричневая чума. Японские самураи провоцировали военные конфликты на наших дальневосточных границах. Черные тучи опасности сгущались все больше, назревала новая война. Одним словом, международная обстановка вынуждала партию и правительство Страны Советов серьезно взяться за дальнейшее укрепление обороноспособности государства, увеличение мощи Красной армии.

Неизбежный в связи с этим рост численности вооруженных сил вынуждал по-новому решать проблему командных и политических кадров. Расширялись существующие и создавались новые военные школы. В них набирались молодые люди как добровольно, так и по специальному призыву. Говорили, что в военные школы должен идти цвет советской молодежи. Отбор был самый тщательный, кандидаты, кроме проверки здоровья и способностей, просеивались через классовое решето. В это самое решето волей судьбы и сложившихся обстоятельств был брошен и я прямо со студенческой скамьи. После неоднократного просеивания я стал курсантом Киевской артиллерийской школы с гордым чувством и твердым намерением стать командиром Красной армии.

Меня призвал и направил в артшколу военкомат города Нежина на Украине, где я учился в Институте профессионального образования имени Н.В. Гоголя. Процесс призыва в армию был сложный. Сначала пришлось писать подробнейшую автобиографию и заполнять длинную анкету с перечислением ближайших и дальних родственников. Потом медицинская комиссия – отбор по признакам здоровья: организм исследовался по всем канонам военно-медицинской науки. Оно бы и ничего, исследуйте, пожалуйста, жалко, что ли? Но беда в том, что в составе комиссии были представлены и молодые женщины-медики. А это уже другое дело. Осматривали-то в натуральном, так сказать, виде, в чем мать родила. И на тебя, голого со всех сторон, должны глазеть посторонние женщины. Да я и перед родной матерью ни за что на свете не предстал бы нагишом. Но деваться некуда; пришлось, сгорая от стыда, показывать себя принародно ничем не прикрытым. Раздеваюсь до подштанников. «Нет, – говорят, – снимайте и кальсоны!» Долго я возился, нарочно оттягивая время, но меня торопили, подкрепляя требование юмором. Вынудили наконец оголиться. Прикрыв неловко грех ладонью, я предстал перед комиссией в ярко освещенной просторной комнате, но убирать руку от определенного места не хотел; ее отвел силовым приемом какой-то верзила под веселый хохот присутствующих. Кроме меня, конечно. Мне было не до смеха.

И вот меня осматривают, заставляя поворачиваться в разные стороны: заглядывают в рот, уши, глаза, нос. Велят читать буквы на табличке, закрывая по очереди то правый, то левый глаз. Что-то шепчут, а я повторяю. Требуют делать такие движения, как колют дрова. Задают нескромные, знаете ли, вопросы: приходилось ли мне, к примеру, колоть дрова, подразумевая совсем другие действия. Дают альбомы с разноцветными цифрами и другими знаками, проверяя способность различать цвета. Сунули листок со строчками беспорядочно расположенных букв – и галдят, стучат линейками по столам, создавая адский шум, чтобы

рассеять мое внимание, а я в это время должен одну букву зачеркивать, другую подчеркивать, третью округлять карандашом, четвертую оставлять нетронутой – и мысленно считать эти буквы по сортам.

Проделав все эти веселые упражнения, я сел, голый конечно, на маленький круглый стульчик, как мне указали. Включили мотор – и стульчик завертелся, как волчок. Все в моих глазах слилось, запрыгало, завертелось, затуманилось. До тошноты. Когда вращение прекратилось, я не мог разобраться, где что, даже комиссия показалась в еле проглядном тумане. Мне приказали выйти из комнаты. Вместо дверей я направился в противоположный угол, забыв одеться, и полез на стенку, посадив шишку на лбу.

Первый сеанс приемных, отборочных процедур несколько охладил мое желание стать красным командиром. Но это было лишь предисловие к первому уроку по военному делу.

О военной службе я имел в то время самое смутное представление. В глухом селе бескрайней Тургайской степи, где проходило мое детство, военных не было. Гражданская война не прокатилась по тамошним местам; смена власти проходила без кровопролития, путем бурных словопрений не за круглым столом, а у церковной ограды, с применением вместо оружия крепких мужицких кулаков.

Отец мой в армии не служил и в войнах не участвовал. На германскую войну его не мобилизовали из-за какой-то болячки. Правда, он был мобилизован колчаковцами, по пути в уездный город Атбасар удрал и возвратился домой, хоронясь с неделю в стогу соломы, пока опасность не миновала. Он все же подобрал где-то и подарил мне винтовочный патрон. Я высверлил в скамье дырку, вставил в нее патрон вниз пулей, приложил к капсюлю гвоздь и огрел по шляпке молотком, замыслив произвести выстрел. Пуля воткнулась в глинобитный пол комнаты, а раздробленным капсюлем поранило мне руку. Глухой звук выстрела, незнакомый запах пороха и сочившаяся из моей ладони кровь всполошили чуть ли не все село. Замотав раненую руку тряпкой, мать отдубасила меня лозняковым прутом, отклонив протест отца, вставшего на мою защиту. Потом я выковырял пулю из земли и, играя ею, нечаянно проглотил. Этим и ограничилось мое первое знакомство с военным делом. Так что, когда я поступал в артиллерийскую школу, мне предстояло распахивать, как теперь говорят, вековую целину военного поля. Все это было впереди. А пока что в составе команды подобных же рекрутов посадили меня в вагон – и поезд увез нас в Киев, куда я ехал впервые.

2

Приехали к вечеру. На вокзале нас встретил коренастый старшина Овдиенко, скрипя ременным снаряжением и звеня шпорами. Он построил прибывшую команду в две шеренги у вагона и начальственно выкрикнул:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здорово, – ответили отдельные смельчаки нестройным хором.

Большинство промолчало.

– Поздравляю вас с прибытием в нашу легендарную артиллерийскую школу! – продолжал старшина властным голосом. Не надеясь, что мы сможем достойно ответить на поздравление, он без паузы приступил к наставительной речи: – Слушайте внимательно! Я дам короткий инструктаж, чтобы вы не натворили глупостей, пока не освоитесь с обстановкой. Вопросов не задавать!.. Вы попали в артиллерию – грозный вид оружия, где говорят пушки, а музы, как сказал поэт, молчат. Знаете ли вы, что означают черные петлицы с красной окантовкой? – Он притронулся рукой к воротнику шинели. – Не знаете! А вот что они означают: черные петлицы – это земля, а красные канты символизируют кровь людскую... Разрывы мощных артиллерийских снарядов глубоко вспахивают поле боя, меняя лицо земли, и обильно увлажняют грунт вражеской кровью... Когда я скоманую «шагом марш», вы сделаете первый шаг в прославленную артиллерийскую школу, что на Соломенке; это будет шаг в командирский корпус красной артиллерии. Но сразу в школу я вас не поведу:

это святая святых – и ваша дорога туда идет через баню. Там смоят с вас прах штатской жизни, убьют постороннюю живность, которая пока что кое на ком держится, и только тогда вам будет позволено переступить порог проходных ворот школы. Наследник капитализма – союзник контрреволюции – вошь не должна проникнуть в курсантскую казарму, в нее вы попадете не сразу, а не ранее как через две недели, после строгого карантина. До этого будете размещены в помещении батареи обслуживания... Баня – у Еврейского базара. Кто знает Киев, тот представляет, что идти километра полтора, менее чем полчаса ходу умеренным солдатским шагом. Пойдем на виду у киевлян. Идти стройно, являя бравый вид и выше голову! И с песней.

Нас перестроили по четыре в ряду, старшина проверил по списку и скомандовал:

– Шагом...

Некоторые шагнули, не дождавшись команды «марш»; строй смешался.

– Отставить! – выкрикнул Овдиенко грозно. – Шагом... марш!

Строй двинулся уже более организованно. Старшина подсчитал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Шеренги выправились, и мы пошли по слабо освещенной улице.

– Запевай! – выкрикнул старшина и запел первым:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья
и вместо сердца – пламенный мотор.

Мы подхватили кто как мог, повторяя за запевадой:

Все выше, и выше, и выше
стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ...

Чем дальше, тем песня лилась дружнее, организованнее. В паузах старшина подсчитывал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Перед баней строй остановился. Старшина пояснил: сначала войдем в грязную половину. Сбросите с себя весь ваш штатский хлам, сложите его в мешочки. Их вам выдадут. На бирках напишете фамилии и оставите барахло на скамьях. Тряпье ваше будет подвергнуто дезинфекции раскаленным паром в специальной камере и будет лежать на складе три месяца, на случай ежели кто будет отчислен. А кто останется в школе, получат свое майно и бесплатно отправят по почте куда захочет: оно больше не потребуется. Ничего с собой не оставлять! Вам все выдадут, вплоть до носового платка, иголки и ниток.

«Пропала моя дорогая каракулевая шапка», – констатировал я с горечью, когда уловил, что она будет предана раскаленному пару. Так оно впоследствии и случилось.

Когда мы разделись, несколько парикмахеров приступили нас обрабатывать, готовить, значит, к помывке: оголотовили машинкой под нулевку, сбрили волосы на остальных частях тела, в том числе на недоступных обычно глазу местах, оставив нетронутыми только брови; все, что ниже и выше бровей, начисто лишилось растительности. Выдали по куску хозяйственного мыла и жесткие, как провололочные, мочалки и запустили в мочную, с расставленными на отполированных телах скамьях оцинкованными круглыми тазами.

– Смыть всю дрянь до самых костей! – приказал старшина, зашедший в мочную в белом халате поверх гимнастерки, внешним видом напоминая ветеринарного фельдшера. Он многозначительно пояснил: – Яички вшей, у кого водится этот классовый враг, спрятаны глубоко в порах кожи. Если их не выдрать мочалкой с мылом и не смыть горячей водой, они

останутся и через несколько дней из них выведется новое поколение паразитов, которое тоже оставит в коже яички. И так без конца. А вшивый курсант что паршивый конь. Это учтите...

В чистой половине нам выдали новое белье, пахнувшие дегтем юфтовые сапоги с портянками, новые солдатские грубошерстные шинели и кожаные поясные ремни. Защитного цвета гимнастерки и синие бриджи дорогого английского сукна (мериносовые), чистые и красивые, но далеко не новые, выдали как рабочее обмундирование. Старшина пояснил, что это обмундирование осталось еще от юнкеров, но оно лучше нового. Вместо шапок нас снабдили островерхими буденновскими шлемами с красными жестяными звездами на лбу.

3

В школе нас завели в солдатскую столовую батареи обслуживания, а не в курсантскую и подали ужин: горячая гречневая каша с мясом в бачках на десятиерых (мы делили ее по порциям сами), сливочное масло, сахар, черный и белый хлеб по порциям, чай. Затем повели строем в казарму той же батареи и распределили по железным кроватям с аккуратно заправленными постелями. В прикроватных тумбочках находились предметы личного туалета и гигиены. Одним словом, было все необходимое для жизни и быта.

Мы, как новички, молча присматривались друг к другу и к непривычной обстановке. Спать легли по команде дежурного.

В 6 часов утра – подъем по сигналу. Раздетых до пояса, нас вывели на пятнадцатиминутную физзарядку. Еще было темно, но двор освещался электрическими фонарями на высоких столбах. Ночью выпал снег, и обжигающий ветерок с поземкой при пятнадцатиградусном морозе щекотал по бритым подмышкам, облизывал живот, бока, спину холодным языком. Побегав положенное время, мы возвратились в показавшуюся вдруг родной и уютной казарму, покрытые дымчатым инеем; от наших тел исходил сизый пар. Обмывшись под медными кранами умывальника – один сосок на пять человек, – мы оделись и под командой дежурного, назначенного из курсантов старшего курса, пошли на конюшню.

В теплом, ярко освещенном электричеством помещении вестибюля конюшни нас перестроили в одну шеренгу, поставив полукругом. Явился старшина Овдиенко. В ожидании начальства он заметно волновался. Тут же перед нами как-то неожиданно возник командир батареи курсантов Алексей Михайлович Манило – подтянутый, аккуратный, в идеально подогнанном обмундировании, в коричневых лайковых перчатках молодой человек со шпалой в петлицах. По внешнему виду, по всему существу своему это был эталон командира Красной армии, который наглядно олицетворял военную школу и показывал, каким должен быть в конце концов каждый из нас через три года обучения и воспитания.

– Товарищи курсанты! – приняв рапорт старшины и поздоровавшись с нами по-уставному, обратился к нам командир батареи. – Перед вами боевой артиллерийский конь (он показал поворотом головы на появившегося тут же огромного битюга, выведенного дневальным по конюшне). В паре с таким же своим собратом он ходит в коренной упряжке 122-миллиметровой гаубицы. Впереди коренной пары в орудие впрягаются еще две пары, именуемые уносами. Пока что кони составляют единственную артиллерийскую тягу; они входят в боевой состав артиллерии, как и боевые расчеты красноармейцев и орудия, именуемые материальной частью. Только в совокупности эти элементы составляют боевое подразделение. Конь верно и хорошо служит, если за ним надлежащий уход: достаточная и своевременная кормежка, водопой, ветеринарный надзор и чистка два раза в день. В военной школе вы будете с первого дня иметь дело с боевым конем. Сегодня я расскажу и покажу вам, как нужно обслуживать своего боевого друга...

Говоря уверенным, ровным голосом, он попутно показывал все приемы практически: как чистить корпус коня, гриву и хвост, копыта передних и задних ног; как поднимать и держать на своей коленке ногу коня, как проверять подковы, протирать белой влажной тряпочкой глаза и ноздри. Инструктаж закончился указанием, как чистить детородные члены

животного. Причем командир батареи ни разу не назвал коня лошадей, а именно конем. Назвать строевого коня лошадей в школе считалось чуть ли не оскорбительным. Слово «лошадь» употреблялось, лишь когда речь шла о мероприятиях с конским составом: «чистка лошадей», «выводка лошадей» и т. и.

Тут же мы узнали, что конь или кобыла белой масти, как ни странно, более чистоплотны, чем, скажем, гнедые, вороные, карие; их легче и проще чистить и содержать в порядке. За кем из нас будет закреплен конь белой или серой масти, тому здорово повезет, сделал вывод каждый новобранец.

Нас повели к станкам, где стояли на привязи кони, и показали, как следует накладывать в кормушку сено, как кормить коня овсом, как поить, как содержать в порядке кормушку и станок. За каждым закрепили по коню, назвав клички; сказали возраст, норы и привычки. Видимо для острастки, командир батареи предупредил со всей строгостью, что если находят в шерсти коня вошь, то об этом докладывается письменно по команде, вплоть до наркома обороны товарища Ворошилова, как о чрезвычайном происшествии, с вытекающими последствиями. Чистота, а значит, качество чистки проверяется белым носовым платком путем протирания шерстяного покрова, гривы и хвоста. Потемнение платка или следы перхоти на нем влекут наказание чистильщика, как за дисциплинарный проступок.

О ужас! Мне не повезло. Попался огромный ломовик гнедой масти с хитрющими красными глазами и с явным наличием перхоти в хвосте и гриве. Толстые мохнатые ноги тяжело стояли на массивных свинцовых подковах. Звали коня Вепрь. Рядом стояла его напарница по коренной упряжке – кобылица Ванда, такая же огромная, мощная, с закрученными в кольца усами на верхней губе. Говорили, что эта пара в одном из боев с белополяками, попав под артиллерийский обстрел красных, носилась в ужасе по полю боя и, перемахнув линию фронта, оказалась в расположении красноармейцев, впряженная в орудийный передок. С той поры неизменно служит красной артиллерии. За боевые заслуги и огромный рост они получали повышенную норму овса.

Меня предупредили, что при чистке Вепря рекомендуется перебрасывать через его спину поясной ремень: тогда он стоит спокойно, смиренно; без этой предосторожности так и норовит наступить на ногу или укусить. Оказывается, думалось мне, с конем, как и с человеком, необходимо наладить хорошие взаимоотношения и добиться взаимопонимания. Иначе не избежать беды: можно получить любую травму, даже стать калеккой. Проводив командира батареи, старшина Овдиенко скомандовал: приступить к чистке... Вепрь вначале стоял смиренно и косил на меня огненным взглядом. Я перекинул поясной ремень через его спину и увлекся работой. И вдруг Вепрь с удивительной проворностью наступил мне на ногу, намертво вмяв ступню в упругий пол стойла. Всю тяжесть своего грузного корпуса он перевалил на шкодливую ногу, и я не своим голосом взвыл от боли; острые шипы подковы впились в сапог и мертвой хваткой зажали ступню. Преодолевая адскую боль, я попытался столкнуть Вепря с ноги, но и не тут-то было: конь не шелохнулся. Сбежалась вся батарея. По команде старшины: «Взяли!» курсанты стали толкать упряма; он стонал человеческим голосом, но даже не ослабил нажим. Наконец общими усилиями удалось освободить окаменевшую ногу. После этого происшествия я хромал с неделю.

После чистки лошадей – завтрак. На прием пищи распорядком дня отводилось 10 минут от команды «садись» до команды «встать». Без этих команд не разрешалось ни сесть за стол, ни встать из-за стола. Кто не успевал улечься в отведенное время, поднимался по общей команде, не доев свою порцию. На это не обращалось внимания, и никому скидок на медлительность не делалось. Поэтому все ели поспешно, стараясь не отставать от товарищей и своевременно употребить все, что подано.

Первые занятия перемежались с неожиданным юмором. Как-то нам выдали винтовки со штыками и построили для отработки приемов с оружием. Среди нас оказался нежный и робкий, с розовым девичьим лицом и тонким пискливым голоском курсант Вася Жук. Старшина вызвал этого самого Жука из строя и перед лицом товарищей приказал ему, предварительно показав, как надо делать, подать команду «на плечо». Жук долго мучился: то

густо краснел, то бледнел – и никак не мог решиться приступить к делу. С кончика его носа, несмотря на мороз, стали ниспадать крупные капли пота. Доведя до красного каления видавшего вида старшину, он наконец решился. Придав страдальческое выражение физиономии, он робко пропищал: «А ну, хлопцы, беримтэ гвинтивкы на плэчи та будэм почынаты...» Взрыв хохота чуть ли не сорвал занятия; многие смеялись до слез и стали неуправляемы. Грозные окрики старшины с трудом водворили порядок. Подобные веселящие эпизоды были не единичны, и некоторые занятия проходили с юмором и запрещенными требованиями дисциплины репликами в строю.

В карантине мы пробыли больше положенного времени. Дело в том, что нас ежедневно по утрам проверяли на вшивость. У большинства, конечно, никаких вшей не находили. А если и обнаруживалась какая-то там приبلудная, то после бани и смены нательного и постельного белья такие случаи встречались все реже и реже. Но, к несчастью, был среди нас курсант Мищенко, с которым вши расставаться не хотели; вошь у него находили ежедневно. Овдиенко пояснил однажды, что паршивая овца все стадо портит. «Хорошо еще, что Мищенко не конь, а человек, – говорил он, – а то бы пришлось командованию ежедневно представлять о нем донесение, вплоть до наркома обороны, как о ЧП». Когда в течение недели проверки оказались безрезультатными, наш карантин окончился – и мы были переведены в курсантский корпус, распределены по подразделениям и включены в общую учебную жизнь школы. В карантине мы немного втянулись в режим, освоились с непривычными условиями жизни, в общих чертах были ознакомлены с программой обучения и условиями военной службы. Младших командиров назначили к нам из числа курсантов старших курсов. От командира взвода и выше начальники были штатные – кадровые командиры и политработники. Воинских званий тогда в Красной армии не было, и начальников называли по занимаемым должностям: товарищ командир взвода, батареи, дивизиона и т. д. Знаки различия они носили по штатным категориям в виде кубиков и шпал на петлицах; младшие командиры носили соответственно треугольники, а высший командный состав – ромбы. На петлицах гимнастеров и шинелей курсантов красовались три желтые буквы «КАШ», что означало – Киевская артиллерийская школа.

Вот таким порядком началась моя военная служба, длившаяся более сорока лет: от курсанта военной школы до генерал-лейтенанта – первого заместителя командующего войсками военного округа. Самым памятным и самым важным в моей службе этапом была Великая Отечественная война Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов, участником которой мне пришлось быть от ее начала и до победоносного окончания.

Глава 2

Курсантские годы

1

Киевская артиллерийская школа имени П.П. Лебедева, курсантом которой я был зачислен с ноября 1933 года, размещалась в отдельном военном городке по Воздухофлотскому шоссе на окраине украинской столицы. Это место называлось Соломенкой. Рядом по направлению к аэродрому располагалась школа морских летчиков, а с другой стороны, на некотором отдалении, – 5-я пехотная школа.

Территория нашей школы была ограждена добротным забором с широкими въездными воротами, они круглосуточно охранялись нарядом и открывались по мере надобности. Рядом с воротами имелась калитка для прохода одиночек и небольших групп, следующих без строя по пропускам. Перед городком школы простирался обширный плац, служивший местом различных учебных занятий. Этот плац правым дальним углом примыкал к старому, недействующему кладбищу, поросшему деревьями и кустарником и служившему

прекрасным уголком для укромного времяпровождения местной молодежи и курсантов. К плацу подходил трамвай № 8, здесь была его конечная остановка. «Восьмерка» была единственным средством сообщения с центральными районами города. Трамвай всегда набивался пассажирами до отказа.

На переднем плане огражденной территории располагался главный корпус школы – старинное добротное трехэтажное каменное здание, где размещались курсанты. В этом вместимом здании находились: спальня, Ленинские комнаты, учебные классы, столовая, клуб с зрительным залом, спортивный зал и административные службы. В глубине городка – все остальное: манеж для занятий по конному делу, конюшни и открытые коновязи, артиллерийские парки, склады, котельная; в тыловой части было нечто вроде сада – овражистый участок с небольшими деревьями и кустарником. За пределами городка, вне огражденной территории, располагались флигели с квартирами начальствующего состава.

В этом военном городке, куда я вошел сугубо штатским человеком, мне довелось прожить полных три года и выйти из него кадровым командиром Красной армии, лейтенантом-артиллеристом.

И вот, после карантина, одетый с ног до головы в красивую военную форму с тремя буквами «КАШ» (Киевская артиллерийская школа), набитыми желтой краской на черных с красной окантовкой петлицах шинели и гимнастерки, обутый в начищенные до блеска юфтовые сапоги с металлическими подковками и звенящими шпорами, подпоясанный кожаным ремнем с латунной пряжкой, я почувствовал себя другим человеком. Недавнее мальчишество и студенческие вольности быстро вытеснились из моего характера. Я стал считать себя вполне серьезным человеком, обдумывающим все детали своего поведения, отдающим отчет за каждый поступок. Словом, ко мне пришло понятие, что теперь я по-настоящему человек государственный, целиком отдавшийся на службу своей великой Советской Родине и больше сам себе не принадлежу, моя судьба отныне определяется судьбой страны, судьбой того народа, которому призвана служить Красная армия.

По мере того как я знакомился с историей школы, с героическим прошлым и настоящим РККА, вникал в программу обучения и воспитания, в результате чего курсанты должны будут перевоплотиться в военных профессионалов, во мне все больше и больше утверждалось намерение преодолеть любые трудности и оправдать надежды тех, кто остановил свой выбор на мне, комплектуя школу курсантами.

В воображении смутно вырисовывались три длинных года учебы и трудной солдатской службы, через которые предстояло пройти, прежде чем прикрепить к петлицам два красных кубика и артиллерийскую эмблему и стать командиром взвода. Что придется пережить за эти три года и какая ждет меня командирская судьба после школы – над этим задумываться пока не приходилось: молодость была готова на все.

2

Школа представляла собой хорошо продуманный, четко организованный и прочно сложившийся воинский организм. Она состояла сначала из трех, а затем из четырех дивизионов, командования и управления, подразделений обслуживания и обеспечения. Имелся политотдел во главе с комиссаром школы, редакция и типография многотиражной газеты. Была хорошо оборудованная медицинская часть и, конечно, гауптвахта. Своей бани не было, и курсанты мылись по графику в гарнизонной бане три, кажется, раза в месяц.

Каждый дивизион делился на три линейные батареи и взвод управления. Во главе дивизионов стояли опытные и солидные командиры с тремя шпалами в петлицах: штатная категория, соответствовавшая должности командира полка. Батарея состояла из взводов, делившихся, в свою очередь, на отделения и орудийные расчеты. В батарее было три орудия: 122-мм гаубицы или 76-мм пушки. Позже появились и 152-мм мортиры. Тяга – конная: впрягалось по шесть коней в орудие. Командиры орудий, взводов и начальники постарше имели персональных верховых лошадей.

По строевому расчету школа представляла полностью укомплектованный по штату военного времени артиллерийский полк. В составе полка и его подразделений проходили тактические и тактико-строевые занятия с практической отработкой обязанностей личного состава, огневая служба, строевые занятия, конная подготовка и т. д. Собственно военной службой и занятиями по строевому и боевому расчету, воспитанием, привитием курсантам дисциплины и всевозможных навыков руководили командиры и политработники подразделений; их помощниками были командиры орудий и отделений, помощники командиров взводов и старшины батарей, назначавшиеся из курсантов старших курсов.

Теоретические занятия по всем дисциплинам проводились преподавателями: военные и политические предметы преподавали кадровые командиры и политработники разных служебных категорий, а общеобразовательные – штатские специалисты (вольнонаемные). Иностранные языки преподавали женщины.

За успеваемость, соцсоревнование, состояние дисциплины, боевую слаженность подразделений, внутренний распорядок, несение караульной службы и внутренний наряд несли ответственность строевые командиры. Они пользовались дисциплинарными правами, определенными уставом, имели право поощрять и наказывать подчиненных.

Практические занятия проходили преимущественно в районе артиллерийских парков, конюшен, в манеже и на плацу. На тактические учения и боевые стрельбы в составе дивизиона и полка выходили походным порядком на Дарницкий артиллерийский полигон. Маршрут проходил почти через весь город, что вынуждало по городу маршировать ночью. Местность на полигоне представляла собой бугристое плато, покрытое сыпучими и вязкими песками и сосновыми перелесками. На лето выезжали в Ржищевские лагеря, где был полный простор для всяких учений и стрельб.

Начальником школы первые два года моего в ней пребывания был высокообразованный и опытный артиллерист Алексей Иванович Гофе, носивший два ромба. На третий год школу возглавил известный в то время артиллерийский начальник Т.А. Бесчастнов. Комиссар школы – П.И. Мазепов. Во главе дивизионов стояли солидные и авторитетные артиллеристы Снегуров, Барсуков, Эрикайне.

Военно-теоретические дисциплины вели знающие и любящие свое дело, умеющие вложить в головы слушателей нужные знания высококвалифицированные методисты. Среди них нельзя не отметить таких, как Стрельбицкий – преподаватель тактики артиллерии, Муфель, излагавший теорию устройства орудий и порохов, теоретические основы артиллерийской стрельбы, Брысов, возглавлявший преподавание военной топографии. Он был известен не только как отличный специалист и беззаветный любитель своей специальности, но и как изобретатель знаменитого брысовского круга, облегчавшего подготовку исходных данных для стрельбы, – нечто вроде малой механизации. Видное место занимали и пользовались всеобщим уважением также Коханский, Сухоруков, Ведонеев, Самойлов и др. Все они буквально вкладывали душу, прививая своим питомцам любовь к артиллерии и давая глубокие и прочные знания по этому ведущему в школе предмету.

До поступления в военную школу я имел определенную общеобразовательную подготовку. Поэтому по точным и гуманитарным наукам учился легко и порой без должного интереса. На таких занятиях поначалу я не находил ничего нового и на уроках умудрялся читать художественную литературу и не вести конспектов. Достаточно сказать, что за три года учебы мне удалось прочитать сто один объемистый роман. Чтение на уроках, главным образом на лекциях, и отсутствие у меня конспектов приносили немало неприятностей, хотя я сдавал зачеты и экзамены успешно – выручала память.

Что касается новых для меня, военных предметов, то они меня захватывали, вызвали значительный интерес и поглощали с головой. Особенно полюбились такие темы, как устройство артиллерийских систем, порохов, теория стрельбы, военная топография, военно-химическое дело, ветеринария, история Гражданской войны и некоторые другие. К изучению, скажем, теории стрельбы предварительно подводили разделы из высшей математики: теория вероятностей, теория ошибок и т. д. Изучение военной топографии

начиналось, к примеру, с общей характеристики земной поверхности, магнетизма, вращения Земли, естественного рельефа местности, географических и геодезических данных. Это развивало любознательность и привлекало большой интерес к изучаемому предмету.

3

После карантина я попал курсантом взвода управления 2-го дивизиона. Командовал взводом очень старательный, немного суетливый и предельно подвижный блондин лет двадцати восьми – тридцати, по фамилии Садовой. Бросалось в глаза, что он до умопомрачения боялся начальства, но в обращении с подчиненными курсантами проявлял высокомерие и несдержанность, как бы любуясь своей властью над людьми. Это приводило к поспешности в отдаваемых приказах и оставляло неприятный осадок; его не полюбили курсанты с самого начала, но, как ни странно, не боялись. Вследствие этого он нередко попадал в неловкое положение: над рядом его поступков подсмеивались откровенно и беззастенчиво. Главной же его слабостью была привычка при любом замечании в его адрес старших начальников сваливать вину на подчиненных. Таких людей не уважают ни начальники, ни подчиненные. Чаще всего выигрывают те, кто вину подчиненных смело принимают на себя, не боясь ответственности, как бы ограждая подчиненного от наказания старшими начальниками, а с провинившимся подчиненным уж сами выясняют отношения. Садовой не обладал такими качествами и потому, по-видимому, почти не продвигался по службе многие годы старательной службы, считая такое положение несправедливым, и вынашивал обиду, которую невольно вымещал на подчиненных. Дивизионом командовал Михаил Михайлович Барсуков, носивший три шпалы. Он отличался всегдашней серьезностью, неразговорчивостью и казался сухим и суровым. Все у него получалось неторопливо и капитально. Если что-либо внушал подчиненному, то делал это своеобразно: не повышал голос, не выговаривал, не упрекал, а тихо и монотонно задавал нудные вопросы один за другим; лучше бы выругал или наказал. Помнится такой случай. Куда-то я стремительно бежал по коридорам, толкая встречавшиеся двери плечом. Проскакывая одну из дверей, я неожиданно столкнулся с Барсуковым лоб в лоб и проскользнул раньше начальника, не уступив ему дорогу, что являлось грубым нарушением если не дисциплины, то субординации; во всяком случае, это был дерзкий, недопустимый поступок. Так поступил я не умышленно, конечно, а второпях, механически, не успев сориентироваться. Командир дивизиона меня остановил, вернул и потребовал повторить встречу с начальником, но уже по всем правилам. Затем состоялся такой диалог.

- Почему вы не уступили мне дорогу?
- Не заметил, товарищ командир дивизиона.
- А почему не заметили?
- Торопился.
- А почему торопились? Куда?
- На построение. Боялся опоздать.
- А почему боялись? Вы трусливы?
- Мало оставалось времени. Я не труслив, но не хотел иметь неприятности.
- А почему оставалось мало времени? От кого неприятности?

Своими вопросами и тоном, каким он их ставил, воспитатель завел меня в тупик. Вдоволь натешившись моей растерянностью, он постоял некоторое время, глядя на провинившегося юнца пронизывающими глазами, и отпустил, приказав, с подчеркнутой вежливостью, доложить о случившемся и полученных замечаниях своему непосредственному начальнику – командиру взвода Садовому. Пришлось выполнить неприятное приказание и получить от отчаявшегося Садового жуткий нагоняй; дело обошлось без дисциплинарного взыскания только потому, что Садовой посчитал это неуместным, поскольку командир дивизиона не приказал наказать меня.

Михаил Михайлович Барсуков два года был командиром дивизиона, в котором я

состоял курсантом сначала взвода управления, а потом 5-й батареи под командованием Алексея Михайловича Манило. Много раз за это время Барсуков имел со мной дело. Мы встречались и впоследствии, через многие годы, когда я был уже полковником на войне, а он командующим артиллерией и членом Военного совета Западного фронта, генерал-полковником артиллерии. Последние годы он служил в Главной инспекции Министерства обороны, и в бытность мою начальником штаба и первым заместителем командующего военным округом мы встречались как старые знакомые и часто беседовали по душам. Он всегда считал меня своим воспитанником и говаривал об этом при случае.

Первые месяцы пребывания в школе я испытывал определенные затруднения морального порядка; были некоторые симптомы, порождавшие неуверенность в том, что удастся удержаться в школе и окончить ее. Вот один из таких симптомов.

Зачислив курсантами, нас продолжали досконально проверять. Проверяли не только способности и здоровье, но и социальное происхождение. В результате проверки кое-кто из моих однокашников был отчислен преимущественно по мотивам социального происхождения; у одного выявился факт скрyтия им раскулачивания деда, у другого выяснился факт судимости брата или другого родственника, у третьего – имевшийся в свое время батрак у родителей и т. и. Выяснено это было путем посылки представителей школы по местам проживания родителей для проверки анкетных данных на месте. Меня эта сторона дела не беспокоила, хотя впоследствии стало известно, что и на мою родину приезжал человек с такой задачей. Беспокоило другое. Я оставил студенческую скамью в институте, поступив в армию фактически самовольно, без согласия горкома комсомола и комсомольского комитета института, членом которого был избран. Они официально не могли запретить мне поступить в военную школу, но посчитали оставление института нежелательным. Этого я не учел и поэтому с комсомольского учета снят не был. А в военные школы тогда принимались лишь коммунисты и комсомольцы; я поступил как член ВЛКСМ. Стали ставить на комсомольский учет, но моей комсомольской учетной карточки не было. Пришлось обратиться в Нежинский горком комсомола с просьбой выслать документ, подтверждающий мою принадлежность к комсомолу. Ответ не обрадовал: «За самовольное оставление института и убытие без снятия с учета из комсомола исключен...» – гласила официальная бумага. Это влекло неперемное отчисление из школы. Куда податься? В институт я возвратиться не мог, пропустив около двух месяцев учебы. Да и самолюбие не позволяло являться с повинной. А исключение из комсомола не вселяло надежды на восстановление в правах студента. В поисках выхода я написал откровенное письмо первому секретарю ЦК комсомола Украины Андрееву. И это решило дело: вскоре из Нежина в политотдел школы пришла моя учетная карточка и меня поставили на учет.

Учиться мне было легко. Из всех предметов на первых порах давалась тяжело только физическая подготовка; до школы я систематически физкультурой не занимался, а поэтому оказался немощным. Пришлось наверстывать упущенное самостоятельными тренировками до изнеможения. Давалось мне это дело медленно и трудно. Лишь со временем я смог выполнять положенные по программе сложные упражнения на турнике, брусьях, кольцах, коне. Короче, потребовались месяцы упорного труда за счет свободного времени, чтобы подтянуться до требуемого уровня. И все же физическая нетренированность принесла мне впоследствии серьезную неприятность. Прошла примерно половина первого года обучения. Школа находилась в Ржищевских лагерях, где проводились тактические учения и боевые стрельбы. Командование школы должно было представить в округ сведения о сдаче норм ГТО. Но этот вопрос по какой-то причине упустили и решили по-пожарному организовать сдачу норм без должной предварительной подготовки. Во второй половине жаркого дня нас вывели на исходный рубеж в трусах и майках и приказали бежать по трассе 5 километров. Кросс засчитывался тем, кто пробежит дистанцию, кажется, за 22 минуты. И мы побежали. Параллельно бегущим гарцевал на горячем коне заместитель начальника школы М.А. Буковский: он контролировал бег и подбадривал бегущих, зная, что нас к этому не тренировали и не готовили. Для меня лично этот кросс обернулся тяжелым испытанием:

на второй половине дистанции в животе что-то стало подниматься вверх и давить под ребрами; давило все сильнее и сильнее до невыносимости, затрудняло дыхание, сердце готово было вырваться из грудной клетки. Появилась мысль сойти с дистанции, остановиться и отдышаться. Но, стараясь пересилить боль и не подвести товарищей и начальство, я подпихивал кулак поочередно то под правое, то под левое ребро, как бы преграждая путь чему-то тому, что, поднимаясь снизу, невыносимо давило под ребрами. И бежал; бежал. Достигнув с невероятным трудом финиша, лег на землю и постепенно преодолел перебои дыхания и сердцебиения. В норматив по времени я вложил и норму ГТО по бегу сдал.

Через некоторое время в школе организовывался авиационный факультет, предназначавшийся готовить артиллерийских летчиков-наблюдателей, способных наблюдать с самолета цель, места разрывов своих снарядов и корректировать стрельбу по ненаблюдаемым с земли объектам. Отбирали курсантов для этого факультета со вторых курсов. Годность по состоянию здоровья была главным критерием. Проходил врачебную комиссию и я. Но меня забраковали, обнаружив значительное расширение сердца – последствия кросса. Я не стал летнабом, а расширение сердца осталось на всю жизнь.

Вернемся, однако, во взвод управления 2-го дивизиона, куда я был определен после карантина, о чем упоминалось выше.

4

По строевому расчету меня определили коноводом к командиру дивизиона Барсукову. Это была моя первая военная должность.

Командир взвода Садовой долго и подробно меня инструктировал, внушая важность обязанностей коновода; главное – понравиться начальнику. В мои обязанности входило: при подъеме по тревоге я должен был стремительно бежать на конюшню, седлать коня командира дивизиона и своего и ехать к квартире Барсукова, будить его, а когда он выйдет, поддержать стремя, чтобы начальнику было удобнее сесть верхом, затем быстро садиться на своего коня и следовать позади начальника, куда бы он ни ехал. Когда начальник спешивается, моя задача – предупредить его в этом, держать коня и подавать его снова, как только потребуется. Перед тем как вести коня без седока, стремяна должны быть подтянуты плотно к седлу, чтобы не болтались, а перед посадкой следует отпустить их на должный уровень, измерив пуглице по длине руки. Все это я уяснил, но был огорчен такой непривлекательной должностью: она мне казалась холуйской и унижительной; с самого начала я искал способ отделаться от такой роли. Но как? Просто отказаться было бы недопустимой дерзостью. Размышления привели к решению повести себя так, чтобы Барсуков сам от меня отказался. И это удалось.

С объявлением первой же тревоги я все делал вопреки полученной инструкции. Оседлав комдивовского Богатыря, серого в яблоках великана, и сев на своего Донца, я поехал к флигелю, где жил Барсуков; постучал в окно и стал дожидаться, не спешившись. Стремяна у седла на Богатыре были подтянуты, и я их отпустить не удосужился.

Командир дивизиона вышел, натягивая на ходу лайковые перчатки, посмотрел на меня продолжительно с еле уловимой улыбкой, подошел к Богатырю, попробовал подпруги, отпустил стремяна и с необыкновенной ловкостью поднялся в седло. Мы поехали на плац, где ожидал своего командира построенный дивизион. Я держался рядом с начальником, следуя слева. Он подозрительно и с явным любопытством косил на меня левым глазом. Я не забыл, что при приближении к фронту дивизиона мне надлежало отстать и свернуть к флангу строя, но, умышленно этого не сделав, продолжал ехать рядом с Барсуковым.

Вот мы выезжаем на плац, следуем перед строем; комдив останавливается, поворачивает послушного коня головой к строю и здоровается. Я делаю то же самое, но, конечно, молча; поднеся руку к головному убору.

Комвзвода Садовой, стоящий в строю верхом, неистово, но так, чтобы это не было

слишком заметно, подает мне знаками требование немедленно удалиться. Но я прикидываюсь протачком, не понимаю, в чем дело, и продолжаю свое.

Дивизион выступает на марш. Барсуков пропускает колонну мимо себя; я тут же рядом с ним, а не позади. Потом он обгоняет дивизион размашистой рысью и какое-то время едет во главе его. Затем снова съезжает с дороги, становится лицом к проходящей колонне, осматривая ее от головы до хвоста. Я не меняю избранную тактику. Садовой кипит, но покинуть строй и отозвать меня для надира не смеет. А Барсуков молчит, будто не замечая моей дерзости.

На первом же привале я был смещен с должности коновода, как не справившийся с обязанностями. За сорокалетнюю службу в армии это было единственное снятие меня с должности; огорчаться не следовало, так как снят я был без понижения: понижать некуда, ибо более низкой должности не было. Меня лишили персонального коня и направили во взвод для следования пешим порядком. А несчастный комвзвода Садовой получил от комдива нагоняй и замечание за неудачный подбор коновода.

Меня определили в отделение связи коммутаторщиком, проинструктировали и вручили технику: коммутатор «КОФ». Это была небольшая коробка с плечевым ремнем. Аппарат рассчитан на шесть номеров и использовался для управления огнем дивизиона: к нему подключались телефонные провода, соединяющие наблюдательные пункты батарей с наблюдательным пунктом дивизиона. Я должен был слушать подаваемые команды и повторять их для абонентов, переключая то и дело соответствующие кнопки. Дело простое, и освоить его не представляло труда.

На одном из учений на Дарницком полигоне комдив ехал на своем Богатыре быстрой рысью из района огневых позиций на НП. Поравнявшись с местом, где я сидел со своим «КО-Фом», Богатырь попал в занесенную снегом песчаную траншею, свалился, перевернувшись через голову, и повредил себе передние ноги. Барсуков ловко вывернулся из-под падающего коня, но все же здорово ушибся и не мог подняться. Я кинулся к нему, глубоко утопая в мягком снегу, перемешанном с песком, и помог командиру подняться, отряхнул с него снег, поправил съехавшее с плеч снаряжение, отыскал оброненный бинокль. За этот подвиг мне была объявлена устная благодарность.

Через некоторое время меня назначили командиром отделения связи. Таким образом, я стал уже не просто курсантом, а начальником, командиром, имеющим в подчинении своих сокурсников и товарищей.

За время обучения в школе я занимал ряд должностей младшего комсостава: после командира отделения связи я был командиром вычислительного отделения, подготавливавшего исходные данные для стрельбы с использованием измерительных инструментов, специальных таблиц и полевого планшета; был командиром орудия, помощником командира огневого взвода. Командирская должность, конечно, приносила лишние хлопоты, взваливала на курсанта дополнительную нагрузку и ответственность, но была полезной: давала определенную командирскую практику, прививала навыки работы с людьми, учила пользоваться предоставленной властью, развивала чувство ответственности; создавала хоть маленький, но авторитет. Курсантам, занимавшим должности младших командиров, платили рублей на пятнадцать больше в месяц, чем рядовым курсантам. А главное, они, как правило, имели закрепленных коней и в походах, на стрельбах и учениях ездили верхом, а не ходили пешим порядком, что немаловажно.

На тактические учения и для проведения боевых артиллерийских стрельб мы выходили зимой на Дарницкий артиллерийский полигон, где буквально утопали в песках, перемешанных конскими ногами и колесами орудий с сыпучим снегом, а летом выезжали на Ржищевский полигон, добираясь туда по Днепру на баржах. Там мы проводили в напряженной учебе почти все лето.

Если Дарницкий полигон отличался песками и огромным сосновым лесом, затруднявшими передвижение и ограничивавшими видимость, так нужную артиллеристам, то Ржищевский полигон имел свои особые условия: песчаные бугры, поросшие кустарником

вроде лозняка; между буграми – болотистые впадины с массой малярийных комаров. Огромные желтые насекомые нас буквально заедали; работать на планшете ночью из-за них было настоящей пыткой: при освещении планшета фонарем, без чего работать нельзя, они сплошной массой облепливали лицо, шею, руки, лезли в глаза, нос, уши, рот, противно звенели и очень болезненно кусали. Проведешь по щеке или лбу рукой – и сгребает липкие ломти грязи, образовавшиеся из смятых насекомых. Большая часть побывавших там курсантов переболела малярией. Заболел и я. Эта скверная болезнь протекала в тяжелой форме: сначала поднималась высокая температура, делавшая человека беспомощным, угнетала и высасывала силы; болела голова, бросало в дрожь. Постепенно болезнь переходила в хроническую и не отпускала годами: время от времени проявлялась приступами – повышенная температура, дрожь тела, ощущение зябкости, потеря аппетита. Она провоцировалась при охлаждении или перегреве тела, отдельными видами пищи: дыня, спелые помидоры, виноградное вино и т. д. Лично меня малярия преследовала лет десять; она исчезла незаметно во время войны на фронте, видно не выдержав тягот фронтовой жизни. Медицинская служба старалась лечить больных и проводила профилактические мероприятия: хинизация тогда была единственным средством борьбы с этим коварным заболеванием, и то малоэффективным. Всех нас поили жидкой хиной – самая противная процедура, какие я только знал. Давали хину и в порошках. Это только приглушало болезнь какое-то время, но не избавляло от нее.

Мне, как пострадавшему от малярии, показалось, что принимаются не все меры для избавления людей от этого несчастья. И вот я написал фельетон и послал в газету «Красная звезда». Фельетон назывался «СОН». В нем говорилось, что однажды в малярийном бреду мне приснился начальник Центрального медицинского управления Красной армии. Будто его принес в зубах к нам на полигон исполинский малярийный комар. В иронической форме излагались всяческие приключения в борьбе высокопоставленного медика с малярийным гигантом; побеждал комар, а не человек, вооруженный медицинской наукой. Фельетон не был напечатан, но из Москвы прибыла специальная комиссия для расследования и принятия мер на месте. Последовали конкретные мероприятия; стали заливать нефтью с самолетов болотистые места, как первоисточники комариного нашествия. В результате комаров заметно уменьшилось, меньше стало маляриков.

Здесь уместно вспомнить и о другом моем фельетоне, направленном на борьбу за справедливость и защиту человеческого достоинства. Дело было так.

Первые месяцы нас не пускали в городской отпуск: на всю школу был наложен общий карантин в связи с какой-то эпидемией среди местного населения – грипп или что-то другое, вызывавшее массовое заболевание. Всю зиму мы не выходили за ворота школы, кроме как в баню, на учебный плац или на полигон, и то только в строю. Впервые разрешили увольнение, кажется, в апреле. Порядок бытовал такой: желавшие пойти в город после завтрака до обеда или после обеда до отбоя, а иногда и на целый день записывались у командира отделения, и список передавался старшине батареи; старшина докладывал командиру батареи на утверждение. Уходящим выдавались увольнительные записки. Старшина выстраивал увольняемых, тщательно осматривал и инструктировал правилам поведения в городе, а затем строем вел их к дежурному по школе. Тот тоже придирчиво осматривал внешний вид, проверял на выдержку знание правил поведения и давал разрешение на выход строем за ворота. Пройдя ворота, строй распускали; курсанты стремглав бросались к трамваю, силой вталкивались в переполненный обычно вагон и ехали в центр города, где и бродили: кто просто шлялся по Крещатику, кто шел в кино, кто в парк, а кто к знакомым или родственникам. Для наблюдения за поведением курсантов в городе назначались командиры подразделений; это же входило в обязанности всех начальников, оказавшихся на улицах и в общественных местах. Прогуливавшемуся курсанту приходилось смотреть в оба, чтобы вовремя увидеть старшего и первым отдать честь или не быть замеченным с папиросой в зубах.

Пошел и я в первое увольнение. Собственно, идти было некуда; родственников и

знакомых у меня в городе не было, я просто решил пошататься по Крещатику, посмотреть его достопримечательности. Возвращаюсь и по установленному правилу иду к дежурному по школе с докладом о возвращении и что за время моего нахождения в городском отпуске замечаний и предупреждений не имею. Дежурный приказывает идти в санчасть на санитарный осмотр. Иду – раздеваюсь до пояса и подвергаюсь осмотру на вшивость; проверка, не принес ли в школу городскую вшу. Не принес. Делают отметку в увольнительной записке, это дает право идти в подразделение.

Давно заведенная в школе неприятная процедура ни у кого не вызывала протеста, но меня она возмутила и толкнула написать первый в жизни фельетон (это было раньше фельетона о комарах). Ни с кем не посоветовавшись, тайком от товарищей и начальства пишу фельетон под названием «Вошь и санчасть». В нем язвительно, в сатирической форме высмеивался порядок возвращения курсанта из увольнения: факт проверки на вшивость рассматривался как унижение достоинства советского человека, недоверие к нему; косвенное оскорбление киевлян, с которыми могло быть общение уволенного курсанта. Послал свое творение в окружную газету. Мне не верилось, что фельетон может быть опубликован, но думал таким путем добиться отмены унижительного осмотра на вшивость, хотя, кажется, никто, кроме меня, не считал это унижительным и неправомерным. Прошло несколько дней, я уже было чуть ли не забыл о фельетоне, как случайно встретился в коридоре с комиссаром школы П.И. Мазеповым. знавшим меня в лицо. Вместо ответа на приветствие, комиссар остановил меня с необычной для него веселостью:

– Это ты разделал в фельетоне под орех наши порядки? Ну и молодец! – Он залился хохотом, хватаясь за живот и покровительственно похлопывая меня по плечу.

Я, конечно, смутился и побежал за газетой. Фельетон действительно был напечатан полуподвалом на внутренней странице газеты. Вскоре осмотр на вшивость побывавших в городе курсантов отменили без всяких словопрений.

И вот вызывает меня к себе в кабинет комиссар школы, минуя всю лесенку прямых начальников, и говорит:

– Остроумный фельетон у тебя получился. – Обращение на «ты» должно было означать знак особого внимания. – Давно так не смеялся. У тебя, брат, сатирический талант. Учись этому щепетильному делу. При окружном Доме Красной армии есть литературное объединение, занятия проводятся по субботним вечерам. Я записал тебя туда; ходи заниматься.

Я так и поступил. Занятия в объединении дали мне возможность близко видеть и слушать многих украинских писателей: Тардова, Ивана Ле, Качуру, Л. Первомайского, П. Усенка, П. Тычину, З. Тулуп и др. Общим руководителем был Тардов, а непосредственно занимался с нами писатель Коваленков, известный в те времена под именем Косарик.

Я аккуратно посещал занятия до окончания школы и понемногу пробовал писать стихи.

Командир взвода Садовой выказывал явное недовольство моим участием в этом далеком от курсантских обязанностей мероприятии: ему не нравилось еженедельно отпускать меня в город.

Как-то проводился семинар молодых писателей Украины и я был приглашен в нем участвовать, нужно было два дня отсутствовать в школе. Садовой воспротивился отпустить меня с пропуском учебных занятий. Пришлось обратиться к комиссару школы. Мазепов приказал не чинить мне никаких препятствий. Слухи об этом распространились среди курсантов, и меня стали считать чуть ли не писателем.

Военную присягу мы принимали в первый год обучения в День Красной армии. На площадь привели молодых курсантов всех киевских военных школ, выстроили у памятника Богдану Хмельницкому. Правда, памятник виден не был: его обшили досками, укрыв от глаз будущих командиров; он в те времена не пользовался уважением, как атрибут старого строя. Кто-то читал вслух текст присяги, а мы повторяли хором.

После отстрела начального упражнения из винтовки и принятия присяги нас стали назначать в караул, сначала во внутренний, а потом и в гарнизонный. Несение караульной

службы, особенно гарнизонной, считалось большим доверием, было облачено какой-то таинственностью и приравнивалось к выполнению боевой задачи. Поэтому мы шли в караул с большим душевным волнением и старались не заснуть на посту, не допустить ошибки при смене с поста или при проверке бдительности.

Курсантская жизнь, насыщенная разными событиями, все же казалась протекающей медленно, и до окончания школы была целая вечность. А тут еще при школе организовали краткосрочные курсы по подготовке командиров взводов, получавших после их окончания по одному кубуку в петлицу, что соответствовало будущему званию «младший лейтенант». Наиболее слабо успевающих курсантов отчислили из школы и послали на эти курсы; через полгода они окончили курсы и стали командирами. Мы это считали несправедливым по отношению к нам и завидовали счастливым.

Как бы ни был переуплотнен распорядок дня, я находил время много читать. Начитавшись разных романов и под их влиянием, я вздумал переменить свое положение. Решаю предпринять шаги, чтобы перейти из артшколы в военно-инженерную академию. И вот тайком от всех пишу письмо начальнику военно-учебных заведений РККА Е.С. Казанскому: прошу и по-своему обосновываю просьбу – перевести меня слушателем академии. Я высказал готовность сдать вступительные экзамены даже по конкурсу. Написал и послал.

Ответа долго не было. Начались переводные экзамены за второй курс. В округе в это время проводились большие маневры. Школу послали собирать парашюты при выброске воздушного десанта. Там я впервые увидел многих прославленных в Гражданскую войну военачальников, занимавших высокое положение в армии: К.В. Ворошилова, командующего войсками Украины и Крыма Якира, его заместителя Дубового, члена Военного совета округа Амелина и др. Видел и военных представителей иностранных армий.

Как только вернулись в школу, ко мне подошел Садовой и, отведя в сторону, заговорщицким голосом спросил, зачем меня вызывают в Москву. Чувствовалось, что взводный обеспокоен. Я вспомнил письмо к Казанскому, но сделал вид, что ничего не знаю. Вокруг меня началась всякая возня, перешептывание; выдали новое обмундирование, тщательно подогнав по моей фигуре, а шинель спешно пошили новую по командирскому покрою. Совсем не поношенные хромовые сапоги, выданные как выходные, тоже заменили на новенькие. Командировочное предписание мог подписать только начальник школы, но он был на маневрах. Пришлось ждать. Поэтому я смог уехать с недельным опозданием. Меня заботливо провожали, на вокзал отвезли на машине; сам Садовой сопровождал до вагона.

Приехал в Москву. Прихожу на улицу Фрунзе, 19, по указанному в предписании адресу. Там, в белом здании с колоннами, мне предстояло предстать перед начальником УВУЗ Казанским, носившим четыре ромба. Это волновало и бросало чуть ли не в дрожь. Охватило такое чувство, что я с радостью вернулся бы в школу. Но отступления не было. Получаю пропуск и захожу в огромный подъезд с массивными дубовыми дверями: часовые, проверка пропуска, официальность – все это как-то давило и возбуждало воображение. Поднимаюсь на второй этаж и иду по длинному коридору, смотрю на номера кабинетов и читаю надписи над дверями. Вот кабинет начальника Главного политического управления Я.Б. Гамарника. Стараюсь ступать тихо, не нарушая торжественной тишины.

Вот и кабинет Казанского: дверь полуоткрыта. Захожу в приемную, стараясь не выказывать волнения. Миловидная молодая женщина встретила вежливо, с приятной улыбкой; предложила сесть, дала журнал и кипу газет.

– Подождите немного, – сказала она. – Вас сейчас примут.

Секретарша скрылась за дверью другой комнаты, обитой дерматином. Вскоре она возвратилась и вышла из приемной. Вернулась и снова пошла в кабинет начальника с папкой в руках. Выходя, она оставила дверь открытой.

– Заходите, – сказала она с нескрываемым сочувствием, – представьтесь по всем правилам.

За столом сидел солидный и красивый мужчина средних лет, в отутюженной военной

форме с двумя ромбами на петлицах. Нетрудно догадаться, что это не Казанский. Я вытянулся и стал представляться. Но он неторопливо поднялся, вышел из-за стола и протянул мне руку, не дав закончить рапорт. Предложив мне садиться, начальник снова сел за стол. Перед ним лежали бумаги, одна из которых была мне знакома – мое письмо Казанскому.

– К сожалению, – проговорил он мягким, приятным голосом, – вас не может принять товарищ Казанский, он срочно уехал в Ленинград. Жалел, что не увидится с вами. Поручил мне, его заместителю, принять вас и от его имени переговорить. Вас это не очень огорчает? Начальник УВУЗ понимает вашу просьбу, – продолжал заместитель, перелистывая мое длинное письмо с какими-то пометками. – Но это считается нецелесообразным. Судя по письму, не приходится сомневаться, что вы успешно сдадите экзамены в академию. Да вас туда можно зачислить и без экзаменов. Но поймите, – это ничем не оправдано. Мы берем в академии и гражданскую молодежь, на некоторые факультеты. В кандидатах недостатка нет. Но какой смысл брать вас из артшколы и засаживать на пять лет за учебу? Через год вы артиллерийский командир. Стоит ли лишать армию молодого командира без серьезных на то оснований? Конечно же нет.

Товарищ Казанский высказал пожелание, чтобы вы по-прежнему продолжали учебу в артшколе и успешно закончили ее. Он будет следить за вашей учебой. По окончании школы начальник Управления приглашает вас заехать к нему представиться уже в роли артиллерийского командира; он обязательно хочет видеть вас через год. Надеюсь, вы меня поняли?

– Так точно, понял, – ответил я невесело, уяснив, что затея с академией рухнула.

– Ну вот и хорошо, договорились. Я так и доложу товарищу Казанскому, – заметил высокий собеседник. – Передайте привет и наилучшие пожелания от товарища Казанского и меня товарищу Гофе. Доложите ему о нашей беседе. Разрешаю вам пару дней провести в Москве: сходите в театр, кино или еще куда. А потом поедете. Где вы остановились?

– Пока нигде. Да устроюсь как-нибудь.

– Зачем же как-нибудь? Поезжайте в гостиницу Центрального дома РККА. Место для вас найдется, администратор получит указания, – заключил беседу начальник.

В приемной секретарша вручила мне билеты в два театра и проводила до лестницы.

В поезде я обдумал свой поступок задним числом и пожалел о нем. Меня мучила совесть: ведь, обращаясь с письмом непосредственно к начальнику УВУЗ, я грубо нарушил уставные требования, действуя через головы своих ближайших прямых начальников. Придется держать ответ, если дело получит огласку. Теплый же прием в Москве немного успокаивал. Я решил доложить о причинах вызова и содержании беседы только начальнику школы и комиссару, хотя по правилам субординации должен доложить непосредственному начальнику – командиру взвода.

Прямо с вокзала являюсь в кабинет начальника школы. Постучался и, не дождавсь ответа, резким движением открыл дверь и шагнул.

В ответ на стук А.И. Гофе шагнул мне навстречу, и мы столкнулись лбами. Я растерялся и дал задний ход, отступив за порог. Начальник школы возвратился в кабинет и позвал меня, успокаивая. Он уже знал о беседе со мной в Москве и как она возникла, поэтому мне не пришлось подробно докладывать.

Пока я ездил, в школе шли переводные экзамены, и я вынужден был пропустить несколько предметов. Как быть? Сдавать особо не хотелось, да и время было упущено. Начальник учебного отдела Любимов распорядился засчитать мне экзамены по средним показателям. Это меня вполне устраивало, поскольку средние годовые показатели были высокие. Таким образом, я был переведен на третий курс без экзаменов.

программы, проходили стажировки в частях на должностях среднего командного состава, проводились зачетные стрельбы боевым снарядами и тактические учения, шилось выпускное командирское обмундирование, готовились служебно-боевые характеристики на будущих командиров.

Школу часто поднимали по боевой тревоге и выводили на полигон. Поднимут часа в четыре утра и ведут на преждевременный завтрак. Кормят усиленно и рекомендуют съесть несколько граммов соли; это, дескать, должно уменьшить жажду на марше в жаркий день: нужно только стойко вытерпеть первый ее приступ. Каждый имел флягу с водой для полоскания рта и смачивания пересохших губ, но не для питья, ибо вода в жару не утоляет жажду, а, наоборот, усиливает ее, человек исходит потом и быстро истощает силы. Преимущественно на рассвете мы шли походным порядком по городу, проходя коммунальный мост через Днепр в Дарницу. Путь долог, поэтому в центральном районе Киева устраивался малый привал, на котором курсанты сбивались в небольшие группы, курили, рассказывали анекдоты, обменивались шутками. Все это быстро восстанавливало силы и повышало настроение.

При проведении стрельб боевым снарядами своеобразно прививалась определенная ответственность за экономию народных средств. На выполнение упражнения выделялась строго обоснованная норма снарядов, рассчитанная на безошибочную подготовку исходных данных и умелую пристрелку цели. Стреляющий курсант получал боевую задачу пристреляться и перейти на поражение; скажем, уничтожить группу пехоты или подавить пулеметную точку. Указывалась на местности конкретная цель. Курсант, зная условия упражнения и руководствуясь курсом огневой подготовки, выступал в роли командира батареи: он должен был глазомерно подготовить исходные данные для стрельбы, подать команды на огневую позицию, одним орудием пристрелять цель по наблюдениям знаков разрывов и затем перейти на поражение взводом или батареями. Лишний, то есть необоснованно выпущенный, снаряд резко снижал общую оценку стрельбы, а сэкономленный, соответственно, повышал ее. Приучая нас к экономному расходованию снарядов, приводили такой довод: один, дескать, 122-мм снаряд равен стоимости колхозной коровы. Следовательно, напрасно выпущенный снаряд – это выброшенная на ветер колхозная корова.

Мне довелось стрелять именно 122-мм батареями и экономить не только корову, но и время на подготовку данных, что дало повод чувствовать себя в этот день чуть ли не героем, получив отличную оценку.

Как-то начальник школы объявил боевую тревогу не ночью, как обычно практиковалось, а во второй половине дня, под конец мертвого часа. Шинели висели на вешалке в коридоре, а хлястики от них были в прикроватных тумбочках спального помещения. Такой порядок возник стихийно и давно. Кто-то потерял хлястик и встал в строй без него, нарушив форму одежды, за что получил дисциплинарное взыскание. Тогда он украдкой снял хлястик у соседа и прицепил на свою шинель. Пошла цепная реакция: курсанты снимали хлястики один у другого. Чтобы не иметь неприятности, мы, вешая шинели на вешалку, сами снимали хлястики и уносили в прикроватные тумбочки. Поднятые по тревоге, большинство курсантов второпях забыли захватить хлястики и встали в строй без них. Начальник школы наблюдал прохождение батарей, стоя у проходных ворот, и обратил внимание на отсутствие хлястиков на наших шинелях. Мы тут же были возвращены в казарму. Начальник школы не стал, вопреки ожиданию, ни распекать, ни агитировать за порядок: он распорядился сшить несколько десятков запасных хлястиков и держать их у дежурных по подразделениям в специальных ящиках; их можно было брать любому и в любое время. Это было простое и мудрое до гениальности решение – хлястики больше не пропадали и не было нужды снимать их с шинелей; из ящиков не был взят ни один хлястик, так как все хлястики оказались налицо. Неприятное явление исчезло само по себе.

Говоря о тогдашней военной школе, нельзя обойти и так называемый женский вопрос. Да, именно женский вопрос. А он имел в жизни курсантов немаловажное значение. Можно

выразиться так: если хочешь заставить молодого мужчину по-настоящему уважать женщину, лиши его на какое-то время возможности общения с ней. И это так.

В школе нам не часто случалось встречаться с женщинами и редко пользоваться их обществом в свободной обстановке. Поэтому многие из нас смотрели на девушку или на молодую женщину как на какое-то высшее, почти недоступное существо, чувствовали неловкость и смущение в их присутствии, не находили, что сказать, и нередко, как бывает в таких случаях, говорили не то, что следовало, иногда даже глупость. Как упоминалось выше, первые месяцы нас вообще не пускали в городской отпуск, а когда увольнение было разрешено, то отпускали по выходным дням на короткое время лишь небольшой процент желающих. Не все могли в незнакомом городе завести знакомство с девушкой, а тем более сдружиться: это удавалось лишь немногим из наиболее расторопных и умелых в таком тонком деле. В самой же школе женщины работали, конечно, в библиотеке и магазине, официантками в столовой. По сравнению с курсантской массой это были единицы. Да и те преимущественно замужние или в возрасте, курсанты для них интереса не представляли. Молодые девушки из официанток предпочитали сдружиться с курсантами выпускного курса, завтрашними командирами, и выйти за них замуж после выпуска; для этого они и устраивались в школу официантками на короткое время. Заведующий столовой пожилой старшина Поволоцкий с каждым выпуском впадал в отчаяние: почти все молодые официантки выскакивали замуж и уезжали; приходилось спешно набирать новых.

Чтобы дать нам возможность хоть изредка общаться с девушками в здоровой обстановке, время от времени в клубе школы устраивались вечера с танцами. На эти вечера курсантам разрешалось приглашать знакомых девушек; им выдавались пропуска для входа на территорию школы, если встречал у проходной пригласивший. В такие дни можно было наблюдать у ворот большую очередь киевских красавиц. И все же имел подругу далеко не каждый. Иногда наблюдались и драматические случаи: находились молодые сердцееды из выпускников, обещавшие своей подруге жениться, а когда приходило время сдержать слово, старались улизнуть; на перроне вокзала после отхода поезда порой виднелась плачущая одинокая красотка с поясным ремнем в руках, за который она ухватилась, когда неверный жених вскакивал на подножку уходящего вагона, расстегнув ремень, чтобы освободиться от цепких рук. Эти, хотя и редкие случаи подрывали доверие требовательных красавиц к курсантам, затрудняя знакомства и дружбу. Это еще больше разжигало тягу к молодым особам женского пола.

Я не завел подругу в Киеве. У меня была невеста в Казахстане, где я раньше учился в техникуме. Мы договорились пожениться, когда я окончу военную школу. Связь наша поддерживалась и укреплялась частой перепиской. В середине второго года моей учебы, когда невеста уже стала учительницей сельской школы, она приехала за три тысячи километров в Киев, чтобы увидеться со мной; остановилась в гостинице и сообщила мне телеграммой о своем приезде и что ждет меня. Было начало учебной недели, и командир взвода Садовой категорически отказал мне в городском отпуске хотя бы на пару часов и не разрешил обращаться по команде к старшим начальникам по такому маловажному вопросу. Невеста ждала три дня и уехала ни с чем, посчитав, что я избегаю встречи с ней. Вскоре она вышла замуж за местного агронома, не ответив ни на одно из моих оправдательных посланий.

В одно из увольнений мне выпал случай познакомиться с интересной молоденькой блондинкой – Тамарой Гончаровой. В первой же беседе она сказала, что никогда не выйдет замуж за военного. Ее старшая сестра допустила такой необдуманый, по словам Тамары, шаг и теперь вынуждена мучиться всю жизнь. Муж ее, командир батальона, все время занят на службе, приходит домой поздно и не каждый день, уставший, мятый, в грязных сапогах, и чуть свет уходит. Супруги редко бывают вместе, не могут по-людски сходить в театр или кино. Дети почти не видят отца. Поэтому живут недружно, скандалят и ревнуют друг друга. Моя новая знакомая такими словами глубоко меня обидела, дав понять, что наше знакомство ничего хорошего обещать не может. Больше попыток познакомиться с киевлянками я не

предпринимал, надеясь уладить размолвку со своей далекой невестой; о ее замужестве я узнал позже...

Наступил долгожданный день выпуска в первых числах ноября 1936 года. Остались позади три года напряженной курсантской учебы и солдатской службы, выпускные государственные экзамены, стажировки и зачетные боевые стрельбы; написаны и утверждены служебно-боевые характеристики. Нам пошили новое командирское обмундирование, выдали скрипучее ременное снаряжение, хромовые сапоги со шпорами. Полученные командирские фуражки массового пошива нам не нравились, и многие из нас заказали красивые фуражки у частника, заплатив втридорога. Начальник школы Бесчастнов, сменивший на этом посту Гофе, уже съездил в Москву с проектом приказа наркома обороны о присвоении нам лейтенантских званий и назначении на должности в войска.

Вспоминая о выпускных экзаменах, прошедших в общем-то с большим подъемом и вполне успешно, нельзя обойти молчанием один юмористический казус. Знание русского языка проверялось так. Чтобы сохранить в тайне текст диктанта, его решили устроить одновременно для всех военных школ Киева; текст диктанта был утвержден единый. Это был отрывок тургеневского рассказа «Муму». Усадив экзаменующихся всех школ за столы, диктовали по радиотрансляционной городской сети. Слышимость была нечеткой, и некоторые слова точно уловить удавалось с трудом. Многие курсанты, не расслышав как следует ту или иную фразу, изрядно напутали. К примеру, фразу «А Герасим греб да греб» одни написали «А Герасим прет да прет», другие – «...врет да врет» и т. п. Вскоре после этого экзамена в окружной газете появился фельетон под названием «А Герасим прет да прет». С саркастическим юмором высмеивались устроители такой формы диктанта. Фельетон огорчил руководителей экзаменов, а нас хорошо развеселил и позабавил. Автор фельетона остался неизвестным.

Значение персонального воинского звания я уяснил раньше из одного показательного случая. Примерно за год до нашего выпуска в Красной армии были введены воинские звания. Их присваивали приказом наркома обороны каждому командиру. Это было сделано и с постоянным составом нашей школы. В просторном коридоре выстроили весь начальствующий состав школы и два старших курса; строй замер в гнетущей тишине по команде «смирно». Зачитывался приказ наркома обороны К.Е. Ворошилова о присвоении персонального звания каждому нашему командиру и преподавателю. Люди ждали упоминания своей фамилии с душевным трепетом, ибо имели место неожиданные, труднообъяснимые случаи. Большинству присваивались звания, примерно равные тем служебным категориям, которые они имели. Например, носил три шпалы – получал звание полковника, две – майора, одну – капитана и т. д. Некоторых же вдруг ошарашивали как обухом по голове; вместо двух или трех шпал оставляли одну или вместо шпал – кубики. Таким образом кое-кто из старшего командного состава переводился в средний. Называлась из приказа фамилия и присвоенное звание, человек выходил из строя строевым шагом, и ему вручались знаки различия – шпалы или кубики по количеству, соответствовавшему присвоенному званию. И вот упоминается фамилия одного из командиров, две шпалы, и называется присвоенное звание – «старший лейтенант», тот теряет сознание и с грохотом падает на паркетный пол. Его уносят в медпункт, и церемония продолжается. Оказывается, получившие пониженное звание стыдились своих сослуживцев, знакомых, жен, детей и других родственников; глубоко переживали такое тяжелое потрясение. Нужна была железная воля, чтобы не выказать убийственного горя. Лишь со временем, на опыте долголетней службы, я понял причину таких глубоких потрясений и значение в армии воинских званий, по которым подчиненные судят о способностях, опыте, уме и заслугах лица, имеющего звание выше того, которое носят сами, хотя нередко это не так. Однако вернемся к нашему выпуску.

Одетых в новенькую командирскую форму, скрипящих пахнувшим приятно снаряжением и звенящих шпорами, нас построили и повели в специально для этого случая подготовленную курсантскую столовую. Столы были поставлены впритык длинными

рядами, накрыты белоснежными скатертями, уставлены красивой посудой, бутылками и холодными закусками.

Коньяки, водка, вина, с вытянутыми наполовину пробками из бутылок, икра, ветчина и другие вкусные снадобья ожидали своих счастливых потребителей. Мы заняли свои места за столами, но не садились, а стоя ожидали церемонии, пощупывая в карманах заветные лейтенантские кубики по два на каждую петлицу; в них заранее приготовлены дырочки для кубиков. Остается лишь укрепить эти кубики на петлицах – и мы лейтенанты красной артиллерии. Стоим в приподнятом настроении и в торжественном ожидании момента посвящения нас в командиры. Здесь же наши начальники и преподаватели военных дисциплин. Молчание. Стоим. Ждем. С не совсем ясной обидой я обдумываю свою служебно-боевую характеристику. В целом она отличная, но в бочку меда влита ложка дегтя: командир взвода не преминул указать, а старшие инстанции утвердили, что я «болезненно самолюбив». Эта фраза, следует заметить, забегаая вперед, фигурировала в моем личном деле почти все сорок лет службы: ее просто переписывали из одной аттестации в другую, не отдавая отчета, положительно или отрицательно она меня характеризует. И все же записывалась она в аттестации как явление в моем характере отрицательное. А я считал самолюбие чертой положительной, неотделимой от воли человека.

Широкая дверь в столовую распахнута настежь. В проеме показалась группа ожидаемых руководителей партии и правительства Украины и военного округа. Впереди С.В. Косиор и И.Э. Якир. В дверях возникла небольшая, но многозначительная заминка: командующий войсками Украины и Крыма Якир старается пропустить вперед первого секретаря компартии Украины Косиора, но тот отступает в сторону и вежливо подталкивает вперед Якира. Но Якир упорствует, и заминка кончается тем, что Косиор проходит первым; идя между рядами собравшихся, он приветственно пожимает свои руки, как бы имитируя рукопожатие с нами. За ним следует Якир и затем все остальные. Косиор маленького роста, с бритой круглой головой, подвижный и веселый. Среди идущих вслед за Косиором и Якиром – начальник и комиссар школы. Мы кричим «ура!» и аплодируем. Они тоже аплодируют. Высокие гости зашли за длинный стол, поставленный торцом к залу. Зачитывается приказ о выпуске молодых артиллерийских командиров и присвоении нам лейтенантских званий. Выслушав, быстро вдеваем кубики в петлицы и становимся лейтенантами. Председательствует Якир. Начинаются короткие поздравления и напутственные речи. Последним стал говорить Косиор. Но ввиду маленького роста его плохо видно из-за стола, заставленного вазами с цветами и фруктами, бутылками и яствами. Якир, зайдя сзади, берет Косиора под мышки, легко поднимает и ставит на стул. Косиор сопротивляется, но в конце концов остается стоять на стуле. Мы аплодируем в знак одобрения жеста командующего. Косиор говорит ясно и четко. В который раз уже нам внушают, что учеба в военной школе – это только основа нужных командиру знаний и первые его шаги в службе Родине, а настоящая учеба и работа будут в войсках. Много было высказано теплых слов в наш адрес и добрых пожеланий и напутствий. Официальную часть вечера закрыл Якир, сообщив, что правительство Украины дает нам торжественный ужин. В зале появляются официанты из киевских ресторанов. Начинается пир: тосты, звон бокалов, хлопки вылетающих из бутылок шампанского пробок. Мы вначале ведем себя сдержанно, стеснительно, затем смеем все больше и больше. Шум говора усиливается, переходя в непрерывное гудение слившихся воедино сотен молодых голосов. Между официальными тостами – разговоры, взаимные поздравления, пожелания, уверения в вечной дружбе. Последний тост провозглашает Косиор. Он не ссылается ни на занятость, ни на усталость, а говорит как-то по-дружески, доверительным тоном:

– Как бы ни хорошо с вами, дорогие товарищи, но мы должны вас покинуть; пора и честь знать. Наше присутствие вас связывает. Вам надо побыть одним, в своем дружном коллективе, без постороннего глаза. В своей курсантской семье вы сегодня проводите последний день. Завтра разъедетесь в разные концы нашей необъятной Родины, и кто знает, когда еще и кому из вас придется свидеться и в какой обстановке. Продолжайте веселиться в

своим кругу. Не будем вам мешать.

Высокие гости фотографируются с нами по группам, прощаются и уходят. Мы допиваем и доедаем все, что оставалось, и переходим в зрительный зал на следующий этаж. Там толпятся в ожидании танцев приглашенные некоторыми выпускниками киевские красавицы. Начался поистине молодежный бал. Стали расходиться только к утру. Вновь испеченные лейтенанты разбрелись по городу; кто провожал знакомую девушку, а кто просто бродил бесцельно, прощаясь с городом, в котором проведены три больших года. Благо дело, теперь не требовались ни разрешения на выход в город, ни увольнительные записки. Дежурный по школе организовал сбор по городу нескольких перебравших спиртного и не в меру веселившихся питомцев школы: по улицам на машинах сновали патрули, разыскивали нарядных лейтенантов и увозили их в школу, предлагая отоспаться.

Нам предоставили месячный отпуск, выдали двухмесячный оклад денежного содержания по должности командира взвода, документы для бесплатного проезда по железной дороге к месту проведения отпуска и, затем, в часть назначения на службу.

У меня был хороший друг Николай Павлович Голуб, мой однокурсник и товарищ по литературному объединению; он обладал завидным талантом литературного критика и необыкновенными способностями. Мы решили попроситься послать нас для прохождения службы в одну часть. Обращаемся к начальнику школы с рапортом об изменении приказа, которым я был назначен в Новороссийск, а Голуб на Дальний Восток. Мы изъявляли готовность ехать вместе в любое место. Но получили отказ, мотивированный тем, что надо было сказать об этом раньше. Пришлось разлучиться с горечью и грустью.

Моя дорога в Магнитогорск к родителям, где я решил проводить отпуск, лежала через Москву. Вспомнил начальника УВУЗ РККА Казанского и его желание видеть меня после окончания школы с рапортом в новом качестве. Приехал в Москву и позвонил в Наркомат обороны. Мне сказали, что товарища Казанского перевели на другую должность и его в Москве нет. Окольными путями узнал, что он назначен военным атташе, кажется во Францию. Встретиться с ним мне было не суждено ни в те памятные времена, ни в последующем.

Глава 3 **В артиллерийском полку**

1

После первого командирского отпуска, проведенного у родителей в Магнитогорске, в декабре 1936 года я прибыл к месту службы в Новороссийск. Предписание гласило, что я назначен командиром взвода в 22-й артиллерийский полк 22-й стрелковой дивизии. Но такого полка в Новороссийске не оказалось. Дело в том, что за время, прошедшее от подписи приказа до прибытия в пункт назначения, произошли важные события: 22-я дивизия, штаб которой дислоцировался в Краснодаре, была отправлена на Дальний Восток. Вместо нее в тех же пунктах дислокации частей сформирована 74-я дивизия. Поэтому я и оказался во вновь сформированном 74-м артполку.

Временно исполнял обязанности командира полка чуткий и умный начальник штаба майор Малышев. Он с нескрываемым огорчением сообщил, что определяться на квартиру я должен сам, подыскав частную, как поступают все молодые командиры. Несемейных, дескать, командиров гарнизон жильем не обеспечивает.

Полк был территориальный, существовавший по сокращенному штатному расписанию: до штата военного времени он развертывался за счет призыва приписного состава из местных военнообязанных граждан, необходимое имущество поставлялось из народного хозяйства, а оружие и военное снаряжение хранились на складах НЗ. Командиры основных подразделений были кадровые. Имелась материальная часть артиллерии, определенная часть

конского состава. Солдат и младших командиров в линейных подразделениях не было. Для обучения и слаживания подразделений личный состав запаса привлекался на учебные сборы два раза в году: зимой и летом. Причем летние сборы проводились, кажется, двухмесячные. В этот период проходили учебные и тактико-строевые занятия и тактические учения, оканчивающиеся боевыми артиллерийскими стрельбами. В междусборное время мы были заняты командирской учебой, как в учебном заведении. Материально наши занятия обеспечивала батарея обслуживания, имевшая кадровый личный состав, материальную часть артиллерии, приборы, стрелковое оружие, лошадей и т.п. В основном приходилось заниматься в классах под руководством командиров батареи и дивизиона. Больше всего занимались артстрелковой подготовкой, огневой службой, марксистско-ленинской учебой по 8 часов в день и ходили начальниками караула и дежурными по полку.

С первых дней я увидел, что не получил того, что ожидал: взвода у меня не было и совершенствовать командирские навыки можно было только во время учебных сборов.

Вскоре, в связи с введением в батарею четвертого орудия, в ней было создано два огневых взвода, составлявших полубатарею. И я стал командиром полубатареи.

В первое время нам, выпускникам артшколы, по артстрелковой подготовке трудно было соревноваться с более опытными командирами, вышедшими из одногодичников – людей, призванных на военную службу из числа имеющих среднее и высшее образование. Рядовыми они служили один год, и если оставались в армии, то становились командирами взводов, получали воинские звания и далее проходили службу наравне со всеми. В артстрелковом деле они, как правило, были виртуозами. Теоретически по военным предметам, да и не только по военным, они были значительно слабее нас. Но в практической службе, в навыках стрельбы, в конной подготовке мы им намного уступали. Эти командиры были старше нас по возрасту и опытнее во всех отношениях. Нам пришлось многому у них учиться и перенимать сложившиеся в командирской среде традиции. Большинство из них было подлинными мастерами артиллерийского дела. Подтверждением этому может служить, к примеру, выходец из одногодичников лейтенант Г. Полуместный. Выскочит он, скажем, при перемещении батареи, на высотку верхом на коне, бросит взгляд в сторону огневой позиции и на еле заметную впереди цель – и исходные данные для открытия огня готовы. Он это делал, не пользуясь ни картой, ни компасом, ни биноклем; буквально с ходу подавал команды и вел пристрелку цели по наблюдениям знаков разрывов с невероятной точностью. Нам, молодым командирам, это чудо казалось чуть ли не каким-то колдовством. Со временем секрет был разгадан. Оказывается, по четкости тех или иных деталей местных предметов он безошибочно глазомерно определял расстояние до цели и огневой позиции, углы измерял по насечке делений угломера на нижнем срезе козырька фуражки, незаметной постороннему глазу; насечка ему заменяла бинокль. Вычисление исходных данных для стрельбы такой виртуоз производил устно с помощью выработанных практикой мнемонических правил. Одногодичники вначале превосходили нас и в вопросах полной подготовки данных, где использовались топокарты, планшеты, специальные масштабные линейки, циркули-измерители, брысовские целлулоидные артиллерийские круги и таблицы логарифмов. Все это у нас, молодых командиров, вызывало досаду и зависть. Но через три-четыре месяца командирской учебы многие из нас не только сравнялись с виртуозами, но и превзошли их.

2

В период летних учебных сборов развернутый до полного штата полк выходил для проведения тактических учений и боевых артиллерийских стрельб в Саратовский лагерь (под Краснодаром), где был и артиллерийский полигон. На сборах я становился командиром полнокровной батареи, получал в подчинение и под ответственность около двухсот красноармейцев, конский состав в качестве орудийной тяги, четыре орудия и другое. Надо было обучать призванный на сборы личный состав, командовать на занятиях и учениях.

Дорвавшись до настоящего живого подразделения, я старался показать, что не напрасно три года учился в военной школе. Иногда случались и неприятности, вызванные моим чрезмерным командирским рвением. Выведу, например, огневые взводы в поле и давай отрабатывать чуть ли не цирковые трюки. Быстроту и четкость действий оружейных расчетов и упряжек я считал главным в боевой подготовке. Ради этого я иногда пренебрегал техникой безопасности, не боясь ответственности за возможное ЧП. Несясь карьером впереди полубатарей на своем гнедом красавце с красными флажками в руке, вдруг бросаю флажки в точки, куда должны стать орудия, и взмахом флажка подаю команду занять огневую позицию. Взводы на полной скорости разворачиваются, и, когда орудие наезжает на флажок, цепко расположившийся на лафете красноармеец поддевает специальным ломиком под шкворневую лапу, рычагом сбрасывает орудие с передка и слетает вместе с ним. Упряжка далее уже без орудия, с одним передком, не сбавляя скорости, уносится в укрытие. Орудие приводится к бою моментально, намного перекрывая нормативы. Этот трюк не был предусмотрен руководством и инструкцией и таил в себе возможность несчастного случая. Но я на свой страх и риск упорно применял этот и другие подобные методы обучения. Мне делали замечания, упреки и внушения, особенно командир дивизиона подполковник И. Булев, но я продолжал свое, терпеливо перенося неприятности. К удивлению, прямые начальники прямо не запрещали мне проявлять инициативу и не прибегали к дисциплинарным взысканиям. Это я принимал за негласное поощрение и продолжал свою линию.

Однажды на полковом учении с боевой стрельбой я должен был провести зачетную стрельбу 122-мм гаубичной батареей (4 орудия) шрапнелью по движущейся цели. Руководил стрельбой и принимал зачет начальник артиллерии 9-го стрелкового корпуса комбриг П.Н. Афросимов. Это был известный и авторитетный артиллерист, неизменно ходивший с бритой головой и носивший красивую клинообразную черную бороду. Высокий и худощавый, с образцовой выправкой и всегда серьезный и официальный. В полку он бывал редко, и до этого момента я его видел только один раз, да и то со стороны. Его мы знали как строгого, требовательного, но справедливого начальника, побаивались и в его присутствии старались показать себя с наилучшей стороны.

Узнав, что этот высокопоставленный артиллерист будет лично принимать у меня стрельбу, да еще шрапнелью, – это упражнение считалось наиболее сложным, я волновался, ожидая руководителя стрельбы на своем НП. И вот он, в сопровождении командира полка и командира дивизиона – моих ближайших прямых начальников, появляется на автомобиле, идет по ходу сообщения в траншею на высоте. Я его встретил и доложил о готовности к выполнению боевой задачи. Он поставил задачу по карте и включил секундомер. Стрелять я должен был на основе полной подготовки исходных данных. На этом я сэкономил время, что давало лишних 10 баллов. Оставалось сэкономить один снаряд – и отличная оценка обеспечена. Но дело сложилось по-иному.

Сделав несколько пристрелочных выстрелов одним орудием, наблюдая в бинокль места разрывов по отношению положения цели, – наступающая пехота – по тени от облака разрыва и пыли, поднимаемой при ударе шрапнельных пуль о землю, подаю команду для сострелки веера: по одному снаряду из каждого орудия (четыре снаряда, десять секунд выстрел) – и впился глазами через бинокль в район цели, стараясь мгновенно зафиксировать в уме каждый воздушный разрыв, измерив расстояние их от цели и отклонение по горизонту и высоте и взаимное расположение разрывов между собой. И вот все четыре разрыва вспыхнули на равных интервалах; даже не потребовалось корректировать веер. Можно было переходить на поражение. Мысленно я поблагодарил старшего на огневой позиции. И вдруг... несчастье! Раздался пятый выстрел. Онемев от неприятной неожиданности, я все же нашел в себе силы проследить за разрывом: высоко над целью блеснул огонек и поплыло по ветру белое облачко. И тут я не выдержал и сорвался: напряженные и без того нервы дали осечку. Контроль над поступками был утрачен.

– Коня! – заорал я, забыв о присутствии комбрига и других моих начальников. Не

спросив разрешения и самовольно прервав стрельбу, я вскочил на коня и галопом помчался на огневую позицию, находившуюся в 4 километрах позади НП. Это был непростительно дерзкий поступок с моей стороны, но я об этом не думал. Я был крайне возмущен старшим на огневой позиции лейтенантом Полуминским. У меня и накануне стрельбы была к нему серьезная претензия, а тут еще этот безобразный поступок с лишним выстрелом! Это фактически сводило на нет мою зачетную боевую стрельбу, да еще в присутствии высокого начальства. Мое возмущение кипело, и я был готов избить Полуминского. На ходу соскакиваю с коня и набрасываюсь на и без того очумевшего лейтенанта:

– Что вы, Полуминский, наделали?! Это диверсия! Вы нарочито подвели не только меня! Опозорили всю батарею, дивизион, полк!.. – Я задохнулся от ярости.

Лейтенант Полуминский, маленький и жалкий, со сбившейся набок пилоткой на лысой голове, с повисшими на одном ухе круглыми очками, весь потный и бледный, побелевшими губами, заикаясь, еле слышно пробормотал:

– Виноват... простите, товарищ лейтенант!.. Выстрелы мы считали по стреляным гильзам. Гильза от правого орудия залетела в траву, и я ее не заметил. И мы второпях, на всякий случай, дали еще один... А он оказался пятым...

Мне вдруг стало жаль этого несчастного приписника. Ничего больше не сказав, я быстро вернулся на НП.

Комбриг Афросимов, как будто ничего не случилось, приказал:

– Подайте следующую команду, лейтенант! Перерыв в стрельбе не будем принимать во внимание.

Я подал команду на поражение: батарея должна была сделать четыре беглых выстрела из каждого орудия. Но руководитель остановил стрельбу и подвел итог. Я, конечно, ожидал неудовлетворительную оценку, поскольку подготовка огневых взводов лежала на моей ответственности, и строгое дисциплинарное взыскание за недопустимый поступок. Но комбриг, видимо успевший обсудить создавшееся положение с моими ближайшими начальниками, особенно с тогдашним командиром полка, душевным на редкость полковником Граматовичем, спокойно спросил:

– Как вы поступили со старшим на батарее? Небось дали волю кулакам или обматерили в присутствии подчиненных?!

– Какой с него спрос, товарищ комбриг? Дело сделано, и его уже ничем не поправишь, – ответил я с непроходимой тоской в голосе.

Руководитель стрельбы улыбнулся, переглянулся с командиром полка и объявил оценку – «отлично».

– А огневыми взводами занимайтесь как следует! – сказал он и, попрощавшись, уехал.

Такое чуткое и гуманное обращение меня совершенно обезоружило, и я не стал наказывать лейтенанта Полуминского. Пришлось простить ему и вчерашнюю оплошность.

Вечером накануне стрельбы я рано лег отдыхать, чтобы отоспаться перед сложной и ответственной стрельбой. Полуминскому приказал получить на гарнизонном складе по наряду 24 шрапнельных выстрела. Получив боеприпасы, он зашел ко мне в палатку и доложил о выполнении поручения. Я на всякий случай спросил его, как выглядят снаряды.

– Снаряды как снаряды, – пояснил лейтенант, – с острыми длинными взрывателями.

– Так это же гранаты, а нужны шрапнели! – забеспокоился я и вскочил с постели. – Ведь в наряде было указано, какие выстрелы должен был выдать склад!

Полуминский невразумительно ответил, что в помещении склада было темно и, наверное, кладовщик не смог толком разобраться.

Пришлось среди ночи обращаться к дежурному по караулам и просить его вызвать начальника склада, приказать ему вскрыть хранилище и заменить снаряды.

Инженер цементного завода Полуминский, лет на десять старше меня, был призван из запаса на учебный сбор. Достаточных навыков артиллериста не имел и обе ошибки допустил незаметно.

Так легко отделавшись за свой безобразный и недопустимый поступок во время

зачетной стрельбы, я все же сделал для себя серьезный вывод и будто повзрослел, стал более вдумчив в своих действиях и с еще большим рвением продолжал службу. Все шло хорошо, но недолго. Нагрянувшие вскоре неожиданные драматические события отодвинули деловую сторону службы на задний план, затмили в памяти все лучшее, наводнив душу острыми переживаниями.

3

Как-то собрали весь командный состав в полковом клубе на экстренное и неплановое собрание. Комиссар полка старший батальонный комиссар Толмачев сделал сообщение об аресте и осуждении специальным трибуналом под председательством С.М. Буденного группы известных военачальников, среди которых оказались и такие видные герои Гражданской войны, как Якир, Уборевич и др. Они обвинены в измене Родине и объявлялись врагами народа. Их присудили к расстрелу. Это было неожиданным и потрясающим известием. Совершенно неожиданно в нашу мирную трудовую жизнь врезались события, последствия которых трудно было представить. Нельзя было не подумать о том, что в стране раскрыт далеко зашедший военный заговор, возглавляемый высокопоставленными деятелями Красной армии. К нему причастны многие командующие военными округами. Это говорило о широком размахе подготавливаемого мятежа, направленного на свержение советской власти и восстановление капитализма в нашей стране. Вызывало тревогу и то, что отзвуки этого заговора не проникли в нашу среду. А это означало, что заговорщики готовили переворот тщательно, сумев до последнего момента сохранить организацию и коварные замыслы в глубокой тайне. В таком случае заговорщики могли быть и среди нас, строго замаскированными. Доверие к старшим начальникам стремительно рушилось. Появилось и стремительно разрасталось взаимное недоверие между близкими товарищами и друзьями. Поэтому мы уклонялись от откровенного обсуждения случившегося. Наряду с этим, как это бывает в подобных случаях, появились люди, громогласно осуждавшие врагов народа, с пеной у рта доказывая свою преданность партии и народу, хотя их об этом никто не спрашивал.

И все же, уединяясь по два-три человека, некоторые из нас тайно, как истинные заговорщики, делились тревогой и недоумением. Как могло случиться, мусолился вопрос, что люди, не щадившие ни крови, ни самой жизни в борьбе за завоевание и защиту от врагов советской власти и идей ленинизма, встали на путь измены?

В это же время был восстановлен ранее отмененный институт военных комиссаров, что прозрачно показывало необходимость в усилении контроля над строевым командным составом, вызванного появившимся недоверием к нему, как некогда к перешедшим на сторону советской власти офицерам царской армии – военспецам.

Начались аресты в полках и в штабе дивизии; они проводились втихую, по ночам. Первым был арестован командир дивизии комдив Кильвейн.

Собрали весь командный состав дивизии на стадионе в Абинском учебном лагере и зачитали обращение ко всем военнослужащим Красной армии. Обращение, как помнится, было за двумя подписями: Ворошилова и Ежова. В нем говорилось, что в армии существует контрреволюционный заговор. Многие причастные к нему разоблачены славными чекистами и арестованы. Но есть еще и оставшиеся на свободе. Некоторые из них, дескать, осознав свое заблуждение, являются в органы с повинной. Указывалось, что в отношении тех, кто явится добровольно с повинной и сознается в принадлежности к врагам народа, может быть поставлен вопрос об оставлении их даже в армии. Тех же, кто не откликнется на гуманный призыв, ждет суровая революционная кара. Это обращение означало, что кто-то подозревает и в нашей среде наличие врагов народа, что вызвало еще большее смятение умов. Мы молча разошлись поздно вечером по частям, не решаясь заговорить друг с другом. Я и старший лейтенант Ткачев, командир одной из батарей не моего дивизиона, пошли вместе. Остаться наедине самим с собой не хотелось, да и настроение ко сну не располагало. Сели на скамье в

парке возле штаба дивизии. Мы с Ткачевым не были близкими друзьями, но доверяли друг другу. Сам по себе возник разговор о создавшейся ситуации. Верить не хотелось, но и не верить было невозможно. Ткачев спросил меня:

– А ты заметил какие-либо признаки того, что у нас в полку есть враги народа? Ведь если они есть, то должны же кое-кого из нас тоже втягивать в эту авантюру: вербовать, скажем, агитировать...

Я ответил отрицательно, сказав, что ко мне по этим вопросам никто ни прямо, ни косвенно не обращался.

Мы долго беседовали и разошлись по палаткам и легли спать поздней ночью. Утром (это было воскресенье) я спал долго. Часов в девять, когда уже высоко поднялось и жарко светило солнце, меня разбудила приехавшая в лагерь навестить мужа элегантная красавица жена Ткачева Алла. Она вошла в мою палатку и с растерянным волнением набросилась с вопросами:

– Где мой муж? Что с ним случилось? В его палатке невообразимый беспорядок. Что это может значить? Ты, говорят, вчера вечером был с ним вместе. Где он теперь?..

Я быстро оделся, и мы вошли в палатку Ткачева. Бросился в глаза полный разгром: личные вещи и книги разбросаны на полу, чемодан разорван и валялся прямо под ногами у входа. Любимой ткачевской собаки-овчарки не было.

– Ничего не понимаю, – сказал я растерянно. – А ты не спрашивала о Ткачеве у дежурного по полку? Он не может не знать, если что случилось ночью.

– Спрашивала, – отвечает сквозь слезы. – Он мнется и ничего толком не говорит. Что-то скрывает...

Мы пошли в штаб полка; она осталась у здания, а я зашел к дежурному.

– Что тебе известно о Ткачеве? Где он? Его ищет жена и волнуется.

– Я ничего не могу сказать, – отвечает дежурный лейтенант Чеволла. – Если тебе так нужно знать, спроси у начштаба. Он у себя в кабинете.

Начальник штаба полка майор Малышев, рано прибывший в штаб несмотря на воскресный день, выслушал меня и, не поднимая опущенной головы, сказал:

– Ткачев сегодня ночью арестован. Больше ничего не знаю. Он помолчал и как бы неохотно спросил:

– Ты, говорят, был с ним вместе вчера вечером. Говорил ли он что-либо такое... изменническое?

– Абсолютно ничего, – отвечаю нервно. – И на врага народа он не похож. Вы лучше меня это знаете.

– Если бы знал... – задумчиво молвил майор и разрешил мне идти.

Узнав то, о чем не могла не догадываться и без моего сообщения о постигшей мужа участи, Алла Ткачева поплакала несколько минут и затем спросила, вытирая слезы розовым платочком: где она должна теперь искать мужа. Я ничего не ответил, и она уехала в город.

Кажется, в 1943 году я случайно встретил Ткачева, тогда уже полковника, в 33-й армии Западного фронта. Он тогда командовал 1-м полком в 1-й артиллерийско-противотанковой истребительной бригаде и исполнял обязанности командира бригады. Это было в тяжелых боях где-то под Витебском.

4

В этой туманящей сознание и раздирающей душу обстановке 1937 года от всего командного состава потребовали сдать личное оружие, которое мы носили при себе всегда. Наганы с того момента выдавались только при заступлении на дежурство, при смене с дежурства или с караула они сразу же сдавались на склад.

Этот беспрецедентный акт я воспринял болезненно и с недоверием. Я истолковал его как разоружение личного состава Красной армии. Для чего? – спрашивал я себя. Неужели руководство страной или высшее командование не стало доверять армии? Или же это делают

те же враги народа под благовидным предлогом, чтобы легче было свергнуть советскую власть?

«Не сдам пистолет, что бы со мной ни случилось!» И это мое решение было непоколебимым. Тогда уже командовал полком вместо Граматовича, назначенного с повышением, полковник Струнин, грубый и суровый начальник, живший с женой, как говорили, дочерью попа, и огромной собакой, с которой полковница не расставалась. С командным составом полковник общался редко, только официально, и относился к подчиненным высокомерно. Как мне пришлось убедиться впоследствии за долготлетнюю службу, такие люди неумны и уважением не пользуются. Видимо, поэтому Струнина в полку не любили, но побаивались.

Однажды в лагере пришел он в полк перед началом занятий и на расстоянии метров в двести увидел меня. Вспомнив о не сданном мной пистолете, Струнин заревел угрожающим тоном:

– Лейтенант Толконюк, ко мне!

Я пошел к нему, не ускоряя шага.

– Бегом, ко мне!.. – продолжал грозный начальник окрики.

Не стерпев хамства, я замедлил шаг. Заело самолюбие. Выведа нетерпеливого полковника из берегов самообладания, я наконец подошел к нему. Мы зашли в его кабинет. И тут он дал волю своему возмущению:

– Почему не сдали пистолет? В Соловки захотели? Десять лет получить набиваетесь?! Положите на стол пистолет! Я приказываю!..

– Не могу выполнить такого приказания. Не имею права. Пока я командир Красной армии и ношу военную форму, обезоружить себя не позволю никому, – заявил я, стараясь не терять самообладания.

– Вы что, хотите быть умнее всех? – продолжал распекать меня грозный командир. – Только вы один до сих пор не выполнили приказа. Я не потерплю у себя в полку такого безобразия! На Соловки упеку!

Я почти ничего не знал об этих злополучных Соловках. Тем не менее чаша моего терпения переполнилась и горькая обида полилась через край. Потеряв контроль над собой, не отдавая отчета своим поступкам и не думая о возможных последствиях, я в горячности отпарировал:

– Мне лучше десять лет отмучиться на обещанных вами Соловках, чем продолжать службу в вашем задрипанном полку. Я не преступник!

Более подходящего слова, чем «задрипанный», у меня не нашлось. Наступило тягостное молчание. И вдруг полковник прервал его неожиданно спокойным голосом:

– Наверное, у вас пистолет давно не чищен. Заржавел. Дайте я проверю и тут же верну вам, если он ухожен. Потом поступайте как знаете. Я не намерен нести ответственность за таких вот... как вы.

– Не выйдет, товарищ полковник, обезоружить меня даже обманым образом. Пистолет у меня можно изъять только у мертвого. Пока я при оружии, я не беспомощный и могу постоять за себя. А безоружный я ничто. Разрешите идти?

Не дождавшись ответа, я по-уставному повернулся кругом и вышел.

Не далее как через сутки меня пригласили на бюро батарейной комсомольской организации. Секретарем был один из подчиненных мне командиров взводов. Он открывает заседание и объявляет повестку дня: «Об антипартийном высказывании комсомольца Толконюка». Кто против? Никого против не оказалось.

Я был потрясен такой постановкой вопроса и не знал, как реагировать. Антипартийных высказываний я не допускал. В чем же дело? Тем временем секретарь продолжал:

– Он назвал наш полк задрипанным. А полк-то наш советский, а значит, и партийный...

Я очнулся от потрясения, почувствовав несерьезность секретаря, и, промолвив лишь одно слово: «Дураки!» – покинул заседание. Бюро решило исключить меня из комсомола «за антипартийное высказывание». Но те же члены бюро, приняв такое крайнее решение, к

удивлению стали относиться ко мне подчеркнуто внимательно, с явной услужливостью и покорностью, проявляя строгую дисциплинированность, будто ничего не случилось.

На второй день меня вызвал комиссар полка Толмачев и сообщил, что решение бюро о моем исключении из комсомола он отменил без вынесения на общее собрание.

– Сдай пистолет – и все образуется – не приказал, а посоветовал комиссар.

Я ничего не ответил.

Поведение мое обсуждалось и на партбюро полка. Моему другу еще по военной школе члену партбюро Михаилу Ларионову было поручено повлиять на меня и уговорить сдать пистолет. К тому же он был как бы прикреплен ко мне, чтобы следить за мной и сдерживать от крайних поступков. Михаил держал меня в курсе всего, что происходило вокруг меня в партбюро и у командования полка. В разговоре наедине он предостерегал меня, что если я не сдам пистолет, то меня арестуют за невыполнение приказа. Но я не внял его советам, а лишь заявил: если меня арестуют, то пусть арестовывают всех; тогда будет видно, что подвергаются арестам совсем невинные люди.

В Особый отдел меня ни разу не вызвали, что можно было ожидать. Они-то нашли бы способ отнять у меня оружие. Но почему они этого не сделали, осталось загадкой, по крайней мере для меня. Правда, ко мне приходил обслуживающий полк сотрудник Особого отдела НКВД: он угрожал и требовал отдать ему пистолет. Я категорически отверг требование, заявив, что ни разоружать, ни арестовывать себя не позволю, так как не чувствую за собой никакой вины.

– Вы можете просто застрелить меня из-за угла: другим способом взять меня не удастся, – твердо высказался я.

Особист посмеялся и, сказав, что никто меня не собирает арестовывать, ни расстреливать из-за угла, удалился ни с чем.

После этого взялись за меня посерьезнее. Мой вопрос рассматривали непосредственно на бюро комсомольской организации полка. Без моего присутствия. Решили исключить и вынесли на общее собрание. Выступали многие за и против исключения. Дали мне слово. Мои объяснения сводились примерно к следующему. Разоружаться не желаю и не считаю себя вправе сдавать пистолет. Я принял присягу – с оружием в руках защищать советскую власть. И я эту присягу выполню в любых условиях. Советская власть – это моя власть. Она меня воспитала с пионеров, дала военную профессию, вооружила и поручила защищать ее. Как же я, в случае необходимости, буду ее защищать безоружный?

Довод этот не был убедительным и своеобразно оскорблял тех, кто покорно разоружился. А это были все, кроме меня. Ведь при необходимости оружие выдавалось личному составу незамедлительно. Я это знал. И все же упорствовал, объясняя свое упорство неясностью происходящего. Кто-то попытался в выступлении обвинить меня в недоверии органам госбезопасности, но эта попытка прошла мимо внимания собрания: никто всерьез ее не принял.

По большинству голосов из комсомола меня не исключили. Так за пару недель повторялось два раза. С каждым разом количество голосов против меня увеличивалось. И когда первая очередь приписников учебный сбор закончила и был набран другой состав, не знавший ни меня, ни моей истории, на первом же собрании я был исключен из комсомола большинством в 12 голосов. Мало того, когда подошла очередь предоставить мне слово, в зале поднялся какой-то Ключков и с возмущением заявил следующее:

– Мы вывешиваем лозунги с призывом не превращать собрание в трибуну для врагов. Так почему же мы должны предоставлять ему слово?

Воспользовавшись вдруг возникшим шумом в зале, я поднялся на трибуну и дал отповедь сильно бдительному оратору. Большинство в 7 голосов слово мне было предоставлено. Но это ничего не изменило. Меня исключили. Но решение вступало в силу после его утверждения партийной комиссией дивизии. Я был серьезно обеспокоен и, не став дожидаться утверждения, обратился с письмом к комиссару дивизии, подробно объяснив ему свое поведение и создавшуюся ситуацию. Решение не сдавать пистолет я не изменил. Оно во

мне укрепились еще больше, когда стало известно, что из шестнадцати лейтенантов, прибывших в полк вместе со мной из училища, девять уволено из армии по мотивам политического недоверия. Я знал своих однокурсников и за каждого мог поручиться.

Комиссар дивизии по фамилии, кажется Фидюнинский, вызвал меня к себе и, прежде чем приступить к разговору, вернул мне мое письмо. Разговор был коротким:

– Почему вы упорствуете со сдачей пистолета? Ведь это неповиновение приказу.

– Потому что, в случае чего, он мне понадобится для защиты советской власти, а может быть, и своей личности.

– Что вы один, даже с пистолетом, можете в этом отношении сделать? Это же смешно, если не сказать больше.

– Пусть так. Но все же хоть что-то да сделаю.

– Значит, вы думаете, что советской власти что-то или кто-то угрожает?

– Поскольку завелись враги народа, заговорщики, да еще в рядах Красной армии, угроза налицо.

– Логично. Но у нас есть кому заботиться о безопасности советской власти.

– Сложившаяся обстановка мне совершенно непонятна. Кто и зачем разоружает командный состав? Чтобы безоружных передавать как цыплят? Голыми руками? Какое основание не доверять нам, красным командирам?

Комиссар долго молчал и о чем-то думал. Казалось, что забыл про меня.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – вдруг заговорил он ласково, перейдя на «ты». – Мне самому непонятно, что творится. Я – комиссар дивизии, старый большевик, выдавший виды и побывавший в разных переплетках, и то не могу разобраться, что творится. А тебе, сосунку, еще труднее. Не думай, что я не понимаю тебя. Да и тех, кто тебя исключил из комсомола. А пистолет сдай. Это нечто просто несерьезное, если не сказать больше. Давай будем с тобой умнее и выше всего этого. – Помолчав с минуту, он продолжил разговор следующими словами: – Давай договоримся так: ты сейчас пойдешь в полк и сдашь пистолет, как будто ничего и не было. А я обещаю отменить решение об исключении тебя из комсомола. Это мое право, и я им воспользуюсь. На этом и покончим. Не будем усложнять и без того сложных дел наших. Не будем усложнять... – повторил он фразу и, не закончив ее, сказал: – Договорились?

– Договорились! – подтвердил я машинально, не успев обдумать предложение уважаемого коммуниста.

Весь разговор с комиссаром, с которым я не был знаком ранее, не имел бы для меня такого значения, каким оказался, и не изменил бы решения о пистолете, если бы не фраза, брошенная им как бы невзначай: «Мне самому непонятно, что творится». Не знаю почему, но эта фраза меня подрубил под корень. Я проникся глубоким уважением и полным доверием к этому уже изрядно поседевшему человеку. Ослушаться я был не в состоянии, хотя он мне и не приказывал, а просто по-человечески дал совет.

Я ушел с чувством какого-то облегчения, прозрения и с уверенностью в лучшее будущее, которое во мне было почти утрачено. Пистолет я сдал в тот же день и остался в комсомоле, даже не получив никакого взыскания. У меня остался неразрешенным вопрос: почему не отняли у меня пистолет силой? Почему, наконец, меня не арестовали? Думается, что командование и Особый отдел не хотели иметь лишнего ЧП, могущего произойти, если бы я стал обороняться.

А может быть, меня оградила от трагического исхода дела моя молодость? Мне тогда шел двадцать четвертый год. Никто из молодых офицеров в полку арестован не был. Некоторых просто уволили по каким-то политическим мотивам. Виной тому был комиссар полка Толмачев, выразивший политическое недоверие многим командирам в данных им характеристиках. За это он потом поплатился. А командир полка Струнин вскоре был арестован как враг народа. Был ли он врагом – не знаю.

Я продолжал нормально служить. Возня с пистолетом и комсомольское разбирательство на мою службу заметно не повлияли.

В 1938 году я подал заявление в кандидаты партии. Меня приняли. Комиссар Толмачев также не воспрепятствовал приему. Он лишь сказал на бюро, когда меня принимали, что я заражен есенинщиной, но я, дескать, осознаю это и, как он надеется, исправлюсь.

Тогда же меня перевели в Управление Северо-Кавказского военного округа в Ростов-на-Дону, назначив на мобилизационную работу с допуском к секретам особой важности. К ноябрю 1938 года приказом наркома обороны мне досрочно было присвоено воинское звание «старший лейтенант».

Глава 4 В аппарате военного округа

1

В окружной аппарат офицеры подбирались очень тщательно. Чтобы быть удостоенным чести служить в таком высоком военном учреждении, как Управление округа, надо было обладать кристально чистой биографией, иметь отличную аттестацию и служебно-политическую характеристику, хорошее общее развитие, прилежность в работе и умение хранить военную и государственную тайну; уметь четко формулировать свои мысли, схватывать указания начальников с полуслова и грамотно разрабатывать служебные документы; быть выдержанным и дисциплинированным, чтобы в твоей преданности делу партии и народа ни у кого не было ни малейшего сомнения. Но и это не все. Надо, чтобы тебя заметил кто-либо из старших начальников и убедился в твоей пригодности к работе в высоком учреждении. И при всех этих качествах назначение не могло состояться без согласия и специального допуска Особого отдела к назначению и секретной работе. Это было решающим. Одним словом, кадры подбирались, как тогда говорили, по деловым и политическим качествам.

Почему же при таких жестких требованиях выбор пал на меня? Дело в том, что к лету 1938 года, в связи с проведенными арестами, в Управлении округа образовалось значительное количество вакантных должностей. Интересы дела требовали их срочно заполнить. И источником доукомплектования окружного аппарата были главным образом подчиненные штабы и войска. К тому же начальник артиллерии округа полковник Н.Д. Яковлев (ставший впоследствии маршалом артиллерии), беседуя с офицерами нашего полка, обратил на меня внимание при обсуждении нового Полевого устава. Видно, я ему приглянулся.

Признаться, я не был в восторге от выпавшей чести. Мне нравилась строевая служба, повседневная работа с живыми людьми, а не с бумагами.

Я был убежден, что в мои молодые годы, когда служба только начиналась, не следовало менять строй на штаб. Но тогда никто и не думал считаться с желанием назначаемого, речь могла идти только о том – подходишь или не подходишь. Приказ состоялся. И я, вместе с Иваном Шведковым, назначенным в адъютанты начальника артиллерии, распрощался с полком и уехал в Ростов-на-Дону к новому месту службы – старший помощник начальника мобилизационного отделения Управления начальника артиллерии округа. Об ожидавших меня обязанностях я не имел ни малейшего представления. Шел я в совершенно неизвестные мне среду и обстановку, где ни меня никто не знал, ни я не знал ни одного человека, с которыми предстояло работать. Само понятие «штаб округа» ассоциировалось в моем сознании как какая-то недостижимо высокая гора, приближение к которой вызывает робость и головокружение. Тем не менее пришлось переступить этот высокий порог и встать на новую ступеньку служебной лестницы.

Полноправным работником окружного аппарата я стал не сразу. Прежде всего предстояло представиться нескольким начальникам и получить разрешение на допуск к работе, связанной, оказывается, с документами особой важности, и пройти определенное испытание, выполнив ряд поручений, не имеющих прямого отношения к моим обязанностям. Мой непосредственный начальник майор Н.А. Пелевин повел меня представлять начальникам, стоящим на разных ступенях служебной лестницы: начальник отдела артснабжения, начальник артиллерии, комиссар Управления артиллерии, комиссар штаба, начальник штаба и, наконец, член Военного совета округа. Все они задавали мне различные вопросы, бегло просматривали мое личное дело, сопровождавшее меня в руках Пелевина, и говорили напутственные слова, делая упор на мою ответственность за поручаемое дело. Визиты закончились последней фразой члена Военного совета дивизионного комиссара Шекланова: «Можно допускать к работе».

Мне выдали постоянный пропуск в штаб с большой красной цифрой «3». Эта цифра давала право беспрепятственного входа в любой отдел штаба, в том числе и на третий этаж, где размещались все отделения и отделы, связанные с мобилизационно-плановой работой. Работавшим на третьем этаже полагалась 15-процентная надбавка к денежному окладу за секретность и выдавались талоны на бесплатные завтраки. Мой месячный оклад, к удивлению, теперь равнялся окладу командира полка. Первое испытательное задание, полученное от майора Пелевина, заключалось в следующем. На основе многочисленных таблиц по артиллерийскому снабжению, приложенных к штатам военного времени, и совершенно секретных списков дислокации войск по гарнизонам, с помощью специальных таблиц и норм, схем мобразвертывания и расценок я должен был сделать массу вычислений и составить объемистый справочник о потребной складской площади для хранения артиллерийского вооружения, стрелкового оружия, боеприпасов и другого имущества, которое поставляется в войска по линии отдела артснабжения, по каждой части и по каждому гарнизону, с указанием стоимости строительства складов в денежном выражении. Легко представить, насколько сложным было задание для молодого и неопытного в таких делах офицера. Производство вычислений на логарифмической линейке я знал в совершенстве, владел и канцелярскими счетами. Но этого было недостаточно. Пришлось осваивать и вычислительные манипуляции на арифмометре. Такая чисто, казалось, бухгалтерская работа меня, строевого командира, не могла ни радовать, ни устраивать. Но отступить было некуда, и я взялся за дело. Пришлось засиживаться в кабинете до поздней ночи. В общем, все свое время я проводил за работой, за исключением сна и приема пищи. Дорабатывался до того, что когда поздним вечером шел с работы по плохо освещенному Буденновскому проспекту, то на спинах идущих впереди людей и на асфальте явно видел прыгающие цифры.

Месяца через два я положил на стол начальника объемистую тетрадь справочника, пропитанного, если так можно выразиться, моим обильным потом. Майор Пелевин вынул из сейфа давно сделанный, отпечатанный на машинке и красиво оформленный том подобного справочника и сверил его с моим детищем по итоговым цифрам. Он многозначительно улыбнулся, похвалил мое старание и передал плод моего двухмесячного труда на сжигание вместе с черновиками секретных материалов. Моей досаде не было границ: жаль было затраченного попусту времени.

– Теперь можете приступать к своей основной работе, – удовлетворенно заявил Пелевин. Заметив мое растерянное недоумение, майор добавил: – Не огорчайтесь. Не думайте, что потрудились напрасно. Это вам пригодится.

Основная моя работа заключалась в подобных же расчетах, составлении служебных бумаг, заявок и отчетов, а также в поездках по гарнизонам в составе различных комиссий и в одиночку для разнообразных проверок и инспекций.

3

Проходя службу в окружном аппарате, я не терял надежды вернуться в войска на командную должность. Служба в строю мне была более по душе и ближе к моему темпераменту и характеру, да и более понятна. Я был убежден, что в строю принесу больше пользы, чем в штабе, и теперь, прослужив почти сорок лет в штабах, не изменил этого убеждения.

Мой командирский стаж и служебное положение давали право на поступление в военную академию. Мне понравилась артиллерийская специальность, и я решил поступить в Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского. Поэтому заранее готовил себя к вступительным экзаменам. Подал рапорт и получил вызов в Москву. Но начальник артиллерии меня не отпустил, хотя до этого дал ход моему рапорту. Он предложил мне учиться на вечернем отделении Военной академии имени М.В. Фрунзе, открывавшемся при штабе округа в Ростове-на-Дону. Другого выхода не было, и я последовал его совету. Возглавлял отделение академии начальник штаба округа генерал-майор А.Н. Никишов. Он же читал основные лекции по оперативному искусству и военной истории.

Это был человек, обладавший обширными знаниями, культурный и в высшей степени добросовестный и вежливый, отлично знавший уставы и тактику. Одним словом, для отделения академии это был бесценный клад. Специальные дисциплины преподавали соответствующие начальники родов войск и служб. Занятия увязывались, следовательно, с практическими делами войск, что очень ценно. Занятия проводились три дня в неделю по шесть и более часов, захватывая два последних часа рабочего дня, что не очень нравилось нашим непосредственным начальникам, вынужденным отпускать нас раньше времени с работы. Каждый год из трех лет обучения нас вызывали в Москву, где мы, находясь в академии по несколько месяцев, проходили обучение под руководством квалифицированного профессорско-преподавательского состава, сдавали переводные, а затем и выпускные экзамены. Не будучи оторванными на длительное время от практической работы, слушатели вечерних отделений не уступали слушателям основных факультетов.

Мне, офицеру мобилизационного отделения, приходилось засиживаться на работе до поздней ночи или неделями находиться в командировке. Поэтому посещать вечерние занятия было почти невозможно, я много пропускал. Не было времени и на самостоятельную работу. Возникли трудности и трения с начальниками. Лишь благодаря поддержке Н.Д. Яковлева, а затем, после его ухода в другой округ, душевного и заботливого генерала Клича, заменившего Яковлева после возвращения из Испании, мне удалось продержаться два учебных года. Но и Клич, побывавший несколько месяцев на Финском фронте, был переведен на Дальний Восток, а вместо него прибыл генерал И.П. Камера, известный в то время артиллерийский начальник. Пользуясь какими-то штатными изменениями, меня вывели за штат, решив избавиться от отвлекавшегося от служебной работы на академические занятия сотрудника. Камера предложил мне должность в Краснодаре. Я должен был оставить учебу в академии, не дотянув до ее окончания один год. Мне этого не хотелось, и, в поисках выхода, я обратился за помощью к полковнику Воробьеву, не заинтересованному терять слушателей. Он выразил готовность помочь, заявив, что не может допустить даже мысли о том, что я могу уйти из академии, не окончив ее. Иван Иванович представил меня начальнику оперативного отдела штаба округа, тогда уже носившему на груди орден Ленина, полковнику И.Н. Рухле. После беседы со мной Рухле поставил вопрос о переводе меня к нему в оперативный отдел на должность старшего офицера по зенитной артиллерии. Это дало мне возможность окончить академию и получить хорошую практику по оперативной подготовке. Но генерал Камера согласился отпустить меня из артиллерии только до окончания академии, после чего собирался вернуть и назначить по своему усмотрению. К сожалению, этому, совпадавшему с моим желанием намерению не суждено было сбыться.

Почти трехлетний отрезок моей службы в окружном аппарате и учебы в академии был

сложным периодом в жизни Красной армии. Международное положение нашей страны отличалось напряженностью. В Европе бушевала Вторая мировая война. На нашей границе в разных местах возникали военные конфликты: боевые действия с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол, освобождение Бессарабии, война с Финляндией, ввод войск в Прибалтийские государства, освобождение западных областей Украины и Белоруссии. Эти события прямо или косвенно затрагивали все стороны жизни нашего государства. Они особенно сказались на войсках всех военных округов: шло развертывание, перевооружение и реорганизация войск, переиздавались уставы и наставления, расширялась подготовка военных кадров, проводились крупные тактические учения и маневры.

Северо-Кавказский военный округ считался внутренним округом, он далеко отстоял от вероятных районов военных действий и служил источником мобилизационного развертывания, формирования, обучения и отправки в приграничные округа соединений и частей, групп офицерского и политического состава. Нельзя было даже отдаленно предположить, что до территории округа когда-либо докатится пожар войны. Количество соединений и специальных частей в округе все увеличивалось за счет новых формирований и прибывших после окончания войны с Финляндией. В частности, к нам прибыл с Финского фронта 34-й ск. В этих условиях штаб округа не успевал поворачиваться. Дело осложнялось еще и тем, что командование и руководящий состав управлений и отделов часто меняли: одни уходили, другие приходили. За три года сменилось несколько командующих округом и начальников штаба.

Командующими побывали, после Каширина, Голубев, Качалов, Ефремов, Тимошенко, Конев. У каждого из них был свой подход к делу, свои требования, принципы и увлечения. Например, Тимошенко любил тактику и непрерывно проводил лично тактические учения от батальона до дивизии. М.Г. Ефремов увлекался стрельбой из личного оружия и физической подготовкой, И.С. Конев – военными играми и проверкой боевой готовности с подъемом по тревоге целых соединений. Все это ставило штаб в крайне тяжелое положение: надо было приспособливаться к требованиям каждого нового командующего и начальника штаба. Случались и казусы. Вот два из них. На должность командующего прибыл генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. С первых же дней он поставил штаб в щекотливое положение. Понесут ему на подпись ту или иную служебную бумагу. Он бегло просматривает ее и грубо отбрасывает, не подписав. Но почему не подписал, не говорил; это оставалось загадкой. Докладчик снова и снова ее просматривал, все находил правильным и докладывал на подпись заново. Повторялась та же картина. Весть об этом разошлась по всему штабу, и люди терялись в догадках, но разгадать секрет так и не могли. Только спустя несколько дней, через приехавшего с ним адъютанта выяснилось, что командующий подписывал бумагу, если под ней заделывалась подпись совершенно невероятным образом: «Ефремов. М.». Без точки после фамилии и инициала бумага отвергалась. Первый же документ с так сделанной подписью был подписан без слова. Как-то генерал Ефремов перед рассветом объявил Управлению округа боевую тревогу и весь офицерский состав вывез на стрельбище, находившееся километрах в десяти от города, и приказал стрелять из пистолетов по заранее подготовленным мишеням. Выполнивших упражнение щедро наградили ценными подарками, а невыполнившим объявил по выговору, хотя таких оказалось примерно половина, и приказал идти пешком в штаб. Они сумели добраться только к вечеру, и рабочий день был потерян. Впоследствии этот требовательный и своевольный генерал оказался истинным патриотом и героем. Осенью 1941 – зимой 1942 года он командовал 33-й армией на Московском направлении. В ходе наступления из-под Москвы часть сил армии глубоко вклинились на запад, подойдя к Вязьме. Противнику удалось выйти на ее коммуникации и окружить так называемую западную группировку армии. После длительных боев в невероятно тяжелых условиях эта группировка была ликвидирована противником. Ефремов неотлучно находился с окруженными войсками. Когда создалась явно безнадежная обстановка, высшее командование предложило ему вылететь из котла на самолете в последний возможный момент. Но командарм отклонил это предложение, заявив, что его

можно спасти только вместе с армией. А если это невозможно, то он разделит участь остающихся в окружении солдат и погибнет вместе с ними. Так он и поступил: в самый последний момент, при попытке немцев захватить его в плен, застрелился, но не сдался. Ефремов погиб как истинный солдат. Благодарная Родина увековечила его имя памятником на месте гибели. До этого он успел покомандовать, после СКВО, двумя округами и армией.

4

В вечерних отделениях Академии имени М.В. Фрунзе, созданных в ряде округов, учились офицеры разных рангов и возрастов: от лейтенантов до комбригов, получивших в 1940 году генеральские звания. В целом это было неплохо: мы, молодые и неопытные слушатели, перенимали от более подготовленных и умудренных опытом многолетней службы сокурсников их навыки и знания и многому научились. За пять месяцев до выпускных экзаменов нас вызвали в академию на итоговый учебный сбор. Мы прослушали ряд лекций опытного профессорско-преподавательского состава, с нами были проведены многие занятия на картах и на местности, консультации. Выпускные государственные экзамены мы, вечерники, сдавали вместе и наравне с слушателями основного курса. Делалось так, чтобы экзаменаторы не знали, кто из нас вечерник и кто с основного дневного курса. Успехи вечерников оказались нисколько не ниже показателей тех, кто три года учился в стенах академии и не знал никаких забот, кроме учебы. Учили нас всесторонне и капитально. Мы получили нужные знания, но главным образом в области тактики до корпуса включительно и по военной истории. С оперативным искусством нас ознакомили лишь в общих чертах, ограничившись обзорными лекциями по наступательной и оборонительной операциям армии. Вопросы военной стратегии не затрагивались. Оперативное искусство и стратегия в программы не включались, это было прерогативой Академии Генерального штаба. Несколько странно то, что способы военных действий в ведущейся и все больше и больше разгоравшейся Второй мировой войне в Европе мы почти не изучали. Эти вопросы были ограничены двумя очень общими лекциями по тактическим приемам немецко-фашистской армии, без глубокого анализа и практических выводов. Это было большим пробелом в нашей подготовке, сказавшимся с началом Великой Отечественной войны.

Стремительное вторжение механизированных масс вражеских войск на нашу территорию, господство авиации противника, глубокое проникновение в нашу оборону танковых клиньев, массовое окружение врагом крупных группировок наших войск не предвиделись, и способы ведения боевых действий в таких условиях мы не изучали. С началом войны и в ее первом периоде все это на нас свалилось как снег на голову, и мы не были подготовлены к борьбе в такой неожиданной обстановке. Об этом пришлось горько пожалеть многим из нас. Следует, однако, заметить, что, будучи на пятимесячном сборе при академии, мы не были изолированы от происходящих в мире и в стране событий: лекции, взаимный обмен информацией, сообщения радио и газет в какой-то мере держали нас в курсе дела, но слишком вообще и порой извращенно. Мы в кулуарах вне занятий обсуждали военные действия в Европе и спорили до хрипоты между собой: одни предвещали победу Германии, другие верили в победу западных союзников. Но вопросы, связанные с возможным вторжением Германии в нашу страну, не приходили никому в голову. Казалось, что война в Европе настолько далека от нас и настолько нас не касается, что о ней не стоило много говорить. Видимо, поэтому мы в академии детально не изучали ни вероятных театров военных действий, ни операционных направлений, на которых можем оказаться в случае войны. Не нашлось учебных часов и для тщательного изучения организации, тактики и вооружения немецко-фашистских войск, хотя теория Гудериана о массированном использовании танков в современной войне, уже применявшаяся на практике, от нас не ускользнула. Но академия к этому почти причастна не была. В общем, в вопросах возможной войны мы целиком полагались на наше высшее руководство и командование: они-то,

дескать, знают все и, в случае необходимости, сумеют поступить соответственно. Мы помнили как-то сказанные К.Е. Ворошиловым слова: «Мы не только умеем воевать, но и любим воевать». В ходе войны мне не раз приходили на память эти самоуверенные слова «любителя воевать». Что касается умения, то он его полностью имел возможность проявить, будучи главнокомандующим Северо-Западным стратегическим направлением.

Не теряя связи с округом, я знал, что проходит скрытая мобилизация под видом учебных сборов, идет отправка войск на запад. Смысл происходящего мне был понятен из оперативного и мобилизационного планов, к которым я имел касательство, как офицер оперативного отдела. Хотелось скорее убыть к месту службы и взяться за живую работу. Ждать было недолго. К 1 мая государственные экзамены закончились, а после праздника нам выдали дипломы об окончании академии за подписями председателя госкомиссии генерала Красильникова и начальника академии генерала Хозина. Мы официально получили высшее военное образование.

Для каждого молодого человека, посвятившего себя военной службе, окончание академии имело немаловажное значение. Оно открывало широкие возможности в продвижении по крутой служебной лестнице и проявлении способностей в многогранной военной деятельности.

Я мысленно подводил итоги своей нелегкой более чем семилетней военной службы с удовлетворением и с гордым чувством. И все же из стен прославленной общевойсковой академии я выносил некоторое огорчение. Ведь я успешно окончил одну из лучших по тому времени артиллерийских школ, служил большую часть в артиллерии и гордился своей специальностью, считая себя артиллеристом до мозга костей. Мне тогда представлялось, что окончить артиллерийскую академию куда важнее, чем общевойсковую, тем более если это касалось артиллерийского командира. Обуревали опасения, что с окончанием общевойсковой академии придется лишиться полюбившейся профессии. Мои опасения оправдались, хотя это и не было обязательным. Но эту деталь я считал не столь уж важной и был всецело поглощен сознанием, что удалось получить высшее образование, и радужными перспективами. Мне было 27 лет, и служба складывалась благоприятно. С окончанием военной школы мне было присвоено звание «лейтенант», а через два года досрочно, в виде исключения, я получил очередное звание. Успешное командование полубатареей и батареей привлекло ко мне внимание старших начальников, и я был назначен с большим повышением на важную мобилизационную, а затем оперативную работу, что говорило об оказанном мне доверии. К тому же народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов наградил меня почетным знаком «Отличник РККА». Это удавалось далеко не каждому.

Одним словом, к маю 1941 года остались позади и три года напряженной учебы в академии без освобождения от службы, как говорится, без отрыва от производства, и волнения выпускных государственных экзаменов, и трудности совмещения службы с учебой.

Глава 5

Прием в Кремле

1

Получив диплом об окончании академии и торжественно отметив Первомайский праздник в Москве среди друзей и однокурсников, в первых числах мая 1941 года мне предстояло возвращаться в Ростов-на-Дону для продолжения службы в штабе Северо-Кавказского военного округа, где к тому времени состоял на должности старшего офицера оперативного отдела по зенитной артиллерии.

Хотя пять месяцев нахождения на итоговом академическом сборе пролетели быстро и почти незаметно, такой длительный отрыв от основной служебной работы и от семьи тянул поскорее вернуться домой. Все было готово к отъезду. И вдруг последовала команда: до

особого распоряжения не разъезжаться.

В деятельности командования академии, среди курсовых начальников и преподавателей и некоторой части выпускников бросалась в глаза повышенная активность и озабоченность: что-то в узком кругу обсуждалось, составлялись какие-то списки, уточнялись биографические данные и учебные показатели выпускников, о чем-то перешептывались. Одним словом, что-то тайное и важное вошло в нашу среду, вызывая беспокойство и неопределенность. Одолевало любопытство докопаться до истины. Но это было не так просто. Излишняя любознательность всегда выглядит неприлично, а в военной среде вызывает если и не подозрение, то настороженность.

Огорченный тем, что отъезд откладывается, и пытаясь выяснить внезапно возникшую новую ситуацию, я стал расспрашивать товарищей о случившемся, но ничего толком узнать не удалось. Мои домогательства вызывали кое у кого загадочные улыбки и намеки на нечто важное, таинственное и не подлежащее разглашению. Два моих близких друга и товарища по учебе Борис Пономаренко и Александр Иванов знали не больше моего.

Любопытство было удовлетворено только тогда, когда мне вручили красиво отпечатанное в типографии приглашение на правительственный прием и пропуск в Кремль за подписью коменданта Кремля генерала Спиридонова. Оба моих друга приглашений и пропусков не получили.

Дело в том, что на прием приглашались выпускники и начальствующий состав всех военных академий, в том числе и находящихся в других городах, их было много и, по-видимому, пригласить всех возможности не представлялось. Поэтому от каждой академии приглашалось ограниченное число выпускников и преподавателей. На кого падет счастливый выбор, решалось в академиях.

В академии имени М.В. Фрунзе, как и в других, включили в списки приглашенных тех, кто имел лучшие показатели в учебе по итогам выпускных экзаменов и кто был старше по воинскому званию, так как на заочных факультетах и вечерних отделениях учились офицеры в званиях от лейтенанта до полковника. Были даже комбриги и генералы. Имея воинское звание старшего лейтенанта, я не мог рассчитывать на приглашение по этому показателю. Меня не обошли, как отличника РККА и окончившего курс с высокими результатами.

Как бы там ни было, но я шел на исторический прием. Жаль было смотреть на огорченных и завидовавших мне товарищей, но ничего нельзя было изменить.

Вечером 5 мая вместе с другими счастливыми я отправился в Кремль, где до этого ни разу не был и даже не мечтал побывать.

2

Кремлевский зал заседаний Верховного Совета СССР был заполнен исключительно военными. Чтобы лучше рассмотреть И.В. Сталина и четче расслышать его ожидавшееся выступление, я попытался пробраться поближе к первому ряду кресел. Но это мне не удалось: незнакомый офицер, наблюдавший за порядком, не пропустил меня ближе шестнадцатого ряда; он сухо заявил, что дальше проходить нельзя, так как там места предназначены для других лиц. Это меня несколько разочаровало, но препираться не было смысла, и я занял место в шестнадцатом ряду.

Вначале меня беспокоило опасение, что так далеко от сцены, где должен был появиться президиум, я не смогу хорошо рассмотреть и расслышать И.В. Сталина. А ведь в то время близко видеть вождя и слышать его живую, а не по радио речь считалось большим счастьем. И вот я становился человеком, видевшим и слышавшим живого Сталина и его ближайших соратников. Подвернется ли когда-либо в ближайшем будущем еще такой счастливый случай? Тогда я не мог предполагать, что мне придется неоднократно видеть И.В. Сталина, слышать его спокойную и до предела четкую речь и даже писать ему во время войны.

Успокоившись, я заметил телефон, встроенный в подлокотник кресла. Нетрудно было догадаться, что это устройство не что иное, как усилитель слышимости в зале. Опасения

что-либо не услышать рассеялись.

Наступило назначенное время, и в помещении установилась торжественная тишина. Все с нескрываемым волнением ждали появления руководителей партии и правительства, захваченные интересом: действительно ли удастся увидеть вождя, услышать его голос? Что он скажет?

И вот слева из боковой двери на сцену выходят члены Политбюро и советского правительства: Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Буденный, Тимошенко и др. Среди них – единственная женщина, активная в то время общественная деятельница в Верховном Совете СССР Асланова.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, вежливо подталкиваемый И.В. Сталиным, выходит вперед и останавливается за центром большого стола. Как только руководители партии и правительства показались на сцене, весь зал загудел, присутствующие вскочили с мест и дружно зааплодировали. Раздались возгласы «Да здравствует товарищ Сталин! Слава партии Ленина – Сталина!» и другие подобные лозунги. Овация бушевала несколько минут. Аплодировали все находившиеся в зале и в президиуме. Аплодировал и сам Сталин. Восторженность не затухала, а нарастала. Жест рукой Тимошенко, приглашающий сесть, прервал овацию, и все заняли свои места. Шум круто оборвался, и в зале наступила глубокая тишина.

Выступление И.В. Сталина ожидалось всеми нами с неопишным нетерпением и интересом. Это объяснялось не только тем, что нам посчастливилось видеть и слышать вождя, каждое слово которого считалось непогрешимой и мудрой аксиомой. Тому были более глубокие причины.

В Европе полыхала война. Гитлеровские полчища триумфальным маршем прошли почти всю Западную Европу, сметая на своем пути все и вся, разгромили Польшу и Францию, поработили народы многих стран, опутав их фашистской паутиной и развесив повсюду кровавые флаги со зловещей свастикой.

Геббельсовской пропагандой создавался миф о непобедимости германской армии, продолжавшей воздушную войну с Англией.

С гитлеровской Германией у нас был договор о ненападении, и казалось, нашей стране в ближайшее время ничто не угрожало. И все же события на Западе тревожили каждого из нас.

В академии при изучении международного положения вопросы взаимоотношений нашего государства с Германией затрагивались лишь вскользь, в общих чертах, без какой-либо существенной критики немецко-фашистского руководства. Касаясь военных действий в Западной Европе, нас очень общо знакомили с методами боевых действий и формами маневра германских вооруженных сил с точки зрения чисто военной. Наша печать в то время по вопросам взаимоотношений с Германией вела себя сдержанно и успокаивающе.

Не будучи в достаточной степени информированными по важнейшим международным событиям, мы нечетко представляли себе суть дела и часто спорили между собой по тем или иным моментам происходящего в мире, многое казалось непонятным и сомнительным. Кое-кто из нас высказывал соображения о том, что Гитлер прикрывался со стороны Советского Союза договором о ненападении и тем самым обеспечивал себе безопасность с востока при расправе с западными противниками, исключив какие-либо препятствия с нашей стороны. Некоторые же не соглашались с такими «политически незрелыми рассуждениями» и высказывали противоположные суждения, ничего не подвергая сомнениям. В этих спорах мимо нашего внимания не прошло и заявление германского министра иностранных дел Риббентропа в Москве после подписания упомянутого договора, когда он сказал, что надеется видеть Москву в ближайшем будущем еще более красивой. В этом заявлении некоторые наши товарищи усматривали далекоидущие намеки. Обсуждалась и недавняя поездка советской правительственной делегации во главе с Молотовым в Берлин, вызвавшая различные суждения в связи со слишком общими сообщениями печати об этой поездке.

Было ясно, что возникли какие-то неразрешимые противоречия. Эти споры и рассуждения велись в кулуарах, возникая стихийно, ибо на занятиях и в официальных беседах такие проблемы не затрагивались. Здесь беседы не выходили за рамки сообщений печати, время от времени опровергавших тревожные слухи о недружественных поступках германского правительства по отношению к нашей стране. В то же время развертывание и наращивание сил Красной армии и перемещение войск к западным границам, о которых мы не могли не знать, красноречиво говорили о надвигающейся опасности войны. Во всем этом надо было разобраться. И мы ожидали, что выступление перед нами И.В. Сталина все прояснит, поставит точку над всеми суждениями и спорами.

Официальную часть правительственного приема, посвященную выпуску слушателей военных академий, открыл Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Он предоставил слово для рапорта правительству об очередном выпуске из военных академий нового отряда командиров РККА с высшим военным образованием генерал-лейтенанту А.К. Смирнову, бывшему в то время начальником Управления военно-учебных заведений Красной армии.

Генерал вышел на трибуну и ровным, спокойным голосом без видимого волнения доложил о результатах выпуска очередного отряда командиров с высшим образованием. Он отметил, что военные академии дают Красной армии квалифицированных, преданных партии и советскому народу политически грамотных командиров. Особый упор он сделал на то, что слушателей в академиях учили тому, что нужно в современной войне, в условиях, приближенных к боевым, что выпускники хорошо изучили новые образцы боевой техники и вооружения, которыми оснащается Красная армия благодаря заботам партии и правительства, благодаря самоотверженному труду советского народа, ничего не жалеющего для обороны своего социалистического отечества. Докладчика выслушали внимательно, не прерывая. Казалось, что руководство докладом удовлетворено. И мы и руководители поаплодировали оратору.

Затем с приветствием выступил Михаил Иванович Калинин. Всесоюзный староста тепло поздравил выпускников и преподавателей с достигнутыми успехами, дал короткое напутствие и высказал добрые пожелания нам в дальнейшей работе и службе на благо Советской родины. Михаил Иванович особо ярко подчеркнул тот момент, что в академиях мы получили только начальные теоретические знания и навыки командиров с высшим образованием. Указав, что нам предстоит и дальше кропотливо и много учиться самостоятельно на практической работе в войсках и штабах. Слушали мы М.И. Калинина с теплотой и любовью. Ведь это был наш высокоуважаемый всесоюзный староста. Так его называли в народе.

И вот слово предоставляется Иосифу Виссарионовичу Сталину. Маршал Тимошенко сделал это объявление с особым ударением и возвышением голоса. Мы вскочили со своих мест и неистово зааплодировали. Аплодировал и сам Сталин. В зале стали раздаваться торжественные возгласы в честь вождя, в честь партии. Овация длилась несколько минут.

И.В. Сталин подходит к трибуне и кладет на нее маленькую бумажку, – по-видимому, на этой крохотной бумажке были перечислены вопросы, которые он намеревался осветить.

За трибуной Сталин не стоял, он занял положение между столом и трибуной. В ходе выступления он время от времени подходил к трибуне и мельком заглядывал в записочку, взяв и снова положив ее на место, занимал прежнее положение. Выступление не по бумаге, не по заранее написанному тексту вызывало к нему еще большее уважение. Не было заметно никаких признаков того, что его выступление стенографируется или как-либо фиксируется. Представители прессы не присутствовали. Нас заранее предупредили, что будет сказано что-то очень важное, доверительное только для нас, не подлежащее разглашению, и потому записывать выступление не разрешалось. Но я все же умудрился основной смысл речи незаметно записать в маленьком блокноте, предусмотрительно захваченном с собой. Записывал я отдельные фразы и слова так, чтобы смысл был понятен только мне одному, чтобы никто другой не смог разобраться в моих пометках. Это была неполная и краткая запись, но она позволяет воспроизвести в памяти главное содержание сказанного. Этот

блокнотик прошел со мной всю войну, с ним я переплывал реки под огнем противника, ходил по территории, занятой вражескими войсками, и сберег его вместе с партийным билетом, удостоверением личности и пистолетом. Его я берегу и теперь, как дорогую реликвию. Вглядываясь в полустершуюся карандашную запись, я мысленно возвращаюсь в кремлевский зал, и в памяти звучит проникновенная и прозорливая речь И.В. Сталина в преддверии Великой Отечественной войны, неизбежность которой он предсказал уже тогда, предвидя ее вероятный характер, исход и последствия, вселил в нас уверенность в окончательной победе над сильным и коварным врагом.

Полагаясь на не подводившую меня память и скудную запись, я постараюсь изложить это историческое выступление главы партии и вождя советского народа в том виде, в каком оно мне запомнилось и представляется сейчас, спустя многие годы. Может статься, что я и допущу незначительные неточности и неисчерпывающую полноту речи И.В. Сталина из-за несовершенства человеческой памяти, подверженной размыванию потоком времени, но я уверен, что общий смысл ее передам правильно.

3

Свое выступление И.В. Сталин разделил на разные по значимости и объему части. Говорил он спокойно, ровным голосом, четко выражая каждое слово, отчерчивая каждую фразу, как законченную мысль. Сильно заметный грузинский акцент не мешал четкости выражений и яркости речи. От этого она приобретала особую самобытную окраску и неповторимость.

Как только стихли аплодисменты, оратор сердечно приветствовал выпускников академий и поздравил с успешным окончанием учебы. С отеческой теплотой он оценил учебные старания слушателей академий и труд командиров и преподавателей. Выразил он это сердечно, коротко и больше не возвращался к этому вопросу.

Очаровывала последовательность выражения мысли, глубокая убедительность сказанного, взаимосвязь освещаемых вопросов и удачные переходы от одной концепции к другой. Речь дышала уверенностью, несомненностью суждений, ненавязчивостью. Она была свободна от самолюбования оратора и поучительности тона. Чувствовалось во всем, что говорит человек, обладающий широкой эрудицией, глубоким знанием дела и не кичащийся своим высоким положением в партии и государстве. Веяло простотой и душевностью.

Мы слушали его с непоколебимой верой и преданностью, с гордостью, надеждой и уверенностью в будущем, смотрели на него как на мудрого вождя и учителя, подхватившего великое знамя коммунизма из рук В.И. Ленина и с честью несущего это святое знамя к великой цели, возглавляя ленинскую партию и многомиллионные народные массы. Мы с сердечной теплотой смотрели на сидящих в президиуме его известных в народе соратников, с молодых лет посвятивших себя революции, прошедших тюрьмы и ссылки во имя будущего народа, отдавших себя целиком служению делу великого Ленина. Хотелось быть хоть капельку похожим на них, подражать им в работе и жизни, под их руководством идти в смертный бой на защиту завоеваний Великого Октября.

После приветствия и поздравления И.В. Сталин чуть заметно улыбнулся и перешел к замечаниям по рапорту генерала Смирнова и в адрес начальников академий, присутствовавших в зале.

В адрес генерала Смирнова он высказал примерно следующее:

– Только что докладывал правительству генерал Смирнов, отметивший, что в наших академиях учат тому, что нужно на войне. Говорил он неправду, и я ему не верю.

Это замечание вызвало настороженность и недоумение. Но все прояснилось с продолжением речи оратора. Сталин обратился к начальнику Военно-воздушной академии генералу Н.А. Соколову- Соколенку:

– Какие военные самолеты вы изучаете со слушателями? Старые? Несекретные? А новые современные образцы прячете от них под брезентом. Почему? Скажете, что эти

самолеты секретные, – ответил он за начальника академии, стоящего в зале навтытяжку. – Для кого секретные? Для тех, кто на них пойдет в бой? Так, что ли?

Соколов-Соколенок ничего сказать не решился, промолчал.

Затем оратор обратился к начальнику артиллерийской академии генералу Сивкову. Тот быстро поднялся с кресла и по-солдатски принял стойку «смирно».

– А вы какие орудия изучаете со слушателями? Тоже старые, несекретные?

Генерал Сивков также промолчал, не решившись что-либо сказать в свое оправдание. Да и как было оправдываться, когда Сталин говорил истинную правду.

Примерно таким же образом Сталин поднял с кресел и некоторых других начальников академий.

Развивая мысль, оратор перечислил образцы новых самолетов, танков, артиллерийских орудий, военных кораблей, отметив их высокие боевые качества и перспективу оснащения ими войск.

Мы были потрясены. Глава правящей партии откровенно говорил чистойшую правду. Для нас это был больной вопрос. Действительно, о последних образцах боевых самолетов, танков, артиллерийских систем и некоторых видов боеприпасов мы лишь слышали и имели довольно-таки смутное представление. Изучение устройства этого нового оружия и способов его боевого применения в академиях не практиковалось. Оно было строго засекречено. Даже тактико-технические характеристики новых образцов вооружения от нас скрывались. Их знали только те офицеры, которые имели к ним непосредственное отношение по службе вне академии. И вот И.В. Сталин высказался, и довольно резко, откровенно и ясно в нашу пользу. Его забота о повышении боеспособности войск со всей прямотой прозвучала в этих публичных замечаниях, и мы еще больше утвердились в уверенности, что он все знает до мельчайших подробностей и что скрывали от нас новейшие перспективные образцы боевой техники неправильно, вопреки мнению правительства; что это явление расценивается руководством как ничем не обоснованное и как вредное недоверие к тем, кто пойдет в грядущие бои с именно новым, современным оружием, поступающим на оснащение войск.

4

Такая забота о подготовке военных кадров и знание истинного положения дел в этом вопросе со стороны руководства страны нас буквально окрыляли, вызывали еще большую гордость за причастность к военной службе. Упущения теперь будут устранены, думалось нам. Так оно впоследствии и было: новые, перспективные образцы вооружения стали изучаться не только в академиях, но и в военных училищах и в войсках.

Затем И.В. Сталин перешел к следующей и основной части своего выступления, представляющей наибольший интерес и значимость. Прежде всего он заметил, что мы, окончив академии и побывав на встрече с руководителями партии и правительства, разъедемся в войска. Нас спросят на местах, как оценивает руководство страной развитие международных событий? Какие теперь стоят задачи перед народом и вооруженными силами?

– Я хочу кое-что разъяснить вам по этим вопросам, чтобы вы были ориентированы, могли правильно рассказать о складывающемся положении в мире и как расценивает правительство текущие события и ближайшее будущее, – с явной озабоченностью обратился оратор к аудитории.

Для нас это было очень важно. В академии мы изучали тактику, основы оперативного искусства, уставы, военную историю, марксистско-ленинскую науку и другие вопросы учебной программы. Но острые вопросы текущего момента, создавшегося международного положения и внешней политики нашего государства нам преподавались лишь в общих чертах, в рамках газетной информации. Многие оставались непонятным, волнующим. Опровержение в печати слухов о готовящемся нападении фашистской Германии на Советский Союз, мотивов сосредоточения крупной группировки немецких войск в

прилегающих к нашим западным границам районах, сообщений о неоднократном нарушении наших воздушных границ немецкими разведывательными самолетами вызывали самые различные кривотолки и недоумение. Хотелось услышать ответы на эти волнующие вопросы из уст самого Сталина, который должен внести ясность.

Развивая мысль, И.В. Сталин сказал, что за последние два года многое изменилось. Недавние военные конфликты в разных районах, в которых наша страна вынуждена была принимать участие, защищая свои государственные интересы, дали много важных и поучительных уроков. Они обогатили знаниями и более реальными взглядами на вещи тех людей, которые хотят обогащаться.

Мы, продолжал оратор, изучая уроки военных действий, извлекли определенный опыт из войны в Испании и особенно из недавней советско-финской войны. Здесь мы воочию столкнулись с принципиально новыми явлениями современной войны и сделали для себя практические выводы.

Красная армия теперь стала другой, чем была три-четыре года назад, пояснил он. Тогда основную ее силу представляла пехота, без механизированных войск, мало было авиации и танков. Главную массу армии составляли территориальные войска. Все это не соответствовало требованиям современной войны. Теперь мы создали кадровую армию, оснащенную новейшими самолетами, танками, артиллерийскими орудиями, боевыми кораблями, средствами передвижения и многим другим. Удельный вес механизированных, моторизованных и танковых соединений и частей резко увеличился. Оратор открыто назвал количество имеющихся у нас дивизий и сколько из них мотомеханизированных и танковых в относительных показателях к общему числу дивизий. Он сделал особый упор на происходящий процесс дальнейшего развития нашей кадровой армии и оснащения ее новой боевой техникой. Упомянув о безграничной любви советского народа к своей армии и о заботе партии и правительства о ее бойцах – красноармейцах и командно-политическом составе, он перешел к рассмотрению войны в Европе. Прежде всего остановился на фашистской Германии. Тут же в моей памяти всплыл такой случай. Однажды мы стали приставать к лектору-международнику с вопросами, касающимися договора с Германией о ненападении. Разъясняя выгодность для нашего государства этого договора, он в конце концов отделался известной поговоркой: «Когда садишься ужинать с чертом, бери ложку подлиннее», что должно было означать: на договор надейся, но бдительности не теряй, будь готов к любому вероломству, особенно когда это касается такого партнера, как германский фашизм. Слова Сталина о взаимоотношениях с этой вероломной и воинственной страной, захватывающей и порабащивающей одно государство за другим, представляли безграничный интерес.

В оценке И.В. Сталина положение выглядело так. Когда Германия, побежденная в Первой мировой войне, собравшись с силами, выступила за ликвидацию позорного и унижительного для немецкого народа навязанного ему Версальского договора, ее можно было понять. Но немецко-фашистское руководство, упоенное первоначальными легкими военными успехами, пошло дальше и выступило за гегемонию в Европе, навязывая свою волю другим народам, оккупируя их земли.

Война Германии носит несправедливый, захватнический характер, она направлена на порабощение народов. Ведется много разговоров, отметил далее оратор, распространяемых фашистской пропагандой, о непобедимости немецкой армии. Такие утверждения основываются на молниеносном разгроме Польши, а затем и Франции. Является ли в действительности немецкая армия непобедимой?

– Нет, не является! – ответил оратор на самим же поставленный вопрос. – Во-первых, непобедимых армий вообще не существует. Этот тезис относится и к немецкой армии, имеющей временные успехи...

Услышав это утверждение, я вспомнил распространенную у нас концепцию о непобедимости Красной армии. Но Сталин не сделал на сей счет никакой оговорки, следовательно, он относит понятие о непобедимости ко всем без исключения армиям, в том

числе и нашей. Одним словом, заявление Сталина как-то не вязалось с утвердившимся понятием, хотя он и говорил не о Красной армии, а о германской. «Сталин знает, что говорит, – подумал я. – Ведь его указания ни по какому вопросу не вызывали сомнений».

Хотя это положение высказывалось таким непререкаемым авторитетом, как Сталин, впервые, для нас оно не было открытием по существу, ибо каждый здравомыслящий человек отдавал себе отчет в том, что каждая армия стремится к победе; личному составу внушается вера в непобедимость своей армии, что должно вселять уверенность в благоприятном исходе вооруженной борьбы. Но для победы в войне одной веры в конечную победу далеко не достаточно, хотя она, эта вера, играет немаловажную роль, рассуждал я мысленно. И все же внушать армии несомненную веру в ее непобедимость значило демобилизовывать усилия личного состава, направленные на подготовку к тяжелой и опасной войне с сильным противником, необоснованно снижать меру опасности и невольно сеять безответственность в понятия определенной части людей, не находящихся логичным идти на смерть ради победы, которая и без этого якобы неизбежна для непобедимой армии.

Это были не просто досужие рассуждения. С такими отдельными явлениями приходилось встречаться в последующем, на войне. Мне представлялось, что И.В. Сталин высказывал тезис о том, что непобедимых армий не существует, не случайно. По-видимому, он имел здесь две цели: теоретически развеять миф о непобедимости немецкой армии – с одной стороны, и опровергнуть шапкозакидательские настроения, укоренившиеся в сознании некоторой части нашего общества в то время, – с другой.

– Во-вторых, – продолжал Сталин, – немецко-фашистская армия еще не имела перед собой достойного противника, способного переломать хребет ее бронированному чудовищу. Когда эта хваленая армия столкнется с по-настоящему сильной армией, она будет разгромлена наголову.

Он напрямик не сказал, что такой армией должна будет явиться именно Красная армия, само собой разумеется, что он имел в виду ее. В самом деле, в то тревожное время в мире не существовало армии, способной противостоять германским моторизованным армадам, кроме нашей Красной армии. В этом не было ни малейших сомнений. «Следовательно, нам придется помериться силами с кичающимися своей непобедимостью зарвавшимися фашистскими вояками», – подумалось мне.

– Говорить о непобедимости немецкой армии рано и в принципе неправильно, продолжал оратор. – Чем же объясняются успехи немецкой армии на данном этапе? – поставил вопрос Сталин. И тут же стал объяснять. Объяснение выглядело так.

Положение для немецкой армии сложилось намного благоприятнее, лучше, чем для французской или английской армии. А это очень важно, этого нельзя не учитывать. Здесь проявились глубокие причины. Наш великий учитель Владимир Ильич Ленин, особо подчеркнул оратор, как-то сказал, что разбитые, побежденные нации хорошо учатся. Со своей стороны я могу добавить, что и разбитые армии хорошо учатся. Так получилось и с Германией. Будучи разгромленной в Первой мировой войне, она извлекла горькие уроки из своего поражения, сделала необходимые выводы и создала мощные вооруженные силы, оснастив их современным вооружением и другой военной техникой. Под лозунгом реванша за поражение германская армия воспитывается в воинственном, захватническом духе, ей прививаются бесчеловечные, аморальные свойства, дух агрессии и порабощения других народов.

Вооруженным силам в Германии придается чрезвычайное значение: на их содержание, подготовку и развитие тратятся колоссальные средства. Стремление немецко-фашистских руководителей к установлению военной силой гегемонии в Европе, а затем и во всем мире превратило страну в гигантский военный лагерь. Все подчинено военным акциям, захвату чужих земель, разжиганию ненависти к другим народам, укоренению расистского мракобесия.

Упоенное легкими успехами, немецко-фашистское руководство потеряло голову и уверовало в свои безграничные военные возможности. Привилегированное положение

военных в стране, особенно офицерского состава, необузданные грабежи и бесчинства в побежденных странах усилили завоевательские устремления немецких войск, утвердили в их сознании веру в безнаказанность и превосходство немецкой нации над другими народами.

Попустительство и уступки западных капиталистических держав, стремящихся направить Германию против Советского Союза, дали возможность ей захватить Западную Европу и мобилизовать весь ее военно-экономический потенциал для дальнейшего ведения агрессивных войн. Это намного усиливает военные возможности фашистской Германии. И все же фашистское руководство Германии ставит перед страной и ее вооруженными силами военно-политические цели, не соответствующие их реальным возможностям. Такая политика приводит к авантюризму, прикрываемому мифом о непобедимости.

Как бы ни развивались события в ближайшем будущем, в конце концов фашистская Германия будет разгромлена и поработенные народы Европы освободятся от фашистского ига.

– Какого же противника до сих пор имела перед собой германская армия? – продолжал развивать мысль И.В. Сталин. – Это устаревшие французская и английская армии. Франция и Англия, выйдя из Первой мировой войны победительницами, самоуспокоились, не извлекли из победы правильных уроков, слабо воспринимали новые явления, возникавшие с развитием исторического процесса и военного дела. Они смотрели не вперед, а назад, самодовольно упиваясь собственными победами. Эти страны не уделяли должного внимания своим армиям, переоценили свои захваченные благодушием армии.

Военные люди в этих странах оказались в самом невыгодном положении. Поэтому у них в армию шли и пополняли офицерский корпус только неудачники, которые не могли благополучно устроить свою жизнь в гражданских условиях.

Подчеркивая непопулярность армий в названных странах, победивших в Первой мировой войне, оратор со сдержанной улыбкой проиллюстрировал высказанную мысль примером.

– Ну, скажем, в Англии, например, дошло до того, что там порядочная девушка не выходит замуж за военного. Такое же примерно положение и во Франции. Это наглядно показывает положение там людей, посвятивших себя армии.

Эту часть своего выступления Сталин закончил тезисом, который я записал дословно. Он сказал: «Страна, которая не ценит и не любит свою армию, которая не готова носить ее на руках, не может иметь сильной армии».

Затем он коротко сказал о любви советского народа к Красной армии, об уважении у нас в стране к военнослужащим, о заботе о них. Чуть повысив голос, оратор отметил, что у нас лучшие люди идут в армию, становятся на защиту своей социалистической Родины, посвящая себя целиком военной службе, став красным командиром или политработником.

– Военная профессия у нас – профессия почетная. Делом чести считается военная служба, – закончил он эту часть выступления.

В последнем разделе речи И.В. Сталин остановился на внутреннем положении страны, назвав его прочным, и подчеркнул сложность обстановки в мире.

– Мы стоим на пороге большой войны, которой, по-видимому, избежать невозможно, – озабоченно заявил он. – Своей правильной политикой, и, в частности, договором с Германией о ненападении, мы выиграли определенное время. Но нам нужны хотя бы еще один-два года для перевооружения войск на новую боевую технику и освоение ее.

Подчеркнув необходимость всемерно повышать боеспособность Красной армии и флота и обратив внимание, не вдаваясь в подробности, на стоящие перед нами задачи, он выразил уверенность в мощи нашей армии и флота и что они справятся с возложенными на них задачами.

– А теперь, – закончил свое выступление И.В. Сталин, – товарищ Тимошенко приглашает вас на скромный товарищеский ужин.

Все вскочили с мест, и буря аплодисментов заполнила зал. Раздавались возгласы в честь товарища Сталина, партии, правительства. Овация долго не стихала. Аплодировали

все, в том числе и Сталин.

Не спеша руководители ушли со сцены в ту же боковую дверь, что и вошли.

Взволнованные, с приподнятым настроением, с чувством гордости и собственного достоинства мы стали расходиться по банкетным залам, разыскивая свои места, указанные в приложенном к приглашению бумажном листочке.

5

Мне было определено место в Новом зале, уставленном длинными столами, покрытыми белоснежными скатертями. Красивая сервировка столов блистала непривычной роскошью. Тонкий фарфор и серебро слепили глаза. Столы, как говорится, гнулись от разнообразных закусок. Лежали и папиросы «Северная пальмира» без упаковки, рассыпью, в длинных хрустальных папиросницах. Спиртных напитков на столах не было.

По обе стороны каждого стола садилось по десять человек. Когда все расселись, обнаружилось, что среди нас по краям стола оказалось два незнакомых человека в штатском. Это вызвало любопытство и стесненность. Кто эти люди и почему втерлись в нашу компанию? Началось перешептывание. Мы пришли к выводу, что эти свидетели были приставлены к каждому столу слушать наши разговоры и выяснять настроения. На вопросы, кто они и почему сидят с нами, они без тени смущения отвечали, что их роль – поддерживать компанию и помочь нам правильно ориентироваться за ужином в непривычной обстановке.

За спинами гостей стояли официанты – молодые мужчины в аккуратных одинаковых черных костюмах и с салфетками в руках. Они осведомлялись, что мы будем пить, предлагая водку, коньяк, виноградное вино. Я решил пить только шампанское, не смешивая его с другими напитками, чтобы не пьянеть. Как только бокал освобождался, официант наполнял его снова. Ужин был роскошный, и я многие блюда пробовал впервые.

Руководители партии и правительства во главе с И.В. Сталиным сидели в Георгиевском зале. Помещения были озвучены – и хорошо слышалось все происходящее.

Провозглашались тосты, произносились короткие речи. Сталин обращался к присутствующим несколько раз. Он предлагал выпить за Красную армию, Военно-морской флот, авиацию, персонально за некоторых военачальников; за адмирала Кузнецова он поднял тост за вечер два или три раза. На это обратили внимание. Но было непонятно – или он этим хотел показать особое внимание к этому незаурядному флотоводцу, или подчеркивал возросшую роль флота в стране. Оживление в залах нарастало, некоторые товарищи выходили из-за столов, подходили к другим столам и чокались с сидящими за ними. Кое-кто из руководителей пошел по залам, подходя то к одному, то к другому столу, поздравляя питомцев академий и высказывая добрые пожелания; пили с ними по рюмочке. Когда в наш зал вошел товарищ Мануильский, мы стали его качать, осторожно подбрасывая чуть ли не до потолка.

Ужин проходил в теплой и дружеской обстановке. Кое-кто хватил лишнего и шумно высказывался, не обращая внимания на подсадных в штатском. Те слушали, наблюдали, но в разговор не вмешивались.

Руководители как-то незаметно ушли. Дело близилось к концу. Я с двумя товарищами выбрался из помещения, когда многие еще не подавали виду, что пора сматываться, чтобы пройтись по территории Кремля, прежде чем отправиться домой. Хотелось взглянуть на Царь-пушку и Царь-колокол. Там, где стояли эти реликвии, освещалось слабо. Как только мы остановились у Царь-пушки, возле нас возник человек в штатском и заявил, что здесь стоять нельзя. После сдержанной дискуссии со стражем порядка мы вышли из кремлевских ворот на Красную площадь.

6

Сообщение о речи Сталина на приеме в Кремле 5 мая 1941 года вызвало живой интерес

мировой прессы. Иностранные корреспонденты сбивались с ног, стараясь выяснить содержание этой речи, имевшей важное значение, произнесенной фактическим руководителем Советского государства и вождем советского народа перед командирами Красной армии в беспокойное время Второй мировой войны, вмешательство или втягивание в которую Советского Союза должно будет оказать решающее влияние на ее дальнейший ход и окончательные результаты.

Но эта речь так и не появилась на страницах газет ни в нашей стране, ни за границей. Сенсации не было. Сообщение о ней ограничилось заметкой в газете «Правда» под заголовком: «Торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии».

Даже такой известный английский журналист, как Александр Верт, в своей книге «Россия в войне 1941–1945», написанной много лет спустя, упоминая об этом выступлении И.В. Сталина, смог привести только выдержку из упомянутой заметки в газете «Правда», где было сказано: «Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие в последние годы в Красной армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе. Речь товарища Сталина продолжалась около сорока минут, была выслушана с исключительным вниманием».

Приведя эту выдержку из советской газеты, Александр Верт заметил: «Ясно, что за 40 минут он сказал гораздо больше, чем только это».

Иностранный корреспондент был прав.

Глава 6 Накануне

1

«Южный экспресс» плавно отошел от Курского вокзала и развивал скорость, оглашая окрестность продолжительными гудками локомотива, время от времени выдыхающего белесые шлейфы пара. По обширным просторам полей ползли трактора, завершая весенний сев. В бело-розовом убранстве просматривались стройные ряды фруктовых деревьев. Весна была в самом разгаре, прозрачно дымясь над пахотой и сочно позеленевшими рощами. После длительного бега поезд останавливался на больших станциях, проскакивая без замедления хода второстепенные и быстро мелькавшие полустанки. На остановках пассажиры выходили из вагонов подышать свежим воздухом и закусить продовольствием и прохладительными напитками в вокзальных буфетах и на пристанционных базарах. Обстановка выглядела обычно, спокойно. В залах для транзитных пассажиров и у билетных касс толпились весело настроенные и прилично одетые люди. Многие были с детьми, преимущественно дошкольного возраста. Ехали в отпуска, командировки, на курорты, в гости к родственникам. Наступавшее лето тянуло жителей северных городов на благодатный юг, к морю. В общем, жизнь текла мирно, деловито, ритмично. Поезда проходили точно по расписанию. Ничто предвоенную обстановку не напоминало.

Но я смотрел на все это по-своему, охваченный размышлениями о прошлом и будущем. В неизбежности в ближайшее время войны у меня не оставалось ни малейшего сомнения. Но я верил в силу нашего Советского государства, в победу над врагом, если он осмелится напасть на нас. Однако я не был большим оптимистом в этом вопросе и не верил в быструю и легкую победу. Опыт недавних войн и военных конфликтов в Испании, в Финляндии, у реки Халхин-Гол, который мне пришлось изучать и осмысливать, раздумья над участью Польши и Франции, а также теоретическая учеба в академии и впечатления от речи И.В. Сталина на приеме не позволяли разделять суждения некоторых легковерных оптимистов о

том, что наши братья по классу, то есть трудящиеся капиталистических стран, не только не станут воевать против нас, а наоборот, с нападением империалистов на страну социализма повернут оружие против собственной буржуазии и совершат пролетарскую революцию чуть ли не во всем мире. Я ясно представлял себе сложность отношений между государствами и нациями, между их политическими группировками, силу пропаганды и обмана правящими классами трудового народа, насилия над ним. На основе изучения марксистско-ленинской науки, военной истории и сущности гражданской войны в нашей стране я в общем-то знал рычаги, толкающие народные массы друг против друга, нередко ради чуждых им интересов. И в то, что трудящиеся капиталистических стран не пойдут на нас войной в составе армий своих государств, я не верил. Да это в последнее время и не муссировалось пропагандой. Современные войны ведутся массовыми армиями, которые нельзя создать из одних эксплуататоров. Правящие классы гонят в бой прежде всего трудящихся. Это ясно. В самом деле, если бы дело обстояло именно так, как иной раз утверждали упомянутые выше свехреволюционные оптимисты, то капиталисты не решились бы на войну с нами. Разве в Испании на стороне Франко воевала только буржуазия, разве в японских дивизиях, напавших на МНР в 1939 году, были одни капиталисты? – рассуждал я. Нет, дело обстоит куда сложнее. При капитализме народ своей судьбой до поры до времени не распоряжается, он не волен уклониться от войны другим путем, кроме как революционным. Но для этого должна созреть революционная ситуация, вспоминалась теоретическая трактовка. Ведь войну подготавливают и развязывают, а следовательно, и ведут правительства, а исполнителем ее, живым материалом, пушечным мясом является народ, главную массу которого составляют трудящиеся. Как в производстве материальных благ, так и на войне главная и основная тяжесть ложится на плечи трудового народа. Правительства и правящие классы располагают многими и разнообразными средствами и способами, чтобы бросать в пожарище войны если и не все, то почти все способное воевать население. Ведь немецко-фашистская многомиллионная армия состоит преимущественно из трудового народа, одурманенного нацистским угаром и направляемого рычагами принуждения и террора, а также заманчивыми посулами.

Да, думалось, война приближается и будет она нелегкой – на то и война!

Для меня, как и для большинства, а может быть, и всех моих товарищей по академии, было почти несомненным – это красной нитью проходило во всей нашей учебе и прививалось в политическом воспитании, – что мы будем воевать только на чужой территории, что мы в ответ на нападение перейдем в наступление и будем наступать вплоть до полного разгрома врага. Оборона может иметь место только как вынужденное, временное явление, когда наступление или невозможно, или нецелесообразно в то или иное время, на том или ином направлении. Победа может быть достигнута только решительным наступлением, завершаемым уничтожением или пленением живой силы противника.

«Мы чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому», – вспоминался оптимистический тезис. И все же снова и снова вставали во весь рост вопросы: когда же грянет война, как это произойдет, как она сложится, сколько времени будет продолжаться? Что ожидает самого меня? Сомнений же в нашей победе не возникало: таких мыслей нельзя было допустить. И их не было.

Я снова воспроизводил в памяти речь И.В. Сталина, готовясь к ее пересказу в штабе округа.

Мои нестройные рассуждения в пути не были признаком ни отчаяния, ни робости, ни уныния перед лицом надвигающихся великих событий. Наоборот, настроение было приподнятым. Для профессионального военного это даже интересно и захватывающе – применить на практике свои знания, выполнить долг перед Родиной, свершить воинский подвиг, отдав дань своей военной профессии сполна. Это, как мне представлялось, возможно только на войне. И все же войны не хотелось.

Страна восстановила, наладила и подняла народное хозяйство, установила порядок. Люди стали жить хорошо, трудятся с радостью, духовно развиваются и довольны своим

положением, жизнью, результатами труда. А война, безусловно, затормозит на какое-то время наши великие стройки, отвлечет от мирного труда много людей, поглотит массу материальных средств, вызовет человеческие жертвы и разрушения, наплодит сирот и оставит вдов. Не хотелось, чтобы люди снова стали жить хуже. Даже небольшая война с Финляндией заметно повлияла на положение в стране, нарушила в известной мере нормальный ход жизни, вызвала трудности. Это я знал. Война же с Германией – совсем другое. Это вступление нашей страны во Вторую мировую войну со всеми вытекающими последствиями, академически рассуждал я, стараясь мысленно представить эти последствия. Конечно, я не мог даже приблизительно нарисовать себе картину напряжения, жертв и страданий, разрухи и разорения, которые потом принесла нашему народу и каждому из нас эта гигантская бойня.

Поезд был радиофицирован, и, погружаясь в раздумье, я старался не пропустить ни одной передачи последних известий: динамик в купе держал все время включенным. И вот по радио передали сообщение о назначении товарища Сталина председателем Совета народных комиссаров. Из зачитанного диктором указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1941 года следовало, что генеральный секретарь ЦК нашей партии И.В. Сталин становится отныне одновременно и главой правительства. Этот факт говорил о многом и был логичным в создававшейся обстановке. Теперь вся исполнительная власть в государстве и в партии сосредоточивалась в одних руках. На случай войны такой акт необходим. Значит, Сталин возьмет на себя непосредственное руководство вооруженными силами, а если начнется война, то и ее ведением. Давно минули те времена, когда для ведения войны правительство назначало главнокомандующего и поручало ему ведение военных действий, целиком полагаясь на его волю и способности, но ограничивая его власть, если она выходила за рамки театра военных действий. Теперь это невозможно. Вся полнота власти в современной войне должна быть сосредоточена в одних руках, предоставляя возможность без всяких прений и борьбы мнений объединить усилия государства и направить их на достижение победы. Олицетворять такую власть должен один человек. Вот таким человеком и будет у нас И.В. Сталин, с гордостью констатировал я. Именно ему, с его железной волей, мудростью, революционным опытом и непоколебимым авторитетом в народе и армии, должна принадлежать эта великая роль. «Счастье наше, что у нас есть Сталин – верный продолжатель дела великого Ленина», – проплывала в памяти многократно слышанная фраза.

Как уже упоминалось выше, я не верил в легкую и быструю победу над фашистской Германией, стоявшей в авангарде мирового империализма. Это неверие не было случайным и не вытекало из досужих умствований, тому были веские причины.

По службе мне приходилось вплотную сталкиваться с мобилизационной работой и с оперативным планом округа, и я хорошо знал, что нам еще многое надо было сделать по повышению боевой способности и боеготовности войск и штабов.

Развертывание дивизий и специальных частей до штатов военного времени предусматривалось за счет призыва из запаса большого количества личного состава, обученность которого была далеко не достаточной, на обучение и сколачивание соединений и частей требовалось немалое время. Планировалось изъятие из народного хозяйства автомобилей, тракторов, конского состава. Имевшегося на складах округа вооружения с трудом хватало для мобилизационного развертывания войск первой очереди. Подавляющее большинство солдат должно было вооружаться винтовками и карабинами. Автоматов и зенитных средств почти не было. Кавалерийские дивизии округа, кроме одной, расформировывались, и их личный состав обращался на укомплектование сформированных танковых и механизированных войск. Кавалеристов предстояло переучивать на танкистов. Не хватало танков, автомобилей, особенно специальных. Основная часть артиллерии, кроме тяжелой, оставалась на конной тяге. Новые самолеты только начали поступать в авиационные части небольшими партиями. Шло переучивание летчиков...

В памяти было свежо, что в академии мы изучали принятую в Красной армии

организацию войск и построение наступления и обороны; много времени уделялось встречному бою. В основу был положен действовавший тогда новый Полевой устав, в целом, как потом подтвердилось, правильно отражавший требования современного боя. Некоторые параграфы устава требовалось знать наизусть. Помнились и преподанные нам новые принципы построения активной обороны, изложенные в небольшой красной книжке. Этот сугубо секретный труд содержал выступление перед высшим командным составом наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Одним из вариантов боевого порядка войск в обороне предусматривалось, что в первом эшелоне должна находиться одна треть сил и средств, а две трети в глубине. Таким построением достигалась глубина обороны и ее активность; силы второго эшелона могли использоваться как для занятия позиций в глубине на направлении главного удара противника, так и для нанесения контрударов или контратак, что соответствовало требованиям, обеспечивающим устойчивость обороны.

Но вопросы отступления, ведения боя в окружении и выхода из него фактически не изучались. Такие пробелы в обучении наши военные кадры трагически ощутили уже в самом начале нагрывшей войны, когда пришлось столкнуться с роковой неожиданностью. Но это было потом. А теперь, в купе классного вагона быстро несущегося поезда, вспоминались до малейших подробностей недавно прошедшие события и бытовавшие лозунги. Над крылатым лозунгом «Ответим двойным ударом на удар поджигателей войны» пришлось призадуматься особо. Он вызывал настороженность и казался сомнительным. Точнее, я никогда не был с ним согласен. Тогда я стоял в оппозиции к этому лозунгу и порой вступал в жаркие споры с товарищами по его опасному, как мне казалось, существу. Свои суждения я обосновывал так: ударить первым гораздо надежнее, чем ответить ударом на удар. Представим такую картину. Два человека вступили в противоречия, приводившие к неизбежной драке. Один из них норовит воспользоваться нерешительностью и оплошностью другого и наносит удар первым. Второй же, полагаясь на свою силу и не желая быть обвиненным в агрессивности, решил ударить только после того, как первый развяжет драку, то есть ударит первым. Второму в этом случае ничего не останется, кроме как ответить ударом на удар. И вот первый наносит удар в лицо второго. Тот падает навзничь, ударяясь затылком о мостовую, и подняться не может. Драка этим и ограничивается, ответного удара не последовало. А если первый к тому же воспользуется ножом, кастетом, камнем? Чем можно оправдать риск, который может привести к невозможности ответить ударом на удар? Тем, что ты не будешь обвинен в агрессивности? А что это даст? Разве этим можно оправдать поражение? Да и обвинять-то будет не побежденный, а победитель. Ведь победителей не судят. Следовательно, если есть какой-то смысл принять на себя первый удар, то это может быть в какой-то мере оправданно только тогда, когда выжидавшая сторона уверена, что после принятого удара сохранит силы, достаточные для более сильного ответного удара. Такой случай между сильными противниками маловероятен, хотя, конечно, и не исключен. Но, как правило, дает себя ударить первым только противник, не уверенный в своих силах, в победе, надеясь до самого последнего момента избежать драки вообще. Это было мое кредо, хотя, может быть, оно и покажется кое-кому наивным. Сторонников у меня почти не находилось, но противопоставляемые моим утверждениям доводы не были убедительными. Мысль в связи с этим переносилась к соотношению наступления и обороны.

По тогдашним взглядам, для наступления требовалось примерно тройное превосходство в силах. Оборона считалась вынужденным видом борьбы, когда сил для наступления недостаточно. Но появление новых, более мощных средств подавления несколько меняло это положение. Истинное военное искусство выражалось в том, чтобы равными или даже меньшими силами разбить большие. История вооруженной борьбы знала такие примеры. Но при всем этом мне представлялось, что обороняющийся всегда оказывается в более невыгодном положении, чем наступающий. Ведь нападающий сам определяет момент и место нападения, независимо от воли обороняющегося. Он накапливает, собирает и готовит для этого необходимые силы и средства, тщательно планирует боевые действия. Вряд ли он нападет до того, как соберет нужные силы и

достаточно, по своей оценке, подготовится к нападению. Наряду с этим нападающий будет стремиться застигнуть обороняющегося в тот момент, когда последний не успел подготовиться к обороне. Как же должен вести себя обороняющийся в этом случае? Не подготовленная к вооруженной схватке сторона, по всей вероятности, будет вынуждена искать способ выиграть время, необходимое для подготовки к продолжению борьбы. Она волей-неволей должна уклоняться от сокрушительного удара за счет отступления и временной потери территории, стремясь этой тяжелой ценой уберечь от разгрома имеющиеся силы и накопить новые в нужном размере. Только после этого жертва нападения может наносить ответные удары в расчете на победу. Военная история зафиксировала подобные явления. Но было и такое, когда жертва нападения так и не могла оправиться от первого удара и потерпела полное поражение, ибо напавший не позволил ей выиграть время и собраться с силами. Такие случаи неединичны. Разгром Германией Польши и Франции подтверждает это со всей наглядностью. Эта простая и очевидная, казалось бы, истина на деле становится не такой уж простой. С огорчением я отмечал, что в академии не рассматривались эти вопросы в таком аспекте. Но при чем тут академия? В ней преподавалась тактика подробно, а оперативное искусство только в общих чертах. Такой профиль академии.

А вопрос, над которым я размышлял, – это большой государственный и военно-стратегический вопрос. Руководство страной и вооруженными силами, наверное, учитывает это, успокаивал я себя предположением. Да и Академия Генерального штаба, по-видимому, не стоит в стороне от этого. Ведь она готовит высший командный и оперативный состав. Планы войны разрабатываются в Генеральном штабе. И там знают, что делают.

Мое служебное положение, возраст и неискренность в военно-стратегическом плане не позволяли знать святая святых Генерального штаба – плана ведения будущей войны, замысла первых операций, расстановки сил и т. п. И все же у меня, оперативного работника окружного аппарата, прочитавшего немало трудов по военной истории, не могло не сложиться определенного умозаключения о вероятном плане первого периода надвигавшейся войны.

Исходя из принятой у нас в то время военной доктрины и учитывая миролюбивую политику нашего государства, я представлял план действий следующим образом. Агрессор, нанеся удар первым, может на определенных направлениях вклиниться на нашу территорию на ту или иную глубину: это, видимо, неизбежно и должно быть предусмотрено планом. Создав заранее зону прикрытия в приграничной полосе, наше командование наверняка рассчитывает, ведя сдерживающие бои в этой зоне выделенными для этой цели войсками, выиграть потребное время, определить группировки вражеских войск и направления их главных ударов, остановить вторжение на заранее подготовленном рубеже. Одновременно создаст ударные группировки в предусмотренных планом районах и перейдет в наступление, охватывая с флангов силы противника и глубоко проникая в его расположение, переносит действия на его территорию, отсекает их и уничтожает. Временно потерянные районы освобождаются, и война ведется до победного конца на территории агрессора. Важно не удержать во что бы то ни стало всю местность, а разгромить группировки вражеских войск, тогда территория придет сама по себе. Так, если выразить в нескольких словах, мне представлялось наше военное будущее.

И меня не страшила война. Тревожило только одно: смогу ли с честью и достоинством справиться с возлагаемой на меня задачей. Я был морально готов на любые испытания, лишь бы не ударить лицом в грязь. Я сознавал, что победа зависит от каждого из нас, воинов Красной армии, и всех, вместе взятых; свою долю в победу должен внести каждый красноармеец и каждый командир и политработник, проявляя на практике готовность умереть за Родину, за партию, за коммунизм. Этого от нас будут ждать партия и правительство, народ, родные и близкие. Такими были мои размышления в пути. С ними я прибыл в штаб округа к месту службы. Они четкой гранью ложились между прошлым и

будущим. Академический курс остался позади, и наступала практическая живая работа в войсках накануне военных событий.

2

Представляюсь и. о. начальника оперативного отдела штаба округа полковнику Ивану Ивановичу Воробьеву в связи с окончанием академии и прибытием к месту службы. Он повертел в руках диплом и тепло меня поздравил. Рассказ о приеме в Кремле и выступлении И.В. Сталина вызвал у полковника живой интерес.

– Ну и какой же вывод? Будет война? Нападут на нас немцы? – в упор поставил вопросы полковник после короткого раздумья.

– На приеме об этом прямо сказано не было, но по всему видно, что дело идет к тому.

– Сводки Генерального штаба подробно освещают концентрацию германских войск вблизи нашей западной границы. Вряд ли это подходящее место для отдыха, как сообщают газеты, – как бы про себя проговорил Воробьев. – Мы тут кое-что делаем по подготовке округа на случай чрезвычайных обстоятельств. Но мы далеко от границы, округ наш внутренний, и по нему судить что-либо трудно. Вы ехали поездом. Ничего не замечали особенного на железных дорогах? Я имею в виду воинские эшелоны, – допытывался опытный и неплохо информированный оператор.

– Ничего не приметил, все как обычно.

– Плохо смотрели. Оператор должен видеть и то, что другие не замечают. Эшелоны с войсками идут на запад почти непрерывно. Мы тоже скоро начнем погрузку войск. Готовьтесь к напряженной работе. Я доложу о вашем рассказе по команде, – сказал полковник и вышел.

Пришлось много ходить от одного начальника к другому и рассказывать, побывал почти у всех прямых и не прямых начальников. Меня слушали затаив дыхание и ставили вопросы, на которые я ответить не мог, оправдываясь тем, что пересказываю только слышанное.

Командующему округом И.С. Коневу представиться и доложить не пришлось. В штабе он бывал редко, больше мотался по дивизиям и учебным лагерям. Начальник штаба генерал-майор П.Н. Рубцов обещал доложить о моем рассказе командующему со всеми подробностями.

Меня включили в группу по проверке боевой готовности войск. Дивизиям объявлялась боевая тревога с выводом в районы сосредоточения, проводились с ними учения и занятия, в том числе отработывалась погрузка в железнодорожные эшелоны.

Присматриваясь к действиям командиров, штабов и войск, к выявлявшимся недостаткам, я пытался представить себе, как эти боевые организмы будут функционировать в бою, какие последствия могут на деле иметь отмечаемые недостатки, хватит ли времени на их устранение. Мы проводили в войсках буквально дни и ночи.

Дивизии первой очереди уже были развернуты до штатов военного времени, впитав в себя большое количество личного состава, призванного из запаса – разных возрастов и с разной подготовкой. Боевому сколачиванию частей и подразделений придавалось особое значение. Но не всегда дело шло гладко, многое еще надо было сделать.

Припоминается такой случай. Один из полков 38-й стрелковой дивизии, дислоцировавшийся в Ростове, после напряженного тактического учения в середине дня возвращался в город пешим порядком. Жара и духота отбирали у людей последние силы. Бойцы и оружие покрылись слоем едкой пыли, заполнявшей воздух и долго не оседавшей. Гимнастерки пропитались солью от обильного пота и торчали, как жестяные. Вместе с командиром полка полковником Ф.И. Грызловым мы ехали верхом на лошадях, наблюдая за маршем. Наше внимание привлекло грубое нарушение воинской дисциплины и порядка. Одна из батальонных колонн, проходя мимо стоявшего у дороги, по-видимому испорченного и оставленного в поле комбайна, нарушив строй, смешалась и бросилась к нему. Солдаты,

отталкивая друг друга, хватали пригоршнями и с жадностью пили застоявшуюся в комбайне протухшую дождевую воду. Командир полка, смущаясь меня, как представителя высшего штаба, попытался навести порядок и построить людей. Это ему не удалось, ни строгие команды, ни окрики никакого воздействия не возымели. Рядовые и младшие командиры, да и некоторые командиры взводов, призванные из запаса, явно уклоняясь от выполнения команды построиться, беспорядочно побрели полем по направлению к городу, стремясь самостоятельно, без строя, добраться до военного городка.

На мои замечания о том, что личный состав полка не натренирован переносить физические тяготы и трудности, вызванные усталостью и жарой, и что наблюдаемое явление недопустимо, полковник Грызлов стал оправдываться тем, что люди недавно призваны из запаса и еще не усвоили требований военной службы. Кадровые красноармейцы такого себе не позволят, утверждал он, хотя среди нарушителей порядка были и кадровые солдаты, и младшие командиры.

В штабе я доложил об этом неприятном эпизоде командующему, принимавшему доклады от каждого посредника. Генерал принял мой доклад близко к сердцу и назначил расследование. Крутой характером и бывалый военачальник посчитал случившееся плохим сигналом, говорящим о том, что командиры легко теряют управление подчиненными, усмотрел прямое коллективное неповиновение, что недопустимо. Указанный случай, как явление крайне отрицательное, командующий неоднократно упоминал на разборах учений и проверок.

Как-то вызвал меня полковник Воробьев и поручил разработать план проведения армейского учения на тему «Марш-маневр общевойсковой армии на большое расстояние».

– Вы только что окончили академию, вам и карты в руки, – с улыбкой заметил он, не разъясняя подробно смысла задания.

Ушел я в растерянности. Как составить разработку такого учения, я толком не знал, но признаться не решился. С досадой вспомнилось, что подобной задачи в академии мы не решали. «Учили тому, что нужно на войне, – передразнил я выступавшего в Кремле генерала Смирнова, – прав был товарищ Сталин, упрекнувший докладчика».

Подобрав комплект топографических карт и покопавшись в секретной библиотеке, я обнаружил книжку генерала Исаева, изданную Академией Генерального штаба, с точно таким названием, как и моя тема. Заполучив, как говорится, первоисточник, скрываясь от постороннего глаза в запертом изнутри кабинете, за несколько ночей я изучил этот выручивший меня полезный труд. Все стало ясно, и я взялся за работу. Долго мучился с расстановкой дивизий на карте: никак не мог расположить их с учетом всех уставных требований. Местность казалась совсем не подходящей для размещения войск: дорог мало, естественная маскировка скудная, водоисточников недостаточно, сеть проводных линий связи мизерная, выходы к станциям погрузки тяжелой техники в эшелоны неудобны...

Заходит полковник Воробьев.

– Ну как, мучаемся? – поинтересовался он. – Бывает, особенно с неопытным оператором. Все бывает. Привыкайте.

Я рассказал о своих затруднениях.

– А вы не мудрствуйте от лукавого, расставляйте войска как хотите. На войне положение может сложиться самым непредвиденным образом, так что и предположить заранее невозможно, – поучительно, но в шутовском тоне разъяснил он неискушенному в таких делах оператору.

– Но ведь неразумно загонять войска в неподходящие районы даже на войне, – с досадой возразил я.

– Ну и не загоняйте! Кто или что вас принуждает? Подумайте. Принципы военного искусства требуют от командиров и их штабов ставить свои войска в более выгодные условия по отношению к противнику, грамотно оценивая и используя разнообразные условия местности и обстановки. Способности найти эти условия и есть талант оператора. Но этому на войне есть всегда серьезная помеха – это противник, который разбирается в

делах не хуже нас и тоже всегда стремится к тому же, что и мы. Победа достигается не только численным превосходством и хорошо организованным боем, но и разумным маневром войсками. Война – акт не односторонний, дорогой «академик», – иронически заметил полковник и удалился, не дав тем самым задавать вопросы.

Через несколько дней изнурительной работы, консультаций со специалистами родов войск и служб, с помощью их справок и расчетов проект «Плана марш-маневра армии на большое расстояние» с комбинированными перевозками был готов. Он был исполнен на картах с расчетными и графическими выкладками и с приложенной подробной пояснительной запиской. Разработка была одобрена и принята без существенных замечаний. Я выдержал первое испытание, как штабной командир-оператор с высшим военным образованием. Правильно сказал на приеме Михаил Иванович Калинин, что по-настоящему придется учиться на практической работе в войсках и штабах после окончания академии, – с теплотой вспомнилось его напутствие.

Выполнив одно задание, я сразу же получил второе. Вызывает начальник штаба округа генерал-майор Рубцов и ставит задачу:

– Завтра вы отправляетесь в командировку в Москву. Отвезете совершенно секретный пакет начальнику Генерального штаба генералу Г.К. Жукову. Берегите как зеницу ока. Закажите отдельное купе, возьмите двух солдат для охраны – и в путь. Пакет получите у начальника оперативного отдела. Задание простое, но ответственное. Для надежности такие документы полагается доставлять нарочным, а не через спецсвязь.

– Могу ли я ознакомиться с содержанием документа? – спросил я.

– Это совсем не обязательно. Но я удовлетворю ваше любопытство для повышения ответственности. В пакете – донесение и карта с уточненными характеристиками аэродромной сети округа.

На Курском вокзале меня встретил на машине офицер и вместе с охраной доставил на улицу Фрунзе, 19. Оставив солдат в бюро пропусков и получив специальный пропуск, я отправился в здание Генштаба. Офицер сопровождал меня в кабинет начальника Оперативного управления. После моего доклада о цели прибытия чистенький и холеный на вид генерал вызвал по телефону офицера из канцелярии и приказал ему принять от меня пакет. Я наотрез отказался передать пакет не тому, кому он адресован. Тогда разгневанный генерал согласился лично расписаться за пакет. Но я и ему пакета не дал. Это удивило генштабиста, и он, не скрывая возмущения, спросил, чего я в конце концов хочу. Я ответил, что пакет передам только тому лично, кому он адресован, – начальнику Генерального штаба.

– Начальник Генерального штаба занят и не может заниматься пустяками. Он вас не примет! Вы это можете понять?

– В таком случае я повезу пакет обратно, – упорствовал я.

– Что за дикость! – смущенно посмотрел на офицера из канцелярии генерал и поспешно вышел из кабинета. Я последовал за ним, но он приказал ждать в приемной. Вскоре он возвратился и приказал мне следовать за ним. Вошли в просторный, отделанный полированным деревом кабинет, в нем никого не было.

После двух-трех минут ожидания в глубине кабинета открылась дверь и появился начальник Генерального штаба генерал Г.К. Жуков, этого человека мне приходилось видеть со стороны, и я узнал его. Он протянул мне руку и с веселым видом спросил:

– Это вы хотите лично мне вручить пакет?

– Так точно, товарищ генерал! Пакет адресован вам, – отрапортовал я, смутившись.

– Ну раз вы не доверяете моим помощникам, давайте я распишусь за ваш пакет. Примите пакет! – обратился он к вошедшему вместе со мной генералу. – Когда вы едете обратно? С вами есть охрана? – поинтересовался вдруг высокий начальник.

– Ближайшим поездом сегодня ночью. Со мной два солдата, – отвечаю.

– А вы с этим поездом отправьте охрану, а сами пару дней погуляйте в Москве, посмотрите столицу, а потом поедете. Я разрешаю, – закончил Жуков разговор и ушел за письменный стол.

Я воспользовался случаем и побывал у московских приятелей.

3

В штабе округа я застал большие перемены. Командующий округом генерал-лейтенант И.С. Конев и выделенное из состава штаба округа Полевое управление 19-й армии, предусмотренное мобилизационным планом, убыли на Украину. Грузилась в эшелоны и отправлялась туда же основная часть войск, предназначенных в состав 19-й армии. Командование округом возглавил генерал-лейтенант Рейтер – заместитель командующего. За начальника штаба остался полковник Бармин, а обязанности начальника оперативного отдела исполнял майор Успенский. Штаб округа значительно опустел, людей осталось мало, работы не убавилось. Шло формирование большого количества частей и учреждений, продолжалась погрузка в поезда и отправка войск и органов тыла, уточнялись планы дальнейшего мобразвертывания.

В штаб округа было призвано несколько десятков офицеров из запаса, большая часть из которых убыла в 19-ю армию. Оставшиеся в штабе не имели необходимой подготовки и только знакомились с возложенными на них обязанностями. Из боевых соединений в округе оставалась одна стрелковая дивизия и военные училища.

Вначале генерал Конев, приняв на себя командование 19-й армией со штабом в Черкассах, формально оставался и командующим округом. Почти ежедневно из Черкасс приходили телеграммы с требованием отправить тех или иных офицеров в 19-ю армию. Поговаривали, что И.С. Конев спешит выдернуть из округа побольше офицеров, пока его власть на округ не прекратилась. Генерал Рейтер в отношении отправки некоторых офицеров, не предусмотренных планом, сопротивлялся как мог, но это ему почти не удавалось – и офицеры убывали. Вызванные офицеры были рады попасть в действующую армию и уезжали с большим желанием. Штаб округа все больше оголялся. Оставшиеся огорчались, считая себя ущемленными, и опасались, что в случае войны они обречены на сидение в глубоком тылу; даже их жены были недовольны и чувствовали себя в неудобном положении. Кто мог тогда предполагать, что война докатится до Ростова-на-Дону и далее на восток, что всем достанется завоеваться, да еще как! Майор Успенский сообщил, что по плану я остаюсь в штабе округа. Я считал себя обиженным, но ничего изменить было нельзя. Мой рапорт о направлении в армию генералом Рейтером был отвергнут с возмущением. Вызова от генерала Конева на меня не было, и я продолжал работать в оперативном отделе, где, кроме меня, было три офицера. Работа шла с большим напряжением. Часто приходилось сутками дежурить у аппарата правительственной связи «ВЧ» в кабинете командующего, ездить в другие гарнизоны, корпеть над бумагами. Некогда было сходить даже на обед.

Как-то после моего возвращения из академии начальник артиллерии округа генерал-майор артиллерии И.П. Камера спросил, почему я не возвращаюсь в артиллерию: ведь он в свое время согласился отпустить меня в оперативный отдел штаба округа только до окончания академии. Во мне вспыхнула надежда вернуться к артиллерийской профессии, к чему я стремился. Я ответил генералу, что это зависит не от меня, и просил его посодействовать. Одновременно я обратился к своему начальнику по этому вопросу. В переводе в артиллерию мне отказали по тем мотивам, что я окончил общевойсковую академию. Пришлось продолжать службу в общевойсковом штабе, не оставляя надежду вернуться к любимому делу при удобном случае.

Время от времени мне удавалось знакомиться с получаемыми округом информационными бюллетенями Генерального штаба. В них содержалась информация по военным действиям в Европе и о положении в германской армии. Особенно подробно излагались сведения по немецко-фашистским войскам, прибывающим к нашим западным границам в бюллетенях Главного разведывательного управления Генерального штаба. Мы с большим интересом читали эти информации и живо их обсуждали. В них, в частности, сообщалось, какие армейские корпуса и дивизии немцев и в каких районах вблизи наших

границ сосредоточены, их состав, организационная структура, вооружение, наименование, фамилии и краткие характеристики руководящего командного состава. Было совершенно ясно, хотя об этом прямо и не говорилось, что эти войска, захватившие почти всю Западную Европу, предназначались для нападения на нашу страну и выводились на намеченные направления, занимая исходные районы. Мы, в своем далеком от возможных районов военных действий внутреннем округе, не знали, какие контрмеры принимаются высшим командованием и приграничными округами, но были уверены, что все необходимое делается. Отправка на Украину 19-й армии с Северного Кавказа наглядно свидетельствовала о том, что мы не сидим сложа руки. К тому же до нас доходили отрывочные сведения, что и другие внутренние округа, вплоть до Урала и Сибири, отобилизовывали и отправляли целые армии к западным границам – в Белоруссию и на Украину. Поэтому опровержениям в нашей печати слухов о готовящемся нападении Германии на Советский Союз мало кто из нас верил. И все же эти официальные опровержения вносили определенное успокоение.

Время совершало свой неумолимый ход. Планомерная отправка 19-й армии на Украину близилась к концу. Склады вооружения, боеприпасов, продовольствия и обмундирования опустели, но военные городки и учебные лагеря – Абинские, Персияновские, Саратовские (они назывались по ближайшим станицам) – не пустовали. В них собирались люди, облачались в военную форму, распределялись по командам, подразделениям, частям и учреждениям и проходили обучение.

Предвоенная обстановка нарастала, ее скрыть было невозможно. Но войны пока не было, и работа в штабе округа стала принимать более плановый характер. Кое-кому удавалось, хотя бы частично, пользоваться выходными днями, особенно второстепенным офицерам и вольнонаемным служащим. Среди гражданского населения никакой тревоги не ощущалось, люди мирно трудились, шли в очередные отпуска, ехали в гости. Черноморское побережье было запружено отдыхающими, курорты не пустовали. Но вопросы, будет ли война, ставились все чаще и настойчивее. Из Магнитогорска приехала навестить меня мать с маленьким братом. В первый день войны с большим трудом удалось посадить ее в вагон и отправить домой. Это было днем позже.

В субботу, 21 июня 1941 года, – последний день мира – я пришел с работы, как всегда, поздно и сразу лег спать.

В воскресенье, 22 июня, было разрешено отдыхать и на службу не приходиться.

Часть вторая

Армия, не вернувшаяся с войны

Глава 1

В первые дни войны

1

Воспользоваться разрешенным выходным днем в воскресенье, 22 июня, не пришлось. Часов в восемь утра, когда я уже был на ногах и в ожидании завтрака рылся в «Библиотеке командира», выбирая, что бы почитать из истории военного искусства, за входной дверью раздался звонок. Запыхавшийся красноармеец, неловко поправляя сползающую с плеча винтовку, сообщил, что меня вызывают в штаб. Выяснить у связного причину вызова смысла не было: он или не знал, или если что-либо и знал, то все равно не сказал бы. Инструкция запрещала посыльным тратить время на рассуждения. Чтобы ориентироваться, объявлена ли боевая тревога, или я просто понадобился в штабе, я осведомился у связного, кого, кроме меня, он уже оповестил и кто еще не оповещен. Он молча протянул мне список офицеров штаба, которых ему поручено оповестить. В списке значилось 10 офицеров, проживающих в

том же, что и я, доме и поблизости. Зная установленный порядок, нетрудно было догадаться, что штабу объявлена боевая тревога, но почему-то не сигналом, а простым оповещением.

В полевой форме, при походном снаряжении и с чемоданом, укомплектованным положенными предметами, я прибыл в штаб. Многие явились раньше и получали пистолеты и противогазы. Однако суеты, какая бывает при сборе по тревоге, не наблюдалось. Было видно, что общая боевая тревога штабу не объявлялась, сбор офицеров проводился распорядительным порядком. Оперативный дежурный, отмечая по списку прибывающих, сообщал, что генерал-лейтенант М.А. Рейтер собирает на совещание, но время будет объявлено дополнительно.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и нас пригласили к майору Успенскому, временно исполнявшему обязанности начальника оперативного отдела. Когда все собрались, Успенский приказал ждать, а сам пошел доложить генералу Рейтеру. Вскоре он возвратился и сообщил, что командующий занят и поручил ему, Успенскому, ориентировать нас в обстановке. Информация оказалась краткой и невнятной. Тихим, вкрадчивым голосом, неумело стараясь скрыть волнение, он сообщил, что сегодня на рассвете якобы немецкие самолеты бомбили Севастополь, Одессу, Киев, Минск, Каунас, Мурманск и некоторые другие города.

– Пока точно не установлено, действительно ли это были немецкие самолеты. Возможно, английская провокация, имеющая целью втянуть нас в войну с Германией, – неуверенно проговорил начальник, окинув присутствующих тоскливым взглядом, будто оправдываясь и давая понять, что это не его предположение, а информация сверху. Нам предложено находиться на своих рабочих местах и ждать дальнейших указаний.

Я работал в кабинете один, и говорить было не с кем. Пришлось погрузиться в собственные размышления. Ощущалась обида за майора Успенского, хотя и не вызывало сомнения, что он эту информацию не выдумал. Как могли английские самолеты добраться до наших городов? Ведь англичане должны были, преодолевая недоступное для их самолетов расстояние, пролететь туда и обратно над занятой немецкими войсками территорией. Мы изучали тактико-технические характеристики современных боевых самолетов иностранных армий, простой логический расчет делал эту версию невероятной. Если все же, вопреки здравому рассудку, допустить, что это могло случиться, то для чего такая провокация понадобилась англичанам? Они вот уже более полутора лет ведут «странную войну» с Германией, ничего серьезного не предпринимая. Конечно, им выгодно, чтобы Советский Союз был втянут в войну на их стороне и облегчил тем самым их положение, притянув на себя основную массу германских вооруженных сил. Но способ выбран дикий. Послать свои самолеты в воздушное пространство нашей страны, бомбить наши города и эту диверсию выдать за агрессию немцев?

Это противоречило здравому смыслу и элементарной логике. Во-первых, самолеты вторглись со стороны Германии. Этот факт не мог быть незамеченным. Как могло германское руководство позволить англичанам использовать свое воздушное пространство для осуществления военной акции, провоцирующей войну Советского Союза против Германии? Почему Германия должна быть заинтересована в такой провокации?

А может, это следствие какого-то сговора Англии с Германией против нашей страны? Ведь это ягоды одного капиталистического поля, равно враждебного нам. Но подготовка такого мероприятия не могла пройти незамеченной. Это не делается мановением палочки. Во-вторых, установить истину сразу же после нападения не представляет никакого труда. Типы английских и немецких самолетов хорошо известны, и распознать их легче легкого. Кроме того, несколько самолетов могло быть сбито. Некоторые летчики в этом случае неизбежно должны попасть в плен – и все бы прояснилось. Зачем гадать? В-третьих, неужели англичане, разрушив ряд наших городов и убив наших людей, могли полагать, что им это преступление могло быть прощено советским правительством и Советский Союз вступит в войну с Германией на их стороне? Бессмысленно и наивно!

Мысли путались. Верить в английскую провокацию казалось противоестественным. Не

могло быть сомнения, что напала Германия, и, наверное, не только с воздуха. Это ясно как божий день. Но для чего такая нелепая информация? Всякое действие предполагает какую-то определенную цель. Какой смысл заводить людей в заблуждение? От напряжения и досады болел мозг.

Брожение мысли прервал телефонный звонок из Политуправления: приглашали к радиоприемнику для слушания выступления В.М. Молотова. Эта весть как-то обрадовала, будет внесена ясность! Из кабинета я уходить не мог, ожидая указаний командования. Включил радиоприемник СВД-9, стоявший тут же на столике, и стал ждать.

Вслед за позывными радиостанции Коминтерна диктор объявил, что работают все радиостанции Советского Союза. Будет выступать товарищ Молотов с важным сообщением. Время идет, а Молотов не выступает; его выступление оттягивалось. Ровно в 12 часов выступление началось. В речи Молотова чувствовались взволнованность, озабоченность, возмущение и тревога. Оратор заметнее обычного заикался. С исчерпывающей ясностью он сообщил, что Германия вероломно, без объявления войны, не предъявив советскому правительству никаких претензий, напала на нашу страну, нарушив договор о ненападении. Была высказана уверенность в нашей окончательной победе и упомянуто об ответственности, которую взяло на себя германское правительство. Война началась.

Случилось то, чего мы не хотели. Однако было бы извращением истины, если сказать, что наши люди боялись назревавшей войны: одно дело не хотеть, а другое – бояться. Боязни, да еще в такой степени, как иной раз изображается в литературе, – будто вся страна заливалась слезами от страха и горя, узнав о начале войны, не было. Ничего подобного не наблюдалось и быть не могло. Всюду чувствовалось суровое спокойствие и уверенность в победе. Война бушевала далеко на западе, и ее грохот пока не потрясал землю Северного Кавказа, составлявшего глубокий тыл.

2

Представление отдаленности военных действий стало меняться, когда мне была поставлена задача разработать план прикрытия черноморского побережья от Таманского полуострова до Поти, используя одну стрелковую дивизию и общеармейское военное училище. Я был уверен, что побережью ничто не угрожает и эта предусмотрительность возникла просто на всякий случай. В оперативном плане округа такое мероприятие предусмотрено не было, силы и средства для этой цели не выделялись, рекогносцировки не проводились, и в учебном порядке такая задача не прорабатывалась. Как могут немцы угрожать нашему черноморскому побережью?

К тому же мы собирались воевать на неприятельской территории, и, видимо, поэтому не разрабатывался план обороны Кавказа – бродило в голове. Но сам факт бомбардировки противником советских городов поколебал такую уверенность. Вот как начинаются войны! Вспомнились слова академических остряков, говоривших, что, если даже разработать сто вариантов плана ведения войны, все равно воевать придется по сто первому варианту, то есть непредусмотренному. На практике эта шутка оказалась недалекой от правды. Приказ есть приказ – и я приступил к делу совместно с представителями родов войск и служб.

Фронт обороны побережья в границах округа от Керченского пролива с городом Темрюк на правом фланге до Поти – на левом тянулся на сотни километров. Оперативно-тактические нормы для таких сил, как одна дивизия и училище, не укладывались ни в какие рамки и не могли быть применены даже приблизительно. Положения Полевого устава оказались неприемлемыми. Пришлось ломать голову и импровизировать по-своему. С учетом выделенных сил я разделил по карте между дивизией и училищем фронт прикрытия, затем нарезал участки полкам, батальонам, ротам и взводам. Получалось так, что если растянуть все войска, с учетом подразделений пограничных войск, в одну линию, то и тогда не могло быть организовано не только сплошного огня, но и обзора. Даже наблюдение за всем побережьем создать оказалось невыполнимым. Рельеф местности и

имеющиеся дороги позволяли движение вдоль берега почти на всем протяжении, за исключением отдельных мест. В то же время горы не позволяли маневрировать подразделениями, выделяемыми в резерв, по фронту в глубине.

Учтя протяженность фронта, характер местности и наличные силы и произведя необходимые измерения и расчеты, я изобразил на карте систему прикрытия, не отвечающую никаким требованиям. Стрелковое отделение у меня составляло первичную боевую единицу. Пришлось определить каждому отделению отрезок побережья протяженностью по фронту 15–20 километров. В пределах этого отрезка отделение должно было патрулировать, передвигаясь вдоль берега пешим порядком. Где позволяли условия местности, намечалось расположить в глубине небольшие маневренные группы в качестве подвижного резерва. В наиболее вероятных местах для высадки морских десантов предусматривалось расположить артиллерийские подразделения из нескольких орудий. План требовалось окончательно согласовать с пограничниками и моряками на более высоком уровне, так как их представители, работавшие со мной с самого начала, не были вправе принимать окончательных решений. При докладе проекта плана я попросил разрешения пригласить представителей командования округа погранвойск и флота. Бегло просмотрев мое творчество, начальник не забраковал его, но и не высказал одобрения; представителей командования пограничников и флота вызывать пока не разрешил. Он оставил план у себя и поручил мне другую работу. Я так и не узнал, проводился ли в жизнь хоть в какой-то степени этот план. Мне тогда показалось, что интерес к нему остыл. Наверное, возник другой, более основательный план обороны Кавказа, решаемый на более высоком уровне.

Тем временем от начальника одного из железнодорожных разъездов, расположенного на берегу Черного моря, в штаб округа поступила тревожная телеграмма, вызвавшая насмешки в адрес ее автора. В телеграмме сообщалось, что вблизи разъезда появилась вражеская подводная лодка. Начальник просил срочно прислать бронепоезд. Телеграмма осталась без ответа, ее посчитали плодом страха. Во-первых, никто не поверил в достоверность сообщения, тем более что оно исходило не от военных моряков или пограничников, располагавших необходимыми средствами для охраны морской границы. А во-вторых, просьба вызвала ироническое недоумение, почему нужен именно бронепоезд? Получалось, что бронепоезд надо посылать в распоряжение начальника разъезда. В округе был дивизион бронепоездов в районе Грозного, но никто и не подумал посылать его по заявкам гражданских лиц. Телеграмма казалась настолько абсурдной, что мы не стали даже наводить справку у пограничников или моряков. Вообще же сложилось впечатление, что «бдительный» железнодорожник беспричинно перепугался и впал в панику. Так оно и было.

В связи с этим эпизодом уместно вспомнить, что с первых дней войны в нашем, удаленном на большое расстояние от фронта округе распространялись различные уму непостижимые ложные слухи. Трудно сказать, исходили они от вражеской агентуры или были плодами обывательских вымыслов. Слухи эти носили преимущественно оптимистический характер, что затрудняло откровенно с ними бороться. Им, по-видимому, способствовало отсутствие правдивой информации о действительном положении дел на фронтах приграничных округов. Вначале эти слухи утверждали, что война вот-вот закончится полной нашей победой, что Красная армия перешла в решительное наступление, громит немецких захватчиков и стремительно продвигается вперед. На третий, кажется, день войны в штабе округа стали раздаваться телефонные звонки от разных лиц, большей частью служащих гражданских учреждений. Звонившие добивались подтверждения версии о том, что наши войска заняли Варшаву и захватили в плен самого Гитлера. «Не закончилась ли война?» – допытывались настойчивые голоса. Нелепость вопросов возмущала, но опровергать их или, тем более, подтверждать возможности не было. Попытки выяснить источник распространяемых слухов привели к непроверенным сведениям, будто из Москвы возвратился кто-то из работников областной газеты «Молот» и сообщил о пленении Гитлера и взятии Варшавы. Я позвонил редактору. Тот ответил, что ему ничего не известно по этому вопросу. Но людям, видимо, хотелось верить в эту версию, и более настойчивые из

любопытных выказывали неудовольствие, не получив подтверждения, обвиняя нас в незнании положения дел на фронте.

В первые дни войны Генеральный штаб информировал округ о положении на фронтах очень скудно. Официальная информация почти не выходила за рамки газетных сообщений. Сначала о наших неудачах ничего не сообщалось. И все же до нас доходили тревожные сигналы, говорившие о широком вторжении на нашу территорию вражеских войск.

Из передававшихся по радио и публиковавшихся в газетах указов Президиума Верховного Совета СССР об объявлении открытой мобилизации во все большем и большем количестве областей страны было ясно, что обстановка складывается крайне неблагоприятно. Несмотря на это, в округе царили спокойствие и уверенность. Каждый из нас рвался в действующую армию, чтобы принять участие в боях за Родину. Такое настроение не обошло и меня. Товарищи по службе, отправившиеся на фронт в составе 19-й армии, наверное уже воюют, а мне приходится сидеть в глубоком тылу и заниматься главным образом бумажными делами. Ощущалось какое-то необъяснимое чувство вины перед членами семей уехавших на фронт офицеров и перед самим собой.

3

Неожиданно пришла телеграмма от командующего 19-й армией генерал-лейтенанта И.С. Конева, требовавшего срочно откомандировать из штаба округа в штаб армии еще некоторых офицеров. В списке значилась и моя фамилия.

Вечером 27 июня мы выехали поездом в Черкассы. На вокзале нас провожали несколько товарищей и жены отъезжающих. Настроение было приподнятым. Среди шуток кем-то из провожающих был поставлен вопрос: долго ли придется ждать нашего возвращения с победой? Сколько будет продолжаться война? Поскольку никто не вызвался ответить, я понял, что именно мне, офицеру оперативного отдела, необходимо дать ответ на неясный, но интересующий всех вопрос. И я ответил в шутовском тоне:

– Война протянется не менее трех лет, а то и больше. Так что вам, боевые наши подруги, ждать своих героев придется долго, если вы вообще способны терпеливо ждать. Не блудите тут с тыловыми крысами.

Все шумно засмеялись, уловив смысл конца ответа и, по-видимому, не придав значения словам о продолжительности войны. Несмотря на шутовской тон, мой ответ не был случайным. В глубине души я не верил в скорое окончание войны и легкую победу. Как офицеру – оператору штаба округа, недавно окончившему военную академию, мне было ясно, что Вторая мировая война расширяется. С нападением Германии на Советский Союз она вступила в новый, решающий этап. На примере Первой мировой войны, длившейся более четырех лет, можно было предполагать, что и эта война продлится долго. Со времени нападения Германии на Польшу прошло более полутора лет, а война в Европе не только не закончилась, а, наоборот, расширяется, принимая именно мировые масштабы. Даже если бы для нас сложились самые благоприятные условия, то и при этом, чтобы разгромить Германию с ее многочисленными союзниками, Красной армии необходимо пройти всю Западную Европу. Да еще не следует сбрасывать со счетов антикоминтерновскую ось Берлин – Рим – Токио. Такая грандиозная война быстро закончиться не может. Ведь это война классовая. А классовые войны ведутся с решительными целями, бескомпромиссно, до полной победы одной из сторон. На полпути такие войны не останавливаются. На этих суждениях я выразил свое предположение о продолжительности войны.

Когда поезд тронулся и затемненный город скрылся во мраке ночи, ехавшие вместе со мной товарищи снова подняли тот же вопрос. От меня требовалось разъяснить, чем я руководствовался, заявив, что война продлится не менее трех лет. Я разъяснил, как мог, развивая известную теорию о том, что современные войны ведутся массовыми армиями с мобилизацией всех людских и материальных ресурсов воюющих сторон, ни одна из которых не признает себя побежденной, прежде чем не будут использованы все имеющиеся в ее

распоряжении возможности. А это быстро не делается.

Для разгрома Германии потребуется провести несколько последовательных стратегических наступательных операций, между которыми неизбежны определенные паузы. Да и на то, чтобы нашим войскам пройти обширные пространства Западной Европы с боями, потребуется немалое время... Приводил и другие доводы. Но убедить собеседников мне, кажется, не удалось. Они резко критиковали меня, обвиняя в неверии в быструю победу, в пессимизме. Мнения разошлись. Никто из нас, конечно, не мог даже мысли допустить, что Красная армия вынуждена отступать под ударами вражеских войск в глубь своей территории и терпеть одно поражение за другим.

С прибытием в армию обстановка начала проясняться. Здесь уже знали официально, что приграничные военные округа, переименованные во фронты, столкнулись с непредвиденными обстоятельствами, не сумев сдержать германские армии на границе, и будучи не в состоянии преградить им путь в глубине, отступали на всех главных направлениях. Теперь перед всеми вооруженными силами нашей страны встала задача – любой ценой остановить дальнейшее продвижение противника по Советской земле. О быстром окончании войны не могло быть и речи. Но сообщения радио о том, что уже вступают в сражения главные силы Красной армии и положение изменится в нашу пользу, несколько обнадеживали. Все железные дороги были забиты воинскими эшелонами, двигавшимися на запад; следовательно, шло сосредоточение этих главных сил. Представлялось, что под прикрытием приграничного сражения создаются ударные группировки наших войск; они вот-вот перейдут в решительное наступление по всему фронту и вышвырнут захватчиков с Советской земли, перенеся военные действия на территорию врага.

Глава 2

В штабе 19-й армии

1

Первому детищу Северо-Кавказского военного округа – 19-й армии выпала своеобразная, не столько, может быть, героическая, сколько трагическая судьба. Созданная перед самым началом Великой Отечественной войны из формирований первой очереди, она впитала в себя почти весь кадровый состав войск округа, лучшие людские контингенты личного состава запаса, существовавшие в мирное время, в известной степени подготовленные штабы и органы боевого и материального обеспечения; поглотила имевшееся в округе вооружение и хранившиеся на складах неприкосновенного запаса материальные средства. В общем, армия получила все лучшее, чем располагал округ в то время. Она обладала внушительным боевым составом. На ее создание, подготовку к боевым действиям, воспитание личного состава затрачены неизмеримые усилия командиров, штабов и политорганов. Нам, сотрудникам управления округа, представлялось, что создана эта крупная оперативная единица такой, какая вполне отвечает требованиям современной войны. Ни у кого из нас не было сомнения в том, что армия представляет могучую силу, способную выполнить любую из возлагаемых на армейский организм оперативно-боевую задачу. Что она сыграет большую и важную роль на войне, заняв видное место на полях сражений. Полевое управление армии было укомплектовано хорошо подобранным офицерским составом, ее работоспособный штаб вполне мог справиться с управлением войсками в любой обстановке. Во главе армии стоял опытный и требовательный, энергичный и волевой командующий генерал-лейтенант Иван Степанович Конев, вера в которого у нас, офицеров штаба, была непоколебимой. Его уважали и побаивались. Побоялись из-за его крутого нрава, строгости и горячности. Уважали за справедливость, прямоту и незлопамятность. Когда следует, он поругает и строго взыщет. А когда нужно – поддержит и

оградит от нападков других. Он всегда поощрял разумных и старательных офицеров и страшно не любил бездарных, лодырей, трусов и врунов. Подхалимов командующий вообще не мог терпеть. А такие кое-где обнаруживались. Такой характер командарма приходился по душе большинству личного состава. Поэтому И.С. Конев пользовался у подчиненных непререкаемым авторитетом. Все это обещало неплохие перспективы и будущие успехи.

Разве можно было усомниться, что такой армии не суждено вступить в сражение в том боевом составе, в каком она убыла из округа. А это случилось. Свой первоначальный боевой состав армия потеряла в первые дни войны, еще до того, как встретила с противником. Она вообще просуществовала всего лишь до октября 1941 года и как армия погибла, выполнив свой долг до конца. Но она сыграла немаловажную роль в историческом Смоленском сражении и в отражении мощного наступления немецко-фашистских войск на Москву в октябре 1941 года. Армия как бы разделила участь неизвестного солдата, ее можно считать армией, не вернувшейся с войны. О ней массовому читателю и в целом послевоенному поколению почти ничего не известно, ее судьбу нельзя найти в многочисленной мемуарной литературе; в официальных же военно-исторических изданиях она кое-где лишь упоминается вскользь. О людях, воевавших в ее составе, проявивших невиданный героизм и погибших в неравных боях, почти ничего не сказано. Они так и остались неизвестными солдатами. На мой взгляд, такое явление несправедливо и объясняется главным образом следующими причинами:

- армия существовала короткое, хотя и насыщенное военными событиями время начального периода войны. А это заслонило память о ней последующими делами трехлетних сражений;

- многие солдаты и офицеры этой армии погибли в боях и в тылу у врага, а выжившие были рассеяны по многим фронтам, а после войны – по разным уголкам нашей необъятной Родины;

- армия закончила свое существование в окружении, и ее архивы большей частью погибли;

- отсутствие до настоящего времени комитетов ветеранов войны Управления армии и ее соединений. В связи с этим не создано условий для выявления оставшихся в живых участников боев этой армии, возрождения в памяти ее истории и сражений, поисков героев ее частей и соединений.

Но короткая и сложная история 19-й армии, несомненно, заслуживает того, чтобы она стала достоянием широкого круга людей. Это бы в известной мере способствовало военно-патриотическому воспитанию послевоенных поколений и отражало бы благородное стремление к тому, чтобы ничто и никто не были забыты.

В своих воспоминаниях, касаясь судьбы 19-й армии и ее Полевого управления, я не ставлю целью полностью показать боевые действия погибшей в начальный период войны на Московском направлении армии. Я лишь делаю попытку напомнить о ней и привлечь внимание еще живых ее участников, направленное на возрождение в памяти того забытого, которое забываться не должно.

2

Приехав в штаб армии в Черкассы, я сразу же разыскал оперативный отдел и стал выяснять обстановку и свои обязанности. Но знакомить с положением дел меня сразу не стали. Удалось лишь узнать, что армия пока находится в резерве и конкретной боевой задачи не имеет. Исполняющий обязанности начальника отдела полковник И.И. Воробьев повел меня представить начальнику штаба генерал-майору П.Н. Рубцову и получить указание о моем использовании. На просьбу ознакомить меня с обстановкой генерал ответил, что все я узнаю в оперативном отделе.

- Введите его в курс дела, и пусть включается в работу, – приказал он моему непосредственному начальнику.

Полковник Воробьев послал меня к оперативному дежурному знакомиться с обстановкой. Дежурным оказался майор Борис Михайлович Пономаренко, мой близкий товарищ и однокурсник по академии. Неразговорчивый и чем-то явно озабоченный, Пономаренко не стал мне ничего рассказывать, а дал свою рабочую тетрадь, в которой он своим каллиграфическим почерком записал только что полученную шифровку, адресованную командарму.

– Прочитай, и все поймешь, – упавшим голосом заметил дежурный. – К тому, что здесь изложено, мне добавить нечего.

Смысл записи гласил, что германские войска вероломно вторглись на нашу территорию и продолжают стремительное продвижение. Возникла непосредственная угроза Киеву. 19-й армии приказывалось выбить немецко-фашистских захватчиков со священной Советской земли и ни в коем случае государственную границу с Германией не переходить.

У меня потемнело в глазах. Придя в себя от потрясения, я с тревогой спросил: как же армия выполняет поставленную задачу? Пономаренко посмотрел на меня как на ненормального и раздраженно ответил:

– А никак! Ты разве не понял, что в шифровке задачи нет? В ней сказано лишь то, что дела плохи. Да и войска еще полностью не сосредоточились...

Рассмотрением по карте расположения корпусов и дивизий знакомство с обстановкой закончилось. Стало неясным даже то, что казалось ясным. Вставала целая серия вопросов, но задавать их было некому, да и ни к чему. Что же случилось с войсками приграничных округов? Война идет всего несколько дней. Как могли немцы угрожать Киеву? Неужели они продвигаются беспрепятственно, едут на машинах? Ведь пешим порядком они даже без боев не скоро бы могли подойти к Киеву. Как могло случиться? И что за задача поставлена нашей армии? Совершенно неясно, на какой рубеж вышел противник. С какого рубежа, в каком направлении и когда должна армия перейти в наступление? В какой полосе наступать? Какая поддержит авиация, кто соседи, с кем взаимодействовать? Какое ее отношение с Киевским особым военным округом, превратившимся во фронт? Почему запрещается переходить границу? При чем здесь граница, если враг уже угрожает Киеву? Если целый фронт не смог не только разгромить, но даже остановить немцев в приграничном сражении, то что же может сделать одна армия? Неужели кто-то в верхах полагает, что 19-я армия сможет не только разгромить направляющуюся к Киеву вражескую группировку, но и, увлекшись успехами, одним махом перенесет границу? Ведь от района сосредоточения армии до границы – сотни километров. Мое мышление не могло переварить случившееся. Я настолько был потрясен и растерян, что потерял самоконтроль и бессознательно стал выкрикивать:

– Границы нам не видать как собственных ушей! Нам теперь до границы дотягиваться как до собственного локтя зубами! Почему немцам можно переходить границу, а нам нельзя?..

– Прекрати истерику! – спокойно осадил меня Пономаренко. – Советую держать язык за зубами и не брать на себя того, чего тебе не дано, пока не потерял язык вместе с головой. Что мы с тобой значим и что от нас зависит в этом светопреставлении? Мелочь мы с тобой – вот кто!

Это меня немного охладило. Но настроение было испорчено, меня бросало в жар. Я почувствовал, что теряю веру в правильность руководства войсками. Не предательство ли это? Такие страшные и неожиданные мысли меня испугали. Учеба в военном училище и в академии вдруг показалась несущественной мелочью. Я почувствовал себя жалким и беспомощным. Мог ли я тогда, в моем положении, знать всю сложность военной обстановки, сложившейся для Красной армии, а также ту трагедию, что произошла на фронтах в первые дни войны? Так неопределенно поставленная задача армии в моем понятии преломлялась как растерянность или некомпетентность тех, кто эту задачу формулировал. Не хотелось ничему верить. Но в Черкассах война не чувствовалась: все вокруг казалось мирным и беспечным, встревоженности в городе внешне не замечалось. Что думали командарм и Военный совет, я не знал, для меня это была слишком высокая инстанция. Наверное, предполагал я, они были

ориентированы в обстановке по-иному и знают, что должна делать армия.

В комнату дежурного вбежал офицер и с тревогой сообщил, что в офицерской столовой, находящейся рядом со штабом, завтракают два переодетых в форму советских офицеров немецких агента. Я опрометью бросился в столовую. Оказалось, за вражеских лазутчиков приняли наших офицеров, призванных из запаса и приехавших вместе со мной. Пришлось выругать последними словами слишком бдительного паникера. И все же ходили упорные слухи о появлении в расположении армии переодетых немецких шпионов. Раздавались призывы к бдительности. Как выяснилось впоследствии, это имело основания.

По-видимому, поставленная армии первая боевая задача была сразу же отменена или отпала сама по себе, так как ничего не делалось по ее выполнению.

3

Вначале мне никакой конкретной обязанности определено не было, и я невольно почувствовал, что мое пребывание в оперативном отделе излишне. Меня продолжало тревожить незнание обстановки, и я стал изучать оперативные документы. Удалось уяснить следующее. На 26 июня в состав армии включались: 34-й ск (38, 129, 158, 171-я сд), корпус сосредоточивался в районе Черкасы – Белая Церковь; 25-й ск (127, 134, 162-я сд, 134-й корпусной артиллерийский полк), район сосредоточения – Ртищев – Золотоноша – Дубны; 67-й ск (102, 132, 151-я сд), войска корпуса сосредоточивались походным порядком в районе Корсунь; 25-й мехкорпус (50, 55-я танковые и 219-я механизированные дивизии), район сосредоточения корпусу назначался Тараща – Стеблев – Богуслав. Указывалось начало сосредоточения частей корпуса по железной дороге – 25 июня, конец – 7 июля.

Кроме перечисленных дивизий, в составе корпусов значились соответствующие корпусные части и подразделения обеспечения и связи, а в армии, кроме того, – армейские части. Место командного пункта (штаба армии) назначалось в Черкассах.

Организационно 19-я армия должна была входить в состав Брянской группы армий, создававшейся к 26 июня. В нее включались 19, 20 и 22-я армии. Командование группой армий возлагалось на Маршала Советского Союза С.М. Буденного. В руководство входили также Г.М. Маленков и генерал А.П. Покровский.

Мощный боевой состав 19-й армии внушал уверенность и надежду. Если удастся вовремя сосредоточить все войска и организованно вступить в сражение, то такая армия будет в состоянии разгромить довольно крупную группировку противника. А если учесть, что в состав создаваемой группы армий входят еще две армии, кроме 19-й, то это неодолимая, как мне казалось, сила. Кроме того, в группе армий не могло не быть необходимой авиации и других боевых средств.

Размышляя над боевым составом своей армии и группы армий и учитывая их авторитетное руководство, я выбросил из головы сомнения, вызванные первым впечатлением, и настроение резко улучшилось. Стало стыдно за поспешные выводы и необоснованную, как теперь показалось, тревогу. Однако армии в упомянутом боевом составе вступить в сражение не было суждено.

4

Командарм собрал на совещание начальников родов войск и служб, начальников некоторых отделов Полевого управления и объявил решение на оборону Киева. Стрелковым корпусам ставилась задача занять для обороны Киевский укрепленный район. Им нарезались секторы обороны, обволакивающие столицу Украины с северо-запада, запада и юго-запада. Штаб армии должен был перейти в Пуща-Водицу – курортное местечко недалеко от Киева. Маршрут на новый командный пункт проходил через город. Большинство офицеров штаба получило задание на проведение рекогносцировки местности. Работа была срочная и проводилась спешно, с предельным напряжением. Мне приказано в составе группы

офицеров – представителей родов войск и служб – участвовать в рекогносцировке западного сектора.

Киевский укрепленный район на топокартах не значился, и его надо было разыскать на местности. Но мы этого района не обнаружили. Правда, остатки, а вернее, следы старых, разрушенных и заплывших землей оборонительных сооружений кое-где были. Но они ни в какой степени не годились для занятия войсками. Позиции требовалось оборудовать заново по принципу полевой обороны. Работа была большая и требовала значительного времени.

С рекогносцировки я возвращался в штаб на его новое место, проехав мимо Киевского аэродрома. Внимание привлекло большое количество сгоревших и разрушенных самолетов, остатки которых в беспорядке валялись на летном поле. Виднелись разрушения аэродромных построек и следы недавнего пожара. Это были последствия бомбардировки. В Киеве я увидел сильно разрушенный авиационный завод «Большевик», прекративший производственную деятельность. Кое-где черными провалами зияли раны разрушений и следы потушенных пожаров. Небольшой ветерок беспорядочно гонял по Крещатику обрывки бумаг и разный мусор. Удалось купить в киоске свежую газету «Правда». В ней было опубликовано обращение И.В. Сталина к народу 3 июля. Жадно читаю обращение, не отходя от киоска. Сталин требовал не оставлять немецко-фашистским захватчикам на занимаемой ими Советской земле ничего: сжигать посевы, уничтожать продовольствие, угонять скот, вести партизанскую борьбу в тылу у врага и т. п.

Было ясно, что борьба разгоралась не на жизнь, а на смерть.

По призыву партии народ поднимался на защиту своего социалистического Отечества, на смертный бой с ненавистными немецко-фашистскими оккупантами, нарушившими мирный созидательный труд советских людей и несших смерть, разрушение, порабощение.

Глава 3

Перегруппировка на другое направление

1

В Пуща-Водице я узнал, что задача армии на оборону Киева отпала три дня тому назад. Армия перебрасывается по железной дороге в Белоруссию, в район Витебска. Работа на местности так и не была закончена. Войска не успели ни полностью сосредоточиться, ни занять определенные им полосы обороны. Командование, штаб, политотдел и штабы родов войск и служб переключались на организацию переброски армии на большое расстояние. Мы пришли к заключению, что Киеву непосредственной угрозы пока нет и что армия нужнее на Смоленском направлении. Крайне сжатые сроки погрузки и отправки войск говорили сами за себя.

Директива за подписью генерала Г. К. Жукова, адресованная командующему войсками Юго-Западного фронта и доведенная до командования армии на двое суток позже, коренным образом изменяла не только состав, задачу и действия нашей армии, но и предопределяла ее дальнейшую судьбу. Документ был подписан и получен шифром в округе 1 июля. В 18:00 того же дня определялась готовность к погрузке войск в железнодорожные эшелоны. Директива гласила: войска 19-й армии должны быть подготовлены к погрузке и отправлены по железной дороге в новый район. Погрузка намечалась: Полевое управление армии и части связи – на станции Киев, станция выгрузки – Рудня Западной железной дороги, управление 25-го корпуса и 134-й сд – станция погрузки Дарница; 127-я и 162-я сд – станция Бровары, назначение – Лиозно, Рудня. Управление 34-го корпуса и 38-й сд – станция погрузки Васильков; 129-й сд – станция Ирпень; 158-й сд – станция Фастов; назначение – Голынки. Корпусные и дивизионные артполки грузились по месту лагерной стоянки и следовали в районы выгрузки своих соединений. Первые расчеты показывали, что темпы погрузки значительно превышали возможности выделенных станций и сроки отправки не могли быть

выдержаны. Это вызывало нервозность. 25-й мехкорпус в полном составе, 28-я горнострелковая дивизия и 171-й сд из состава армии изымались и передавались Киевскому особому военному округу. Этот корпус направлялся в другую армию, но погрузка его управления почему-то возлагалась на командующего 19-й армией. Вместо 25-го мехкорпуса в состав 19-й армии передавался 23-й мехкорпус, который должен был прибыть по железной дороге в новый район сосредоточения армии. Указывалось, что его первые эшелоны придут в Витебск 2 июля.

А это значительно раньше войск и штаба армии.

Требовалось заранее выслать в Рудню оперативную группу штаба со средствами связи для организации выгрузки, приема, сбора и сосредоточения в новом районе прибывающих войск.

Предписывалось после выгрузки сосредоточить войска в районах: 23-й мехкорпус – Витебск, Лиозно, Яновичи; две дивизии – Лиозно, Бабиновичи, Рудня; две дивизии – Понизовье, Микулино, Демидов.

Директива заканчивалась указанием о том, что по прибытии штаба армии в Рудню армия остается в подчинении народного комиссара обороны. Но приказом Ставки от того же 1 июля армия передавалась в состав Западного фронта. Срочность и важность переброски армии подтверждались сообщением, что контроль за подачей подвижного состава и передвижением эшелонов возложен лично на народного комиссара путей сообщения Л.М. Кагановича. А эшелонов планировалось, кажется, более 250.

Хотя для армии была поставлена и не боевая задача, а лишь перегруппировка на другое направление, перед командованием и штабом возник ряд серьезных проблем – погрузить и отправить большую массу войск в условиях налетов вражеской авиации на станции погрузки, на воинские эшелоны в пути, когда нормальная работа железной дороги нарушена, непросто. Станции выгрузки и новые районы сосредоточения также не были ограждены от ударов немецких самолетов.

Надо было добиваться своевременной подачи подвижного состава, при его крайней недостатке, и обеспечить быструю погрузку людей, техники, конского состава, материальных запасов. Командованию и штабу приходилось решать одновременно две задачи: руководить погрузкой и отправкой эшелонов на Украине и принимать прибывающие войска в Белоруссии. Никакой связи между двумя группами штаба, разорванными большим расстоянием, не было. Добывать сведения о прохождении эшелонов оказалось невозможным. Штаб делал все от него зависящее, но пребывал в затруднительном положении. Генералы и офицеры разъехались по штабам корпусов и дивизий, на станции погрузки, часть их отправилась в новый район, часть оставалась в Пуца-Водице. Офицеров не хватало. Мне было приказано осуществлять контроль за погрузкой войск на станции Дарница. Станция была переполнена людьми – военнослужащими и гражданскими лицами. Стояли бескрайние очереди к военному коменданту, без вмешательства и помощи которого никто уехать не мог. С погрузкой не ладилось, графики срывались из-за нехватки вагонов. А когда наспех составленные поезда подавались под погрузку, как правило частями, вагоны оказывались не приспособленными для людей и конского состава: не хватало досок, свечей, емкостей для воды, проволоки и угольников для крепления техники. Поезда формировались кое-как, с грубыми отступлениями от заявок и предусмотренных инструкциями схем. Когда поезд был все же погружен и подготовлен к отправке, часто не находилось свободного паровоза. Иногда паровоз тянул эшелон до следующей большой станции примерно на 300 километров, а затем возвращался за ожидавшим его следующим составом. Создавалось большое скопление эшелонов на станциях. Станции погрузки тогда немецкая авиация бомбила редко, но налета можно было ждать в любое время.

Помнится такой случай. Дело было в середине дня. Я находился у коменданта станции и спорил с ним по поводу задержки с подачей вагонов. Через окно мы заметили, что солдаты прекратили погрузку и стали разбегаться в разные стороны. Выбежав на площадку, мы увидели пролетающий над станцией вражеский самолет, сопровождаемый жидкими

разрывами зенитных снарядов. Белые шапки разрывов, перемежаясь с такими же белыми рваными клочьями облаков, плыли на восток, гонимые порывистым ветром. Из самолета вывалились листовки. Они вихрем кружились в воздухе и оседали на вагонах, деревьях, станционных постройках. Как выяснилось, солдаты вначале приняли листовки за бомбы и парашютистов и убежали со станции, боясь попасть под разрывы бомб. Эта глупая паника меня возмутила, и я вмешался, чтобы вернуть беглецов к вагонам. Они с виноватым видом приступили к продолжению погрузки, сконфуженные промашкой. Пришлось собрать командиров подразделений и пожурить за плохое руководство подчиненными.

Через некоторое время меня отозвали в Пуща-Водицу. Штаб готовился к погрузке в эшелон. В ожидании команды к выезду на станцию мы сидели в полной походной экипировке в уютном спальном корпусе опустевшего санатория и делились впечатлениями последних дней. Никого из командования в штабе не было. Старшим над нами был начальник оперативного отделения оперативного отдела, недавно прибывший в армию, майор, по фамилии, кажется, Беценко. Многие из нас видели его впервые.

Вечером неожиданно ворвался к нам в общежитие полковник Волков, вытирая обильный пот на мясистом лице. Он только что принял должность начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба армии. До этого он командовал дивизией. Теперь он появился в роли нашего непосредственного начальника. По его приказанию мы быстро построились в шеренгу при личном оружии, с противогазами, биноклями, полевыми сумками – в полном боевом. Полковник встал перед строем и начал нас отчитывать, ругаясь непристойными словами. С открытой ненавистью и в недопустимо грубой форме он упрекал нас в бездеятельности, лени и прочих смертных грехах:

– Страна истекает кровью, а вы спите, ничего не делаете! – брызгал он далеко летевшей слюной. – Вам безразлично, что фашисты топчут Советскую землю, убивают наших людей, уничтожают народное добро, грабят и насилуют! – шумел он, подкрепляя упреки матерщиной. Вдруг он умолк, пробежал обуглившимися глазами, сверкавшими из-под белесых ресниц, по шеренге и обратился с вопросом: – Что вы за истекший день сделали полезного для Родины?

Мы настороженно ждали, к кому он обратится персонально, так как вопрос был поставлен безлично, всем. И вот свирепый начальник указал пальцем на меня:

– Вот вы скажите, бездельник!

Я сделал шаг вперед, как полагалось по уставу. Хотя я находился в штабе не более двух часов, я ему не сказал об этом. Заявив, что мне ничего не поручено, я выслушал площадную ругань в мой адрес. Майор Беценко сделал робкую попытку как-то защитить меня, но полковник грубо его осадил, тоже обругав.

Поддав команду разойтись, строптивый полковник быстро вышел из помещения, сел в машину и уехал, не поставив нам никакой задачи. Впоследствии полковник Волков, снова командуя дивизией, когда армия попала в окружение под Вязьмой, исчез. Как стало известно, он добровольно сдался в плен немцам. Дальнейшая его судьба мне не была известна, пока в 1971 году генерал-лейтенант в отставке М.Ф. Лукин не рассказал мне, что он виделся с Волковым в плену. Последний будто бы в плену ничем себя не скомпрометировал и после войны возвратился на Родину.

Утром следующего дня мы должны были ехать на станцию погрузки. Загрузили машины штабным имуществом и приготовились к отъезду. Пошел проливной дождь. Майор Беценко решил обождать с отъездом до прекращения дождя, так как грузовики не имели тентов и час прибытия на станцию установлен не был. Прошло часа полтора, а дождь не прекращался. Прибыл связной и передал приказание командарма немедленно ехать на погрузку. Когда мы приехали к готовому к отправке эшелону, майора Беценко потребовал к себе в вагон командующий для объяснения причин опоздания. Майор не возвратился, и мы уехали без него. Поползли слухи, что его не то арестовали, не то расстреляли. Так ли это было, я не знаю, и его судьба мне неизвестна; он больше мне не встретился ни на войне, ни после.

Наш эшелон перешел на станцию Киев-главный и там простоял несколько часов, прежде чем покинуть столицу Украины, которую нам оборонять так и не пришлось. На станции стояли эшелоны с ранеными, прибывшие с фронта. Кое-кто из успевших побывать в бою раненых распространял слухи, что перед немецкими войсками устоять невозможно, что у них бесчисленное количество танков и самолетов, а у нас ничего этого нет. Рассказывали, будто немецкие самолеты гоняются за каждым нашим солдатом, пока не убьют или не ранят. Я не верил в эти рассказы и обругал одного такого вестника с фронта, стоявшего у нашего вагона с перевязанной рукой и болтавшего о безнадежном положении на фронте. Он сконфуженно удалился, проворчав, что мы сами в этом убедимся, когда попадем на фронт. «У страха глаза велики!» – крикнул я ему вслед.

2

Поезд шел медленно, долго простаивал на станциях. Через военные комендатуры, вернее, пользуясь их связью, мы пытались добывать сведения о движении эшелонов с войсками, но узнать что-либо путное, как правило, не удавалось. На станции Смоленск виднелись следы бомбардировок: многие здания были разрушены или сгорели, зияли оконными и дверными проемами оголенные стены домов. Но железная дорога работала, поезда шли.

7 июля наш эшелон прибыл на станцию Плоская и должен был двигаться дальше к Рудне. Из-за низких облаков вынырнули два «Юнкерса» и стали бомбить эшелон. На низкой высоте они заходили несколько раз, описывая круги. Мы по команде вышли из вагонов и легли на землю в стороне от железнодорожного полотна. Ни одна бомба в вагоны не попала, и никто не пострадал. Правда, одна из бомб разорвалась рядом с паровозом и повредила колесо и рельсу. Вблизи от места, где разорвалась бомба, стоял генерал-лейтенант Конев. К общему удивлению, он не лег на землю при бомбежке, проявив выдержку и спокойствие. К счастью, его не затронули ни осколки, ни взрывная волна. Может быть, немецкие самолеты причинили бы больший вред, если бы вдруг не вынырнул из облаков наш истребитель И-16 и не обратил в бегство этих воздушных пиратов.

По решению командарма эшелон разгрузился здесь, не дойдя до места назначения. Штаб разместился в лесу у деревни Переволочье, и мы занялись выяснением, какие эшелоны прибыли или прибывают в ближайшее время. Эшелоны до назначенных станций, как правило, не доходили. Под ударами немецкой авиации или при повреждении ею железнодорожного полотна войска выгружались по собственной инициативе и стремились продолжать движение своим ходом. Многим это не удавалось. Выгруженные части нередко распоряжением находившихся в тех местах начальников задерживались и включались в состав ближайших соединений и армий. Стало очевидным, что всю армию в назначенном районе собрать не удастся. Так оно и получилось. 19-й армии в том составе, в каком она отправлялась с Украины, воевать так и не пришлось. Даже некоторые дивизии не смогли собрать свои части, выгрузившиеся на большом удалении одна от другой. Многие артполки, по слухам, распорядительным порядком были переадресованы к Ленинграду. В результате перевозки армия, как таковая, в назначенный район так и не прибыла. Она была разбросана частями по пути следования на большом пространстве.

Штабу армии пришлось заниматься не только сбором своих войск, но и другими, внезапно возникшими задачами. Мы становились на дорогах, перекрыв их на определенном участке, и задерживали разрозненные группы военнослужащих, а иногда и одиночно идущих в тыл солдат и офицеров, собирали их в группы и присоединяли к своим частям. Шли они чаще всего без оружия и без знаков воинского различия. Больше всего возмущали факты, когда некоторые офицеры срезали с обмундирования офицерские нашивки и петлицы или передевались в солдатскую форму и выдавали себя за рядовых. Такая безответственность, граничащая с преступлением, если не сказать больше, явилась для нас полной неожиданностью.

Где проходил фронт, каких районов достиг противник, какие наши войска действовали впереди нас – мы не имели ни малейшего представления. Невозможно было себе представить, что сплошной линии фронта не было. Задержанные бегуны ничего толком объяснить не могли. Они или не знали, или если и знали, то скрывали, к каким частям они относятся, где их части и кто командир. И все же из отрывочных данных у нас складывалось впечатление, что армии Западного фронта, рассеченные противником на отдельные группировки, потеряли управление, сражались с наседавшими фашистами на разных направлениях и в разных районах, не объединенные во фронт, и отступали как попало и куда попало. Вражеская авиация их загоняла в леса, а немцы двигались по дорогам. Но это, казалось, происходит где-то далеко на западе. Грохота боя мы не слышали. Лишь ночью небо светилось красным заревом на западном горизонте. Но самовольно уходящие в тыл военнослужащие встречались все чаще и чаще. Многие из задержанных беглецов с готовностью включались в новые подразделения, они, как правило, становились хорошими бойцами. Но были и такие, которые, уловив удобный случай, смывались снова.

Задерживая беглецов на одной из дорог, я заметил человека, спешившего на восток в стороне от дороги. Человек был лет тридцати, крепкий и хорошо упитанный, но грязный и небритый. Одет он был в смешанную форму – военную и гражданскую. На плече он держал новенький автомат, а на боку висела кожаная кобура от седла, наполненная патронами. Шел он, как выяснилось, откуда-то из Прибалтики.

– Вы почему удираете в тыл? – спрашиваю. – Хотите, видимо, чтобы фашисты заняли всю страну?

Беглец стал оправдываться, утверждая, что немцев видимо-невидимо, у них, дескать, танки и самолеты, а у нас их что-то не видно.

– Но немцам Красную армию не одолеть, она большая, – уверенно заключил оптимист в свое оправдание.

– Кто же остановит немцев, если бежите вы, побегу я и все остальные? Из нас и состоит Красная армия, – внушал я горе-воину простую истину.

Он смутился и заявил недолго думая, что хочет воевать и «влиться», как он выразился, в любую команду. Но я продолжал допрос:

– А вы сами видели хоть одного немца, убили его? Сделали хоть один выстрел по вражескому самолету?

Он чистосердечно признался, что немцев не видел и не сделал ни одного выстрела. А страхи ему рассказывали очевидцы.

Я отобрал у беглеца автомат и патроны, а его направил в группу задержанных, сидевших у дороги. В то время автоматы у нас были редкостью, и я обрадовался случаю обзавестись этим грозным оружием.

Встретилась команда из 57 человек во главе с капитаном. Команда шла организованно, солдаты были полностью экипированы и вооружены винтовками. Чистенькая военная форма с вышитыми золотыми угольниками на углах воротников свидетельствовала, что команда из каких-то внутренних войск. Молодой капитан спокойно сообщил, что ему приказано из Витебска перейти в Смоленск и выполнять возложенную на его подразделение особую задачу. Сущность задачи капитан изложить наотрез отказался, мотивируя секретностью. Несмотря на это, я потребовал от него включиться в тут же формируемую из беглецов роту и занять оборону у шоссе. Капитан заявил, что не может подчиниться, так как армейская дисциплина на него не распространяется и его команда имеет более важную задачу, полученную от своего руководства. Я вскипел от возмущения и заявил, что более важной задачи, чем защищать Родину, быть не может. И что моя задача – всех задерживать и ставить в оборону. Преподавательства закончились тем, что я написал на его красивом удостоверении личности приказание занять оборону, рассчитывая на повышение этим самым его ответственности за выполнение полученной боевой задачи. Он с явным нежеланием выполнил требование. Но когда я ушел на другую сторону дороги и занялся другими командами, эта группа, во главе с «секретным» капитаном, незаметно исчезла.

Заместитель командующего армией был некий генерал-майор Антило, карел или финн по национальности. Он говорил по-русски плохо и с большим акцентом, поэтому неизменно вызывал подозрение; ему было практически невозможно в одиночку появляться среди не знавших его людей. Как только он выезжал из расположения штаба, его немедленно задерживали, принимая за переодетого немецкого лазутчика. Однажды его чуть не расстреляли наши солдаты. Вскоре его от нас куда-то перевели; ходили слухи, что Антило отозван из армии по этой причине.

Тем временем в окрестных лесах скопилось множество мобилизованных запасников. Они не были обмундированы, не имели оружия, не знали, что им делать и куда податься. Направляясь в эшелонах на запад, мобилизованные не могли добраться до мест назначения, так как эти места уже успели захватить немцы. Они выгрузились в пути и расположились в ближайших лесах. Продовольствием их никто не обеспечивал, и они перебивались как могли. Это обеспокоило командование и штаб армии. Но что было делать с этой людской массой – необмундированной и безоружной? Докладывали в штаб фронта, но вразумительного ответа не получили. По решению командарма этих людей постепенно обмундировывали и вливали в прибывающие войска, обеспечив прежде всего питанием.

Между тем – кажется, это было 10 июля – на командный пункт армии привели задержанного старшего лейтенанта – артиллериста. Это был красивый парень с умными голубыми глазами и вьющимися светлыми волосами, выбивавшимися из-под выцветшей шерстяной пилотки. Выглядел он молодецки, по-строевому подтянут, военная форма на нем сидела безукоризненно, как на плакате, показывавшем правила ношения обмундирования, имел при себе сохранившее свежесть удостоверение личности, пистолет с двумя снаряженными обоймами, противогаз и бинокль. Офицера посчитали провокатором и обвиняли в распространении панических слухов. Офицер Особого отдела доложил о задержанном и его подозрительном поведении командарму. Распространяемые офицером слухи заинтересовали командующего, и он пожелал лично переговорить с офицером. Тот уверенно представился генералу, не признавая за собой никакой вины.

– Я говорю правду! – твердо заявил он. Его «провокация» выражалась в том, что он утверждал, будто немцы захватили Витебск. Это было невероятно. Мы находились в 70 километрах от Витебска и, не будучи ориентированы в обстановке на фронте, не могли ожидать появления противника в этом районе в ближайшее время. Не хотелось такой неожиданной и нежелательной версии, хотя принесший ее вестник упорно отстаивал правильность сообщения. Предлагалось расстрелять «провокатора». И.С. Конев после некоторого колебания не подтвердил, но и не отменил трагического намерения бдительного товарища из Особого отдела. Командарм, как и другие, не поверил офицеру. Опасного преступника повели в глубь леса расстреливать.

В это время принесли командарму шифровку, полученную из штаба фронта. Командующий пробежал ее глазами и приказал отставить расстрел офицера и отпустить его. Послали гонца – и расстрел не состоялся.

Глава 4

Первые бои и отход за Смоленск

1

В шифровке было сказано, что немцы ворвались в Витебск. 19-й армии приказывалось наличными силами выбить противника из Витебска и удержать город.

К этому времени успели прибыть лишь некоторые части разных соединений и оперативные группы кое-каких штабов.

Ни одной полной дивизии под руками не было. Командарм, не теряя времени, взял с собой человек пятнадцать офицеров штаба, в том числе меня, и выехал к Витебску. По пути мы

захали в штаб мехкорпуса. Выяснилось, что в корпусе имеется пока только один танковый полк с несколькими танками. Поблизости располагался еще полк 220-й мотодивизии. Командующий распорядился направить эти части к Витебску, и мы поехали дальше. Навстречу попадались идущие на восток группами и в одиночку военнослужащие разных частей. Среди них были и командиры. Некоторые шли без оружия, знаков различия и документов, со следами сорванных с рукавов гимнастеров офицерских нашивок. Последовало приказание всех идущих в тыл задерживать и собирать в команды. Со стороны Витебска на большой скорости по шоссе мчался танк БТ. Уже темнело, и выхлопные трубы танка светились раскаленным докрасна металлом. Мы попытались задержать беглеца. Но водитель не внял знакам остановиться, проскочил мимо нас, не сбавив даже скорости. Майор Зыков, ехавший в хвосте колонны, успел повернуть свою грузовую машину поперек дороги, преградив путь приближающемуся танку. Танк с ходу ударил машину, она несколько раз перевернулась и слетела с дороги. Танк проехал метров пятьдесят от места столкновения и остановился. Мы развернулись и подъехали к танку. Из люка выбрался молодой лейтенант и соскочил на дорогу, одергивая гимнастерку. Путано, еле выговаривая слова, лейтенант невнятно пытался что-то объяснить, затягивая дорогое время. Командарм не стал его выслушивать и приказал немедленно возвращаться к Витебску, где получит боевую задачу. Лейтенант замялся и попросил разрешения высадить из танка пассажира. Он расторопно взобрался на броню, наклонился в открытый верхний люк и вытянул наружу небольшой чемодан, спрыгнул на землю и поставил его на обочине дороги. Затем снова поднялся на танк и помог выбраться из люка молоденькой женщине. Оказалось, что лейтенант эвакуировал в тыл свою молодую жену. Танк развернулся и на предельной скорости двинулся обратно. Когда мы развернули машины и поехали вслед за танком, я видел, как в полной растерянности стояла на обочине дороги одинокая женщина в туфельках и сером плаще, а рядом с ней чернел ее чемодан. Куда денется на ночь глядя в лесу эта беспомощная девчонка, подумалось мне с грустью.

У дороги в лесу мы заметили артиллерийскую часть. Остановились и стали выяснять, почему она не в бою. Сокрушенно, чуть не со слезами на глазах, командир полка доложил, что у него кончились снаряды и он вынужден отвести дивизионы из угрожаемого района, чтобы противник не захватил орудия. Двенадцать 122-мм пушек ему удалось отвести и расположить у деревни Вороны. Остальные двенадцать орудий остались на прежних огневых позициях под носом у противника. За ними посланы тягачи. Если орудия еще не захвачены немцами, то их притянут сюда же. Дело в том, что на 24 орудия в полку было всего 12 тягачей. На них командир полка перетаскивал орудия в две очереди: половину переместит, а затем посылает за второй.

Первые впечатления, полученные в прифронтовой полосе, вызывали горькие размышления. Вот как получается на деле, думалось, – одни сражаются с ворвавшимся на Советскую землю врагом, гибнут в боях, а другие своевременно сматываются в тыл, уклоняясь от опасности, бросают перед лицом врага своих товарищей и утекают подальше отседающих фашистов. Видимо, сказываются какие-то промашки и упущения в довоенном воспитании. Представлялось, что каждый советский человек, способный держать в руках оружие, будет сражаться до последнего патрона, до последней капли крови, до последнего дыхания, преграждая путь коварному врагу. При первом же суровом испытании это оказалось далеко не так. В человеческой среде, видно, тоже есть своеобразный мусор. Естественно. Но что-то очень уж много этого мусора. Наверно, мало словесного внушения ответственности, преданности Родине, готовности самопожертвования ради нее. Чтобы претворять в жизнь эти святые слова, нужна жесткая организаторская рука, единая железная воля для направления духовной и физической энергии людей на выполнение высокого долга. Страх перед опасностью, дикая боязнь смерти, обычная подлая трусость лишили некоторых горе-воинов самообладания, затмили разум, парализовали волю. Несомненно, в общей массе их не так уж много, но они есть. Я переживал чувства горькой обиды и злости, но не

отчаяния. Уверенность в благоприятном в конце концов исходе для нас войны не покидала. Хотелось скорее кинуться в бой с зарвавшимся врагом. Только бы сосредоточилась армия!..

К Витебску мы подъехали, когда уже стемнело. Остановились на восточной его окраине у отдельно стоящего домика. Город горел. Зарево пожарищ отражалось в небе кроваво-красным отблеском. Мы сошли с машин и построились в шеренгу.

И вот прямо перед нами из придавленной багряным небом темноты возник броневик. Из него устало выбирается человек в стальном шлеме, заросший щетиной, почерневший и весь в пыли. Узнаю знакомого по Ростову-на-Дону подполковника Ушакова. Как он здесь оказался, что делает? Из его короткого доклада командарму выяснилось, что немцы ворвались в Витебск и почти полностью заняли город. Наших войск в городе нет. Местные власти, милиция и часть населения поспешно покинули город. В некоторых местах какие-то люди грабят, как он выразился, магазины и склады. Немцы переправляют танки через реку по железнодорожному мосту, так как автомобильный мост выведен из строя.

Он, Ушаков, взял на себя обязанности коменданта города, но сделать ничего, кроме личной разведки, не может, потому что никаких боевых подразделений в его распоряжении нет. Из доклада следовало, что подполковник хорошо знает обстановку в городе. Все, что там происходит, ему известно не из чьих-то рассказов, а из личных наблюдений. В наших глазах Ушаков выглядел настоящим героем. Так оно, наверное, и было.

После короткого раздумья наш командарм оживился, загорелся жаждой деятельности. Заговорила военная струнка, запахло боем, ненавистью к врагу. И вот генерал Конев, худой и длинный, с бритой головой и белесыми бровями, обращается к начальнику инженерной службы полковнику Гайдуку. Тот молча выходит из строя и становится перед командующим. Маленький, щупленький, с подчеркнутой военной выправкой человек. В штабе округа он появился незадолго до войны, но все его успели узнать. Было известно, что полковник воевал в Испании. На груди у него красовались три ордена Красной Звезды. Имеющие столько орденов в те времена встречались редко.

– Надо сорвать переправу танков врага через реку, – спокойным, но твердым, не допускающим возражения голосом сказал генерал. – Отправляйтесь к мосту и взорвите его!

– Есть, товарищ командующий! Задачу понял. Разрешите выполнять? – бодро отчеканил полковник и пошел к машине.

Но тут его вдруг окликнул командарм, повысив голос:

– Задачу выполнить при любых условиях! Ценою жизни, но выполнить, полковник Гайдук!

– Ясно, товарищ командующий! – ответил Гайдук и ушел в темноту.

Что ему ясно? Как он выполнит эту задачу? – подумал я с досадой. Это же нереально. Один человек – без охраны и саперов, без взрывчатки. Немцы, несомненно, охраняют мост и не позволят к нему даже приблизиться, а не то что взорвать. Странно. Очень странно! Взрыв железнодорожного моста потребует сил, времени и много взрывчатки. Не может же инженер не знать этого. Почему он не доложил командарму о нереальности задачи? А может, опытный начальник инженерной службы рассчитывает на какие-то силы и средства, о которых мне неизвестно, – успокаивал я себя этой надеждой. И все же этот случай показался мне чем-то зловещим, тревожным, непонятным.

Спустя непродолжительное время появился шофер Гайдука и, еле переводя дух, доложил, что на пути к мосту машина была обстреляна пулеметным огнем в упор из окна дома. Полковник не то убит, не то ранен. Сам он выскочил из подбитой машины и, пользуясь темнотой, прибежал доложить. Командарм с удивительным спокойствием приказал послать к месту происшествия танк КВ, на котором кто-то из командиров приехал, и вывезти полковника Гайдука. Но танк вернулся ни с чем: в поврежденной машине Гайдука не оказалось. Через несколько лет после войны мне рассказали, что Гайдук был тяжело ранен,

пленен немцами и находился в лагере военнопленных. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Вернемся, однако, к домику на восточной окраине Витебска. Ночное небо, как исполинское зеркало, отражало горящую землю. Мы стояли в шеренге, а командарм, указывая пальцем то на одного из нас, то на другого, ставил каждому задачу. Поручения в основном заключались в розыске командиров соединений, прибытие которых ожидалось в намеченные районы с часу на час, и сопровождении их к командующему. Генерал хорошо знал, какие части должны были уже прибыть и какие ожидаются в ближайшее время; но где их искать в кромешной тьме на незнакомой местности, не указывал, считая, что штабные офицеры знают это не хуже его самого. Но в действительности знали далеко не все. Получившие задание молча выходили из строя и уезжали в темноту. Очередь дошла до меня. Генерал посмотрел в мою сторону, назвал меня по фамилии и вдруг, задумавшись на секунду, обратился к следующему. Я забеспокоился и с затаенной обидой подумал, что командующий на меня не надеется и поэтому воздержался дать мне поручение. Получили поручения почти все. Я же сконфуженно стоял и напряженно ждал указаний. Вдруг генерал порывисто подошел ко мне вплотную:

– А вам поручаю выбрать место для командного пункта армии в лесу восточнее Витебска. План размещения командования и отделов и схему охраны и обороны КП доложите на утверждение. К утру штаб должен прибыть и подготовиться к работе на новом месте.

С представителями отдела связи и отделением связистов я отправился в лес, через который мы только что проехали. Раньше мне не приходилось заниматься размещением командного пункта и выбором места для него, и я сильно волновался, не будучи уверенным, что справлюсь с задачей.

Километрах в шести юго-восточнее Витебска лес показался подходящим. И я приступил к работе. Но лес оказался битком набит людьми и машинами. Здесь были мужчины и женщины самых разных возрастов, дети и старики. Они поспешно покинули городские квартиры, убегая от страшного врага, и семьями, с наспех захваченным домашним скарбом, расположились на ночлег между развесистыми хвойными деревьями. Густо дымилась приглушенные костры, пахло паром и печеной картошкой. Люди сидели у костров на лапнике, тихо разговаривали. Очистить нужный участок леса от человеческого муравейника оказалось непросто: никто не обращал внимания на уговоры перейти в другое место. Особенно упорствовали мужчины, которым бы не сидеть в такое трагическое время в лесу среди домочадцев, а с оружием в руках защищать родной город. С помощью офицеров и солдат-связистов с большим трудом удалось в конце концов перегруппировать разбитую на семейные ячейки толпу на другую сторону дороги. Натыкаюсь на новенькую легковую автомашину М-1 с горой увязанных на крыше чемоданов. В кузове, прижавшись друг к другу, дремлют женщины и дети. На переднем сиденье, поджав ноги, спит средних лет мужчина. Это был глава семьи, одетый в измятую военную форму без знаков различия. Мое требование перегнать машину на другую сторону дороги хозяин отклонил, заявив, что я ему не указ, он мне, дескать, не подчинен, как лицо, занимающее высокое положение и не имеющее отношения к армии.

– Занимайтесь своим делом, а мою семью не беспокойте.

Я без вас знаю, где мне быть и что делать. Утром уеду в Смоленск, а пока ночью здесь! – отчеканил он воинственным тоном.

Это положило конец моему терпению.

– Вам следовало бы драться за свой город с врагом, а не сидеть в лесу дезертиром, – парировал я его самоуверенность. – Но у меня нет времени предаваться дискуссии. Освободите машину! Она изымается для нужд армии...

Он стал кричать, бросаться угрозами, заявляя, что освобожден от призыва по брони. Но потом понял бесполезность препирательства, заметив приближающихся двух связистов с винтовками, стал отвязывать и ставить на траву чемоданы. Машина нам пригодилась для дела.

К утру прибыл штаб армии и разместился на первом боевом командном пункте, выбранном мной. Командарм замечаний по расположению штаба не высказал.

2

19-я армия с крохотными силами различных соединений вступала в боевые действия с войсками немецко-фашистских захватчиков. Командующий армией генерал-лейтенант И.С. Конев был задумчив и молчалив. Он глубоко переживал случившееся. И его можно было понять: фактически он оказался командующим без армии, в создание которой вложил столько сил и нервов. Приходится собирать что попадет под руку и вступать в бои с врагом с незнакомыми, случайно собранными и малобоеспособными подразделениями. Но что поделаешь! Обстановка складывается не так, как бы хотелось.

В течение ночи к Витебску удалось подтянуть подразделение из нескольких танков 7-го танкового полка и неполный полк 220-й мотодивизии.

Решено было с рассветом послать офицеров на самолетах связи разыскивать долженствующие прибывать войска и направлять к Витебску подкрепления. Но случилась первая боевая беда. Имевшаяся эскадрилья самолетов связи, базировавшаяся в районе населенного пункта Яновичи (30 километров северо-восточнее Витебска), с первой утренней зарей подверглась налету самолетов противника, и все наши самолеты частью сгорели, а частью вышли из строя. У нас не осталось ни одного самолета связи.

Командарм решил, не теряя времени, атаковать противника в Витебске наличными силами. После жиденького огневого налета началась наша атака на юго-восточную окраину города. Бойцы поднялись дружно и с криком «ура» устремились на противника вслед за семью танками. Вначале продвигались успешно и после короткого, но напряженного боя заняли аэродром и ворвались в город. Аэродромные построения окутаны огнем; горели и ближайшие дома в самом городе. На этом наступление закончилось, бой стих. Мы ожидали, что противник возобновит наступление вдоль шоссе Витебск – Лиозно. Но этого не произошло. Ошеломленные нашим внезапным ударом, немцы здесь больше активности не проявляли. Тем временем начальник разведки полковник Кулешов доложил командующему, что противник, отказавшись от наступления со стороны Витебска, форсировал реку Западную Двину километрах в пятнадцати севернее города и устремился на восток, видимо намереваясь прорваться к Смоленску. Немцы в любое время могут выйти на тылы армии и отрезать нам пути отхода. Указаний штаба фронта о дальнейших действиях не поступало, и командование армии теперь смотрело не вперед, а назад, обеспокоенное тем, что противник может выйти в районы выгрузки прибывающих войск и сорвать их сосредоточение. Когда стемнело, где-то в тылу вспыхнул вихрь пламени и до нас докатилось эхо мощного взрыва. Случившееся от личного состава скрывалось. Но мы, штабные операторы, быстро разобрались в происшедшем. На станции Плоская находился армейский склад боеприпасов, часть которых не была выгружена из вагонов. Опасаясь, что склад может попасть в руки противника, наши артснабженцы взорвали боеприпасы, оставив войска без снарядов. Впоследствии выяснилось, что снабженцы поторопились: склад мог функционировать еще несколько дней, так как противник обошел его севернее.

Несколько дней мы удерживали занимаемый район. Но противник глубоко обошел нас с севера и устремился на восток: его 3-я танковая группа двигалась в общем направлении на Ярцево, обходя Смоленск с севера. 2-я танковая группа немцев развивала наступление из

района Орши, прорываясь к Смоленску с юга. Создавалась предпосылка окружения советских войск в обширном районе между Витебском и Смоленском.

Тем временем поступило распоряжение штаба фронта, гласившее, что какая-то дивизия (не нашей армии) под ударами противника рассыпалась. Командование дивизии растерялось, потеряв управление частями. Командарму 19-й армии приказывалось своим распоряжением назначить нового командира дивизии и начальника штаба, которых обязать немедленно выехать в район Демидова, разыскать упомянутую дивизию, арестовать ее руководителей, а самим возглавить командование. И.С. Конев назначил командиром неизвестной ему дивизии полковника Бурча, состоявшего в резерве, а начальником штаба – моего приятеля майора Б.М. Пономаренко. Дивизию они так и не нашли: полковник Бурч возвратился ни с чем, а майор Пономаренко пропал без вести. Уже в завершающий период войны дошли до нас слухи, что Пономаренко оказался в плену, потом бежал и воевал в партизанах, став начальником штаба партизанской бригады.

Поступил приказ отвести нашу армию за Смоленск. К этому времени как раз прибыла одна из наших дивизий под командованием генерал-майора Горячева. Она благополучно выгрузилась из эшелонов в районе Рудня и восточнее и походным порядком двигалась в направлении Витебска. Штаб армии в то время переместился к юго-востоку и размещался в лесу между Рудней и Лиозно. Командарм решил выдвинуть прибывшую дивизию вперед с задачей прикрыть отход войск, не допустив преследования их противником. Но вот среди ночи появляется заместитель командующего фронтом генерал А.И. Еременко. Он, горячась и матерно ругаясь, отменил решение командарма, приказал остановить дивизию и отправить ее за Смоленск. Конев настойчиво просил генерала Еременко не отменять решение накрытие отвода армии, ибо немцы в этом случае настигнут отходящие войска и врежутся в их колонны – тогда отход превратится в бегство.

– Ну и пусть бегут! Скорее отойдут, – подтвердил приказание Еременко. Он тогда не сказал генералу Коневу – чего не знать не мог, – что 19, 20 и 16-я армии Западного фронта фактически уже оказались в оперативном окружении в огромном районе западнее, севернее и восточнее Смоленска. 16 июля немцы ворвались в Смоленск с юга, и 19-й армии, силы которой значительно пополнились, в районе Витебска делать было нечего.

Меня послали найти генерала Горячева и передать ему приказание отходить. Но комдив мне не поверил и выполнять приказание отказался, считая неразумным отводить дивизию в то время, когда находящиеся не впереди войска отходят. Их нельзя оставлять без прикрытия. Я предложил генералу остановить дивизию на привал, а ему поехать вместе со мной к командарму, от которого он получит исчерпывающие указания лично. Договорились на этом. Ему была подтверждена новая задача, и дивизия возвратилась.

3

Утром штаб армии группами поочередно начал перебираться в новый район за Смоленск, чтобы разместиться в лесу у станции Кардымово. Я должен был ехать с последней группой.

А пока сидел в закрытом кузове радиостанции и вел переговоры по радио со штабами, с которыми поддерживалась связь. Помехи заглушали слышимость, эфир был плотно засорен перебивающими друг друга русским и немецким языками. Поэтому даже короткий разговор занимал много времени. Связисты беспокоились и все настойчивее напоминали мне, что пора свертывать радиостанцию и уезжать. «Все уже смотались», – умоляюще предупреждали они.

Но я не хотел прерывать неоконченные переговоры, намереваясь отпустить радиостанцию в самый последний момент – и она догонит колонну. Недалеко от радиостанции в кустах я предусмотрительно поставил броневик БА-10, принадлежавший службе ПВО Витебска и

задержанный мной накануне. Пожилому солдату-водителю было приказано без меня никуда не уезжать. Дверь радиостанции кем-то приоткрылась, и я услышал поблизости трескотню автоматных очередей. Выскочив из радиомашины, я разрешил радистам свертываться и уезжать, а сам ушел к броневнику. Немецкие автоматчики проглядывались между деревьями: они ворвались на командный пункт и прочесывали лес. Броневика на месте не оказалось, – вероятно, водитель удрал, не дождавшись меня. Радиостанция успела смыться, и я остался один в лесу перед приближающимися немцами. Пригнувшись, стараясь ускользнуть незамеченным, пробираюсь по густому кустарнику к опушке леса, где проходила полевая дорога. К счастью, на большой скорости мчится открытая легковая машина. Рядом с водителем сидит командир полка связи полковник Базилевич-Белый. Заметив меня, шофер притормозил, и я свалился в кузов машины. Вскоре мы выскочили на пустынное шоссе и помчались на восток. Через каких-то 10–15 минут догоняем и обходим колонны машин с людьми и всевозможным войсковым скарбом, в беспорядке обгоняющих друг друга. По обеим сторонам дороги, сколько видит глаз, движутся сплошные колонны артиллерии, глубоко врезаюсь гусеницами тракторов и колесами орудий в размешанную пыль. То здесь, то там виднеются застывшие на месте орудия с тягачами, брошенные на обочинах дороги. Видно, кончилось горючее. С болью в душе, стараясь сдерживать слезы досады и обиды, я представил, что все это достанется врагу.

А я-то думал, что при любых обстоятельствах каждое наше орудие будет вести огонь по противнику до последней возможности и при безвыходном положении оставшимся единственным снарядом будет взорвано. На деле это оказалось далеко не так.

В голубом утреннем небе проплывали на запад многочисленные стаи вражеских бомбардировщиков, между которыми проворно сновали маленькие истребители, сверкая на солнце ослепительными отблесками. Но они проплывали мимо, будто не замечая, что творится на дороге. Освободились от смертоносного груза где-то в глубине фронта, думалось, и возвращаются на аэродромы для новой зарядки. Бомбить нас им, видно, нечем.

Обгоняя колонны по обочинам дороги, наша машина стремглав несется вперед. Смоленск остается где-то справа. Подъезжаем к Соловьевской переправе. Как нас туда занесло? В глазах рябит от скопления машин, людей, конных повозок, артиллерии. Все вокруг сожжено и обуглено, щекочет в носу, и въедается в глаза смрад липкой гари. Месиво людей, лошадей и техники бросается в воду и вброд устремляется к противоположному берегу. Несколько тяжелых орудий, с залитыми водой двигателями тягачей, застряло в разных местах реки, мешая движению. На восточном берегу, у самой переправы на пригорке, где обглоданными кульями тянутся кверху три обрубленные бомбами почерневшие старые березы, беспрестанно стреляет зенитная батарея. Молодой лейтенант, без головного убора, с расстегнутым воротником выгоревшей, мокрой от пота гимнастерки, стоит в рост на осыпавшемся окопе и подает команды боевым расчетам, неистово помахивая потерявшими цвет сигнальными флажками. Над переправой, как исполинские шмели, кружат вражеские бомбардировщики, выстраивающиеся один за другим, и, круто ныряя вниз, сбрасывают по четыре бомбы в каждом заходе. Порывистый рев их моторов заглушает крики людей и шум машин на переправе. Вода кипит, несет по течению какие-то предметы. Розово-мутными потеками медленно расплываются все шире и шире пятна человеческой крови на взбаламученной воде. Я ощущаю помутнение в глазах, подташнивание. И вот мы вливаемся в общий поток, вода переползает через капот машин, двигатель захлебывается, вот-вот заглохнет. Но машина с натугой выбирается на противоположный берег. Ад переправы остается позади.

В лесу, где копошится штаб, размещаясь на новом месте, разыскиваю полковника Волкова, неожиданно приступившего к исполнению должности начальника штаба, и докладываю о прибытии.

– Будешь моим адъютантом, – угрюмо объявляет полковник.

– Простите, товарищ полковник, но я на эту должность не подхожу. Такая роль мне не подойдет. Ведь я окончил академию не для того, чтобы быть адъютантом, – упрямо возражаю. В сердцах хотел еще заметить, что не могу выполнять холуйских обязанностей, но воздержался.

– А мне как раз и нужен адъютант с высшим военным образованием. Я же не заставляю тебя чистить мне сапоги, – грубо оборвал меня вновь испеченный начальник армейского штаба. – Поехали!

Группа офицеров во главе с Волковым спешно выезжает навстречу отступающему потоку. На высоте перед небольшим мостиком на шоссе между станциями Плоская и Рудня останавливаемся. Задерживаем танк «КВ», две отставшие от своей части 122-мм пушки и десятка два бредущих в беспорядке красноармейцев и организовываем оборону по обе стороны дороги: роем орудийные окопы, ячейки для стрельбы, создаем систему огня. Из направления Рудни больше никто не появляется: все отступающие, видно, уже прошли. Мы голодны, есть нечего. Посылаем в Рудню офицера и двоих рядовых в поисках продуктов. Вскоре они возвращаются с несколькими банками сгущенного молока и консервированной фасоли с мясом. Посланцы сообщают, что им с трудом удалось ускользнуть от немцев, вошедших в Рудню, скоро те появятся перед нами. Быстро темнеет.

– Адъютант, кончились у меня папиросы. Давай! – обращается Волков ко мне, точно дал мне свои папиросы на хранение.

– Я некурящий и папирос не имею, – отозвался я вызывающе, конфузясь перед товарищами.

– Да, видно, ты в самом деле в адъютанты не годишься, – пробормотал полковник недовольно. – Вот что, я немного посплю, а ты не спи и, если что, разбудишь. Только смотри не засни сам!

– А когда же поспать мне? – говорю.

– Выберешь время, когда не буду спать я. Не можем же мы спать оба.

Утомленные, все быстро погрузились в сон, расположившись рядком на теплой земле, прикрыв лица головными уборами. Кругом тишина, ни звука. Далеко на западе небо отсвечивается розовыми бликами.

Вглядываясь в окружающую темноту, я вдруг заметил на северо-восточном небосклоне нечто вроде ярко светящихся фонарей на разной высоте. На фоне освещенного ими неба вспыхивали один за другим белые язычки и плавно опускались к горизонту. Казалось, что это происходит совсем рядом. Разгадать впервые увиденное явление я не мог. Толкаю в плечо крепко спящего Волкова и указываю на появившуюся иллюминацию. Полковник сердито протер глаза, подумал и говорит:

– Так это же парашютный десант! В каком это районе? На каком удалении от нас? Как ты думаешь?

– Трудно определить ночью. Наверное, далеко, раз не слышно гула самолетов, – ответил я неопределенно.

Все быстро проснулись и молча вглядывались в происходящее. Я развернул карту и с помощью компаса, при свете карманного фонарика, определил азимут. Получалось – в направлении Ярцево. Но на каком удалении от нас, сказать было невозможно.

Между тем наше внимание привлекла приближающаяся со стороны противника человеческая фигура. На оклик послышался немедленный ответ:

– Младший лейтенант Борискин! Свой!

Борискин приблизился и осмотрел каждого из нас в темноте, определил полковника и бойко отрапортовал:

– Товарищ полковник! Младший лейтенант Борискин охранял находящийся впереди мост. Прибыл доложить, что мост в порядке, противник не появлялся...

Маленький ростом и совсем юный офицер выглядел сугубо штатским мальчуганом; его можно было принять за переодетого в военную форму школьника старшего класса. На пояске у него висела кобура с пистолетом и две ручные гранаты: одна противопехотная, а другая противотанковая. Они круто оттягивали вниз брезентовый пояс на впалом животе.

– Разрешите, товарищ полковник, в знак уважения преподнести вам трофейные часы, – продолжал пришелец без тени смущения. Он снял с руки плоские четырехугольные часы на белом браслете и протянул Волкову. Тот молча сунул их в карман.

– А что бы ты делал, если бы появились немцы? – спросил кто-то.

– Я сидел бы под мостом. Если бы на мост зашел танк, я бы подорвал его гранатой, а фрицев перестрелял бы из пистолета. У меня две обоймы патронов, – с подкупающей наивностью соврал Борискин.

Волков заинтересованно осмотрел незнакомца и объявил:

– Молодец! Будешь моим адъютантом!

Офицер не мог скрыть радости, окрыленный высоким доверием. Так я избавился от ненавистной адъютантской должности.

На рассвете Волков, захватив с собой нового адъютанта, уехал в штаб, оставив меня за старшего.

Мы разместились по окопам в ожидании появления противника. И вот по дороге со стороны Рудни движется мотоцикл с коляской. Даю команду притаиться и поймать мотоциклистов, как только они приблизятся к нам вплотную. Немцы – солдат-водитель с автоматом на груди и офицер с парабеллумом на животе – сдались без сопротивления.

Вслед за этим низко над нами попарно проносятся вражеские самолеты и, зайдя с тыла, сбрасывают множество мелких бомб. Мы стреляем, вслед им из винтовок. Никто не пострадал: спасли окопы. Добротный мотоцикл марки «Цундап» с турельным пулеметом над рулем стал нашим трофеем.

Вскоре на дороге показалась колонна: впереди два броневика, за ними три танка и далее два бронетранспортера с пехотой. Даю указание не стрелять преждевременно, а, подпустив колонну вплотную, расстрелять в упор из танка и двух 122-мм пушек. Но когда противник находился от нас еще примерно в километре, один из расчетов не утерпел и открыл огонь прямой наводкой. Он сделал два выстрела, но промахнулся, снаряды не попали в цель и разорвались метрах в двухстах впереди передней машины. Снарядов были считанные единицы, и я, подбежав к стрелявшему орудию, запретил бесцельную стрельбу. Колонна поспешно развернулась и ушла обратно, не сделав ни единого выстрела. Больше противник перед нами не появлялся.

Во второй половине дня приехал на полutorке офицер и передал мне приказание вместе с ним ехать в штаб. За старшего на позиции остался мой приятель и сослуживец по Ростову-на-Дону капитан А.С. Кучережко.

Подъезжая к Смоленску, мы заметили на шоссе метрах в двухстах впереди шлагбаум, грузовик и группу немецких солдат с автоматами. Поняв ситуацию, мы развернули машину и ушли на большой скорости. Сзади слышались автоматные очереди.

Но немцы нас преследовать не стали. Чтобы попасть в район станции Кардымово, где размещался штаб, мы поехали в обход Смоленска с севера. Навстречу из направления Ярцево несутся два грузовика нашего штаба – связисты и вольнонаемные девушки из военторга. Оказывается, они не свернули вовремя на Кардымово и проскочили к Ярцево. А

там их обстрелял противник. В панике они ринулись обратно и неслись сломя голову, не зная куда. Мы взяли их с собой и проселочными дорогами привели в штаб. Выяснилось, что в районе Ярцево высажен воздушный десант противника, который мы наблюдали ночью. Выбросив под прикрытием темноты парашютистов и захватив подходящую площадку, с наступлением рассвета противник стал подвозить на транспортных самолетах подкрепление. Ярцево оказалось в руках немцев, перерезавших Минскую автостраду. На борьбу с десантом был направлен наспех собранный отряд, но ему уничтожить противника не удалось. В Смоленск немцы ворвались с юга после напряженного танкового боя в неблагоприятных для наших войск условиях. Наши войска были буквально придавлены к земле и скованы в маневре господствовавшей в воздухе немецкой авиацией. Сбитый в воздушном бою и попавший к нам в плен немецкий полковник южнее Ярцево на допросе вел себя нагло, с безрассудной самоуверенностью: на вопросы не отвечал, яростно плевался и тупо утверждал, что германские войска вот-вот покончат с Красной армией.

Глава 5

Ликвидация прорыва и восстановление фронта

1

Смоленск пал. Но историческое Смоленское сражение, развернувшееся на огромном пространстве, продолжалось. Немецко-фашистское командование, сосредоточив превосходящие силы танков, авиации и пехоты на Смоленско-Московском стратегическом направлении, группой армий «Центр» упорно добивалось далекоидущих целей – глубоким проникновением на восток мощных танковых клиньев 3-й и 2-й танковых групп в обход Смоленска, с севера и юга рассечь фронт обороны советских войск на три части, окружить и уничтожить Невельскую, Смоленскую и Могилевскую группировки Западного фронта и тем самым создать благоприятные предпосылки для беспрепятственного наступления на Москву. В начале Смоленского сражения гитлеровцам удалось добиться серьезных успехов, поставив советские войска в крайне тяжелое положение.

Западный фронт вынужден был отступить. Некоторые его армии, в том числе 19-я, оказались в оперативном окружении, а некоторые рассечены на изолированные группировки, ведущие тяжелые бои с превосходящими силами противника в окружении.

С целью сорвать замыслы врага активными действиями советское командование предприняло попытку организовать и провести в период с 21 июля по 7 августа контрнаступление на главном стратегическом направлении силами 29, 30, 24 и 28-й армий, создав на их основе импровизированные оперативные группы. Хотя это контрнаступление и не достигло поставленной цели – разгрома ударной группировки немецко-фашистских войск севернее и южнее Смоленска, – оно способствовало выходу из окружения 16-й и 20-й армий, привело к стабилизации фронта на ряде участков и лишило войска противника прежнего наступательного порыва на данном направлении. В результате упорных сражений группа армий «Центр» понесла значительные потери, особенно в танках, ее ударная мощь была серьезно подорвана. В итоге замысел противника оказался сорванным и группа армий «Центр» вынуждена была основными силами перейти к обороне, отложив на неопределенное время наступление на Москву.

В этой обстановке 19-я армия под командованием генерал-лейтенанта И.С. Конева, начав боевые действия в районе Витебска при неполном сосредоточении, глубоко обойденная с севера подвижной группировкой противника, вынуждена была отойти сначала в район северо-западнее Смоленска, а затем и за Смоленск и совместно с 16-й армией, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, вела бои за этот город. Часть ее соединений так и не смогла присоединиться к своей армии и сражалась в других местах.

Возвратившись из-под Рудни, я застал в штабе у Кардымово какое-то неопределенное положение: полковник Волков не сумел в сложной обстановке организовать работу армейского штаба как единого оперативного органа управления. Цельного представления об оперативной обстановке в штабе не было, войска были перепутаны и перемешаны с частями других армий, тыл не организован, связь действовала с большими перебоями и крайне неустойчиво. Управление осуществлялось путем рассылки офицеров по соединениям и отдачей отдельных распоряжений, часто отстававших от обстановки. Единого, четко выраженного замысла действий армии уяснить было невозможно; данные о боевом составе запутанны. Правда, в общих чертах было ясно, что армии надлежит не допустить дальнейшего продвижения противника из района Смоленска в восточном направлении. Но часть наших войск вела бои северо-восточнее Смоленска, а 34-й ск под командованием генерал-лейтенанта Р.П. Хмельницкого – юго-восточнее города, за Днепром. Командарм, рассылая по дивизиям и полкам офицеров и генералов штаба и мотаясь сам то в одно, то в другое место, стягивал разорванные на части соединения, создавая новую линию обороны восточнее Смоленска, восстанавливая фронт.

2

С наступлением рассвета еду с поручением в одну из дивизий на северо-восток от Смоленска. Местные жители, оставив родной город, где уже хозяйничают фашисты, с узелками в руках, группами и в одиночку бредут на восток в поисках спасения. Мелькая черными силуэтами за рваными облаками, со стороны Смоленска показались два наших тяжелых бомбардировщика ТБ-3. Из-за серого облака вынырнули два вражеских истребителя Ме-109. Они поочередно набрасываются на медленно плывущих бомбардировщиков. Раздаются длинные лающие очереди стрельбы. И вот вспыхивает языками пламени и, разваливаясь в воздухе на куски, падает первый самолет километрах в трех от дороги. На небольшой высоте раскрывается парашют, он медленно опускается среди копен скошенной ржи. Пролетев небольшое расстояние, вспыхивает и разваливается в воздухе и второй наш бомбардировщик. Подъезжаю к горящим жестянкам от первого самолета. Впереди остова догорающего самолета лежит летчик в кожаном комбинезоне и с планшетом через плечо. Летчик мертв, но крови не видно. В планшете – карта с пометками. С ужасом рассматриваю нанесенные на карте синим карандашом колонны противника, приближающиеся к Ленинграду, и такие же колонны западнее Смоленска. Расстегиваю комбинезон погибшего летчика. По знакам различия – он подполковник; на груди у него несколько орденов, в том числе орден Ленина и два ордена Красного Знамени. В кармане гимнастерки обнаруживаю документы и фотокарточку молодой женщины с двумя обворожительно красивыми детьми. Из документов видно, что это подполковник авиации Иванов. Других членов экипажа самолета поблизости нет. Со стороны ближайшей деревни подбегает шумная ватага детей: мальчишки и девчонки.

– Ребята, вы не видели, куда девался парашютист? – спрашиваю детей.

– А он спрятался в копне. Мы покажем, где он, – отвечают ребята хором.

Мы пошли между копнами. Вдруг одна из них зашевелилась и, стряхивая с плеч колосья, поднимается младший лейтенант в летной форме. Он думал, что опустился на занятой немцами территории, и спрятался. Назвался стрелком-радистом. Беру его с собой и еду выполнять порученное задание, а потом завожу летчика в свой штаб. Волнуясь и плача, потрясенный случившимся, младший лейтенант рассказал, что самолеты ходили бомбить танковые колонны западнее Смоленска. Боевое задание меняли несколько раз, что задержало вылет, и их полк с запозданием вылетел с аэродрома Иваново. Темного времени не хватило, чтобы на обратном пути уйти подальше от линии фронта под покровом ночи. Немецкие истребители подкрались к их самолету незаметно и обстреляли с хвостовой части. Он, как радист-стрелок, сделал несколько выстрелов из пулемета, но самолет спасти не мог, он почти

беззащитный. О судьбе других самолетов полка ему ничего не известно. Мы передали ему документы подполковника Иванова и отправили в тыл.

Между тем линия фронта восточнее Смоленска постепенно восстанавливалась. Продвижение противника затормозилось. Бои шли на разных участках с переменным успехом.

В армии снова появился заместитель командующего Западным фронтом генерал А.И. Еременко. Он отстранил от должности командира 34-го ск генерал-лейтенанта Хмельницкого, возмущенный сдачей врагу Смоленска, хотя его корпус не имел к этому прямого отношения. И тот сидит в машине М-1 с шофером и адъютантом на нашем КП без дела. Командование корпусом, оказавшимся в 20–25 километрах юго-восточнее Смоленска к западу от Днепра, временно взял на себя по совместительству И.С. Конев. Как-то среди ночи меня вызывает генерал Еременко, заночевавший на нашем КП. Он передает мне письменное приказание командования фронтом, адресованное лично генералу Хмельницкому. Бумага написана от руки за подписями маршалов С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошникова. Приказание обязывало Хмельницкого, под его личную ответственность, с утра перейти в наступление с задачей к исходу дня овладеть юго-восточной частью Смоленска. Бумага заканчивалась суровым предупреждением о личной ответственности генерала, если задача не будет выполнена. Мне поручалось вручить приказание адресату, хотя это лучше было сделать самому Еременко. Но он, видно, не нашел нужным встречаться с Хмельницким.

– Товарищ генерал, ведь Хмельницкий вами отстранен от должности и корпусом не командует, – напомнил я высокому начальнику в недоумении.

– Ему приказано, пусть и выполняет. Отстранение отпадает само по себе.

– Разрешите пригласить генерала Хмельницкого к вам, – может, у него будут вопросы...

– Мне с ним не о чем говорить. В приказании все сказано. Идите, не теряйте времени! Скоро утро.

Генерал Хмельницкий, при свете карманного фонарика, поданного адъютантом, медленно прочитал суровое приказание и проговорил вслух, как бы сам про себя:

– Это писал лично Борис Михайлович, почерк знакомый.

На лбу генерала выступили крупные капли пота.

– Вы хорошо знаете дорогу в корпус? – спросил генерал, сделав полуоборот в мою сторону всем телом, не вылезая из машины.

– Знаю, но ездил туда днем. А сейчас ночь, темно. Но могу найти.

– Поехали! – скомандовал комкор, взглянув на часы.

Я втиснулся в машину, и мы тронулись. Я знал, что надо переправляться по ветхому мостику через Днепр в районе Верхней Немыкари. Рассвет застал нас на подъезде к переправе. Навстречу по сторонам от проселочной дороги, пригибаясь и поеживаясь в виду нашей машины, по тропам и межам через созревшее пшеничное поле небольшими группами и в одиночку тянулись безоружные солдаты.

– Бредут в тыл, подлецы! – задумчиво молвил генерал и приказал остановиться. Он вышел из машины на обочину дороги и подозвал первых попавшихся дезертиров. Проверив документы и выяснив, из каких частей эти солдаты, генерал порывисто сел в машину, пояснив с беспокойством, что бегуны из частей его корпуса. Я заметил на глазах бывшего и выдавшего виды военачальника обильные слезы. Некоторые дезертиры, оказавшиеся вблизи нашей машины, замешкались и повернули обратно, но большинство продолжило путь в тыл. Я глубоко понимал генерала Хмельницкого и сердечно сочувствовал ему. Много лет он состоял для особых поручений при наркоме обороны К.Е. Ворошилове. В среде высшего командного состава он был широко известен и пользовался большим уважением. Впервые я

его увидел, когда после финской войны его корпус прибыл в наш округ со штабом в Ростове-на-Дону. Это был солидный, красивый, уравновешенный, культурный и холерный до блеска генерал, с картинно сидевшей на статной фигуре всегда новенькой военной форме. Теперь от этой холерности и блеска не осталось и следа.

Мне захотелось хоть как-нибудь утешить душевно страдающего генерала, сознавая невыполнимость поставленной ему задачи. Но подходящих слов не находилось. Почему он не принял никаких мер к задержанию и возвращению в строй бредущих в тыл дезертиров, я понять не мог. Спросить об этом, учитывая его тяжелое нервное состояние, я не решился, подумав, что по приезде в корпус он даст соответствующие указания, поскольку с нами не было людей, на которых можно было опереться. Сделал ли он какие-то шаги в этом направлении, я не знаю. Возможно, что он никаких мер не принял, так как дезертиры были без оружия. Но что он пресечет дальнейшее дезертирство, сомнений не вызывало.

– Не огорчайтесь, товарищ генерал, – сказал я наконец, подумав. – Это своеобразный человеческий мусор, отметающийся горячим ветром войны в сторону от великих событий, – указал я рукой на дезертиров. – Пользы в бою такие трусы не принесут. Надежду будем возлагать на стойких бойцов, хотя и преданных своими трусливыми однополчанами. Их несравненно больше, чем этих жалких предателей. Бегунов настигнет суровая кара. Далеко не уйдут.

Генерал выслушал меня с пристальным вниманием, долго думал, а затем возвышенным голосом высказал наболевшую, видно, боль:

– Что-то уж больно много этого, как вы выразились, человеческого мусора. Надо, чтобы он не отлетел в сторону горячим ветром войны, а в первую очередь сгорел в ее пылающем костре. Трусов и демагогов следовало своевременно вырубать из солдатской среды с корнем, чтобы они не могли дать своих губительных ростков, как сорняки на благородном поле. Видно, не так, как следовало, мы прививали чувство долга перед Родиной, воспитывали солдат, кажется, в слишком тепличных условиях. Словесное воспитание далеко не всегда приносит желаемые плоды... Взять бы этих бегунов за шиворот, вернуть на поле боя и толкать мордой в святую кровь, пролитую честными воинами.

Эти непривычные слова генерала навели меня на многие воспоминания и размышления. Они часто возрождались в моей памяти как на войне, так и в послевоенный период.

С трудом переправившись по обломанному мостику, фактически плававшему на воде, мы сразу же наткнулись на штаб корпуса. И.С. Конев, находившийся в необорудованной будке машины, заменявшей автобус, ознакомился с приказанием, глубоко вздохнул и распорядился:

– Ну и вступайте в командование. А у меня и своих дел много. Желаю удачи, – пожал он руку комкору с явным сочувствием. – А мы поехали, – кивнул мне командарм.

Корпус, почти лишенный артиллерии и без всякой авиационной поддержки, за день тяжелого боя вышел на подступы к Смоленску, но был остановлен ожесточенным огнем и контратаками противника и задачу не выполнил. Он не ворвался в город и не освободил его юго-восточную часть. Тем не менее угроза в адрес командира корпуса выполнена не была. Генерал Хмельницкий был ранен и отправлен в тыл на лечение. Ходили слухи, что он во главе передовых подразделений кинулся в атаку, как рядовой солдат, и был ранен в руку. Впоследствии он работал начальником выставки трофейного вооружения в Москве.

Тем временем бои продолжались по всему фронту. Некоторые районы и населенные пункты в тяжелых схватках переходили из рук в руки, но в целом фронт постепенно восстанавливался по рубежу рек Вопь и Днепр восточнее Ярцево и Смоленска и далее вдавался на юго-восток к Ельне.

Полевое управление нашей армии с подразделениями связи и обслуживания распоряжением фронта вскоре было выведено в резерв. Мы на некоторое время остались без войск, расположившись в деревне Истомино на Минском шоссе в 60 километрах восточнее Ярцево.

Из штабов некоторых армий были почему-то созданы импровизированные оперативные группы. На Смоленском направлении их было четыре, они именовались по фамилиям командующих генералов – В.А. Хоменко, С.А. Калинина, К.К. Рокоссовского. В.Я. Качалова. Эти группы, силой примерно в стрелковый корпус каждая, вели наступательные действия, но ввиду их недостаточной наступательной мощи и трудностей взаимодействия наступление не достигло цели. Тем не менее в результате наступления оперативных групп войска противника лишились свободы маневра и были скованы на достигнутых рубежах.

Наш штаб несколько дней находился в резерве, и большая часть офицеров занималась изучением опыта боевых действий. Командарм большей частью разъезжал по оперативным группам, выполняя поручения командования фронтом. Он брал с собой несколько штабных офицеров, в числе которых был и я.

Через некоторое время, когда наступление затухло и фронт в основном стабилизировался, оперативные группы, видимо не оправдавшие надежд, были вновь преобразованы в штабы армий. Штаб нашей 19-й армии переместился к фронту в полосу группы генерала Калинина и развернул командный пункт в лесу у станции Вадино. Оперативная группа генерала Калинина была расформирована, а ее войска – фактически это был 53-й Сибирский стрелковый корпус – с занимаемыми позициями переданы нашей армии, в которую должны были прибыть еще некоторые дивизии.

Глава 6

19-я армия снова получает место в боевом строю

1

Переместившись в лес у станции Вадино, штаб армии развернул кипучую деятельность. Работы свалилось невпроворот. Надо было прежде всего организовать командный пункт, обеспечивающий устойчивое управление войсками, удобно разместить командование, отделы и штабы родов войск и служб, оборудовать узел связи, протянуть кабельные и построить воздушные линии связи к войскам и соседям, наладить связь со штабом фронта. Срочно требовалось принять войска с полосой обороны от оперативной группы генерала Калинина в условиях сильного нажима противника и непрерывных ударов его авиации. Большую трудность представлял розыск и вывод в намеченные районы предназначенных в состав армии дивизий и частей усиления. Одновременно необходимо было разработать план армейской оборонительной операции и поставить задачи войскам, организовать инженерное оборудование рубежей, отработать взаимодействие с соседними армиями – 30-я справа и 16-я слева. Опытных офицеров не хватало. Дело усложнялось еще и тем, что исполнявший обязанности начальника штаба полковник Волков не имел опыта в руководстве армейским штабом и необходимой оперативной подготовки. Поэтому почти непосильная тяжесть легла на плечи временно исполнявшего обязанности начальника оперативного отдела полковника Воробьева, начальника связи полковника Стеколыщикова, начальника разведки полковника Кулешова и др. Правда, вскоре полковник Волков был переведен на должность командира 91-й дивизии, а начальником оперативного отдела назначен начальник штаба группы Калинина (начальник штаба 53-го ск) полковник А.Г. Маслов, подготовленный и опытный штабной офицер. Кроме того, из штаба Калинина к нам были переведены некоторые офицеры, заполнившие некомплект в ряде отделов и штабов родов войск. Дела пошли лучше. На должность начальника штаба прибыл бывший преподаватель Академии

Генерального штаба комбриг В.Ф. Малышкин. Возникло недоумение, почему Малышкин был в упраздненном звании – комбриг, тогда как высший командный состав с 1940 года имел генеральские звания. Подозревалось что-то неладное в службе нового начальника штаба. Тем не менее в штабе были рады появлению наконец солидного начальника штаба, носившего на груди два ордена Красного Знамени, полученных, кажется, в Гражданскую войну, автора теоретического труда по штабной службе. Ведь после генерал-майора Рубцова, переведенного от нас в период перегруппировки с Украины, с начальниками штабов армии не везло.

В первый же день командарм послал меня в штаб группы Калинина, с трудом сдерживавшей натиск противника на рубеже реки Вопь северо-восточнее Ярцево, с поручением разобраться на месте, что нужно предпринять, чтобы не допустить дальнейшего продвижения противника, и обговорить с генералом Калининым порядок передачи и приема рубежа обороны и войск. Командующий оперативной группой принял меня в своей рабочей палатке холодно и недружелюбно: чувствовалось, что он считает себя необоснованно снятым с должности и обиженным. Ему не хотелось вести деловой разговор на серьезную тему с каким-то старшим лейтенантом.

– Обо всем этом я лично доложу командарму, – возмущался генерал, отбиваясь от моих вопросов.

Мне с трудом удалось найти взаимопонимание, чтобы разобраться в обстановке и договориться по интересующим командарма вопросам.

На второй день И.С. Конев, во главе группы офицеров и генералов, выехал к генералу Калинину, чтобы официально принять войска оперативной группы в состав армии и вступить в командование. В колонне шло девять машин. Я ехал замыкающим на мотоцикле с коляской. При въезде в один из населенных пунктов со стороны солнца зашла девятка «Юнкеров» и принялась пикировать над нашей колонной. Командарм, прибавив скорость, оторвался от колонны и проскочил вперед.

Колонна остановилась, люди выскочили из машин и стали разбегаться в стороны. Я нырнул в кювет рядом с мотоциклом, водитель шарахнулся на другую сторону дороги. С визгом посыпались и стали рваться бомбы. Отбегая от машин, не все успели лечь. Начальник артиллерии полковник Власов, заменивший генерал-майора артиллерии И.П. Камеру, переведенного начальником артиллерии фронта, ранен в спину множеством мелких осколков, но после перевязки остался в строю. Начальник артснабжения полковник Н.А. Пелевин оглушен и контужен, из ушей текла густая кровь, и он ничего не слышал и не мог говорить. Начальник тыла комбриг Айзенберг пронизан насквозь крупным осколком бомбы и убит наповал.

Поиздевавшись над нами, беспомощными перед воздушным противником, «Юнкеры» улетели. Мы оказали помощь раненым и продолжили путь, благополучно добравшись до командного пункта корпуса.

Генерал-лейтенант Калинин с явной неохотой и нескрываемым недовольством сдал командование и уехал в Москву. Штаб его группы был расформирован.

2

Войска армии, отражая яростные атаки противника, постепенно закрепились на занимаемом рубеже, лишь на некоторых участках немного потесненные назад. Фронт в основном остановился на месте. Обе стороны рыли траншеи и окопы, создавали многоярусную систему огня всех видов и устанавливали противотанковые и противопехотные минные поля. Штаб армии уточнял систему обороны, рекогносцировал противотанковые рубежи и отсечные позиции, организовывал их оборудование и контролировал деятельность войск.

Всем офицерам штаба, имевшим касательство к войскам, спускаясь лично до каждого исполнителя, командарм предъявлял жесткие требования. Я совершенно выбился из сил, не находя времени хотя бы немного поспать, спал на ходу в буквальном смысле. Иду и засыпаю, наткнувшись на какую-либо преграду – проснусь. Мое состояние заметил командующий и приказал положить меня спать и не будить, пока сам не проснусь. Я лег в палатке на охапке хвои и на одном боку проспал ровно сутки, не повернувшись. И все же меня разбудили.

– Разбудите его, – услышал я сквозь сон, – а то он так во сне и умереть может. Отоспался, хватит!

Однажды я нес оперативное дежурство в большой палатке. Зашел командующий и приказал собрать начальников отделов. Расселись за походными столиками. Генерал потребовал по памяти доложить расположение на фронте каждой дивизии по порядку, указав фронт обороны и построение боевых порядков, эшелонирование. Никто не мог точно доложить, не пользуясь картами с обстановкой. Возмущению командарма не было предела. Ведь сам он все это помнил наизусть. Попало и начальнику штаба Малышкину, не отличившемуся знанием деталей обстановки. Затем он потребовал от каждого тут же написать боевое донесение командующему фронтом. Тоже по памяти. Требование оказалось непосильным. От меня, старшего лейтенанта, это не требовалось. Все остальные были полковниками. Но я попробовал написать.

– А вы что там корябаете? – спросил меня И.С. Конев.

– Пишу боевое донесение, как и все.

– Ну-ну, – сказал генерал с явным недоверием.

Я написал донесение первым, и лишь мое творение удовлетворило командарма. Остальные проекты ответственного документа он раскритиковал и забраковал. Меня поставил в пример другим.

Мне было легко справиться с заданием, так как в мою обязанность тогда входило писать оперативные сводки и боевые донесения в штаб фронта и я имел не только определенные навыки, но и помнил назубок расположение войск.

И вот со мной однажды случилась неприятность, которая могла обернуться для меня плачевно. Я ежедневно передавал информацию в штаб фронта по телеграфному аппарату Бодо. Обычно кодировались номера соединений и частей, название населенных пунктов и фамилии командиров, а также наименование штабов; остальное разрешалось передавать открыто. Прочитав в одном из приказов самого И.В. Сталина, что Бодо – самый надежный вид связи, не допускающий перехвата и подслушивания, я передал развернутое итоговое боевое донесение, с перечислением всех дивизий и изложением решения командующего, без применения кодировки, по существу открытым текстом, что формально являлось недопустимым. Бодистка, молоденькая московская красавица, привыкшая к кодированной передаче, заметила: «А вам не нагорит за то, что мы не пользуемся кодом?» Я отшутился и продолжал диктовать. На другом конце провода донесение принимал фронтовой направлонец полковник И.В. Чирков. Когда работа была закончена, он стал меня упрекать за открытую передачу и пригрозил доложить начальству – и меня могут отдать под суд военного трибунала за разглашение военной тайны особой важности. Но я ответил, что будем отвечать вместе, так как он должен был немедленно прервать передачу, а не ждать до ее окончания. Полковник смутился и не дал ходу моей оплошности.

3

Откуда-то с севера должна была прибыть в армию своим ходом 166-я стрелковая дивизия. Но мы не знали, где она находится и когда подойдет.

Меня вызвал командарм и приказал отправиться в штаб фронта с пакетом, адресованным лично Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко. В это время подошел и представился генералу Коневу незнакомый мне полковник Л.М. Доватор. Он выполнял какие-то поручения командования фронтом. Кавалерийский полковник докладывал командарму о положении в соседних армиях и тут же упомянул, что был в 166-й дивизии, совершающей марш в полосу нашей армии. По штабной привычке я нанес положение дивизии на свою рабочую карту, указав место ее нахождения и время. С этой картой я уехал к маршалу.

Командный пункт Западного фронта и Западного направления (они были объединены) размещался в лесу недалеко от станции Касня севернее Вязьмы. На грузовой машине (полторке), так как легковых машин было крайне мало, я прибыл в хорошо устроившийся и тщательно замаскированный высший штаб. В красивом белом здании с колоннами, похожем на бывший помещичий дворец, окруженном дремучим лесом, располагалось руководство и оперативный отдел. Маршал Тимошенко, командовавший одновременно направлением и фронтом, работал в это время под открытым небом за столом, огороженным частоколом из хвойных веток, рядом с железобетонным блиндажом. Порученец маршала генерал-майор Котелков взял у меня пакет, содержание которого мне не было известно, для доклада главному. Я тут же попросил разрешения уехать, но генерал задержал меня: «Подождите, может, понадобится маршалу». У меня не было желания предстать пред ясные очи большого начальства, но на всякий случай держался наготове, хотя и не верил, что могу понадобиться самому маршалу. Генерал Котелков возвращается и сообщает, что меня требует маршал. За большим столом, покрытым обширной топокартой с нанесенной обстановкой, сидело два человека: маршал С.К. Тимошенко и генерал Н.А. Булганин – член Военного совета. Они встали и пожали мне руку. Маршал задал несколько вопросов, касающихся расположения войск армии и обстановки на передовой. Я коротко ответил, не вдаваясь в подробности, чтобы, испытывая волнение перед высокими начальниками, не запутаться.

Перед тем как меня отпустить, маршал озабоченно проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Никак не могу добиться от штаба, где находится 166-я дивизия. Не знаю, что и подумать.

– Я могу доложить, товарищ Маршал Советского Союза, – вызвался я вдруг машинально.

Маршал заинтересовался:

– Разве? Докладывайте!

Развертываю свою потертую карту на столе перед маршалом и, взяв карандаш, указываю им на две колонны интересующей дивизии с помеченным временем нахождения ее на этом месте.

– Откуда у вас эти данные? Насколько можно им верить? – с откровенным сомнением спросил Тимошенко.

– В моем присутствии, перед отъездом к вам, – указываю время, – генералу Коневу эти данные доложил полковник Доватор.

– Вы сами видели Доватора? Я от него уже три дня не получаю докладов.

– Стоял рядом и нанес положение дивизии с его слов. Это среднего роста полковник в кавалерийской форме.

– Правильно! – подтвердил маршал и потрепал меня по плечу. – Вы хороший, как я вижу, офицер. Идите, пусть вас угостят в военсоветской столовой обедом. Небось голодны? И зайдите к Борису Михайловичу, – возможно, у него что будет в армию.

Я пошел снова к генералу Котелкову:

– Кто такой Борис Михайлович? Мне приказано зайти к нему.

– Ай-ай-ай! Стыдно не знать. Это же маршал Шапошников.

(Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников был в то время начальником штаба Западного направления.)

Борис Михайлович принял меня подчеркнuto любезно. Поинтересовался, пообедал ли я, и послал подкрепиться.

«Подождите немного, поедете вместе с генералом В.Д. Соколовским. Он собирается в вашу армию». Генерал-лейтенант Соколовский – начальник штаба Западного фронта – предложил мне ехать в его машине. Выехали, когда уже стемнело.

Где-то северо-западнее Вязьмы, сплошь занимая правую сторону дороги, навстречу нам шла артиллерийская колонна. Вдруг появляются вражеские самолеты и, повесив осветительные бомбы в темном небе, начинают бросать бомбы вдоль шоссе. Разрывы грохочут в стороне от колонны и вреда не причиняют, но колонна останавливается. По свободной стороне дороги, обгоняя колонну, навстречу нам несется грузовик с включенными подфарниками. Удар – и я теряю сознание. Генерал Соколовский отделался легко – немного повредил руку. Шоферу, мне и подполковнику-порученцу досталось побольше: порученец сломал руку, шоферу руль вдавил грудь и поломал ребра, а я ударился головой о крышу машины, получив сотрясение мозга и ссадину на голове. Очнулся на успевшей опустеть дороге, колонна ушла, наша машина лежит боком в кювете. Пришлось испытать на личном опыте, как возвращается потерянное сознание. Сначала я понял, что стою на асфальтированном шоссе, но как сюда попал – не знаю. Затем замечаю, что меня тормозит какой-то человек и что-то говорит. Но кто этот человек, не помню. Его слова больно врезаются в уши и бороздят, травмируя, мозг. Я не в силах ничего слушать, но все же, преодолевая адскую боль, отвечаю: «Я ничего не помню, знаю только, что где-то вас видел». – «Подумай – и вспомнишь», – слышу в ответ. Постепенно сознание возвращается, и я узнаю генерала Соколовского. Затем вспоминаю, как здесь оказался, и лишь потом сознаю, что случилось. Когда я немного пришел в себя, мы стали думать, как добраться на КП армии – в лес у Вадино. Идет навстречу грузовик. Останавливаем. В кузове человек восемь раненых. Шофер с трудом соглашается, имея в машине раненых, подвезти нас километров двадцать, не более, когда генерал показал удостоверение личности и разъяснил, кто он такой. Проехав это расстояние, мы сошли с машины, и она ушла обратно. Примерно через час еще идет машина, но тоже в противоположном направлении. Шофер едет в тыл за снарядами. Принуждаем его довезти нас до поворота с шоссе за мостом через Днепр. Я не помню, где надо сворачивать, – отшибло память. Генерал разобрался по карте – и мы снова на пустынном шоссе. Уже светает. Замечаем стоящие недалеко радиостанции. Они искали штаб армии. С ними мы и доехали. На темени у меня образовался тугий и болезненный рубец, голова трещала: казалось, что болел сам мозг, в ушах звенело от каждого звука. Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский впоследствии неоднократно напоминал мне о происшествии на шоссе под Вязьмой в 1941 году.

Глава 7 Наступление на Духовщину

1

К концу июля полоса обороны армии в основном была организована, войска приведены в порядок и значительно пополнены личным составом и материальными средствами. Моральное состояние личного состава повысилось, бегунов и дезертиров, как прежде, не наблюдалось. Перед фронтом армии окончательно перешли к обороне соединения 9-й армии противника. Они вели интенсивные оборонительные работы, минировали передовую позицию и даже устанавливали проволочные заграждения.

В начале августа Западный фронт приступил к подготовке большого наступления против духовщинской и ельнинской группировок противника, пытаясь завладеть инициативой боевых действий.

19-й армии была поставлена задача наступать с рубежа реки Вопь в общем направлении на Духовщину. Командование и штаб армии в ходе подготовки к наступлению детально спланировали предстоящие действия. Отдел разведки полковника Кулешова выявил по мере возможности и подробно каждую огневую точку на переднем крае, отобразил на карте оборону, узлы сопротивления, огневые позиции артиллерии и ближайшие резервы противника. Артиллеристы полковника Власова разработали план артподготовки и поддержки войск в ходе наступления. Инженеры под руководством полковника Синявского изучили заграждения в обороне противника и разработали план их преодоления. Оперативный отдел, кроме разработки задач дивизиям, совместно с командирами и штабами соединений первого эшелона, непосредственно на местности определили полосы действий, исходные рубежи для атаки, направления наступления частей и подразделений, ориентируя их по видимым местным предметам, отработали вопросы взаимодействия. Совместно с офицерами отдела связи полковника Стекольщикова подготовили пункты управления. Правее готовилась к наступлению 30-я армия генерала Хоменко, а левее – 16-я армия генерала Рокоссовского. С этими армиями было увязано взаимодействие на всех уровнях.

Наступление началось 16 августа и длилось непрерывно до 21 августа. Хотя и медленно, в упорных боях и с большими потерями, но войска продвигались вперед километр за километром, отражая яростные контратаки противника. Личный состав воочию убедился, что хваленых фашистских вояк вполне можно бить, что миф об их непобедимости не более как детская сказка. Пусть наше наступление большого развития не получило, но оно имело важное значение: противнику был нанесен серьезный урон как под Ельней, так и под Духовщиной. Моральный успех его неоценим. В связи с продвижением наш командный пункт был перенесен вперед и разместился в лесу у деревни Гаврилово.

Советское командование решило с 22 августа расширить масштабы наступления, намереваясь активными действиями нанести поражение группе армий «Центр» и сорвать ее наступление в южном направлении. Эта задача ставилась Брянскому фронту. Западному и Резервному фронтам надлежало продолжить начатое 16 августа наступление. Причем Западному фронту ставилась задача – нанести поражение 9-й немецкой армии и выйти на рубеж Велиж, Демидов, Смоленск, а 24-й и 43-й армиям Резервного фронта – завершить Ельнинскую операцию, овладеть Ельней и выйти в район западнее Рославля.

После перегруппировки и соответствующей подготовки 30, 19, 16 и 20-я армии 1 сентября возобновили наступление и за 10 дней ожесточенных боев, отражая многократные контратаки, под непрерывными ударами вражеской авиации, безраздельно господствовавшей над полем боя, продвинулись на несколько километров, не сумев, однако, преодолеть глубокоэшелонированную оборону противника.

19-я армия, действуя севернее Ярцево, оттеснила противника на 10–15 километров и подошла непосредственно к Духовщине. 10 сентября поступило распоряжение прекратить атаки и перейти к обороне на занимаемых рубежах в связи с неблагоприятно сложившейся обстановкой на правом крыле фронта. На этом историческое Смоленское сражение закончилось. Оно сыграло важнейшую роль в битве за Москву в этот период, сорвав замыслы гитлеровского командования. Действия 19-й армии в наступлении на завершающем этапе Смоленского сражения заслуживают, на мой взгляд, того, чтобы о них коротко рассказать.

За несколько дней до наступления, когда мы были заняты кропотливой подготовкой к нему, армии пришлось провести неожиданно возникшую своеобразную частную операцию.

Дело в том, что в конце июля – начале августа перед фронтом армии появилась группа генерал-лейтенанта И.В. Болдина, вышедшая из окружения. Она сосредоточилась в Берлинском лесу километрах в десяти от переднего края и готовилась к прорыву через линию фронта. Посланная генералом Болдиным для установления связи со своими разведгруппа нарвалась на засаду противника и почти полностью погибла, удалось спастись одному человеку. Тогда генерал Болдин послал переодетых в гражданскую одежду старшего политрука Кирилла Осипова и капитана Сулеймана Тагирова с запиской, в которой просил командование, с каким посланцы установят связь, принять его представителей и договориться с ними о дальнейших действиях. В ночь на 11 августа Осипову и Тагирову посчастливилось незаметно перейти линию фронта и их доставили на КП нашей армии к генералу И.С. Коневу. Прочитав записку и выслушав посланцев, командарм доложил о группе Болдина командующему фронтом, и мы наметили план совместных действий по обеспечению выхода группы в полосу армии. Осипов и Тагиров, получившие подробный инструктаж, были отправлены обратно, снабженные взводом солдат для прикрытия. В установленное время группа самолетов, направленная фронтом, и артиллерия обрушились на позиции противника на намеченном участке. Для немцев акция была неожиданной и подействовала ошеломляюще. После короткого боя войско генерала Болдина в двух пунктах, отдаленных один от другого на 2 километра, прорвалось через линию фронта и вышло в расположение наших войск. В группе было более полутора тысяч бойцов и командиров, вооруженных стрелковым оружием, две 45-мм пушки на конной тяге и обозы. Я находился на КП вблизи правого участка прорыва и наблюдал всю картину: люди выглядели изнуренными и истощенными, голодными, оборванными и грязными, но в глазах каждого светилась неопишуемая радость. Да и как могло быть иначе! После двухмесячного скитания по вражеским тылам в опасных и невероятно тяжелых условиях они наконец достигли желаемой цели – соединились со своими, впервые за это время оказавшись в относительной безопасности. Генерал-лейтенант И.В. Болдин был доставлен на КП армии и вскоре убыл в штаб фронта. Он был назначен заместителем командующего Западным фронтом вместо генерал-лейтенанта А.И. Еременко, назначенного командующим Брянским фронтом.

Тем временем подготовка к наступлению закончилась. Оно началось с рассветом 16 августа. Короткая, но интенсивная артподготовка и залп впервые примененной на этом направлении отдельной батареи РС на непродолжительное время ошеломили противника. И наши передовые подразделения ворвались в первую траншею немцев при полном молчании их огневых средств. Но потом, по мере развития атаки, оборона противника стала оживать: сначала заговорила артиллерия, затем – минометы и, наконец, пулеметы и автоматы. У нас не было достаточного количества артиллерии контрбатареинной борьбы, а следовательно, надежно подавить выявленные батареи противника мы не могли. Вот они-то и причиняли наступающей пехоте наибольший вред постановкой заградительного огня. Примерно через час над полем боя появились многочисленные группы вражеских бомбардировщиков Ю-87, сбрасывавших с пикирования, и Ю-88, сбрасывавших с горизонтального полета раскрывающиеся в воздухе длинные кассеты, из которых вываливалось множество мелких бомб; эти бомбы мгновенно взрывались при соприкосновении с землей, образуя сплошную пелену огня, перемешанного с осколками. На участке, попавшем под эту пелену, гибло и сжигалось все живое. Разведчики «Фокке-Вульф-189» («рама») и юркие «Мессершмитты» стали шнырять по всей полосе армии от переднего края на глубину до 20–30 километров в поисках, видимо, появившегося неожиданно загадочного и страшного оружия – реактивных минометных установок РС, а также огневых позиций артиллерии. Над вторыми эшелонами полков и дивизий и артиллерийскими позициями чуть ли не непрерывно кружились вражеские самолеты. Это крайне затрудняло маневр и управление боем. Пришлось подтягивать резервы и перемещать артиллерийские позиции преимущественно ночью.

Почти все офицеры оперативного, политического и разведывательного отделов, штабов артиллерии и инженерных войск посланы в наступающие части, многие из них идут в атаку в цепях батальонов первого эшелона. С большими потерями, особенно от авиации и минометного огня, метр за метром, армия продвигается вперед, на некоторых участках отбрасывается назад контратаками и снова продвигается. У немцев тогда впервые появились окопы полного профиля и сплошные траншеи на многих участках. Преодолев одну траншею, наступающие натываются на следующую, вынуждены залегать под губительным огнем. Снова короткий артналет – и снова атака.

К ночи интенсивность боя несколько затухает, а с утра вспыхивает с новой силой. И так повторяется изо дня в день. Ряд населенных пунктов по несколько раз переходят из рук в руки, от них остаются одни пепелища да голые печные трубы бывших домов. Но эти пепелища на картах значатся населенными пунктами, имеющими свои названия, и за них идут ожесточенные бои, вернее – за места, где они недавно были. Помнится маленькое селение на высотке, вроде хутора, с примечательным названием – Кровопусково. Сколько в действительности было выпущено человеческой крови обеих сторон в борьбе за это самое Кровопусково! Даже такие мощные танки, как КВ, которых у нас были считанные единицы, здесь впервые прошивались насквозь подкалиберными и термитными снарядами противника, что вызывало неприятное удивление у танкистов.

Приданная армии 127-я танковая бригада генерал-майора Ф.Т. Ремизова, обгоняя пехоту, врывается в оборону противника, танки вспыхивают как свечи или застывают на месте с перебитыми гусеницами. На выручку посылаются такие же танки или бронированные тягачи и волокут их обратно под градом вражеских снарядов. Сам генерал Ремизов в командирском танке ходит в атаку, подавая пример подчиненным по принципу «делай как я».

Вот уже в глубине обороны противника захвачен совхоз Зайцево, селения Щелкино, Лосево и др. Для развития успеха вводится 45-я кавдивизия под командованием генерал-майора Н.М. Дрейера. Лихой кавалерист сам с шашкой наголо возглавляет кавалерийскую атаку. Конная лавина нарывается на заграждения из колючей проволоки и минные поля. Под обрушившимся минометным и пулеметным огнем кавалеристы мечутся из стороны в сторону: одни падают вместе с лошадьми, другие рвутся вперед; задние натываются на замешкавшихся передних, боевые порядки перемешиваются. И тут наваливается вражеская авиация. Прорыв не удастся. Понеся огромные потери в людях и конском составе, кавалерия отводится назад и укрывается в оврагах и рощах. Что-то подобное повторяется и в последующие дни: авиация не дает кавалеристам никакой возможности действовать на открытой местности, лучшей цели, чем кавалерия, для самолетов не найти. Какой бы героизм кавалеристы ни проявляли, они беспомощны на поле боя в таких условиях. Дивизия рассредоточенно укрывается в лесах так, что порой штаб армии не в состоянии ее найти. И тем не менее дивизии удавалось иной раз прорываться через линию фронта и углубляться в расположение противника на 10–15 километров. В этом случае она уничтожала кое-какие тыловые подразделения противника, разгоняла штабы и, захватив несколько пленных, возвращалась обратно, выходя из лесов в темное время. Укрывая от авиации противника, непрерывно следившей за ней, дивизию перебрасывают с одного направления на другое, переводят даже в соседние армии и снова возвращают к нам. Командарм недоволен действиями дивизии, проявляющей, как он выразился, безрассудный героизм, не приносящий никакой пользы. В конце концов генерал Дрейер освобождается от командования дивизией и откомандировывается в тыл. Исполнение обязанностей комдива возлагается на командира 58-го кавполка подполковника Л.Т. Стученко. Тот повторяет те же приемы, и понесшая значительные потери дивизия временно выводится из боя.

Но стрелковые дивизии шаг за шагом продвигаются вперед. Противник сопротивляется со все большим и большим ожесточением. С не меньшим ожесточением и невероятным упорством его теснят полки 89, 91, 166, 244-й и других дивизий.

Как-то на КП армии появляется группа известных советских писателей: М. Шолохов, А. Фадеев, А. Твардовский, Е. Петров и др. Они собрались у рабочей палатки оперативного отдела. Мне хочется посмотреть на литературных светил, но срочная работа не позволяет выйти: сижу за составлением боевого донесения в штаб фронта, склонившись над картой. Вдруг заходит кто-то в палатку и спрашивает:

– Оторвитесь на минуту от бумаг, товарищ старший лейтенант! Скажите, где увидеть захваченную немецкую пушку?

Я с досадой отмахиваюсь от назойливого посетителя, не поднимая головы. Стараясь вовлечь меня в разговор, вошедший продолжает:

– Я Евгений Петров. Писатель... Читали, наверное... ну, скажем, «12 стульев», или «Золотой теленок». Оторвитесь на несколько слов.

Это меня заставило поднять голову и невольно засмеяться: вспомнился Остап Бендер и его «Антилопа-гну». Между тем Е. Петров продолжал:

– В политотделе нам сказали, что захвачена немецкая пушка с прикованной к ней прислугой. Это будто бы сделано для того, чтобы немецкие артиллеристы не убежали с поля боя и дрались до последнего. Где найти эту пушку? Мы хотим посмотреть и поговорить с прикованными солдатами. Сфотографировать для газеты. Это очень важно.

Невероятная выдумка поставила меня в тупик, и я не находил что ответить. Замявшись, я все же сказал:

– Это, наверное, глупая шутка. Вас просто разыграли. Ничего подобного у нас нет и быть, видимо, не может. Как можно воевать прикованными солдатами? Глупость, не больше.

Но писателя такой ответ не удовлетворил, и он не унимался. Тогда я посоветовал ему обратиться к тому, кто эту выдумку сообщил. Пусть он, дескать, и покажет эту пушку. Мой недовольный собеседник предложил мне выйти из палатки и сказать об этом всем товарищам писателям. Я согласился и сказал группе писателей то же самое. Возникло недоумение. М.А. Шолохов, сделав хитрое выражение лица, предложил выход из положения.

– Ну и что же, что нет прикованных к пушке фашистов. Давайте прикуем и сфотографируем, – пошутил он, весело подмигнув.

На этом моя первая фронтальная встреча с именитыми писателями закончилась. Мы тогда почти ежедневно захватывали по несколько человек пленных и разные трофеи. А накануне посещения армии писателями отбили у противника четыре 122-мм гаубицы советского производства; немцы использовали захваченные у наших войск орудия. Из-за этих гаубиц у меня случилась серьезная неприятность, из которой я еле выпутался. Дело в том, что в вечерней оперативной сводке, переданной мной в штаб фронта по аппарату Бодо, я сообщил об этих четырех гаубицах. Утром маршал Тимошенко приглашает к телеграфу генерала Конева. Командарм, идя в аппаратную узла связи, берет меня с собой для обеспечения переговоров и на случай, если потребуются какие-либо справки. После переговоров об обстановке и дачи указаний маршал поздравил командарма с захватом 24 гаубиц. Конев поблагодарил, но уточнил, что захвачено не 24, а 4 орудия, посмотрев на меня угрожающе, да так, что я поежился от пробежавшего по хребту холода. Маршал приказал наказать путаников. Меня выручило лишь то, что я сохранил у себя в рабочей папке наклеенные на бланках ленты телеграфных переговоров, подтвердившие, что в моей передаче все было правильно. Напутала бодистка в штабе фронта.

Между тем во фронтовых газетах появились призывы: «Воевать так, как войска генерала Конева» и т. п. Это, по-видимому, и привлекло в нашу армию писателей.

Неимоверно тяжелое наступление недостаточными силами длилось до 21 августа. Медленно продвигаясь под почти непрерывными ударами авиации и сильным артиллерийским и минометным огнем, по пересеченной местности, изрезанной глубокими оврагами и мелкими, с крутыми берегами, речушками, отражая многочисленные контратаки и неся каждодневные потери в людях, войска все больше и больше утрачивали наступательный порыв. Линия фронта в центре и на правом фланге переместилась значительно вперед, были заняты десятки высот и населенных пунктов. Но левый фланг на стыке с 16-й армией в районе Ярцево отстал, загибаясь на юго-восток. Были большие опасения за левый фланг. Начальник артиллерии полковник Власов и начальник инженерных войск полковник Синявский по требованию командующего занялись укреплением левого фланга на случай контратаки противника.

Но средств, особенно противотанковых, было крайне недостаточно, и сделать что-либо серьезное в этом направлении они не могли. По мере снижения наступательного порыва в штабе армии нарастала нервозность. Особенно бушевал начальник штаба комбриг В.Ф. Малышкин. С подчиненными он разговаривал только криком, с угрозами, матерщиной и оскорблениями. Разговаривая по телефону с командирами дивизий, он обрушивался на них площадным матом, обвиняя в нежелании последних воевать с немцами и упрекая тем, что им, дескать, дешево советская власть досталась. Всем своим поведением комбриг старался к месту и не к месту подчеркивать свои заслуги в Гражданской войне, притрагиваясь рукой к двум орденам Красного Знамени на груди. Комбриг ходил надутый, с пунцово-багряным лицом, а когда ругался, то на мощной его шее надувались тугие жилы, становившиеся фиолетовыми. Такое поведение начальника штаба многих выбивало из колеи, нервировало и обижало, но интересы дела вынуждали терпеть и все сносить.

К исходу дня 21 августа наступление временно приостановилось. Духовщина – ближайшая цель армии – взята не была, хотя наши войска подошли к ней вплотную.

После небольшой передышки и необходимой подготовки 1 сентября наступление возобновилось. Оно оказалось несколько не легче предыдущего: бои шли с переменным успехом, войска продвигались по-прежнему медленно, а на некоторых участках, особенно в районе Духовщины, продвинуться вперед вообще не удавалось. Контратаки противника стали более мощными. Командарм мотался от одного дивизионного наблюдательного пункта к другому, стараясь активизировать наступление. Где обозначалась контратака противника или прекращалось продвижение, там немедленно появлялся сам командующий, лично наблюдал за ходом боя. Заехав как-то в одну из дивизий, значительно продвинувшуюся вперед, командующий не обнаружил поблизости к переднему краю комдива и заподозрил, что командир дивизии со штабом далеко отстали от передовых частей. Возвратившись на КП армии, командарм приказал мне отправиться в дивизию, отыскать командира, «погнать» его вперед и доложить, где он был и чем занимался. Я нашел полковника с оперативной группой штаба в 6 километрах от полков, что в тогдашней обстановке считалось недопустимым. Комдив сидел в штабном автобусе за чаем и нервно добивался телефонной связи с полками. Со мной он говорить не пожелал: слишком мал чин, чтобы отвечать на его неприятные вопросы. В то, что я прибыл с поручением командарма, полковник не хотел верить, потребовав сначала мое удостоверение личности, а затем письменное предписание, в котором бы было сказано, что я действительно имею поручение командарма в его дивизию. Такого предписания у меня, разумеется, не было. К тому же комдив знал меня лично. Все же я ему посоветовал немедленно переместиться вперед и организовать наблюдательный пункт. Но полковник не внял моим советам. Время шло, и генерал Конев не вытерпел. Он вместе с членом Военного совета дивизионным комиссаром Шеклановым, захватив с собой состоявшего в резерве полковника Додонова, прибыл в дивизию и с ходу набросился с упреками на строптивного полковника, обвиняя его в трусости и потере управления частями. Заодно попало и мне. Полковник невнятно пытался оправдываться, чего И.С. Конев терпеть не мог. Это еще больше разгневало командарма, и он в горячности отстранил полковника от

командования дивизией: «Полковник Додонов, примите дивизию!» – приказал он тоном, не допускавшим рассуждений. Он тут же стал давать указания новому комдиву, ни разу не взглянув больше в сторону снятого. Дивизионный комиссар Шекланов стоял в стороне и разговаривал с комиссаром дивизии – полковым комиссаром по званию. Последний полушепотом просил Шекланова заступиться за комдива, невинно, дескать, пострадавшего. Просьба не прошла мимо слуха командарма, и он перенес свой гнев на комиссара.

Разделавшись с командованием дивизии, командарм пригласил меня в машину, и мы поехали в свой штаб. Долго тянулось молчание. Потом командующий вдруг сделал какое-то страдальческое лицо и обратился ко мне:

– Как вы думаете, я не погорячился с этим... полковником?

– Погорячились, товарищ командующий.

– А как он из себя, комдив? Стоящий?

– Неплохой командир, опытный и грамотный, насколько я могу судить. В данном случае он просто допустил случайную оплошность, а признать ее и сразу исправить не позволили амбиции.

– Много амбиции, да мало амуниции, – сострил генерал. – Не оставлять же его на дивизии после всего случившегося, открыто признавая, что погорячился. Ведь виноват он, а не я. Да и Додонова не хочется обижать.

– Думаю, что это правильно: менять решение, быть может, и не следует, – высказал я свое мнение. – Назначьте его на другую дивизию.

Генерал долго молчал, о чем-то думая. И лишь когда мы подъехали к штабу, распорядился вызвать отстраненного от должности комдива к нему. Полковник получил другую дивизию.

В те дни, не знаю, по какой причине, оказался без должности и находился в распоряжении командарма генерал-майор Никита Лебедеко, давнишний приятель И.С. Конева. Кажется, они были знакомы и дружны еще по Гражданской войне; обращались генералы друг к другу на «ты», несмотря на далеко не равное служебное положение. Лебедеко был временно, чтобы не бездельничал, как пояснил командарм, прикомандирован к оперативному отделу и выполнял отдельные поручения начальника отдела полковника А.Г. Маслова, в основном разъезжал по дивизиям. Нам было неприятно видеть генерала, участника Гражданской войны, кавалера боевых орденов, в таком незавидном положении, ощущать его душевные переживания. Все мы ему искренне сочувствовали. В одном из разговоров я высказал генералу Лебедеко свое мнение по этому вопросу:

– Почему вы прозябаете без должности? Смирились? Разве вас это не угнетает в такое горячее время? Пошли бы к Ивану Степановичу и потребовали дать вам должность или откомандировать в отдел кадров фронта, а то и в Москву. Там о вас наверняка забыли в суматохе.

Генерал ничего не ответил и тут же отправился в палатку командарма. У них состоялся бурный разговор на повышенных тонах. Причем Конев называл Лебедеко Никитой, а Лебедеко Конева – Иваном. Вскоре генерал Лебедеко получил дивизию.

Тем временем тяжелое наступление продолжалось: бои шли под Духовщиной, за населенные пункты севернее; 244-я дивизия овладела Воскресенским лесом, на правом фланге взаимодействуя с левофланговой дивизией 30-й армии. Но левый фланг у Ярцево отставал по-прежнему. Воспользовавшись таким положением, противник предпринял сильную танковую контратаку при мощной поддержке авиации и потеснил нашу левофланговую дивизию; она стала пятиться назад и за пару часов отошла левофланговым полком километра на два. Поддержать дивизию было нечем, кроме разве как давлением на психику командиров, и без того делавших все возможное.

Комбриг Малышкин, обычно не любивший появляться в войсках, на этот раз изменил своему правилу и решил выехать в боевые порядки контратакованной дивизии. Он взял с собой адъютанта, двух вооруженных автоматами солдат и меня. Не доехав километра два до передовых частей, мы остановились на дороге. В это время в стороне от дороги появился офицер с ординарцем. Они медленно ехали верхом на лошадях по направлению в тыл.

– Позвать ко мне этих дезертиров! – взревел Малышкин. – Расстреляю!

Адъютант комбрига кинулся было выполнять приказание, но я остановил его, сказав, что сейчас выясню, кто эти люди и куда едут. Я предчувствовал недоброе, зная норы Малышкина. Поэтому попытался поговорить с офицером до того, как он предстанет перед грозным начальником, а если удастся, то избавить его от нежелательной встречи. Окликнув всадников, я побежал к ним наперерез. Старший лейтенант-артиллерист объяснил чуть не плача, что он, находясь на НП, вел огонь своей батареей по контратакующему противнику. Вдруг связь с огневой позицией пропала. Он, не теряя времени, вскочил на коня и кинулся на ОП. Батареи на месте не оказалось. Она, видимо, не выдержала артналета противника и смоталась самовольно. Вот он ее и ищет. Я посоветовал командиру батареи немедленно, галопом возвращаться на НП, иначе ему грозит большая неприятность. Но офицер не спешил последовать моему совету.

– Что мне делать на НП без батареи? – упорствовал он.

Малышкин голосом стал подзывать офицера к себе.

– Беги! – скомандовал я собеседнику.

Но он не среагировал и медленно поехал к Малышкину, не ожидая, наверное, ничего серьезного.

Разъяренному комбригу он доложил то же самое, что сказал мне.

– Батарея сбежала! Врешь! Выкручиваешься, дезертир! Дивизию оставил без поддержки! Расстрелять!.. – скомандовал Малышкин своему адъютанту. Тот с готовностью вынул из кобуры пистолет и застрелил офицера, упавшего в кювет вниз лицом. Его ординарец навзрыд заплакал, дернул повод коня своего командира и ускакал в сторону от дороги.

Я ожидал площадной ругани, чего угодно, но того, что случилось, предположить не мог. Что он сделал? Для чего? Кому это нужно? – проносились в голове жгучие вопросы. Я не мог говорить и глотал слезы.

На обратном пути в штаб, овладев собой, я проговорил, обращаясь к Малышкину:

– Вам фашисты Железный крест дадут, если узнают... – Вдруг я оборвал фразу, осознав, что и на себя навлекаю беду.

– Это за что же? Вы что болтаете? – взревел комбриг.

– А за то, что вы помогаете им убивать советских офицеров, фашисты убивают, и вы убиваете. Делаете одно дело...

– Прекратите! Я с вами разделаюсь за такие слова! Разложение... Где дисциплина? – снова заорал Малышкин и вдруг умолк. Больше он не упоминал о моем выпаде.

Мне подумалось, что инцидент на этом исчерпан. Однако на второй день меня пригласили в штабной автобус на бюро для привлечения к партийной ответственности. Такой оборот дела поставил меня в тупик: я не знал, как себя вести. Ведь поступок Малышкина, как любое действие начальника, на партбюро обсуждаться не может. Как же без этого я смогу оправдаться? Сомнения не было, что мне грозит исключение из партии с вытекающими отсюда последствиями. Но в это дело вдруг вмешался счастливый случай: в самом начале разбирательства меня срочно вызвали на телеграф из штаба фронта. Поэтому рассмотрение моего персонального дела было отложено. К нему больше не возвращались. Мне стало

известно, что член Военного совета дивизионный комиссар Шекланов распорядился не поднимать этого вопроса, поскольку он связан с неблагоприятным поступком начальника штаба. Тогда, конечно, я не мог знать, что в лице Малышкина орудовал матерый враг Советского государства и народа. Это выяснилось потом, когда стало известно, что примерно через месяц с небольшим после упомянутого инцидента Малышкин добровольно сдался в плен, изменив Родине, и активно боролся против Советского государства, предложив свои услуги фашистскому руководству. После разгрома фашистской Германии он понес заслуженную кару от советского правосудия.

10 сентября поступило распоряжение прекратить наступление и перейти к обороне на занимаемом рубеже. Войска закрепились на фронте примерно по линии севернее и северо-западнее Ярцево, далее по дуге к Духовщине и затем по прямой на север до так называемого Воскресенского леса. Штаб армии остался на прежнем месте в лесу между деревнями Гаврилово и Василисино.

В тот период командующий армией генерал-лейтенант И.С. Конев был назначен командующим Западным фронтом вместо Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, а командование 19-й армией принял генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. Армия находилась в позиционной обороне до 2 октября 1941 года, то есть до второго наступления немцев на Москву. В тот период мне было присвоено очередное звание – капитан.

Глава 8 В пучине «Тайфуна»

1

Переходом к обороне на Московском стратегическом направлении к середине сентября Смоленское сражение, развернувшееся на огромном пространстве и отличавшееся невообразимым напряжением, закончилось. В общей сложности оно продолжалось два месяца.

В ходе этого поистине великого сражения советские войска ценой героических усилий и тяжелейших жертв не пропустили вооруженные силы фашистской Германии к Москве, стремившиеся прорваться к столице с ходу. Этим самым был внесен важнейший, по существу неопределимый вклад в титаническую борьбу Красной армии, направленную на срыв гитлеровского плана молниеносной войны. Противник, понесший значительные потери, особенно в живой силе и танках, и утративший реальную возможность продолжать наступление на Москву, вынужден был временно отказаться от наступления на столицу Советского государства и перенести главные усилия борьбы под Киев. На западном направлении наступило тревожное затишье.

В закончившемся сражении, сознавая свою личную ответственность за судьбу Родины, в большой мере решавшуюся на Смоленщине, советские воины – бойцы, командиры и политработники – отличились массовым героизмом, самопожертвованием и упорством. Глубокое чувство того, что враг должен быть остановлен любой ценой и не допущен к Москве во что бы то ни стало, вселяло мужество и отвагу, готовность на любые жертвы. В огне Смоленского сражения родилась советская гвардия сухопутных войск, вынесших на своих плечах главную тяжесть исторической битвы. Здесь впервые было применено новое грозное оружие – установки реактивных минометов – «Катюши», созданные творческим разумом и самоотверженным трудом советских людей.

Но наступившее затишье не означало конца борьбы за столицу нашей Родины: все мы глубоко сознавали, что враг снова попытается нанести смертельный удар по Москве, как

только соберется с силами, как только развяжет руки на других направлениях. Этому удару долго ждать не пришлось.

Во второй половине сентября, когда сражение под Киевом близилось к концу, немецко-фашистское командование приступило к непосредственной подготовке к второму генеральному наступлению на Москву с тем, чтобы начать его не позднее первых чисел октября. Операция именовалась «Тайфун», что должно было символизировать молниеносный и неуправляемый характер действий. Этой грандиозной операцией гитлеровцы намеревались решить исход войны с Советским Союзом.

Замысел операции, как стало известно впоследствии, сводился к следующему: ударом трех мощных танковых группировок из районов Духовщина, Рославль и Шостка глубоко рассечь оборону наших войск, окружить их основные группировки в районах Вязьмы и Брянска и, охватив сильными подвижными группировками Москву с севера и юга, овладеть столицей наступлением сухопутных войск с запада. Примерно такие действия противника и ожидалось советским командованием. Поэтому войскам Западного фронта, в частности, было приказано с 10 сентября перейти к обороне и готовиться к отражению ожидающегося наступления врага на дальних подступах к Москве. При переходе противника в наступление Западный фронт под командованием генерал-полковника И.С. Конева, действовавший на главном, Московском направлении, должен был принять на себя первый удар.

Восточнее, в глубине Западного фронта, располагался Резервный фронт под командованием Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Это должно было обеспечить устойчивость стратегической обороны, значительно увеличив ее глубину.

В первом эшелоне Западного фронта, лицом к лицу с мощной группировкой противника, стояли 22, 29, 30, 19, 16 и 20-я армии. Причем наша 19-я армия оборонялась примерно в центре оперативного построения фронта. Хотя после 10 сентября в целом армия и перешла к обороне, на отдельных участках еще несколько дней делались попытки продолжать наступление с частными задачами. Поэтому по-настоящему войска армии приступили к инженерному оборудованию оборонительных позиций лишь в последних числах сентября, после того как командование фронтом 27 сентября подтвердило требование перейти к жесткой и упорной обороне.

С этого времени штаб армии целиком переключился на организацию обороны и контроль за инженерными работами. Большинство офицеров и генералов Полевого управления было направлено в войска с этой целью, уделив особое внимание переднему краю. Но работы шли крайне медленно и зачастую неосновательно. Объяснялось это прежде всего тем, что никакой землеройной техники у нас не было и отрывка окопов, оборудование узлов сопротивления, огневых позиций артиллерии и командных пунктов проводились вручную большими и малыми саперными лопатами, да и тех не доставало, особенно больших лопат. Колючая проволока почти полностью отсутствовала, противотанковых и противопехотных мин, без которых не могла обойтись любая оборона, насчитывалось мизерное количество. Имел значение и тот факт, что земляные работы явно недооценивались личным составом: не могло не сказываться привитие командному составу в довоенное время преимущественно маневренного характера будущей войны.

Наступление противника ожидалось со дня на день, и низкая готовность оборонительных полос дивизий вызывала у командования тревожное беспокойство, выливавшееся иногда в нервозность.

И вот 30 сентября переходом в наступление в полосе Брянского фронта немцы начали осуществление пресловутой операции «Тайфун». Стало очевидным, что вскоре следует ожидать удара и против Западного фронта, и в частности против нашей 19-й армии.

В тот же день командарм генерал-лейтенант М.Ф. Лукин решил еще раз своими людьми проверить ход инженерных работ и систему огня на переднем крае. Доклады командиров

дивизий и их штабов по этому вопросу были слишком оптимистичны и не могли не вызывать сомнений.

Несмотря на то, что на меня была возложена обязанность обобщать данные обстановки, составлять оперативные сводки и боевые донесения, кодировать и предавать их в штаб фронта по телеграфу, командарм нашел нужным послать и меня в одну из дивизий для проверки состояния дел.

2

Вечером 1 октября я возвратился в штаб и доложил генералу М.Ф. Лукину результаты проверки, доклад командарма не обрадовал. На переднем крае сплошных траншей не было даже на отделение; отрывались отдельные окопы для стрельбы лежа или с колена, секторы обстрела не везде были расчищены, маскировка огневых средств лишь обозначена, оборудование огневых позиций артиллерии и минометов не закончено; у орудий открыто возвышались штабеля ящиков со снарядами. Командирские наблюдательные пункты устроены как попало, не замаскированы и не укреплены, линии телефонной связи проложены набросом по поверхности земли, местами повиснув на траве и кустарнике. Боевые порядки дивизии и частей растянуты в линию, без какого бы то ни было эшелонирования в глубину, резервов почти не было. В целом готовность к отражению ожидаемого наступления противника выглядела слабо, оборона не могла быть устойчивой.

Все это неприятное явление не было откровением для командарма, и тем не менее, выслушав меня, он возмутился, забеспокоился и тут же продиктовал шифровку командирам соединений, обвиняя их в безответственности и требуя усиления оборонительных мероприятий. Возмущение генерала усиливалось тем обстоятельством, что другие проверяющие несколько сглаживали положение и их доклады носили необоснованно оптимистическую окраску.

Передав распоряжение для зашифрования и доведения до войск, я ушел в землянку оперативного отдела и лег спать.

Примерно в 4 часа утра потрясший землю гул заставил вскочить. Нетрудно было догадаться, что началась артподготовка.

Гул слышался по всему фронту полосы обороны армии и со стороны соседей справа и слева. Отдельные тяжелые снаряды рвались, выворачивая деревья, вблизи нашего КП, расположенного в лесу между населенными пунктами Гаврилово и Василичи. В воздухе появились группы вражеской авиации, начавшей бомбардировку боевых порядков и тыловых объектов. Не теряя времени на выяснение обстановки, которая и так была ясна, я побежал на узел связи и по телеграфу Бодо передал в штаб фронта: «В полосе армии противник начал мощную артподготовку. Гул слышен и в полосах соседних армий. Следует ожидать наступления». Принявший сообщение направлонец штаба фронта полковник Чирков побежал докладывать командованию.

Интенсивная артподготовка продолжалась сорок минут, а вслед за ней началась атака по всему фронту. На переднем крае шли упорные бои с переменным успехом. Пользуясь тем, что значительная часть нашей артиллерии была подавлена артиллерией и авиацией противника в период артподготовки, его танки и пехота то там, то здесь врвались на наши позиции; черные с белыми крестами на корпусах танки горели как свечи, цепи автоматчиков редели. Но тут же наплывала вторая волна и бои вспыхивали с новой силой.

Таким образом, 19-й армии, наряду с другими армиями Западного фронта, пришлось первой принять на себя удар «Тайфуна».

В первый день сражения наша армия в целом устояла, мужественно отражая многочисленные яростные атаки. По всему фронту горели танки обеих сторон, факелами пылали населенные пункты, небо затянулось горьким дымом, воняло гарью и смрадом.

Хотя на ряде участков противнику и удалось вклиниться в первую позицию наших войск на небольшую глубину, но он нигде не сумел прорвать оборону. Лишь на правом фланге, где на стыке с 30-й армией пришелся главный удар танковой группировки, перешедшей в наступление из района Духовщины, наша 244-я дивизия, потеряв локтевую связь с левофланговой дивизией 30-й армии, понесла значительные потери, была отеснена на 6–8 километров. Но она не потеряла боеспособности и организованно продолжала обеспечивать оголившийся фланг армии. Дивизия была создана из пограничных войск, имела в своем составе в основном кадровых бойцов и командиров и воевала уверенно, с достойным подражанием упорством. Но сосед справа быстро откатился на восток, поставив своего левого соседа в критическое положение.

Обтекая 244-ю дивизию с севера, танки и мотопехота противника устремились в глубину, угрожая тылам армии.

Дело в том, что 30-я армия не смогла сдержать удар противника и ее соединения в беспорядке стали отступать. Связь с этой армией прервалась с началом боя, и мы не знали, что там происходит.

Не сумев связаться с ее штабом техническими средствами, начальник оперативного отдела полковник А. Г. Маслов послал на машине офицера отдела майора А.С. Кучережко. Но тот вернулся ни с чем: через район, где еще вчера располагался штаб 30-й армии, шли танковые колонны немцев. Штаб фронта также не мог нас информировать об обстановке в полосе соседа справа, так как с утра связь с 30-й армией у него тоже прервалась.

У нас же со штабом фронта поддерживалась устойчивая телефонная, телеграфная и радиосвязь. И мы через каждые 10–15 минут докладывали о ходе боев и положении своих войск. Так продолжалось до 14 часов. Затем все виды связи со штабом фронта внезапно пропали: невозможно было связаться даже по радио. Начальник отдела связи полковник Стекольщиков и командир полка связи полковник Базилевич-Белый лично добивались восстановления связи, но безуспешно. Что случилось со штабом фронта, невозможно было даже предположить.

Потеряв надежду на связистов, меня вызвал командарм и приказал ехать к командующему фронтом с его личным донесением. Он тут же лично написал докладную записку, в которой кратко изложил выводы из обстановки, выразив тревогу за правый фланг армии; генерал просил командующего фронтом своим вмешательством исправить положение. М.Ф. Лукин поручил мне устно испросить разрешение на перемещение КП армии на 10–15 километров восточнее. Это означало, что командарм предвидел неизбежность отступления, но прямо сказать об этом не решался, тем более в письменном виде.

3

Штаб фронта размещался в лесу у станции Касня севернее Вязьмы. Я туда ездил прежде с поручениями и хорошо знал дорогу. Преодолев многочисленные заставы с местными пропусками и паролями, в штаб фронта мне удалось добраться среди ночи. В непроглядной тьме подъехал вплотную к знакомому белому зданию, никого не встретив. Никакой охраны не оказалось, что не могло не вызвать беспокойство. Послышались приглушенные голоса. Среди развалин встретились наконец какие-то люди. На вопрос, что случилось и где я могу найти кого-либо из фронтового начальства, военный врач сообщил, что днем штаб бомбила немецкая авиация и он с командой разыскивает в развалинах погибших.

– Начальство и все в блиндажах, – махнул он рукой в темноту.

Никаких признаков жизни поблизости не отмечалось: ни голосов, ни света. Где искать эти блиндажи? Я пошел наугад, куда попало. Пройдя во тьме метров триста – четыреста, наткнулся на еле заметную указку под ногами, выложенную из светящихся гнилых пней. Ярким лучом сверкнула открывшаяся дверь, ведущая в блиндаж, выскользнула фигура офицера.

– Скажите, – спрашиваю, – где блиндаж командующего?

– А вы кто такой? Почему я должен давать такие справки? – проявил бдительность связист, сверкнув мне в лицо ручным фонариком.

На голоса подошел человек. Узнаю начальника связи фронта генерала Н.Д. Псурцева. Генерал знал меня лично и без лишних слов провел в блиндаж командования.

В блиндаже находились: командующий фронтом генерал-полковник И.С. Конев, член Военного совета Н.А. Булганин, командующий артиллерией генерал И.П. Камера и еще два-три человека, не зафиксировавшиеся в моей памяти. Поскольку с армиями связи не было, мне были рады.

Представляюсь по-уставному и передаю генералу Коневу послание своего командарма. Прежде чем читать послание М.Ф. Лукина, он обратился ко мне с вопросом, имеем ли мы связь с 30-й армией и знаем ли ее положение? Я ответил, что связи нет. К генералу В.А. Хоменко ездил наш офицер, но ни его, ни его штаба на прежнем месте не нашел. «У нас есть данные, – добавил я неуверенно, – что наш сосед справа отошел, оголив фланг нашей армии, даже не поставив в известность».

Пробежав глазами донесение, командующий фронтом тут же продиктовал ответ, потребовав записать дословно. Он предписывал генералу Лукину удерживать занимаемые позиции, не отходить. На тревогу командарма за правый фланг он почему-то не среагировал. Командный пункт перемещать назад запретил, заявив, что он надеется на стойкость 19-й армии.

– Так и передайте Михаилу Федоровичу, – закончил указания генерал-полковник.

Н.А. Булганин поинтересовался, какое настроение уличного состава войск армии, и в частности у руководства.

Не потрудившись обдумать ответ, я сказал, что настроение хорошее, боевое.

Меня подняли на смех:

– Вас бьют, а настроение хорошее? Чему вы там радуетесь?..

Почувствовав, что попал впросак, пытаюсь как-то вывернуться. На помощь поспешил Н.А. Булганин; повысив голос, он сказал: «Не вижу никакого повода смеяться. Офицер правильно говорит. Унывать и опускать руки не следует. Падать духом и распускать слюни в такое время вдвое недопустимо».

Критики прикусили язык на полуслове. Ободренный, я счел нужным пояснить:

– Настроение бодрое потому, что все мы, командиры, политработники и рядовые бойцы, готовы драться до последнего. Умрем, а фашистов к Москве не пропустим. Во всяком случае, сделаем все, что от нас зависит, но долг свой выполним.

– Правильно! – с минутной задумчивостью проговорил И.С. Конев и приказал мне не задерживаться.

В пути меня застал рассвет. Небо выдалось ясное, в котором большими группами проплывали на восток вражеские бомбардировщики. Не доехав до штаба армии километров пятнадцать, я встретил колонну машин своего штаба, несущуюся с большой скоростью. Впереди узнаю машину командарма. Пытаюсь остановить, но на меня не обращают внимания. Возвращаюсь и следую вдогонку. Проехав километров пять-шесть, колонна резко

остановилась, и штаб с ходу стал развертываться в лесу. Подхожу к озабоченно-мрачному командующему и докладываю, начав с того, что перемещать КП запрещено. Михаил Федорович взглянул на меня без интереса, не проронив ни слова; его лицо криво передернулось. Не выслушав указаний командующего фронтом до конца, он отвернулся и стал отдавать какие-то распоряжения. Начальник штаба, прочитав мою запись, неопределенно махнул рукой и что-то недовольно проворчал себе под нос. По словам сослуживцев, немецкие автоматчики с рассветом проникли вплотную к командному пункту и открыли стрельбу по штабу. Пришлось поспешно сматываться.

4

Тем временем по всей полосе армии бои продолжались с нарастающей силой, особенно на правом фланге, где противник все глубже и глубже обтекал главные силы армии с севера.

Полковник А.Г. Маслов приказал мне ехать с ним в 89-ю дивизию, на тылы которой стал просачиваться противник через полосу 244-й сд. Кроме меня он взял и майора Княжева. На пути следования бросалась в глаза ужасная картина: в ложбинах и в переселках в немыслимом беспорядке валялись перевернутые орудия, разбитые зарядные ящики, растерзанные трупы лошадей, изуродованные автомашины и повозки, вывороченные с корнем деревья; в воздухе, густо перемешанном с дымом и пылью, невыносимо смердело гарью.

Оставив машину в овражке, мы пошли на изрытую снарядами голую высотку, где лежала кучка красноармейцев с винтовками и одним станковым пулеметом. Бойцы, грязные и перепачканные кровью, вели прицельную стрельбу. Окинув взглядом окрестную местность, мы увидели перед высоткой несколько немецких танков, медленно ползущих вперед и стрелявших из пушек и пулеметов. За танками, пригибаясь и постреливая из автоматов длинными очередями, шли густые, но короткие цепочки пехоты. Справа высотку обтекали такие же группы, равномерно рассеявшиеся по ложбине. Но эти шли не цепями, а гуськом, небольшими змейками, вытянувшись один за другим.

Осмотревшись, полковник Маслов отправился на поиски КП командира дивизии, ползком добираясь до ближайшего перелеска, а меня и Княжева оставил на высотке с группой бойцов, удерживавшей ее. Подобрал по валявшейся тут же винтовке, мы легли в воронки и стали стрелять. Немецкие танки стали взбираться на высотку, нацеливаясь из орудий на силуэты наших бойцов, видневшиеся из мелких окопчиков. Командовавший защитниками высотки молоденький лейтенант время от времени подавал хриплый голос. Вдруг он захлебнулся на полуслове: прямым попаданием снаряда ему оторвало руку вместе с плечом. Пулемет тоже замолк: убит пулеметчик, ведший стрельбу без положенного помощника. Княжев перескочил к пулемету, подменив убитого. Видя, что высотка вот-вот будет обойдена противником и мы окажемся отрезанными, я взял на себя инициативу отвести оставшихся бойцов на опушку ближайшей рощицы. Княжев вызвался прикрыть отход пулеметным огнем. Мы стали отползать назад. Вдруг пулемет замолк: Княжев, пораженный осколком снаряда в голову, повалился на пулемет, неестественно высунувшись из окопчика. Нам удалось добраться до рощицы и присоединиться к какому-то стрелковому подразделению, поспешно занимавшему оборону по опушке. Вскоре появился Маслов и приказал мне сопровождать его на КП армии. У нашей машины мы натолкнулись на небольшую группу красноармейцев, большей частью раненых. Они столпились вокруг пленного немецкого офицера, раненного в ногу выше колена. Наша медсестра безуспешно пыталась перевязать рану. Очумевший от страха немец, дико озираясь по сторонам, отбивался и не давал разрезать окровавленную штанину. Бойцы, недовольные намерениями медсестры, порывались добить ненавистного фашиста. Мы захватили с собой раненого языка и уехали.

По дороге Маслов долго упрекал меня за то, что тело Княжева не было вынесено, хотя и не мог не знать, что сделать это было невозможно.

Подъезжая к штабу, мы обратили внимание на стоявшую на опушке леса колонну машин со штабным оборудованием и средствами связи: это была оперативная группа штаба, готовая отправиться для развертывания КП на новом месте.

Тут же мне стало известно, что находившийся в армии заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И.В. Болдин вместе с командармом готовят часть войск для нанесения контрудара в северо-восточном направлении с задачей облегчить положение армии на ее правом фланге, где противник глубоко обошел нас с севера.

Вскоре меня вызвали к командующему.

– Назначаю вас начальником оперативной группы по подготовке нового КП; с него будет осуществляться руководство контрударом, – объявил генерал сурово. – Маслов, который должен был возглавить опергруппу, мне нужен здесь. Начальник штаба без него запарился, опустил руки и не справляется с руководством штабом. Маслова замените вы! Справитесь?

– Так точно! – ответил я машинально и развернул свою рабочую карту.

М.Ф. Лукин взял из моих рук карту и толстым красным карандашом обвел кружок в лесу недалеко от населенного пункта Ломы, километрах в тридцати от штаба.

– Вот в этом районе выберете подходящее место и к утру развернете КП. Особое внимание организации связи. Тщательно замаскируйтесь и до места моего прибытия в эфир по радио не выходить! – предупредил генерал, взглянув на меня испытующими глазами. – О готовности связи доложите нарочным. Надеюсь, вы поняли, какая ответственность на вас возлагается. – Подумав, генерал добавил: – С вами поедет полковник Базилевич-Белый. Он опытный связист, и с ним вам будет легче справиться. Все! – отрубил командарм и потянулся к телефону.

5

Колонна из нескольких десятков набитых штабным имуществом грузовиков и специальных автомобилей двинулась в путь. В голове шла легковая машина командира полка связи, вместе с ним пристроился и я. Поднятая колесами пыль ослепляла водителей, и колонна сильно растянулась. Километрах в пятнадцати от штаба маршрут пересекался улучшенной грунтовой дорогой; по ней нам предстояло пройти несколько километров. Не доходя до этой дороги с километр, мы обратили внимание на небольшую мотоколонну, двигавшуюся с запада на восток: три танка, четыре приземистых длинных бронетранспортера на гусеничном ходу и пять грузовиков с турельными пулеметами на кабинах. Они мутно проглядывались сквозь пелену пыли, и трудно было их разглядеть как следует. И все же контуры машин казались непривычными глазу. Это не могло не обеспокоить.

– Неужели немцы? – заволновался Базилевич-Белый.

– Невероятно! – воскликнул я, хотя у меня не было иллюзий на этот счет. – Не мог же командарм не знать, посылая нас в этом направлении, что мы можем напороться на фашистов. Но чем черт не шутит: все может быть. Остановимся и подтянем колонну. Пусть тем временем подозрительная кавалькада проскочит дальше: рисковать не будем.

Группа пропылила поперек нашего маршрута, не обратив на нас внимания или сделав вид, что не заметила нашу большую автоколонну; она скрылась в большом селе, раскинувшемся в извилистой ложбине.

Сделав остановку и немного повременив, опергруппа продолжала путь: она вышла на ту же дорогу, свернула направо и уже подходила к населенному пункту, как вдруг на небольшой

высоте с запада показалась девятка «Юнкерсов», шедшая прямо на нас. Не оставалось сомнений, что бомбардировщики нацелены по радио.

– Воздух! – закричал наблюдатель, и сигнал подхватили другие наблюдатели, мгновенно передав его по всей колонне. Машины остановились, солдаты и водители высыпали из кузовов и кабин, кинулись врассыпную и плюхнулись в пыль по обеим сторонам дороги. Наш командирский автомобиль рванул вперед и круто остановился у крайнего дома. Двери во двор оказались запертыми, и укрыться было негде. Мы легли под стеной рубленого дома, с тревогой поглядывая в сторону приближающихся самолетов. Поравнявшись с колонной, «Юнкерсы» открыли бомбовые люки, и из них вывалились длинные черные кассеты, сразу же распавшиеся на две половины, высыпав массу мелких бомб. Затрещали частые, сливающиеся в сплошной грохот разрывы, и поле покрылось огненным всплеском. К счастью, бомбы перелетели колонну по ходу самолетов и заделали только одну крайнюю автомобильную радиостанцию, она вспыхнула и мгновенно сгорела дотла со всей начинкой. Человеческих жертв не было.

Опергруппа двинулась дальше, проходя селом. В центре села показалась толпа красноармейцев, сидящих и лежащих на траве. Бросилось в глаза, что все они без оружия и без звездочек на пилотках. Остановив колонну и выскочив из машины, мы с Базилевичем-Белым подошли к толпе, взиравшей на нас с тоскливым безразличием. Я стал выяснять:

– Кто такие? Что вы здесь делаете? Где командир? Почему без оружия? Где звездочки с пилоток?..

Но все молчали, угрюмо переглядываясь. Я указал пальцем на крайнего долговязого солдата:

– Вы скажите, раз все молчат, как глухонемые!

Солдат растерянно обвел взглядом отводивших в сторону глаза товарищей по несчастью, как бы ища у них сочувствия, и нехотя стал сбивчиво отвечать:

– Мы – разных частей. Отбились от своих. Собрались в этом селе кто откуда и не знали, куда податься. Нашелся незнакомый лейтенант и стал разбивать нас по взводам. Он сказал, что намерен создать подразделение и присоединить к какой-либо части. Но в это время появились фашисты. Лейтенанта они сразу убили, как только он крикнул «К бою!» и выхватил пистолет. – Солдат кивнул в сторону колодца, у которого в неловкой позе, скорчившись, лежал мертвый лейтенант. – Нам они приказали бросить оружие на дорогу и у каждого сорвали звездочки с пилоток. По звездочкам, сказывают, фашисты подсчитывают пленных и отчитываются ими перед начальством. За пленных, значит. Потом проехали танками и машинами по нашим винтовкам и укатили дальше. А мы вот здесь остались, вроде бы как пленные. Командиров нет... Что делать дальше – не знаем.

В глазах у меня потемнело от возмущения. На дороге действительно валялись вдавненные в пыль винтовки. Было ясно, что прорвавшийся через разорванную линию фронта разведывательный отряд противника устремился по нашим тылам и, появляясь внезапно там, где его не ждут, может натворить много непоправимых бед, сеять панику и вносить замешательство. «Надо срочно поставить в известность штаб армии», – пришло решение. Но я ясно отдавал себе отчет, что сообщить только о самом факте появления подвижного отряда противника в тылу своих войск недостаточно: надо докладывать и о принятых мерах. Но какие меры можно принять, не в ущерб поставленной задаче?

Потрясенный неслыханной трусостью неорганизованной солдатской толпы, я не мог удержаться, чтобы не выразить своего крайнего возмущения.

– Не знаю, как вас назвать, – обращаюсь с запальчивостью к толпе. – Во всяком случае, назвать товарищами предателей и последних трусов я не решусь. Как вам не стыдно?

Горстке фашистов, да еще на родной земле, вы, как трусливое стадо баранов, покорились без

боя. Вас в десять раз больше, чем было обезоруживших вас немцев. Надо было пленить или уничтожить фашистов до одного. А вы, как трусливый скот, даже не пытались защищаться: бросили оружие и отдали звездочки с пилотов врагу. Красноармейские звездочки! Это позор, равный прямому предательству. За одно это всех вас следовало бы расстрелять, как бродячих собак!..

– У них танки и пулеметы... командиры! А у нас что? – послышался злобный выкрик из толпы.

Не было ни времени, ни смысла выяснять, кто выкрикнул. Мне вдруг подумалось, что упреки, как бы они горьки ни были, ни к чему не приведут, что этим ничего не добьешься. Нужны не слова, а какие-то конкретные действия.

– Разобрать оружие! – крикнул я как можно громче и выхватил из кобуры пистолет.

Повременив несколько секунд в нерешительности, солдаты стали расходиться по дороге и поднимать винтовки. Выждав нужное время, отдаю приказание построиться и обращаюсь к полковнику Базилевичу-Белому:

– Прошу вас, товарищ полковник, выделить одну менее загруженную машину и толкового офицера. Он поедет с докладом в штаб армии. Доложит и пусть сразу же догоняет нас. Скажите ему, как нас найти. Кроме этого выделите еще одного офицера и двух солдат, которые поведут строем эту деморализованную толпу в штаб армии. Там их приведут в чувство и пристроят к делу.

– Так можно, пожалуй, всех моих связистов порассылать. Кто же будет работать на радиостанциях и обслуживать узел связи? – недовольно проговорил полковник, но просьбу выполнил, сознавая, что ничего другого предложить не может. Взять кого бы то ни было из следовавшего с нами взвода охраны, не зная, что нас ждет впереди, мы оба не могли и подумать.

– Видите, что творится, – обращаюсь, чтобы прервать томительное молчание, когда колонна продолжала путь, к полковнику. – Стадо скота, а не воины. Не нашлось ни одного, кто бы взял на себя командование и возглавил потерявший человеческий облик толпу. Как же воевать с такими трусами?

Не является ли этот печальный факт первым признаком разложения армии под воздействием военных неудач?

Но умудренный многолетним опытом работы с людьми полковник отнесся к случившемуся более спокойно и рассудительно.

– Конечно, факт, с которым мы только что столкнулись, сигнал тревожный, – сказал он. – Здесь конкретное проявление паники среди людей, оставшихся без руководства. Но факт этот хотя, по-видимому, и не единичный, но и не массовый, а поэтому и не характерный. И все же не придавать этому значения нельзя. Факт позорный, он говорит о необходимости очень твердого управления людьми на войне. Именно перебои в управлении при неудачно складывающихся боевых действиях и приводят к подобным болезненным явлениям, сеют панику и неуверенность среди личного состава. Давайте спокойно разберемся с нашим случаем, пока есть время. Случайно собранная в одну кучу толпа солдат из разных частей – это не войско, а только толпа, которой командует стихия. Да и какие это солдаты? Наспех одетые в военную форму штатские люди. С кадровыми бойцами Красной армии такого случиться не может.

А тут еще немцы нагрянули внезапно. Лейтенант, по всей видимости, не из робкого десятка, попытался оказать сопротивление и был тут же уложен на месте. Случилось это на глазах у толпы и посеяло страх. Боясь разделить участь лейтенанта, никто не рискнул пошевеливаться. Да и признала ли бы деморализованная толпа взявшего на себя командование смельчака своим командиром? Я в этом не уверен. Но окажись там, кроме

убитого лейтенанта, другой командир или политработник, смело заменивший убитого, люди повели бы себя по-иному, не все же они трусы. А толпа есть толпа: какой с нее спрос? Здесь, как нельзя лучше, показана роль волевого командира в сложной обстановке. Уверен, что из этой трусливой, как вы выразились, толпы выйдет не один герой в будущем...

Не выдержав хладнокровного рассуждения уважаемого полковника, я оборвал его речь репликой:

– Не выйдет, а выдаст себя за героя после драки! Этому поверить можно. И еще: вы станете утверждать, что эти горе-воины случайно оказались без командиров, а не умышленно улизнули из-под руководства?

Полковник не ответил. Полемика оборвалась, и мы снова предались каждый своим мыслям. Поведение группы солдат Красной армии, независимо от того, кадровые они или призваны из запаса, одной они или разных частей, есть над ними командиры или нет, настолько подействовало на меня угнетающе, что я и не пытался искать или выслушивать какие-либо смягчающие их вину объяснения. Случившееся не вкладывалось в мое сознание, по всему существу своему было чуждо моему образу мыслей. Я был убежден, что люди, сложившие оружие без боя и готовые почти добровольно считать себя пленными, не пытаюсь даже ценой жизни избежать этой участи, являются прямыми предателями, сколько бы их ни было, и их преступление не может быть искуплено даже кровью. Они заслуживают только смерти. Ничего другого мозг не принимал.

Тем временем опергруппа благополучно прибыла в назначенный район. Лес оказался вполне подходящим для размещения командного пункта. Закипела работа по установке палаток, развертыванию средств связи, подготовке рабочих мест для командования и отделов, разработке плана охраны и обороны КП. К наступлению темноты главные мероприятия были выполнены и можно было принимать штаб. Послан нарочный с донесением к командарму.

6

Быстро стемнело. Замельтешил тихий пушистый снежок – первый снег первой военной осени. Но снег таял на лету, не успевая дотрагиваться до не успевшей остыть земли; так что он не смог заметно смочить пыльную землю.

Проверив охрану, я распорядился кормить людей ужином и дать отоспаться, пока позволяет обстановка. «Неизвестно, что нас ожидает завтра», – говорю дежурному офицеру, закончив инструктаж и предупредив о бдительности, помня дневной инцидент. Командир полка связи обошел связистов, побеседовал с личным составом и, выждав, пока я освобожусь, предложил: «Теперь можно и нам с вами поужинать. Поедемте в деревню чайку попить из самовара. Здесь рядом».

Мы позволили себе отлучиться на часок. Но не чай потянул нас в деревню. Хотелось побеседовать с местными жителями, узнать, о чем они говорят, как воспринимают приближение фронта. Вражеская мехколонна, проскользнувшая куда-то в глубь территории, в направлении Вязьмы, не выходила из головы, и я надеялся узнать что-либо от населения, неведомо какими путями получавшего важную информацию.

Проезжая селом, мы облюбовали солидный бревенчатый дом с деревянным петухом на коньке крыши и остановились у высокого резного крыльца.

– В такой хате обязательно есть самовар, – сказал полковник. Он не ошибся. Хозяева – седой, но крепкий старик с лопатообразной пушистой бородой и сухонькая расторопная старушка, повязанная цветным платком, – приняли нас радушно, как дорогих гостей; предложили располагаться поудобнее. Старик поставил большой медный самовар, раздув старым сапогом; хозяйка затопила печь и стала готовить ужин. Шофер внес в хату вещевой мешок и вывалил на стол его содержимое: буханку хлеба, консервы, сахар, селедку, бутылку водки.

Из печи на стол перекочевала огромная сковорода с яичницей на сале. Хозяин внес самовар и водворил его на краю стола. Хозяйка сесть за стол отказалась, сославшись на занятость, а хозяин примостился на конце скамьи перед углом стола.

Поначалу старик задумчиво молчал и разговор не клеился. Но, пропустив пару стаканчиков солдатской водки, оживился и стал разговорчивее.

– Скажите, товарищи командиры, – молвил он неуверенно, – это ваши солдаты разбили палаточный лагерь в лесу за селом? – Он вздохнул и покачал головой, теребя пальцами бороду.

– Почему, папаша, это вас заинтересовало? – осведомился я, вместо ответа.

– Да так... я ничего... Опасливо как-то. Завтра поутру следует ждать потасовки. Не иначе. И селу несдобровать.

– Почему вы так думаете? – спросил Базилевич-Белый.

– Да ведь фашисты нагрянут: в Хмелите нонче заночевали. Каких-то пять верст отсель.

– Откуда такие сведения? – настороженно спрашиваю. – Теперь всякие слухи ходят, только расставляй уши.

– Кабы слухи... а то правда, – сокрушенно вздохнул старик. – Сосед наш, Егорыч, перед вами пришел с того села. Сам видал. Сказывает: танки – десятка с три, не меньше; машины с солдатами, мотоциклеты, артиллерия – все село заполнено солдатней. Нажрутса колхозного добра, отоспятса и двинут дальше. На Вязьму, поди. Утром и будут у нас. – Сказав это, старик ожесточенно затеребил бороду. – Не хочется под немцем быть. А куда податься с насиженного гнезда? Да и хату бросать жаль. Вот судили-рядили со старухой, как быть, – и ничего не порешили...

– А нельзя ли нам повидать этого Егорыча? – спрашиваю, стараясь скрыть беспокойство. – Где он теперь?

– Где ему быть? Дома он, – сразу ответил старик. – Покличь его, Марфута! Командиры, мол, потолковать желают.

Хозяйка молча вышла и вскоре вернулась с Егорычем. Сняв пожелтевшую от времени соломенную шляпу, Егорыч поздоровался со всеми за руку. Его пригласили за стол и предложили стаканчик. Он молча выпил, не закусывая.

– Дела, ребята, хуже некуда, – начал он говорить без вопросов. – Прет немец, ой как прет! Агромада нонче заночевала в Хмелите. А вот нашего красного войска, – старик на слове «красного» сделал какой-то загадочный нажим, – и не видать чтой-то. Окромья, конечно, палаточного лагеря в лесу. Но там ни танков, ни пушек не заметно. Что же будет, товарищи командиры? А? Селу небось гибель? Да и черт с ним, с селом. Не в нем гвоздь! Поколотить бы фашиста... Может, подойдет войско к утру? Что скажете на это? – Старик уставился на нас, ожидая ответа.

«Что мы можем сказать им, этим потомкам Сусанина? – подумалось мне с досадой. – Может, и подойдут войска, если командарм действительно осуществит задуманный контрудар». Это говорило желание. Но я знал наверное, что контрудару быть не суждено: его проводить просто нечем и некем; все войска втянуты в бои. Если и удастся высвободить одну-две ослабленные дивизии, то и это ничего существенно не изменит: дивизии не обладают маневренностью и за подвижными соединениями противника им не угнаться.

– Ничего, отец, утро вечера мудренее, – отвечаю, чтобы что-нибудь сказать. – Посмотрим. Все будет как на войне. Спасибо за информацию. Большое спасибо хозяевам за гостеприимство. Нам пора!

Мы попрощались и уехали в лес.

– Решай, оператор, что будем делать! – сказал полковник, охваченный тревогой. – Утром наверняка придет штаб. И прямо в лапы немцам. Надо немедленно доложить командарму, что штабу сюда нельзя. Да и нам следует сматывать связи, пока не поздно, и убираться отсюда. Ведь мы беззащитны от танков.

Что я мог ответить умудренному опыту полковнику? Пользоваться непроверенными слухами не было в моих правилах. И все же... Надо было на что-то решаться. Меня подмывала необходимость действовать.

– Принимать решение, говорите? Вы мне его только что подсказали. Извольте! Ясно, что наше положение хуже губернаторского. Промедление – смерти подобно. Сейчас от нас с вами судьба опергруппы и, может быть, всего штаба. Беру на себя ответственность выйти в эфир по радио вопреки запрету. Даю шифровку командующему. Потрудитесь лично проследить за ее передачей. Получив донесение, командарм, зная общую обстановку лучше нас, решит, как поступить со штабом. И даст нам указания: оставаться на месте или сматываться. И куда.

А тем временем из наличного состава связистов и охраны создаем боевые расчеты. За ночь отрываем по опушке леса окопы и организуем оборону опергруппы своими силами. Средства связи, без которых можно временно обойтись, свернуть и погрузить на машины, оставив задействованным только крайне необходимое. В направлении Хмелиты пошлем разведку. Ну, скажем, взвод на машине с радиостанцией. Задача: проверить достоверность информации местных жителей и проследить, если данные подтвердятся, за началом выдвижения противника и в каком направлении он пойдет. Подберите из связистов толкового офицера и шестнадцать бойцов. Задачу разведвзводу поставлю лично.

Работа закипела: полетела шифровка в штаб армии, начато рытье окопов, подсчитываются и перераспределяются боевые патроны и ручные гранаты. У бортовой полуторки выстроено взвод солдат с винтовками, шестьдесятю патронами и двумя гранатами на каждого. Лейтенант-связист докладывает о готовности к выполнению боевой задачи.

Обращаюсь к импровизированному разведвзводу:

– По данным местных жителей, в пяти километрах от нас, северо-западнее, в селе Хмелита, заночевала колонна противника с танками и артиллерией. С утра следует ожидать продвижения этой колонны, вероятнее всего, в направлении Вязьмы. В ближайшие часы, скорее всего с рассветом, возможно прибытие сюда штаба армии во главе с командармом. Между противником и местом нашего расположения наших войск нет. Задача группы: не допустить внезапного нападения противника на новый КП и штаб армии в момент его прибытия. Задача взвода: в роли разведывательной группы, выдвинутой к деревне Хмелита, войти в зрительную связь с противником и установить за ним непрерывное наблюдение. При обнаружении противника и о начале его выдвижения докладывать по радио, используя сигнальную таблицу. С началом выдвижения вражеской колонны обстреливать ее из засад и отходить от рубежа к рубежу, как можно дольше задерживая фашистов. Если опергруппа уйдет в другое место, вам будет дано указание о дальнейших действиях через связного или по радио. В случае, если кто из вас, к несчастью, попадет в руки противника, он не должен давать никаких показаний, а тем более о месте нахождения опергруппы и штаба армии. Задача ясна?

– Задачу понял! – без лишних слов ответил лейтенант.

Разведгруппа отправилась выполнять боевое задание. От нее не было получено ни одного донесения, и судьба ее осталась неизвестной.

Личный состав опергруппы провел ночь за рытьем окопов, кроме наблюдателей и дежурных у радиостанций, настроенных на прием. На дорогу, по которой ожидался штаб, выслан сержант с задачей встретить колонну и предупредить об опасности. Радиостанция штаба

армии, приняв шифровку опергруппы, внезапно замолчала, и никаких указаний от командарма или начальника штаба в опергруппу не поступило.

Мы с командиром полка связи всю ночь проверяли оборонительные работы и обдумывали план действий на случай нападения противника. Нас не покидала тревога о том, что, если немцы настигнут штаб армии на марше или во время его развертывания на новом месте, штаб и опергруппа неминуемо погибнут и разбросанные на большом пространстве, ведущие тяжелые бои войска, останутся без управления. А это – гибель армии, насчитывающей чуть ли не сотню тысяч человек и массу боевой техники. Полковника Базилевича-Белого больше всего тревожило беспокойство за средства связи, которых и без того не хватало. Уничтожение или захват фашистами оперативной группы лишало армию доброй половины радиостанций и одного из двух положений узла связи.

7

Наступил рассвет. Тишина. Ничто не напоминало о войне. По голубому небу кое-где медленно проплывали на восток белесые обрывки облаков. От разведгруппы никаких известий. Штаб армии упорно молчит. Противник ничем себя не проявляет. Все покрыто мраком тревожной неизвестности. Оставалось терпеливо ждать развития событий. «Неужели старик Егорыч ложно информировал о противнике?» – время от времени пробегала мысль. О, если бы это было так! Но что могло случиться с разведгруппой? Если в Хмелите она немцев не обнаружила, лейтенант не мог не сообщить об этом или возвратился бы обратно. Стало досадно, что я при постановке задачи не предусмотрел такой возможности.

Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, и день вступал в свои права. И вот начал прибывать штаб, будто ничего не изменилось с тех пор, как выехала опергруппа. Первыми появляются командарм генерал-лейтенант Лукин и член Военного совета дивизионный комиссар Шекланов. Вслед за ними входят в лес машины начальника штаба Малышкина и начальника оперативного отдела Маслова. Машины разводят по заранее намеченным местам. Встретив у шлагбаума сначала командарма, а затем начальника штаба и начальника оперативного отдела, я доложил о готовности КП и полученных сведениях о противнике, не будучи уверен, что моя шифровка доложена, а если и доложена, то правильно ли понята, придано ли ее содержанию значение. Командарм отнесся к докладу о противнике с нескрываемой досадой: можно было подумать, что он усомнился в достоверности сведений. Его нахмуренное лицо будто говорило: не занимайся, дескать, не своим делом: о противнике есть кому докладывать без тебя. Генерал отмахнулся от доклада и приказал штабу располагаться и приступать к работе. Спокойная самоуверенность старших начальников несколько смягчила мое беспокойство: командарм знает обстановку, и, наверное, мои сведения о нахождении противника в Хмелите не подтвердились, промелькнула мысль. Но вскоре генерал снова вызвал меня к себе и в присутствии члена Военного совета и начальника штаба потребовал доложить подробно все то, что я намеревался доложить. Выслушав доклад не перебивая, он упрекнул меня за посылку в пасть фашистского зверя, как он буквально выразился, взвода солдат-связистов, не имеющих разведывательных навыков.

– Я не сомневаюсь, – сказал командарм, взглянув на дивизионного комиссара, – что эти связисты стали жертвой необдуманного шага неопытного командира: или уничтожены, или задержаны в плен, что еще хуже. Немцы в этом случае могут допытаться у солдат, где штаб, и напасть на него. Слишком заманчивый объект. – Вдруг генерал забеспокоился, осознав, видимо, опасность: – Что сделано, то сделано. Поздно сетовать на оплошность. Надо оградить штаб от неприятности. Бегите, – приказал он мне, – на радиостанцию, свяжитесь с 91-й дивизией и передайте приказ изменить маршрут и идти в район КП. Задачу получит по прибытии. Дивизия отходит параллельно шоссе, сейчас она километрах в двадцати от нас.

– Но ведь она может появиться в нашем районе не раньше как через пять часов, – заметил начальник штаба.

М.Ф. Лукин ничего на это не сказал.

Забравшись в кузов радиостанции РСБ, я без труда связался с командиром дивизии и, используя сигнальную таблицу и кодированную карту, продиктовал приказание командарма. После довольно продолжительного молчания комдив ответил, что задача невыполнима. Дивизия идет по полевым дорогам южнее шоссе, чтобы выйти на исходный рубеж для нанесения контрудара, на который опаздывает. Чтобы выйти в район штаба, ей нужно пересечь шоссе, по которому непрерывным потоком тянутся механизированные колонны противника. Пересечь шоссе дивизии не удастся...

Я снова переключился на передачу и стал убеждать комдива в необходимости быстрее прибытия дивизии в район Ломы.

Но переговоры не были доведены до конца. Распахнулась дверь радиостанции, послышалась частая орудийная стрельба где-то совсем близко. Солдаты-связисты разбирали винтовки, находившиеся в кузове радиостанции, и убегали. На вопрос, что происходит, никто не ответил. Я соскочил на землю и увидел начальника штаба с пистолетом в руке. Он ходил по КП и торопил всех, кого встречал, выходить на опушку леса. Комбриг не стал слушать меня о результатах переговоров с дивизией, а приказал и мне идти на опушку. Там, дескать, находится командарм. Генерал Лукин стоял в толпе солдат и офицеров и зычным голосом, стараясь перекричать шум стрельбы, отдавал какие-то распоряжения. Я смог разобрать лишь одну фразу: «Толконюку командовать правым флангом, а Базилевичу-Белому – левым...» Около двухсот солдат и офицеров – солдаты с винтовками, а офицеры с пистолетами в руках – стали расходиться в цепь по опушке леса. Подавшись вправо и выскочив на опушку, я заметил следующую картину.

На дороге, метрах в трехстах, стояла колонна танков с белыми крестами на корпусах, их было около тридцати. За танками проглядывалась залегшая пехота. Правее, на некотором отдалении, вспыхивали выстрелы нескольких орудий, стоявших на открытом скошенном поле. Танки и артиллерия обстреливали занимаемый нашим штабом лес. Между танками и лесом пролегалo поле скошенной пшеницы или ржи. Это была абсолютно ровная площадка, с чуть заметными кое-где заплывшими бороздами.

Как только солдаты и офицеры разошлись в цепь, не выходя за опушку, вперед выскочил, опередив цепь метров на десять и оказавшись таким образом на открытом месте, незнакомый мне майор и, подняв пистолет над головой, срывающимся голосом завопил:

– Братишечки!.. За Родину, за Сталина, вперед!..

Не было сомнений, что это приказ командарма. Да и лозунг такой, что не последовать его призыву никто не смел. Теперь в литературе и в кинофильмах о войне этот лозунг выхолащивают, выбрасывая слова «за Сталина», искажая существо призыва и извращая истину. В тогдашнем понятии советского человека так оно и было на самом деле, Сталин олицетворял партию Ленина, и ничего нет зазорного в том, что такой призыв, такой лозунг бытовал на полях сражений. Дело было не столько в имени, в личности Сталина, сколько в том, что люди шли в бой не за какую-то безликую Родину вообще, а за свою Родину, понятие которой неотрывно от партии и ее коммунистических идеалов, следовательно, за нашу партийную Родину, Советскую, во главе которой стоял Сталин.

В ответ на этот священный для каждого советского воина призыв цепь двинулась по ровному скошенному полю к вражеским танкам. Танки мгновенно прекратили стрельбу. Стволы их орудий опустились ниже, как бы нависая над стерневой площадкой, над идущими навстречу своей неминуемой гибели почти безоружными людьми. Цепь приближалась к танкам, а немцы молчали. Идя в цепи, я мучился сомнениями: неужели командарм мог отдать такое

невероятное и отчаянное приказание. Вывести добрую половину личного состава штаба на голое поле перед танками врага равносильно коллективному самоубийству. Лес для танков недоступен, а на открытом поле они без труда перестреляют всех из пулеметов. Да и гусеницами могут передавить. Но ведь командарм, наверное, наблюдал поступок «смельчака», бросившего клич «вперед». Почему он не вмешался и не пресек такую очевидную глупость? Как выяснилось впоследствии, «смельчак», выкрикнув лозунг, тут же повернул обратно и ушел в лес, считая, очевидно, свою миссию выполненной.

Пройдя примерно половину расстояния до танков, атакующие дружно закричали «ура» и ускорили движение. Но тут случилось то, что должно было случиться. Дружно грохнули танковые орудия – и на незащищенных людей обрушился ливень свинца из скорострельных танковых пулеметов и град стальных осколков. Цепь изломалась, скорчилась и повалилась на стерню. Начался хладнокровный, методический расстрел открыто лежавших в беспомощных позах офицеров и солдат армейского штаба. Над полем понесся душераздирающий вопль отчаяния обреченных на неоправданную смерть людей:

– Помогите!.. Умираю!.. Истекаю кровью!.. Мама!..

Интенсивность стрельбы постепенно спадала, и одновременно стихали вопли принимающих ужасную смерть людей: одни умирали сразу, другие, истекая кровью, теряли сознание, третьи убеждались в бессмысленности стенаний и замолкали, четвертые уткнулись носом в землю и не смели шевельнуться, чтобы не быть изрешеченными пулями.

Вдавлив себя в пыль заплывшей и мало помогающей борозды и отбросив на спину противогаз, сползавший под живот и мешавший плотно прижаться к земле, я сначала перекликался голосом с полковником Базилевичем-Белым, но потом полковник перестал откликаться: наверное, погиб. Со временем стрельба совсем прекратилась. Но стоило шевельнуться, как сразу же раздавалась пулеметная очередь. Каждая человеческая фигура была в поле зрения точных оптических приборов вражеских танкистов. Одним словом, фашисты, ничем не рискуя, добивали оставшихся в живых воинов Красной армии.

Тем временем на небольшой высоте появился разведывательный самолет. Он кружил над кровавым полем и одну за другой пускал ракеты коричневого дыма. Прогремело несколько серий разрывов артиллерийских снарядов, коверкающих живые и мертвые тела. Потом артогонь был перенесен по лесу. Но штаба там уже не было. Снова наступила тишина. Экипажи танков выбрались из машин, стали осматривать их, закуривать и что-то горланить, не обращая на нас внимания. Но убили они не всех. Почему не довершили кровавое дело гусеницами танков, трудно предполагать; возможно, боялись сойти с дороги, чтобы не напороться на минные поля, а может, руководствовались другими соображениями.

Заметив, что немцы не наблюдают за полем, где лежат защитники штаба, я решаюсь искать хоть какой-нибудь выход. «Фашисты не кинулись в лес, где расположился штаб армии, – утешал я сам себя, – значит, мои разведчики или к ним не попали, или не выдали военной тайны. Штаб уцелел. А это главное: задача выполнена».

Лежу на одном месте уже часа три. Ни справа, ни слева никто не отзывается: не слышно даже стонов. Приказа отойти в лес не поступило, а отступить без приказа, самовольно, не хотелось: могут обвинить в самовольном оставлении поля боя или заподозрить в трусости. И все же надо было что-то делать: бездеятельность угнетала.

– Товарищи, отползайте и собирайтесь в лесу! – прокричал я осипшим голосом, повторив команду три раза, игнорируя опасность быть услышанным немцами. Но никто не отозвался.

Сбросив продырявленный пулями противогаз, чтобы не мешал ползти, царапая лицо острой стерней, вдыхая пыль пахоты, я пополз назад, надеясь найти кого-нибудь из начальников и получить указания, что делать. Я уже подползал к лесу, как услышал многоголосый картавящий говор и шелестящие травой шаги. Осторожно приподнимаю голову и вижу

метрах в тридцати от себя немцев, идущих вдоль опушки один за другим в растянувшейся цепочке. Фашисты глядели под ноги и о чем-то говорили. Я замер, затаив дыхание. Выждав, пока не стих шелест шагов и не удалились голоса, я вскочил и кинулся в лес.

На месте, где несколько часов назад располагался штаб, не было ни одной живой души. Взору представилась жуткая картина: по-прежнему стояли натянутые палатки, валялись катушки с полевым телефонным кабелем, телефонные аппараты, ящики с аппаратурой узла связи, разобранные аппараты Бодо – все это печальные следы армейского штаба, не переместившегося организованно в другой район, а убежавшего с неопишуемой поспешностью. Забыли даже оставить человека с указаниями, куда податься защитникам, оставшимся перед вражескими танками. Куда же ушел штаб? Где его искать?

В стороне виднелась изуродованная, по-видимому разорвавшимся снарядом, автомашина ЗИС-101, на которой ездил член Военного совета дивизионный комиссар Шекланов; на рваных сиденьях запеклась бурая кровь. Побродив среди куч брошенного штабного имущества и объятый ужасом, я вновь бросился к опушке леса.

Вражеские танки по-прежнему стояли на дороге, экипажи неторопливо бродили между ними. К танкам подходила большая автоколонна с пехотой, поднимая густую полосу пыли.

В лес сползались оставшиеся в живых защитники штаба, большей частью раненые. Собралось около 40 человек. Среди них оказалось человек десять знакомых мне штабных офицеров; остальные – солдаты и офицеры полка связи и батальона охраны. Тяжело раненных, не могущих встать на ноги, было 12 человек. Собравшиеся по моему указанию перешли на место, где располагался оперативный отдел, и перенесли туда раненых.

Много возникало вопросов, и я вызвался сделать короткую информацию об обстановке, хотя и мало что знал.

– Видно по всему, – сказал я, – что штабу удалось благополучно уйти в другое место, хотя, к сожалению, осталось много штабного и связного имущества. Куда переехал штаб, я не знаю. Но мы его найдем непременно. Недалеко от нас на юге действуют наши дивизии, и выйти в их расположение не составляет большого труда. Давайте обсудим, что будем делать, как быть с товарищами, не могущими идти?

– Пробираться к своим войскам, – предлагали одни.

– Искать штаб, – высказывались другие.

– Разбиться на группы по два-три человека и лесами идти на восток, – раздавались голоса.

– А как же мы? – забеспокоились тяжело раненные.

Выслушав такую разноголосицу, я снова взял слово:

– Так мы ничего не решим. Прения разводить не время и не место. Здесь требуется единая воля, которой все должны беспрекословно повиноваться. Среди нас есть старшие по званию товарищи: одному из них и следует взять на себя командование и ответственность...

Но меня прервали голоса:

– Я инженер, а не строевой командир, – возразил майор инжвойск.

– А я связист и не смогу командовать...

– А я политработник, и мои обязанности известны, – высказался офицер с двумя шпалами на петлицах. – В любой обстановке моя обязанность – политобеспечение. Поэтому связывать руки командованием мне не следует. Ты, хотя и младше по званию некоторых из нас, – обратился ко мне на «ты» выдавший себя за политработника, – но ты окончил академию, оператор, тебе и карты в руки. Да и зачем нам выбирать командира? Мы пока не партизаны, чтобы выбирать руководителя. Тебе командующий поручил командование правым флангом

при обороне штаба, а это значит, что ты назначен старшим, и не увертывайся: все равно за нашу группу отвечать тебе.

Я не знал и не встречал такого политработника в Полевом управлении армии. Речь его и форма выражения мысли мне не понравились: они не присущи, как мне показалось, политработнику. Но люди часто менялись: все могло быть. На вопрос, кто он такой, офицер ответил одним словом – Мельников.

– Командовать вам, товарищ капитан! – раздались голоса.

Откровенно говоря, мне не хотелось вручать свою судьбу людям, не желающим брать на себя ответственность, и я согласился:

– Хорошо. Я беру на себя командование. Но потребую подчинения и высокой дисциплины, как законный единоначальник, отвечающий за свои решения и действия только перед старшим командованием. Кто не согласен, говорите сразу.

Несогласных не нашлось.

– Молчание – знак согласия. Решение принято, – подытожил я короткую дискуссию. – Подготовиться к походу на поиски штаба! Раненых будем нести. За каждым из них закрепляю по два человека. Носилки сделать из подручного материала.

Пока мастерили носилки из сырых березовых жердей и вырезанных из штабных палаток полотнищ, прикрепленных к жердям полевым кабелем, я развернул карту и стал вглядываться в окрестную местность. И вдруг меня осенила мысль: когда я вышел из радиостанции, моего слуха коснулся обрывок фразы, брошенной комбригом Малышкиным полковнику Маслову. Я уловил всего два слова: Никулино... туда... Но что эти слова означали? Не в район ли Никулино перебрался штаб? Есть ли такой населенный пункт? Вскоре удалось отыскать на карте Никулино в 25 километрах от Ломы на юго-запад. Идя в направлении Никулино, если там и не окажется штаба, мы все равно можем наткнуться на какую-либо нашу дивизию, и тогда легко будет найти штаб. Ничего другого я не придумал.

Нести раненых на самодельных носилках оказалось непросто: полотнища выскальзывали из-под кабеля, и носилки расплзались, раненые вываливались на землю, корчась от боли растревоженных ран; два человека умерли. Группа с трудом добралась до юго-восточной опушки леса. Наступил вечер. Быстро стемнело. Прямо перед нами по дороге Хмелита – Ломы— Пекарево проходили сплошные колонны немцев. Нужно было выждать разрыв между машинами и перемахнуть через дорогу незамеченными. С ранеными это невозможно. Что делать? На страдание раненых невозможно было смотреть: они жалобно стонали, бредили, просили пить. Кто испытал такую участь, тот знает, что при большой потере крови мучает жажда, страшно хочется пить, губы и рот пересыхают, язык становится как деревянный; им трудно пошевелить.

Положив раненых на траву, оставив при них Мельникова, мы отошли в сторону, чтобы обсудить, как перебраться через дорогу, освещенную фарами машин. Оставив раненых, к группе подошел Мельников. С подчеркнутой официальностью он обратился ко мне:

– Товарищ капитан! Я объяснил раненым обстановку, и они проявили высокую сознательность. Поняли, что, если мы будем нести их дальше, они не выдержат и перемрут. Да и мы, связанные ими по ногам и рукам, навряд ли выберемся. Если фашисты нас обнаружат, перебьют всех: и раненых, и здоровых. Вот они и решили освободить нас от обузы и просят, чтобы их пристрелили. Другого выхода нет. Да и сами просят... Все равно погибать, так лучше без лишних мук... – осекся докладчик смущенно, уловив удивление присутствующих.

– Слушайте, Мельников, – с трудом сдерживаю приступ гнева, – вы понимаете, что говорите? Фашисты убивают советских людей... Вы предлагаете помочь им творить кровавое дело. Так, что ли? Своих расстреливать только потому, что они беспомощны? Нет!

Прекратите даже думать об этом! Идите к ним и разъясните, что этого делать нельзя. Успокойте. Будем искать какой-то разумный выход.

Через несколько минут Мельников пришел снова.

– Я им сказал, что вы не пожелали выполнить их просьбу, – явно нарочито извратил он существо вопроса, – но они настаивают. Просят дать им оружие, и они сами это сделают. Я думаю, что оружие им можно дать. Пусть сами решат свою судьбу...

– Ни в коем случае! – не сдержал нервы, обрывая ходатая. – Это то же самое, что вы уже предлагали. Мы с вами решаем судьбу раненых, а не они. Поймите это, наконец! Ни я, ни кто другой не вправе дать им оружие для самоубийства. Это было бы тяжким преступлением не только перед законом, но и перед ними, перед их родными и близкими, перед Родиной, наконец! Это не вкладывается в понятие о гуманности и аморально...

– Но ведь мы их дальше нести не сможем. Они не выдержат, зачем обрекать несчастных на невыносимые страдания помимо их воли? – повысив голос, настаивал ходатай, но в его словах чувствовалась оправдательная нотка.

– Хватит об этом! Нести дальше не будем. Организуйте переноску их на опушку леса поближе к селу, устройте поудобнее и оставьте. Обозначьте место чем-либо со стороны. Местные жители их подберут и выйдут. А когда доберемся до своих, доложим командованию и, если позволит обстановка, будет послана группа для их эвакуации. Запомните место, где оставите раненых: не исключено, что именно вам придется их отыскивать и эвакуировать.

Но Мельников не сдавался:

– Я, как политработник, как офицер политотдела армии, не могу допустить, чтобы советские бойцы, вопреки их воле, попали в руки фашистов. Оставить их в лесу – равносильно сдаче в плен. Моего согласия на это преступление не будет, – решительно заявил он.

– А разве требуется ваше согласие? – удивился я. – Перед нами встали две взаимоисключающиеся задачи: вывести труппу к своим и спасти жизнь раненых. Нет сомнения в том, что, если мы будем продолжать путь по занятой противником территории, неся с собой раненых, мы не сможем вступать в бой или уходить от преследования. Так ни одной из этих двух задач мы не выполним. Без раненых наши шансы пробиться к своим увеличиваются. Да и раненые в этом случае могут выжить: советские люди их спасут. Самое правильное решение – нести раненых с собой до последней возможности. Но это, как вы сами утверждаете, и я согласен с вами, невыполнимо. Следовательно, надо принять какое-то другое разумное решение. Кто его должен принять? По всей видимости, я, как командир группы, взявший на себя тяжелую ответственность за ее судьбу по воле всех. И я не считаю себя вправе уклониться от решения этого сложного вопроса. Вот мое решение, не подлежащее обсуждению даже с вашей, Мельников, стороны. Я его повторяю: раненых оставить на опушке леса поближе к деревне. Исполните это вы, а отвечу за это я. Вы можете, если согласны, остаться с ними. Но этого я вам не приказываю.

Услышав последние слова, Мельников растерялся и уже каким-то жалобным голосом, в котором слышалась угроза, проговорил:

– Вы, капитан Толконюк, хотите совершить тяжкое преступление моими руками... Это вам даром не пройдет...

– Разговор окончен. Выполняйте! – прервал я дискуссию и отвернулся.

Приказание было выполнено. Мельников не нашел нужным остаться с ранеными, о которых так ходатайствовал, и присоединился к группе.

Тем временем по дороге, которую нам предстояло пересечь, сплошным потоком шли машины противника с пехотой, с артиллерийскими орудиями на прицепе; проходили

приземистые бронетранспортеры и специальные автомобили, вроде технических летучек и радиостанций, штабные автобусы. Дистанция между машинами сплошь просвечивалась золотистыми полосами фар, вырывая из темноты проезжую часть и обочины дороги. Пелена света резко очерчивалась по сторонам, образуя как бы глубокое дефиле, ограниченное крутыми черными берегами. Метрах в восьмистах за дорогой зубчатой стеной чернел лес. Пространство между дорогой и лесом ровное, открытое.

Я лежал на пыльной траве впереди товарищей и вглядывался в исполинскую механизированную змею, ползущую перед глазами без конца и края. Мы выжидали разрыва в колонне, позволявшего перебраться через дорогу, не будучи освещенными светом фар. И вот такая возможность приближалась: показался черный провал в колонне, быстро набегавший с северо-запада. Разрыв был небольшой, и, чтобы перемахнуть через дорогу незамеченными, надо было что есть силы броситься в его черную пропасть и пробежать хотя бы полсотни метров, прежде чем передняя машина, отсекающая разрыв, осветит то место, где мы бежим. Медлить было нельзя.

– Приготовиться к броску! – подаю голос. – Делать как я: вскочить и бежать следом. Компактно, не растягиваясь. Ложиться, когда лягу я, вскакивать, когда вскочу я.

Группа перевалила через дорогу вроде бы незамеченной и, пробежав метров сорок, повалилась на пыльную траву. Люди тяжело дышали не столько от физического, сколько от морального напряжения. Вдруг, свернув вправо, из колонны вышли два бронетранспортера, вилля яркими фарами по сторонам. Они описали дугу, удалившись от дороги почти к самому лесу. Обстреляв несколькими очередями из пулеметов лес, бронетранспортеры вернулись к дороге и вошли в колонну. Мы поднялись и побежали к лесу. Шли всю ночь, натываясь на замшелые пни, тычась лицом в колючие ветви хвои, перелетая на ощупь через поваленные старые деревья, часто проваливаясь ногами в вонючее вязкое болото. Пришлось вести группу, ориентируясь по компасу со светящейся стрелкой, и время от времени поглядывать на карту при подсветке карманным фонариком. Где противник и где свои, мы не знали и опасались напороться на фашистов. Я не знал определенно, ушел ли штаб в район Никулино. А вдруг его там не окажется? Куда тогда подаваться? – думалось с тревогой. В штабе осталось мало офицеров и без нас трудно обходиться. Во что бы то ни стало надо отыскать штаб и включиться в работу. Уставшие и голодные, с почерневшими небритыми лицами, мы подошли к лесной дороге между населенными пунктами Лопакينو и Лепешкино, когда уже яркое солнце высоко поднялось над лесом. Замаскировались в кустарнике и стали прислушиваться. Справа послышался приближающийся топот. Мы приготовились к бою, направив оружие на дорогу. Мимо проскакали два кавалериста с винтовками за плечами и с шашками на боку. За ними показалась кавалерийская кавалькада во главе с командиром в бурке и кубанке. Сомнений не оставалось – свои. Выскакиваю на дорогу и поднимаю руку. Кавалерист круто осадил коня.

– Кто такие? – недоуменно спросил всадник.

– Свои!

– Пропуск!

– Пропуска не знаем. Мы из штаба армии, – замялся я. – Где находится штаб? Может, подскажите?

– Какой армии?

– 19-й.

– Кто командующий?

– Генерал-лейтенант Лукин.

– Правильно! Значит, вы из нашей армии, – удовлетворился кавалерист. – Как вы здесь оказались? Тут всю ночь шли немцы. Ну да ладно, с вами разберутся в штабе. Идите в Осташково, здесь недалеко. А там узнаете, где штаб, – сказал кавалерийский командир, уклонившись назвать место расположения штаба. Он вздыбил коня и умчался, увлекая за собой конную группу.

Через пару часов мы были в Осташково, переполненном красноармейцами: здесь располагалась часть тыловых органов нашей армии. Нас накормили и направили в штаб.

Найдя штаб, я почувствовал прилив свежих сил, сознавая, что выполнил свой долг, присоединив к нему отставших офицеров и солдат. Пережитая трагедия вытеснялась из памяти сознанием, что штабу удалось спастись, хотя и большой ценой: потерей значительной части личного состава и немалого количества средств управления.

Доложив о прибытии начальнику оперативного отдела и начальнику штаба, я отправился, по их приказанию, на доклад к командующему и члену Военного совета. Но последнего уже не было в живых: дивизионный комиссар Шекланов при выезде штаба из леса, где он подвергся нападению, убит попавшим в его машину снарядом.

Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин выслушал доклад с вниманием и поблагодарил меня не то за доклад, не то за действия. Потом сказал:

– На вас поступила жалоба. Вы обвиняетесь в том, что, не посчитавшись с советами старших вас по званию товарищей, бросили раненых бойцов в лесу на произвол судьбы, где они неизбежно попадут в плен или будут уничтожены фашистами, если это уже не произошло. Считается, что вы, приняв на себя командование группой и воспользовавшись властью в чрезвычайных обстоятельствах, совершили тяжкое преступление. Что вы сами на это скажете?

«Мельников! – больно ударила мысль. – Как он сумел так быстро успеть с обвинением?» Только теперь вспомнилось, что уже в Осташково я что-то не видел среди нас Мельникова. Значит, он там смотался?

– Воля ваша и ваше право, товарищ командующий, оценить мой поступок. Моя шея. Ваш кулак, как говорится. Я готов нести любую ответственность. Но доложил ли Мельников, что он, сославшись на волю раненых, предлагал пристрелить их или дать им в руки оружие для самоубийства? Наверное, не доложил. Я не мог с этим согласиться. Пусть лучше погибнут от руки врага, если это окажется неизбежным, чем от неразумного поступка своих товарищей. Другого решения я не нашел.

– Не знаю, кто доложил. Мне перед вами сообщили по телефону, – спокойно проговорил генерал. – В сложившейся обстановке вы поступили правильно, хотя могло быть и другое решение. Я вас ни в чем обвинять не могу. И другим умникам не позволю. Атака на танки противника дала возможность уйти штабу, пусть даже этот способ и не является лучшим. Но поздно мусолить этот вопрос. Да и ни к чему. Вы привели в штаб попавших в беду офицеров и солдат, а это главное. Жаль, конечно, если раненые товарищи погибнут. И все же это мелкий эпизод на фоне общего бедствия. То было мизерное окружение, и вам удалось из него выбраться. Теперь окружена вся армия. Нужны адские усилия, невиданная воля, кропотливая организаторская работа, чтобы вывести армию из котла и присоединить к главным силам фронта. Это смертельно необходимо для защиты Москвы. Идите в отдел и включайтесь в работу. Впереди большие и тяжелые дела.

Глава 9 Окружение

Дела действительно были тяжелее тяжелых. Обстановка резко изменилась в худшую сторону. Обойдя армию с севера и выйдя крупными силами на ее тылы, противник перехватил коммуникации и занял Вязьму уже 6 октября. Одновременно южнее 4-я танковая группа немцев, действующая вдоль Варшавского шоссе, овладев с хода Спас-Деменском, прорвалась к Вязьме с юга и соединилась с 3-й танковой группой, наносившей удар из района Духовщины. Таким образом, к 7 октября четыре советские армии (19-го и 20-го Западного и 24-го и 32-го Резервного фронтов) были окружены на обширном пространстве западнее Вязьмы. Эти армии не смогли в ночь на 6 октября отойти на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, как этого требовала Ставка Верховного Главнокомандования. 19-я армия в это время, под сильным нажимом противника с севера и запада и непрерывными ударами его авиации, смогла отойти главными силами за Днепр и там задержалась.

Окруженные армии, охваченные со всех сторон силами 28-й дивизии противника и скованные в маневре его авиацией, эффективно бороться с которой было нечем, продолжали упорное сопротивление. Прорываясь на тех или иных направлениях, ударные группировки немцев все больше и больше сжимали район окружения, стремясь расцечь окруженные войска и уничтожить их по частям, чтобы высвободить силы для удара по Москве. Но вплоть до середины октября немецко-фашистскому командованию так и не удалось высвободить более 14 дивизий, что дало советскому командованию возможность выиграть какое-то время для организации обороны на ближних подступах к Москве.

Тем временем в 19-й армии происходило следующее. Переместив командный пункт из района Никулино в лес западнее Шутово, командование приняло меры к удержанию занимаемого района с одновременным высвобождением части сил для создания группировки, необходимой для нанесения удара с целью прорыва фронта окружения. Но, непрерывно ведя воздушную разведку над окруженными войсками, противник следил за каждым их шагом. Как только обозначалось движение наших войск в том или ином направлении, вражеское командование моментально стягивало на это направление подвижные силы и срывало наши намерения. Помнится такой случай. Сняв с обороны 91-ю дивизию, генерал М.Ф. Лукин поставил ей задачу атакой на узком участке пробить брешь в линии окружения и образовать коридор. Я был послан в дивизию перед началом атаки. Дивизия изготавилась к наступлению до наступления рассвета, заняв исходное положение на опушке леса. После жиденького 10-минутного огневого налета был подан сигнал атаки. Но система огня разгадавшего наш маневр противника нарушена не была, и попытка не увенчалась успехом. Идя по лесу к своей машине, я наткнулся на большую группу раненых солдат, уложенных на траве рядами. Возле раненых никого из медицинского персонала не было. Одни из них, истекая кровью, стонали, другие лежали молча, глядя в небо помутневшими глазами, третьи были без сознания. Увидев меня, некоторые запросили пить, а иные зароптали, высказывая безнадежное отчаяние. Мало чем можно было помочь несчастным. А главное – их некуда было эвакуировать.

Связь с войсками поддерживалась бесперебойная, и из подчиненных штабов все время поступали доклады и запросы, среди которых чаще всего были просьбы помочь эвакуировать раненых. Пришлось так или иначе отбиваться от нереальных просьб. Как-то добралась до штаба и прорвалась к оперативному дежурному молодая женщина-врач. Со слезами на глазах, она на смешанном украинском с русским языке жаловалась, что не может добиться машин для эвакуации тяжело раненных, сотнями накопившихся в медсанбате. Стараясь как-то успокоить отчаявшегося доктора, я пообещал ей разобраться, доложить командованию и помочь, заведомо зная, что ее ждет разочарование. Раненых можно было эвакуировать только авиацией, но в распоряжении армии ее не было. Мы крайне и в первую очередь нуждались в воздушной разведке, но и для этой цели мы не имели ни одного самолета, а штаб фронта в сложившейся крайне критической для него обстановке помочь, видимо, не мог. Да и какая бы то ни было связь с фронтом, прерванная еще 2 октября, так и не была восстановлена. Правда, армия все это время поддерживала радиосвязь с

Генеральным штабом, но и от него никакой реальной помощи не было. Справедливости ради следует, однако, сказать, что командование армией получило в эти дни несколько радиogramм из Москвы. Но они поступали слишком поздно и ничего существенного в положение окруженной группировки не внесли. Создавалось впечатление, что высшее военное руководство потеряло всякую надежду на спасение попавших в окружение армий и положило на них крест. Видимо, другие, более важные дела войны не позволили ему по-настоящему заняться этими армиями.

В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, говоря очень коротко об окруженной западнее Вязьмы группировке, отмечает, что «командование фронтом и Ставка помогали окруженным войскам бомбардировкой с воздуха немецких боевых порядков, сбрасывая с самолетов продовольствие и боеприпасы. Но большего тогда фронт и Ставка для окруженных войск сделать не могли, так как не располагали ни силами, ни средствами». Может быть, это было и так. Но я, как живой свидетель – оперативный работник штаба 19-й армии, – утверждаю, что если и были попытки помочь нам авиацией, то эти попытки не были увязаны с действиями окруженных войск и мы об этих попытках ничего не знали и своих бомбардировщиков не видели. Что же касается помощи продовольствием и боеприпасами, то мы их не получали. В продовольствии нужды не ощущалось, потому что в окруженном районе продовольствие могло быть получено из местных ресурсов: местность была запружена угнанным из западных районов советскими людьми скотом, и созревший урожай, при определенной организации, мог обеспечить питание личного состава длительное время. К тому же не были полностью использованы и продовольственные запасы, находившиеся на складах и в железнодорожных эшелонах, которыми были переполнены железнодорожные станции. В общем, у нас не было крайней нужды в продовольствии. В боеприпасах ощущалась некоторая нужда, но и их мы полностью не израсходовали, вплоть до прекращения организованного сопротивления. Нужда ощущалась в горючем для машин, а главное – в эвакуации раненых. Так что не в материальном обеспечении в первую очередь нуждались окруженные войска. Они нуждались прежде всего в квалифицированном, твердом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было.

Маршал Г.К. Жуков вспоминает: «Дважды – 10 и 12 октября – по радио нами были переданы командармам окруженных войск телеграммы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу М.Ф. Лукину. Им было предложено немедленно сообщить план выхода и группировку войск и дать заявку, на каком участке необходимо организовать помощь авиацией фронта. Однако на обе наши телеграммы ответа не последовало: вероятно, пришли они к окруженным уже поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами». Мы здесь не намерены подвергать сомнению утверждения уважаемого и выдающегося нашего полководца и давать им свою оценку. Однако кое-что уточнить следует.

Такие телеграммы действительно были получены и действительно получены слишком поздно. А требования оказались нереальными, не соответствовавшими сложившейся обстановке.

Не надо обладать незаурядными военными способностями, чтобы усмотреть эту нереальность. В окружении оказалось четыре самостоятельные армии численностью в сотни тысяч человек, во главе с не подчиненными друг другу командующими разных фронтов. Тот факт, что с окруженными войсками находился заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И.В. Болдин без каких бы то ни было средств управления, по существу ничего не менял. Наверное, поэтому общее руководство прорывом из окружения находившихся в котле армий было возложено на командарма-19. Но распоряжение это было получено 12 октября, когда всякие попытки прорваться не удались и назревал кризис. К тому же генералу Лукину, несомненно незаурядному военачальнику, мешали выполнить

возлагаемые на него в высшей степени ответственные и сложные обязанности, которые могли быть по плечу только фронтовому органу управления, а то и Верховному главнокомандованию, ряд серьезных обстоятельств. Ему поручалось общее руководство прорывом и только. Он не был назначен командующим группой окруженных армий, а поэтому не имел ни достаточного авторитета, ни необходимой власти для объединения командования в своих руках. Он не располагал ни штабом, способным обеспечить руководство четырьмя армиями с многочисленными средствами усиления, ни средствами управления и связи. Средства связи штаба 19-й армии, на которые он мог опереться, настолько были мизерны, что едва обеспечивали управление подчиненными дивизиями. Не могло не иметь негативных последствий и то обстоятельство, что начальник штаба его армии комбриг В.Ф. Малышкин, наверное, уже тогда искал случая изменить Родине и перебежать на сторону врага, что он и сделал при первом удобном случае.

Присутствие заместителя командующего фронтом, у которого никакой связи с командующим и штабом фронта не было, а следовательно, и не было известно положение фронта вообще, не могло не связывать руки командарму-19, которому надлежало подчинить своей воле четырех командармов, поддерживать устойчивую связь с которыми средств не было. И наконец, прорыв из окружения такой огромной группировки войск представлял собой сложнейшую операцию, имеющую стратегическое значение. Подготовка и проведение такой операции могли быть выполнены только единым, высокопоставленным, располагающим всей полнотой власти и мощными средствами управления и связи командованием, опирающимся на хорошо подготовленный оперативный штаб. Кроме того, действия окруженной группировки должны были быть тесно увязаны с действиями наших войск на внешнем фронте. К сожалению, ничего подобного не было и в помине, и возложенная в самый последний момент задача на командарма-19 оказалась ему непосильной, что не могло не быть очевидным для инстанции, поставившей эту задачу. Вот почему, как указывает маршал Г.К. Жуков, «по-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами». Здесь точнее было бы сказать не «удавалось», а «приходилось».

В итоге всего сказанного и многого несказанного группировка из четырех, хотя и обескровленных армий, насчитывавшая сотни тысяч человек, с массой артиллерии, танков и других боевых средств, окруженная противником к 7 октября, уже 12 октября прекратила организованное сопротивление, не будучи разгромленной, и разошлась кто куда. Она, следовательно, вела бои в окружении всего каких-то пять-шесть дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И тем не менее это так.

Немецкое командование никакими силами ликвидировать окруженную группировку и овладеть занимаемой ею территорией в такое короткое время не могло и не сделало этого.

К вечеру 12 октября, когда дивизиям было приказано, как будет изложено ниже, выходить из окружения самостоятельно, окруженные войска занимали территорию в несколько сот квадратных километров с сотнями населенных пунктов. В период боевых действий противнику эту территорию захватить не удалось: он нес огромные потери и терпел неудачи. И если бы окруженным войскам, объединенным единым командованием, была поставлена задача удерживать занимаемый район или хотя бы часть его и сковывать этим самым как можно больше вражеских дивизий, не позволяя им идти на Москву, обстановка под Москвой в те дни могла бы сложиться несколько, быть может, по-иному. Возможно, что окруженные войска смогли бы продержаться до контрнаступления наших войск из-под Москвы и соединиться с наступающими в декабре 1941 – январе 1942 года. Но такая задача им не ставилась. Это невольно способствовало тому, что из 28 немецких дивизий, первоначально окруживших наши войска, к началу второй декады октября было оставлено здесь только 14, а 14 дивизий смогли продолжить путь к Москве. Расчет нашего командования на то, что окруженные армии организованно прорвутся из окружения и будут использованы для непосредственной защиты столицы, не оправдался. Эти войска вынуждены были оставить в

окружении всю материальную часть, все тяжелое оружие и остававшиеся боеприпасы и выходили из окружения лишь с легким ручным оружием, а то и без него. Как могла случиться такая драматическая ситуация, мы попытаемся вкратце сказать ниже.

А пока уместно отметить, что окруженные под Вязьмой советские войска выполнили свой долг, как могли, и если они не сумели сделать большего, то в этом не их вина. Приведу справедливое замечание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в его «Воспоминаниях и размышлениях», где он отмечает: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграла драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

Мы, воины советской армии, на долю которых выпало оказаться в трагическое время в Вяземском котле, можем лишь сердечно благодарить прославленного военачальника за ту высокую оценку, которую он нам дал. Что же касается описания действий оказавшихся в окружении 19, 20, 24 и 32-й армий, анализа сложившейся в те суровые дни обстановки, решений и действий командования, а также героизма солдат, командиров и политработников, то это благородная и представляющая всеобщий интерес не только с военной точки зрения задача наших военных историков; только им по силам с глубоким научным обоснованием, опираясь на неискаженные факты и исторические материалы, разобраться с этим немаловажным явлением прошедшей войны и сделать ясные и объективные выводы.

Мы же вернемся к тому, что происходило в те дни в 19-й армии, будучи уверенными, что примерно такое же положение было и в остальных окруженных под Вязьмой армиях.

2

Моя поездка с поручением командарма к командующему фронтом 2 октября явилась последним общением армии с командованием и штабом фронта. Попытки с нашей стороны восстановить хотя бы радиосвязь не увенчались успехом; что этому помешало, предположить трудно. Как уже упоминалось, после непродолжительного перерыва была восстановлена радиосвязь с Генеральным штабом. Эта связь поддерживалась редкими сеансами. До момента окружения можно было бы продолжать общение посылкой офицеров связи, но и это для штаба армии оказалось невозможным, так как фронтовой штаб перебрался в другое место и мы не знали, куда именно. Запросы в Генеральный штаб по этому вопросу оставались без ответа. А когда окружение состоялось, можно было посылать офицеров связи только самолетами, но в армии их не было, а штаб фронта по неизвестным причинам такой возможностью не воспользовался. Мы уже говорили, что командование армии получило в этот период несколько радиogramм от Генерального штаба. Сперва поступило указание выходить на Гжатск по направлению, ведущему севернее Вязьмы, а затем – последнее указание – идти в обход Вязьмы с юга с тем, чтобы по пути соединиться с войсками 24-й армии, то есть направление выхода менялось. Приведу по памяти одну из радиogramм. В ней говорилось примерно следующее: «Идите на Гжатск. Идите день и ночь. Идите 70 километров в сутки. Ваш выход нужен для защиты столицы». Тревожная как по форме, так и по содержанию телеграмма прозрачно указывала, что высшее командование рассчитывает на то, что окруженные войска смогут принять участие в непосредственной обороне Москвы и что столицу без них защищать если и не невозможно, то трудно. Требование со всей очевидностью предполагало организованный выход из окружения со всем вооружением и боевой техникой.

А это могло быть осуществимым только путем проведения смелой операции объединенных в один кулак окруженных армий, при реальной поддержке извне, по прорыву фронта окружения и соединения с главными силами фронта, отстоявшими от котла почти на сотню километров. Для такого маневра требовалось немало горючего, которого в окруженных армиях почти не было.

Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, получив указание, что на него возлагается руководство выводом всех четырех армий из окружения, собрал совещание командующих армиями, с которыми не было никакой технической связи, и прибыли не все для обсуждения положения и выработки решения. В этом совещании, проходившем в условиях строгой секретности и сильно затянувшемся, присутствовал и генерал-лейтенант И.В. Болдин.

В результате родился приказ, исполнителем которого был начальник оперативного отдела полковник А.Г. Маслов. После неоднократных и мучительных переделок и поправок, вызывавших нервозность, приказ был подписан командармом и начальником штаба. Этот последний отданный в окружении приказ имел важное значение, ибо он определил дальнейшую судьбу окруженных армий. Кстати сказать, решение, выраженное в приказе, не было сообщено в Ставку. Думается, что это случилось потому, что руководство окруженными войсками не ожидало его одобрения. Следует к тому же заметить, что на последние запросы Ставки командование почему-то вообще не находило нужным отвечать. По-видимому, это следствие неуверенности и определенной растерянности или просто беспомощности.

С чисто военной точки зрения отданный приказ представляет значительный интерес, а его последствия настолько важны, что его смысл следует коротко изложить, тем более что он, по-видимому, не мог попасть в исторический архив и, наверное, остался неизвестным.

В приказе давался краткий и довольно мрачный анализ сложившейся обстановки и делалась ссылка на требование выходить из окружения во что бы то ни стало. Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды, уничтожить материальные запасы и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

В этот день я был оперативным дежурным и приказ, размноженный в нескольких экземплярах для 19-й армии, попал ко мне для рассылки в дивизии. Передавая его мне, полковник А.Г. Маслов был крайне расстроен: он, стараясь не глядеть никому в глаза, молча передал документ, неопределенно махнул рукой и ушел. Чувствовалось, что полковник не был согласен с таким концом армии. Через некоторое время он сказал мне по секрету: «Из всех возможных решений выбрано самое худшее, и армия погибла, не будучи побежденной противником. Правильно говорится, что армия не может быть побежденной, пока ее командование не признает свое поражение. В нашем случае командование признало себя побежденным преждевременно и распустило армию, предоставив ее непобежденным бойцам самим заботиться о своей участи». Подумав, полковник добавил: «Хотя приказ Ставки и выполняется – мы выходим из окружения. Но этот выход неизбежно выльется в брожение по лесам неорганизованной и небоеспособной толпы, над которой будут измываться фашисты, вылавливая красноармейцев, как бродяг». Дальнейшие события подтвердили предсказания начальника оперативного отдела.

3

Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до личного состава, произошло то, что должно было произойти. Нельзя было не заметить, что задача понята своеобразно: спасайся кто как может. Офицеры штаба, проверявшие на местах, как доведен и понят приказ, наблюдали неприглядную картину, поправить которую уже возможности не было, да никто и не пытался что-либо изменить.

Всякая связь штаба армии с дивизиями прекратилась, вступили в свои права неразбериха и самотек.

К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя обязанность управлять подчиненными войсками. Командиры дивизии поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчиненных на лесных полянах, прощались с ними и отпускали. На местах построения можно было видеть брошенные пулеметы, легкие минометы, противогазы и другое военное снаряжение. Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность. В некоторых соединениях личный состав с легким ручным оружием начал поход в составе частей и подразделений, но с течением времени, встретившись с трудностями, эти части и подразделения также распались на мелкие группы.

В Полевом управлении армии акт самоликвидации проводился следующим образом. Генерал-лейтенант И.В. Болдин покинул штаб и, как потом выяснилось, благополучно добрался к своим, став командующим 50-й армией, направленной на оборону Тулы. Штабное имущество: автобусы, радиостанции, аппаратура узла связи и другое оборудование – подверглось сжиганию или приведению в негодность. Радиостанция, державшаяся на приеме на волне Генерального штаба, была уничтожена последней. Оперативные документы брошены в костер. Лишь небольшую часть из самых важных бумаг, в том числе упомянутый выше приказ, мы с майором А.С. Кучережкой закопали у большой березы, втолкав их в металлический ящик. Полтора десятка девушек-связисток посадили в кузов выпотрошенной автомобильной радиостанции и поручили коменданту штаба майору Мартыновичу вывезти их к своим самостоятельно. Судьба их мне неизвестна. Штаб армии совместно с подразделениями охраны, связи и обслуживания с наступлением темноты выстроился в большую пешую колонну и во главе с командармом и начальником штаба двинулся на восток, в обход Вязьмы с запада и юга. С этого дня, а вернее, с вечера 12 октября 19-я армия как оперативное объединение, не будучи разгромленной противником, перестала существовать. Но ее солдаты, командиры и политработники остались продолжать борьбу, кто как мог, за небольшим исключением, кроме тех, разумеется, кто принял героическую смерть в жестоких боях на многострадальной Смоленской земле. В четвертом томе «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.» по этому вопросу сказано: «В середине октября часть советских войск прорвалась из окружения и отошла на Можайскую линию. Немало воинов погибло на поле боя. Многие бойцы и командиры, оказавшиеся в тылу врага, влились в партизанские отряды». Именно так и поступила основная масса личного состава бывшей 19-й армии. Но какая-то часть его распорядилась своей судьбой по-иному: некоторые разбрелись по окрестным населенным пунктам и там, переодевшись в штатское, приютились у местных жителей; их потом называли «зятьками», а некоторые, местожительство которых оказалось на оккупированной территории, подались домой и там со временем включились в партизанскую борьбу или, стараясь выжить, пересидели в тени до лучших времен. Иные же, лишенные руководства, не избежали вражеского плена.

Перед тем как встать в уходящую колонну, я влез в автобус оперативного отдела, прежде чем его поджечь, и натянул на себя шесть пар белья и новое хлопчатобумажное обмундирование: ночами уже было холодно, да и жалко было бросать личное добро.

С наступлением темноты колонна двинулась в путь. Когда мы отошли на некоторое расстояние, оглянувшись назад, мы увидели на оставленной местности яркое пламя пожара: то горело армейское имущество.

Забегая вперед, хочу заметить, что, когда года через полтора мне пришлось побывать в этом районе, я увидел, что не все было уничтожено: попадались на глаза искореженные непогодой и временем наши автомашины, артиллерия и даже штабеля ящиков со снарядами. Странно, что их не тронули ни немцы, ни местные жители.

А пока войска армии и ее штаб покидали занимаемую территорию, оставляя ее противнику без боя. Показательно, что противник, по всей видимости не ожидая таких невероятных действий окруженных, обнаружил разброд не сразу, ибо не мешал нам спокойно уходить. Он приступил к занятию оставленного нами района только с утра следующего дня.

Штабная колонна, соблюдая тишину и осторожность, до реки Вязьмы шла без происшествий. Чтобы неожиданно не напороться на противника, вперед и по сторонам выслались дозоры из двух человек. Вскоре обнаружилось, что некоторые дозоры куда-то исчезают; оказывается, они пропускали колонну мимо себя и пристраивались к ней сзади или вообще сматывались. В передовой дозор послали меня вместе с офицером из охраны. Часа два мы шли впереди колонны, никого не встречая. На этом отрезке пути я обзавелся карабином, считая пистолет оружием недостаточным. А найти винтовку или карабин не представляло труда: чуть ли не на каждом шагу встречались убитые красноармейцы; они, как правило, свой смертный час приняли, не бросив оружие, и держались за стволы окоченевшими пальцами, как стальными клещами. Обезоруживая одного из таких мертвецов, я с большим трудом выкрутил карабин из его рук.

Подходим к реке напротив маленького населенного пункта Заречье, расположенного километрах в десяти западнее Вязьмы, на шоссе, которое нам предстояло пересечь. Тишина. В окрестных населенных пунктах время от времени вспыхивают ракеты – там немцы. Никакой переправы через реку не обнаруживаем. Подходит колонна и останавливается на привал. Люди размещаются у самой воды, прислонившись один к другому под прикрытием невысокого пологого берега, в ожидании, пока будет найдена переправа посланными в обе стороны вдоль реки разведчиками. На подступах были выставлены наблюдатели, чтобы не допустить внезапного нападения противника. Уставшие люди быстро заснули, заснули и наблюдатели; они спали стоя. Вдруг нас всполошил адский шум и грохот: раздалось многоголосое «ура», в смешавшуюся толпу полетели ручные гранаты, разрываясь на головах и спинах людей; затрещала ружейная стрельба. Матерный окрик нескольких голосов круто оборвал неразбериху. Были убитые и раненые. Оказавшийся рядом со мной состоявший при армии офицер – представитель Генерального штаба старший лейтенант Кабанов был ранен в голову осколками гранаты, ободравшими ему голову и лицо. Потом острословы подтрунивали над пострадавшим: «Смотрите, как выглядит наш Генеральный штаб. Как же он предстанет пред ясные очи высокого начальства?» Офицер терпеливо сносил насмешки.

А произошло следующее. Вслед за нами подошла большая группа бойцов одной из наших дивизий. Проснувшийся от приближающегося шума наблюдатель, не разобравшись, в чем дело, принял своих за немцев и открыл стрельбу. Подошедшие тоже пришли нас за противника и с ходу атаковали. Этот кратковременный эпизод имел серьезные последствия. Наша колонна перемешалась и превратилась в неуправляемую толпу, командиры потеряли подчиненных, а подчинение начальников; знакомые и товарищи найти друг друга не могли. Одни сломя голову бросились в воду, моментально оказавшись на противоположном берегу, другие метнулись в стороны, а некоторые открыли беспорядочную стрельбу, оставаясь на месте. Потеряв из виду своего начальника полковника А.Г. Маслова, я пошел по берегу реки, нашел хлипкий пешеходный мостик и воспользовался им. В мечущейся человеческой массе вижу высокую фигуру Маслова и пробираюсь к нему. «Давай держаться вместе», – сказал он мне. К нам присоединились начальник инжвоек полковник Синявский и капитан Дворянчиков, хорошо мне знакомые.

Инцидент на реке не ускользнул от внимания запрудивших ближайшие села немцев: встревоженные шумом, они на бронетранспортерах из разных направлений двинулись к месту происшествия, освещая местность яркими фарами и поливая из пулеметов перед собой. Стихийно расколовшись на группы, мы перемешались с выскочившими из бронетранспортеров вражескими автоматчиками. Поднялась беспорядочная стрельба. Рядом со мной упал тяжело раненный заместитель начальника химотдела полковник Петров, над ним склонилась молодая женщина в военной форме, работница его отдела. На

противоположном берегу, у Заречья, мы напоролась на стоявшую на открытой позиции немецкую батарею из шести орудий, у которых прислуги не оказалось: со страху артиллеристы разбежались и укрылись в поселке.

Пройдя от реки с километр, Маслов, я, Синявский и Дворянчиков, по инициативе Маслова, как старшего по должности, стали собирать на опушке леса рассыпавшихся по полю солдат и офицеров в одну команду. Собрали 280 человек и приступили разбивать их на взводы по 40 бойцов в каждом, назначая старших. Было приказано соблюдать тишину и маскировку. Тем не менее в строю заблестели два-три огонька от зажженных папирос. Полковник Синявский выругался в адрес курильщиков и потребовал прекратить безобразие. В ответ кто-то злобно выкрикнул: «Хватит! Откомандовались! Пошли к... матери!» Соседи крикуна не выдали, и установить его личность не удалось. Заниматься этим зловещим сигналом помешала появившаяся на открытой поляне и приближавшаяся к нам большая конная группа. Мы притихли в ожидании, не зная, свои это или чужие. В полусотне метров от нас всадники круто остановились, послышался голос команды по-немецки, отряд развернулся на месте и поскакал обратно. Мы открыли огонь вдогонку; под неярким лунным светом было видно, как несколько всадников свалилось на землю, несколько лошадей упало, они бились, стараясь вскочить. Наше импровизированное подразделение под командованием полковника А.Г. Маслова двинулось дальше, в обход Вязьмы с юга. Таким образом мы прорвались через внутреннее кольцо окружения и оказались на занятой противником территории.

Колонна пересекла железную дорогу у Гредякино и вышла на улучшенную дорогу, похожую на разбитое шоссе. Внезапно в наш строй врывается немецкий мотоцикл с коляской, в которой сидел офицер. Виляя между расступавшимися людьми, мотоцикл сумел выбраться на свободу, не будучи задержанным, и умчался в сторону Вязьмы. Несколько винтовочных выстрелов вслед не дали результатов. Продолжая путь до утра, мы больше с противником не встретились.

4

Утро 13 октября нас застало перед небольшим лесом. Вокруг бродили кавалерийские лошади с отеками животами от неотпущенных подпруг: бросившие своих боевых друзей кавалеристы не удосужились их не только расседлать, но даже отпустить подпруги. Наверное, это были лошади нашей 45-й кавдивизии.

Лес обстреливался артиллерией противника, но снаряды вразброс рвались где-то в глубине. Когда мы вошли в лес, некоторые бойцы неожиданно были ранены отдельными винтовочными выстрелами. Стреляли немецкие снайперы, забравшиеся на деревья; на солдатском языке они назывались кукушками. Разобравшись, в чем дело, мы их легко снимали меткими выстрелами и почти без помех проникли в глубь леса. Здесь мы наткнулись на группу солдат и офицеров, молча стоявших кружком, а в середине на расстеленной бурке лежал раненный в ноги наш командарм генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. Возле генерала хлопотали два его адъютанта. Лицо Михаила Федоровича выражало страдание, но внешне он был спокоен и в полном сознании. Он выразил недовольство, что вокруг него собралось много людей, что, дескать, может привлечь внимание фашистов, и мы пошли дальше. Впоследствии генерала Лукина постигла участь плена, но он и там вел себя мужественно, проявив стойкую преданность Родине и солдатскому долгу. В конце войны верный сын своего социалистического Отечества был вызволен из плена и вел большую военно-патриотическую работу в Советском комитете ветеранов войны, хотя и был инвалидом.

Начальник штаба армии комбриг В.Ф. Малышкин в сумятице прошедшей ночи бесследно исчез. Как выяснилось потом, он незаметно отстал от колонны и перебежал к врагу, изменив Родине и предав сослуживцев. В плену изменник активно сотрудничал с фашистами, вел

злостную антисоветскую деятельность. После Победы, как уже упоминалось, его постигло справедливое возмездие.

Невдалеке от места, где мы видели командарма, нам встретился красноармеец, несший в двух котелках воду к разбитой грузовой машине; солдат нес воду раненому начальнику отдела связи штаба армии полковнику Стекольщикову, сидевшему в кабине грузовика. Присоединиться к нам полковник не мог, так как был нетранспортабельный. От нашей помощи он наотрез отказался.

Помня поставленную задачу – выходить к своим, мы продолжали путь. По открытой местности шли ночами, отсиживаясь днем в каком-либо укрытии. Лесами шли и днем. В первые дни удавалось заходить в не занятые немцами села и запасаться продовольствием. Потом свободных от противника населенных пунктов становилось все меньше и меньше; наконец их вовсе не стало. С немцами нам приходилось встречаться чуть ли не каждый день, а то и по нескольку раз в сутки. Разные по величине группы противника пытались преградить нам путь или настигнуть с боков и с тыла. Завязывалась перестрелка, продолжавшаяся преимущественно до наступления темноты. С темнотой фашисты, как правило, прекращали бои и уходили. Тем не менее с каждым днем столкновения с противником случались все чаще и чаще. Порой мы попадали почти в безвыходное положение. О некоторых подобных эпизодах нелишне коротко рассказать.

Во второй половине дня 14 октября на подступах к разъезду Лосьмино, переходя от перелеска к перелеску, группа прошла по открытой поляне мимо села Панфилово, набитого немцами. Не было признаков, что фашисты нас заметили. Пройдя северный выступ перелеска, мы остановились на привал, расположившись на восточной опушке. После короткого отдыха нам предстояло, прежде чем укрыться в следующем лесу, идти по открытой местности и пересечь железную дорогу. Но воспользоваться передышкой не пришлось: наблюдатель, оставленный позади, подбежал и сообщил: «Немцы». Мы развернулись в цепь и залегли фронтом в лес. Вскоре послышались голоса и между деревьями замелькали фашисты; их было не менее 200. Они медленно шли ровной цепью, с автоматами на изготовку. Подпустив цепь метров на двадцать, по знаку Маслова мы открыли огонь. Несколько немцев тут же свалилось в траву. Цепь залегла, и на нас обрушился ливень пуль. С деревьев посыпались сбитые ветки и обрывки коры. Потом все на пару минут стихло. Повинуясь громкому выкрику офицера, немцы вскочили и бросились вперед, снова застрочив из автоматов. Дружный залп с нашей стороны заставил их мгновенно припасть к земле; проглядывались темные каски на головах, уткнувшихся в траву. Завязалась интенсивная перепалка: обе стороны кромсали свинцом разделявшие их деревья. Передо мной лежал верзила и палил из автомата не прицеливаясь. Я настороженно впился глазами в противника, не в силах оторваться, чтобы взглянуть, сколько осталось патронов в магазине карабина. Прицеливаюсь через жидкую траву и спускаю курок. Выстрела не последовало: магазин оказался пустым. Не отрывая взора от немца и прижавшись поплотнее к земле, я на ощупь стал перезаряжать карабин. В спешке порезал облойной рукой, но все же, преодолевая сильную боль и чувствуя липкую кровь под пальцами, заталкиваю пять патронов в патронник. Немец медленно поднимается на локтях и целится явно в меня. Но мне удается предупредить его, и он ткнулся лицом в траву, не успев дать очередь. Фашисты больше не решились подняться в атаку, несмотря на неистовую ругань их командира, лежавшего за деревом несколько сзади. Перестрелка, то усиливаясь, то ослабевая, продолжалась более двух часов. С наступлением темноты немцы стали отползать и, построившись в колонну, удалились, а мы поспешили покинуть опасное место, ведя под руки раненых. Переходя железную дорогу на разъезде Лосьмино, нам пришлось пролезать под вагонами поездов, брошенных вместе с воинскими грузами.

Погода резко ухудшалась, пошел снег. Земля размокла, и дороги покрылись перемешанной со снегом грязью, потом комок грязи замерзли, но дороги не стали лучше. В населенных пунктах, как правило, ночевать не приходилось. Отдыхали в лесу, изловчившись, когда

позволяла обстановка, разводить костры в любую погоду. Добывать пропитание стало трудно, а порой и вообще невозможно. Стал преследовать голод: найденная на убранном поле мерзлая картошка приносила радость. Мы ее грызли сырую или пекли в костре, что едва ли улучшало ее пищевую пригодность: снаружи картошка обгорала, а внутри оставалась куском льда.

Ночь на 16 октября мы провели в пути, пробираясь через лес и перелески. Сбиваемые с веток хлопья мокрого снега попадали под воротник и там таяли, пробирая тело до костей. К усталости и голоду присоединился холод. К утру мы подошли к реке Угре, по которой плыла осенняя шуга, и остановились на опушке леса перед селом Дмитриевка. От села нас отделяла ровная, почти лишенная травы поляна, покрывшаяся небольшим слоем свежего снега. Чтобы попасть в село, необходимо было пройти по открытой местности около километра. Мы стояли на опушке заснеженного леса и с вождением смотрели на манящий дым, поднимавшийся из печных труб домов: сознание переполнялось мечтой о еде и тепле. Поест и обогреться было единственным нашим желанием. В общем, тянуло в хату, к гостеприимным советским людям. Но свободно ли село от немцев? Этот вопрос встал ребром. Никаких внешних признаков наличия противника не наблюдалось.

Я предложил войти в село, чтобы поест, обогреться и запастись продуктами. Но полковник Маслов колебался:

– А если напоремся на фашистов, втянемся в бой, будут раненые? Что с ними делать?

Но ведь нас почти 280 человек, вооруженных карабинами и пистолетами; есть несколько ручных гранат и даже два легких пулемета. Такими силами занять село нетрудно. Много немцев там нет. Если бы в селе размещалось какое-то целое подразделение, то стояли бы машины, и другие признаки не ускользнули бы от наблюдения. Но ничего этого не видно. Давайте рискнем, настаивал я.

Другие выжидательно молчали; как бы ни манило село, людям не хотелось снова ввязываться в бой, не обещавший ничего хорошего. Маслов принять мое предложение все не решался. Тогда я предложил сначала послать в село разведку и если немцев нет, то войти всей группой, а если есть, то идти дальше. Маслов с нежеланием согласился.

– Кто добровольно пойдет на разведку? – обратился он к стоявшим вокруг солдатам и офицерам.

В ответ – гробовое молчание.

– Вот видите, – сказал мне полковник, – добровольцев не находится.

– Я готов возглавить разведку! Кто со мной пойдет в село? – обращаюсь к товарищам по несчастью.

Но молчание и на этот раз продолжается. Тогда я нахожу выход в том, что обращаюсь персонально к тем, кого знал по фамилии. А знал я лишь несколько человек.

– Пойдешь со мной, Иван? – говорю капитану Дворянчикову.

– Пойду! – согласился он без обиняков.

– Еще кто?

Молчание. Тогда я указываю пальцем на стоявших поблизости:

– Вы пойдете, вы, вы...

Так я указал на одиннадцать человек. Никто не отказался. Намеченные сгруппировались и без приказа выстроились в шеренгу. Все они были вооружены карабинами, а незнакомый мне лейтенант-танкист – немецким автоматом.

– Разрешите выполнять? – обращаюсь к Маслову.

– Идите, но будьте осторожны. В случае чего группу не выдавать, – проговорил полковник и отвернулся. Чувствовалось, что он не одобрял мою инициативу, не находя нужным, однако, воспрепятствовать разведке.

Мы пошли по гладкому, слепающему белизной снегу, вглядываясь в село. Оставшиеся вытянулись цепочкой по опушке и смотрели нам вслед. Без каких бы то ни было помех разведка подошла к селу, миновав одиноко стоявший на отшибе сарайчик, и приблизилась к первому дому правого ряда улицы. Тишина. Не видно ни души. В середине села, на пригорке, виднеется большое здание – по-видимому, школа.

У входа в дом оставляю наблюдателя, трех человек посылаю в следующий дом, покрытый железом и обнесенный забором. С остальными вхожу в хату. Хозяева – старик и старуха – ошолбенели от испуга.

– В селе есть немцы? – спрашиваю.

Старуха тихо заплакала, а старик, придя в себя после замешательства, прикрикнул на нее строго:

– Чего стоишь? Корми людей чем бог послал! – После этих слов он ответил на поставленный вопрос, понизив голос: – Ваших нету, а они есть... В школе проживают.

– Сколько их?

– А кто их знает? С полета, наверное.

Старуха поспешно положила на стол две буханки черного, как земля, хлеба, увесистый кусок сала и в большую глиняную миску выплеснула крынку молока, бросив на край стола несколько деревянных ложек. Мы накинулись на еду, мигом разорвав на куски хлеб. Но это приятное занятие было прервано вбежавшим в хату наблюдателем.

– Немцы! – проговорил он растерянно.

– Что еще есть из продуктов? – спрашиваю хозяев.

– Рады бы, да ничего больше нет наготове, – отвечает старик как бы с сожалением.

– А картошка? – возразила хозяйка, указывая глазами на два неполных мешка, стоящие у дверей.

– Берите картошку и к своим. В лес, – торопливо говорю товарищам, ни к кому конкретно не обращаясь.

Охотники вызвались тут же: два бойца подхватили мешки на плечи, опрометью кинулись из хаты. Сало я втиснул в карман шинели. Хозяева остались в помещении, а мы вышли.

– Товарищ капитан! – перебивая друг друга, заговорили подбежавшие бойцы, посланные в соседний дом. – Во двор нас не пустили. Мы пробовали перелезть через забор, но хозяева спустили двух собак...

Выслушивать докладчиков не было времени. К дому, стоявшему напротив через улицу, бежали немцы, перепрыгивая через канаву. Они заскакивали за жердевой забор и просовывали винтовки в просветы между жердями, направляя их в нашу сторону. Фашистов, одетых в примелькавшуюся форму мышинного цвета, в высоких сапогах и без шинелей я насчитал 20 человек. Нас разделяло расстояние не более 20 метров; фигуры немцев четко проглядывались через решетку забора. Оглядевшись, оценивая ситуацию, я заметил, что мои бойцы бросились наутек к лесу. Кроме меня, на месте оставались капитан Дворянчиков с карабином и лейтенант-танкист с трофейным автоматом: капитан стоял слева, а лейтенант – справа. Командовавший немцами офицер, с винтовкой на изготовку, шагнул из-за забора и выкрикнул, коверкая русский язык: «Русь, сдавайся! Бросай гевер! Их будет стреляйт...»

Не задумываясь над ответом, так как мысль напряженно искала выхода из пикового положения, я почти машинально отпарировал ультиматум: «Мы тоже будем стрелять. Лучше не стреляйте – и мы уйдем».

Немец весело загоготал и шагнул за забор. Мгновенно засверкали огоньками и затрещали выстрелы: стреляли по нам и тем нашим товарищам, что устремились к лесу, используя большое количество трассирующих пуль, оставлявших золотистые нити трасс. Хотя фашисты стреляли с упора, но торопились, давая промахи.

«Пали по забору!» – крикнул я лейтенанту, вооруженному автоматом, и мы с Дворянчиковым, виляя из стороны в сторону, чтобы затруднить немцам попадание, открыли огонь из карабинов. Нетрудно было почувствовать, что наш автомат молчит. Бросив взгляд направо, я увидел, что лейтенант опустил автомат вниз стволом, стоит неподвижно и навзрыд плачет. Чтобы задеть его за живое, возбудить самолюбие, подзадорить и вывести из оцепенения, кричу ему возмущенно: «Стреляй, сволочь! А если трус – беги!» Но случилось противоположное тому, что я ожидал: лейтенант мигом сорвался с места и что есть духу побежал по поляне, преследуемый пулями немцев. Отстреливаясь и пятясь назад, мы с Дворянчиковым стали медленно отходить. Я ясно видел, как два немца, бросив винтовки и цепляясь руками за забор, беспомощно сползали на землю. Стрельба на какое-то время стихла, но затем вспыхнула с новой силой. Пули пронизывали наши шинели, пролетали под мышками, между ногами, мимо ушей, но цели не достигали: стрелки, видно, были далеко не снайперами.

Пройдя метров пятьдесят, я стал задыхаться от напряжения – и физического, и нервного, взмок от пота. Вдруг натыкаюсь плечом на угол бревенчатого сарайчика. Обрадовавшись возможностью отдышаться, укрывшись за сарайчиком, я круто повернулся и шагнул за угол. В этот самый миг почувствовал сильный удар, из глаз брызнули искры, раздался какой-то треск. Впечатление такое, будто по правой руке огрели острым топором. Едва удержавшись на ногах, я на мгновение задержался за бревенчатым углом, но укрытия не нашел: с другой стороны еще одна группа немцев простреливала и обратную сторону сарайчика, за которым я рассчитывал перевести дух. Пришлось идти дальше без задержки. Но отстреливаясь я больше не мог: правая рука беспомощно повисла и не повиновалась; карабин, надевшийся ремнем за локоть, тянул к земле. Пальцы произвольно скрутились в кулак и не разжимались. Не поняв вначале, что, собственно, произошло, я попытался расправить пальцы правой руки с помощью левой, но это не удавалось, они снова скручивались. Через какой-то промежуток времени из руки хлынула кровь, залил кисть и склеив пальцы. Только теперь я понял, что ранен. Окидываю тоскливым взором поляну. Вблизи корчится упавший солдат, унесший мешок с картошкой; он силится подняться, опираясь на мешок, но не может и вертится на одном месте, делая круги ногами на окровавленном снегу. Поравнявшись с ним, подбадриваю беднягу: «Мужайся, друг! Ни слова немцам о нашей группе». Раненый ничего не ответил.

Обильная потеря крови, которую я не мог и не пытался остановить, вызвала нестерпимую жажду, хотелось пить, губы и язык пересохли и не повиновались. Жадно хватаю левой рукой снег и заталкиваю в рот. Вижу еще двух упавших на поляне товарищей. Один из них с трудом поднялся и пошел дальше: ему попала пуля в скулу и застряла, благо не была разрывной; кровь залила ему правую часть лица и струилась, свертываясь в бурые комки, по рукаву шинели.

Тем временем капитан Дворянчиков оказался метрах в шестидесяти впереди меня и расстояние между нами увеличивалось: я шел гораздо медленнее товарища. Кричу Дворянчикову: «Подожди меня! Возьми мой карабин!» Но капитан не внимлет моему призыву, делает пару выстрелов и ускоряет шаг. «Я ранен, возьми карабин!» – продолжаю подавать голос, стараясь перекричать шум стрельбы. Тогда Дворянчиков ложится и ведет стрельбу до тех пор, пока я не поравнялся с ним. Он берет у меня карабин и висевший на шее

бинокль, и мы идем дальше. Когда мы достигли середины поляны, преодолев половину расстояния до спасительного леса, немцы перестали стрелять и вприпрыжку побежали за нами; они стремительно приближались. Что делать? Имея в руках два карабина, Дворянчиков не мог стрелять, не остановившись и не положив на землю лишний карабин. Я же никак не мог левой рукой вынуть из кобуры пистолет, висевший на правом боку. Немцы нас могли захватить, если бы я не уловчился извлечь из кармана ручную гранату и поставить ее на боевое положение, зажав между ног и оттянув рукоятку левой рукой, чтобы вставить запал. Брошенная граната вынудила немцев плюхнуться на землю. Один из преследователей так и не поднялся, а два его собрата подхватили и поволокли беспомощное тело в деревню. Тем временем Дворянчиков помог мне извлечь из кобуры пистолет и я мог отстреливаться. При подходе к лесу немцы от нас отстали, постояли на месте, пока мы вошли в лес, и вернулись в село.

Удивительно и трудно объяснимо то, что стоявшая на опушке леса и наблюдавшая картину нашего избиения кучкой фашистов наша группа не пришла нам на выручку. Какое-то оцепенение сковало волю и омрачило рассудок отнюдь не трусливых людей. А полковник Маслов, больной и еле передвигавшийся, не нашел, видно, в себе сил распорядиться, заняв позицию рядового наблюдателя. Поэтому я был зол на своих больше, пожалуй, чем на немцев. Эти, по крайней мере, делали свое дело.

Выбившийся из последних сил и истекший кровью, застывшие хлопья которой висели на пальцах и рукаве, я сел на пень. Глядя на меня, А.Г. Маслов откровенно заплакал, казня себя за то, что разрешил мне идти в село. Сижу на пне вспотевший, страдая от мучительной боли не только в раненой руке, но и во всем теле, но никто не спешит остановить все еще сочащуюся кровь и перевязать рану. Я не выдержал и сорвался: «Что же вы, черт вас побери, уставились на меня как баран на новые ворота и ничего не предпринимаете?! Перевяжите руку!» Грубый упрек подействовал: вокруг меня засуетись, забегали. Подвели девушку в солдатской шинели. Она боязливо приблизилась ко мне, но, видно, не знает, что делать, и медлит, вздрагивая от вида запекшейся крови. При девушке не было ни санитарной сумки, ни чего другого из медицинских принадлежностей.

– Вы медсестра или нет? Говорите честно, – спрашиваю, повторив вопрос несколько раз.

Девушка замялась и растерянно, еле слышно, ответила:

– Я телефонистка.

Пришлось отстранить подставную «медсестру», и она, смешавшись, молча отошла в сторону. Выручил пробравшийся сквозь толпу старший лейтенант медицинской службы – военфельдшер с медицинской сумкой через плечо, назвавший себя Шаповаловым. Деловито и неторопливо он извлек из сумки ножницы и отрезал по локоть окровавленный рукав шинели вместе с рукавами гимнастерки и шести пар белья. Обнажилась рука: пуля вошла ниже локтя с внутренней стороны правого предплечья и, ударившись о кость, разорвалась, вырвав клочок тела, разорвав сухожилия и выворотив наружу осколки белой кости. Осмотрев рану, лекарь полил ее йодом и, не трогая концов сухожилий и осколков кости, вырезал из еловых веток несколько упругих прутиков и приложил их вдоль руки. Затем все это забинтовал марлей из двух перевязочных пакетов, из-под которых моментально проступила свежая кровь. Кем-то брошенным полотенцем он подвесил раненую руку к шее.

Опасаясь, что немцы, вызвав подкрепление, предпримут облаву, полковник Маслов забеспокоился и распорядился уходить подальше от села. Надо было перебраться через реку Утру, несшую хлопья шуги. В своем положении я не мог, как поступили другие, ни раздеться, ни снять плотно обтянувшие ноги сапоги и плыл одетым. Благополучно удалось достичь противоположного берега, отойти подальше и развести костер, чтобы обсушиться и отогреться. Сушиться мне пришлось ничего не снимая, усевшись у костра и суя в огонь то одну, то другую ногу. Повалил пар, но ни сапоги, ни одежда так и не просыхали.

На избранном нами маршруте, пролежавшем между двумя параллельными шоссевыми дорогами, ведущими к Москве через Можайск и через Малоярославец, мы встречали много групп и отдельных военнослужащих, вышедших из окружения. Одни из них, подобно нам, шли с оружием, в военном обмундировании со знаками различия и с личными документами; другие выбирались без оружия, содрав с шинелей петлицы и нарукавные нашивки; третьи, переодевшись в случайно добытую штатскую одежду и уничтожив личные документы, шлялись по лесам, не желая присоединиться ни к какой организованной группе. Иногда встречались группки и таких, которые шли в обратном направлении, стремясь незаметно рассеяться по селам или, в крайнем случае, как они откровенно признавались, сдать в плен.

Однажды мы заночевали в глубине густого леса, через который пробираться в темноте оказалось невозможно. Среди ночи на костер подошла группа людей во главе со знакомым мне еще по штабу округа человеком К., сделавшим необычную служебную карьеру в предвоенные годы и слывшим в мирное время чуть ли не героем. Война его застала в звании полковника. Подошедшие были одеты в самую разнообразную штатскую одежду и как попало. При них не было ни оружия, ни документов. Греясь у нашего костра, пришельцы, видимо уверовавшись в правильности избранного ими способа выхода из окружения, стали настойчиво советовать нам последовать их примеру: уничтожить документы, бросить оружие, переодеться в гражданское и, выдавая себя за невоеннослужащих, идти в более безопасной обстановке.

– Попадете к фашистам в военной форме и со знаками различия, с оружием и офицерскими документами, да еще с партбилетом, знаете, что они с вами сделают?! Особенно с теми, у кого обнаружат партбилет. Как вы докажете, что не члены партии? – пугал и знакомый мне полковник. Он страшно удивился, не сумев сдержать возмущения, услышав, что никто из нас не собирается уничтожить партбилет и попадать в плен. Что если и случится кому невольно попасть в лапы врага, то никто из нас не станет скрывать, что он командир Красной армии и коммунист. Что трусливо унижаться перед врагом мы не будем, что бы ни случилось. Пришлось с возмущением напомнить собеседникам о верности солдатскому долгу и военной присяге. Получив отпор и не добившись желаемого, советчики поспеш-» но ретировались.

До этой неприятной встречи у нас вообще не возникало вопроса о плене: мы об этом, во всяком случае, не говорили; само собой разумелось, что о сдаче в плен не могло быть и речи. Мы руководствовались единственным стремлением: выбраться из оккупированного района, перебраться через линию фронта и соединиться с войсками Красной армии, чтобы продолжать организованную борьбу. Теперь вопрос о плене, вызванный встретившимися горе-воиками, невольно подвергся короткому обсуждению. Не вдаваясь в словесные споры, мы единодушно порешили: ни при каких обстоятельствах живыми в плен не попадать. Поэтому каждый из нас выделил в НЗ один пистолетный или карабинный патрон на тот случай, если без его помощи станет невозможно избежать плена.

В один из дней повалил обильный снег и началась пурга.

Мы шли без привала весь день озябшие, мокрые и голодные.

К вечеру подошли к селу Форово. Разузнав, что немцы в селе были, но утром ушли, без лишних прений заходим в село и размещаемся по хатам, не спрашивая разрешения хозяев. Наши люди снимали для сушки одежду, кроме меня, не имевшего возможности раздеваться из-за раны и сушившегося у пылающей печки одетым. Хозяева нас покормили, чем могли. Из разговоров с местными жителями выяснилось, что ближайший немецкий гарнизон расположен в соседнем селе, кажется Петровском, в 5 километрах от Форово. Полковник Маслов решил дать людям поспать в тепле, оставаясь в селе до утра. Выставив сменяющихся ежечасно наблюдателей, отряд предался сну, заполнив по крайней мере два десятка хат.

На рассвете наблюдатели подняли тревогу: «Немцы!» Выйдя из дома, мы увидели изогнутую полудугой цепь автоматчиков, охватывающих село с трех сторон. В цепи виднелись ведомые на поводках овчарки. Медлить было нельзя. Тех, кто оказался под руками, послали по хатам поднимать людей и сматываться в ближайший лес, в противоположную от противника сторону.

Как же немцы узнали о нашем ночлеге в Форово? – вопрос этот встал сам по себе, но выяснять его не было времени.

И все же кто-то из сочувствовавших нам жителей сообщил с возмущением, что одна женщина, у которой наши солдаты самовольно зарезали поросенка, ночью сбегала к немцам и сообщила им о нас, чтобы отомстить за поросенка.

Поспешно покидая хату, где кроме Маслова и меня ночевали капитан Дворянчиков, полковник Синявский и еще кто-то, мы встретились с серьезным затруднением: полковник Синявский, разболевшийся приступом язвы желудка, идти дальше наотрез отказался, отклонив нашу готовность нести его, если он не сможет передвигаться самостоятельно. Полковник, замечательный человек и прекрасный армейский инженер, незадолго до окружения награжденный орденом Красного Знамени, не захотел нас обременять и сковывать своей беспомощностью, не сдавался, успокаивая нас, что его спрячет от фашистов хозяйка дома; он с ней, дескать, договорится. Разговор слышала хозяйка. Она заголосила и стала кричать, что выдаст полковника немцам, как только они появятся. «Зачем я буду жертвовать жизнью своей и своих детей?» – слышался вопрос сквозь рыдания молодой женщины. Заниматься препирательствами время не позволяло, а полковник все же продолжал утверждать, что сумеет договориться с хозяйкой, и мы уступили. Полковник Синявский остался в селе. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Ускользнув в лес, мы недосчитались нескольких своих товарищей: по-видимому, их в спешке не разбудили. Не оказалось и офицера – представителя Генерального штаба старшего лейтенанта Кабанова. Это выяснилось несколько позднее. А пока мы устремились в лес, преодолевая трехсотметровое расстояние открытой местности. Тем временем немцы вошли в село и открыли беспорядочную стрельбу длинными очередями. Пройдя село поперек, они вышли на поляну и, ускорив движение, устремились за нами. Видя, что мы вот-вот достигнем леса, преследователи отпустили рвущихся с неистовым лаем собак и заулюлюкали. Огромные звери настигли нас в два счета. Несколькими выстрелами некоторые из них были уложены на месте. Владея только одной рукой, я из пистолета ранил черного пса, изготовившегося схватить меня за горло. Собака жалобно заскулила и завертелась на одном месте. Остальные овчарки кинулись обратно и больше близко к нам не подступали. Псы невольно напоминали своих хозяев: смелых и дерзких, когда имеют дело со слабым и беспомощным противником, а когда побиты, то становились жалкими и даже льстивыми. В глубине леса фашисты нас преследовать не стали.

Как-то, переходя разделявшую стройный березовый лес дорогу, утопая по колени в перемешанную со снегом грязь, несколько впереди мы заметили мотоколонну противника, сделавшую остановку, чтобы дать, по-видимому, остыть перегревшимся моторам. Перебраться незамеченной через грязную дорогу большой группе уставших людей было непросто. Колонну мы заметили, когда маскироваться уже было поздно. На первый взгляд немцы не обратили на нас внимания и никак не среагировали. Но это только показалось. Группа автоматчиков скрытно обошла лес и на выходе из него сделала засаду. Ничего не подозревая, наша группа, сильно растянувшись, проходила лес. Впереди, на зрительной связи, шли мы с Дворянчиковым. Дело в том, что я был единственным человеком, имевшим топокарту и компас. Хотя карта была полмиллионка, не совсем удобная для прокладывания маршрута, но все же помогала ориентироваться, выдерживать нужное направление и следить за местом своего нахождения. К тому же, будучи раненным, я ни к чему другому не годился, поэтому выполнял роль проводника.

Чистый, с опавшей листвой березовый лес заканчивался густой ельниковой опушкой. Как только мы подошли вплотную к непроглядываемому ельнику, ожидавшие нас в засаде немцы поднялись, нацелили нам в грудь автоматы и заорали: «Хальт! Хенде хох!..»

Это произошло так неожиданно, что мы инстинктивно, по-видимому повинуясь голосу самосохранения, что есть духу шарахнулись обратно, виляя между толстыми березами. Немцы открыли огонь и сбили с меня фуражку. Я бросился назад за фуражкой, оставаясь без которой не мыслил. Хватая фуражку, я вдруг столкнулся с дюжим немцем, ударившись плечом о его плечо. Мы оба упали. Схватив бесценный головной убор, я бросаюсь вслед за Дворянчиковым. Наша колонна тоже повернула обратно и, стихийно распавшись на группы, побежала по лесу. Засада, строча из автоматов на ходу, рванулась за нами, в то время как другая группа фашистов, появившаяся сбоку, бросилась нам наперерез. Противники перемешались, стреляя куда попало. Инцидент кончился тем, что мы, заимев еще пятерых легкораненых, потратили полсуток, пока не собрались в соседнем лесу. Это происшествие и трудности как продолжать путь, так и пропитаться такой большой группой вынудили нас, обсудив создавшееся положение, изменить способ действий. По общему согласию мы разбились на отдельные взводы по 40 человек. Каждый взвод получил направление движения и должен был следовать дальше самостоятельно. Было условлено, что взводы время от времени будут поддерживать между собой живую связь, сходясь в намеченных местах. Однако нашему взводу, где были Маслов, Дворянчиков и я, ни с одним взводом встретиться так и не удалось.

6

Теперь мы шли небольшим, организованным и более маневренным подразделением. Легче стало идти и добывать что-нибудь съестное, хотя последнее облегчилось ненамного. Пришлось почти вообще избегать населенных пунктов: по-прежнему истощали нас голод и холод. От боев с превосходящими силами мы уклонялись, что не составляло большого труда, а встречавшихся на лесных дорогах отдельных вражеских солдат и групп из нескольких человек мы легко отправляли к праотцам; иногда их уносили от нас быстрые ноги.

Все больше и больше встречалось частей противника, двигавшихся по всем проезжим дорогам; населенные пункты были наводнены немцами. После разделения мы прошли почти без приключений двое суток. День выдался ясный и теплый: снег таял, воздух наполнился исходящим от согретой земли паром. Изголодавшись до крайности, мы искали случая добыть что-либо съестное. И вот такой случай подвернулся. Выходим на опушку леса и видим поляну, метрах в двухстах от опушки – небольшое селение, не значившееся на карте. Между хатами немцы неторопливо возились у машин и повозок, чистили и кормили лошадей, мылись, раздевшись до пояса. Между нами и селом пасутся овцы. У меня родилась мысль захватить овцу и съесть ее, сварив на костре в глубине леса. Но как это сделать под боком и на глазах у противника? Подумав, обращаюсь к товарищам:

– Кто без промаха стреляет из пистолета?

– Я! – самонадеянно отвечает лейтенант-артиллерист, видимо разгадав замысел.

– Бей по ближайшей самой большой овце! А вы, – обращаюсь к двум расторопным красноармейцам, – выскакивайте на поляну вслед за выстрелом и хватайте убитую овцу – и в лес. Сегодня будет у нас шашлык.

Лейтенант не дал промаха, и бойцы моментально втащили увесистую овцу в лес. Немцы, всполошенные выстрелом и увидев нас, встревожились, загорланили и забегали: они хватили автоматы и собирались кучками. Но нам было не до них; наше устремление целиком поглотила так легко добытая овца. Но тут случилось непредвиденное: солдаты тащили в глубь леса овцу, а за ними бежало два маленьких, прелестных черных ягненка, за которыми

следовал и плакал мальчик лет семи. Увидев эту картину, молча наблюдавший происходящее полковник Маслов задержал мальчика и заговорил с ним. Тот сквозь слезы сообщил, что он пас овец. А эта убитая овца – его; она у них единственная, и мама его прибьет за эту овцу. Полковник ласково погладил мальчика по голове (шапку он держал в руке) и велел забрать ягнят и идти домой. Мальчик перестал плакать, подхватил на руки маленьких сирот и ушел обратно.

Забравшись поглубже в лес, пройдя километра четыре, мы сняли с овцы шкуру, разрезали тушу, большую часть мяса сварили в котелках на костре и с величайшим аппетитом съели. Мясо нам показалось вкуснее любого деликатеса на свете, хотя мы его ели без хлеба и соли. Шкуру разрезали на две ровные части и обмотали ими ноги полковника Маслова, обвязав телефонным проводом. Таким образом шкура заменила сапоги полковнику. Дело в том, что Маслов страдал радикулитом, ноги у него настолько распухли, что не влезали в сапоги, и он последние дни шел с трудом, опираясь на палку. Сапоги его, разрезанные в нескольких местах для увеличения размера, совсем было развалились. Полковник неоднократно настойчиво требовал оставить его, чтобы освободить группу от обузы, сдерживающей скорость движения, но мы ему отвечали, что без него не сделаем и шагу, и он продолжал идти с нами, принимая адские муки. И вот повезло с овечьей шкурой – в какой-то мере выручила.

Мы уже собрались идти дальше, заканчивая укладку в заплечные вещмешки мяса, оставленного впрок, как на нас набрели немцы, прочесывавшие лес. Завязалась перестрелка. Мы стали уходить, но немцам удалось разобщить наш взвод на две группы. Маслов шел медленно, и мы с Дворянчиковым старались держаться около него, прикрываясь огнем и поддерживая полковника под руки, когда он совсем терял способность двигаться. С нами оказалось 17 человек; другая часть взвода ушла быстрее, и немцы увязались за ней, потеряв нас из виду. В этой схватке были утеряны мешки с драгоценным мясом. Без отбившихся от нас товарищей и без мяса мы не нашли возможным продолжать путь и заночевали в том же лесу. Наутро пошли искать товарищей и мешки с мясом. Поиски результатов не дали: судьбу товарищей выяснить не удалось, а мешки, наверное, подобрал немцы.

Возобновив прочесывание окрестных лесов на второй день, немцы снова напали на наш след и оттеснили на опушку леса, перед которой шла дорога к близкому селу. Лес кончался вырубленным участком с пнями и негустыми березовыми побегам. Дальше пути не было: впереди открытая местность, село и дорога, по которой двигалась большая смешанная колонна противника; сзади приближалась прочесывающая лес цепь пеших и конных автоматчиков. Мы залегли между пнями и притаились, всматриваясь в проходящую мимо колонну. И вот видим в колонне идущих под конвоем нескольких наших товарищей, отбившихся от нас вчера. Вид пленных товарищей подействовал на нас удручающе: говоря откровенно, захотелось плакать от беспомощности и отчаяния. Тем временем послышались голоса и замелькали между деревьями силуэты немцев, густой цепью двигающихся прямо на нас. Что делать? Выхода никакого. Конец неминуем. И все же в моем сознании теплилась какая-то смутная надежда: авось случится чудо – и мы спасемся. Чертовски не хотелось умирать, да еще так неприглядно. Смотрю на лежащих плотной кучкой товарищей и вдруг вспоминаю детство, родителей, сестер и братьев; мысль молнией проносится по пройденному жизненному пути. Наверное, такое состояние посещает человека, приговоренного к смерти, в последние минуты перед казнью. Товарищи осматривают пистолеты и карабины, взводят курки. Некоторые, в том числе Маслов и Дворянчиков, вынули из карманов партбилеты, перелистали их и бережно засунули на прежнее место. Я машинально делаю то же самое. В пистолетной обойме у меня осталось шесть патронов: пять для фашистов и один для себя, сказал я себе. Решено! Пусть подойдут поближе, чтобы наверняка... И вот цепь уже вышла из леса и оказалась на той же вырубленной опушке, где мы лежим. Пора действовать!.. Но в это самое мгновение послышалась картавящая команда командира преследователей, цепь останавливается, автоматчики круто поворачиваются

налево, не дойдя до нас каких-нибудь 20 метров, и выходят на дорогу, чтобы влиться в колонну. Счастливая спасительная случайность: немцы, по всей вероятности, посчитали, что мы улизнули куда-то в сторону; они не могли подумать, что мы притаились почти на голом месте перед самым их носом. Во всяком случае, опасность миновала и мы пошли дальше.

Как-то в ночной темноте мы натолкнулись на небольшой населенный пункт, не обозначенный на карте, и напоролась на сторожевой пост противника. Вспыхнула ракета и повисла прямо над нами. Вторая ракета зашуршала параллельно земле и больно ударила меня в грудь между подбородком и подвязанной полотенцем раненой рукой. Я едва удержался на ногах. Ракета взорвалась, и я стал гореть, зажмурил глаза и свалился грудью в снег. Сбросив впившуюся в шинель шипящую ракету и с помощью мокрого снега подоспевшие товарищи погасили огонь. Но следы пожара на мне остались: обгорели брови и давно не бритая борода, на груди и рукаве выгорело по обширной дыре. Пришлось отойти назад и обойти село стороной.

В пути пришлось наблюдать и такую картину. Сидим на опушке леса перед селом и видим: заходит в село небольшая колонна противника – два-три мотоцикла и бронетранспортер с автоматчиками. Немцы быстро рассыпаются по домам и распределяют на постой ожидаемую воинскую часть. Тихое до этого село оживает – бегают люди, визжат свиньи, кудахтают куры, начинают в неурочное время топиться печи. Через непродолжительное время в село вползает уже большая колонна и солдаты размещаются по домам, умываются, горланят, поют – в общем, развлекаются на привале. А мы, глотая слюны, идем дальше голодные. И это происходит на нашей Советской земле. Досадно и обидно до слез, но делать нечего, приходится терпеть.

Каждый случай встречи с местными жителями где-нибудь на лесной тропе или вблизи населенного пункта нами использовался для расспросов об обстановке. Разные встречались люди, преимущественно женщины и подростки, и все они, за малым исключением, казались неразговорчивыми, отвечали на вопросы нехотя и односложно. Их скудная информация была путаной и противоречивой. На вопрос, как бы связаться с партизанами, они неизменно делали удивленное лицо и говорили, что ничего не слыхали и ничего не знают. Бойцов Красной армии они называли «ваши», а немцев – «они».

По мере приближения к Москве все чаще и чаще нам говорили, что столица занята немцами и что «их» колонны идут в Москву на зимовку. Слухам этим мы не верили. А не верили, признаться, не потому, что считали это невозможным, а потому, что не хотелось верить. С учетом случившегося в первые месяцы войны не верить тоже не было основательных аргументов. Поэтому, чтобы поверить в слухи или опровергнуть их, надо было искать убедительные факты. И такие факты иногда появлялись. Когда мы выходили темной ночью на возвышенное открытое место и с помощью топокарты и компаса определяли направление на Москву, порой замечали световые вспышки на ограниченном пространстве в темном небе. Не представляло труда догадаться, что это явление не что иное, как разрывы снарядов зенитной артиллерии, отражающей налеты вражеской авиации на столицу. А раз прикрытие Москвы продолжается и ее бомбят немцы, значит, столица держится, защищается. Это был веский довод в пользу того, что слухи о падении Москвы ложные. И мы уверенно продолжали путь к Москве.

Я бы покривил душой, если бы не сказал, что нами обсуждался вопрос, как быть, если к нашему подходу к Москве она окажется в руках немцев. Вопрос этот обсуждался, и мы пришли к такому решению: случись с Москвой такая трагедия, мы в нее не пойдём, а обойдем с севера и будем продолжать путь, пока не соединимся со своими.

Последним населенным пунктом, в котором мы побывали на занятой противником территории, было маленькое село Лезня, километрах в двадцати пяти западнее Наро-Фоминска, не значившееся на моей карте. К нему наша группа подошла к вечеру. На небольшой скошенной лужайке, примыкающей к лесу у самого села, два крепких, средних

лет мужика брали из стога сено и грузили его на бричку. Подходя к ним, мы руками подали знак, чтобы они не боялись и подпустили нас, не убегая. Мужики спокойно рассказали, что немцев в селе нет: были прошлой ночью, но с утра уехали в Москву, где их ждут готовые зимние квартиры. Они обменялись загадочными взглядами и оговорились, что в селе уже несколько дней живет немецкий солдат, разместившийся в школе с учительницей; немец, дескать, ежедневно прохаживается по селу, наблюдая за порядком. На вопрос, чем они могут подтвердить падение Москвы, собеседники сослались на приехавшую из Москвы девушку-студентку, видевшую своими глазами, как немцы входили в город. «Она комсомолка, врать не должна», – пожал плечами один из рассказчиков, назвав фамилию девушки. Мы тут же вошли в село, разделились и вошли в две крайние хаты. Их обитатели рубили капусту. С явным опасением и с нескрываемым нежеланием, но поспешно нас покормили, чем могли, и дали в запас немного черного хлеба. Намерение отыскать и отправить по назначению пристроившегося к учительнице немца вызвало многоголосый плач женщин, умолявших не трогать «фрица», иначе фашисты за него отомстят селу. Маслов все же послал двух бойцов за немцем, но он куда-то скрылся вместе с учительницей и потому избежал кары.

Это было в последних числах октября. Со свидетельницей падения Москвы мы поговорили лично. Она сказала:

– Я выехала из Москвы 16 октября, когда город захватили немцы.

– На чем вы ехали? – спрашиваем.

– На поезде до Наро-Фоминска.

– А вы видели хоть одного немецкого солдата в Москве?

– Нет, не видела. Но мне говорили, что они пришли.

– И в это время ходили до Наро-Фоминска поезда? Их что, обслуживали немцы? Вы это видели? – посыпались вопросы.

Девушка смешалась и заплакала:

– Я ничего толком не знаю... простите, товарищи. Спросите лучше у Лукича, он вчера пришел из Наро-Фоминска и знает...

Бодрый старик, одетый по-городскому, жил недалеко и появился незамедлительно. Мы не успели задать ему вопрос, как он сам заговорил:

– Не верьте никакой брехне. Москва как была, так и есть наша. Дальше Нары немец не прошел. Я вчера все видел сам. Фрицы, – сказал старик с улыбкой, – влезли в Наро-Фоминск только до реки. А за Нарой наши. Идет пальба через речку. Вот и весь сказ. А вы говорите – Москва. Где там!

Как нельзя было поверить путаной болтовне девушки, так нельзя было не поверить старику. Теперь перед нами встал вопрос, как и в каком месте выйти к реке Нара и перебраться через линию фронта.

7

Ободренные сведениями, что Москва живет и защищается на дальних подступах и что до линии фронта осталось рукой подать, мы почувствовали прилив сил и доброй надежды. Обуревала потребность деятельности. Быстро созрел план перехода линии фронта. Реку Нару на участке между Наро-Фоминском и Таширово я хорошо знал: всего полгода назад мы, слушатели Военной академии имени М.В. Фрунзе, неоднократно решали на местности в тех местах тактические летучки. В моем представлении сохранилось впечатление, что река в этом месте не является сколько-нибудь серьезным препятствием, ее можно перейти чуть ли

не по камушкам. Поэтому я взялся вывести группу к реке именно здесь. Но чтобы туда добраться, надо было прежде пройти примерно 25 километров по местности, наводненной противником. Причем по мере приближения к линии фронта плотность вражеских войск увеличивалась: это мы знали как дважды два. Теперь уже ясно виделась конечная цель нашего похода, которая должна была подвести черту под нашими физическими и моральными страданиями. Терять время не хотелось: все были заражены нетерпением скорее добраться до переднего края и перемахнуть его, чтобы обрести радость соединения со своими войсками и выполнить поставленную нам ближайшую задачу. Но идти предстояло не только быстро, но и более осторожно, не напороться на немцев, избегать ввязываться в бой, что могло или вообще сорвать наше стремление, или задержать его. Было решено за наступающую ночь подойти к линии фронта, день использовать для выбора места перехода и с наступлением темноты преодолеть рубеж, разделяющий воюющие стороны. Всего сутки решали нашу судьбу: придем или погибнем. Другого не дано.

Всю ночь шли без шума и без остановок, обходя стороной населенные пункты, бдительно переходя дороги и не заходя в места, где была опасность встречи с врагом. И это удалось.

По разбитым и грязным дорогам тяжело тянулись колонны немцев: неистовый шум перегруженных двигателей слышался далеко, помогая нам ориентироваться и поглощая шум наших шагов. Иногда мы подходили к группе застрявших машин, возле которых надрывались фашисты, безуспешно стараясь вытолкнуть грузовики из глубокой колеи, и смирно наблюдали за их работой. Так и подмывало пугнуть пришельцев из карабинов и пистолетов. Но патронов оставалось считанные единицы, гранат не было вовсе, да и ввязывание в драку теперь не входило в наши планы. Первая половина ночи была темным-темна, а ближе к рассвету облачность стала рассеиваться, появилась луна. Просветление помогало идти, но затрудняло маскировку. Проходя мимо опушки большого леса между Смоленским и Шапкином, мы заметили специальные машины и автобусы с пробивающимся сквозь зашторенные окна светом – какой-то крупный штаб. Перед машинами на поляне стояло человек тридцать немецких офицеров, что-то громко обсуждавших. Затаив дыхание и не выказывая признаков встревоженности, проходим мимо метрах в пятидесяти. Стоявшие, обратив на нас внимание, стали окликать нас, видимо приняв за своих, но мы молча ускорили шаг. Тогда один из немцев отделился от группы и скорым шагом увязался за нами, требуя остановиться. Пройдя метров сто, любопытный остановился и затем возвратился обратно. Пронесло и на этот раз. Наступал рассвет, но мы уже углубились в лес северо-восточнее Шапкино, не доходя до реки Нары между Наро-Фоминском и Таширово километра три. Наро-Фоминск ярко горел, далеко освещая окрестную местность. В порозовевшем небе прямо над нами пролетели четыре истребителя, покачивая крыльями с близкими сердцу красными звездами – первая живая весточка о своих. Увидев свои самолеты, все 17 человек молча переглянулись и расплакались; это были слезы неопишуемой радости. Самолеты нам показались роднее родной матери, с которой так давно не виделись.

Последний день на занятой врагом территории мы провели в лесу, осмелившись даже развести костер, в расчете, что фашисты не заподозрят присутствия в их боевых порядках группы советских воинов. Поодаль немецкие связисты прокладывали линии связи, забираясь на телеграфные столбы; соблазн поснимать их пулями пришлось преодолеть. Невдалеке от нас, на лесной поляне, занимала огневую позицию артбатарея, она время от времени бухала, посылая визжащие снаряды куда-то в сторону реки. Сомнений не оставалось: линия фронта проходит по Наре, преодоление которой приведет нас к своим. Вечером, еще до наступления темноты, на батарее загрохотало, застучало, заскрежетало железом, слышались громкие голоса. Как только стемнело, батарея снялась и шесть орудий на конной тяге прогрохотали мимо нас; артиллеристы меняли позицию. Мы съели остававшиеся крохи захваченного в Лезне хлеба (оставлять его про запас больше не было смысла), проверили оружие,

подсчитали и разделили поровну патроны и изготовились к последнему броску, решавшему судьбу каждого из нас.

Отпустив батарею подальше, мы выстроились гуськом один за другим и, прислушиваясь и соблюдая тишину, двинулись к реке. Впереди шел я в качестве проводника, знающего местность, за мной Маслов, тяжело переставляя опухшие ноги, обмотанные сырой овчиной, за ним Дворянчиков и далее остальные. Вышли из леса и оказались на поросшем кустарником болоте, подернутом сверху коркой льда, с хрустом проламывающегося под сапогами. Идти было трудно и опасно: услышат. Заметив впереди слева небольшую возвышенность, поросшую несколькими соснами, и желая выйти на твердое, если не сухое место и передохнуть, идем к соснам. Тишину разрывает окрик: «Хальт!» Брякнул затвор винтовки. Часовой требует пропуск на своем языке. Мы отворачиваем в сторону и, ускорив шаг, удаляемся. Вслед один за другим раздаются три винтовочных выстрела. Местность мгновенно оживает: в небо летят яркие ракеты, застрекотала автоматная стрельба, послышались длинные лающие очереди пулеметов «МГ», окрест зашумели крикливые голоса. Мы оказались обнаруженными противником во всей суровости положения, в самой гуще вражеских боевых порядков: тут не спрячешься! С готовыми вырваться из груди сердцами, мы побежали к реке, сильно растянувшись. Справа, слева, сзади бегут и стреляют на ходу всполошенные преследователи. Наскакиваем на землянки и, спотыкаясь через искрящиеся железные трубы на их перекрытиях, приближаемся к берегу. Прыгаем с крутого двухметрового обрыва и перед самой водой ложимся на песок. Берег на какое-то время укрывает от шальных пуль. Пылящие пожарища Наро-Фоминска ярко освещают окрестность, русло реки видно как на ладони. Но река не такая, как я ее знал: полноводная, ширина ее зеркала метров тридцать – сорок, у берегов небольшая припайка льда. На противоположном берегу никаких признаков жизни, лишь белеют штабеля березовых дров. На передний край нашей обороны что-то не похоже.

– Поплыли!.. – сквозь шум стрельбы и приближающихся голосов слышу не то приказ, не то вопрос Маслова.

Маслов и Дворянчиков быстро раздеваются, связывая поясами одежду. Остальные медлят. Я тоже не спешу.

– Ты что не раздеваешься? Не поплывешь?! – закричал мне в ухо Маслов. Он, видно, забыл, что я из-за раненой руки раздеться не могу.

– Давайте! Я за вами, – выкрикнул я, с тоской глядя на черную ледяную воду и свою подвязанную руку. Извлекаю из кармана пистолет и сую его на грудь за борт шинели. Вхожу в воду, когда Маслов и Дворянчиков оказались уже на середине реки, толкавшие перед собой обмотанные вокруг карабинов узлы одежды, стянутые поясами. Ледяная вода больно резанула по ногам и животу, полы шинели всплыли и на минуту поддерживают меня на воде. Затем намокают и цепко тянут вниз. Собрав все силы, старательно работая здоровой рукой и обутыми в сапоги ногами, обгоняю Дворянчикова, почему-то барахтающегося на одном месте. «Вперед, Иван!» – кричу замешкавшемуся товарищу, но он не отвечает: или не слышит, или не имеет сил сказать слово. Немцы выскакивают на берег и, стоя во весь рост, палят из автоматов, поднимая пулями частые брызги на реке. Оглядываюсь и замечаю, что поплыли мы только втроем. Остальные 14 человек прижались к берегу, на котором, прямо над ними, стоят и стреляют немцы. По-видимому, товарищи замешкались, не решаясь с ходу броситься в реку, а когда преследователи подбежали к берегу, то побоялись подставлять себя под пули на воде, чтобы продлить жизнь хотя бы на несколько минут. А вообще-то кто знает, что они думали в эти секунды.

Тем временем Маслов достиг берега и, ломая припайку льда, медленно выбирается из воды. Вот он уже встал на ноги, держась одной рукой за березу. Не обращая внимания на стрельбу, полковник смотрит на меня, едва приближающегося к берегу. Чем ближе блестел перед глазами берег, тем меньше у меня оставалось сил: ноги задеревенели и почти не шевелились,

рука стала бессильной грести. Теряя способность держаться на воде, я терял и способность сопротивляться смерти.

С каждой секундой желание жить все настойчивее оставляло меня, и, когда я был уже в каком-то метре от спасительного берега, это желание полностью пропало. Я уже не стал чувствовать боли в руке, перебитые кости предплечья которой смещались и хрустели. По всей видимости, при физическом и моральном перенапряжении наступает момент, когда смерть становится единственным избавлением от невыносимых страданий. Не чувствуя сил удержаться на воде, я уже решил прекратить борьбу и идти ко дну, как Маслов, чутьем уловив мою беспомощность, стал кричать умоляющим голосом: «Нажми, дружок, еще чуть-чуть! Еще, еще немного! Хватайся за палку!..»

Услышав ободряющие слова, я заметил перед самым носом конец палки, протянутой полковником. Ну, думаю, попробую последний раз, и, если не ухвачусь, тогда уже – на дно. Окунув лицо в воду, наугад вырываю из воды руку и хватаюсь двумя пальцами за скользкий конец нетолстой палочки, вот-вот готовой выскользнуть. Алексей Григорьевич почувствовал это и осторожно, плавным движением стал тянуть палку на себя. Подтащив таким образом меня к самому берегу и держась одной рукой за дерево, а другой схватив меня за воротник шинели, мой спаситель выволок недвижимое тело на берег. Я тут же свалился на мерзлую землю. В это время Дворянчиков, барахтаясь по-прежнему на середине реки, вскрикнул отчаянно: «Помогите, тону!..» – и скрылся под водой. Маслов рванулся, намереваясь броситься обратно в воду спасти товарища, но я ухватился за полу его хрустящей льдинками шинели и удержал. «Минутку, пусть вынырнет», – сказал я полковнику тоном совета. Вдруг на месте, где только что был Дворянчиков, заклекотали пузыри, хорошо видимые и слышимые. Дворянчиков не вынырнул: наверное, в него попала пуля. Тем временем на противоположном берегу послышались крики и завязалась свалка: немцы прыгали с берега к воде и бросались на оставшихся там наших товарищей. Разделенные рекой, помочь им мы ничем не могли. Оставалось спешить к своим и просить о помощи.

По болотистой ложбине схваченного морозом ручейка, дрожа от холода (мороз был градусов десять – пятнадцать, а мы промокли до костей), идти было невозможно, не то что спешить. И мы вышли на возвышенный берег ручья и пошли от реки в обход Наро-Фоминска с севера. Вокруг стояла тишина, если не считать доносившуюся до нас сзади стрельбу и редкие артиллерийские выстрелы далеко позади и где-то впереди. Сначала шли мы молча, не решаясь заговорить после пережитого потрясения. Наконец Маслов прервал молчание:

– А вдруг мы вместо своих напоремся снова на немцев. Что будем делать? Спички намокли, костра не развести. Если не убьют немцы, то все равно замерзнем. Нужно только к своим. Но что-то подозрительно: никто не обороняется на берегу. А ведь это удобный рубеж...

– Жалко будет стреляться после всего, что было, – сказал я. – Будем надеяться на лучшее. Не зря же где-то впереди слышна артиллерийская стрельба. Наши стреляют.

Перекинувшись этими невеселыми фразами, мы прошли вдоль высокого берега оврага с полчаса, не встретив ни души. Наконец свершилось.

– Стой, кто идет! – прогремел приглушенный бас из кустарника на дне оврага. – Пропуск!

Мы остановились и стояли молча, думая, что ответить.

– Какой там пропуск! – отозвался я наконец, не дождавшись реагирования Маслова, еле державшегося на еще больше распухших ногах. – Поднимитесь сюда, и увидите, кто мы. Пропуска не знаем...

– Нет, спускайтесь вы сюда! – повелел тот же бас.

Мы спустились. В овраге сидела разведгруппа из 30 человек во главе со старшим лейтенантом. Разведчики были одеты в новенькие белые полушубки и шапки-ушанки, все с

автоматами. Увидев перед собой полковника и капитана, командир разведчиков обеспокоенно спросил:

– Как же вы оттуда идете? Нас только что там обстреляли.

– А по нас вот не стреляли, – сказал я, выдавливая из себя шутку.

Тратить время на разговоры не было смысла, и мы попросили разведчиков поспешить к реке и оказать помощь оставшимся на том берегу нашим товарищам. Отказавшись выделить нам провожатого и ограничившись сообщением, где найти ближайший штаб, разведчики отправились к реке.

На северо-восточной окраине Наро-Фоминска мы набрали на штаб 6-го полка 1-й московской гвардейской мотодивизии, оборонявшей рубеж реки Нары. Никого из командования в доме, где располагался штаб, не оказалось. Дежурили и охраняли штаб сержант и солдат. Мы разделись догола, если не считать того, что я не мог высвободить из рукава раненую руку, вынули из карманов документы – удостоверения личности и партбилеты – и положили их у печки на табуретки сушить. Сами сели отогреться у раскаленной докрасна круглой железной печки, излучавшей огненный воздушный поток. Появился комиссар полка в звании батальонного комиссара; перекинувшись с нами несколькими фразами, он достал из ящика стола бутылку водки, разлил ее в два стакана. «Пейте, а то недолго и до воспаления легких», – сказал комиссар наставительно. Водка мне показалась тепленькой водой, не больше: ни крепости, ни запаха не чувствовалось. Прибежавшая по вызову женщина-военврач разрешила повязку на моей руке и оголила рану, смыла перекисью водорода запекшийся слой гноя, перевязала рану свежим бинтом и специальной косынкой подвесила руку к шее. Утром мне помогли одеться в высохшее обмундирование. У Маслова сапог не было, а овечья шкура теперь не годилась. Распухшие ноги полковника не влезали ни в какие солдатские сапоги. В поисках выхода послали пошарить в пустых квартирах бывшего военного городка бригады имени Калиновского. Там нашли огромные брезентовые сапоги, оказавшиеся впору Алексею Григорьевичу. После завтрака нас намеревались на пароконной повозке отправить в штаб дивизии, размещавшийся в деревне в 2 километрах от Наро-Фоминска. Но внезапный артналет убил лошадей, и нам пришлось идти пешком. Это было 30 октября.

8

В штабе к тому времени прославившейся и закалившейся в жестоких боях дивизии Алексей Григорьевич Маслов встретил сослуживцев и друзей: объятия, поцелуи, воспоминания, радость встречи. Нас накормили, побрили, привели в божеский вид. Состоялась короткая беседа с командиром дивизии полковником А.И. Лизюковым. Мы рассказали комдиву, как перешли линию фронта, обратив внимание на тот факт, что на нашем берегу реки мы не обнаружили никакой обороны, перешли рубеж, не обнаруженные нашими войсками. Это комдива не удивило.

– Обескровленная в боях, а поэтому малочисленная, дивизия обороняется на широком фронте, – пояснил полковник. – Я удерживаю берег реки по принципу маневра небольшими подвижными группами, состоящими из нескольких танков и пехоты. Когда противник переберется через реку в том или ином месте, я посылаю подвижную группу и она с ходу сбрасывает его в реку. Так вот и держимся.

В тот же день на грузовой машине нас доставили в штаб 33-й армии. Принявший нас начальник оперативного отдела штаба армии полковник Степан Ильич Киносян, также оказавшийся приятелем Маслова, кинулся его обнимать и расспрашивать, оба они прослезились. О нас доложили командованию. Милая девушка в белом халате принесла в кабинет из столовой Военного совета королевский по тому времени ужин: коньяк, черная

икра, белый хлеб, отбивные. Такого угощения мы не знали с начала войны. Улегшись на двух раскладушках с чистыми постелями, мы отоспались в давно забытой спокойной и уютной обстановке. Наутро с нами беседовал начальник штаба армии генерал-майор А. Кондратьев. Встретился я здесь и с довоенным моим начальником, а теперь командиром артиллерии армии генерал-майором Н.П. Афросиным. С командармом генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым встретиться не пришлось, он находился в войсках. Нас ждали в штабе Западного фронта, размещавшемся в Перхушково.

Перед тем как предстать перед высоким фронтовым начальством, мы с Масловым чувствовали себя в крайне затруднительном положении. А беспокоиться было о чем. Ведь после событий на реке Вязьме в ночь на 13 октября мы собрали группу в 280 человек, а пришли вдвоем. Это не означало, что другие не пришли. Наверное, многим удалось соединиться со своими и более благоприятно, но они, быть может, это сделали в других местах и в другое время. Но мы о них ничего определенного сказать не могли. Возникал, естественно, вопрос, кто придумал выход из окружения не компактной массой в составе крупных соединений и объединений, а отдельными группами и без тяжелого вооружения? Никакими военными канонами такой маневр не предусматривался, он родился стихийно, из практики массовых окружений в первые месяцы войны. И родился, скорее всего, потому, что выходить мелкими группами было легче, не требовалось сложной организации, меньше риска. Хотя мы с Масловым и не несли ответственности за избранную тактику, но чувство какой-то вины нас не покидало.

Комендант штаба фронта не хотел пускать нас в штаб и в пропуске грубо отказал: «Вам надо не сюда, а в Усово. Там собирают и проверяют вашего брата – окруженца. Туда и будете отправлены, да еще под охраной», – категорически отрезал он и не стал больше разговаривать. Грубость коменданта, указание о какой-то проверке и особенно обидное слово «окруженец» меня взорвали, и я пригрозил бдительному подполковнику пистолетом. Маслов уже было примирился с такой участью, но я распалился и воспротивился. На вопрос, к кому из начальников мы хотим пройти, я ответил, что к командующему фронтом генералу Коневу. Комендант злорадно рассмеялся и сказал: «У нас такого нет. Вот видите, вы даже не знаете, кто командующий. Как же вас пускать?» С большим трудом удалось преодолеть сопротивление и позвонить по телефону в кабинет начальника штаба. Но и здесь получилось затруднение: запрещалось называть по телефону должность или фамилию начальника, но позывных я не знал и назвал по должности. Телефонистка на коммутаторе ни за что не хотела соединять. Долго пришлось ее умолять, и она на свою ответственность соединила. Трубку взял хорошо знавший меня комиссар штаба бригадный комиссар Сергей Богданович Казбинцев, узнавший меня по голосу. По его приказанию комендант лично провел нас в кабинет начальника штаба. На лестнице нам встретился генерал В.Д. Соколовский, шедший на доклад к командующему фронтом генералу Г.К. Жукову. Только теперь мы узнали, что командует фронтом не Конев, а Жуков. В.Д. Соколовский задержался и задал нам несколько вопросов: где командарм генерал-лейтенант М.Ф. Лукин? Что нам известно о начальнике штаба армии Малышкине? Когда мы их последний раз видели? Знает ли Малышкин, что ему присвоено генеральское звание? Что нам известно о дивизиях, входивших в состав 19-й армии? Зная, что генерал не любит выслушивать рассуждений, умозаключений, предположений и выводов подчиненных, предпочитая достоверные факты, а выводы делает сам, мы в нескольких словах ответили на поставленные вопросы, сообщив лишь то, что видели своими глазами. Вопросы были сложные, а знали мы немного, пропетляв по вражеским тылам за две недели около 200 километров, лишённые связи и всяких источников правдивой информации. Что касается Малышкина, то я был убежден, что о присвоении ему генеральского звания он не знал, и сказал об этом: «Если бы знал, то знали бы и мы; я с ним общался ежедневно по нескольку раз и уверен, что тщеславный комбриг не преминул бы похвастаться оказанной ему честью». Какое значение имел этот незначительный факт, догадаться было трудно; значение это прояснилось позже, когда стало известно, что

Малышкин отдал себя в услужение врагу. Нельзя было не заметить, что В.Д. Соколовский не удовлетворился нашими ответами, но он, как казалось, большего от нас и не ждал. Он приказал ждать в кабинете.

Пока начальник штаба фронта не вернулся, мы сидели в его кабинете и отвечали на вопросы С.Б. Казбинцева, генерала Г.К. Маландина и офицеров-операторов. Создавалось впечатление, что в штабе фронта о событиях, происходивших в окруженных под Вязмой войсках, мало что знали. Наш рассказ оказался как бы новым и неожиданным, по крайней мере в части подробностей. Из этой беседы мы вынесли более ясное подтверждение наших сомнений в том, как уже упоминалось, что способ выхода из окружения четырех армий мелкими группами без централизованного управления, без тяжелого оружия не мог считаться лучшим из всех возможных вариантов. Этот способ был за пределами военного искусства, не вкладывался в рамки любой из форм оперативного или тактического маневра, не оправдывался никакой военно-теоретической концепцией. На войне он родился стихийно, сам по себе, явившись, по всей видимости, следствием полной потери управления войсками, нетвердого и неумелого руководства боевыми действиями, что, в свою очередь, объяснялось сложностью и запутанностью обстановки и невыносимо тяжелыми условиями деятельности командования. Вяземская группировка не была родоначальницей такой тактики, ибо так или примерно так действовали и многие другие окруженные группировки в первые месяцы неудачно сложившейся для Красной армии войны. Но от этого объяснения не становилось легче. Отрадно то, что бойцы, политический и командный состав не впадали в отчаяние даже в такой невыносимой обстановке и продолжали борьбу, кто как мог, глубоко веря в справедливость своего дела и в окончательную победу над врагом. Поэтому немалая часть личного состава окруженных армий, разбившись на группы, вышла из окружения и влилась в действовавшие под Москвой войска, кто сразу, а кто со временем: после лечения или проверки. И все же все это навряд ли может оправдать тот факт, что окруженные армии не сумели прорваться и организованно, как оперативные объединения, отойти к Москве и принять участие в ее защите в критические дни и состоявшемся вслед за этим контрнаступлении. Ведь надежды Верховного командования и руководства Западным фронтом на эти армии не оправдались. Это наглядно видно по судьбе 19-й армии. Вряд ли можно возлагать вину за это на солдат и офицеров попавших в трагическое положение войск. Об этом можно лишь пожалеть и извлечь хотя и горькие, но полезные уроки. Однако вернемся в кабинет начальника штаба фронта.

Пришел генерал В.Д. Соколовский. Он выслушал нас более подробно. Но все, о чем мы рассказали, отошло уже в прошлое. Генерала больше занимало актуальное настоящее и ближайшее будущее; сражение за столицу бушевало с нарастающей силой.

Когда Маслов сказал, что комендант намеревался отправить нас, как окруженцев, в Усово, стараясь выяснить, что это означает, Василий Данилович не мог сдержать возмущения:

– Ни в коем случае! Пропадете! Если кто-либо станет туда вас тянуть, немедленно дайте мне знать. Усово существует не для таких, как вы.

Фронтные операторы попросили оставить нас работать в оперативном отделе. Генерал улыбнулся и сказал:

– Я бы не возражал. Но посмотрите на них: они почти мертвецы. Их надо лечить и приводить в чувство. Идите в медпункт на осмотр. Решим после заключения медицины, – оборвал он беседу, оглядев нас теплыми глазами.

В медпункте с меня сняли бинты и осмотрели руку. Улыбающийся доктор, с которым, пока мы шли, успел переговорить по телефону Василий Данилович, стал выдергивать пинцетом торчавшие из открытой раны белые осколки кости и со звоном бросать их в тазик. Потом большими ножницами безжалостно обрезал концы оборванных сухожилий.

– Да вам требуется, батенька, серьезное и длительное лечение. Счастливи отделались: гангрены нет и рука налицо. Но чтобы ее сохранить, нужна квалифицированная медицинская помощь: осколки убрать, кость срастить, а руку разрабатывать.

Доктор похвалил того, кто оказал мне первую медицинскую помощь. Пока снова бинтовали мою руку, доктор осматривал А.Г. Маслова.

Закончив заниматься нами, доктор не торопясь вымыл руки и поднял телефонную трубку.

– Василий Данилович, – сказал он почему-то весело, – обоим надо в глубокий тыл на длительное лечение. О работе не может быть и речи.

С испорченным настроением мы снова пришли к В.Д. Соколовскому.

– Так вот, друзья, медицина требует вас в свое распоряжение. И надолго. Желаю вам хорошо подлечиться. А теперь в госпиталь! Еще успеете навоеваться.

– Товарищ генерал, разрешите хоть несколько дней побыть в штабе. Хочется узнать, кто еще из наших товарищей придет, – взмолился я.

– Хорошо. Два-три дня разрешаю.

Нас устроили в помещении библиотеки бывших политических курсов вместе с офицерами и генералами, состоявшими в резерве. На второй день явился начальник Хозо. «Приказано вас обмундировать», – объявил интендант. Нас одели во все новое, как одевали офицеров гвардии. Хорошо кормили и выдавали папиросы: по пачке на день, Маслову «Казбек», а мне «Катюшу» – по чинам. Вечером третьего дня нас отыскала юркая медсестра и, не вникая ни в просьбам, ни в протестам, увезла в госпиталь, располагавшийся в том же Перхушково. Маслова поместили в терапевтическое отделение, а меня – в хирургическое, разлучив нас на многие годы. Встретились мы после войны, в начале 50-х годов, когда оба были уже генералами; одно время мы даже служили вместе. Вспоминалась 19-я армия, представлявшаяся нам солдатом, не вернувшимся с войны.

9

Эвакуация в глубокий тыл на длительное лечение привела меня в Магнитогорск. Госпиталь размещался в Доме культуры металлургов. Там мне сделали рентгено снимок и обнаружили раздробленную кость правого предплечья, порыв сухожилий и сидящие в руке металлические осколки – 31 штука – от разрывной пули. Один осколок, вокруг которого образовался нарыв, хирург Бонч-Осмоловский извлек, сделав несложную операцию, а остальные остались в руке навсегда. Руку разрабатывали упражнениями и массажем. Кроме того, я мял пальцами упругий резиновый шарик. Рука стала понемногу действовать, но сгибание в кисти осталось ограниченным. Писать раненой рукой удалось научиться снова, но держать ложку так и не привык, предоставив навечно эту функцию здоровой левой руке. 31 января меня выписали вылечившимся и направили в Управление кадров в Москву для назначения. Из Москвы я был направлен в Саратов в распоряжение командующего Приволжским военным округом, с предназначением на должность начальника штаба стрелковой бригады. Командовавший округом, знакомый мне по фронту генерал-лейтенант С.А. Калинин, своим приказом определил меня начальником штаба 120-й отдельной стрелковой бригады, сформированной в Кузнецке Пензенской области. Мне было присвоено очередное воинское звание – майор.

В первой декаде мая 1942 года сформированная и прошедшая обучение и сколачивание бригада была отправлена по железной дороге на фронт с выгрузкой на станции Мятлевская. Бригада следовала в действующую армию без оружия; вооружить ее было обещано на фронте, в районе предназначения. Такая перспектива с оружием нас не радовала, и я вспомнил, что мой бывший начальник по СКВО генерал-полковник артиллерии Н.Д.

Яковлев теперь возглавляет Главное артиллерийское управление. Появилась надежда, воспользовавшись старым знакомством и благожелательным расположением ко мне начальника ГАУ в прошлом, вооружить бригаду в Москве, через которую следовали эшелоны. Командование бригадой нашло желательным, чтобы я побывал у генерала Яковлева и выпросил оружие; официально мы не имели права к нему обращаться. Но высокопоставленный военачальник, к моему удивлению, вызвавшему глубокое разочарование и обиду, не нашел нужным меня принять и адресовал, при разговоре по телефону, к какому-то полковнику Чуркину: он, дескать, сделает что надо. Я напомнил генералу о себе, сославшись на службу под его началом. Но он не проявил заинтересованности мной, сказав, что встречалась по службе такая фамилия, это он помнит. А я-то думал, что прежний начальник пожелает меня увидеть, поговорить, участливо отнестись к моему делу. Но этого не произошло. Такой оборот меня огорчил, и я к Чуркину не пошел. Вернувшись в эшелон, пришлось сконфуженно рассказать командиру бригады подполковнику Альбикову и комиссару старшему батальонному комиссару Никанорову о полученном фиаско. Бригада уехала на фронт невооруженной. Выгрузившись из эшелонов, части бригады пешим порядком сосредоточились в лесах у Медыни. Бригада поступила в состав 7-го гвардейского стрелкового корпуса, находившегося в резерве Западного фронта.

В июне приказом командующего фронтом Г.К. Жукова я был назначен в штаб 33-й армии на должность заместителя начальника оперативного отдела по вспомогательным пунктам управления. В этой армии мне выпало прослужить на войне два года, до второго тяжелого ранения.

Часть третья

Армия московского народного ополчения

Глава 1

В штабе 33-й армии

1

Случилось так, что я попал для прохождения дальнейшей службы в ту самую 33-ю армию, в полосу которой перешел линию фронта при выходе из окружения в конце октября 1941 года. Что собой представляла эта армия, какова ее история, каков боевой путь – мне почти что ничего известно не было. А офицеру-оператору штаба надо было знать свою армию, и я вскоре уяснил для себя основные вехи ее создания и предшествовавших боевых действий.

В довоенное время 33-й армии не существовало. Она была создана летом 1941 года в трудное время неудачно сложившегося для Красной армии первого периода войны, когда советский народ мобилизовывал все свои силы – людские и материальные ресурсы – на отражение фашистского нашествия: формировались и отправлялись на действующие фронты новые соединения и части, забиралось все, что только возможно. Призывного контингента не хватало, и по призыву партии люди всех возрастов, разных профессий, мужчины и женщины массами шли в военкоматы и добровольно вступали в ряды бойцов, вливались в войска и отправлялись на поля сражений. Те же, что по различным причинам не могли быть посланы на фронт, заменяли ушедших у станков заводов и фабрик, в шахтах, на колхозных полях; многие были заняты на работах по созданию тыловых оборонительных рубежей и укреплений, рытью противотанковых рвов. В одной только Москве летом и осенью 1941 года было создано 15 дивизий народного ополчения, впитавших в себя 165 тысяч москвичей-добровольцев.

В тот период, в июле 1941 года, на базе Московского военного округа, в основном из московского народного ополчения и была сформирована в Москве 33-я армия, вошедшая в состав Группы резервных армий.

В боевые действия армия вступила на реке Десне в районе Ельни, куда вышла в середине августа 1941 года. Отражая яростные атаки превосходящих сил противника в сложных и крайне неблагоприятных условиях, наспех созданная и плохо обученная, с несколоченными штабами, не слаженная как оперативное объединение, она вела упорные бои, теснимая на восток, в районах Спас-Деменска, Мосальска, Вязьмы, Угодского Завода. Во второй половине октября ей удалось задержать продвижение противника на рубеже реки Нары, отбросить его прорвавшиеся части за реку и занять оборону по Наре в районе Наро-Фоминска, не допуская прорыва фашистов к столице с запада.

Немецко-фашистское командование, не сумев добиться решающего успеха севернее и южнее Москвы, 1 октября нанесло сильный удар в центре Западного фронта в полосе 33-й армии в районе Наро-Фоминска. Немцам, ценой огромных потерь, удалось потеснить оборонявшиеся здесь дивизии. Но командование фронтом частью сил 33-й и соседних с ней армий нанесло контрудар и отбросило вклинившуюся группировку за рекой Нарой, причинив врагу значительный урон. Прорвавшуюся на Апрелевку механизированную группу немцев армия полностью ликвидировала, восстановила положение и успешно удерживала занимаемый рубеж до перехода советских войск в общее контрнаступление из-под Москвы в декабре 1941 года. Именно 33-й армии принадлежит честь отразить последнюю попытку врага прорваться к Москве.

Участвуя в контрнаступлении фронта всеми силами, армия освободила города Наро-Фоминск, Боровск, Верея, станцию Износки и многие другие населенные пункты и вышла на реки Воря и Угра, частью сил прорвалась к Вязьме. Но сильным контрударом противник рассек ее растянувшиеся в глубину войска на две части, окружив прорвавшиеся дивизии юго-западнее Вязьмы. Многочисленные попытки армии самостоятельно и с помощью фронта соединиться с окруженными войсками успеха не имели. Окруженные дивизии, возглавляемые командармом генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым, героически сражались, получая эпизодически скудное снабжение самолетами по ночам, пока такая возможность не прекратилась, до апреля 1942 года.

Большая часть окруженных погибла в непрерывных боях, остальные мелкими группами в разное время вышли к своим. Мужественно погиб и командующий армией М.Г. Ефремов. Он не воспользовался разрешением и возможностью вылететь из котла на самолете, не желая оставлять на произвол судьбы подчиненных, предпочтя разделить их трагическую участь до конца.

Тем временем главные силы армии, доукомплектованные личным составом и пополненные вооружением, перешли к жесткой обороне на достигнутом рубеже и продолжали удерживать его.

За полгода жестоких боев в невероятно тяжелых условиях соединения и части, созданные из народного ополчения, закалились, возмужали, укрепились в уверенности в свои силы и возможности, обогатились многообразным боевым опытом и во всех отношениях достигли уровня кадровых соединений и частей; они тоже стали кадровыми, и уже не было оснований называть их ополченческими. Командный и политический состав вырос, приобрел военно-организаторские качества, научился управлять подчиненными войсками и организовывать их взаимодействие, со знанием дела руководить подготовкой и ведением боевых действий. Полевое управление армии, ее командование и штаб достигли слаженности, работоспособности и сколоченности, превратившись в зрелый орган управления войсками. В штабе армии, штабах родов войск и служб, в штабах соединений и частей было много офицеров и политработников, пришедших из московского народного ополчения, бывших сотрудников правительственных учреждений, центральных управлений,

научных и учебных заведений. Все они имели высокое образование, и большинство из них быстро освоило военное дело и успешно справлялось со своими обязанностями. За истекший период армией командовали: комбриг Д.П. Онуприенко, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, генерал армии К.А. Мерецков, генерал-лейтенант М.С. Хозин. Их фундаментальная военная подготовка, многолетний опыт военной службы и дарование способствовали быстрому становлению армии как оперативного объединения. Такой была 33-я армия к тому времени, когда я в нее прибыл на скромную должность.

2

30 июня 1942 года я отыскал штаб армии, размещенный в лесу у деревни Крюково недалеко от станции Износки.

Начальник оперативного отдела, он же заместитель начальника штаба, полковник Степан Ильич Киносян, заместителем которого я назначен, принял меня с радушием и вниманием, вспомнив, что мы уже виделись, когда я, вместе с его приятелем полковником А.Г. Масловым, вышел из окружения в полосе армии. Но новый мой непосредственный начальник нашел нужным предупредить, что мне будет нелегко, хотя я и имею некоторый опыт работы в крупных штабах. Чувствовалось, что он успел просмотреть мое личное дело.

– Конечно, – сказал полковник задумчиво, – все будет зависеть от вас самих. Главное – завоевать доверие командующего и начальника штаба. Они у нас строго-требовательны, отлично знают военное дело и штабную службу, на мякине их не проведешь. – Почему-то он употребил это выражение. – С дельными, честными и старательными людьми считаются, даже прислушиваются, но не терпят возражений, бестактности и неточных, я уже не говорю неправдивых докладов. Это не мешает учесть с самого начала. Сперва вам придется пройти серьезную деловую проверку, показать на деле, что вы знаете и что можете делать сами, что вам можно доверить, прежде чем станете настоящим и полноправным оператором армейского масштаба. Сказать это я вам обязан. А в остальном ориентируйтесь сами. Что касается меня, то я заинтересован, чтобы вы пришли к двору, – завершил первую беседу полковник. Он доложил обо мне по телефону начальнику штаба и повел представлять.

Наспех сколоченный из нетолстых сырых бревен домик состоял из двух комнат: приемной и кабинета. Киносян зашел в кабинет, а мне приказал подождать в приемной. Вскоре позвали и меня. Генерал-майор Александр Петрович Покровский, известный в военных кругах грамотностью и педантичностью штабист-оператор, вышел из-за стола и шагнул мне навстречу. Я представился по-уставному. Генерал протянул мне теплую мягкую руку и недовольно заметил, что я невоспитанный командир.

– Вы, майор, кажется, окончили академию, а вести себя не умеете, – упрекнул он меня, загадочно взглянув на Киносяна. – Начальник без головного убора, а подчиненный смеет заходить к нему в фуражке. Никакого такта...

– Прошу прощения, товарищ генерал! Но в академии и артшколе этому не учили, – попытался я оправдаться, чем вызвал осуждающий взгляд Киносяна.

– Жизнь учит таким элементарным вещам, молодой человек! Жизнь, а не учебные заведения, – сердито отрубил генерал и предложил сесть.

Сняв фуражку, я сел на стул у приставного столика. Генерал продолжал стоять.

– Вот видите, – возмутился начальник еще более, – генерал стоит, а майор расселся, как на именинах. Мы с вами так кашу не сварим.

Я вскочил как ошпаренный и вытянулся по стойке «смирно».

– Что вы можете делать в штабе? Что вам можно доверить? Вас надо учить и воспитывать с самого начала, – ровным голосом, спокойно выговаривал начальник претензии. – Штаб, и

особенно оперативный отдел, следует укомплектовывать культурными, воспитанными и не только грамотными, но и сообразительными командирами, – обратился генерал к начальнику оперотдела.

– Согласен, Александр Петрович, – ответил тот, пронзив меня взглядом больших, с черными зрачками глаз из-под массивных черных бровей.

– Пока я этого не вижу, Степан Ильич, – упрекнул требовательный генерал своего заместителя и сел на свое место.

Мы с Киносяном тоже сели.

Прочитав нравоучения о важности и тонкости штабной службы, о роли командиров-операторов в крупных оперативных штабах, А.П. Покровский дал мне первое служебное поручение.

– Начальник бронетанковых войск полковник Сафир, – сказал он, – завтра утром едет в прибывшую в состав армии танковую бригаду. Вы поедете с ним и вместе разберетесь с бригадой и доложите мне. Свяжитесь с Сафиром и условьтесь о выезде. Можете идти.

С.И. Киносян держал себя с начальником штаба довольно-таки свободно, без скованности и волнений. Меня же представление новому начальству оставило в крайне скверном расположении духа. В душе я проклинал это продвижение по службе. Должность начальника штаба бригады казалась мне теперь невосполнимой утратой. Я вдруг заскучал по командованию бригады, по офицерам бывшего моего штаба.

– Идите в отдел, познакомьтесь с людьми, подготовьтесь к завтрашней поездке. Сафиру я позвоню, – сочувственно сказал Киносян по пути к своей землянке.

3

Выехав в пять часов утра на юркой машине «Бантам», мы с Сафиром через полтора часа добрались по размытой дождем и разбитой колесами проселочной дороге до танковой бригады. Она была сосредоточена на опушке лесного массива и замаскирована ветками деревьев. Но найти ее не представляло труда: глубокие колеи, прорезанные гусеницами танков на рыхлом поле, тянулись от дороги к лесу. По этим следам легко было воздушному разведчику обнаружить танки. Пока полковник Сафир беседовал с командиром и комиссаром бригады, я выяснил в штабе и записал в блокнот все, как мне представлялось, необходимые сведения: укомплектованность материальной частью, личным составом, наличие вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов, запас моторесурсов и т. д. Поинтересовался боевым опытом бригады, в каких боях она участвовала и т. п. Обратил внимание штаба на демаскирующие признаки следов танков, ведущих к месту расположения подразделений, и посоветовал, как замаскировать эти следы.

Идя с докладом к начальнику штаба, предварительно составив короткую докладную записку и показав ее Сафиру и Киносяну, я был уверен, что задание выполнил образцово. Выслушав, генерал задал мне три вопроса одной фразой: из какого района пришла бригада, какой переход она сделали и с какой скоростью двигалась? Ответить на эти вопросы я не мог и растерянно молчал. Я думал выяснить эти вопросы, когда был в бригаде, но постеснялся спросить, не желая попасть в неловкое положение, показав, что заместитель начальника оперативного отдела не знает, откуда прибыла бригада. В штабе это, конечно, знали, и в первую очередь генерал Покровский и полковник Киносян; штаб фронта обязательно должен был сообщить об этом, направляя бригаду в состав армии.

– Вот видите, не знаете, – с явным облегчением заметил генерал. – А еще собираетесь стать хорошим оператором. Оператор не может не интересоваться такими вопросами. Они говорят о маршевой подготовке личного состава, состоянии боевых и транспортных машин,

выносливости и утомленности людей... Я недоволен вами. Доклад не позволяет мне сделать полный вывод о бригаде и доложить командующему.

Утрачивая веру в свои способности, я сокрушенно рассказал о случившемся Киносяну.

– Не принимайте так близко к сердцу замечания начальников, – сказал полковник. – Впереди будет еще хуже, и не один раз. Надо воспитывать в себе выдержку и стойкость. Готовьте себя к худшему. Мало кто на военной службе пожинает одни лавры. Идите и успокойтесь.

На второй день меня снова вызвал С.И. Киносян.

– Начальник штаба, – сказал он, – поручил вам еще одно небольшое дело. Вы должны, после тщательной рекогносцировки, сделать военно-географическое описание полосы армии, обратив особое внимание на определение естественных противотанковых рубежей, отсечных позиций, господствующих высот и т. п. Возьмите с собой топографа, инженера, артиллериста, танкиста, получите сухой паек... На коней – и в путь. Через две недели представите описание с расчетами и отработанные карты. Идите и беритесь за дело; времени мало, не теряйте его зря.

Полоса обороны армии по фронту была около 80 километров и столько же примерно в глубину. объехать верхом на лошадях, изучить и оценить местность на таком пространстве, с определением удобных для обороны позиций, противотанковых рубежей, господствующих высот и полей видимости с них, мест для инженерных заграждений, дорог для маневра резервами и т. п. – все это требовало значительного времени. А если учесть время на оформление материала и составление отчета, то трудно было представить необходимое время даже приблизительно. Рассчитав маршрут и прикинув объем работ, я не мог не прийти к выводу, что потребуется по крайней мере не менее полутора-двух месяцев. К тому же я не видел смысла в этой работе. Армия стоит на месте несколько месяцев и, наверное, изучила местность назубок, оборона организована с учетом ее характера и особенностей – иначе не могло быть. Не оставалось сомнения, что меня проверяют на никому не нужном деле. Как же справиться с поручением? Да еще так, чтобы результаты работы понравились начальству.

На рассвете моя экспедиция двинулась на рекогносцировку. Прошла неделя, а мы объехали и зафиксировали в засекреченных тетрадах и на топокартах не более десятой доли полосы. Полученные на две недели сухари, вобла и сахар кончились. Лошади и люди, работавшие все светлое время, устали. В разоренных оккупацией и почти безлюдных населенных пунктах ничего из продовольствия и фуража нельзя было достать. Задание оказалось под угрозой срыва. Надо было срочно искать какой-то выход.

– Будем держать военный совет, – объявляю членам экспедиции. – Что будем делать?

– Продолжать работу, – раздался голоса, – деваться некуда. В срок не уложиться – это ясно. Ну что ж, попросите прибавить время: дело несрочное, разрешат.

– Что вам, дорогие мои советчики, известно о Военном совете, проведенном фельдмаршалом Кутузовым в Филях под Москвой во времена войны с Наполеоном? – озадачил я товарищей по несчастью. – Так вот: фельдмаршал выслушал единодушное предложение Совета оборонять Москву, поблагодарил подчиненных военачальников за добрый совет и объявил решение: «Повелеваю отступить!»

Товарищи слушали меня с повеселевшими глазами. Сделав паузу, я продолжил шутливо:

– Так и я, используя этот исторический опыт великого полководца, повелеваю отступить! Рекогносцировку прекращаем и возвращаемся в штаб. А там, укрывшись от постороннего глаза, продолжим работу по картам.

Через неделю круглосуточной работы, точно в установленный срок, поручение было выполнено: составлено военно-географическое описание на сотне машинописных страниц и нескольких топокартах с таблицами расчетов и обоснований.

С.И. Киносян принял из моих рук пухлую папку с подчеркнутым безразличием и, бегло перелистав, отнес начальнику штаба. Примерно через неделю начальник отдела сказал мне: – Поздравляю вас с успехом. Генерал доволен вашей работой. Он внимательно прочитал материал и с похвалой отозвался... Заслужить похвалу Александра Петровича удастся не каждому и не часто. Гордитесь.

Лишь после этого меня представили командующему армией генерал-лейтенанту М.С. Хозину и члену Военного совета Р.П. Бабийчуку. Я стал полноправным работником армейского штаба.

Не знаю, это ли было причиной или что другое, но генерал А.П. Покровский с той поры относился ко мне всегда благожелательно, с доверием и душевной теплотой. В армии он был недолго, но мне приходилось много раз с ним встречаться по службе. Когда он был начальником штаба Западного фронта, я в затруднительных случаях ощущал внимательное и участливое отношение Александра Петровича ко мне. Последний раз мы случайно встретились на очередном выпуске слушателей Военной академии Генерального штаба в 1948 году в Москве. Тогда он был одним из заместителей начальника Генерального штаба. В разговоре я ему сказал между прочим, что журнал «Военная мысль» отклонил мою военно-теоретическую статью об обороне городов в современной войне. Статья была вскоре опубликована. Как мне стадо известно, А.П. Покровский позвонил главному редактору и сказал, что меня он знает и уверен в моей способности написать толковую статью. Этого было достаточно.

Но это происходило потом. А пока я вникал в дела оперативного отдела и знакомился с сослуживцами. С некоторыми товарищами сошелся на дружеской ноге с первых дней, ближе всего сдружился с начальником оперативного отделения полковником Шацковым, заместителем отдела майором П.Ф. Толстиком, старшим офицером по изучению опыта войны В.Г. Компанийцем и др. Сдружился и с начальником разведотдела майором Б.К. Ермашкевичем, начальником штаба артиллерии майором Н.А. Смирновым и начальником отдела связи полковником Новарчуком. Это помогло слаженной работе в будущем. Мы обменивались информацией об обстановке и согласовывали выводы из нее, с единым мнением выступали при докладах командованию. Вместе ездили в войска, проверяя совершенствование обороны, ведение разведки, бдительность на переднем крае и в боевых охранениях, подготовку штабов и многое другое. Совместная и дружная работа со старожилками армии помогла мне быстрее изучить штабы и войска, найти себя в новом коллективе и стать своим человеком в армии.

Часть третья

Армия московского народного ополчения

Глава 2

Августовская наступательная операция

1

33-я армия, в составе Западного фронта, стояла в обороне, прикрывая Москву с запада, имея перед собой соединения 9-й армии противника. Обе стороны зарылись в землю, создав эшелонированную позиционную оборону; солдаты обжились в лабиринтах траншей и ходов сообщения, в многочисленных блиндажах, деревоземляных боевых сооружениях и землянках. Боевые действия ограничивались поисками разведчиков и перестрелкой. Задача

армии заключалась в том, чтобы бдительно следить за действиями противостоящего противника, совершенствовать оборонительные позиции и не допустить прорыва противника в случае его перехода в наступление на Московском направлении. Такая задача с группы армий «Центр» немецким командованием не снималась, и фашисты готовились возобновить наступление на Москву, как только возникнут для этого условия, определявшиеся событиями на юге.

Главные события войны в это время развивались на южном крыле советско-германского фронта. Туда были направлены основные усилия и внимание Верховного командования, большая часть людских и материальных ресурсов, часть сил изымалась с пассивных направлений и отправлялась на юг. Немцы делали то же самое.

Наряду с главной задачей – оборонять Москву, перед Западным фронтом, а значит, и перед 33-й армией в частности, встала задача не дать возможности противнику снимать стоявшие перед нами войска и перебрасывать их на юг, а также привлечь сюда часть резервов, предназначенных на решающие в данный момент направления. Однако пассивным стоянием в обороне эту задачу не решить. Необходимо было держать противника в напряжении, сковывать и удерживать перед собой все его наличные силы и реальной угрозой вынудить усиливать противостоящую нашему Западному фронту группировку. Одним словом, требовалось предпринимать активные боевые действия внушительной силы, ибо ведение разведки боем и тактические булавочные уколы на том или ином участке в условиях позиционной обороны желательных результатов не давали: применявшиеся для разведки боем части несли большие потери и, как правило, успеха не добивались. Противник их или вообще не допускал на свой передний край, или немедленно отбрасывал в исходное положение, не привлекая для этого глубоких резервов. Чтобы показать противнику, что растягивать боевые порядки и уменьшать резервы перед нами рискованно, следовало наносить внушительные удары, хотя бы и с ограниченной целью, но все же приводящие к улучшению оперативно-стратегического положения наших войск, к захвату и удержанию инициативы.

Поэтому по указанию Ставки в июле – августе 1942 года Западный фронт, в рамках стратегической обороны, предпринял ряд наступательных операций, главной из которых была Ржевско-Сычевская, проводившаяся совместными усилиями Калининского и Западного фронтов. Активные задачи ставились и армиям, действовавшим на других направлениях.

И вот в июле 33-й армии была поставлена задача: подготовить и в августе провести армейскую наступательную операцию с целью решительно прорвать оборону противника на Вяземском направлении и, глубоко вклинившись в его оперативное построение, овладеть Вязьмой. Армии предстояло провести наступательную операцию самостоятельно, при поддержке фронтовой авиацией и усилении артиллерии. Для создания наступательной группировки предусматривалось снятие части сил и средств с неатакуемых участков за счет растягивания фронта дивизий и сосредоточения высвобожденных сил к участку прорыва. Из резерва фронта армии передавался 7-й гв. ск в составе 5-й гв. сд и четырех отдельных стрелковых бригад, нескольких частей фронтовой артиллерии и ГМЧ «РС», в том числе бригады «РС» БМ-31. Прорыв обороны противника предусматривалось осуществить на узком фронте, позволяющем создать минимально необходимую плотность артиллерии. На части ГМЧ, и особенно на бригаду М-31, возлагались большие надежды: они должны были ошеломить противника неожиданностью и мощностью взрывов, подорвать стойкость, посеять панику и уменьшить способность немцев к сопротивлению. Операция рассчитывалась на внезапность и готовилась в глубокой тайне, с привлечением крайне ограниченного состава исполнителей.

К началу подготовки операции опытного начальника штаба генерала А.П. Покровского в армии уже не было, его перевели с повышением в штаб фронта. Начальником штаба стал полковник Киносян, а начальником оперативного отдела полковник Шацков. Меня они

привлекли к разработке плана операции и к составлению боевых приказов соединениям в полном объеме как исполнителя решений и указаний командования, а также давали различные поручения с выездом в войска в период организации взаимодействия.

Полевое управление армии с подготовкой и проведением самостоятельной операции в условиях позиционной обороны, с применением новых средств борьбы, встретилось впервые, не имея опыта, и многие из нас столкнулись с рядом новых и неясных вопросов; пришлось учиться на практической работе. Появлялись затруднения, и допускались ошибки, вызывавшие нервозность и недовольство командующего.

2

Принимая решение на наступление и ставя задачу штабу и начальникам родов войск и служб на планирование и подготовку операции, генерал-лейтенант М.С. Хозин предъявил чрезвычайно высокие требования. Он рассчитывал на полное нарушение системы огня противника на участке прорыва и флангах до районов огневых позиций артиллерии, подавление артиллерии и минометов, разрушение деревоземляных огневых сооружений (дзотов) и участков траншей, уничтожение командно-наблюдательных пунктов. Намеревался сковать резервы, не допустить их к участку прорыва и с развитием наступления расширить прорыв путем сматывания обороны немцев в стороны флангов.

Все это требовало значительных сил и средств. А их не хватало. Встала необходимость выявить и выделить, особо для огневого удара, наиболее важные объекты и цели. На противостоящего противника, о котором, казалось, штаб почти все знал, пришлось посмотреть другими глазами, под конкретным и целенаправленным углом зрения. Оказалось, что у нас разведанные слишком общие, зачастую скудные, многое надо было выявлять вновь и уточнять координаты. При тогдашних технических средствах разведки это было крайне трудной задачей.

Предстояло прорывать развитую позиционную оборону полевого типа с минными полями и проволочными заграждениями. Рассчитывать на успех можно было только при самом детальном и тщательном планировании действий, скрупулезной расстановке сил, решительности и смелости личного состава, объединенного и направляемого жестким и гибким управлением.

После кропотливой многодневной работы командиров, штабов и политорганов всех степеней была создана наступательная группировка, спланирован удар. Но бригада М-31 опаздывала: шла она издалека по размытым дождями и разбитым дорогам. Поэтому начало артподготовки, а следовательно, и атаки несколько раз откладывалось. Хотели было уже начинать без бригады, но командующий артиллерией генерал-майор В.С. Бодров упросил командарма отложить еще на два часа, так как бригада на подходе и вот-вот будет готова к залпу. Генерал М.С. Хозин приказал мне сходить к находившемуся у нас на КП члену Военного совета фронта Н.А. Булганину и доложить ему о последнем решении. Н.А. Булганин сидел на скамейке у отведенного ему блиндажа под ласкающими лучами утреннего солнца. Не ответив на приветствие и выслушав доклад без интереса, высокий начальник не сказал ни слова. Кивком он дал понять, сделав недовольную мину на лице, что я могу идти. Наверное, он таким образом выражал недовольство, что не сам командарм ему докладывает. В это время подходила, обворожительно улыбаясь, молодая смазливая дама Марина, заведовавшая столовой Военного совета. По-видимому, она шла спросить гостя, что приготовить на обед. Заметив ее, Н.А. Булганин оживился, засиял лицом, молодецки поднял свое грузное тело и, расплывшись в улыбке, пошел ей навстречу, протягивая руки. Я ушел с осадком грустной обиды: мне он не подал руки, не сказал ни слова, хотя я ему докладывал о важном деле по поручению командарма. А женщину, обращающуюся с пустяками, встретил с трогательным радушием. Наверное, он не придавал значения такому мелкому факту и не

подозревал, какой резонанс вызовет в моей душе его поступок. Но мне это неприятно запомнилось навсегда.

Перенос начала атаки, да еще неоднократный, отрицательно сказывался на настроении изготовившихся к наступлению войск, ронял тень неуверенности и остужал боевой пыл. У командиров и штабов нарастало беспокойство, что противник может разгадать наш замысел и обрушиться артиллерией и авиацией на плотные боевые порядки войск в исходном положении. Элемент внезапности, на который мы рассчитывали, мог пропасть. Но вокруг стояла мертвая тишина, и без того отягощавшая томительное ожидание. У бойцов и командиров невольно появилось лишнее время на размышление над ожидавшим их ближайшим будущим.

3

Наконец залп бригады М-31 разорвал тишину, возвестив о начале артподготовки. Земля вздрогнула, потрясаемая сплошным гулом артиллерии, воздух закипел шипением «Катюш»; мощные взрывы, взметавшие столбы земли и выбрасывавшие вверх бревна из перекрытий блиндажей, смерчевидно встали на стороне противника. Картина была впечатляющая, возбуждала радостные чувства и боевой порыв у личного состава. Танки, сбросив маскировку, вышли из выжидательных районов и, развертываясь в боевой порядок, устремились к переднему краю, перевалили последнюю траншею. Вслед за танками, выбравшись из траншей, цепями побежала пехота. Огонь артиллерии переметнулся с переднего края в глубину. Низко над землей полетели группы фронтовой авиации, направляясь на подавление артиллерийских позиций и резервов противника. Первое время немцы не отвечали, потрясенные и оглушенные таким невиданным огневым ударом. Это позволило атакующим войскам почти беспрепятственно и без потерь преодолеть нейтральную полосу, проволочные заграждения, минные поля и на ряде участков занять первую и вторую траншеи. Затем оборона противника стала оживать: заговорила артиллерия из глубины и с флангов участка прорыва, ответный гул постепенно нарастал, включались в дело уцелевшие минометы и, по мере продвижения наступающих, разгоралась пулеметная и автоматная стрельба. Над полем боя появились разведывательные самолеты, а за ними группы истребителей и бомбардировщиков противника.

Во второй половине дня немцы предприняли ряд контратак, сначала слабых, а затем все более и более мощных. Темп продвижения то замедлялся, то снова нарастал. Наступила ночь, а бои продолжались – тяжелые и упорные. Наши войска, оставляя за собой массу изуродованных трупов своих и немецких солдат, растерзанную боевую технику и вооружение, изрытую воронками землю, методически продвигались вперед, с большим трудом взламывая отчаянное сопротивление врага.

Расширение прорыва в стороны флангов оказалось чрезвычайно трудным: противник не только пресекал попытки свернуть оборону, но и мощными контратаками при поддержке авиации, бомбившей с пикирования, настойчиво пытался подрезать вклинившиеся войска под корень. Пришлось на отражение этих попыток привлечь часть войск, артиллерии и инженерно-саперных подразделений за счет ослабления сил на направлении главного удара.

По мере углубления и расширения прорыва линия фронта удлинялась, плотность боевых порядков уменьшалась не только в связи с растягиванием фронта, но и в связи с большими боевыми потерями. Темп продвижения замедлился. После ввода 7-го гв. ск наращивать удар было, по существу, нечем.

За две недели непрерывных боев наступательной группировке армии удалось, ценой значительных потерь и чрезмерного напряжения физических и моральных сил людей, продвинуться на глубину до 30 километров и расширить прорыв на 25–30 километров, освободив от фашистов десятки населенных пунктов. Но отпущенный лимит боеприпасов

иссякал, сопротивление нарастало: немцы цепко держались за каждую высоту, за каждый населенный пункт, за каждый выгодный для обороны рубеж и предпринимали контратаки уже целыми дивизиями, перебрасывая их с неатакованных направлений и из глубины. Пленных было всего несколько десятков: фашисты боялись сдаваться и отчаянно дрались до последней возможности.

4

ВПУ не организовывалось, и меня вместе с другими офицерами штаба и в одиночку посылали то в одну, то в другую дивизию для уточнения обстановки на месте, помощи штабам и контроля за действиями войск. В ходе боев я побывал и в 120-й отдельной стрелковой бригаде, из которой недавно убыл, ее батальоны вели тяжелый бой в лесу, неестественно перемешавшись с противником. Многие офицеры даже штаба бригады были убиты или ранены, некоторые из них лежали на траве в ожидании эвакуации в госпиталь или похорон. Начальник тыла бригады капитан Федулов сидел на бруствере окопа контуженный, из ушей его текла кровь, и он ничего не слышал. Увидев меня, он болезненно искривил лицо и громко закричал: «Здравия желаю, товарищ майор!..» Оказывается, оглушенные люди не слышат своего голоса и неестественно громко кричат, вместо нормального говора.

Вместе с военным прокурором бригады, моим приятелем по бригаде Наумом Гижко, находившимся тут же в боевых порядках, мы наблюдали за ходом боя, доходившего до рукопашных схваток. В 100 метрах позади нас находился полуразрушенный немецкий блиндаж. Вдруг возле нас с визгом стали ударяться о землю пули. Стреляли сзади, но в шуме боя выстрелов слышно не было. Гижко высказал предположение, что стреляют из блиндажа, мимо которого мы только что прошли. Так и оказалось. Сделав по нас еще два выстрела и промахнувшись, засевший в блиндаже немец успокоился, когда в его убежище была запущена ручная граната. Бригада за сутки боя потеряла треть своего состава, но продолжала сражаться. Командир бригады подполковник Альбиков с почерневшим лицом сидел в окопе на небольшом бугре и следил за боем. Резервов у него не было, боеприпасы кончались. То в одно, то в другое подразделение он посылал офицеров штаба. Пробирались они ползком, поэтому подолгу не возвращались. Командир сидел большей частью молча. Было заметно его глубокое переживание из-за тяжелых потерь в людях, выучке которых он отдавал все силы последние полгода. Альбиков попросил меня доложить командарму о необходимости вывести бригаду из боя и доукомплектовать. Но сменить ее было нечем, и она продолжала бои.

Возвратившись в штаб, я получил новое задание лично от генерала Хозина: отправиться на правый фланг, в полосу 50-й стрелковой дивизии, куда распоряжением фронта прибывала в состав армии еще одна танковая бригада. Я должен был встретить бригаду и вывести ее в боевые порядки 50-й сд с задачей нарастить удар и развить наступление. Эта дивизия, понесшая большие потери и остановленная противником, вела огневой бой в крайне невыгодных условиях. Немцы обороняли плоскую, мягко поднимающуюся высоту с пологим скатом, обращенным в сторону наших войск: Это был сильный тактический рубеж, позволявший противнику просматривать и обстреливать весь боевой порядок дивизии, подразделения которой лежали в низине под высотой на виду у немцев. В непосредственном тылу тянулся заболоченный лес. За передним краем перед фронтом дивизии виднелись растянутые по гребню голой высоты поперек фронту два населенных пункта. Один из них назывался Бабье, а другой – Цветки. Их разделяло расстояние в 1 километр, и мы условно именовали их Бабьи Цветки. Это были основные опорные пункты удерживаемого противником рубежа, господствующие над окрестной местностью. С захватом этих пунктов нашими войсками противник терял тактически выгодную позицию и должен был откатиться до следующего удобного для обороны рубежа.

Мы условились с командиром дивизии генерал-майором Н.Ф. Лебеденко, что прибывшую танковую бригаду следует ввести в бой для захвата этих пунктов и развития успеха в глубину.

Для действий совместно с танкистами Лебеденко выделил полк, лежавший перед высотой. Я отправился разыскивать бригаду, чтобы вывести на рубеж атаки. Командира бригады со штабом я нашел у ручья на поляне, окаймленной мелким кустарником. Вокруг, замаскированные ветками деревьев, рассредоточенно располагались танки. Командование завтракало на расстеленном брезенте. Представляюсь командиру бригады и сообщаю о цели своего приезда, о боевой задаче бригады, поставленной командармом и уточненной командиром дивизии. Молодой на вид подполковник, в синем комбинезоне и в сдвинутом на макушку танковом шлеме, принял меня недоверчиво и недружелюбно. С мальчишеской амбицией он назидательно стал разъяснять мне, что не танкисту трудно понять, что значит для танкистов двухсуточный переход, утомивший механиков-водителей. Что танки, дескать, надо осмотреть, подрегулировать двигатели, заправить горючим и маслом... Не дослушав его до конца, я спокойно спросил, когда бригада сосредоточилась в этом районе? Оказалось, что она стоит уже около трех часов.

– Хотя я и не танкист, а артиллерист и выполняю задачу общевойсковой офицера и не берусь спорить с танковыми специалистами об особенностях танковых войск, но позволю себе заметить, что времени, которым вы располагали, было достаточно для обслуживания боевых машин. Через три часа назначена атака, – сказал я. – За это время вам надлежит не только вывести бригаду на рубеж атаки, но и увязать взаимодействие с дивизией на местности. Высказанные вами затруднения необоснованны и не могут быть причиной откладывать наступление; о переносе времени надо докладывать командарму. Командуйте готовиться к выступлению, а тем временем я уточню вам маршрут и рубеж развертывания. – Развернув перед танкистом карту, я продолжал, не дав подполковнику снова развязать полемику: – Бригада пройдет по лесной дороге и выйдет на рубеж развертывания за один час. Дорога тяжелая, покрыта слоем жидкой грязи, но проходима. По этой дороге я проехал верхом. После выступления вам необходимо выскочить вперед, к командиру дивизии, и, пока танки подойдут, согласовать с ним порядок атаки. Подавайте команду!

Но упрямый танкист возмутился:

– Я уже проверил дорогу. По ней танки не пройдут. Чтобы попасть на ваш рубеж, мне надо идти в обход заболоченного леса. А это добрых 15–20 километров по размокшей местности. Когда я туда приду? Вы подумали? На это потребуется три-четыре часа. Дозаправиться, дать отдых людям, подготовиться к бою – и день прошел. Раньше утра бригада в бой не вступит! Это не по карте измерить циркулем, а прорезать землю-матку гусеницами. Вам понятно, товарищ майор?..

– Бригада пойдет указанным мной маршрутом по кратчайшему пути через лес! – категорически заявил я.

Офицеры штаба молча наблюдали наши препирательства.

– Я на это не пойду! Топить танки и рвать моторы в заболоченном лесу я отказываюсь и никакой ответственности на себя не возьму. Военный трибунал мне не простит такую глупость. А с вас, штабника, спрос невелик, – выпалил командир одним духом и отошел в сторону.

Когда я ехал через лес по болотистой жижке дороги, то исследовал ногами коня глубину болота. Ноги утопали в грязи сантиметров на десять – двадцать. Под грязью чувствовался твердый глинистый грунт. У меня не было сомнений, что танки на малой скорости пройдут. Но упорство командира бригады поставило меня в затруднительное положение: согласиться с ним – значит не выполнить поручение. Как это оценит командарм, гадать не приходилось.

– Кто из танкистов обследовал дорогу? – обернулся я к стоявшим тут же офицерам.

Ответа не последовало. Ясно, что этим никто детально не занимался. Один лишь офицер оперативного отделения старший лейтенант Шумилин неуверенно сказал, что он прошел метров тридцать по этой дороге в начале леса: сверху жидкая грязь, а под грязью дорога тверда. Танки пройдут. Во всяком случае, попробовать можно...

– А кто будет вытаскивать застрявшие танки? И чем? – вмешался строптивый командир, возмущаясь.

Офицер осекся на полуслове и замолчал.

– Значит, не поведете бригаду через лес? – спрашиваю командира.

– Это невозможно. Не поведу! – отрубил подполковник. – Пойду в обход, это будет вернее. Командующему доложу сам.

Он поймет.

Надо было искать выход из положения. Я стал уточнять боевой состав и готовность бригады к выступлению. В строю оказалось 36 танков трех типов: советские малютки Т-70 и английского производства МК.П и МК.Ш, называвшиеся «Матильда» и «Валентайн». Машины новые, в хорошем состоянии, с достаточным запасом хода. Экипажи их успели осмотреть и дозаправить. Люди позавтракали, но после ночного перехода не выспались. Пытаясь сломить упрямство командира, говорю:

– Чтобы выполнить поставленную задачу, за переход через лес ответственность беру на себя: на это время вступаю в командование. Вы снова примете на себя командование на противоположной стороне леса.

Такой оборот дела оказался для танкиста неожиданным, и он смешался, неуверенно проговорив:

– Кто вам дал такое право, майор? Отстранить меня от должности может только командарм и старшие начальники.

А вы рядовой офицер штаба и для меня никто. Вашему решению я подчиниться не могу. За бригаду отвечаю я, – рассуждал обеспокоенно подполковник. Но было видно, что упрямство его поколеблено.

– За переход через лес будем отвечать вместе, – пытаюсь найти компромисс, – а если и с этим не согласны, то я один отвечу. От должности я вас не отстраняю, а лишь хочу помочь вам. О праве говорить не будем, оно определяется выполнением боевой задачи. Не следует терять время.

Бригада выступила. Впереди ехал я на своем коне, а за мной бороздили грязь танки. За час заболоченный лес остался позади. Командир бригады смущенно пожал мне руку, благодаря за помощь. Но этот маленький переход не остался без потерь. На подъеме при вытягивании из леса один танк Т-70, двигавшийся замыкающим по разбитой колее, надавил днищем на заглубленную в грунт мину и подорвался. Экипаж погиб.

После поспешной подготовки и короткого огневого налета началась атака. Бабье и Цветки встретили атакующих шквалом огня: из противотанковых орудий, пулеметов и автоматов. Шесть танков загорелось. Но остальные с ходу перевалили оба населенные пункты и скрылись за скатом высоты. Пехота, постепенно отставая от танков, продолжала продвигаться. За бугром простирался лес с большими прогалинами. В центре полосы наступления дивизии виднелась прямоугольная поляна шириной метров восемьсот. Она с обеих сторон ограждалась густым высоким лесом и упиралась тоже в лесной массив, но не очень густой. Поляна тянулась километра на полтора в глубину. Командир дивизии перенес свой наблюдательный пункт к основанию поляны и решил для развития успеха ввести через

эту поляну полк второго эшелона. Мы с генералом Никитой Лебеденко стояли у разрушенной немецкой землянки, наблюдая за полем боя. Полк густыми цепями вошел на поляну. Его фланги справа и слева едва не упирались в лесные опушки. Вдруг на правом фланге полка вдоль всей опушки взметнулись разноцветные ракеты, и сразу же вся опушка зарябила вспышками пулеметных и автоматных очередей. Это противник обрушился огнем по правому флангу полка. Полк оказался под губительным огнем на открытой местности. Пули свистели и над нашими головами.

Я, повинувшись инстинкту самосохранения, плюхнулся на землю, а генерал продолжал стоять, игнорируя опасность. «Ложитесь, товарищ генерал!» – дернул я его за полу шинели. Но он даже не шевельнулся. Пуля сбила фуражку с генеральской седой головы, но он не стал ее поднимать, а весь как бы загоревшись, не отводил глаз от кипящей боем поляны. Без какой бы то ни было команды, с ходу, правофланговый батальон развернулся вправо и с криком «ура» кинулся на лес, из которого стрекотала свинцовая смерть. После кратковременного жаркого боя полк продолжал наступление вслед за танковой бригадой, далеко уже оторвавшейся от пехоты.

В самый разгар этой неожиданной схватки с врагом я наблюдал, лежа в траве, как пожилой генерал Н.Ф. Лебеденко спокойно стоял под градом пуль, приговаривая: «Оцэ бой! Давно не бачыв такого славного бою...»

Полк подвергся смертельной опасности и понес потери в людях из-за оплошности разведки. Успех танковой бригады, прорвавшейся в глубину, снизил бдительность и внимание разведки. Она не заметила, что, пропустив танки, батальон немцев укрылся в лесу и из засады в удобный момент обрушил огонь на незащищенный фланг полка.

Тем не менее наступление продолжалось. К вечеру дивизия продвинулась на 6 километров, захватив пленных и четыре противотанковых орудия. Танковая бригада проникла в расположение противника километров на двенадцать. Но, далеко оторвавшись от пехоты и потеряв связь с дивизией, наступившей ночью танки почти без потерь вернулись в боевые порядки пехоты. Командир бригады утверждал, что можно было продолжать успешное наступление, если бы не отставала пехота. Но у пехоты, не защищенной, как танкисты, броней, другие возможности. Командарм возмущался отходом бригады, обвиняя командира ее если не в трусости, то в нерешительности. Но дело было сделано. Общий успех дня оградил танкистов от больших неприятностей.

Обративший на себя внимание и оставивший у меня хорошее впечатление старший лейтенант Анатолий Шумилин по моей инициативе был переведен в штаб армии и зарекомендовал себя дельным офицером оперативного отдела, где прослужил до окончания войны.

В те дни у меня завязалась дружба с молодым начальником штаба 50-й дивизии майором Ефимом Тимофеевичем Марченко. Его смелость суждений, прямота и настойчивость, отличные организаторские способности и ясность ума пришлись мне по душе. Дружба наша укрепилась и поддерживалась многие годы.

5

Августовская наступательная операция 33-й армии, сопровождавшаяся упорными кровопролитными боями, продолжалась более трех недель и закончилась в начале сентября топтанием на месте, постепенно затухая. 30 с лишним километров в глубину и почти столько же по фронту отвоеванной у немцев Советской земли в невероятно трудных условиях – таков был ее результат. Немцы предпринимали несколько сильных контратак, особенно настойчивых и отчаянных в районах Скугаревских высот и населенного пункта Силенки, стремясь вернуть потерянную территорию, но армия сумела отстоять завоеванное.

Начертание линии фронта, круто вдававшейся в сторону противника, значительно растянувшее полосу действий армии по переднему краю, таило в себе опасность и тревожило командование и штаб армии. Удар немцев по основаниям вбитого в их расположение клина мог привести к окружению основных сил армии. Слишком свежа была в памяти судьба так называемой западной группировки армии, подошедшей в результате успешного наступления из-под Москвы в начале 1942 года к Вязьме, окруженной там противником и после длительной борьбы погибшей вместе с командармом генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым.

Встал вопрос, как быть дальше с образовавшимся опасным и невыгодным в оперативно-тактическом отношении клином. Вопрос этот обсуждался в Военном совете и штабе армии, а затем был перенесен на решение командования фронтом. От командарма со штабом фронт потребовал предложение на этот счет. После долгих и мучительных колебаний, споров и суждений в узком кругу такое предложение наконец было подготовлено. Сводилось оно к принципиальному, неожиданному решению, внушавшему неуверенность, что оно будет одобрено руководством фронта. А именно: занятую в августовских боях местность заминировать, испортить дороги, завалить заграждениями, превратив ее в своеобразное предполье, а войска отвести, выровняв фронт. В предполье оставить небольшое прикрытие, опирающееся на инженерные заграждения.

Разработанный до мельчайших деталей план отвода войск и схему заграждений с расчетами сил и средств представили в штаб фронта.

В выработке и обсуждении этого плана я принимал непосредственное участие. Возникало много разноречий по деталям и частностям. Но главный вопрос, оставлять или удерживать с таким трудом отвоеванную у врага Советскую землю, требовал единоличного решения командующего. Зондирование мнения штаба фронта ничего определенного не дало, так как там отвечали, что решение будет зависеть от того, как мы аргументируем предложение. Генерал-лейтенант Хозин колебался и окончательного решения не высказывал, но давал понять, что надо найти убедительное обоснование того и другого предложения, сделав особый упор на отвод войск. Отсутствие определенного решения давало пищу штабу для рассуждений. Определилось два противоположных мнения. Начальник штаба полковник С.И. Киносян, уловив, куда больше склоняется командарм, ратовал за отвод войск. К нему присоединилось большинство. На первый взгляд это предложение было мотивировано убедительно: с отводом войск линия фронта сокращалась более чем наполовину, можно было высвободить часть дивизии в резерв, соблазн противника срезать выступ отпадал и многое другое.

Решение удерживать выступ таило в себе потенциальную ответственность за его удержание; неудача грозила далекоидущими последствиями. Я был категорическим противником уступок хотя бы клочка нашей земли и настойчиво высказывал свое мнение, вызывая неудовольствие и раздражение начальников. Моя мотивировка сводилась к тому, что, хотя оставление выступа и сократит линию фронта почти на две трети и конфигурация переднего края после отвода войск не будет таить в себе опасности, не вызовет у немцев соблазна срезать выступ, нам этот маневр ничего хорошего не принесет. Сокращение линии фронта одинаково выгодно обеим сторонам. Немцы тоже смогут высвободить часть войск, стоящих теперь в первой линии. Что же касается моральной стороны такого акта, то мы понесем серьезный ущерб, ибо осязаемый результат нашего наступления будет сведен к нулю и войска не смогут найти оправдание понесенным человеческим жертвам и материальным издержкам. Предлагая удерживать захваченную территорию, я с помощью товарищей из родов войск и служб, разделявших мое мнение, схематически разработал план удержания выступа, рассчитав необходимые силы и средства и показав объем работ по укреплению обороны и сроки их выполнения.

Сторонники отвода войск стояли на своем, считая, что цель операции достигнута: немцам дали по зубам, нанесли им ощутимые потери в людях и технике, показали, что удар с нашей

стороны может повториться в любое время, а это не позволит противнику выводить из обороны часть сил и направлять их на юг, где он ведет наступательные действия в крупных масштабах. Мое предложение было отвергнуто, что далеко не способствовало укреплению моего авторитета как нового оператора в штабе.

Военный совет армии принял решение на отвод войск не столько из-за убедительности доводов, сколько потому, что это было в интересах улучшения оперативного положения армии и тактических выгод, а также потому, что якобы при зондировании мнения в штабе фронта чувствовалось одобрение такого решения.

Не знаю, командование ли фронтом так решило, или вмешалась Ставка, но предложение армии было с возмущением отвергнуто. Командующий фронтом высказал недовольство и был возмущен поведением командования армии. От армии потребовали прочно удерживать образовавшийся выступ, приняв меры к надежному отражению возможных ударов противника. Одновременно, в связи с прекращением наступления, из армии изымалась значительная часть сил и средств.

На фронте наступило затишье, и обе стороны снова приступили к укреплению занимаемых рубежей: рыли траншеи и ходы сообщения, сооружали дзоты, устанавливали минные поля и проволочные заграждения.

В штабе распространились слухи, что меня за выполнение боевых заданий в августовской операции представили к награждению не то орденом Красной Звезды, не то орденом Красного Знамени. Но время шло, а о награде ничего не было известно. Прошло несколько месяцев. Как-то я прибыл в штаб фронта с какими-то материалами и явился к начальнику штаба генералу В.Д. Соколовскому. Между делом генерал спросил, почему я не ношу орден Красного Знамени. «Мала награда? Недоволен?» – спросил он в шутовском тоне. «Не имею, потому и не ношу. Рад бы носить, да нечего. Не дают», – неумело отшутился я. Василий Данилович попросил комиссара штаба С.Б. Казбинцева организовать вручение мне ордена. Меня отправили в отдел кадров фронта, размещавшегося в Балабаново, где я получил первую боевую награду.

С этого времени мое положение в штабе заметно укрепилось, мне стали поручать более серьезные вопросы и считаться с мнением. При наличии начальника оперативного отдела полковника Шацкого с меня стали требовать ответственности за отдел в целом, хотя я был всего лишь заместителем Шацкого по ВПУ.

Глава 3 Длительная оборона

1

Не сумев пробиться к Вязьме и овладеть городом в августовской наступательной операции, армия перешла к позиционной обороне на достигнутом рубеже без видимых перспектив на наступление.

Уместно заметить, что понятие обороны бывает двоякое. Одно дело, когда приходится обороняться против наступающего противника; в этих условиях войска и штабы находятся в постоянном напряжении, в динамике боя. Такая оборона почти всегда тяжелее наступления, ибо инициатива в таком случае находится в руках наступающей стороны, навязывающей свою волю обороняющемуся, создающей нужное превосходство в силах и средствах и ставящей обороняющегося в крайне тяжелое и невыгодное положение. И другое дело, когда оба противостоящих друг другу противника стоят на месте и не прибегают к наступлению.

Именно в таком положении оказалась наша армия с сентября 1942 года, она находилась в ожидании наступления противника и готовилась к этому.

Для создания оборонительной группировки штаб занялся выработкой решения командарма: надо было вывести из боя и отправить изымавшиеся из состава армии соединения и части усиления, рассчитать и определить оборонительные полосы дивизиям, выделить общий и специальные резервы, предусмотрев несколько вариантов маневра ими, спланировать инженерные мероприятия, поставить задачи подчиненным войскам, наметить и оборудовать пункты управления и организовать связь, доукомплектовать части личным составом, накопить материальные запасы и многое, многое другое. Такой объем сложной и кропотливой работы был по плечу лишь работоспособному и многочисленному коллективу Полевого управления армии, ведущее место в котором принадлежало оперативному отделу, в котором я выполнял не больше чем какую-то частицу его обязанностей. Однако перечисленные мероприятия были лишь началом дела. Надо было все это претворить в жизнь, добиться практического выполнения.

Крутая конфигурация линии фронта вынуждала на флангах клина создавать более плотную и эшелонированную оборону, насыщенную противотанковыми средствами и заграждениями. Противотанковых средств не доставало, и приходилось изыскивать и использовать все, что только возможно. Были придуманы так называемые МОФы – минно-огневые фугасы. На танкодоступных направлениях создавались поля, составленные из мин вперемежку с массой бутылок, наполненных воспламеняющейся жидкостью КС. Создавались батальонные узлы сопротивления и противотанковые опорные пункты, боевые и отсечные позиции.

Все это было рассчитано, выражено на картах, схемах и таблицах, сформулировано в решении и боевых приказах соединениям, родам войск и службам. В итоге родился план армейской оборонительной операции, один экземпляр которого представлен в штаб фронта на рассмотрение и утверждение.

Продлав эту кропотливую работу, сопровождавшуюся многочисленными рекогносцировками на местности, штаб армии совместно со штабами родов войск переключился на работу непосредственно в войсках, оказывая им помощь и осуществляя контроль. Офицеры штаба и родов войск буквально на животе исползали весь передний край, вплоть до многочисленных боевых охранений. Оперативному отделу и в этом деле принадлежала ведущая роль. Особенно много и самоотверженно потрудились также офицеры штаба артиллерии во главе с его начальником майором Н.А. Смирновым и начальником оперативного отделения майором А.И. Маликовым под общим руководством командующего артиллерией генерала В.С. Бодрова; офицеры разведотдела, возглавляемого майором Б.К. Ермашкевичем; офицеры отдела связи полковника Новарчука, инженерного и химического отделов, штаба тыла и политотдела.

Командующий армией генерал-лейтенант М.С. Хозин, предъявляя высокие требования к командирам соединений и штабу армии, большую часть времени проводил в войсках, лично организуя взаимодействие и контролируя ход оборонительных мероприятий. Член Военного совета генерал-майор Р.П. Бабийчук через политорганы направлял работу по воспитанию личного состава, прививая ему чувство патриотизма и высокую бдительность.

Со временем все основные организационные вопросы были решены и войска занимались инженерными работами, совершенствовали систему огня, командиры проводили занятия по боевой подготовке со штабами и подразделениями, где это было возможно. Штаб армии проводил тактические учения с выводимыми по очереди в резерв полками и дивизиями.

Противник время от времени предпринимал артиллерийские и минометные налеты по боевым порядкам наших войск, не жалея снарядов. Но эти огневые налеты вредили нам мало благодаря тому, что личный состав был укрыт в траншеях, блиндажах и землянках, а передвигался по ходам сообщения. Беспокойство причиняли разведгруппы немцев, порой

проникавшие на наш передний край ночами; иногда им удавалось захватить пленного из боевого охранения. Мы также проводили поиски разведчиков, чаще всего безуспешные. Редко когда смельчаки-разведчики незаметно пробирались через минные поля и проволочные заграждения в первую траншею фашистов и захватывали языка.

Винтовочные и автоматные патроны почти не расходовались, так как не было наблюдаемых целей, а артиллерийских снарядов и мин отпускалось на текущий расход крайне мало, поэтому артналеты с нашей стороны, чтобы держать противника в напряжении, проводились редко. Люди обживались в стабильной обороне, укоренялась тишина, создавался своеобразный фронтовой режим с его прозаическими военными буднями.

Наше внимание и интерес мысленно переносились на юг страны, где бушевали исполинские сражения.

2

Тем временем в командовании армией произошли неожиданные перемены. В октябре 1942 года генерал-лейтенант М.С. Хозин из армии убыл на более высокую должность, а командующим армией прибыл генерал-лейтенант Василий Николаевич Гордов. Под руководством этого военачальника мне случилось служить, часто и близко общаться около двух тяжелых фронтовых лет. Он оставил во мне смешанные и противоречивые чувства и незабываемые воспоминания.

С прибытием генерала Гордова поползли слухи, что новый командарм с очень крутым и неуравновешенным характером оскорбительно ругает подчиненных, жесток и неумолим, нетерпим и самолично расстреливает провинившихся под горячую руку. Многих это пугало, особенно тех, кому он был непосредственным начальником. Я же обычно отвечал на эту тревогу, что для меня что ни поп, то дядько; работай добросовестно – и все будет в порядке. К тому же мне с ним непосредственно дела не иметь и его характер меня не касается. Но я ошибся. Случилось так, что мне на личном опыте пришлось испытать своенравный характер этого человека. Скажу заранее, что слухи о нем были сильно и несправедливо преувеличены.

Я не считаю себя вправе и не беру на себя ответственность давать этому известному в свое время в Красной армии генералу исчерпывающую характеристику, а ограничусь лишь описанием ряда частных эпизодов и моментов, происходивших на моих глазах под его командованием и связанных с особенностями его характера как военачальника и человека.

Знал я генерала В.Н. Гордова только понаслышке: перед войной он был начальником штаба военного округа, в войну вступил в роли начальника штаба армии. Вскоре стал командармом, а затем непродолжительное время командующим Сталинградским фронтом. От этой высокой должности он был освобожден и назначен снова командармом. К нам. Вот и все сведения, дошедшие до меня по слухам о новом командующем. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г.К. Жуков упоминает: «Во время обсуждения обстановки на участке Сталинградского фронта Верховный спросил меня, что из себя представляет генерал Гордов. Я доложил, что В.Н. Гордов в оперативном отношении подготовленный генерал, но как-то не может поладить со штабом и командным составом. И.В. Сталин сказал, что в таком случае во главе фронта следует поставить другого командующего». Это и привело В.Н. Гордова под Москву командовать 33-й армией.

Не знаю почему, но при знакомстве с руководящим составом армии и заслушивании докладов о положении дел на второй день новый командарм вызвал и меня, хотя я тогда не был начальником оперативного отдела, а следовательно, не являлся тем лицом, с которым командующий имел дело напрямую. С душевным трепетом я шел к нему в блиндаж. В слабо освещенном, жарко натопленном сыром помещении сидел генерал-лейтенант в тщательно подогнанной и красиво сидящей на нем полевой форме. Небольшого роста, скорее сухой,

чем полный, жилистый, с аккуратной, коротко подстриженной под ежик седеющей темной прической. Черные колючие глаза под черными с проблесками седины массивными бровями пронизывали меня насквозь, когда я представлялся. Уловив на моем лице недоумение вызовом и как будто читая мои мысли, генерал заговорил, пожав мне руку:

– Вы не удивляйтесь, что я заинтересовался вами. Я знаю, что вы не начальник отдела, а заместитель. С начальником я уже познакомился. Операторы – это близкие командующему люди. От них многое зависит. Любой генерал, имея он три пяди во лбу, не может быть хорошим командующим без деловитого штаба, а особенно оперативного отдела. Без них командир в поле не воин, – лукаво улыбнулся он одними глазами. – Вступая в командование, я прежде всего должен разобраться, с кем придется иметь дело, на кого опереться, кому что можно доверить. Умение удачно подбирать и хорошо знать своих помощников – это первое качество командира. Что касается меня, Гордова, то я без операторов и разведчиков ни шагу. Вам не приходило в голову, что славу, ордена, карьеру полководцу дают подчиненные, они же и лишают его иногда всего этого. Я собаку съел на штабной службе и знаю цену штабу и его ведущему рабочему органу – оперативному отделу.

«Так он мог говорить по крайней мере с начальником опер-отдела, а не со мной, майором, – пробежала у меня мысль, – при чем здесь я?» Посадив меня напротив себя за низким столиком и положив ногу на ногу, обутое в черные чесаные валенки, генерал неторопливо продолжал:

– Я хочу вам рассказать, как составляется план армейской операции, как наступательной, так и оборонительной, независимо от того, что вы в этом сложном деле уже усвоили. Не заблуждайтесь, что все знаете. Академия дает только общее направление, какие-то формальные знания и развивает мышление. Настоящему военному делу можно научиться только на практической работе и только на войне, где обстановка и ситуация не выдумываются, а создаются обстоятельствами и, в какой-то мере, волей противостоящих друг другу противников. Любой просчет, ошибка, слабость воли, незнание дела, трусость немедленно и жестоко используются противником для пролития человеческой крови. Таков суровый закон войны: ты меня или я тебя. Середины не дано.

Генерал взял со столика лист бумаги и карандаш и стал быстро, демонстрируя изрядные навыки, схематично изображать оперативную часть плана операции, сопровождая пояснениями. Чувствовался творческий подход и любовь к военному искусству. Он так ясно, четко и интересно рассказывал, увлекшись деталями, что буквально очаровал меня. Хотя я был к тому времени не новичок в планировании операции, кое-что знал из теории вопроса, мне показалось, что я учусь заново.

Напоследок новый командарм дал мне установку: «Приходите ко мне в любое время, всегда, когда нужно. Обедает командарм, чай пьет, за рюмкой водки сидит – приходи и докладывай, спрашивай, что непонятно. С бабой спит командарм – приходи и буди, за ногу дергай, если обстановка требует. Занят командарм, Военный совет проводит, с людьми беседует – не стучи в дверь, не спрашивай разрешения войти, а заходи и докладывай. Командарм знает, что оператор или разведчик по пустякам не станет отрывать его от дела, – говорил генерал, чем-то напоминая слова В.И. Чапаева. – Вот придет, бывает, горе-оператор, постучится робко в дверь, прося разрешения войти. Что ему ответить? «Подождите, я занят»? Или – «Войдите!». Ну, допустим, разрешишь войти. Станет как пень и стоит, пока ты говоришь с другими. Ждет. А дело не терпит, время упускается. Или вместо того, чтобы докладывать о деле сразу, зарядит, как попка, разрешите, дескать, доложить! А ты занят другим делом и даешь знак подождать. А время опять же не терпит. Как должен поступать оператор или разведчик? Идет к командующему, без стука и спросу открывает дверь, врывается в кабинет и, ни на что не обращая внимания, не спрашивая разрешения, докладывает: «Противник начал артподготовку! Или – противник на таком-то участке начал отход! Или – такая-то дивизия оставила занимаемые позиции! Или – перед фронтом армии появились свежие части

противника и т. и.». Начиная так доклад, вы сразу привлекаете внимание начальника на важность вопроса. Командарм все бросит и выслушает вас. Вот такие мои требования к разведчику и оператору. Надеюсь, повторять это в будущем у меня нужды не будет».

Ушел я от нового командующего ободренным и уверенным в будущее. Но меня не оставлял вопрос: почему я должен к нему ходить, минуя своих непосредственных начальников. Прямой контакт с командармом ставил меня в какое-то неопределенное и ложное положение по отношению к ним.

3

Вступив в командование, В.Н. Гордов развил бурную деятельность. Он подробно разобрался с состоянием войск и системой обороны. Понравилось ему не все, и пришлось срочно кое-что пересматривать, кое-что менять. Хотя он и любил повторять известную крылатую фразу, что в обороне командующий мыслит батальонами, но потребовал завести в штабе армии карты с обстановкой до мельчайших подробностей, с нанесением на них деталей, которые обычно нужны в ротах и батальонах, например схемы системы огня всех видов, с указанием всех орудий и пулеметов и сектора обстрела, полей видимости с каждого НП, всех траншей и ходов сообщения и т. и. На картах даже самого крупного масштаба все это не могло вместиться, и пришлось изготавливать схемы и чертежи. Но их можно было изготовить только на основании документов, представленных из подчиненных штабов. Таким образом, штабы всех степеней включились в кропотливую и изнурительную работу. Иногда допускались ошибки или небрежность. Командарм их порой обнаруживал и давал волю нервам. В такие минуты он был не в духе и к нему многие боялись идти. Начальник штаба и начальник оперативного отдела, не желая выслушивать упреки, посылали к командующему меня с каким-либо докладом или бумагой. Я помнил его установку и всегда заходил к нему без спроса и без очереди, даже если ждали приема генералы. Он принимал меня, выслушивал и подписывал документы. Иногда ругался. А ругаться он умел художественно, многоэтажно. Но своим благожелательным отношением ко мне генерал приучил меня вести себя перед ним свободно, что иногда оборачивалось против меня же.

Беспокойный и деятельный характер командарма никак не уживался с пассивностью оборонительной обстановки, когда зарывшиеся в землю войска не проявляли боевой активности. Ему казалось, что командиры и штабы бездельничают, мало думают и не проявляют инициативы. С нескрываемым нетерпением он ждал изменения обстановки, мечтал о наступлении. Тишина на переднем крае его раздражала. Почти ежедневно объезжая войска, придирчиво распекая командиров по всяким поводам, он искал всем работу. Мне часто приходилось ездить с ним по участкам обороны, на передний край, в нижестоящие штабы. Иногда он забирался на наблюдательные пункты полков, в первую траншею и даже в боевые охранения, демонстрируя бесстрашие и пренебрежение опасностью, хотя для командарма это не вызывалось необходимостью. Припоминаются такие примеры. Однажды я был с ним на НП командира одной из дивизий. В прочном блиндаже командующий заслушивал доклады офицеров дивизионного штаба. Вдруг послышался гул самолетов: сначала слабый, а затем все нарастал, мешая разговору. Генерал вопросительно обвел взглядом присутствующих.

– Сейчас будут бомбить, – сказал кто-то.

Гордов быстро вышел из блиндажа и остановился перед входом. Я последовал за ним, а следом за нами вышли остальные.

– Скажите ему, чтобы зашел в блиндаж, – шепнул мне командир дивизии, – опасно.

Ярко светило утреннее солнце, ослепляя глаза после полумрака блиндажа. На голубом небе ни облачка. Еле различимые силуэты «Юнкерсов», вперемежку с белесыми шапками

разрывов зенитных снарядов, полукругом заходили над нами, переходя в пикирование один за другим. Вскоре загромыхали потрясающие землю взрывы. Один из бомбардировщиков спикировал прямо на нас. Вот уже из его брюха вывалились четыре черные продолговатые бомбы, летящие с душераздирающим визгом. Я инстинктивно толкнул плечом легкое тело генерала и, не удержавшись на ногах, повалился на своего командующего. Вокруг блиндажа все было перемешано бомбами; щекотала в носу и въедалась в глаза смрадная гарь взрывчатки. Над нами впились в дверь блиндажа два огромных осколка: если бы мы не упали, то они наверняка перерубили бы нас пополам.

Генерал медленно поднялся, отряхнул и поправил красиво сидевшую на нем бекешу с серым каракулевым воротником и молча вернулся в блиндаж.

– Что, прикрыл своим телом командующего? – сказал В.Н. Гордов, уставившись на меня колючими глазами. – За меня ордена не получишь. За таких, как я, ордена не выдаются, – почему-то сказал он, ни к кому не обращаясь. – Едем в штаб!

Дорога сначала шла вдоль фронта, а затем поворачивала в тыл через лесной массив. Конфигурация линии фронта проходила так, что шедшая с севера на юг шоссейная дорога на отрезке километра полтора занималась нашими войсками. Чтобы не объезжать открытый участок шоссе, по нему нужно было проскочить метров шестьсот на виду у противника, передний край которого проходил на удалении 800 метров от дороги. Наш «Виллис» остановился перед выездом на открытый отрезок шоссе. Тент машины был спущен для лучшего обзора.

– Ну что, Толконюк, рискнем? Попробуем проскочить? – с лукавой искринкой в глазах сказал генерал. – Как ты настроен, Николай? – перевел он взгляд на водителя машины. – Не подкачаешь?

– Можно и попробовать, товарищ командующий, – неопределенно ответил шофер, – как прикажете...

Отговаривать командарма от этого шаловливо-ухарского поступка не было смысла: все равно не отступится. К тому же он мог заподозрить меня в трусости. И я, скрывая досаду, поддержал его намерение:

– Рискнем! Но надо сдать назад и выскочить на шоссе с разгону. Чем быстрее проскочим открытый участок, тем меньше вероятность попадания.

– Давай! – скомандовал смельчак шоферу. И тот, сдав назад метров на тридцать, разогнал машину и, ревя мотором, выскочил на шоссе.

Я с тревогой смотрел в сторону противника: четко вырисовывалась плохо замаскированная траншея с рыжеватым бруствером, виднелись бугорки пулеметных канониров. Вдруг в расположении немцев ярко вспыхнул орудийный выстрел и тут же над нашими головами провизжал снаряд. Били прямой наводкой. Снаряд разорвался по другую сторону дороги. Потом – второй, третий, четвертый... Шофер жал на газ, то прибавляя, то сбавляя скорость. Нас ужасно бросало в машине, трудно было удержаться, чтобы не вылететь вон. Проскочив опасное пространство и слетев с шоссе на лесную дорогу, «Виллис» резко остановился. Шофер молча обошел вокруг машины и пробормотал себе под нос:

– Всего две пробоины. А могло быть хуже. Вы в рубашке родились, товарищ командующий.

Генерал молчал и звучно сопел, как после резкого бега. Мы поехали дальше.

– Скажите, товарищ командующий, для чего вы так бессмысленно рискуете своей жизнью? – спрашиваю. – Не думаю, чтобы это доставляло вам удовольствие. Или вы демонстрируете свою храбрость? Перед кем?

– Не только своей жизнью рискую, ты хочешь сказать, а и жизнью своих подчиненных: вот твоей и его, – недовольно мотнул командарм головой сначала в мою, а затем в сторону водителя.

– И нашей тоже, – поддакнул я.

– Вот что я на это скажу. – Гордов резко обернулся ко мне. – На войне все связано с риском. И прятаться от паршивых фрицев, ложиться перед ними, падать ниц не буду и вам не советую. Кончится война, и может больше не представится случая погибнуть по-солдатски, на поле боя, с почетом. Тогда будешь гнить, как старый пень, живя в тягость себе и людям. Засядешь за мемуары и станешь врать самому себе и другим, какой ты был герой на войне, стыдясь сказать правду.

Уловив мечтательное расположение собеседника, я поддержал его настроение:

– Война не скоро кончится, и будет еще не один случай сложить голову. Но разумно, может быть, с пользой. Я не вижу героизма в том, чтобы добровольно подставлять себя под пулю или снаряд врага. Читал я, кажется у Драгомирова, что героический поступок совершают или люди очень смелые, от храбрости, или последние трусы – из трусости теряют контроль над собой, утрачивают самообладание и внешне смело бросаются навстречу смерти, – порассуждал я вслух, делая вид, что не отвечаю командарму, а говорю сам с собой.

– Ты что, считаешь меня трусом? – угрожающе повысил голос генерал.

– Нет, не считаю. Но и не вижу разумного смысла в подобного рода героизме.

Командарм промолчал.

Как-то морозным утром я шел в аппаратную узла связи и встретил прогуливающих по командному пункту командующего В.Н. Гордова и члена Военного совета генерал-майора Р.П. Бабийчука. Я был без шинели. На гимнастерке красовался полученный мною еще до войны знак «Отличник РККА».

Этим знаком награждал нарком обороны. Обратив внимание на мою единственную мирную награду, командарм с каким-то неудовольствием сказал:

– Что это у тебя нет ни одного ордена?

(Тогда я еще не получил ордена Красного Знамени, которым был награжден, но не знал об этом.)

– Не заслужил, товарищ командующий, – пошутил я, – стоим в обороне, за что же нас награждать? Это на южных, активных фронтах, судя по газетам, чуть ли не каждый день награждают людей. А у нас ни наступления, ни активной обороны. Вот и сидим в земле, как кроты...

Вспылив, командарм резко оборвал меня, перейдя на официальное «вы»:

– Ничего! Была бы война – будут и чины и ордена! Зайдите ко мне, как освободитесь у связистов.

В блиндаже, кроме В.Н. Бордова, были Р.П. Бабийчук и С.И. Киносян. С подчеркнутой вежливостью командарм предложил мне сесть:

– Мы только что о вас говорили. Хватит вам быть на неопределенной должности – заместителем начальника отдела по ВПУ – кто куда пошлет. Пора становиться на более самостоятельную и ответственную должность. Ну хотя бы начальником оперативного отделения: это тоже заместитель начальника отдела. Но его отделение – почти весь отдел. Беритесь-ка за это конкретное дело, а там видно будет. Я вас еще кое на чем проверю. И может быть, сделаю начальником отдела. Шацкова надо убирать.

Слова эти меня удивили: командарм так неблагоприятно намекнул о моем непосредственном начальнике. Да еще при мне. Почему?

– А не хватит ли меня проверять? Я думал, что уже проверен достаточно, – обиделся я откровенно.

– Сколько будете служить, столько и будут проверять вас начальники. Это вы никогда не забываете и не обижайтесь, – наставлял меня командарм.

Остальные молчали. Я был переназначен и вскоре получил очередное звание – подполковник, навесив третью шпалу.

4

Режим в войсках на переднем крае обороны сложился как-то сам по себе, отражая в какой-то мере некоторую перестраховку командиров и политработников, боявшихся неприятностей, могущих случиться под покровом ночи. Я часто бывал в боевых порядках передовых частей, по ночам добирался до боевого охранения того или другого полка, говорил по душам с командирами и солдатами и многое знал из того, что до командования армии не доходило. Даже командиры дивизий, бригад и полков со мной были более откровенны, чем с начальником штаба и командующим. Кое-что мне высказывалось в расчете, что через меня дойдет до командующего, а кое-что доверительно, с надеждой, что разговор останется между нами.

В обороне люди смирились с фронтовой тишиной, граничащей на первый взгляд с каким-то своеобразным негласным перемирием с врагом, понять которое можно было, только общаясь с людьми, проводившими все свое время в траншеях и подбрустверных блиндажах. Режим на переднем крае выглядел так. В дневное время в первой траншее и у дежурных огневых средств оставались дежурные бойцы и наблюдатели. Основная же часть личного состава отдыхала и занималась некоторыми вопросами боевой и политической подготовки, укрывшись в блиндажах и землянках. Ночью дежурил в траншеях почти весь личный состав подразделений. Такой режим, на мой взгляд, не соответствовал условиям обстановки. По опыту длительного нахождения в обороне было совершенно ясно, что немцы серьезных боевых действий ночью не затевали. Это объяснялось главным образом сложностью ориентирования в темноте, слабой эффективностью огня всех видов, трудностью управления боем, ограниченными возможностями авиации, без которой немцы активно действовать не привыкли. А раз серьезных акций со стороны противника ночью не ожидалось, то какой же смысл всему личному составу всю ночь сидеть в первой траншее в готовности к отражению наступления? Логичнее было бы ограничиться в темное время наблюдением, прослушиванием и боевым охранением, которые, в случае опасности, давали бы сигнал к занятию боевых позиций всеми подразделениями. Зато днем, когда можно было ожидать любых действий противника, войска находились бы в полной боевой готовности, занимая боевые порядки. А было наоборот.

От нашей первой траншеи до первой траншеи противника 150–200 метров, а то и ближе. Если бы противник внезапно атаковал, то он успел бы ворваться в нашу оборону прежде, чем подразделения займут свои места. Мне это показалось опасным для дневного времени.

По ночам действовали разведгруппы противника. Кое-когда они незаметно подползали к нашим траншеям и пытались захватить пленных. Были случаи, когда им удавалось утащить зазевавшегося или заснувшего солдата. Такие случаи кончались большими неприятностями для целой цепочки командиров. Во избежание, а вернее, с целью недопущения таких явлений и был установлен этот порядок. Получалось так, что отдельные группы вражеских лазутчиков держали в постоянном напряжении целые дивизии. Признать такое положение нормальным было нельзя. Напрашивалась необходимость искать другой, более разумный

способ поведения войск в обороне. И я поднял этот вопрос. Начальник штаба С.И. Киносян не стал меня слушать и адресовал к командующему, да и то нехотя. Он вообще не был сторонником ломать установившиеся практикой порядки и вводить какие бы то ни было новшества. Генерал В.Н. Гордое, поощрявший разумную, по его оценке, инициативу, выслушал предложение внимательно. Сама идея изменить режим с тем, чтобы усилить бдительность днем, а ночью предоставить личному составу отдых, ему понравилась, но при том условии, чтобы это изменение не привело к безнаказанным действиям разведчиков противника. Но прежде чем согласиться с предложением, потребовал детально разработать инструкцию войскам с обоснованными и подтвержденными фактами и примерами, выкладками и расчетами.

Через неделю инструкция была составлена оперативным отделом. Сущность ее сводилась к следующему. На ночь впереди основной траншеи выставлять усиленные боевые охранения. На переднем крае иметь дежурные огневые средства, наблюдателей и слухачей. Остальной личный состав должен отдыхать в блиндажах и землянках, построенных на каждый взвод, связанных с первой траншеей удобными ходами сообщения. Чтобы лазутчики противника не могли незаметно приблизиться к переднему краю, предусматривалось прослушивание шума шагов и освещение местности ракетами, развешивание на проволочном заграждении консервных банок и орудийных гильз, которые непременно зазвенят при прикосновении к проволоке. От постов наблюдения проводилась простейшая сигнализация во взводные блиндажи. По сигналу тревоги подразделения должны занимать свои места в боевом порядке. Посты наблюдения один от другого по траншее предлагалось расположить через каждые 300 метров. Это обосновывалось практически проверенной слышимостью в ночных условиях. Осторожные шаги человека, треск сломанной ветки, шум ползка в тишине уловимы ухом на расстоянии 150–200 метров. Если разведчик появится посередине между постами, то оба поста услышат неизбежный шум или шорох. Если не посередине, то по крайней мере один из постов будет слышать. Для верности посты выставлялись парные, чтобы один наблюдатель не позволял уснуть другому. С рассветом весь личный состав должен дежурить на боевых позициях, кроме дежурившего ночью. При спокойной обстановке подразделения могли бы в светлое время совершенствовать оборону, изучать местность и противника, проводить занятия.

Начальник штаба подписать инструкцию отказался, дав понять и начальнику оперативного отдела, что и ему заниматься этим не следует. Командарм, задав мне несколько вопросов, утвердил документ без поправок, приказав мне подписаться за начальника штаба. Инструкция пошла в войска и применялась на практике, хотя и вводилась с трудом.

Начальника оперативного отдела командарм недолюбливал и при поездке в войска или к командующему фронтом брал с собой не его, а меня. Однажды мы поехали на передний край 113-й дивизии. Выехали целой группой, что делалось редко. Кроме командарма, меня и других офицеров, поехали генералы С.И. Киносян (он получил генеральское звание) и Р.П. Бабийчук. Командир дивизии генерал-майор Алехин, по требованию командарма, повел нас на НП одного из полков, оборудованный в первой траншее. Нейтральная зона разделялась здесь небольшой речушкой, скованной заснеженным льдом. Плоские скаты с обеих сторон позволяли хорошо просматривать местность. Позиции противника казались мертвыми – не было видно ни живой души. На снежной целине речушки метрах в двухстах от нас и чуть в стороне темнела прорубь. Как с нашей стороны, так и со стороны противника к проруби тянулась протоптанная на снегу тропа. Не было сомнения, что к проруби с обеих сторон ходят за водой. Пока мы разглядывали прорубь и тропу, со стороны противника на тропе появился немецкий солдат с четырьмя котелками в руках. Немец не торопясь шел к проруби. В это же время с нашей стороны выбрался из траншеи и пошел к проруби наш солдат с ранцевым термосом и двумя котелками. Красноармеец шел навстречу немцу, бывшему уже ближе к водоему, чем он. Оба солдата не имели оружия. Немец первым подошел к проруби и стал набирать воду. Наш солдат метрах в двадцати от него остановился, видимо

ожидая, пока уйдет немец. Генерал Киносян возмутился и потребовал от командира полка приказать убить немца. Но командарм остановил его: «Не суетитесь, Степан Ильич. Не вмешивайтесь: посмотрим, что будет дальше».

Немец набрал воды, посмотрел на нашего солдата, махнул ему рукой и ушел в свое распоряжение. Наш солдат подошел к проруби, запасся водой и вернулся в траншею. Когда водоносы скрылись из глаз, командарм минут пять молча посматривал на командира дивизии, как смотрят на преступника, ожидающего кары. Генерал Алехин виновато поеживался, опустив глаза. Все мы ждали бурю. И она разразилась.

– Позор! – вскипел командарм. – Я и не знал, что Алехин заключил с фашистами перемирие. Едем на КП дивизии, здесь делать больше нечего. Все мне ясно!..

В блиндаже комдива начался разнос. Отчитав без всякого стеснения генерала Киносяна за плохую работу штаба, упрекая его в том, что, наверное, немцы и кашу получают из котлов штаба армии с согласия беспечного начальника штаба, Гордов переключился на комдива, спрашивая и не давая сказать слова, почему ему невыгодно бить немцев. Неистово почесав внутреннюю часть ног, запустив руку в ширинку (он так поступал всегда, когда сильно возмущался), командующий переключил свой гнев на меня: «Вы, операторы, все время болтаетесь по войскам, по крайней мере этого я от вас требую, при беззубом начальнике штаба. Почему вы смирились с таким безобразием? Кто позволил пойти на перемирие с врагом? Кто, я вас спрашиваю? Может, и вы в гости к немцам ходите? Дружбу завели?!»

Член Военного совета генерал-майор Н.П. Бабийчук, тоже потрясенный увиденным, стал успокаивать В.Н. Гордова, говоря, что криком ничего не добиться, надо, дескать, разобраться спокойно и принять меры. Он пообещал через политорганы провести соответствующую работу. Командарм грубо прервал его словами:

– А политработники этого тоже не замечали или тоже смирились? Надо самому командующему носом всех вас тыкать в это дерьмо! – Он махнул рукой почему-то на комдива. – Что стоит, Роман Павлович, вся наша болтовня о бдительности и боеготовности! – снова обратился он к Бабийчуку. После этих слов Гордов выскочил из блиндажа, сел в машину и уехал в штаб армии.

Мы последовали за ним, ожидая еще большей бури. Но командующий больше не ругался по этому поводу, заметив, что сам он виноват в такой пассивности войск, так как мало требует от подчиненных. Он приказал убивать фашистов всюду, где они появятся на глаза, активизировать деятельность снайперских команд и каждый день докладывать ему лично о количестве подстреленных, как он выразился, колбасников. Положение было исправлено, но не везде быстро. Дело в том, что при такой пассивности на переднем крае было удобно солдатам обеих сторон передвигаться и высовываться, когда требовалось, из траншей. Они на виду друг у друга свободно ходили поверху, а не по грязным траншеям, не опасаясь выстрелов. «Начни стрелять по появившимся одиночным немцам, и они будут делать то же самое», – приходилось слышать иногда от солдат и даже отдельных офицеров.

Командарм потребовал собрать сведения и доложить ему справку, сколько по дивизиям и полкам расходуется винтовочных патронов ежедневно. Оказалось, что в ряде частей за последнюю неделю не израсходовано ни одного патрона. Появился приказ, требующий от каждого солдата подразделений первой линии ежедневно расходовать по пять патронов и отчитываться стреляными гильзами. А в ежедневных оперативных сводках докладывать о количестве израсходованных боеприпасов. Приказ выполнялся. Стреляли. Но большей частью в божий свет, так как немцы, получая пулю при высовывании из-под земли, не стали появляться на глаза в пределах винтовочного или пулеметного выстрела.

Как ни странно, но приходилось встречаться с подобными нездоровыми явлениями и впредь и на других участках. Солдаты, стоявшие лицом к лицу с противником подалее от глаз старших начальников, по-видимому, невольно вырабатывали, не теоретически, а

практически и негласно, свой метод поведения, казавшийся удобным. Этот метод неведомыми путями переносился на противоположную сторону и практиковался обеими сторонами, без какого бы то ни было сговора, а как-то сам по себе. Надо было обладать даром наблюдательности, чтобы заметить некоторые тонкие моменты этого метода.

Как-то потребовалось проверить на выдержку боевые охранения нескольких полков в дневное время. Были посланы офицеры оперативного отдела в дивизии с этой целью. В одну из дивизий поехал я. Ход сообщения, по которому можно было добраться до боевого охранения, проходил по низкой местности и был наполнен ледяной водой. Приходилось идти по пояс в воде. Приятного мало. Но по верху, вдоль хода сообщения была видна свежая тропа. Видно, что по ней ходили на виду у противника. Командир взвода признался, что солдаты ходят в боевое охранение по этой тропе, не спускаясь в ход сообщения. Он нерешительно посоветовал и мне воспользоваться тропой, считая себя виноватым за наличие воды в траншее.

– Только возьмите в руки пару котелков и наденьте каску, – сказал лейтенант, – и прикройтесь солдатской плащ-палаткой. По солдатам, несущим пищу в боевое охранение, немцы не стреляют. Без этой предосторожности, узнав в вас нового человека, да еще офицера, их снайпер уложит вас наповал. А так не тронет.

– Вы, наверное, отвечаете немцам взаимностью, тоже даете им такую же поблажку? – упрекнул я молодого командира.

Он конфузливо промолчал. Я воспользовался советом, и поход на виду у врага обошелся благополучно.

Помнится и такой случай. С одного из НП на переднем крае наблюдалась такая картина: невдалеке от переднего края в расположении противника человек в белом халате и в белом колпаке, видно повар, быстрым шагом, с ловкостью официанта, пронес на подносе, по-видимому, съестные припасы. Расстояние и видимость позволяли нашему снайперу отправить немца «в лучший мир». Но этого не случилось. Спрашиваю у наблюдателя, что бы это могло значить? Ответ последовал исчерпывающе ясный: в блиндаже находится какое-то начальство, повар из соседнего блиндажа понес гостям выпить и закусить. Оказывается, наблюдатель проследил, как по складкам местности подошла легковая машина, из которой три фашиста поспешно выбрались и, боязливо озираясь, проскочили в блиндаж. На вопрос, почему снайпер не уничтожил так нахально появившихся немцев, вразумительного ответа не последовало. Я потребовал от сопровождавшего меня командира батальона приказать снайперу, замаскированно лежавшему впереди траншеи, уложить фрица, как только он вынырнет из блиндажа.

– Теперь нельзя будет никому из нас высунуть голову из траншеи, – недовольно сказал кто-то из присутствующих. Но требование было выполнено. Через несколько минут повар вышел из блиндажа и неторопливо направился к тому блиндажу, из которого вынес угощение, помахивая пустым подносом и белой салфеткой. Вдруг он на мгновение застыл на месте, затем неестественно взмахнул руками и рухнул на землю. Поднос отлетел в сторону, а белую салфетку, как оброненную газету, поволок ветер, цепляя за колючий кустарник. Снайпер не промахнулся.

После проведенной работы командирами и политсоставом подобных случаев, когда бы можно было ходить на виду у противника, не маскируясь, не наблюдалось: солдаты обеих сторон на глаза друг другу старались не попадаться.

5

Стоянка в пассивной обороне лишь внешне казалась тягостной и прозаичной. На самом деле окопная жизнь людей была насыщена самыми различными событиями и заботами.

Складывались различные, самые непредвиденные обстоятельства – и интересные, и досадные.

Режим обеих сторон постепенно сложился таким, что почти невозможно было захватить пленного. Главнейшей задачей войсковой разведки была – это захватить языка. Задача эта составляла главную заботу командиров и штабов всех степеней. Какие только меры не принимались! Для выполнения этой сложной и опасной задачи разведчикам давалась полная инициатива. Тому, кто сумеет притащить из вражеской траншеи пленного, командование обещало высокую награду, вплоть до ордена Ленина и краткосрочного отпуска на родину. Но заслужить это поощрение было невероятно сложно, сопряжено с риском для жизни и удавалось редко кому.

Вспоминая о трудностях захвата языка при стабильной обороне и бдительном противнике, нелишне рассказать еще об одном эпизоде, с которым мне пришлось столкнуться несколько позднее. В состав нашей армии вошла вместе с занимаемой полосой обороны одна из дивизий. Генерал С.И. Киносян приказал мне отправиться в дивизию, изучить на месте ее состояние, организацию обороны, укомплектованность и обеспеченность материальными средствами с тем, чтобы доложить командиру проверенные штабом данные. В ходе знакомства с новой дивизией выяснилось, что здесь давно не брали пленников и толком не знают, какие части противника расположены перед фронтом. Это вызвало удивление, так как штаб нашей армии, благодаря активной и компетентной работе разведотдела, возглавляемого начальником разведки Борисом Ермашкевичем, до тонкостей знал не только номера противостоящих дивизий и частей противника, но и их особенности, боеспособность, участие в предыдущих боях, укомплектованность, вооружение, имел краткие характеристики на многих командиров, представление о режиме поведения в обороне.

Поверхностное знание противостоящего противника ставило командира и штаб дивизии в невыгодное положение в глазах командования армии. Оправдывая такое положение трудностями с захватом языка, начальник штаба дивизии рассказал, что посылаемые на передний край обороны противника разведчики каждый раз наталкиваются на мины, обнаруживаются противником, освещающим местность ракетами, гибнут или возвращаются ни с чем. Да и охотников идти на явную смерть без малейших надежд на успех находится немного. В разговоре на эту тему он, между прочим, сказал, что на днях рядовой Глухов, стрелок в роте, а не разведчик, вызвался притащить языка. Но он поставил свои странные, вызывающие подозрения условия. Охотник соглашается идти в поиск, но один, чтобы с ним никого не было, и без оружия. К тому же Глухов судим до войны и в армию попал прямо из заключения. Человек он замкнутый, ни с кем не дружит и особого доверия не вызывает. Пошли такого через передний край, а вдруг он исчезнет бесследно: перемахнет к немцам или погибнет. Даже если и погибнет, то можно будет думать, что перебежал. Неприятностей не оберешься. Я попросил вызвать ко мне Глухова. Солдат оказался ниже среднего роста, но жилистым крепышом. Ему за тридцать. Лицо угрюмое, неподвижное. Смотрит он исподлобья, недоверчиво, старается избегать прямого взгляда в глаза собеседнику. Сесть отказался: «Я могу и постоять, товарищ полковник, невелик чин», – сказал он, глядя в сторону. Наша беседа была короткой. Рассказывать о своем довоенном преступлении Глухов не пожелал, ограничившись одним словом – «убил». Кого убил, за что, при каких обстоятельствах, на сколько лет был осужден – допытаться оказалось невозможно. Не став настаивать, я перешел к делу:

– Мне стало известно ваше желание попытаться добыть языка. И условия ваши мне рассказали. Вы не передумали?

– Достану фашиста! – уверенно молвил солдат. – Только один пойду. Другой, напарник, скажем, может только помешать: кашляет там или загремит чем нечаянно – и дело сорвется. Оружие тоже не нужно, даже нож ни к чему. Железо может звякнуть. Ночью вон какая слышимость! Немец нужен живой, так зачем же брать оружие? Если противник меня

обнаружит у своей траншеи, то никакое оружие не поможет, – уверенно, но медлительно, выдавливая каждое слово, высказал свои соображения доброволец на опасное дело. Он замолчал, отвернув лицо в сторону. – Ну как, начальство, по рукам! – неожиданно добавил он, повеселев.

– Сколько времени вам нужно на подготовку? – спрашиваю.

– Один день и одну ночь. Присмотреться и выбрать место вылазки. Больше ничего не надо. Я все сделаю незаметно, – ответил он не задумываясь, но с серьезным видом.

– Идите и готовьтесь. Решение скажем сегодня, – прекратил я разговор этими словами, чтобы не заронить в его сознании сомнения, доверяют ли ему. – Рискнем? – спрашиваю начальника штаба дивизии, когда солдат вышел.

– Рискнуть можно, но надо доложить комдиву: без него нельзя. Вы же понимаете положение начальника штаба. Один я не решаю.

– Доложите. А я позвоню командарму; думаю, что он возражать не будет, – поддержал я полковника.

К утру второй ночи после этого разговора Глухов приволок огромного немецкого унтер-офицера, многое рассказавшего на допросе.

– Чуть не всю ночь пришлось ползти к немецкой траншее. Только перед самым рассветом добрался до бруствера. Лежу и не дышу. Мерзну, – рассказывал умелый лазутчик, – в траншее передо мной ни души. На изгибе траншеи оставлен без надзора пулемет. Фрицы, видно, ушли греться в под брустверный блиндаж. Вдруг вход в блиндаж приоткрылся, блеснул свет. Выползает этот верзила, что я приволок. Он, наверное, поленился идти в уборную и пошел по траншее. Остановился как раз напротив меня и стал расстегивать ширинку. Тут я и навалился на фрица. Дал ему по головешке кулаком, прижал артерию, сунул в рот рукавицу и поволок. Тяжелый, стерва, еле вынул из траншеи. А остальное все понятно, – пояснил рассказчик и замолчал. Высокую награду он в свое время принял, но от обещанного кратковременного отпуска на родину отказался: – Отпуск мне ни к чему. Не поеду.

6

Сделав небольшой экскурс вперед, вернемся, однако, к событиям в штабе армии осенью 1942 года.

Стоянка в обороне будоражила нервы мечтавшего о наступлении командарма. Нетерпеливый его характер не мог смириться с такой тихой обстановкой. Его настроение индуктивно передавалось подчиненным, и в штабе армии нервная обстановка накалялась. Вспыльчивость начальника штаба генерала С.И. Киносяна еще более натягивала нервы, нарушая нормальное течение боевой жизни. Начальник оперативного отдела полковник Шацков не пользовался достаточным деловым авторитетом у командующего, и он его, по существу, игнорировал. С.И. Киносян, имевший много неприятностей от командующего, подражал ему по отношению к своему заместителю Шацкову и ставил в трудное положение весь оперативный отдел. Меня это ставило в невыгодное положение перед своим непосредственным начальником, минуя которого командующий и начальник штаба по любому вопросу, касающемуся оперативного отдела, вызывали меня. Шацков не скрывал своего раздражения в такой обстановке и иногда выказывал недовольство мной. Это замечалось в штабе и войсках. Складывалось мнение и ходили откровенные слухи, что Шацков со дня на день уйдет в другое место и начальником отдела стану я. Сам я в это не верил из-за молодости лет (29) и невысокого звания (подполковник); назначение такого человека на генеральскую должность было почти невероятно. Помимо этого, чувствовалось не очень благоприятное ко мне отношение С.И. Киносяна из-за того, что командарм часто

общался со мной напрямую, а также вследствие возникавших иногда между нами конфликтов. Вот один из них. Как-то штаб фронта потребовал от генерала Киносяна срочно донести, сколько, по каким районам полосы армии и каких калибров противник выпустил снарядов за последние три месяца. Киносян приказал Шацкову подготовить донесение, но тот доложил, что такого учета нет ни у нас, ни в подчиненных штабах и требование невыполнимо. Тогда начальник штаба вызвал меня и тоном, не допускавшим возражения, приказал:

– Обобщите требуемые данные и подготовьте подробное донесение. Документ представьте мне на подпись через четыре часа.

Удивленный до возмущения как смыслом приказа, так и тоном, которым оно отдавалось, я не сдержался и стал возражать:

– Таких сведений нет. И дивизии запрашивать бессмысленно; они нас сочтут дураками. Такие данные можно собрать только путем обследования воронок. Но на это потребовалось бы полгода времени и мобилизация на ненужное дело всех штабов...

– Почему вы смеете критиковать приказ? Вы пререкаетесь! Много на себя берете. Ваше место в штрафном батальоне, а не в порядочном штабе!.. – захлебываясь от злости, кричал генерал.

Выслушав поток ругани, я сказал, что приказание будет выполнено. Вызвав к себе нескольких офицеров отдела и пригласив представителей отдела разведки и штаба артиллерии, сообщаю им о полученном срочном задании. Все молчат в недоумении. «Неужели начальство не понимает нереальности отдаваемого приказа? Сами немцы не смогли бы дать таких сведений», – выражали лица присутствующих.

– Где вы возьмете эти сведения, из каких источников? – грубо воскликнул вошедший полковник Шацков. – Выдумки досужие от нечего делать, больше ничего.

– Самый верный источник в данном случае – это их благородие потолок, – отшутился я. – На глупость ответим глупостью.

На основании разведанных об артиллерии противника и интенсивности налетов мы прикинули возможное количество выпущенных снарядов по районам, и в требуемое время я положил на стол начальника штаба проект донесения. Он внимательно прочитал, подписал и, подумав, спросил:

– Выдумали?

– Данные сугубо ориентировочные, товарищ генерал, – нерешительно сказал я.

Больше к этому вопросу никто не возвращался. Штаб фронта, наверное, был удовлетворен донесением. Трудно было понять, кому и для чего потребовались эти сведения. Можно было лишь предполагать, что штаб фронта, выпрашивая у Ставки снаряды, которых отпускалось обороняющемуся фронту мизерное количество, решил подкрепить свои заявки большим расходом снарядов противником. Так ли это было – не знаю.

Вскоре полковник Шацков был освобожден от должности начальника оперативного отдела и назначен заместителем командира 113-й сд, которой командовал генерал-майор Алехин. Вместо Шацкого назначался начальник штаба 17-й гв. сд полковник Грызлов. Федора Ивановича Грызлова я знал еще до войны, в бытность его командиром полка в Ростове-на-Дону.

Это был строевой командир до мозга костей; штабная служба ему не подходила и не нравилась. В первый период войны он оказался преподавателем на Центральных курсах «Выстрел» в Солнечногорске. После настоятельных ходатайств ему удалось вырваться на фронт. Прибыл он к нам в армию истощенный и усталый, но довольный тем, что попал наконец в действующую армию. Назначили его начальником штаба дивизии. В штабе он не

сидел, а почти все время проводил в частях и подразделениях, среди солдат. В дивизии Грызлова все знали, любили и называли уважительно Федором Ивановичем, пренебрегая чинопочитанием. Активность, строевая выправка, личная храбрость, высокая справедливая требовательность, авторитет среди солдат и командиров полковника бросались в глаза.

Но командира дивизии генерал-майора Роголю такой начальник штаба не устраивал: штабом он почти не занимался, документы отрабатывать не любил и не умел. Комдив не раз просил заменить ему начальника штаба, но командарм не соглашался. С уходом Шацкова В.Н. Гордов остановил свой выбор на Грызлове как требовательном, отважном и зрелом командире. Хотя я и не рассчитывал стать начальником оперативного отдела, но все же не был доволен таким назначением, зная, что Грызлов не потянет обязанностей и переложит их на меня: будет руководить, а работать за него придется другим. Несмотря на большую разницу в возрасте (мне было 29, а ему не менее 50 лет), я считал себя более подготовленным теоретически и значительно опытнее в штабной, особенно в оперативной работе. И назначение Грызлова ко мне в начальники я посчитал несправедливым и подал рапорт о переводе меня в войска, просил назначить начальником штаба дивизии.

Возмущившись моим настроением и в присутствии начальника штаба, командарм стал распекать:

– Ты что, обиделся, что не тебя назначили начальником отдела? Да кто ты такой по сравнению с боевым полковником? Молокосос! – завопил генерал, дав волю нервам. – Из штаба ты можешь уйти только в штрафной батальон. Другого пути не будет! В штрафники могу составить протекцию, у меня на это и власти и воли хватит. Подумать только, Степан Ильич, – обратился Гордов с насмешкой к Киносяну, – он хочет быть начальником штаба дивизии. Губа не дура. Я еще посмотрю, как он будет впредь работать. А начальником штаба батальона не хочешь? – резко обернулся ко мне разгневавшийся командующий. – Об этом можно подумать.

Оскорбленный таким оборотом дела, я вызывающе ответил:

– Пойду и на штаб батальона... Хоть буду подальше от вас, – невольно вырвалось у меня.

– Нет, штаб батальона я тебе не доверю. Хотя и там я бы тебя нашел. Не за горами.

Ушел я как оплеванный, злой и подавленный. Давила душу горечь, и я чувствовал жгучее отвращение к самому себе и к штабной службе. Воспользовавшись тем, что меня лично знает командующий фронтом И.С. Конев, недолго думая я продиктовал по аппарату Бодо записку генералу И.С. Коневу, прося его назначить меня начальником штаба дивизии, надеясь справиться с обязанностями. На второй же день начальник отдела кадров фронта генерал-майор Алексеев сообщил, что моя просьба удовлетворена, и спросил моего согласия пойти на 5-ю гвардейскую дивизию. Я тут же дал согласие и поблагодарил за доверие. Но я поспешил. Меня вызвал В.Н. Гордов и спокойно сказал:

– Значит, Толконюк решил уйти из штаба армии против воли своего командующего. Так? Сообщаю: Иван Степанович по моей просьбе отменил свое решение и ты остаешься на месте. Ты мне нужен в штабе. Иди и работай по-прежнему. У меня к тебе претензий нет.

Начальником штаба 5-й гв. сд был назначен, по моему совету, другой заместитель начальника оперотдела подполковник П.Ф. Толстяков, окончивший войну командиром дивизии, генералом и Героем Советского Союза.

После этого инцидента генерал Киносян усилил придирки и мне стало работать труднее. Положение поправилось в мою пользу после последовавшего в скором времени посещения армии командующим фронтом генералом И.С. Коневым. Вызвал меня Киносян под вечер и сказал, что в домике командующего находятся генералы Конев и Булганин. Нам приказано за три часа разработать на карте графически оперативную часть частной наступательной

операции в виде предварительного предложения, подробно на первые двое суток, а дальше в общих чертах.

– Времени в обрез, давайте работать вместе, – сказал генерал озабоченно.

Ползая по карте, мы работали в четыре руки; офицеры нас снабжали расчетными данными и цифровыми выкладками. Сделав все то, что можно было сделать в такое короткое время, мы вскочили на неоседланных коней и поскакали в домик командарма, находившийся в селе в километре от нас. Доклад прошел гладко. Его делал Киносян, а я молча сопровождал его слова, водя по разрисованной карте указкой. Уезжая, И.С. Конев, протягивая мне руку последнему, как младшему из всех по чину, во всеуслышание сказал:

– Вас тут не обижают? Я этих хлюстов знаю, – весело взглянул он на Бордова и Киносяна, – ни за что ни про что могут обидеть человека. Не давайте наступать себе на ногу. Без вас они бы над этой картой неделю возились, – преувеличил мои скромные способности высокий начальник; он продолжал, придав серьезное выражение лицу: – Если будут придирааться и зря прижимать, обращайтесь прямо ко мне. Я им хвоста наломаю.

Эти, сказанные в шутку слова командующего фронтом коренным образом изменили в лучшую сторону отношение ко мне со стороны командарма и начальника штаба. Теперь мне не могли угрожать штрафным батальоном.

Как-то вызвал меня Киносян и завязал спокойную беседу, почему-то сделав страдальческое выражение лица:

– Я докладывал командарму, что ты стал за последнее время еще больше, чем раньше, раздражителен, болезненно реагируешь на замечания и упреки, свои суждения отстаиваешь, как непогрешимые. А ведь на начальство обижаться нельзя. Знал бы ты, сколько мне приходится терпеть и сносить обид. Но ведь я не обижаюсь. Служба есть служба.

Я знал, конечно, что начальнику штаба с генералом Гордовым было нелегко работать, и сочувствовал ему. Но все же возразил:

– Любая служба должна быть разумной...

Но генерал прервал меня:

– А хочешь знать, как на это среагировал командующий? Он сказал по твоему адресу: «Ничего, сломится. Не такие сламывались». И вид у тебя усталый, измученный. Почему бы тебе не отдохнуть? Ну хотя бы в дом отдыха поехать на недельку...

– Как это я могу отдохнуть? Где и когда? Я не устал, – ответил я заботливому начальнику, посчитав, что он просто разыгрывает меня. Об имевшемся тогда фронтовом доме отдыха я слыхом не слыхал, но, оказывается, таковой был.

7

В зиму с 1942 на 1943 год мы вступили, находясь в позиционной обороне. Но мы не только сидим зарывшись в землю, а так или иначе готовимся к наступлению: проводим различные перегруппировки, по очереди выводим в резерв то полки, то целые дивизии на отдых и занятия по боевой подготовке. Наряду с напряженной работой в штабе командующий поручает мне проведение командно-штабных учений с дивизиями и бригадами, иногда полковые тактические учения с боевой стрельбой. Много времени занимает разработка материалов учения и подготовка их. В помощники из штаба и оперативного отдела удается привлечь лишь отдельных офицеров; хорошо, что есть возможность опереться на запасный полк и курсы младших лейтенантов, привлекая в качестве посредников толковых преподавателей и курсовых командиров. В начале января подготовил и провел командно-штабное учение с 53-й сд и 50-м олбр.

Но главная работа в штабе: разрабатываем различные варианты наступления, проигрываем их на картах с командирами дивизий. Вот командарм задумал провести учебный сбор с командирами дивизий. Основным докладчиком на тему «Наступательная операция армии в условиях зимы» он назначил полковника Грызлова. Мы подготовили доклад с расчетом на два часа, иллюстрировали наглядными картами, схемами и таблицами. В.Н. Гордов рассмотрел материал, внес небольшие поправки и утвердил. Оставалось четко его прочитать перед аудиторией, собравшейся в большой землянке. Низко склонившись над бумагами, запинаясь и оговариваясь, Грызлов нудно читал, весь вспотев от напряжения и волнений. Командарм нетерпеливо вертелся на табуретке, вздыхал, качал головой. Выдержки у него хватило не более как на полчаса.

– Хватит, Федор Иванович, – прервал генерал докладчика, – не под силу тебе эта грамота.

Занятие продолжил и закончил сам командующий. Ни у кого не оставалось сомнения, что Грызлов недолго будет начальником оперативного отдела.

Распустив участников сбора, генерал Гордов заговорил со мной:

– Твой командующий заботами фронтowego начальства получил путевку в генеральский дом отдыха, на семь дней. Он намерен отказаться от путевки в твою пользу. Завтра и в дорогу.

– Вам дана путевка, товарищ командующий, вы и поезжайте, я не могу ехать по чужой путевке, да еще в генеральский дом; много чести для подполковника, – пытаюсь обоснованно отказаться.

– Это приказ! – сказал генерал и ушел.

Дом отдыха находился в бывшем санатории «Узкое» под Москвой. Окруженный заботами и вниманием, я пробыл там девять дней, так как снежные заносы не позволили вовремя прислать за мной машину. Кормили отлично, давали водку и вино. Отдыхали там, кроме генералов, отдельные офицеры. Многие были с молодыми женщинами, представлявшими жен. Отоспался я и отдохнул на славу. Пришлось лишь пожалеть, что был я одинок. Подобного рода заботу обо мне генерал Гордов проявлял и впредь. Когда я стал начальником оперативного отдела, он ежедневно присылал мне полагающуюся ему пачку папирос «Северная Пальмира»; сам он не курил, а мне такие дорогие папиросы не полагались по чину.

С Федором Ивановичем Грызловым у меня, как у его заместителя, сразу же сложились теплые дружеские отношения.

Я его никогда даже невольно не подводил, а он меня всегда поддерживал и защищал, когда это требовалось, как мог. Федор Иванович обладал удивительными способностями располагать к себе людей, вызывать уважение и доверие. Отдавая себе отчет, что оперативный отдел не его стихия, он пригласил меня к себе в блиндаж и дал установку, будучи совершенно откровенным.

– Располагайся поудобнее, Илларион Авксентьевич, – начал он разговор с заметным оттенком юмора. – Перво-наперво требуется по душам потолковать. Ординарец сейчас приготовит что надо, и мы за рюмочкой, закусывая хорошими пельменями, которые я привез из дивизии, помозгуем; выясним отношения и наметим линию поведения каждого из нас. Святое наше дело требует дружной и честной работы, без амбиции и выкрутасов. Личные чувства, переживания и болезненное самолюбие не должны мешать главному, за что мы боремся. Прямо, без обиняков, скажу тебе по-дружески, что мое назначение в штаб армии – досадная ошибка. В штабных, а тем более в оперативных делах я разбираюсь как баран в Библии и смотрю на испещренные красивыми красными и синими стрелами топокарты, как тот самый баран, туша которого висит при входе в мой блиндаж, смотрел на новые ворота. А каждая таблица с расчетами мне представляется подаваемым официантом счетом в дорогом ресторане после крепкой попойки; как взгляну на прыгающие в глазах черные цифры –

мурашки по хребту пробегают. Нет, не в штабе мне коптеть над картами и оперативными документами, а идти в бой, вести за собой славных наших бойцов, с криком «Ура!» бросаться во вражеские траншеи – вот мое призвание. Я солдат, а не штабист. А ты штабист, оператор. Тебе и карты в руки: топографические, конечно, а не игральные, – хитро улыбнулся полковник, довольный своей шуткой. – Вот ты и работай в отделе, делай что требуется, а я буду больше мотаться по войскам. Ну и подписывать твою писанину, как положено начальнику. Во мне ты найдешь верного друга и старшего товарища. За тебя я горло перегрызу кому хошь, хоть самому Василию Николаевичу. Но ты на меня не обижайся: сюда я не просился, а повиновался приказу. Не подводи меня – и все будет в ажуре. В военторговскую столовую не ходи, а приходи ко мне завтракать, обедать и ужинать. Из дивизии нам будут подбрасывать все, что необходимо для дотации к офицерскому пайку. Будем вместе питаться и беседовать о делах, советоваться. А в свободные минуты моя «канарейка» споет нам душещипательные песенки. – Канарейкой он называл молодую прелестную бывшую учительницу, привезенную им из дивизии.

И мы работали согласно и дружно: мне он не мешал, а я его не подводил, оказывая ему должное уважение. Начальства он не боялся и из самых сложных переплетов находил выход.

Командарм к нему не придирался и мало что с него спрашивал. Но он был душой коллектива, проявлял отеческую заботу о всех нас.

Подходил близкий сердцу каждого советского человека праздник – День Красной армии – 23 февраля 1943 года. За день до праздника полковника Грызлова и меня вызвал к себе командарм. К чему быть готовыми, сказано не было, и мы отправились в еловый шалаш, где тогда работал Гордов, ни с чем, как говорится, с голыми руками. С хитрецей на лице, с черными искорками в колючих глазах, командарм посмотрел на нас с подчеркнутым интересом и вручил обоим по увесистому фибровому чемодану.

– Это вам к празднику от Военного совета фронта. Тут есть что выпить и закусить, даже деликатесы, которые вам и не снились. Только, чур, не перепить! А говорите, что у вас плохой командующий, – нахмуренно сказал он.

– Никак нет, не говорим, товарищ командующий! – бойко выпалил Грызлов.

– Не говорите, так думаете, – задумчиво проговорил генерал и зачитал приказ об освобождении полковника Ф.И. Грызлова от должности начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба армии и назначении его командиром 122-й сд. Хотя, как потом стало известно, приказ получен несколько дней тому назад, но держался в секрете, и для нас эта новость оказалась неожиданной.

– Служу Советскому Союзу! – радостно выкрикнул Грызлов, щелкнув каблуками.

– А вы, товарищ Толконюк, принимайте должность, – официальным тоном сказал командующий. – Пока исполняющим обязанности, а потом видно будет, – почему-то подмигнул мне генерал. Затем он взял со столика орден Красной Звезды и, нацепив его на грудь Грызлова, тепло поздравил награжденного, назвав его по имени и отчеству. – Вот и все. Есть вопросы? – сказал командующий, давая понять, что аудиенция окончена.

Я ответил, что у меня вопросов нет.

– Есть вопрос, товарищ командующий, – без тени смущения сказал Грызлов. – За какие заслуги я награжден орденом?

– За взятие Перекопа! – вскипел Гордов, подкрепив ответ крепкой русской фразой и выгнал нас из шалаша. Перекоп, конечно, был ни при чем.

С той поры и до окончания войны Федор Иванович Грызлов, став вскорости генералом, успешно командовал дивизией, проявив себя незаурядным командиром. Предъявляя высокие требования к подчиненным, он никогда не повышал голоса, не ругался и не выказывал

возмущения при неполадках в боевых делах. Его знал и любил весь личный состав дивизии. Солдаты считали его родным отцом и радостно встречали в передовых подразделениях, откровенно говорили ему о своих нуждах и переживаниях. Он почти никогда никого не наказывал, но приказы его выполнялись беспрекословно и с каким-то особым желанием. Проявивших себя в бою смельчаков он по-отечески обнимал, целовал, похлопывал по плечу и щедро поощрял. Свой единственный первоначально орден Красной Звезды он собственноручно нацеплял на грудь офицера или солдата, когда решал наградить. Вслед за тем начальник отделения кадров штаба дивизии оформлял награждение приказом, заменял орден и возвращал командиру его ходовую Звезду. Через некоторое время я был утвержден в должности начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба армии. Мне часто приходилось встречаться с генералом Грызловым. Будучи командиром дивизии, он находил возможность и время проявить заботу обо мне. Когда обстановка позволяла, генерал приглашал меня к себе в дивизию на ужин или в дивизионную баню. Он умел эти процедуры обставлять особым ритуалом и гордился умением принять гостя.

Генерал-майор С.И. Киносян поначалу не скрывал своего недовольства моим назначением, и не потому, что имел ко мне какие-то деловые претензии, а потому, что назначение было сделано не по его инициативе. Он также считал, что его заместитель должен быть старше и опытнее меня, подполковника, которому не было и 30 лет. Свое недовольство генерал выказывал мелочными придирками и колкостями в мой адрес.

– Какой из тебя начальник отдела, когда ты не заботишься о машинистках, плохо устраиваешь их быт и тому подобное.

Однажды, проходя по командному пункту с комендантом штаба майором Бершадским, начальник штаба заметил какой-то непорядок и сказал:

– Идите, Бершадский, к Толконюку и передайте, что у нас нет начальника оперативного отдела.

Бершадский явился ко мне в землянку и пунктуально передал сказанное генералом. Оторвавшись от карты, склоняясь над которой работал с двумя офицерами, я отшутился:

– Скажите генералу, что у нас хотя и есть начальник штаба, но он псих и мешает работать...

Я и мысли не мог допустить, что майор может передать мои слова Киносяну. Но Бершадский тут же пошел и передал сказанное слово в слово.

– Так и сказал? – переспросил удивленный генерал.

– Так точно, сказал, – подтвердил комендант, ожидая похвалу.

– И вы смеете передавать мне эту галиматью? – вскипел генерал. – Вы врете, не мог Толконюк так говорить в адрес своего начальника! Вы что, и мои слова ему передали, идиот?

– Я выполнял приказание... – невнятно стал оправдываться майор.

– Вон! Из глаз моих вон! Доносчик!.. – закричал генерал и сердито сверкнул своими покрасневшими глазами из-под толстых бровей.

И Бершадский пулей вылетел из блиндажа, став жертвой излишней «дисциплинированности».

Со временем страсти генерала Киносяна улеглись и мы стали работать дружно и согласованно.

Армия находилась в обороне на занимаемом к юго-востоку от Вязьмы рубеже до конца февраля 1943 года. Мы неоднократно проводили разведку боем, иногда захватывали то высотку, то небольшой населенный пункт на переднем крас обороны противника, но, как правило, захваченное ценой больших жертв удержать не удавалось. Немцы, сосредоточив

массированный огонь артиллерии, смешивали с землей наши подразделения и отбрасывали их в исходное положение.

За последнее время противник увел числившиеся перед фронтом нашей армии и соседей 258, 292, 31 и 183-й пд, но прочность его обороны на переднем крае не ослабла. Стали поступать данные, что немецко-фашистское командование, в связи с разгромом их группировки под Сталинградом и на юге советско-германского фронта, с целью высвобождения части сил и переброски их на юг намеревается отвести свои войска из Ржевского выступа под предлогом выравнивания фронта. Ржевский выступ находился гораздо северо-восточнее полосы нашей армии, но мы получили задачу подготовиться к наступлению с тем, чтобы сломить сопротивление противника и выйти на коммуникации его ржевской группировки. И мы подготовили наступательную операцию, хотя сил у нас было крайне мало. Попытки прорвать оборону противостоящего противника или хотя бы вклиниться в его расположение успехом не увенчались.

С 20 февраля армия находилась в готовности к преследованию отходящего противника. В такой обстановке прошел февраль.

Глава 4 Преследование

1

После проведения августовской наступательной операции, с сентября 1942 до начала марта 1943 года, 33-я армия фактически простояла в обороне на одном месте. Справа 5-я, а слева 49-я армии находились почти в таком же положении. Мы стояли против юго-восточного отрезка так называемого Ржевско-Вяземского выступа, глубоко вдававшегося на восток на Московском направлении. Этот выступ, удерживавшийся 3-й танковой и 9-й полевой армиями противника, ближе, чем где бы то ни было на советско-германском фронте, отстоял от Москвы и угрожал ей по кратчайшему направлению. Поэтому немецко-фашистское командование, все еще не оставлявшее вожаемой мечты захватить столицу Советского государства, называло Ржевско-Вяземский выступ «пистолетом, направленным в грудь Москвы». Разумеется, что советское командование не могло не пытаться выбить этот символический «пистолет» из кровавой руки бесноватого фюрера.

Против выступа, обволакивая его с трех сторон, действовали главные силы наших Западного и Калининского фронтов. Наступление этих фронтов в феврале 1943 года с целью ликвидации выступа и удаления фронта от столицы не достигло значительных оперативных результатов: немцам удалось удержать выступ. Но они понесли огромные потери и израсходовали все резервы. Укрепить здесь истощенную оборону оказалось нечем. Они были лишены сил и для укрепления своей орловской группировки, где для них создавалась крайне тяжелая обстановка. В создавшихся условиях немецко-фашистское командование испытывало большую нужду в дополнительных силах, а их не было. Ничего другого у немцев не оставалось, как высвободить силы за счет сокращения линии фронта. Поэтому они в конце февраля пришли к окончательному решению вывести свои войска из Ржевско-Вяземского выступа. В ночь на 2 марта противник начал отвод войск 9-й полевой и 3-й танковой армий на Ржевско-Вяземском направлении, очищая огромное пространство. Отход осуществлялся планомерно от рубежа к рубежу, под прикрытием сильных арьергардов, авиации и массированного огня артиллерии перед каждым рубежом. Западный и Калининский фронты перешли в преследование отходящего противника, потребовав от войск решительных действий, чтобы не дать противнику организованно отойти на конечный рубеж. Однако умело построенный отход, широкое применение различных заграждений, разрушение всех, даже мелких мостов и переходов через препятствия и порча дорог в

весеннюю распутицу в условиях лесисто-болотистой местности не позволили подвижным отрядам наших войск осуществить задуманный обходный маневр, выйти на тылы отступающей группировки и перехватить пути ее отступления. Темп преследования был низким, войска не смогли продвигаться более 6–7 километров в сутки, а порой и того меньше, и противнику удавалось отводить войска планомерно. Поэтому нарушить план отхода врага не удалось. Фашисты отходили со всеми мерами предосторожности, сознавая, что имеют дело с серьезным противником.

Перейдя в преследование 2 марта, наши войска 3 марта заняли Ржев, а 12 марта – Вязьму. Противнику без особых помех удалось отойти на заранее подготовленный и удобный в тактическом отношении рубеж по линии от точки северо-восточнее Ярцево до точки непосредственно восточнее Спас-Деменска.

Преследуя отступающего противника, с трудом преодолевая распутицу, заграждения и бездорожье, ведя упорные бои на промежуточных рубежах в течение 20 суток, наши войска 22 марта подошли к последнему рубежу отхода немцев, где встретили сильное огневое сопротивление, и после неоднократных попыток прорвать этот рубеж прекратили наступление. С отходом противника фронт отодвинулся от Москвы на 130–160 километров. Сокращение фронта позволило советскому командованию вывести в резерв две армии и один мехкорпус. Немцы тоже высвободили двенадцать дивизий и перебросили их в районы Орла и Брянска.

2

Так как противник отходил последовательно от рубежа к рубежу, начиная с восточной части выступа, то 33-я армия, стоявшая на юго-западном фланге выступа, перешла в преследование только 4 марта, когда противник отошел на уровень ее полосы. Следует, однако, заметить, что армия стояла в готовности к наступлению уже с 20 февраля и, с началом отхода противника 2 марта в районе Ржева, попыталась прорвать оборону перед собой, но успеха не имела, ибо до 4 марта немцы здесь сопротивление не ослабили.

Динамика отхода противника и нашего преследования выглядела так: противник, как правило, отходил ночами, удерживая каждый промежуточный рубеж в течение дня. С наступлением темноты он открывал сильный артиллерийский огонь, под прикрытием которого снимал войска с рубежа, оставляя небольшие группы пехоты, и отходил не на следующий позади рубеж, а на последующий. Второй рубеж он занимал войсками до того, как начнет отходить с первого. Отходившие части переваливали заранее занятый второй рубеж и садились на третий. Получалось так, что если наши войска прорвались бы через прикрытия на первом рубеже, то они напоролась бы на второй рубеж, занятый войсками противника заблаговременно. Выпустив выложенные для этой цели на грунт снаряды, артиллеристы брали орудия на крюки тягачей и уезжали в тыл; группы прикрытия уходили вместе с ними, взрывая за собой оставленные мостики.

Как только прекращалась артиллерийская пальба, наши войска переходили в преследование. Они доходили до следующего рубежа и, встретив организованное сопротивление, залегали под губительным огнем. Подтягивалась отставшая артиллерия, наспех готовилась атака, и весь день мы пытались прорвать рубеж, но большей частью безуспешно. Ночью опять преследуем, а с утра все повторяется сначала. И так все 20 дней, вплоть до перехода снова к обороне в конце марта.

Условия боя и передвижения были крайне тяжелые: в лесах еще лежал почти не тронутый мартовским солнцем глубокий снег, по которому можно было передвигаться на лыжах, на лошадях и кое-где на санях. Все мосты взорваны, дороги непригодны, по глубоким колеям текли ручьи; грязь, перемешанная с мокрым снегом, всасывала ноги людей и лошадей, машины буксовали и намертво застревали.

Иногда удавалось сбить прикрытие и передовым подразделениям двигаться на виду отступающих групп противника, отстреливающихся из ручных пулеметов и автоматов и уходящих дальше.

Командующий разослал по передовым частям почти весь штаб, требуя от войск прорваться через прикрытие и настигнуть главные силы отходящего противника. Но догонять труднее, чем убежать. Я тоже мотался по войскам то верхом на коне, то на санях, то пешком в передовых подразделениях. Однажды с одним из офицеров своего отдела я выехал на санях вперед и увидел отходящую группу противника из 30 человек. Немцы стреляли, часто пускали ракеты и уходили. Вот они скрылись в селе. Преследовавший их взвод из 15 человек подошел к селу и, встреченный пулеметным огнем из крайних домов, скрылся в ложбине. Утопая по колено в рыхлом снегу, мы подошли к селу в тот момент, когда немцы уходили из него через поляну в лесу. Перед селом в небольшой ложбине каменными изваяниями сидели на снегу наши бойцы. Никто из них не подавал признаков жизни. Мы посчитали их убитыми, но не понимали, почему они сидят, а не лежат. Чтобы установить, какой части бойцы, мы стали искать в их карманах документы. Не шевелясь и не меняя позы, они начали тихо говорить, в каком кармане документы. Я командовал встать и построиться. Все оказались живы и здоровы. Попав под огонь, солдаты прикинулись мертвыми, но не хотели ложиться в напоенный водой снег. К такому приему их принудила чрезмерная усталость. У убитого немецкого офицера обнаружили карту с нанесенными рубежами отхода, с указаниями, какими войсками и когда занимаются поочередно рубежи, и сроками их удержания. Удивительно, что младший офицер, находившийся в прикрытии, имел при себе совершенно секретную карту с планом отхода со всего выступа. Эта карта прояснила нам все промежуточные рубежи, силы и сроки их обороны. Кое-что из этого плана мы использовали. Главное – это то, что мы точно установили последний рубеж, на который в конечном счете отходил противник. Командарм загорелся идеей ворваться на этот рубеж до того, как на нем осядет отходящий противник. Он требовал от передовых отрядов не ввязываться в бои с арьергардами противника, а, обходя их параллельными маршрутами, проскакивать промежуточные рубежи и устремляться к конечной цели. Но в сложившейся обстановке такая задача оказалась непосильной, хотя у всего личного состава был заметен наступательный порыв, вызванный самим фактом, что враг отходил, а мы наступали, освобождая Советскую землю; все мы сознавали, что фашисты отступают не от хорошей жизни, и это радовало. Делалось все возможное, люди проявляли героизм и невообразимую выносливость, непрерывно мокрые, озябшие и нередко голодные, промерзшие до костей, совершали почти невозможное, но обогнать отходящего противника было выше их сил.

3

Вязьма оказалась на стыке между 33-й и 5-й армиями и 12 марта была занята частями нашей 110-й дивизии и 144-й дивизии 5-й армии. С освобождением Вязьмы 144-я сд распоряжением фронта передавалась в состав 33-й армии. Мне было приказано с представителями родов войск и служб поехать в дивизию, выяснить на месте ее состояние и документально оформить прием. На грузовой машине мы ехали по только что освобожденной от врага территории. Нельзя было не заметить по внешним признакам, что противник отходил планомерно и потому не оставил после себя ничего, кроме разрушений и опустошений; ни поврежденных машин, ни трупов убитых, ни укупорки из-под боеприпасов, ни стреляных гильз, ни металлолома, ни другого какого военного имущества. Зато виднелись сожженные села, разрушенные дома и колхозные постройки, взорванные или разобранные мосты и мостики, выведенные из строя дороги. В ряде мест на лесных дорогах устроены завалы, оставлены мины и фугасы, в узких местах дороги перекопаны. Даже мостики, состоявшие из трех-четырех досок или бревен, разобраны и убраны, чтобы труднее было восстановить переезды. Для того чтобы перебраться через места, где были такие мостики, нам пришлось снимать и использовать борта своей машины.

В самой Вязьме более или менее солидные дома были разрушены; в центре города сохранилось одно капитальное здание с белыми колоннами, оно оказалось заминированным и впоследствии взорвалось. Штаб дивизии размещался в уцелевших деревянных домиках на западной окраине города. На стенках хат сохранились плакаты фашистской пропаганды, некоторые из них гласили: «Я говорил, что уничтожу мировое еврейство, и я это делаю. *Адольф Гитлер*» — и тому подобный бред. Жителей в городе было мало: женщины, старики, дети. Они бродили по развалинам и пепелищам и что-то искали. При выяснении укомплектованности дивизии личным составом и материальными средствами оказалось, что командование 5-й армии не обеспечило ее подвижными запасами, особенно одним боекомплектном боеприпасов, как было предписано директивой фронта. Командир дивизии генерал-майор Яблоков и начальник штаба подполковник Каплан пожаловались на командарма генерал-лейтенанта Поленова, который просьбу о выделении положенных запасов даже не захотел выслушать. Генерал Поленов, явно недовольный уходом из его подчинения дивизии, принял меня враждебно, сердился и сетовал на обирание армии. На мою настойчивость выделить все, что предписано, генерал грубо сказал: «Берите, что дают, и не занимайтесь вымогательством. Я вам не дойная корова. Остающиеся у меня дивизии обеспечены боеприпасами еще хуже».

Только упорная настойчивость и заявление о том, что мы вынуждены будем обратиться к командующему фронтом генералу В.Д. Соколовскому, сломили упорство командарма, и он нехотя уступил, да и то после уговоров его своим начальником штаба генералом Пигаревичем и начальником оперативного отдела полковником Переверткиным, стоявшими за точное выполнение директивы фронта.

За освобождение Вязьмы нашей 110-й дивизии вскоре было присвоено звание 84-й гвардейской.

Тем временем преследование отходящего противника продолжалось. Каждые сутки, с наступлением темноты, немцы, удерживавшие тот или иной рубеж в течение дня, открывали сильный артиллерийский огонь, что являлось верным признаком начала отхода. Над передним краем появлялись наши легкие ночные бомбардировщики По-2, развешивали в темном небе яркие фонари осветительных бомб и шли бомбить отходящие части и прикрытие фашистов. Наши войска начинали двигаться вперед, с большим трудом преодолевая заграждения и бездорожье. Всю ночь они занимались этим невероятно трудным маневром, а к утру, наткнувшись на занятый противником следующий рубеж, встретив организованный огонь, залегали в налившийся талой водой снег и ледяную грязь, чтобы в течение наступающего дня пытаться прорвать встретившийся рубеж. Противник выбирал рубежи по возвышенностям, приподнятым берегам рек и ручьев, а это обеспечивало хорошую видимость, обзор и эффективный обстрел подступов к переднему краю, и наши войска, вынужденные в светлое время находиться на виду у неприятеля, несли потери в людях, иногда значительные.

22 марта армия передовыми частями подошла к конечному рубежу отхода противника и попыталась преодолеть его с ходу.

Но попытка была отбита немцами. Фашисты перед левым флангом армии удерживали местность несколько восточнее Спас-Деменска, и далее на северо-запад фронт проходил в направлении к востоку от Ярцево. Передний край рубежа обороны противника проходил по удобным и выгодным в тактическом отношении возвышенностям и высотам за небольшими речушками и низкими болотистыми местами. Наши же войска, подойдя к рубежу, заняли позиции в низинах и болотах, оказавшись в крайне невыгодном положении как в тактическом, так и в бытовом отношении. Весна была в самом разгаре: таял последний снег, текли ручьи, реки вздулись и начался паводок.

Не только наступать стало невозможно, но и организовать оборону на достигнутом рубеже было крайне трудно: ни рыть траншеи, ни строить блиндажи и землянки просто немыслимо.

Отводить войска на более удобные позиции категорически запрещалось. Пока земля полностью не оттаяла, части кое-как устраивались там, где находились. Но потом это стало невозможным и, несмотря на запрет, некоторые части самостоятельно отвели свои подразделения с затопливаемых мест, оставив отдельные участки местности, ибо другого выхода не было, показав этим самым, что приказы выполняются только реальные. На правом фланге армии по условиям местности невольно образовалась нейтральная полоса глубиной около 2 километров и до 4 километров по фронту; имелось в виду занять эту болотистую полосу после весенней распутицы, упредив в этом маневре противника.

С подходом к рубежу и после неудавшейся попытки прорвать его с ходу, для выяснения характера обороны врага и уточнения его огневой системы командарм приказал в тот же день, 22 марта, на ряде участков провести разведку боем. Подразделения понесли значительные потери от интенсивного многоярусного огня и ворваться на передний край немцев не смогли. Стало очевидным, что продолжать наступление без серьезной подготовки бессмысленно. Но и оставаться на неудобной низкой местности перед возвышенным и хорошо устроенным рубежом противника казалось невозможным. Все, от командарма до солдата, страстно хотели сбить врага и выбраться на более благоприятную местность.

Обсудив создавшееся положение с руководящим составом, переговорив с командирами дивизий, генерал Гордов поставил задачу срочно подготовить наступление с прорывом обороны противостоящего противника на узком участке и, расширив прорыв в стороны флангов, скомпрометировать, как он выразился, оборонительный рубеж врага. На подготовку нового наступления отводилось шесть суток, атака назначалась на утро 29 марта. Все эти дни командование армии и дивизий и их штабы не смыкали глаз: надо было разведать цели и объекты удара, произвести перегруппировку войск и подтянуть тылы в условиях бездорожья, подвезти боеприпасы, спланировать наступление и артподготовку, создать систему командных и наблюдательных пунктов, организовать управление и связь и многое другое. Для артподготовки и поддержки атаки привлекалось 638 орудий и минометов, не считая мелких калибров. Две трети сил и средств армии нацеливалось на направление главного удара. Нечеловеческими усилиями огромного коллектива генералов, офицеров и солдат основные подготовительные мероприятия были выполнены в срок. К утру 29 марта войска стояли в исходном положении для наступления, командиры и штабы всех степеней заняли свои места на наблюдательных и командных пунктах. Начало артподготовки намечено на 8 часов. Изготовившаяся к наступлению армия ждет сигнала, с подачей которого с НП командарма уже будет невозможно что-либо изменить – свершится то, что должно свершиться. Но, как это часто бывает на войне, случилось и нежелательное явление, затрудняющее боевые действия и осложняющее выполнение людьми поставленной задачи. Погода явно неблагоприятная: видимость плохая, низкая облачность, с утра моросит дождь – первый, кажется, дождь года. Время неумолимо движется вперед. Часы сверены, связи опробованы. 7 часов 40 минут: до начала артподготовки остается 20 минут. Не решит ли командарм перенести начало действий в связи с ненастной погодой? Но нет, он молча смотрит на командующего артиллерией генерал-майора В.С. Бодрова – оба они, наверное, думают об одном и том же, о погоде; у обоих не могло не зародиться сомнение, стоит ли начинать в таких тяжелых условиях. Я не отрываю взгляда от командарма, держа часы перед глазами, как бы напоминая, что время приближается. Командарм внешне спокоен, но в его неподвижном взгляде запечатлено неудовлетворение: он отдает себе отчет, что шансов на успех немного, но он уже не волен что-либо изменить; остается только надеяться.

Ровно в 8:00 взметнулись, прошуршав, ракеты, побежали команды по паутинам телефонных проводов. 638 орудий, из них 416 на направлении главного удара, выдохнули пламя и взорвали утреннюю тишину, потрясая воздух. Вздогнула земля, окрестность заполнил сплошной гул выстрелов и разрывов. Артподготовка началась. Стонет Смоленская земля, на которой перед стеной разрывов своих снарядов в талой воде и грязи лежат освободители этой многострадальной Советской земли от фашистского насилия. Они ждут сигнала для

движения вперед, глубоко сознавая, что многих из них сегодня, а может, через несколько минут не станет, но стараются не думать об этом. У всех один выход, одна цель – вперед, на запад, на врага!

Задача ударной группировки – прорвать оборону противника и к исходу дня выйти на рубеж реки Демины. Выполнение этой задачи явилось бы неописуемым счастьем для всех нас...

И вот – сигнал для атаки! Танки, которых у нас крайне мало, да и те могут пройти лишь на отдельных направлениях, выходят с исходных позиций, переваливают передний край; пехота поднимается и бежит цепью за танками, глубоко вспахивающими вязкую грязь гусеницами, ревя перенапряженными двигателями. Артиллерия переносит огонь в глубину. Танки и передовые цепи пехоты медленно поднимаются по пологим скатам и на отдельных участках достигают первой траншеи противника. Но поначалу оглушенная оборона оживает: лающе залязгали пулеметы, застрекотали автоматы, столбами встали разрывы снарядов и мин, завизжали снаряды противотанковых пушек. Танки останавливаются: один вспыхнул ярким факелом, другие завертелись на одном месте с перебитыми гусеницами. Пехота замедляет движение и затем кучками ложится на мокрую землю. Над полем боя появляются группы вражеских самолетов: юркие «U-87» описывают круги и поочередно переходят в пики над боевыми порядками передовых частей, над огневыми позициями артиллерии.

Бой продолжается, перерастая в чисто огневой, атака захлебывается, наступление не удалось. Командарм еще во что-то верит, ему не хочется так вот сразу признать неудачу, и он понукает командиров соединений, требует, упрекает. В течение дня неоднократно предпринимаются усилия возобновить атаку, но она каждый раз захлебывается в первые минуты. Противник методически перемалывает нашу пехоту в исполинской мясорубке и уничтожает танки, застрявшие в грязи или остановленные на минных полях. К вечеру бой стал заметно ослабевать, а с наступлением темноты все стихло, лишь вспыхивают в темном небе ракеты да время от времени слышатся артиллерийские выстрелы с обеих сторон. Командарм бесцеремонно ругает командиров соединений и штабных генералов и офицеров, будучи недоволен действиями войск. Он усматривает недостаточную настойчивость командного состава и неумелое управление боем. Нервозность командующего передается генералу С.И. Киносяну, а тот мечется, не зная, как оправдаться, и срывает зло на подчиненных. Но это всего лишь неприятные отзвуки неудавшегося наступления. Конкретных виновников искать было бы неразумно. Истинная причина неудачи коренилась в большом преимуществе в данной обстановке обороны над наступлением. Это преимущество усиливалось тем, что обороняющийся занимал выгодный в тактическом отношении рубеж, почти не был скован распутицей, а наступающий действовал в непролазной грязи, имея исходные позиции в болотистой низине. Малое количество боеприпасов не позволило надежно подавить огневую систему обороны: при некотором превосходстве в количестве артиллерийских стволов мы выпустили вдвое меньше снарядов, чем противник: его артиллерия вообще не была подавлена, что и определило исход боя. В тот же день поступило указание командующего фронтом прекратить наступление и перейти к обороне на достигнутом рубеже.

Вырабатывается и принимается решение, проводится перегруппировка войск, армия занимает оборонительное положение и осуществляет необходимые в обороне мероприятия. В тот трудный для армии период мое положение в штабе несколько изменилось. Я был уже начальником оперативного отдела – заместителем начальника штаба.

Глава 5

Снова позиционная оборона

Весенняя распутица 1943 года поставила 33-ю армию в невыносимо тяжелое положение, вообразить себе которое неучастнику вряд ли возможно. Перейдя к обороне на лесистоболотистой местности в конце марта – начале апреля, когда непролазная грязь и талая вода приостановили всякое движение транспорта, она безотлагательно нуждалась в большом количестве материальных средств. Надо было срочно подтянуть тылы, пополнить запасы боеприпасов, непрерывно подвозить продовольствие, восполнить потери в личном составе, подвезти незамедлительно потребовавшиеся мины, взрывчатку, колючую проволоку, доставить войскам летнее обмундирование и многое, многое другое. А дороги и всякие иные пути передвижения на длительное время пришли в негодность. С большим трудом можно было передвигаться только пешком и верхом на коне, да и то не везде.

В мартовском наступлении армия, преследуя отходящего противника, продвинулась примерно на 100 километров. На освобожденном от врага пространстве дороги были испорчены, а весенняя распутица довершила приведение их в полную непригодность; все мосты, мостики, гати и переходы разрушены врагом. Малочисленные дорожные части с их малоподвижной техникой далеко отстали. Железнодорожных коммуникаций не было, а рокадные железные дороги, выведенные к тому же из строя, не могли быть использованы для доставки грузов.

Восстанавливать дороги и мосты можно было только после распутицы.

Продовольствие кончалось, и людям угрожал голод, недопустимый в действующей армии. Первоочередной и неотложной задачей командования встала – не допустить голода, а сделать что-либо существенное в этом отношении оказалось выше его сил и возможностей. Изыскать хотя бы что-нибудь из местных ресурсов даже не мыслилось: немногочисленные местные жители сами голодали, а оставивший территорию враг все увез или уничтожил.

Поначалу мы сбрасывали по ночам дивизиям мешки с сухарями и консервами с самолетов По-2, выделенных для этой цели распоряжением фронта. Это не решало полностью проблемы питания, но все же кое-что давало и внушало людям какую-то надежду.

Рассчитав потребность в пайках и возможность их пополнения авиацией, командарм распорядился выдавать ежесуточно солдатам и офицерам половинную норму сухарей и мизерные граммы консервов. О приварке, табаке и водке, согревающей тело и душу солдата и, в какой-то степени, пополняющей недостающие калории, и думать было нечего. Распоряжение коснулось и Полевого управления армии: все мы стали получать половинную норму положенного пайка. Но и эти скудные возможности оказались под угрозой срыва.

Немцы разгадали наши продовольственные мероприятия и каждую погожую ночь стали патрулировать ночными истребителями над районами сбрасывания продовольственных грузов, сбивать наши самолеты и бомбить приемные площадки. Дело дошло до настоящего бедствия.

Мне неоднократно приходилось бывать в местах приема грузов. Дело в том, что командующий, подозревая, что не все продовольствие доходит до солдата, часть, дескать, не отыскивается и не подбирается, а часть разворовывается, как он выражался, тыловыми чиновниками, не вполне доверял офицерам ирод отдела и посылал своих представителей для контроля. Да и помехи со стороны противника он считал преувеличенными. Поэтому этим делом пришлось заниматься и оперативному отделу. Побывав на приемной площадке в темное и светлое время, я убедился, что некоторые подозрения командарма имели основание. Руководившие приемом и распределением продовольственных грузов офицеры тыла запаслись для себя лично изрядным количеством не только сухарей, но и консервов, а также яичным порошком, из которого готовили на сале вкусную яичницу. У них даже водились водка и папиросы.

Для сбора мешков с продуктами и сухарей, вывалившихся из разбившихся при падении мешков, выделялись специальные команды. Эти команды обедались сухарями и

консервами, присваивая их сверх всяких норм. Офицеры продовольственной службы почти не пресекали такое расточительство. Надо было вмешаться и навести порядок. Но главное было другое. Многие солдаты под покровом темноты оставляли боевые позиции на переднем крае и шли к приемным площадкам хватать и есть сухари. Солдат, схватив сухарь, грыз его с такой жадностью, что оторвать его от этого занятия и возратить в подразделение не всегда удавалось: самовольщики прятались в кустах и ямах, а когда падали мешки, они опрометью бросались к ним, хватали что удастся и снова хоронились. Подойдешь к такому охотнику за сухарями и требуешь прекратить самоуправство, но он ничего не слышит и продолжает свое дело. Даже угрожающий выстрел из пистолета у самого уха голодного солдата не имел никакого воздействия.

Генерал Гордов требовал от штаба предложений, направленных на решение проблемы доставки продовольственных грузов, так как снабженцы предложить ничего реального не могли, кроме ускоренного строительства дорог. Но время не ждало: надо было кормить людей. Тогда командарм навалился на меня:

– Вы, операторы, почему ничего не предлагаете? Хотите, чтобы у меня разбежалась армия или вымерли люди?! Как вы можете равнодушно смотреть на страдание людей? – бушевал генерал.

И тогда пришла мне в голову мысль оперативного порядка, которую я и высказал, преодолев опасение вызвать еще больший гнев.

– У нас во втором эшелоне стоит 160-я сд, – сказал я истину, известную командарму не хуже моего.

– Ну и что, – угрожающе спросил генерал, – не выдавать ей пайков?

– Нет, как раз наоборот, – говорю, – дорог нет на протяжении около 100 километров. Прикажите весь личный состав дивизии выстроить цепочкой, и пусть эстафетой, передавая друг другу, таскают мешки подобно тому, как иногда строители передают кирпичи на строящийся дом. До просыхания дорог проблема будет решена.

Генерал подумал, а потом сказал:

– Дивизия на это время будет небоеспособна. Когда ее соберешь? А если немцы атакуют и прорвутся, что я им противопоставлю? Вы об этом подумали?

– Подумал, товарищ генерал, – отвечаю, – немцы не рискнут наступать в такую распутицу. Да и выхода другого оперативный отдел не видит...

– Почему вы до сих пор молчали, черт бы вас побрал? – возмутился командующий. – За язык тянуть надо! Вызывайте ко мне комдива и сами приходите с конкретными расчетами. Начальника тыла вызову сам.

Предложенный нами план был утвержден, и если не полностью, то в значительной мере проблема разрешилась.

2

Тем временем распутица постепенно отступала, вырисовывались просохшие места и заболоченные участки, дороги приводились в порядок. Оборонительная полоса армии принимала свой обычный вид. На возвышенных местах рылись траншеи и окопы, соединялись на отдельных участках насыпными траншеями и ходами сообщения. Передний край обозначился на удалении от противника в среднем от 100 до 200–300 метров. Только на правом фланге приблизить передний край к противнику местность не позволяла. Между нашим передним краем и противником простиралась заболоченная низина, поросшая кустарником, сгруппированным в небольшие островки, выглядевшие со стороны серыми

копнами. Вырыть траншеи или сделать насыпные оказалось невозможным. Образовался никем не занятый участок местности глубиной километра полтора и километра два по фронту. Ночами по этой местности сновали разведгруппы обеих сторон, нередко завязывалась перестрелка, но, так как шум шагов на болоте был далеко слышен, разведчики своевременно обнаруживали друг друга и пленных захватывать не удавалось. Обе стороны развешивали на кустах специальные мины, соединяя их между собой тонкой, незаметной в темное время проволокой, задевание за которую вызывало взрыв. Это затрудняло действия разведчиков, ограничивало их маневр.

Командующему не нравилось такое положение: он опасался, как бы противник не перенес свой передний край вперед. Объехав верхом на коне болото, по заданию командарма, в дневное время в туманную погоду, изучая, как занять нашими подразделениями это пустое пространство и приблизиться к противнику, ничего, что удовлетворило бы командующего, я предложить не мог, придя к выводу, что командование дивизией сделало все от него зависящее и правильно не лезет в болото. Но возвращаться с пустыми руками не хотелось, и я обговаривал в штабе дивизии, как воспользоваться незанятым участком, чтобы показать руководству армии, что извлекать пользу можно и из такого положения. Мы решили попытаться захватить или уничтожить разведгруппу противника на злополучном болоте. Побродив снова между кустами, мы выбрали место для засады. Была подобрана группа солдат в 20 человек, в нее включили самых выдержанных и отважных бойцов. Во главе поставили командира взвода лейтенанта Новожилова – смекалистого и расторопного, но молчаливого, с девичьим лицом офицера. Он охотно взялся за дело. На подготовку отвели двое суток.

Ночь выдалась на редкость темная: сплошная низкая облачность, густой морозящий дождик, белесый туман. Группа расположилась в двух смежных кустах, между которыми был проход со свежими следами подкованных немецких сапог. В полусотне метров впереди замаскировался дозор; его задача – незаметно предупредить командира засады о приближении лазутчиков противника и отсечь им путь отхода. Время шло, а немцы не появлялись. И вот до слуха стало пробиваться чавканье грязи. Дозорные осторожно дернули за телефонный провод, натянутый между засадой и дозором и привязанный одним концом к руке лейтенанта. Бойцы засады, вооруженные автоматами и ручными гранатами, затаили дыхание. Группа немцев, имея впереди дозор из двух автоматчиков, миновав наш дозор, еле заметными тенями прошла в проход между кустами. Пропустив лазутчиков мимо себя, засада, по знаку командира, дружно обрушила огонь автоматов по вражеской разведгруппе. Немцы шарахнулись в стороны, повалились на болото и завопили. Огонь наших бойцов не позволил им подняться до первого проблеска рассвета. Стали вырисовываться силуэты лежавших врагов. По команде лейтенанта засада дружно вскочила на ноги и с криком «Хенде хох!» окружила лежавших немцев. Результат превзошел всякие ожидания: из 37 немецких разведчиков 17 взято в плен, остальные остались лежать мертвыми. Среди пленных около половины – раненые. Генерал Гордов поворчал на меня за то, что операция была проведена без его ведома, а потом похвалил за проявленную инициативу, хотя моих заслуг здесь было меньше всего, и приказал пред ставить отличившихся к наградам. Весть об этой удаче распространилась по всей армии, что резко активизировало действия войсковой разведки во всех дивизиях.

3

С течением времени в армии нарастала озабоченность. Хотя главные события приближающейся летней кампании на советско-германском фронте ожидалось значительно южнее нас, в районе Курской дуги, куда было приковано основное внимание советского командования, не исключалось наступление противника и на Московском направлении против Западного фронта. По крайней мере, мы так были ориентированы штабом фронта.

В оперативном построении фронта наша 33-я армия занимала примерно центральное положение, где линия фронта вдавалась несколько на восток и с переходом противника в наступление можно было ожидать здесь действий сильной наступательной группировки. Все наше внимание было заполнено подготовкой к отражению возможного наступления. Мы были убеждены, что такое наступление будет, и скоро. Во второй половине мая стояла ненастная погода, а поэтому считалось, что немцы не начинают активных действий только из-за погоды. В этот период мы усиленно занимались укреплением обороны в инженерном отношении и следили за группировкой и поведением противника. Фронт требовал почаще брать контрольных пленных и не прозевать ни прибытия новых соединений врага, ни убийства имеющихся перед нами. Но добывать языка становилось все труднее и труднее: многочисленные поиски разведчиков не давали желаемых результатов, а силовая разведка в условиях развитой позиционной обороны фашистов, насыщенной минными полями, многорядными заборами из колючей проволоки и глубокими сплошными траншеями, приводила лишь к большим потерям в людях, не вскрывая действительную систему огня противника.

Разведку боем, как правило, проводили командиры соединений, но, поскольку она не приносила желательных результатов, командарм был недоволен, считая действия плохо организованными и обвиняя штаб в недостаточной помощи войскам и слабом контроле за их действиями. Он требовал, чтобы очередная разведка боем была подготовлена и проведена непосредственно штабом армии. Возглавить это мероприятие поручалось мне. Заместитель начальника разведотдела подполковник Шурупов, как специалист-разведчик, выделялся мне в помощники.

Целью разведки боем ставился захват небольшой плоской высоты, находившейся на переднем крае обороны противника перед фронтом 160-й сд, и выявление огневой системы в этом районе. В мое распоряжение выделялись: один стрелковый батальон, два артиллерийских дивизиона, взвод саперов и один залп дивизиона реактивных снарядов М-20, применявшихся на нашем участке впервые.

Выделенных сил для выполнения такой узкой задачи могло бы хватить, если атакуемый объект считать изолированным.

Но он составлял органическую часть всей системы обороны врага и защищался огнем даже из отдаленных районов, а поэтому, не подавив хотя бы на короткое время вражескую артиллерию, достающую своей траекторией до объекта атаки, рассчитывать на успех веских оснований не было. Моя просьба привлечь армейскую группу контрбатареи борьбы была отвергнута. Ясно сознавая нереальность задачи, я не находил мужества отказаться от опасного поручения, не желая вызвать гнев и обвинение меня в трусости.

Командир дивизии генерал-майор Зарако-Зараковский, не веря в успех затеи и будучи недовольным, что мероприятие проводится в его полосе и его подразделениями, но не им возглавляется, уклонился от всякого участия в этом деле и под благовидным предлогом не позволил и своему начальнику штаба быть причастным к мероприятию.

Под прикрытием 10-минутного артиллерийского налета батальон выбрался из траншеи и устремился к высоте. Залп дивизиона М-20 ошеломил противника, хотя устрашающие взрывы непривычных снарядов рассеялись на большой площади и объекту атаки большого вреда не причинили. Противник вскоре пришел в себя, сориентировался и встретил атакующих губительным огнем. Батальон залег в нейтральной полосе на открытой местности. Вслед за этим, сосредоточив огонь двух артдивизионов с соседних участков, немцы обрушились на нашу траншею: 105-мм снаряды ложились настолько точно и кучно, что траншея стала сплошь обваливаться и сравниться с землей. Мы с Шуруповым наблюдали из открытой траншеи и, когда она начала засыпаться, пошли по ней в поисках укрытия: я пробирался впереди, а Шурупов следом за мной. Как только я поравнялся со связистом, прижавшимся с телефонной трубкой в руке к стенке изуродованной траншеи, в

него попал 3 снаряд, превратив в брызги. Меня оглушило и отбросило метров на десять вдоль траншеи, обдав кровью и липкими хлопьями разорванного тела солдата. Шурупова присыпало землей. Я руками с большим трудом освободил голову товарища из-под земли; он не подавал признаков жизни. Налет продолжался минут десять и внезапно оборвался, все стихло. Батальон, потерявший десятки бойцов убитыми и ранеными, отполз в исходное положение и приступил к откапыванию траншеи. Освобожденный от объятий сырой глины подполковник Шурупов – контуженный, с ободраным лицом и несколькими осколочными ранениями – оказался жив, его унесли на носилках по ходу сообщения в медпункт. С тех пор я с ним не встречался.

Перепаханный чужой кровью и грязью, в разорванной в нескольких местах шинели, с наступлением темноты я покинул место неудачного боя и среди ночи предстал перед командармом. Брезгливо взглянув на мой жалкий вид, генерал, зная по телефону результаты разведки, приказал мне привести себя в порядок и отдохнуть. Вслед за мной в мою землянку явился порученец генерала майор Евстигнеев с литровой бутылкой водки в руке.

– Это прислал вам командующий, – сказал посланец, – чтобы вы выпили немного и соснули.

До сей поры я не могу без стыда вспоминать эту жалкую «операцию». Почему я так покорно за нее взялся, зная наперед ее плачевный исход? – не покидает меня мучительный вопрос. Со временем мы научились более тщательно и продуманно планировать и вести боевые действия, но мелкие атаки, вроде разведки боем, нам и впредь не всегда удавались.

Стараясь не упустить ничего, что происходит в расположении противника, наши армейские разведчики, в тесном контакте с операторами, время от времени давали заявки на авиационную разведку и через нижестоящие штабы держали под наблюдением местность в пределах видимости с многочисленных наблюдательных пунктов. Любые замеченные изменения перед фронтом фиксировались, анализировались и обобщались, выводы систематически докладывались командованию. О всех важных изменениях сообщалось по команде немедленно. Как-то утром доложили из войск, что на одном из участков по брустверу первой траншеи противника на фронте около 10 километров с небольшими разрывами появилась узкая блестящая полоска, ярко сверкающая под лучами солнца. Что это может быть, неизвестно – какая-то загадка. Наблюдение в оптические приборы ясности не вносило: рассыпаны какие-то предметы, похожие на белые жестянки. Что за этим скрывается, надо было выяснить во что бы то ни стало. Логика ничего прояснить не могла. Раскрыть загадочное и, может быть, имеющее важное значение явление можно было только посылкой лазутчиков к первой траншее противника, чтобы разобраться на месте. Но траншея – за минными полями и проволочными заграждениями, оснащенными сигнализацией; подступы к ней через короткие промежутки освещаются ракетами. Задача сложная, если вообще не невозможная. И все же нашелся смельчак, в туманную ночь сумевший ужом подползти к цели и принести несколько жестянок. Это были обыкновенные, маленькие и совершенно одинаковые использованные консервные банки итальянского производства. Но для чего они равномерно разбросаны по брустверу траншеи, четко обозначая ее начертание, требовалось разгадать. Высказывались предположения, что, возможно, противник подвел сюда свежую итальянскую дивизию. Но другие источники разведанных не подтверждали такого предположения. Разгадка пришла несколько позже. Оказалось, что одна из стоявших в первой линии немецких дивизий получила значительное пополнение, сразу же введенное в первую траншею. В этот же день всему личному составу дивизии были выданы консервы в мелкой расфасовке. Солдаты поедали содержимое, а пустые банки выбрасывали из траншеи за бруствер, не догадавшись, что они образуют блестящую демаскирующую полосу, хорошо видимую с нашей стороны. Случай мелкий, но, пока его смысл не был раскрыт, он принес нам немало забот и волнений.

Наряду с совершенствованием своей обороны первостепенной нашей задачей было своевременно раскрыть ближайшие намерения противостоящего противника. Поэтому

всякое изменение в его группировке, действиях и в малейшей перемене установившегося режима поведения имело важное значение. Визуальное и воздушное наблюдение не все могло заметить, если к тому же учесть, что мероприятия, проводимые скрытно, осуществляются в темное время суток. В такой обстановке контрольные пленные представляли неоценимый источник информации. Но заполучить пленного было невероятно трудно. Вражеский язык насколько был важным, настолько и редким.

И вот совершенно непредвиденно подвернулся случай со стороны, давший нам в руки нескольких пленных, ценность которых выходила далеко за рамки местных интересов. Стояла вторая половина ясного июньского дня. В бревенчатый домик, замаскированный в невысоком молодом лесу, где я работал, зашел офицер – представитель Генерального штаба майор Николай Павлович Голуб – мой однокурсник и приятель по военной школе – поговорить и попрощаться в связи с отъездом в Генштаб. Нашу беседу нарушил свистящий шум самолета. Мы вышли из домика и увидели снижающийся немецкий самолет. Самолет скрылся низко за лесом, и шум стих. Выйдя на опушку, мы увидели в километре от КП на плоской возвышенности, упирившейся в небольшой перелесок, приземлившийся самолет. Вскоре с разных направлений побежали к самолету толпы солдат и офицеров; некоторые стреляли на ходу из карабинов и автоматов. Показались и легковые машины, спешащие туда же. Мчался сломя голову и комендант штаба майор Бершадский во главе подразделения охраны.

– Надо вмешаться, – сказал Н.П. Голуб, – пока не поздно. В такой беспорядочной суматохе неизбежны несчастные случаи: могут перестрелять друг друга.

Мы вызвали машину и поехали к месту происшествия. Когда мы подъехали, самолет успели облепить солдаты: кто забрался вовнутрь, кто взобрался на фюзеляж. Кто-то по незнанию и любопытства ради нажал на гашетку бортового пулемета и пустил длинную очередь. Из самолета растаскивали личные вещи экипажа, фотопринадлежности и другие предметы. В ближайшем перелеске слышалась беспорядочная стрельба. Мы с Голубом с большим трудом удалили от самолета непослушную толпу и поставили часового. Самолет оказался бомбардировщиком Хе-111 в варианте ночного дальнего разведчика, о чем свидетельствовала желтая сова, изображенная на фюзеляже. Экипажа ни в самолете, ни поблизости не было, и мы пошли в перелесок, где слышалась стрельба. Там уже корчились три раненых наших солдата и лежал убитый сержант – результат неорганизованной стрельбы. В глубине перелеска мы наткнулись на убитого немца. Как потом выяснилось, он отстреливался из пистолета и был убит комендантом. На серой рубашке мертвого были плетеные серебристого цвета погончики. Чтобы установить чин немца, мы отрезали и захватили с собой один погончик. По изъятым у убитого летчика документам удалось установить, что это был командир экипажа, известный в гитлеровской авиации ас майор Лоренц. Сверх меры горячий и бездумный комендант не позаботился взять его живым и лишил командование ценного языка. Он поймал сдавшегося без сопротивления одного члена экипажа – стрелка-радиста – и умчался с ним на КП, выказывая из себя героя. Потерявший самообладание от страха пленный показал, что экипаж ночного авиаразведчика, состоявший из четырех человек во главе с майором Лоренцом, перелетал из района Харькова в район Ленинграда, везя какой-то важный пакет. Но куда девался пакет, он не знает. Из состава экипажа, кроме убитого командира, в перелеске был найден еще один летчик убитым, один захвачен в плен, а четвертый обнаружен не был. Можно было предполагать, что упомянутый пленным пакет унес улизнувший четвертый член экипажа. Генерал С.И. Киносян, докладывая о случившемся начальнику штаба фронта генералу А.П. Покровскому, высказал это предположение. Покровский приказал во что бы то ни стало найти летчика и отыскать пакет. Возглавить поиски было поручено мне. Прочесывание прилегающих к месту приземления самолета лесов результатов не дало. Быстро стало темнеть. Возвращаясь на КП ни с чем, я заехал к самолету. Часовой ходил вокруг охраняемого объекта. Он сказал, что ничего особенного не замечал, кроме какого-то свиста в самолете. Оказалось, что бортовая

радиостанция работала на передачу, подавая автоматические сигналы. Я забрался в кабину и, заметив светившийся зеленый глазок, выключил передатчик. Подойдя снова к часовому, я стал его инструктировать, пообещав вскорости сменить его с поста. Мой шофер, сидевший в машине, вдруг подбежал к нам и шепотом сказал: «Смотрите, товарищ подполковник, вон поднялся из травы какой-то человек».

И действительно, метрах в пятидесяти от самолета на заросшей прошлогодним бурьяном меже в темноте проглядывала фигура человека. Я окрикнул его, но ответа не последовало.

Мы подошли к нему. Немец молча поднял руки. Это был четвертый член экипажа. Он, выскочив из самолета последним, не стал убегать вслед за товарищами в лес, а лег в бурьян недалеко от самолета, посчитав, что погоню увлекут за собой убежавшие товарищи и он останется незамеченным, а когда стемнеет, уйдет. И вот он поднялся, чтобы идти, но понял, что замечен шофером, и застыл на месте. Никакого пакета и у него не оказалось, и он утверждал, что пакета вообще не было; самолет, дескать, перебазировался к Ленинграду для выполнения какого-то специального задания. В пути их самолет был атакован советским истребителем и подбит. Двигатели вышли из строя, и он, планируя, протянул километров пятьдесят и приземлился. Оба пленных летчика рассказали все, что знали, но знали они из того, что нас интересовало, мало. Так глупо потеряв многое, наверное, знавшего майора Лоренца, генерал Киносян намеревался строго наказать коменданта, но командарм встал на его защиту, сказав:

– Что вы хотите от дурака? Он поступил как мог. Большого от него требовать глупо.

Но генерал В.Н. Гордов к этому «дураку» всегда относился покровительственно, считая его требовательным комендантом.

4

Поскольку 33-я армия была детищем Москвы, в ее войсках и Полевом управлении служило много москвичей. Армия к тому же действовала близко от столицы, в которой жили родные и близкие многих солдат и офицеров. Между воинами на фронте и жителями Москвы постоянно поддерживалась тесная связь. Пользуясь действующей полевой почтой и любой оказией, москвичи посылали на фронт своим землякам и родственникам посылки с различными подарками; посылки поступали как частным порядком, так и официально от организаций, учреждений и предприятий. Приезжали и делегации. Фронтвики, в свою очередь, стремились под любым предлогом побывать в родном городе и повидаться с близкими. О рядовых, конечно, и младших офицерах, служивших в боевых подразделениях, говорить нечего, их не отпускали. А вот старшие офицеры штабов с радостью ездили в командировки и просто с теми или иными поручениями. Но таких счастливиц было немного. Уезжать за пределы армии без достаточных оснований строго запрещалось, отпуска не предоставлялись, а в командировку в Москву разрешение и пропуск давал штаб армии с личного разрешения командарма. И все же находились товарищи, которым удавалось найти лазейку съездить домой. Вот один из примеров. В Управлении тыла служил офицер М. Он до войны работал в центральном государственном аппарате и попал на фронт в составе московского народного ополчения. Имея в столице родных и друзей, М. загорелся желанием побывать в родном городе. Его неоднократные просьбы послать в Москву с каким-либо поручением или предоставить краткосрочный отпуск отклонялись начальником тыла, и он додумался заинтересовать своей поездкой самого командующего. Офицер стал добиваться на прием к командарму, чтобы высказать мотивы, побудившие его съездить в Москву. Но и это ему не удалось. Тогда М. по чьему-то совету обратился ко мне:

– Вы часто бываете у командующего, захожи к нему в любое время. Помогите мне сделать доброе для армии дело: попросите за меня генерала, чтобы разрешил съездить на недельку в Москву.

– А что вы там намерены делать? – спрашиваю. – Какое такое доброе дело обещаете? Скажите прямо, что хотите съездить домой, и не выдумывайте сказок.

– Честно говоря, – признался проситель, – хочется повидаться с родными и друзьями. Это верно. Но моя поездка не будет бесполезной: я привезу для всех генералов – членов Военного совета в подарок новое обмундирование сверх положенного по норме. Ведь вон как обносилось начальство.

– Подобные протекции не в моих правилах, и я не считаю уместным докучать командующему по таким пустякам, – попытался я отделаться от напористого тыловики.

Но офицер так умоляюще настаивал, что я вынужден был пообещать при случае передать его просьбу. Случай подвернулся в тот же день. Генерал Гордов сначала возмутился и пообещал отправить М. на передовую под пули вместо Москвы. Но, подумав, сказал:

– Пусть съездит. Его затея с обмундированием – афера. Посмотрим, как этот трепач будет оправдываться по возвращении.

Но расторопный офицер обещание выполнил. Он действительно привез для всех генералов Управления то, что должен был привезти: сапоги на меху, папахи самого высокого качества, отрезы на мундиры и брюки, парадные шинели и бекеша, а также генеральское снаряжение. Как сумел М. раздобыть, да еще бесплатно и вне плана, все это добро, он распространяться не стал, заявив, что Москва заботится о генералах своей армии.

В итоге все остались довольны – и посланец, и генералы.

Тесные связи с москвичами помогали многим нашим товарищам выходить из затруднительного положения в чисто личном плане. Приведу один из таких примеров. У меня в отделе служил высокообразованный и старательный полковник А.Ф. Федоров, обладавший даром хорошо и быстро отрабатывать оперативные документы. Эти качества пятидесятилетнего полковника позволили поручить ему составление оперативных сводок и боевых донесений, представляемых ежедневно в штаб фронта. Работа эта требовала изрядной военной подготовки и общей грамотности; она была сложной и кропотливой. Писать грамотно, квалифицированно, кратко и ясно, да еще так, чтобы подписывающие документы начальники ни к чему не могли придраться, освобождались от необходимости браковать бу маги или вносить в них поправки, было нелегким делом. Федоров не знал ни сна, ни отдыха, терпеливо трудясь над выполнением своих обязанностей, и вполне справлялся с задачами.

Во время эвакуации части населения из Москвы осенью 1941 года семья Федорова была отправлена, кажется, в Бузулук, а квартира впоследствии заселена другими жильцами. Вернуть квартиру и добиться пропуска для возвращения семьи в Москву Алексею Федоровичу никак не удавалось. Дважды ему разрешали съездить в Москву, но он ничего не смог добиться и возвращался расстроенным ни с чем. Оба раза он все предоставленное ему время простоял в очереди к начальнику милиции города Романченко, ведавшему пропусками, но, так и не дождавшись приема, возвращался обратно в армию. Вернувшись после второй неудачной попытки вернуть семью в Москву, полковник с горечью докладывал мне о своей несбывшейся надежде. Присутствовавший при разговоре начальник канцелярии штаба старший лейтенант Гаткевич, сочувствуя Федорову, сказал:

– Отпустите его еще раз. Я напишу записку кому следует, и все будет сделано.

Пришлось в третий раз испрашивать разрешения командарма отпустить Федорова в Москву по личным делам.

Прибыв в столицу, Федоров с запиской Гаткевича пошел к Кремлю и с контрольно-пропускного пункта позвонил по телефону указанному Гаткевичем товарищу. Тот вышел, прочитал записку и сказал:

– Идите к товарищу Романченко, он все сделает. Я ему позвоню.

– Я опять к нему не попаду, там огромная очередь, – взмолился полковник.

– Не беспокойтесь, на этот раз в очереди стоять вам не придется, – успокоил его кремлевский незнакомец.

И действительно, на подступах к помещению, где размещалась милиция, Федорова встретил милиционер и сразу же, минуя бесконечную очередь, провел к начальнику. Без лишних разговоров ему был выдан пропуск на семью и разрешение на занятие своей бывшей квартиры. Полковник Федоров за короткий отпуск успел привезти семью и поселить в срочно освобожденную квартиру. Вот что мог сделать старший лейтенант Гаткевич, сохранивший хорошие довоенные связи, как бывший сотрудник центрального аппарата.

Когда непосредственная угроза Москве миновала и на фронтах изменилось положение к лучшему, некоторых офицеров – высоких гражданских специалистов, ушедших на фронт добровольно в составе народного ополчения, стали отзывать из армии для работы в центральных учреждениях. Был отозван и служивший в 110-й дивизии майор, бывший работник Министерства внешней торговли. Его направили по торговой линии в Америку. Тем временем, как уже упоминалось, 110-я сд освободила Вязьму и получила гвардейское наименование. На одном из деловых приемов в США бывший офицер дивизии, обращаясь с тостом к присутствующим, сообщил, что дивизия, в которой он недавно служил, разгромила фашистов под Вязьмой, овладела городом и получила почетное гвардейское звание. Американские бизнесмены приняли сообщение с восторгом, бурно поздравляли коллегу – бывшего фронтовика и откликнулись небольшой деловой акцией. Они вызвались поощрить героическую дивизию скромными подарками.

– Сколько в дивизии солдат и офицеров? – спросил один бизнесмен.

Именинник назвал приближенную штатную численность.

– Даю в подарок всему личному составу дивизии обмундирование, – оповестил присутствующих американец.

– А я всем солдатам и офицерам жертвую по часам, – сказал другой, по-видимому промышлявший производством часов.

Третий дал грузовые «Студебеккеры» для транспортировки груза, а четвертый пообещал бесплатно перевезти через океан в Мурманский порт на своем корабле весь предназначавшийся отличившейся советской дивизии груз.

Так ли это было в действительности, не знаю. По крайней мере, до нас дошло событие в таком примерно изложении. Через некоторое время дивизия получила указанные подарки американцев: комплекты обмундирования, снаряжение, сапоги, овчинные полушубки, наручные часы для офицеров и карманные для солдат. Часы были дешевой штамповкой, но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

Укомплектованность дивизии была неполной, поэтому много предметов осталось в резерве. Часть офицеров штаба армии тоже не была обойдена: они получили – кто часы, кто полушубок, кто сапоги или обмундирование. В дивизии гордились своим бывшим сослуживцем, уехавшим в командировку за океан, и были ему благодарны за внимание. Фамилия этого замечательного патриота дивизии и своей армии, к сожалению, в моей памяти не сохранилась.

По-видимому, потому, что 33-я армия была кровно московская, действовавшая в тот период на Московском направлении и неподалеку от столицы, ее неоднократно посещали видные руководители партии, государства и Наркомата обороны. Летом 1942 года приезжал всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, побывавший на армейских курсах младших лейтенантов. Он обратился с теплыми словами к выпускникам, поздравил их с

вступлением в офицерский корпус героической Красной армии, пожелал боевых успехов и вручил некоторым ордена и медали и всем молодым офицерам – отрезки на обмундирование повышенного качества. Побывали в разное время и также посетили курсы младших лейтенантов – начальник Главного политического управления и секретарь Московского комитета ВКП(б) А.С. Щербаков, заместители наркома обороны генералы Е.А. Шаденко и А.Д. Румянцев и др. Все они заботились о нуждах и потребностях армии, о ее людях и повышении боеспособности. Высокие московские гости посещали армейские курсы младших лейтенантов не случайно. Эти краткосрочные курсы готовили сотни и тысячи младших офицеров многих специальностей, значительно восполнявших в войсках потери в этой массовой категории командиров. Выпускники курсов стали хорошими командирами, многие из них успешно воевали, продвигались по службе и были отмечены высокими боевыми наградами, в том числе и удостоены звания Героя Советского Союза. В целом же армейские курсы младших лейтенантов во время войны делали большое, полезное и благородное дело, внося неопределимый вклад в великую победу над врагом. Их деятельность заслуживает отдельного, более подробного описания.

5

С приближением лета 1943 года все больше и больше становилось очевидным, что период временного затишья на советско-германском фронте вот-вот закончится и наступит пора решающих сражений назревающей летне-осенней кампании. Ожидалось мощное наступление вооруженных сил фашистской Германии на центральном участке фронта в районе Курской дуги, глубокой излучиной вдававшейся на запад. В этот район стягивалась огромная группировка германских войск с массой танков, в том числе и впервые применявшихся грозных «Тигров», на которых фашисты возлагали большие надежды.

Ожидая активных действий врага в полосе центральных фронтов, советское командование также перегруппировывало туда значительные силы. Хотя опасность наступления немцев не снималась и с Московского направления, часть сил Западного фронта, особенно артиллерия усиления, перебрасывалась на левое крыло, ближе к стыку с Брянским фронтом. Часть артиллерии была изъята и из 33-й армии. Это свидетельствовало о том, что вероятность наступления противника против Западного фронта на Московском направлении уменьшается.

Но внимание к усилению обороны и поддержанию боевой бдительности не только не ослабевало, а, напротив, усиливалось.

И мы наращивали инженерные сооружения, минирование и всевозможные заграждения; крупные населенные пункты приспособлялись к круговой обороне, мосты минировались и готовились к взрыву. Пересматривались и уточнялись варианты оборонительного сражения. Таким образом, мы находились в готовности к отражению наступления противника до начала июля. С наступлением немцев на Курскую дугу обстановка на Западном фронте стала меняться. Фронт активно действовал на своем левом крыле, куда и было притянута все его внимание. Армии, действовавшие в центре и на правом крыле, продолжали стоять в обороне в ожидании, как сложится обстановка в районе Курской дуги. Мы в 33-й армии сознавали, что наша задача будет определяться исходом сражения под Курском: будем ли и дальше стоять в обороне или перейдем в наступление. И когда наступление немцев на Курской дуге провалилось и наши фронты там перешли в решительное контрнаступление, стало ясно, что противник против Западного фронта наступать не сможет.

Командарм, почувствовав резкое изменение общей обстановки, загорелся идеей скорого наступления. Пока конкретная задача на наступление армии поставлена не была, мы занялись разработкой возможных вариантов наступательной операции. Началось с того, что командарм вызвал меня к себе, дал лист бумаги, на котором он начертил замысел будущей

наступательной операции, изобразив графически участок прорыва, направление главного удара, фронт наступления и желательную плотность артиллерии, танков и пехоты на километр фронта прорыва. Он кратко и предельно ясно изложил идею своего замысла и высказал требования к штабу и войскам. Я должен был переложить этот замысел на карту с учетом особенностей местности, выразить возможную группировку, оперативное построение войск и боевые задачи соединениям, а также расчеты на перегруппировку. Командующий, давая мне задание, запретил до поры до времени привлекать к этой работе кого бы то ни было, так как это, дескать, только предварительная наметка. Запершись в блиндаже, я занялся конкретными расчетами и отработкой оперативной карты. Расчеты и детальное, целенаправленное рассмотрение местности по крупномасштабной карте сразу же вступили в противоречие с замыслом командарма: намеченное количество дивизий первого эшелона не позволяло создать указанную плотность сил и средств без уменьшения участка прорыва, а привлечение в первый эшелон большего количества дивизий соответственно уменьшало второй эшелон, предназначавшийся для наращивания удара и развития успеха. Да это и понятно, ведь командующий, выражая идею наступления, не занимался конкретными расчетами и обоснованиями замысла. Он дал всего лишь направление и основу того, над чем надо было работать. Пришлось несколько раз ходить к командующему и начальнику штаба, докладывая им соображения, расходившиеся с первоначальным замыслом. Генерал В.Н. Гордов терпеливо выслушивал, ставил вопросы и контрвопросы, рассуждал вслух. Естественно, возникали неизбежные в подобных случаях споры, но генерал не сердился, убедительные обоснования принимал, а сомнительные по его умозаключению отвергал или терпеливо опровергал. Постепенно вырисовывался согласованный предварительный план наступления, но окончательно спланировать операцию, не имея полных исходных данных, определяющихся обычно директивой фронта, не представлялось возможным, ибо армия нуждалась в средствах усиления, поддержке авиацией и знании задач соседних армий. А этого не было. Тем не менее нетерпение командарма нарастало и штабу пришлось, постепенно расширяя круг допущенных к планированию лиц, напряженно трудиться над разработкой нескольких вариантов предложений по решению на наступление.

Тем временем после катастрофы на Курской дуге немецко-фашистское командование поставило перед своими войсками задачу – не считаясь ни с какими потерями, любой ценой удерживать занимаемые рубежи. Такую задачу получили и армии, оборонявшиеся на Смоленском направлении. Здесь фронт находился на удалении 250–300 километров от Москвы, поэтому угроза нашему центральному промышленному району не снималась. К тому же противник здесь прикрывал кратчайшие пути в глубь Белоруссии, и немцы опасались, что если советские войска овладеют районами Рославль и Смоленск, то они получат возможность прорваться дальше на запад и обретут выгодные исходные районы для последующих ударов на Минском направлении. Следует напомнить, что на Смоленском направлении фронт стоял на одном месте от пяти месяцев до полутора лет. Это обстоятельство позволило фашистам создать развитую полевую оборону глубиной от 100 до 130 километров. Тактическая зона у них состояла из двух полос с законченной системой траншей полного профиля, опорными пунктами и узлами сопротивления, связанными отсечными позициями и ходами сообщения. Передний край был выбран с выгодным использованием рельефа местности, прикрывался несколькими рядами проволочных заграждений и минными полями; система огня была насыщена бронированными пулеметными точками и дзотами. На танкодоступных направлениях имелись противотанковые рвы, прикрытые огневыми средствами. Местность ставила обороняющегося противника в преимущественное положение и, напротив, создавала большие трудности для наступления наших войск. Командование 33-й армии где-то в последних числах июня было ориентировано фронтом, что основные действия летом развернутся на юго-западном направлении и что перед Западным фронтом сосредоточена мощная немецкая группировка, без разгрома или, по крайней мере, надежного оковывания которой немецко-фашистское командование сможет перебросить часть сил в районы

решающих сражений, чего допустить нежелательно. Западному фронту ставилась задача – совместно с Калининским фронтом подготовить и провести Смоленскую наступательную операцию с целью разгромить противника в районах Ельни и Спас-Деменска с дальнейшим наступлением на Рославль, а на правом крыле во взаимодействии с частью сил Калининского фронта уничтожить противника в районе Ярцево и Дорогобуж с последующим развитием наступления на Смоленск. Западному фронту предстояло прорвать оборону на четырех изолированных участках, что должно было сковать противостоящие силы немцев и лишить их свободы маневра. На одном из этих направлений, в районе Спас-Деменска, предписывалось осуществить прорыв 33-й армии. По общему замыслу Смоленское сражение должно было перерасти в наступление в глубь Белоруссии и отбросить врага подальше от Москвы.

На подготовку и проведение наступательной операции командарму-33, как и командующим другими армиями, командующим фронтом генералом В.Д. Соколовским задача была поставлена устно. Никаких письменных директив и указаний, с целью сохранения мероприятий в строгой тайне, не давалось. 33-я армия включалась в состав ударной группировки фронта 3 совместно с 5-й и 10-й гв. армиями. Прделанная предварительная работа намного облегчила нам планирование и проведение подготовительных мероприятий; труд не пропал даром. С получением задачи мы приступили фактически к завершающему этапу планирования наступления, широко используя ранее разработанные документы и расчеты. К 1 августа подготовка к наступлению была в основном закончена. С учетом поступивших средств усиления мы смогли на направлении главного удара создать плотность артиллерии в среднем 150–160 орудий на километр фронта. Участок прорыва для дивизий определялся 2–2,5 километра. Боеприпасов отпускалось в пределах 2–2,2 боекомплекта. Для надежного подавления прочной обороны врага и разрушения его укрепленных огневых точек и заграждений этих боеприпасов явно не хватало. Пришлось планировать поражение только наиболее важных целей и объектов; разрушение участков траншей вообще не предусматривалось. Мы также не располагали необходимым количеством артиллерии контрбатарейной борьбы и крупнокалиберных снарядов и не могли рассчитывать на надежное подавление артиллерии противника. К тому же наши дивизии были укомплектованы личным составом примерно на 70 процентов. Учитывая все это, мы предвидели, что наступление будет тяжелым. В ходе наступления недостаток сил и средств не преминул сразу же сказаться. Но большего фронт дать не мог, и пришлось смириться и обходиться тем, что имеем.

Итак, к началу августа 1943 года период длительного стояния в обороне 33-й армии закончился. Наступало время многих наступательных операций в самых тяжелых условиях, какие только можно себе представить.

Глава 6

Наступление на Смоленской и Белорусской земле

1

С началом Смоленской наступательной операции Западного фронта, с августа 1943 года, для 33-й армии наступила полоса почти непрерывного наступления, чередующегося с непродолжительными паузами, необходимыми для подготовки. В рамках фронтовой операции армия действовала в составе ударной группировки на направлении главного удара. Это немаловажное обстоятельство ставило командование и штаб перед высокой ответственностью и ко многому обязывало. А сами условия наступления, определявшиеся глубокоэшелонированной, предельно развитой обороной противника и ограниченными силами и средствами, которыми располагала армия, требовали изобретательности и

творческого подхода к делу. Глубокие знания оперативного искусства и военной теории, присущие генералу В.Н. Гордову как военачальнику, здесь не были достаточными. Предстоящая операция не вменялась ни в какие рамки руководств и уставов, с их принципами и оперативно-тактическими нормативами. Все диктовалось конкретными, специфическими условиями своеобразно сложившейся обстановки.

Мы в штабе армии ясно представляли, что успех операции находится в прямой зависимости от быстрого прорыва тактической зоны обороны противостоящего противника, что не позволило бы ему своевременно подтягивать резервы к участку прорыва. А как этого добиться, надо было думать. И командарм думал сам и требовал того же от своего штаба. Ломать голову было над чем. Сложность в работе штаба вытекала прежде всего из поставленной армии задачи и из исходных данных, определенных указаниями фронта. Армии была нарезана полоса наступления 15 километров. Оборону предстояло прорвать на фронте 6 километров на участке Лукино, Куприно с нанесением главного удара в направлении Оболовки с тем, чтобы во взаимодействии с 10-й армией, наступавшей южнее, окружить и уничтожить противника в районе Спас-Деменска.

Для выполнения задачи армия располагала шестью стрелковыми дивизиями, объединенными двумя корпусными управлениями (65-я и 70-я ск), двумя танковыми бригадами, одним танковым, одним танкосамоходным полками и одним отдельным танковым батальоном (147 танков), несколькими бригадами и полками артиллерии и минометов общей численностью 1418 стволов всех калибров.

Надо было найти оптимальное решение и такое построение войск в исходном положении, которые обеспечивали максимально возможное привлечение огневых средств для первоначального удара и в то же время позволяли наращивание сил в ходе прорыва, что требовало глубокого эшелонирования боевых порядков. После размышлений, обсуждений и детальных расчетов, произведенных оперативным отделом совместно со штабами родов войск и служб, окончательное решение командарма выразилось в следующем: в первый эшелон ставились три дивизии, из которых две действовали на участке прорыва 3 (по 3 километра на дивизию) и одна на остальном девятикилометровом фронте; эта дивизия должна была перейти в наступление в ходе прорыва. Две дивизии составляли второй эшелон и ставились в затылок за дивизиями, осуществлявшими прорыв, и одна дивизия выделялась в армейский резерв на том же направлении. Боевые порядки дивизий первого эшелона строились в один эшелон (все три стрелковых полка рядом), а стрелковые полки – в три эшелона (батальон за батальоном). Такое своеобразное построение войск диктовалось относительной малочисленностью стрелковых подразделений, ибо дивизии были укомплектованы в среднем на 70 процентов и имели по 7–7,5 тысячи человек. Этот некомплект ложился главным образом на пехоту. Полки, построенные батальон за батальоном, получали участок прорыва шириной в километр, что должно было облегчить управление боем и обеспечить своевременное наращивание сил в ходе атаки.

Штаб армий по требованию командующего детально, до батальона и средств его усиления и поддержки, разрабатывал боевые порядки войск, несмотря на наличие корпусных и дивизионных штабов, по существу подменяя в данном вопросе подчиненных командиров и их штабы, оставив за ними функции практической организации боя по готовым решениям и управления частями в ходе наступления. Мало того, в батальоны первого эшелона были посланы офицеры оперативного, разведывательного и политического отделов с задачей обеспечить дружную атаку, помочь командирам подразделений и докладывать в штаб армии истинное положение дел.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 1 час 50 минут. План операции был рассмотрен штабом фронта и утвержден командующим фронтом генералом В.Д. Соколовским. 2 августа все подготовительные мероприятия были завершены, войска выведены в исходное положение, организовано взаимодействие между элементами боевого

построения внутри армии, с соседями, артиллерийскими группами и фронтовой авиацией. Можно было начинать наступление.

2

Погода в эти дни стояла неблагоприятная: шли дожди, значительно осложнявшие и без того трудные условия действий на лесисто-болотистой местности; стояли туманы, затруднявшие видимость, действия артиллерии и авиации. Поэтому несколько раз откладывалось начало действий. Но видов на улучшение погоды не было, и окончательное наступление было назначено на 7 августа.

Как ни скрытно проводились подготовительные мероприятия, скрыть от противника подготовку к наступлению не удалось. Немцы проявляли явную нервозность: участились их артиллерийские налеты, активизировались полеты разведывательных самолетов, отмечалось передвижение войск и подтягивались резервы. Зародилось опасение, что противник до начала нашей артподготовки может отвести свои войска с первой позиции, чтобы заставить нас провести ее по пустым местам и впустую израсходовать боеприпасы, не причинив ему значительного ущерба. Чтобы этого не случилось, 6 августа на ряде участков была проведена разведка боем с двумя задачами.

А именно: выяснить, не оттянул ли противник свои войска в глубину, и принудить его вскрыть свою огневую систему, что позволило бы уточнить объекты удара и скорректировать огонь артиллерии. Для разведки боем от каждой дивизии первого эшелона привлекалось по одному передовому батальону, усиленному одним-двумя артдивизионами.

Противник встретил атакующие батальоны интенсивным огнем и оказал им ожесточенное сопротивление. Тем не менее на отдельных участках удалось захватить первую траншею и взять четверых пленных, но продвинуться глубже батальоны не смогли. Опасение, что немцы уйдут с первой позиции, отпало. Нам удалось выявить новые цели и уточнить некоторые из ранее выявленных, а также несколько улучшить исходное положение для наступления.

В ночь на 7 августа фронтовая авиация бомбила передний край и глубину обороны фашистов, подсвечивая цели осветительными бомбами. Командующий за всю ночь не сомкнул глаз, он очень беспокоился, чтобы противник не провел контр-подготовку по плотным боевым порядкам наших войск. Генерал несколько раз вызывал к себе меня и начальника разведки Б.К. Ермашкевича, а также командующего артиллерией генерала В.С. Бодрова и интересовался теми или иными вопросами и лично проверял готовность артиллерии к немедленному открытию огня, на случай контрподготовки противника. Перед рассветом командарм уехал на НП, где уже находилась оперативная группа. Я тоже отправился вместе с ним, а начальник штаба остался на КП.

Рассвет наступал медленно. Моросил мелкий дождь, видимости почти никакой. И вот с наступлением так называемого артиллерийского рассвета в назначенное время – 4 часа 40 минут загрочотала артподготовка, начавшаяся мощным 10-минутным налетом всей артиллерии. В 6 часов 30 минут под прикрытием огневого вала началась атака пехоты и танков, приходившихся по 16–18 единиц на километр фронта. Наступление 5, 33 и 10-й гв. армий из района северо-восточнее Спас-Деменска в общем направлении Рославля началось.

Поначалу, когда наши войска ворвались в первую позицию немцев, казалось, что наступление развивается успешно. Наша надежда к исходу дня перехватить железную дорогу Ельня— Спас-Деменск представлялась вполне реальной. Но по мере продвижения в глубину первой позиции бой стал принимать напряженный и затяжной характер. Оказывая упорное и все возрастающее сопротивление, немцы стали предпринимать одну контратаку за другой, поддержанные не только мощными артиллерийскими налетами, но и группами

пикирующих бомбардировщиков. Наступающие части несли большие потери в людях, танки горели. Для наращивания усилий и отражения контратак уже в первой половине дня последовательно были введены в бой вторые и третьи эшелоны передовых полков. Пришлось ввести и обе дивизии второго эшелона. Но преодолеть тактическую зону обороны врага на всю глубину не удалось. Втянув в бой все основные силы, армия продвинулась всего на 4 километра, захватив несколько населенных пунктов и полтора десятка пленных, понесла сама значительный урон в людях и танках. Во второй половине дня наступательный порыв стал заметно затухать, надежда перерезать железную дорогу не сбывалась. Для командующего фронтом становилось очевидным, что, несмотря на самоотверженность и первоначальный высокий наступательный порыв войск, прорвать оборону силами 10-й гв. и 33-й армий невозможно. Вследствие этого возникло решение ввести в сражение в полосе 10-й гв. армии второй эшелон фронта – 68-ю армию – значительно раньше намеченного срока. Но и это не привело к успеху.

Обеспокоенное неожиданно сильным давлением наших войск и опасаясь потерять занимаемый рубеж, немецкое командование без проволочек ввело в действие спешно переброшенные сюда с Орловского направления одну танковую и две пехотные дивизии. После частичной перегруппировки, с утра 8 августа наступление возобновилось, но уже не с тем порывом, как в первый день. Значительных территориальных результатов и на этот раз достигнуто не было: овладением населенными пунктами Замощье, Гнездилово, Слuzна и отражением нескольких мощных контратак закончился второй день напряженного сражения. Наступательные возможности армии катастрофически падали: в ротах оставалось по 35–40 бойцов, половина танков вышла из строя, артиллерийские боеприпасы кончались. Но командарм никак не мог примириться с неудачей, считая, что и противнику не легче и что он напрягает последние силы. И действительно, по показаниям пленных, их части потеряли больше половины личного состава. Это соблазняло В.Н. Гордова бросать в огонь боев все, что только возможно. Он нервничал, обвинял командиров соединений «в нежелании бить немцев» (его любимое выражение в минуты гнева) и устраивал разнос в штабе. Сам он непрерывно мотался по передовым частям и рассылал туда же офицеров штаба. Начальник штаба генерал С.И. Киносян, принимавший близко к сердцу гнев командарма, стал терять самообладание и избегал без крайней нужды лишней раз показываться на глаза командующему. Генерал Гордов все больше и больше недовольство штабом изливал на мою голову. Нервы не выдерживали и у меня, работалось невыносимо трудно, если к тому же учесть бессонницу, физическое и моральное перенапряжение.

Каждый день мы возобновляли наступление, несли потери, занимали ту или иную высотку, тот или иной населенный пункт, прилагая затем огромные усилия, чтобы удержать с таким трудом захваченные клочки перепаханной снарядами и бомбами местности. Немцы задались целью, не считаясь ни с какими жертвами, отбросить нас назад и восстановить утраченное положение. Они этого пытались добиться многочисленными контратаками. Но стойкость наших бойцов каждый раз срывала намерения врага.

По ночам мы уточняли задачи войскам, проводили перегруппировки, перераспределяли оставшиеся боеприпасы, подтягивали тылы, а с утра возобновляли атаку. И так каждые сутки мы упорно добивались желаемого перелома, в который верил командарм, внушая эту веру каждому из нас.

Между тем у командования фронтом возможности развивать наступление исчерпаны не были: активно действовала авиация, имелись подвижные резервы, предназначавшиеся для ввода в прорыв. Но самого прорыва достигнуто не было. 6-й гв. кавалерийский корпус под командованием генерала С.В. Соколова по первоначальному плану предназначался для ввода в прорыв на участке 10-й гв. армии, но ход дела показал, что перед этой армией противник оказывал наиболее сильное сопротивление и условий для ввода кавалерии здесь совсем не было.

И корпус был переброшен в район Кирова, совершив марш протяженностью 60–70 километров, в полосу 10-й армии. Но и там он применен не был и возвращен обратно, но уже в полосу нашей 33-й армии, где, казалось, вот-вот прорыв обороны завершится. Корпусу ставилась задача с ходу развить успех соединений 33-й армии, упорно «прогрызавшей» тактическую зону обороны противника. Утром 13 августа 6-й гв. кк сосредоточился в указанном ему районе восточнее Павлиново, поступив в подчинение командарма-33. Он представлял собой внушительную силу: три хорошо укомплектованные кавдивизии, две из которых имели боевой опыт; три танковых полка, артиллерийские и другие специальные части и подразделения. Такими силами многое можно было сделать, но при условии надежного прикрытия с воздуха и ввода в заверченный прорыв, чтобы дать ему возможность действовать на оперативном просторе, как это предусматривалось замыслом с учетом его подвижных свойств. Но таких условий создано не было. Да и время на организацию всестороннего обеспечения действий кавалеристов было крайне ограничено. Командующий фронтом торопил, и по приказу командарма уже в 19 часов, то есть через 9 часов после сосредоточения, корпус выступил на рубеж ввода. Ему предстояло с ходу вступить в бои в тактической полосе обороны противника.

Хотя обеспечение ввода было возложено на 33-ю и 1-ю воздушную армии, увязать все вопросы взаимодействия время не позволило, а главное то, что не был завершен прорыв. В то время, когда казалось, что достаточно еще одного нажима – и оборона противника рухнет, корпус находился на марше на удалении около 50 километров от рубежа ввода и не успевал усилить этот нажим. Немцы воспользовались этой задержкой и сумели закрепиться на промежуточном рубеже и встретили передовые части кавалерии организованным огнем и ударами авиации. Понесся значительные потери, главным образом в конском составе, кавалеристы были остановлены, личный состав вынужден был спешиться и действовать по-пехотному.

С подходом корпуса в полосу армии мне было приказано поддерживать с ним постоянную связь, следить за его продвижением и докладывать командарму. Я неотлучно сидел в радиостанции и периодически вел переговоры с начальником оперативного отдела штаба корпуса, используя кодированную карту и специально разработанную сигнальную таблицу. Каждый разговор по радио с односторонней связью занимал мучительно много времени: включившись на передачу, ставлю вопросы или даю указания, затем переключаюсь на прием и слушаю абонента. Пока передающий не закончит доклад и не переключится на прием, я прервать его не могу, ибо он не услышит, пока не выскажется. И вот случилась неприятность. Когда по расчету времени корпус должен был войти в соприкосновение с противником, радиосвязь не ладилась. Пришлось около часа добиваться восстановления связи. Наконец связь появилась и корпусной оператор стал передавать сложившуюся обстановку. К моему ужасу, передача шла совершенно открыто: дивизии назывались по их истинному наименованию, положение частей указывалось по незакодированным местным предметам. Такой поступок, не исключавший перехвата противником секретных сведений, грозил трибуналом. Но я ничего не мог поделать, чтобы пресечь нарушение элементарных правил.

– Пока не закончит и не перейдет на прием, мы ничего сделать не можем, даже если выключим радию, – сказал радист на мое возмущение.

Докладчик, выговорившись, переключился на прием и спросил, как я его понял. Мне ничего не оставалось, как выругать последними словами беспечного офицера. К счастью, радиостанции вышестоящих штабов нашего открытого переговора не засекли. Не перехватил его, кажется, и противник. Досадная случайность только поэтому не вызвала никаких последствий.

Из выслушанного подробного доклада стало ясно, что кавкорпус на рубеже развертывания в боевой порядок напоролся на минные поля, задержался и подвергся массированному удару

вражеских бомбардировщиков. Кавалеристы спешили, смешались, и потребовалось время для приведения их в порядок. Ввод кавкорпуса для развития успеха, как было задумано, не состоялся. Основной причиной неудачи явилась допущенная поспешность, вызванная нетерпением командарма. Целесообразнее было бы подвести корпус к переднему краю не днем, а ночью и ввести в дело после завершения прорыва обороны противника; если же этого достичь не было возможности, то не вводить совсем.

– Чрезмерно спешить и действовать по принципу «авось повезет» на войне недопустимо, – справедливо заметил как-то генерал В.Н. Гордов, вспоминая этот эпизод. В поспешности он признавал и свою личную вину. Но, как говорится, после драки кулаками не машут.

Тем временем армия продолжала теснить противника. Бойцы и командиры, воодушевленные самим фактом, что мы наступаем и бьем врага, а он вынужден обороняться, не считаясь с предельным перенапряжением физических и моральных сил, действуя под губительным огнем артиллерии и почти непрерывными ударами авиации, проявляли героическую стойкость и беспримерное упорство, настойчиво овладевали позициями врага и, хотя и медленно, методически продвигались вперед, освобождая Советскую землю. За 7 суток непрерывных боев армия продвинулась в среднем на 14–16 километров, прорвав главную и вклинившись во вторую полосу обороны немцев, прорвав ее на отдельных участках и несколько расширив прорыв.

Низкий темп продвижения (2–2,5 километра в сутки) давал время противнику подводить к участку прорыва резервы и занимать ими промежуточные рубежи до того, как к ним подходили наши войска. В эти дни немцы подтянули с Орловского направления на рубеж Теренино – Зубцы еще четыре дивизии и тем самым укрепили сопротивление. Однако вклинение на запад и сильное давление наших войск севернее и южнее Спас-Деменска создавали реальную угрозу выхода на тылы группировки немцев, действовавшей в районе Спас-Деменска, что и вынудило немцев с 12 августа начать отход из Спас-Деменского выступа. 13 августа 33-я и 49-я армии частью сил овладели городом и железнодорожным узлом Спас-Деменск и продвинулись дальше на запад. За 14 суток непрерывных боев наши войска прошли в среднем 40 километров. Гитлеровцам был нанесен серьезный урон, и они не только не смогли высвободить с этого направления и перебросить на другие участки какие-либо силы, а, напротив, вынуждены были на направление главного удара Западного фронта, где действовала и 33-я армия, перебросить 11 дивизий с других участков. Следовательно, одна из важнейших задач первого этапа Смоленской наступательной операции была выполнена. По решению командующего фронтом с 21 августа наступление было временно прекращено, чтобы после короткой паузы разгореться с новой силой.

3

В результате предыдущих сражений обстановка на Западном направлении резко изменилась. Брянский и Центральный фронты успешно наступали. По этой причине необходимость нанесения удара Западным фронтом на Рославль отпала. И командующий фронтом перенес направление главного удара на Ельню, Смоленск, наступая во взаимодействии с левым крылом Калининского фронта. На пути к Смоленску стояла Ельня, являясь, как считалось, ключом к этому важному городу.

Немецко-фашистское командование придавало Смоленскому направлению особое значение, стремясь удержать район Ельни во что бы то ни стало. Используя обширные лесные массивы, заболоченные поймы рек, господствующие высоты, противник и здесь создал сильные оборонительные позиции. Между тем в рамках Смоленской стратегической операции командующий Западным фронтом решил провести вторую промежуточную операцию, наименованную Ельнинско-Дорогобужской. Для ее осуществления нацеливались главные силы фронта. Ударная группировка состояла из трех общевойсковых армий,

танкового, механизированного и кавалерийского корпусов, основных сил воздушной армии. Этой мощной группировке ставилась задача уничтожить противника в районе Ельни и наступать в направлении Смоленска, а две армии правого крыла, во взаимодействии с армиями левого крыла Калининского фронта, должны были овладеть районами Дорогобужа и Ярцево. 33-я армия и на этот раз включалась в состав ударной группировки фронта. Ей передавались 5-й механизированный и 6-й гв. кавалерийский корпуса, переподчинялось пять артиллерийских бригад и ряд других частей усиления и поддержки. Наступая на фронте 36 километров, ударная группировка прорывала оборону на участке 20 километров, из которых 8 километров приходилось на 33-ю армию.

Приняв в состав армии два подвижных соединения и учитывая опыт только что проведенной Спас-Деменской операции, в которой кавкорпус был применен неудачно, мы основное внимание уделяли детальной организации взаимодействия с приданными подвижными соединениями.

После полуторачасовой артподготовки и авиационных ударов по артиллерии и резервам противника утром 28 августа началось наступление. Подавление огневой системы было проведено результативно, и пехота с танками стремительно перешли в атаку. Несмотря на все возрастающее огневое сопротивление и многочисленные контратаки, за день напряженного боя главная полоса обороны немцев была прорвана на всю ее глубину с вклиниванием в расположение противника на 6–8 километров на 25-километровом фронте. Для наращивания удара и допрорыва обороны командарм-33 в первый же день ввел в бой 5-й мехкорпус, который развил успех и совместно с передовыми частями стрелковых дивизий продвинулся еще на глубину до 10 километров, овладев несколькими сильно укрепленными пунктами. На второй день прорыв удалось расширить и углубить, отбросив фашистов за реку Утру, и выйти на подступы к Ельне. Обстановка казалась благоприятной для ввода в прорыв кавкорпуса.

Но и на этот раз с кавалеристами случилось несчастье. Стояла ненастная погода, над окрестными лесами низко плыли сплошные серые облака. Авиация сторон не действовала. Не опасаясь ударов с воздуха, командарм приказал подвести кавкорпус из выжидательного района в исходный для ввода в прорыв. Кавалерия благополучно совершила марш и сосредоточилась в назначенном районе. День был на исходе, и конницу решено было двинуть в бой в ночь с таким расчетом, чтобы она к рассвету следующего дня прошла в пробитую для нее брешь и оказалась на оперативном просторе. К вечеру облака стали подниматься, в нескольких местах образовались прогалины, открывшие участки синего неба. Командарм уточнил задачу командиру корпуса генералу Соколову и дал команду на выдвижение. Кавдивизии начали выходить из лесов. Мы смотрели с НП на массу конницы, вытягивающуюся на намеченные маршруты. Но вот на западе на фоне облаков показалась армада вражеских бомбардировщиков. Шли они группами, с небольшими разрывами между подразделениями, образуя четкий строй. Пульсирующий рокот двигателей заполнил окрестность сплошным гулом. Вокруг строя бомбардировщиков носились попарно юркие истребители, поблескивая крыльями. Самолеты направлялись к району выдвижения кавалерии. Мы насчитали 106 бомбардировщиков и десятка полтора истребителей. По команде командиров кавалеристы соскочили с коней: кто привязал своего боевого друга к дереву, а кто бросил поводья. Бойцы бросились врассыпную и плюхнулись на землю, кто где успел. Посыпалась масса мелких бомб, покрывая пространство сплошным фейерверком огня и всплесками земли. Леса выглядели как после ураганного бурелома. Освободившись от смертоносного груза, воздушная армада, описав обширный круг, медленно ушла на запад. За какое-то мгновение части кавкорпуса понесли значительные потери, особенно в конском составе. Погибло, как помнится, около 4 тысяч лошадей и сотни кавалеристов. Бесследно исчез и один из командиров кавдивизий генерал-майор Суржилов, от него нашли и опознали только изогнутую шашку. Ввод в прорыв многообещающего мощного кавалерийского соединения не состоялся. Надо было привести пострадавшие части в порядок, многие

подразделения переформировать, переукомплектовать боевые расчеты, перераспределить командный состав. На это потребовалось время и большие усилия командиров и штабов всех степеней. Поэтому кавалеристы вступили в бой только на следующий день в значительно ослабленном составе. Момент вывода их на оперативный простор был упущен. Трагическая картина, происшедшая у нас на глазах, выглядела потрясающе; ее описать не представляется возможным. Но наступление продолжалось.

30 августа части 2-го танкового корпуса и 10-й гв. армии овладели Ельней. Продвижение под Ельней вынудило противника начать отступление на Дорогобужском направлении; Дорогобуж был взят частями 5-й армии 1 сентября.

Используя успех своей ударной группировки, Западный фронт развил наступление всеми армиями на фронте 150 километров и на правом фланге подошел к Ярцево. Войска 33-й армии в это время вели тяжелые бои в лесных массивах на Ельнинском направлении.

Наша 160 сд, углубившись в обширный лес, оказалась окруженной противником. Группы вражеских автоматчиков с пулеметами и легкими минометами перекрыли проходы в лесу, обложив дивизию со всех сторон. Заняв круговую оборону, командир дивизии генерал-майор Б.Ф. Зарако-Зараковский, не имея никаких резервов из-за малочисленности частей, не проявил должной настойчивости и инициативы, чтобы разорвать слабое кольцо окружения и продолжать наступление. Вместо этого генерал взывал о помощи, посылая отчаянные радиogramмы командарму. Но генерал В.Н. Гордов не считал положение дивизии опасным, полагая, что комдив обойдется своими силами. И все же он вызвал начальника разведки Б.К. Ермашкевича и меня и стал придирчиво допрашивать, выясняя, как могло случиться, что наступающая дивизия попала в окружение. Разведчика, утверждавшего, что дивизия окружена совершенно незначительными силами и комдив преувеличивает опасность, он обвинял в излишнем оптимизме и незнании противника, а меня упрекал в том, что оперотдел проглядел и позволил дивизии забраться в непролазный лес и там застрять.

Радиосвязь с окруженной дивизией то пропадала, то появлялась на слабой слышимости. Разобраться, что происходит и какие меры принимает комдив, стоило большого труда. Чем выслушивать казавшиеся мне несправедливыми упреки, я попросил разрешить мне лично отправиться в дивизию. Но командарм, посчитав мое намерение вызывающим, разбушевался еще больше: «Как вы туда попадете? Хотите уйти от ответственности! Поболтаетесь по лесам и вернетесь ни с чем, если вас не сцапают фашисты. Этого еще мне не хватало! Лучше подумайте, как вызволить распутившего слюни Зарако».

Но предложить мы ничего путного не могли: все дивизии были втянуты в бои, ни одного свободного полка. Тогда я на свой страх и риск, без ведома командарма и начальника штаба, послал на броневике офицера отдела капитана Фомичева, поставив ему задачу прорваться к дивизии, выяснить ее истинное состояние, нанести на карту положение подразделений, узнать намерение и решение комдива и срочно возвращаться. Офицер с ходу проскочил заслон немецких автоматчиков на лесной дороге и отыскал штаб дивизии. Без особого труда ему удалось прорваться и обратно, в точности выполнив поручение. Фомичев доложил, что комдив ничего не предпринимает, надеясь на выручку извне. Возмущению командарма не было границ. Он еще больше разуверился в комдиве, но, так как тот был далеко, командующий перенес гнев на генерала Киносяна и меня, требуя конкретных предложений. Мы понимали, что, если бы были хоть малейшие возможности, командарм нашел бы их и без нас. Единственное, что можно было предложить, – так это снятие какой-то части с наступающего фронта. Командарм, будто угадав наши мысли, сказал:

– Не выводить же из боя и возвращать назад одну из наступающих дивизий спасать Зарако!

– Попросите что-нибудь во фронте, – предложил я нерешительно.

– Что? Вы соображаете, что говорите? Слышите, Степан Ильич, он за дурака меня считает, – обратился В.Н. Гордов к начальнику штаба. – Командующий фронтом должен спасти мою

армию от роты паршивых автоматчиков. Чем лучше я буду выглядеть, чем интеллигент Зарако?..

При очередном докладе в штаб фронта обстановки по телеграфу я подробно изложил тяжелое положение окруженной дивизии, сказав, что ее надо выручать, а выручать нечем.

Через несколько часов поступило сообщение, что к нам направляются две дивизии, находившиеся на доукомплектовании в резерве фронта. Они передаются армии только для деблокирования 160-й сд, после чего должны быть возвращены. Численность этих дивизий не превышала 3,5 тысячи человек, а это значит, что стрелковых подразделений в них почти нет. Обрадованный командарм поручил мне встретить дивизии и с их помощью выручить Зарако-Зараковского. Вместе с командирами этих дивизий мы набрали, с привлечением артиллеристов и саперов в качестве пехоты, примерно 700 бойцов и двинули в лес. Немцы, обнаружив приближение свежих сил, не приняли боя и поспешно снялись с занимаемых позиций и скрылись в лесу. Преследуя их, наши подразделения захватили с полтора десятка пленных, остальные рассеялись мелкими группами и ускользнули. 160-я сд оказалась во втором эшелоне армии и вскоре снова вступила в бой. Ее численность составляла менее 4 тысяч человек, в полках было по 120–140 пехотинцев. Да и остальные дивизии были укомплектованы не лучше. Темп наступления как нашей армии, так и соседей все заметнее замедлялся, войска стали продвигаться в среднем не более 2 километров в сутки, а то и меньше.

Разведка установила, что противник отошедшими войсками и переброшенными на Ельнинское направление 330-й ид и 1-й мотобригадой СС занял оборону в глубине на заранее подготовленном рубеже. Попытаться прорвать этот рубеж с ходу не имело смысла, и командующий фронтом приказал сделать паузу и готовить новое наступление.

На втором этапе Смоленской операции наши войска продвинулись в среднем на 30–40 километров, освободив многие населенные пункты, в том числе Ельню и Дорогобуж. С 7 сентября наступление прекратилось. Как бы ни было тяжело, но и на этом этапе главная задача выполнена: немцы не только не сняли ни одной дивизии с Западного направления, чтобы перебросить их на юг, где развивались основные события, но и вынуждены были подтянуть сюда две свежие дивизии и бригаду.

4

После семидневной передышки и короткой подготовки 33-я армия опять же в составе ударной группировки, действуя на направлении главного удара фронта – Смоленск – Орша, 15 сентября перешла в наступление. Оборона противника была прорвана уже в первый день, и за двое суток мы продвинулись на 16 километров, ломая ожесточенное сопротивление фашистов. Наступление развивалось успешно и привело 25 сентября к освобождению Смоленска. Наряду с другими отличившимися здесь армиями в приказе Верховного главнокомандующего отмечалась и 33-я армия; всему личному составу была объявлена благодарность.

Между тем наступление продолжалось до 2 октября. Мы освободили крупные населенные пункты Починок, Монастырщину, Красный, Кадино и многие другие.

К концу Смоленской операции 33-я армия вышла на Оршанское направление, приблизившись к рубежу Ленино – Горки. Перед нами простиралась многострадальная Белорусская земля.

На последнем этапе Смоленской операции 33-я армия действовала южнее Смоленска. Относительно быстрое продвижение и непрерывные жестокие бои не позволяли фашистам сжигать населенные пункты и угонять население, поэтому села освобождались нами почти полностью сохранившимися.

Штаб армии, перемещавшийся, как правило, ежедневно, останавливался в населенных пунктах. Бросалось в глаза большое число жителей, среди которых было много мужчин призывных возрастов. Это были бывшие военнослужащие, оставшиеся здесь при отступлении наших войск летом и осенью 1941 года. Они, оказавшись на оккупированной территории, переоделись в штатское платье и пристроились к семьям местных жителей, занявшись домашним хозяйством. Многие из этих «зятьков» обзавелись женами и даже успели иные нажить детей. Им удалось избежать плена, а пробиваться к отступавшим на восток советским войскам не хватило ни смелости, ни воли. Вот они и пристроились кто как мог, забыв о своем воинском долге, в ожидании лучших времен. Мы, конечно, считали этих дезертиров предателями. Хотя эти горе-воины в подавляющем большинстве и не сотрудничали с врагом, но все же самовольно покинули поле боя и уклонились от дальнейшей борьбы.

Понеся большие потери в многонедельных изнурительных боях, наши части крайне нуждались в новом пополнении, а оно в это время не поступало. Вот мы и усмотрели возможность хотя бы частично пополнить части личным составом за счет этих своеобразных дезертиров, предоставив им возможность искупить свою тяжкую вину перед Родиной. Отделы укомплектования и кадров собирали годных к военной службе мужчин, формировали из них команды и направляли в войска. Документов у мобилизуемых не было, и трудно было отличить бывшего офицера от рядового.

По размытым осенними дождями дорогам машины передвигались с трудом, и мы, офицеры штабов, не обходились без лошадей. Как-то верхом на коне я поехал вперед за передовыми частями, чтобы своевременно подобрать очередное место для штаба. С сопровождавшим меня ординарцем подъезжаем к большому и совершенно сохранившемуся селу Кадино, возвышавшемуся над окрестной местностью, натываемся на узкую, но глубокую речушку, через которую предстояло перебраться, чтобы попасть в село. Пока мы искали отлогие берега или брод, подъехал командир одной из артбригад в сопровождении нескольких всадников. Мы познакомились и, обнаружив перекинутое через речушку бревно, решили оставить лошадей с ординарцами, а самим перебраться по бревну. Так и сделали. Артиллерийский полковник предложил зайти в первый же дом и перекусить. У него, дескать, есть чем подкрепиться. Я был голоден, ничего съестного с собой не имел и воспользовался гостеприимством. На окраине села к нам поспешили несколько штатских мужчин и, перебивая друг друга, сообщили, что советские солдаты в село не заходили, а прошли стороной. Немцы поспешно схватили 30 молодых жителей и на машинах только что увезли за село. Их, наверное, расстреляют. Еще не поздно догнать карателей и помешать им свершить злодейство – сводилось предложение ходатаев.

– А что же вы сами не помешали фрицам увезти товарищей? Вон какие лоботрясы! – сказал артиллерист.

Ходатаи растерянно переглянулись и загалдели:

– У нас нет оружия, а они с автоматами...

На это полковник свирепо выкрикнул:

– А где вы подевали оружие? Отдали врагу!.. – Артиллерист заподозрил в говоривших тех самых «зятьков», о которых уже упоминалось.

Вместо ответа «зятьки» поспешили ретироваться. Догнать карателей было некому, и мы могли лишь пожалеть о случившемся.

В добротной хате, куда мы зашли, нас встретил тощий пожилой мужик, выказывая радость советским офицерам. Он предложил садиться за стол и хлопотал об угощении. Хозяйка стала готовить яичницу на сале, достав из подпечья огромную сковороду. Тем временем артиллеристы выложили из вещмешка консервы, хлеб и бутылку водки. Хозяин не дал себя

упрашивать, чтобы выпить с нами стаканчик советской водки. Разговорились. Нельзя было не заметить, что хозяин «под немцем», как он выразился, изрядно окулачился: во дворе жевали сено волы, коровы, лошади и с десятков овец; возле хаты возвышались два огромных стога необмолоченной пшеницы. На вопрос, как жилось в оккупации, хозяин уклончиво ответил, что жилось тяжело, и тут же сам стал спрашивать, осмелев после второго стаканчика:

– Дозвольте вопрос, товарищи командиры. Только чтобы без обиды и всяких там последствий. Мы вот рады вам, благодарны, что вызволили нас от фашиста. – Мужик встал и низко поклонился в угол, где висела потускневшая икона. Затем снова сел и продолжал: – Но хотелось бы знать, что будет дальше...

– А что же вы хотели узнать? Разве не ясно? – спрашиваем заинтересованно.

– Да вот и не знаем, будут ли снова колхозы, – смущенно и неловко улыбаясь, проговорил мужик.

– А ты сам как считаешь? Чего бы хотел? – перебил его артиллерист.

– Я так думаю, что не надо бы... – задумчиво ответил мужик, окинув нас беспокойным взглядом.

– Будут колхозы! Да еще какие! – твердо сказал кто-то из артиллеристов. – Ты окулачился и думаешь, что советская власть не вернется. Дудки!..

Мужик растерялся и стал расчищать на столе место для сковороды с яичницей.

Наших лошадей переправили через речушку и подвели к дому. Артиллеристы поехали своей дорогой, а я стал осматривать село, прикидывая, как лучше разместить штаб.

К вечеру прибыла часть штаба во главе с командармом. На второй день на площади было построено несколько сот мобилизованных. Они покорно и с кажущейся готовностью сообщали свои военные специальности и звания. В строю оказалось немало бывших офицеров. Любопытства ради я пошел посмотреть пополнение.

– Разрешите обратиться, товарищ начальник! – выкрикнул из строя человек.

Я подошел и узнал знакомого по 19-й армии полковника. Вид у него был здоровый и бодрый.

– Узнаете меня? – спросил бывший сослуживец с наигранной веселостью.

– Узнаю, да не верю, что вы могли так смалодушничать, – отвечаю. – Что вы хотите?

– Меня зачисляют рядовым, а я, как вам известно, полковник, – продолжал «зYTEK». – Я больше принесу пользы офицером, чем рядовым, ведь я окончил академию. Меня же никто не лишал звания!

Я перебил жалобщика:

– Вы сами себя разжаловали, доказав, что получили звание по недоразумению. Таких, как вы, полковников в Красной армии не было и нет! За большую честь считайте стать рядовым красноармейцем и в бою искупайте вину, если не хотите поплатиться за предательство.

– Я ни в чем не виноват... Вел себя в оккупации как патриот... – попытался оправдываться дезертир, но я сказал, что мы сейчас его вины не разбираем, и отошел.

В доме, где разместился оперативный отдел, меня ждала молодая женщина. Она со слезами бросилась ко мне:

– Помогите, это несправедливо! Он тяжело ранен. Я его еле выходила. А теперь забираете! Как ему воевать, у него пуля в легком. Без него мне не управиться с хозяйством. Что буду делать с малыми детьми? – сетовала молодуха.

Как выяснилось, потеряв мужа в первые дни войны и оставшись с грудным ребенком, женщина приютила тяжело раненного лейтенанта, заботливо выхолила его и успела прижить с ним второго ребенка. Семья имела две коровы, лошадь, пару быков, овец и свиней.

– А сам лейтенант как смотрит на мобилизацию? – спрашиваю, когда просительница несколько успокоилась. – Почему сам он не обратится к кому следует. Если нездоров, то его не возьмут. Но я этими вопросами не занимаюсь, и вы обратились не по адресу.

Женщина снова зарыдала, потом, всхлипывая, сердито заговорила:

– Ему что? Он даже обрадовался, что берут. А обо мне не подумал, неблагодарный. Теперь вернется к своей законной, – иронически подчеркнула она это слово – законной. – А меня с детьми бросит. Все вы такие! – вскрикнула обиженная ходатайка, по-видимому выражая возмущение всеми мужчинами, сердито хлопнула дверью и вышла.

Наступление все еще продолжалось, но боеприпасы кончались, а подвоз их задерживался, части нуждались в пополнении и приведении в порядок, и наступление почти не давало результатов. Противник заблаговременно занял выгодный для обороны рубеж Ляды – Ленино – Дрибин. Атака с ходу этого рубежа на Оршанском направлении нашими передовыми частями не увенчалась успехом.

На этом 2 октября наступление было прекращено. Смоленская операция закончилась, ее итоги подробно отражены в официальных военно-исторических описаниях.

В этот период командарму-33 В.Н. Гордову было присвоено звание генерал-полковника. Многие бойцы и командиры отмечены боевыми наградами. Я получил орден Отечественной войны 1-й степени.

Мне было бы неудобно перед тогдашними сослуживцами, если бы я не рассказал здесь о постигшей меня неприятности в тот период; могли бы заподозрить, что я умышленно опустил невыгодный для себя факт. Ведь я тогда понес от командарма серьезное наказание, перенеся глубокое душевное потрясение. Дело в том, что я, пользуясь благожелательным ко мне отношением генерала В.Н. Гордова, прямо говорил ему все, что думал, не задумываясь, как командарм воспримет мои слова. Но тут я невольно наступил на большую мозоль его тщеславного самолюбия, как, бывает, по неосторожности наступишь на ногу оказавшегося рядом человека.

В один из дней тяжелого наступления, когда части понесли чувствительные потери и к вечеру выдохлись, продвижение само по себе прекратилось, чтобы возобновиться с утра следующего дня. Поздно вечером, кажется это было в 22 часа, вызывает меня командарм и приказывает подготовить войскам распоряжения, потребовав в течение ночи продолжать наступление батальонами, по одному от каждого полка первой линии. Командарм лучше меня знал состояние войск, и это его приказание меня не столько удивило, сколько вывело из равновесия. И я дерзнул возразить генералу. Состоялся такой разговор:

– Это невыполнимо, товарищ командующий.

– Вы так считаете? Почему же, позвольте вас спросить?

– Невыполнимо потому, что нереально. Никаких батальонов в полках нет.

– А что же есть? Может, по вашей оценке, у меня уже полков и дивизий нет? Вы это хотите сказать?

– Полки представляют собой нечто вроде сводных отрядов численностью 140–150 человек. Активных штыков, я имею в виду. А роты и батальоны существуют только на бумаге. Что же касается боевых распоряжений на ночные действия, то и они нереальны: сейчас 22 часа. Пока будут написаны распоряжения, закодированы и переданы по телефону при никудышной слышимости, другой связи нет, в корпуса и дивизии и пока они дойдут до полков, наступит утро. А ночной бой требуется еще и организовать.

– Что же вы предлагаете? – вспыхнул генерал.

– Дать людям отдохнуть до утра.

Командарм звучно засопел, сдерживая гневный припадок, и это ему на короткое время удалось. Он спокойно сказал то, чего я не ожидал:

– Значит, по-вашему, я загубил армию? У меня даже батальонов не осталось?

Докомандовался Гордов: все загубил к чертовой матери! Нет, неправда! Есть у меня батальоны! И армию я не загубил. Жаль, что мой начальник оперативного отдела думает иначе, не зная истинного положения. Так вот, я вас отстраняю от должности и назначаю командиром полка. Там убедитесь, что батальоны у меня есть.

Вначале я не принял всерьез это решение, считая его результатом нервного и физического перенапряжения командарма. Всю вторую половину дня я просидел с ним на НП, устроенном на высоком дереве, и замечал, что генерал нездоров: он, просидевший несколько часов на пронизывающем холодном ветре, продрог и выглядел явно больным. К тому же он превышал в данном случае свои права, ибо моя должность выходила за рамки номенклатуры командарма. Была надежда, что командующий успокоится и откажется от такого невероятного решения. Но этого не случилось. Я ушел в отдел, отдал нужные распоряжения заместителю и снова пошел к командующему, чтобы спросить, когда и в какой полк отправляться.

Генерал лежал на походной кровати, прикрывшись шинелью: его знобило. Не успел я сказать слова, как раздался телефонный звонок. Командарм поднялся, подошел к столу, взял трубку и выслушал молча чей-то доклад. «Вам повезло, – сказал он мне, – Ревякин докладывает, что убит командир 62-го полка. Вот и должность для вас освободилась, туда и отправляйтесь». К рассвету я прибыл на КП командира 164-й дивизии и представился по всей форме генералу В.Л. Ревякину. Тот никак не мог поверить, что начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба армии прибыл к нему командовать полком. Но факт – упрямая вещь, и я отправился искать свой полк. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда я перед высоким лесом увидел на поляне группу людей, завтракавших, рассевшись на пнях когда-то вырубленного леса. Это был мой полк. Им временно командовал заместитель начальника оперативного отделения штаба дивизии майор Марченко, недавно переведенный в дивизию из моего отдела. Он обрадовался моему появлению, доложил состояние полка, представил адъютанта – рослого лейтенанта с голубыми глазами – и сдал мне должность. В полку оказалось, без учета тыловых подразделений, 130 человек, две 45-мм пушки на конной тяге, два станковых пулемета и две малочисленные минометные роты:

6 82-мм и 4 120-мм миномета. Мне дали котелок с какими-то теплыми оладьями и чаю, и я тоже сел на пень перекусить. Вдруг вижу странное явление: один солдат свалился раненным, другой, третий... выстрелов не слышно. «Что происходит?» – спрашиваю, не успеваю разобраться в обстановке. Мне спокойно 3 пояснили, что из леса стреляют снайперы. Пришлось, прервав завтрак, приступить к своим новым обязанностям. Приказываю обстрелять лес из станкового пулемета и атаковать. Немцы не стали сопротивляться, и мы беспрепятственно вошли в лес. Слышу взрыв: это одно орудие попало на мину, две лошади из упряжки убиты и ранен один ездовой. На лесной дороге виднелись кучки пыльной земли, под которыми замаскированы противопехотные мины. Требую позвать полкового инженера, чтобы организовал разминирование, но мне отвечают, что инженера давно нет, его заставляли лично обезвреживать мины, и он бесследно исчез: наверное, или подорвался где, или убит. Пришлось протаскивать пушки вне дороги, лавируя между деревьями. Полк вышел на западную опушку леса, встреченный сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Немцы стреляли разрывными пулями, которые рвались, ударяясь в деревья, и создавалось впечатление, что стреляют где-то сзади, в тылу. Крупнокалиберная пуля, пробив погон на моем правом плече, угодила в живот шедшему следом за мной адъютанту. Я вышел на опушку и увидел за лесом оборонявшееся противником село Губино. Для меня быстро

вырыли окоп в песчаном грунте, и я вскочил в него, спасаясь от пуль и осколков. Появился командир поддерживающего полк гаубичного артдивизиона, представился и стал подавать команды на открытие огня. Дальше мы не продвинулись. Наступила ночь. Поручаю заместителю прочесать полковые тылы и всех солдат, способных воевать, поставить в строй. Удалось набрать 20 бойцов.

Обойдя Губино слева перед рассветом, полк внезапно захватил его после короткого боя почти без потерь: немцы, боясь оказаться в окружении, оставили Губино без серьезного сопротивления. Дальше лежала местность открытая, и путь полку преграждала плоская безымянная высота, прочно удерживаемая противником.

Мне оборудовали НП в поспешно вырытом окопе впереди рва, установив стереотрубу для безопасного наблюдения за полем боя. В это время из-за высоты показываются три самоходки и открывают огонь. Они бьют по моему НП, где вправо и влево от меня во рву залег весь полк. Самоходки били настолько метко, что небольшой впереди меня бруствер пронизывали очень точно; снаряды, продырявив бруствер, ложились позади рва и там рвались. Некоторые попадали в ров. Я даже разглядел, как иной остроконечный снаряд, упав в ров, некоторое время вертелся на месте и через какое-то мгновение разрывался, обдавая нас осколками. Один снаряд угодил в мою переносную радиостанцию, убил радиста и выбил микротелефонную трубку из моей руки, оглушив меня так, что из ушей брызнула кровь, и я некоторое время был совершенно глухим. Огонь нашего гаубичного дивизиона вскоре вынудил самоходки отползти назад и укрыться за высотой.

И вот я замечаю в стереотрубу накопление немцев впереди справа; выдвигаются из леса и становятся на прямую наводку шесть орудий, развертываются в боевой порядок до батальона, а это значит человек пятьсот пехоты, три танка. Видно, немцы решили нас контратаковать, чтобы вернуть себе Губино. Я отдавал себе отчет, что отбить контратаку наличными силами, когда она начнется, невозможно. Надо было ее сорвать. Это можно сделать только артиллерией и минометами, благо снаряды и мины были в достатке.

Расположив во рву возле себя, вопреки всяким правилам, обе минометные батареи, ставлю им конкретную задачу: беглым огнем выпустить на каждый миномет соответственно – 82-мм мин по 30, а 120-мм по 15, сосредоточив налет по центру готовившегося к контратаке противника. Туда же обрушиться и 122-мм гаубичному дивизиону. Минометчики разделались до пояса, чтобы легче было работать в жару, и приступили к делу. Одни подносили мины, другие пускали их в дело. Мины и снаряды ложились в самую гущу группы фашистов. За каких-то 10 минут немцы были рассеяны; на месте остались шесть изуродованных и брошенных прислужгой орудий, не сделавших ни одного выстрела. Замысел удался. Контратака не состоялась. Оценив роль минометчиков и артиллеристов, спасших полк от уничтожения, я с удовлетворением объявил им благодарность.

За эту безымянную высоту полк бился несколько дней, но взять ее не мог. И я наконец отказался от дальнейших атак, чтобы не расходовать силы понапрасну, так как и без этого малочисленный полк таял на глазах. Каждую ночь мы чистили тылы, пополнявшиеся неведомо как, и извлекали из них по десятку-полтора бойцов. Но эти меры далеко не компенсировали ежедневных потерь в людях.

Как-то комдив, правда не очень настойчиво, приказал мне все же взять высоту, предупредив, что если я этого не сделаю, то он вынужден сам прибыть ко мне на НП. Я ответил, что если он настаивает, то я высотой овладею. Но тогда в полку людей не останется вовсе, добавив, что ему придется выдвигать сюда какой-то резерв, чтобы закрыть образовавшуюся брешь и удержать высоту. А что касается намерения генерала прибыть ко мне, то я рад буду его встретить. Вспомнились как-то сказанные генералом Гордовым слова: «Где нахожусь сам, туда и приглашаю старших начальников». Это я высказал комдиву, давая понять, что опасность одинакова для нас обоих. Но предупредил, что до меня можно добраться,

проползя на животе с полкилометра. На это комдив сказал, что вопрос о высоте оставляет на мое решение.

Тем временем немцы не выдержали общего натиска и отступили. Мой полк был выведен во второй эшелон дивизии на доукомплектование.

Полком командовать мне понравилось: здесь я был сам себе хозяин, начальство могло до меня добраться не всегда. Огорчало лишь то, что на полк я попал необычным путем, а в порядке наказания и со значительным понижением в должности, что ставило меня в невыгодное положение в глазах сослуживцев. Но я постепенно смирился и с этим стыдом, надеясь вообще остаться на полку, избавившись от неблагоприятной штабной службы. Но командовать полком пришлось недолго.

При докладе генералу В.Д. Соколовскому обстановки фронтовой оператор упомянул, что полк Толконюка овладел Губино. Генерал осведомился: «Какой Толконюк? Что-то я такого командира полка не помню».

Оператор пояснил, что это бывший начальник оперативного отдела штаба 33-й армии, снятый с должности генералом Гордовым и поставленный на полк. Командующий фронтом осудил поступок командарма и приказал немедленно вернуть меня на прежнюю должность.

Мое упорное нежелание возвращаться в штаб армии ни к чему не привело, и я повиновался приказу. Начальник штаба генерал С.И. Киносян, довольный моим благополучным возвращением, уговаривал меня извиниться перед командующим. Но я, не признавая за собой никакой вины, извиняться и не подумал. Во время этого разговора подошли генералы В.Н. Гордое и Р.П. Бабийчук, и командарм спрашивает, о чем мы ведем разговор после долгой, как он выразился иронически, разлуки. Киносян передал суть разговора.

– Ну и что? – спрашивает меня командующий. – Покомандовал полком? Убедился, что у меня есть батальоны?

– Убедился, что нет, товарищ командующий, – отвечаю, как бы подчеркивая свою правоту. – Да и Губино, которое вы всей армией не могли взять, я освободил от врага. Давайте заслуженный орден, – сделал я попытку пошутить.

– Ничего не получишь, – сказал Гордов, не приняв шутку, – я тебя посылал в наказание. Ордена поэтому ты не заслужил, а всего лишь искупил свою дерзкую вину: будем считать, что мы квиты. А некоторых храбрецов полка по твоему представлению наградил. И заместителю твоему дал Красное Знамя. Но не тебе. Будешь впредь знать, как пререкаться с командующим. Приступай к работе, у командарма к своему оператору претензий нет.

Обращение ко мне на «ты» и эти последние слова говорили, что генерал сменил гнев на милость и наши отношения обещали прийти в прежнее русло. Член Военного совета генерал-майор Р.П. Бабийчук, несомненно считавший обращение со мной на этот раз неправильным, выказал это похлопыванием меня по плечу, улыбаясь. А генерал С.И. Киносян взял на себя роль высказаться от моего имени.

– Он, Василий Николаевич, осознал свой поступок, извлек полезный урок и впредь будет вести себя выдержанно, – сказал он, хитро поглядывая то на меня, то на Бордова.

5

После завершения Смоленской наступательной операции 33-й армии воспользоваться передышкой не пришлось. В первых числах октября армия получила новую задачу. Ей предписывалось подготовить и провести частную наступательную операцию на Оршанском направлении с целью прорвать оборону противника в районе Ленино и, развивая наступление в Западном направлении, выйти на реку Днепр на участке между Оршей и Шкловом, перерезав шоссе и железную дороги, идущие параллельно фронту.

Эта частная армейская наступательная операция, хотя и проводившаяся сравнительно малыми силами и с ограниченной целью, имела важную особенность, выведившую ее за обычные рамки. Она, эта операция, характеризовалась известным политическим и интернациональным значением и в истории 33-й армии заняла короткое, но знаменательное место. Это место определялось тем историческим фактом, что 33-й армии выпала честь принять в свой состав и ввести в первый бой 1-ю польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко, созданием которой положено начало рождения новой, народной армии будущего свободного социалистического Польского государства.

По предложению и просьбе Союза польских патриотов в СССР в мае 1943 года советское правительство приняло решение создать на территории Советского Союза первую польскую дивизию для совместной с Красной армией борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Весной и летом 1943 года на Рязанской земле в лагере Сельцы дивизия была укомплектована личным составом, вооружена советским оружием, обеспечена всеми необходимыми материально-техническими средствами и прошла обучение с помощью имевших боевой опыт советских офицеров и генералов. В ее состав вошли польские граждане, волей судьбы оказавшиеся в нашей стране после нападения гитлеровцев на Польшу в 1939 году, а также некоторая часть советских военнослужащих, офицеров, преимущественно польского происхождения.

Командиром дивизии был назначен Зигмунт Берлинг.

Созданием этой дивизии предоставлялась возможность польским патриотам принять непосредственное участие в разгроме Красной армией гитлеровских вооруженных сил и освобождении своей родины от фашистского порабощения.

Идя навстречу пожеланиям Союза польских патриотов, советское командование 1 сентября 1943 года начало отправку дивизии на сражающийся фронт. Дата ее отправки была приурочена к четвертой годовщине нападения фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года.

Переброшенная по железной дороге в район Вязьмы и переданная в состав Западного фронта, дивизия совершила без малого 250-километровый марш к линии фронта. Марш, несмотря на неблагоприятные погодные и дорожные условия, прошел образцово, показав хорошую подготовку, организованность и выносливость личного состава. Командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский высоко оценил действия частей дивизии на марше, поблагодарил командование и всему личному составу объявил благодарность.

Решением командующего фронтом польская дивизия включалась в состав 33-й армии и предназначалась для участия в частной армейской наступательной операции на Оршанском направлении, проводившейся в середине октября.

Передача свежего, да еще иностранного боевого соединения в 33-ю армию была не случайной. В закончившейся Смоленской операции армия показала высокие боевые качества, успешно выполняла возлагавшиеся на нее задачи. Командующий армией генерал-полковник В.Н. Гордов зарекомендовал себя волевым, опытным и знающим свое дело военачальником, проявив высокие организаторские качества. Его штаб, возглавляемый генерал-майором С.И. Киносяном, показал себя работоспособным, слаженным и инициативным органом управления войсками. Такому командующему с его штабом естественно было доверить первое боевое крещение еще не имевшей боевого опыта польской дивизии. Это возлагало на штаб армии как бы двойную ответственность, и мы к подготовке и проведению операции подходили с сознанием этой особой ответственности: готовили и планировали предстоящие боевые действия с большой тщательностью и скрупулезностью. Нельзя было не учитывать, что наши дивизии, понесшие чувствительные потери в предыдущих изнурительных боях, недостаточно укомплектованы личным составом,

что снижало их ударную силу, а польская дивизия была полнокровной и хорошо оснащенной техническими средствами. Она имела около 13 тысяч солдат и офицеров. Кроме трех пехотных полков, в ее составе были: полк легкой артиллерии, танковый полк и штатные дивизионные части и подразделения. Поэтому было решено поставить эту свежую дивизию в центре боевого построения первого эшелона армии на направлении главного удара. Фланги дивизии справа и слева обеспечивались наступлением наших стрелковых дивизий. Для увеличения огневой мощи дивизия усиливалась артиллерийскими полками 144-й и 164-й сд, 67-й отдельной гаубичной бригадой, 528-м минометным полком: с учетом средств усиления она располагала 360 артиллерийскими и минометными стволами. Наступление поддерживалось армейской артиллерийской группой и фронтовой авиацией. Следовательно, дивизии поляков отводилась главная роль в операции и от ее действий зависел успех наступления армии.

Перед фронтом оборонялись на заранее подготовленном и выгодном в тактическом отношении рубеже войска 39-го немецкого танкового корпуса. Перед рубежом протекала небольшая, но с широкой заболоченной поймой река Мерея, от которой местность полого возвышалась в сторону противника.

Для пропуска войск через нейтральную полосу, покрытую вязким торфяным болотом, нашим инженерно-саперным частям пришлось заранее прокладывать колонные пути, гати и переходы под губительным огнем противника. Такое невыгодное исходное положение не могло не сказаться отрицательно на наступлении, но лучших условий не было. В боевом приказе армии от 7 октября 1-й польской дивизии ставилась задача – прорвать оборону противника на участке Ползухи, высота 215,5, с выходом на реку Пневку; в дальнейшем, используя успех вводимого с этого рубежа 5-го мехкорпуса, развивать наступление в направлении Лосевка – Чурилово и выйти на реку Днепр между Оршей и Шкловом. Справа наступала 42-я сд генерал-майора Мультиана, а слева 290-я сд генерал-майора Гаспаряна.

Атака назначалась на 9:00 12 октября, но из-за густого утреннего тумана была перенесена на 11:00.

По некоторым признакам немцы пронюхали, что на данном направлении ожидается появление польских войск, и они усиленной воздушной разведкой стали искать их днем и ночью, но безуспешно. Одновременно они предпринимали массированные бомбардировочные удары в полосе армии и за последние дни разрушили и предали огню почти все населенные пункты на глубину около 15 километров от переднего края. Но части польской дивизии, передвигавшиеся по ночам, под бомбежку не попали и потерь не понесли.

Перед началом наступления, решением командарма, проводилась силовая разведка (разведка боем), чтобы уточнить огневую систему в обороне противника и частично улучшить свое исходное положение. От каждой из трех дивизий первого эшелона для этой цели выделялось по одному усиленному батальону. От польской дивизии действовал 1-й батальон 1-го пехотного полка под командованием майора В. Ляховича, геройски погибшего в этом бою.

За сутки до наступления, после короткого огневого налета, батальоны дружно атаковали, преодолели пойму реки Мереи, на отдельных участках ворвались в первую траншею врага, но, встреченные сильным огнем, продвинуться дальше не смогли. И все же батальоны свою основную задачу выполнили: заставили противника вскрыть огневую систему и наряду с этим несколько улучшили условия для преодоления поймы реки своими войсками.

После более чем полуторачасовой артподготовки, начавшейся в 9 часов 20 минут 12 октября, все три дивизии (польская, 42-я и 230-я наши) в тесном взаимодействии дружно пошли в атаку. По сравнению с нашими малочисленными дивизиями польская дивизия выглядела грандиозно: полки шли стройными цепями; казалось, что такую силу ничем сдержать нельзя. Глазам предстала сурово-красивая картина рука об руку шедших в жестокий бой

героических сынов двух братских народов, в едином строю кровью скрепляющих великую дружбу на поле боя в борьбе с общим врагом.

Оглушенный и ошеломленный мощной артподготовкой и ударами авиации противник вначале какое-то время не мог прийти в чувство и молчал. Потом его огневые средства стали оживать с нарастающей силой: заговорила артиллерия из глубины, зачастили минометные налеты, застрекотали пулеметы. Но бойцы шли вперед: одни падали сраженные, другие, ускоряя шаг, замещали упавших в построении и все шли, шли. Генерал-полковник В.Н. Гордов радостными глазами наблюдал картину боя и высказывал по телефону полковнику З. Берлингу свое удовлетворение, заявив, что давно не приходилось видеть такой дружной и стремительной атаки. Но огонь противника усиливался, его дальнобойная артиллерия навалилась на наши батареи, появились вражеские бомбардировщики, направив главные усилия против поляков. Показательно, что за день боя немцы сделали в полосе армии около 3 тысяч самолетовылетов, большая часть которых приходилась на польскую дивизию, как главную силу в наступлении. Польские зенитчики, в том числе девушки, самоотверженно вступали в жестокий поединок с вражескими пикирующими бомбардировщиками, многие из которых валились на землю, оставляя в небе полосы черного дыма.

Пехота и танки польских и советских частей упорно продвигались вперед, завязав бои за высоту 215,5, Тригубово, Ползухи, высоту 217,6, Пушице.

В первые часы ударной группировке армии, особенно в центре, где наступали костюшковцы, и на примыкающих к ним флангах 42-й и 290-й советских дивизий удалось продвинуться в среднем около 2 километров и овладеть несколькими населенными пунктами и высотами. Но недостаток отпущенных на операцию боеприпасов, особенно снарядов и мин, сильные контратаки и массированное воздействие авиации не позволили нашим войскам развить успех и достичь цели операции. Кровопролитные бои не прерывались трое суток. Немцы сопротивлялись отчаянно. Из показаний захваченных пленных было известно, что противник в этих боях понес огромные потери. Например, в 4-й роте 690-го пи 337-й ид из 120 человек к третьему дню боя оставалось 18. Наши потери тоже были значительны: смертью храбрых пали многие советские и польские солдаты и офицеры. Польская дивизия потеряла убитыми и умершими от ран более 600 бойцов, в том числе нескольких командиров подразделений, которым не было суждено дойти до Варшавы и увидеть свою освобожденную от фашистских поработителей родину. Кроме того, вырвавшаяся вперед в ходе наступления группа польских солдат, внезапно контратакованная противником, попала в плен, что не могло не огорчить остальных и испортить впечатление у советского и польского командования.

На третьи сутки наступление было прекращено. Для ввода в бой 5-го мк условий создано не было, и он не вводился. Польскую дивизию вывели из боя в резерв, и она вскоре вышла из подчинения 33-й армии.

За проявленный героизм и боевую доблесть в боях под Ленино многие воины – солдаты и офицеры – получили высокие правительственные награды. По достоинству был оценен советским правительством и подвиг личного состава 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко, получившей боевое крещение в жестоких схватках с врагом на Белорусской земле под Ленино. 243 ее воина было награждено орденами и медалями, а двоим присвоено звание Героя Советского Союза.

После наступления под Ленино 33-я армия закрепилась на достигнутом рубеже, успешно отразила несколько контратак противника и временно перешла к обороне, получив передышку, чтобы привести войска в порядок и пополнить части личным составом, вооружением и материальными средствами.

Вступив на Белорусскую землю, 33-я армия с 15 октября по 29 ноября стояла на месте, залечивая многочисленные раны, нанесенные ей в предшествовавших изнурительных боях. Пополнение поступало медленно и небольшими партиями. Чтобы увеличить численность пехоты, провели местную мобилизацию: собрали несколько сот бывших военнослужащих, оставшихся в селах при отступлении наших войск летом и осенью 1941 года, и распределили их по дивизиям. Из бывших полицейских, всяких там старост и прочей человеческой дряни, прислуживавшей фашистам в оккупации, создали штрафные батальоны и роты, поставили над ними волевых командиров и политработников. Пополнили части и новым офицерским составом, преимущественно не имеющим командирских навыков в боевой обстановке. Обучать их ни время, ни обстановка не позволяли.

Дивизии довели до пятидесяти тысяч состава. При такой укомплектованности создалась возможность восстановить все подразделения, но стрелковые роты оставались малочисленные, ибо большую часть людей поглощала артиллерия и специальные подразделения, содержать которые в большом некомплекте невозможно. В некоторой степени восполнили некомплект вооружения и накопили боеприпасы.

Анализируя состояние понесших большие потери стрелковых подразделений, мы выявили нездоровое явление: когда в роте остается совсем мало людей, то они оказываются вооруженными только легким оружием – карабинами, винтовками, автоматами, а пулеметов нет, потому что при выбытии пулеметчиков их не заменяют стрелками. И командиры рот и батальонов мирятся с таким ненормальным положением, снижающим огневые возможности. Командарм потребовал, чтобы автоматическое оружие выходило из строя последним. «Если в роте остался единственный боец, то он обязательно должен быть пулеметчиком», – говорил он, поясняя, что один пулемет в бою заменяет нескольких автоматчиков или десятки бойцов, вооруженных карабинами и винтовками.

Чтобы выполнить это справедливое, хотя и нелегкое требование, оперативному отделу пришлось в армейском масштабе вести учет и контролировать численность всех рот и их вооружение.

Восстановив в какой-то мере боеспособность частей, со второй половины ноября армия развернула подготовку к новому наступлению на Оршанском направлении. Главная цель операции – Орша, до которой не более 30 километров.

В последних числах ноября подготовка к наступлению была закончена, и 29-го числа войска заняли исходное положение, чтобы с утра 30-го начать активные действия. К вечеру погода резко ухудшилась, усилился пронизывающий ветер, повалил снег, поднялся чуть ли не сибирский буран, а теплой одежды и обуви недоставало. Не исключалось переохлаждение и обморожение людей, что неизбежно могло привести к снижению боеспособности частей. Возникали дополнительные заботы командиров, штабов и политорганов.

Ставилась задача во что бы то ни стало сломить сопротивление противника и овладеть Оршей – важным узлом железных дорог. На этом требовании концентрировалось все внимание, проводилась разъяснительная работа с людьми, чтобы повысить их наступательный порыв. Велось разъяснение, что успешный прорыв советских войск у Гомеля способствует и нашему успеху. До бойцов доводилась информация о беспощадной бомбардировке Берлина и других городов фашистской Германии авиацией наших союзников по антигитлеровской коалиции, что снижает боевой дух фашистов.

Итак, с утра 30 ноября, невзирая на скверную погоду, исключавшую авиационную поддержку, армия приступила к штурму хорошо подготовленных позиций противника на реке Россосенке с ближайшей целью овладеть мощным опорным пунктом и узлом дорог Дубровно, стоящим на подступах к Орше. Завязались тяжелые затяжные бои, все бремя которых ложилось на пехоту. С самого начала дало себя почувствовать ограниченное количество боеприпасов, главным образом снарядов и мин. Хотя мы и имели на направлении

главного удара численное превосходство над противником в артиллерии малых и средних калибров, но враг выпускал за одно и то же время в два раза больше снарядов, чем мы. В артиллерии контрбатарейной борьбы немцы превосходили нас в полтора-два раза, что позволяло им надежно подавлять наши артгруппы контрбатарейной борьбы.

Двое суток наши дивизии проводят одну атаку за другой, как бы вдавливаясь в оборону врага, но ощутимых территориальных результатов не достигают. Немцы сопротивляются отчаянно, мечутся из стороны в сторону, маневрируя резервами, бросают с ходу в контратаки пехоту и танки то в одном, то в другом месте. Трупы солдат и горящие танки густо покрывают почерневший снег. Кто-то на НП сказал:

– Здесь сконцентрированы все ужасы войны. Обе стороны купаются в крови человеческой.

Командарму это выражение не понравилось, и он сердито заметил:

– Не время и не место заниматься демагогией. Как можно отождествлять праведную кровь советского солдата с черной кровью фашистского бандюги? Я бы одной капли крови своего солдата не дал за целую цистерну гадкой крови фашиста.

Но кровь продолжала обильно поливать смешанную со снегом землю. Утром 1 декабря мы захватили Красную Слободу, но сильной контратакой противник отбросил нашу пехоту на исходную позицию. На Красную Слободу тут же был брошен штрафной батальон, сформированный из мобилизованных на освобожденной территории бывших красноармейцев, скомпрометировавших себя прислужничеством фашистам, и снова она была занята. Но на рассвете следующего дня батальон не выдержал массированного артобстрела и контратаку немцев и в беспорядке отступил; часть штрафников постыдно разбежалась. Противник снова захватил населенный пункт, вернее, то место, где он значился на карте. Не только Красная Слобода несколько раз переходила из рук в руки, так было и со многими другими населенными пунктами. За десять суток кровопролитных боев армия овладела несколькими высотами и селами, но, чтобы удержать их за собой, потребовались сверхчеловеческие усилия. В этих боях армия потеряла около 7 тысяч убитыми и ранеными. Потери противника, как показали 80 захваченных пленных, были намного больше. Обнадеживающих видов на успех в ближайшем будущем не было: численность наших дивизий снова понизилась в среднем до 4 тысяч человек, а это значило, что пехоты почти нет.

Командарм глубоко переживал тяжесть потерь и создавшегося положения, нервничал и оскорбительно ругал подчиненных командиров. Штабу он не давал ни минуты покоя ни днем ни ночью.

Набравшись храбрости, я предложил прекратить губительные атаки и перейти к обороне. После мучительных колебаний генерал Гордов отважился наконец попросить разрешения у командующего фронтом генерала В.Д. Соколовского дать армии передышку. Разрешение было получено, но не сразу, а тем временем ожесточенные бои продолжались, но теперь они сводились к отражению многочисленных контратак противника, пытавшегося вернуть утраченные позиции.

В ходе наступления наша 277-я сд, преодолев небольшую реку Лучесу, вклинилась в оборону противника километра на полтора-два. Немцы контратаками сжали ее фланги у основания вклинения так, что дивизия оказалась в мешке с горловиной по фронту метров семьсот – восемьсот и в глубину около 2 километров. Горловина насквозь простреливалась пулеметным огнем: пробраться через эту горловину можно было только ночью, да и то с большим риском, ибо местность непрерывно освещалась ракетами.

Под вечер 2 декабря меня вызвал с КП на НП командарм и приказал с наступлением темноты отправиться в дивизию и вступить в командование.

– Вам, как мне известно, нравится командная должность, – сказал он, – генерала Гладышева я решил отстранить от командования дивизией и примерно покарать. Примите от него дивизию и направьте его ко мне на расправу.

В боевой обстановке командарм вправе был отстранить от должности любого командира дивизии и назначить другого с последующим утверждением, если это вызывалось неотложной необходимостью. В данном случае такой необходимости не было. К тому же опытный и заслуженный генерал-майор Гладышев не проявил ни трусости, ни безволия и делал все от него зависящее. Обижать его не было никаких оснований. Да и на дивизию замена командира в создавшейся крайне сложной обстановке могла оказать только неблагоприятное влияние.

Я считал за честь получить дивизию и был готов взять на себя тяжелую ношу и высокую ответственность, но если бы это было при других обстоятельствах. Ясно, что генерал Гордов пришел к такому опрометчивому решению в припадке гнева и принимать всерьез это решение не следует. Но приказ есть приказ. Возражать, а тем более отказываться – значит еще больше возмутить вышедшего из нервных берегов облеченного большой властью единоначальника.

Не без риска попросив письменное распоряжение и без лишних слов получив его, в сопровождении знающего дорогу офицера я отправился в непроглядную буранную ночь узким проходом через скованную льдом Лучесу на поиски НП командира 277-й сд. В мутной пелене бурана то справа, то слева одна за другой вспыхивают мутно-мохнатые звезды осветительных ракет, невольно обозначающих передний край вражеского расположения. Кажется, что ракеты вспыхивают вокруг нас, и четко очерченного прохода заметить невозможно. Не исключается опасность напороться на немцев. Уклоняясь от ракетных вспышек то вправо, то влево, приходится идти на ощупь. Замечаем на снегу свежие следы солдатских сапог, но чьи это следы, наши или вражеские, не разобраться. Натыкаемся на землянку, повернутую входом в сторону противника. Прислушиваемся, затаив дыхание. Из землянки пробивается картавящий нерусский говор: значит, немцы. Подаемся в сторону – и снова такая же землянка, но голосов не слышно. Ждем. Вдруг вход в землянку на секунду открывается и мигнувший яркий свет высвечивает фигуру выходящего наружу немца с автоматом. Он извергает в снег звонкую струю жидкости и возвращается в землянку. Мы идем дальше. Через несколько десятков шагов – снова такая же землянка. Прислушиваемся. Напряженный слух улавливает близкий сердцу родной русский говор, смутно пробивающийся из-за плащ-палатки, закрывающей вход в землянку. Свои! Заходим и видим с десятков красноармейцев, греющихся у раскаленной докрасна жестяной печурки. Выясняется, что мы минули блиндаж комдива, оставшийся метрах в шестистах позади, и вышли на передний край. Одетый в закопченный овчинный полушубок сержант вызвался провести нас к комдиву.

В отбитом накануне у врага блиндаже с входом со стороны фронта, что плохо защищало его от снарядов, в кучке солдат сидел генерал-майор Гладышев, охрипшим голосом добиваясь связи с частями по переносной рации. В тусклом свете сальной коптилки генерал выглядел изможденным и больным: лицо почернело, воспаленные глаза хмуро смотрели из-под припухших покрасневших век, руки подрагивали, как при лихорадке. Увидев меня, комдив нескрываясь обрадовался той самой радостью, какую выказывает человек, унесенный на утлой лодчонке в штормовую морскую пучину и неожиданно увидевший силуэт приближающегося спасительного корабля. Он не знал цели моего появления, но сам факт прибытия армейского оператора вызывал у него надежду, что я своими глазами увижу бедственное положение его дивизии и правдиво доложу суровому командарму то, чего командир докладывать не решался. Само собой разумеется, что я не сказал генералу о своей миссии и не собирался ее выполнять.

Угостив меня холодным солдатским ужином и 100 граммами водки, комдив коротко, с грустной откровенностью изложил создавшееся положение. У командарма была телефонная связь с комдивом, но никакой телефонный доклад не мог выразить всего того, что видишь собственными глазами. Из спокойной беседы я уяснил следующее. На утро вчерашнего дня дивизия насчитывала что-то около 3,5 тысячи человек, примерно одну треть штатного состава. Но в ожесточенном бою накануне понесла значительные потери, подсчитать которые не было возможности. Многие командиры вышли из строя, и рядом подразделений командовали сержанты и даже рядовые. После вчерашней оттепели ударил к вечеру мороз, и автоматическое оружие ни у нас, ни у немцев не стреляло, дело доходило до рукопашных схваток. С наступлением темноты стрелковые подразделения перемешались с немцами, и теперь трудно разобраться, где свои, а где противник. С вечера комдив разослал в подразделения всех имевшихся под рукой офицеров штаба для выяснения положения и состояния частей и помощи командирам, но ни один посланец не вернулся и не подал о себе никаких известий. Сколько осталось людей, как они расположены и вооружены – неведомо. Все надежды на приближающееся утро, так как ночью, дескать, все кошки серы. Генерал высказал опасение, что если немцы утром контратакуют, то не избежать беды: можно потерять с таким трудом захваченный плацдарм. Незаметно наступил рассвет. Мы вышли из блиндажа и огляделись. Буран стих, по свежему снежному полю проплывали дымящиеся на морозе полосы поземки. Ослепительно-яркий восход открыл перед глазами кучки солдат, наших и немецких, танцующих на снегу, согреваясь. Перемешанные между собой и находясь в десятках метров одна от другой, эти кучки не обращали друг на друга никакого внимания, будто не замечая. Видно, немцам было не легче нашего и им не до контратак.

Комдив распорядился занять оборонительный боевой порядок, хотя задача наступать не отпадала. Некоторые группы было решено отвести назад из расположения немцев, а некоторые выдвинуть вперед, отделиться от групп противника и образовать четкий передний край.

Телефонист высунулся из блиндажа и доложил, что вызывает к телефону ноль первый. Мы вошли в блиндаж, и Гладышев взял трубку.

– Ты что, все еще командуешь? – спросил командарм недовольно. – Где Толконюк? Он еще не выводит тебя из дивизии?

Генерал Гладышев, переменявшись в лице, молча передал мне трубку, догадываясь о недобром.

– Струсил! – закричал на меня командующий угрожающе. – Сейчас пришлю более смелого офицера с приказанием расстрелять вас обоих к чертовой матери! Мне такие слюнтяи не нужны, только мешают...

Я не выдержал и перебил командующего:

– Товарищ ноль первый, докладываю...

Разобравшись на месте, я убедился, что менять комдива в сложившейся обстановке недопустимо. Пришлите сюда хоть самого Суворова, и он не сделает больше того, что делает Гладышев, вросший в обстановку, знающий людей, и его все знают. Отстранять комдива – значит загубить дивизию...

– Что ты предлагаешь? – после третьей попытки перебить меня вскричал генерал.

– Чтобы разобраться с состоянием дивизии и виной в чем-то командира, следует вывести ее из боя, привести в порядок и только тогда принимать решение...

Гордов снова, но с возросшим возмущением не дает мне закончить мысль:

– Ты оператор, которому положено знать, что у меня нечем заменить дивизию. На других участках положение еще труднее. Соображаешь, что говоришь?

– Соображаю! – Я невольно повысил голос, не подумав о возможных крайних последствиях. – Потому и докладываю свои соображения о недопустимости расправы над Гладышевым. Мне здесь, на переднем крае, виднее, чем вам на КП. Можете присылать хоть самого черта расстреливать нас. Окажете услугу фашистам, а нас освободите от этого несносного ада.

Командарм окриком приказал мне замолчать. Гладышев слушал разговор между возмущенным командармом и его нач-опером, меняясь в лице и покачивая головой, как бы одобряя мои слова.

Минуты три командарм молчал. Слышалось его тяжелое сопение на другом конце провода. Я с тревогой ждал, что последует дальше.

– Вот что, товарищ Толконюк, – заговорил генерал неожиданно спокойным голосом, – помоги Гладышеву за день разобраться и навести порядок. Помочь дивизии я ничем не могу, пусть обходится своими силами. Смотрите, чтобы плацдарм был удержан! С наступлением темноты, чтобы не попасть под глупую пулю, приходи с докладом. Жду.

Такой благополучный оборот дела нас с Гладышевым обрадовал, и мы с прилившей вдруг энергией взялись за работу: я пошел в один полк, а комдив – в другой. Немцы огня не вели, и мы на виду у них приводили в порядок подразделения, перегруппировывали личный состав, перераспределяли оружие и боеприпасы, уточняли задачи на отражение возможных контратак. Но противнику было не до активных действий, он занимался тем же, что и мы, и, как и мы, сооружал снежные заборы вместо траншей. Фашисты явно боялись, как бы мы не возобновили атаки.

Ночью я пришел на НП и доложил командарму все, что следовало. Он спокойно выслушал, ни словом не обмолвившись о нашем утреннем телефонном разговоре, и тут же приказал командующему артиллерией генералу В.С. Бодрову усилить артиллерийскую поддержку дивизии Гладышева. На этом инцидент был исчерпан.

7

Немецко-фашистское командование, стремясь не допустить продвижения наших войск в глубь Белоруссии, перебросило на Оршанское направление с других участков дополнительные силы – пехотные и танковые, и Западному фронту пришлось примириться здесь всего лишь с тактическим успехом, без существенных территориальных результатов.

По указанию Ставки командующий фронтом перенес направление главного удара с центра на правое крыло, в район к юго-востоку от Витебска, создав там свою ударную группировку. Следовательно, для усиления правого крыла фронту пришлось провести соответствующую перегруппировку, в процессе которой 33-я армия передала свою полосу соседям, а вместе с полосой и часть сил, а сама из района Красный рокировалась под Витебск в район Лиозно, приняв участок фронта юго-восточнее Витебска, с занимавшими этот участок дивизиями, и снова вошла в ударную группировку фронта. КП армии переместился в лес непосредственно южнее Лиозно. В это время продолжались тяжелые бои армий 1-го Прибалтийского фронта севернее и восточнее Витебска.

Витебску фашистское командование придавало важное значение, считая его воротами в Прибалтику, а поэтому стремилось удержать город во что бы то ни стало, усиливая это направление дополнительными силами. Нанесение главного удара Западного фронта непосредственно южнее Витебска должно было способствовать овладению этим важным в оперативном отношении объектом. Важнейшую роль в наступлении ударной группировки Западного фронта играла 33-я армия. Ей ставилась задача прорвать оборону противника западнее Лиозно и, развивая наступление на запад, перерезать шоссе и железную дорогу между Витебском и Оршей, с форсированием реки Лучесы. Наступление назначалось

на 10:00 23 декабря. Особенностью этого наступления было то, что атаке предшествовала короткая, всего лишь 20-минутная артподготовка, рассчитанная на внезапное ошеломление противника, приученного к длительной, но не очень плотной артподготовке, коротким, но мощным огневым ударом.

Операции придавалось особо важное значение, и потому к нам на КП перед наступлением прибыли некоторые высокопоставленные начальники: командующий фронтом генерал армии В.Д. Соколовский, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Мехлис, заместитель командующего ВВС Красной армии генерал-полковник авиации Ворожейкин и др. Все ждали крайне нужного успеха. Но как можно было предвидеть, исходя из опыта предыдущих боев, прорвать мощную оборону противника для нас было не менее трудно, чем прежде, если иметь в виду такую необычно короткую артподготовку и ограниченное количество боеприпасов. В итоге огневые средства обороны, особенно не жалевшая снарядов вражеская артиллерия, надежно подавлены не были. Уже через полтора-два часа после начала атаки стало ясно, что бой принимает затяжной и упорный характер: приходится брать штурмом каждый населенный пункт, каждую высоту, каждую траншею и тут же отражать отчаянные контратаки танков и пехоты, поддержанные ударами авиации. Ожесточенные бои не прекращались ни днем ни ночью. И наши войска хотя и медленно, но продвигались вперед. К вечеру под Новый 1944 год удалось на небольшом участке западнее станции Крынки перехватить шоссе Витебск – Орша. Выход наших передовых частей на шоссе оказался для немцев настолько неожиданным, что они, как и планировали, направили по этому шоссе несколько грузовиков из Орши на Витебск с новогодними подарками для солдат и офицеров. Грузовики были захвачены нашими солдатами, не преминувшими воспользоваться посылками с горячительными напитками и деликатесными закусками. Многие перебрали спиртного и утром 1 января не смогли удержать шоссе под сильной контратакой лишившихся подарков фашистов. Пришлось брать шоссе заново. Через некоторое время мы снова овладели дорогой, но уже на более обширном участке и подошли вплотную к железной дороге. Немцы спешно подвели свежую дивизию, располагавшую 220 танками, и с ходу предприняли мощную контратаку. Не удержавшись, наши передовые части стали откатываться назад. Чтобы спасти положение, генерал В.Н. Гордов 8 января бросил навстречу лавине вражеских танков 2-й танковый корпус, приданный армии. Танкисты развернутым фронтом ринулись навстречу бронированному врагу, отбросили его передовые части и, оставив шоссе у себя за плечами, напоролась на основную массу артпозиций противника, остановились, отражая танковые атаки с места. Шоссе танкисты удержали, но за день боя потеряли 67 танков и самоходных орудий.

О напряженности боев в этот период говорят такие данные: за время с 23 декабря 1943 по 9 января 1944 года армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 28 тысяч человек; потери в танках доходили до 50 процентов. Наступление прекратилось. Но уже на 11 января назначена новая атака.

Накануне наступления меня вызвал к себе командарм и приказал ехать в 36 ск, которым командовал генерал-майор Н.Н. Олешев. В мою задачу входило добиться выполнения корпусом задачи дня во что бы то ни стало.

– Вы с Олешевым головой отвечаете за выполнение задачи, – сказал генерал грозно. – Если корпус не добьется успеха, то я, генерал Гордов, должен буду повеситься, так позорно закончив свою военную карьеру.

Я, конечно, не мог не сознавать, что мое присутствие в корпусе ничего существенно не изменит. Рассчитывать на ощутимый успех оснований не было, ибо ничего ни в соотношении сил, ни в чем другом не изменилось. Я ничем не располагал, что могло бы усилить наступательные возможности корпуса; не располагал и командующий. Отчаянное настроение генерала Гордова, выраженное, и не в шутку, в его словах, ставило меня в неопределенное положение. Ничего другого я не придумал, как только заявить, что я бы

предпочел умереть более разумной смертью. Присутствовавший при нашем неприятном разговоре командующий соседней армией генерал Н.И. Крылов с любопытством следил за происходящим и улыбался, как бы одобряя мои слова. Но мой командарм, посчитав себя оскорбленным, вспылал и, повысив голос до визга, заговорил:

– Нет, прежде чем будет висеть командующий, он пожелает видеть, как висит его начальник оперативного отдела. Немедленно отправляйтесь в корпус!..

Командир корпуса генерал Олешев и его начальник штаба полковник Бойко выслушали о цели моего приезда с безразличием и откровенно признались, что они в завтрашний успех не верят. Войска, дескать, выдохлись и утратили наступательные возможности: пехота ослаблена потерями, снарядов осталось мизерное количество, а оборона противника плотная и устойчивая. Гостеприимный комкор пригласил меня поужинать, и мы детально обсудили план наступления и систему артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков. В сопровождении старшего офицера моего отдела майора Н. Королева я всю ночь провел в боевых порядках частей, проверяя подготовку к атаке.

Первоначально атака назначалась на 10 часов, но из-за плохой видимости была перенесена на 12:00. Упредив нас, немцы в 11:00 предприняли сильную контратаку и захватили три населенных пункта, сорвав наше наступление. Тяжелые бои с переменным успехом шли весь день, и корпус к вечеру с трудом вернул утраченные позиции; думать о выполнении поставленной задачи не приходилось.

НП корпуса располагался настолько близко к переднему краю, что находился под обстрелом снайперов противника. Несмотря на то что мы передвигались по траншеям и ходам сообщения, несколько офицеров на НП было ранено; получил пулю в плечо и мой офицер майор Н. Королев, так и не вернувшийся в строй.

Ночью возвращаюсь на КП и докладываю командарму о результатах дня в 36-й ск и 371-й сд, где я побывал. Генерал Гордов выслушал меня спокойно и вешаться, конечно, не стал.

Наступление и попытки прорвать оборону противника, с небольшими перерывами для подготовки, продолжались всю вторую половину января, февраль и первую половину марта. Армия почти вплотную приблизилась к Витебску с юго-востока, но ни ворваться в город, ни перерезать железную дорогу южнее так и не удалось. Командующий, глубоко переживая большие потери в людях, ужесточил свои требования к штабу. Он, в частности, потребовал приблизить КП армии к переднему краю с тем, чтобы все в штабе непрерывно чувствовали, как он говорил, пульс боя. Мы переместились на песчаные бугры в районе Блокпост на железной дороге Витебск – Лиозно, поблизости от станции Заболотинка и находились под интенсивным обстрелом вражеской артиллерии. Чтобы общаться между собой на КП, мы вынуждены были вырыть ходы сообщения, связывающие землянки отделов и блиндажи командования. Находясь в зоне губительного огня, мы не только чувствовали пульс боя, но и переживали те специфические ощущения, которые присущи людям, переносящим условия окопной жизни. Это нередко нарушало планомерную и трудную работу штаба, иногда нарушалась связь с войсками и старшим штабом. А упорные бои продолжались. После каждого, даже незначительного продвижения противник неизменно наносил мощные контратаки и подчас срывал наступление. У немцев здесь впервые появились новые тяжелые танки «Тигры», неуязвимые для нашей противотанковой артиллерии малых и средних калибров. «Тигры» с больших расстояний запросто поражали наши танки из своих мощных орудий. Отражать контратаки обычными средствами стало невозможно. Пришлось выискивать методы и средства борьбы с этими стальными громадинами. Появилась мысль, не помню, по чьей инициативе, ставить на прямую наводку вблизи переднего края 122-мм пушки, 152-мм гаубицы и 152-мм гаубицы-пушки, предназначавшиеся только для стрельбы с закрытых огневых позиций. Первая же практика показала, что это единственное надежное средство против злополучных «Тигров». Но орудия тяжелой артиллерии можно было выводить на огневые позиции, приближенные к переднему краю, только по ночам и

тщательно маскировать до наступления рассвета, ибо, если немцам удавалось обнаруживать эти орудия, они их немедленно уничтожали массированными ударами артиллерии и авиации. Командующий придавал первостепенное значение правильной расстановке на прямую наводку тяжелых орудий и требовал проверять каждое орудие штабом армии. Однажды он, собрав у себя руководящий состав штаба, некоторым генералам и офицерам поручил лично проверить по одному орудию. Одно 3 орудие он взял на себя и по одному поручил командующему артиллерией, начальнику штаба, мне и другим товарищам. Все мы к утру возвратились на КП и доложили, что огневые позиции проверены, все в порядке. Но когда появились контратакующие «Тигры» и «Пантеры» и наши тяжелые орудия встретили их метким огнем с 2 километров, командарм обратил внимание, что одна 152-мм пушка-гаубица стреляла неточно, ее снаряды ложились в стороне от цели. Он послал проверить, в чем дело. Оказалось, что орудие было поставлено так, что левое его колесо стояло гораздо ниже правого, что приводило к смещению прицельной линии. Это орудие должен был проверить командующий артиллерией генерал В.С. Бодров, но, как выяснилось, не сделал этого, доверившись на доклад подчиненных ему артиллеристов. Возмущению командарма не было границ.

– Вы, Василий Семенович, отвечаете за всю артиллерию, и я вправе требовать от вас персональной ответственности за все поставленные на прямую наводку орудия. А я поручил вам только одно из них. Вы не выполнили даже этого простого приказа.

Командарм ограничился наказанием генерала Бодрова в дисциплинарном порядке только потому, что остальная артиллерия успешно отразила контратаку, подбив около трех десятков «Тигров» и «Пантер».

Бывали случаи, когда генерал В.Н. Гордов предъявлял к артиллерии и невыполнимые требования, хотя и не мог не сознавать этого, будучи всесторонне подготовленным военачальником. Вот один из примеров. Мы приблизились к железной дороге Витебск – Орша на расстояние 1,5–2 километра. За лесным массивом полотно дороги не просматривалось. Над лесом виднелся только дым паровоза, когда перед носом у наших войск проходили поезда. Артиллерийская стрельба по ненаблюдаемой подвижной цели, ориентируясь по дыму, результатов не давала, и железнодорожное движение продолжалось почти беспрепятственно. Естественно, что такое положение никого не удовлетворяло и командарм вправе был потребовать от артиллерии прервать движение поездов противника. И он этого потребовал. Но артиллеристы, не имевшие достаточного количества крупнокалиберных снарядов, оказались беспомощны что-либо сделать. Тогда В.Н. Гордов приказал генералу В.С. Бодрову разрушить полотно дороги на нескольких участках и не позволить немцам его восстанавливать. В принципе требование было логичным. Но условий для выполнения такой сложной задачи артиллеристы не имели, у них не было для этого снарядов. Но командарм не хотел принимать во внимание того факта, что для попадания в полотно дороги хотя бы одним снарядом при стрельбе с закрытых позиций по ненаблюдаемой цели требовалось выпустить несколько сот снарядов. Но и в этом случае немцы могли быстро устранить повреждение и продолжать пропуск поездов. А чтобы не допустить ремонтно-восстановительных работ, надо было вести методический беспокоящий огонь по участку повреждения через такие промежутки времени, за которые невозможно устранить повреждения.

Подсчеты показали, что для выполнения поставленной задачи требовалось только за одну неделю израсходовать тысячи снарядов. И это только за неделю! А что делать дальше? Армия такими возможностями не располагала, а фронт и слушать не хотел о таком невероятном расходе тяжелых снарядов для решения мелкой задачи. Командарм не хотел верить расчетам, как бы они обоснованы ни были. Он поручал оперативному отделу совместно со штабом артиллерии еще и еще рассчитывать потребное количество боеприпасов, но результаты получались одни и те же. Как ни кипятился командующий, а поставленная им задача перед артиллерией так и осталась невыполненной. Отдельные

короткие артналеты по железной дороге, а вернее, по движущимся поездам в ночное время цели не достигали.

Между тем бои под Витебском продолжались и 33-я армия, перемалывая, как в исполинской мясорубке, живую силу и боевую технику противника, непрестанно оказывала сильное давление на витебскую группировку фашистских войск, угрожая Витебску с юга, что явилось одной из причин, побудивших немцев в ночь с 1 на 2 марта начать медленный отход из района восточнее Витебска. В связи с этим с утра 3 марта мы снова предприняли попытку прорвать оборону противника южнее Витебска, чтобы обойти город с запада и выйти на коммуникации врага. Двое суток гремело сражение, нам удалось лишь незначительно потеснить отчаянно сопротивлявшихся фашистов, старавшихся любой ценой удержать важный город на востоке Белоруссии.

Хотя я, будучи подполковником, в течение года занимал генеральскую должность, у меня не было и мысли получить очередное звание ввиду суровости и недовольства результатами боев командарма. Тем не менее в разгар тяжелых боев под Витебском 22 февраля я неожиданно получил телеграмму из Москвы, в которой меня поздравляли с получением звания полковника. Командарм меня сердечно поздравил, не подав виду, что звание мне присвоено по его ходатайству. Начальник штаба генерал С.И. Киносян вместо поздравления прочитал мне длинную наставительную нотацию, внушая, что теперь я, как полковник, не должен так упорно, как до этого, отстаивать свои суждения и возражать начальникам, особенно командующему. Я пообещал быть впредь выдержаннее и терпеливее.

8

Анализируя результаты многочисленных наступлений армии на Оршанском направлении и под Витебском, приводивших, как мне казалось, к неоправданным потерям, я все больше и больше убеждался, что наша армия не только с согласия, но и по прямому требованию командования фронтом действует неправильно. Я считал, глядя со своей невысокой колокольни, не только нецелесообразным, но и вредным воздействовать на противника «булавочными уколами», проводя частые наступательные операции при малых силах и средствах. Мне представлялось, что вместо нескольких малорезультативных попыток прорвать оборону противника следовало провести одно солидное наступление, хорошо подготовленное и надежно обеспеченное материально-техническими средствами, с наличием сильных вторых эшелонов для развития прорыва и достаточных резервов для замены в ходе наступления утративших наступательные возможности соединений.

Я откровенно высказывал свои суждения начальнику штаба и командующему, настойчиво предлагая прекратить наступление и готовить солидную операцию. Начальник штаба отмахивался от меня, требуя не заниматься не своим делом, а выполнять то, что от меня требуется. Командарм, напротив, с интересом выслушивал мои рассуждения, но каждый раз отклонял предложения, указывая на тот факт, что я, как начальник оперативного отдела, не несу ответственности ни за армию, ни за ее действия, а поэтому мне, дескать, легко рассуждать. А командарм не волен обрекать армию на пассивность и бездействие. К тому же ему не дано определять армии оперативные задачи.

Не получив поддержки внутри армии, я решил обратиться непосредственно к командующему фронтом генералу армии В.Д. Соколовскому. О своем намерении я сообщил начальнику штаба и командарму. Генерал Гордов, к удивлению, отнесся к моему замыслу спокойно, сказав, что он не возражает и препятствовать мне не намерен.

Вскоре в армию приехали основные члены Военного совета фронта: командующий генерал армии В.Д. Соколовский, член Военного совета генерал-лейтенант Л.З. Мехлис, командующий артиллерией генерал-полковник М.М. Барсуков – мой бывший командир дивизиона по артучилищу. В блиндаж, где находились эти начальники, а также генералы

Гордов, Бабийчук и Киносян, меня вызвал командарм и дал задание подготовить какие-то справки и расчеты, касающиеся дальнейшего наступления. Когда настало время мне уходить, командарм задержал меня и объявил, что я хочу обратиться к командующему фронтом с предложением. Генерал Соколовский заинтересовался и выразил готовность выслушать. Слушая мои соображения, генералы Соколовский и Мехлис загадочно переглядывались, что невольно вызывало бег мурашек по моему хребту. Я опасался реакции Мехлиса, разговоры о беспощадности и свирепости которого мне случалось неоднократно слышать. Ходили слухи, что он в горячах мог запросто расстрелять любого офицера, поступок которого ему покажется заслуживающим наказания. Но отступить было некуда, и я высказал все, что намеревался, закончив предложением прекратить не сулившее успеха наступление.

Высокие начальники какое-то время молчали, а я с тревогой ждал их реакции.

– Мы вас, полковник Толконюк, выслушали с вниманием, – прервал томительное молчание генерал Соколовский. – Вот что я вам скажу: наступать будем.

В пользу наступления командующий фронтом не привел никаких доводов, и это меня огорчило.

– Будем так будем. Дело ваше, – ответил я грустным голосом и попросил разрешения идти работать.

И мы снова наступали, но по-прежнему без ощутимых территориальных результатов и с большими потерями в людях.

И вот ко мне пришло решение обратиться со своими соображениями к Верховному главнокомандующему И.В. Сталину.

В коротком письме я изложил свое суждение, указав, что Западный фронт ведет операции неправильно, в результате чего несет огромные потери в людях, боевой технике и расходует массу боеприпасов и других материальных средств распыленно по времени и месту, а не сосредоточенно для достижения решающего успеха. Приведя некоторые цифровые показатели на примере 33-й армии, я утверждал, что если бы все израсходованные на малорезультативные операции людские и материальные ресурсы были использованы в одной хорошо во всех отношениях подготовленной наступательной операции, то результаты были бы значительные. Одним словом, я выступал против распыления сил и средств по времени и месту.

Содержание письма носило сугубо секретный характер, и отправить его в Москву можно было только по линии фельдъегерской связи. Но и в этом случае пакет, адресованный И.В. Сталину, непременно был бы перехвачен и доложен командованию армии или фронта. В то время при армии состоял офицер – представитель Генерального штаба подполковник Резников, с которым у меня сложились дружеские, доверительные отношения. Я обратился к Резникову за советом, дав ему прочесть послание. Он одобрил содержание письма и взялся доставить его офицеру – представителю Генштаба при штабе фронта полковнику Соловьеву, а тот, заверял Резников, лично доставит пакет в Генштаб. Так и поступили. Письмо дошло до адресата.

Мне не было известно, что над Западным фронтом и без моего письма сгустились тучи. Вскоре приехала авторитетная комиссия и стала разбираться с неудачами фронта. В результате состоялся приказ Верховного, которым Западный фронт расформировывался и некоторые генералы из его руководства привлекались к ответственности за допущенные недостатки в руководстве войсками. Не думаю, что мое письмо сыграло какую-то существенную роль в этом деле, но, как мне ответили, мои суждения были признаны обоснованными.

Тем временем генерал-полковник В.Н. Гордов, не знавший ни минуты душевного покоя, дошел до крайнего морального истощения, переутомившись физически и морально и теряя контроль над своими поступками. Его грубым обращением с подчиненными и некоторыми действиями как командарма высшее руководство было недовольно. Особенно неприязненно к нему относился генерал Мехлис, к которому Гордов, в свою очередь, не питал уважения и не скрывал этого. Достаточно было какого-то толчка, чтобы генерал Гордов расстался с армией, которой он за полтора года командования отдал все, что может отдать честолюбивый человек, не щадивший ни себя, ни подчиненных в тяжелых боях за интересы Родины, которой он, несмотря на недостатки характера, был беспредельно предан. И такой толчок не заставил себя ждать.

Одна из дивизий нашей армии в ходе наступления захватила небольшой плацдарм на реке Лучесе и, отражая многочисленные контратаки, с трудом удерживала занимаемые позиции, неся большие потери в людях. Командарм, не имея возможности оказать дивизии существенную помощь и опасаясь за плацдарм, находился в степени крайнего возбуждения. В это время кто-то доложил ему по телефону, что дивизия истекает кровью в тяжелом бою на плацдарме, а некоторые ее офицеры во втором эшелоне штаба пьют водку и играют в карты. В частности, был назван капитан Т. Возмущенный генерал не нашел ничего другого, как приказать расстрелять капитана за трусость и уклонение от боя. Почему этот офицер политотдела дивизии оказался в тылу, никто не разобрался, и трагическое приказание слепо было выполнено. За самоуправство и превышение власти Военный совет фронта объявил генералу Гордову выговор и записал в своем решении, что о случившемся доложит Ставке. В.Н. Гордов обиделся и послал шифровку в Москву, высказав недовольство, что ему, дескать, мешают требовать от подчиненных добросовестно воевать и наказывать трусов. Поскольку так обстоит дело и ему не доверяют, то пусть, писал он, снимут его с должности командарма. В итоге он был освобожден от должности командующего 33-й армией и отзывался в Москву. Это произошло в середине марта. Вместо Гордова командармом назначался генерал-полковник Иван Ефимович Петров.

Замена командующего была воспринята в штабе армии по-разному: одни одобряли снятие Гордова и откровенно радовались, другие жалели боевого генерала и сочувствовали ему, третьи отнеслись безразлично, по пословице: «Для нас что ни поп, то дядько».

Сдавая должность, генерал Гордов пригласил меня к себе и попросил подготовить для него справку, характеризующую результаты боевых действий армии под его командованием. Мне не потребовалось много времени, чтобы с помощью имевшихся отчетных документов и чертежника отдела, художника своей специальности сержанта В.И. Кондратьева отработать наглядную топокарту с показом территории, освобожденной армией от фашистских оккупантов за время командования генерала Гордова. В написанной на карте легенде мы указали, сколько освобождено квадратных километров Советской земли, населенных пунктов и населения. В прилагавшейся справке говорилось о количестве уничтоженных и плененных солдат и офицеров противника, поврежденной и захваченной боевой техники и т. и. Справка о наших потерях была умышленно подготовлена отдельно.

Генерал Гордов, рассмотрев документы, спросил, почему я не указал наши потери.

– Сколько советских людей я отправил на тот свет и сделал калеками, тоже придется отчитываться, – заметил он иронически.

Я передал ему и эту справку, но порекомендовал не показывать ее И.В. Сталину, если тот не потребует.

Кажется, две недели генерал-полковник В.Н. Гордов ждал приема Верховным главнокомандующим, сидя в Москве без дела, с тревогой ожидая своей участи. Наконец прием состоялся и В.Н. Гордов вышел из кабинета командующим 3-й гв. армией 1-го Украинского фронта. До победы он успешно командовал этой армией и окончил войну

Героем Советского Союза. Мне он прислал несколько коротких писем как из Москвы, так и из армии. Как ни странно, но генерал Гордов, от которого я имел массу неприятностей, став командующим другой армией, настоятельно ходатайствовал о назначении меня к нему начальником штаба. А мне он писал так: «Приезжай ко мне, пожалуйста. Мне, старику, трудно без тебя». Но моя дальнейшая служба сложилась так, что я больше с ним не служил и не встречался. До меня лишь дошли слухи о его незавидной судьбе в послевоенные годы.

В командование армией вступил уже тогда известный в Красной армии военачальник генерал-полковник И.Е. Петров, полная противоположность В.Н. Гордову. Это был во всех отношениях положительный человек и командующий: разумно требовательный, эрудированный и талантливый, высокой культуры генерал, знающий тонкости оперативно-штабной службы, ценящий штабы, вежливый в обращении с подчиненными, щадящий самолюбие людей и заботящийся об их нуждах и положении.

Ранее я генерала Петрова лично не знал и поначалу старался изучить его требования и подход к делу. Знакомство со мной новый командарм начал с того, что потребовал подробно доложить ему о положении и состоянии войск армии с обоснованием фактического построения боевых порядков и оценки боевых возможностей армии в целом. Доклад происходил в присутствии начальника штаба и члена Военного совета, которых он заслушал прежде, без моего присутствия. Мой доклад удовлетворил генерала, но он высказал несколько иные, чем Гордов, требования к оперативному отделу, освобождавшие операторов от мелочей, всякой опеки и необходимости подменять в любых вопросах подчиненные штабы.

Нельзя было не чувствовать, что новый начальник в первые дни проверял меня на практической работе. И проверял своеобразно. Как-то его вызвали в штаб фронта. Ночью, когда я спал и свет в блиндаже не горел, раздался резкий телефонный звонок. Говорил командарм. Он потребовал к утру подготовить ему нужные справки, перечислив их не то 11, не то 12. Не имея возможности записать в темноте, я старался все точно запомнить. Справки были подготовлены в срок, но, когда я их предъявил, генерал строго меня отчитал:

– Зачем вы мне даете справку об укомплектованности рот?

Я ее не просил. Ротами пусть занимаются в полках и дивизиях, это их дело, а не штаба армии, – наставительно пояснил командующий.

Заявление, что если эта справка ему не нужна, то пусть не берет, меня несколько не оправдало. Генерал Петров еще несколько раз внезапно ставил мне неожиданные вопросы, явно проверяя мою осведомленность даже в тех делах, которые по своему служебному положению должны докладывать другие лица. Например, сколько имеется боеприпасов в каждой дивизии или сколько на каком участке противотанковых орудий и т. и. Только после того, как он убедился в моей компетентности, испытание прекратилось.

В отличие от генерала Гордова новый командарм редко требовал от начальника оперативного отдела докладывать ему предложения по тем или иным вопросам, хотя имел с ним дело напрямик и порой советовался. Он до тонкостей знал и любил штабную службу и при случае сам отрабатывал важные оперативные документы, являвшиеся образцовыми для штаба. Как-то в период короткого боевого затишья генерал задумал провести командно-штабное учение в одной из дивизий, находившейся в резерве. Он дал мне указание подготовить для него нужные карты и справки, сказав, что план проведения учения разработает сам. Меня это удивило, и я попросил не отбирать хлеб у оперативного отдела и не обременять себя обязанностями штаба. Генерал ответил, что не сомневается в способностях штаба, но предпочитает лично готовить материалы учения, ибо только сам руководитель в состоянии воплотить в разработку свои идею и замысел.

– Я не провожу учений по чужим разработкам, – ответил он недовольно.

Признаться, в душе я чувствовал горечь обиды, посчитав, что командарм нам не доверяет не такое уж сложное дело. Чтобы показать ему, что на нас, операторов, он может в таких делах положиться, параллельно с его работой оперативный отдел занялся тем же делом. Через двое суток полную разработку учения я положил на стол командующему, попросив просмотреть на всякий случай: авось пригодится. Иван Ефимович, только начавший работу над планом, удивился быстроте разработки материалов и пообещал ознакомиться с ними, хотя и сказал, что не думает их использовать на учении. Через несколько часов он вернул мне план учения, утвержденный без поправок и замечаний.

– Будем проводить учение по вашей разработке, – сказал генерал. – Вы назначаетесь начальником штаба руководства.

Учение прошло спокойно, без каких бы то ни было тренировок. С той поры новый командарм перестал меня испытывать и относился ко мне с полным доверием.

После непродолжительной паузы армия снова наступала непосредственно южнее Витебска. Целью операции, в которой вводился в бой переподчиненный армии 62-й ск генерала Наумова, ставилось – сломить сопротивление противника, перерезать железную дорогу Витебск – Орша и овладеть Витебском с юга и юго-запада.

Накануне атаки, вечером 27 марта, командарм приказал мне временно вступить в командование 69-м ск, наступающим на направлении главного удара, подменив заболевшего комкора генерал-майора Мультана.

Оставив за себя заместителя полковника Я.А. Грицмана, среди ночи я прибыл на НП корпуса и стал вникать в детали обстановки. Рассматривая график артподготовки, я усомнился в точности показанного на карте переднего края своих войск. Неточность привязки переднего края могла скомпрометировать артподготовку и сорвать атаку. Но проверить истинное положение в темное время оказалось невозможным. Да и днем это сделать не так-то просто. Надо было искать выход, чтобы или снять сомнение, или убедиться в неточности и своевременно исправить ошибку. Было поручено офицеру штаба отправиться в передовую цепь лежавшей в исходном положении пехоты и из нескольких точек пустить ракету, а артиллеристам инструментально засечь трассы ракет и эти точки нанести на карту. Наступил рассвет, и офицеру пришлось бежать по открытой местности под минометным и пулеметным обстрелом, но он благополучно добрался перебежками до цели и отлично выполнил задание. Сомнения подтвердились: передний край фактически проходил ближе, чем показано на карте, на 100–150 метров. Пришлось подкорректировать график артподготовки и время на движение пехоты к рубежу атаки. Правда, пуск ракет с переднего края перед самым носом у противника вызвал возражения руководящих офицеров штаба корпуса, опасавшихся, что это даст противнику возможность точно установить наше исходное положение и обрушиться огнем. Но последнее слово было за мной, считавшим, что противник и без этого знает начертание нашего переднего края.

Корпус, имея две дивизии в первом и одну во втором эшелоне, дружно атаковал и в первые часы боя занял Шарки, Кузьменцы, выс. 155, 5, Подгорное. Но противник усилил сопротивление и предпринял несколько контратак с участием тяжелых танков. Для наращивания удара корпус располагал 222-й сд под командованием моего бывшего начальника генерал-майора Ф.И. Грызлова, составлявшей второй эшелон. Было самое время ввести эту дивизию и развить успех. Но я знал, что 222-я сд, хотя и являлась вторым эшелоном корпуса, была единственной в армии дивизией, не задействованной в бою, и потому считал, что ввести ее в бой я могу только с разрешения командарма. К тому же я не знал случая, чтобы вторые эшелоны корпусов вводились в дело без ведома командующего армией. И я испросил такое разрешение, связавшись с командармом по телефону. Генерал-полковник И.Е. Петров, к моему удивлению, недовольно ответил: «Вы командир корпуса, вы и решайте. Почему вы меня об этом спрашиваете? Хотите спрятаться за спину командующего?»

Такой неопределенный ответ старшего начальника вселил в меня, неопытного командира корпуса, сомнение, и я не решился двинуть в бой свой второй эшелон, опасаясь, как бы противник не прорвался в каком-либо другом месте и не пошел по незащищенным тылам армии.

Тем временем наступление затормозилось еще больше. Двое суток шли напряженные бои с переменным успехом: то мы теснили противника, то он нас. Неожиданно меня отозвал командарм в штаб по настоянию начальника штаба и я вернулся к своей должности. Вскоре занятые при мне корпусом пункты противник у нас снова отобрал, предприняв контратаку, поддержанную мощным ударом авиации. Армия и на этот раз не добилась заметных территориальных результатов и перешла к обороне. Следует оговориться, что слово «оборона» тогда у нас считалось чуть ли не крамольным словом. Фактический переход к обороне формулировался так: «Закрепление на достигнутом рубеже». Эта формула должна была означать, что армия переходит к обороне и не думает, а только временно приостановилась в ходе наступления.

9

Наступил апрель. Мы снова начали подготовку к наступлению, но по всему виделось, что оно в ближайшее время не состоится: у нас стали забирать часть артиллерии усиления; начиналась весенняя распутица, препятствующая всякому маневру.

С 7 апреля на Западном фронте произошли важные события: прибывшая специальная комиссия Ставки в составе товарищей Г.М. Маленкова, С.М. Штеменко, А.С. Щербакова и др. занялась разбирательством деятельности фронта. Вызвали по очереди и ответственных генералов нашей армии: члена Военного совета, командующего артиллерией и самого командарма. Характер разговора с ними держался в строгом секрете, но по невеселому настроению вызывавшихся было заметно, что разговор был неприятный.

Прошло немного времени, и Западный фронт, как упоминалось выше, приказом Верховного расформировывался. На его базе создавались два фронта: 2-й и 3-й Белорусские. Реорганизация не обошла и 33-ю армию.

Генерал-полковник И.Е. Петров освобождался от должности командарма и назначался командующим 2-м Белорусским фронтом. Жалко было терять такого положительного во всех отношениях начальника, но он справедливо шел на повышение, и мы радовались этому. В командование армией, вошедшей в состав 2-го Белорусского фронта, вступил не знакомый никому из нас кавалерист генерал-лейтенант В.Д. Крюченкин. Мое знакомство с новым командармом не было похоже на предыдущие. Я представился ему в присутствии генерала С.И. Киносяна. Не дослушав меня до конца, генерал Крюченкин, со следами сабельных ударов на бритой голове, сказал, что начальник оперативного отдела – это правая рука командующего, и тут же стоя предложил мне выпить стакан водки. Сам он был уже навеселе, несмотря на утренние часы. Я опешил. Мне никогда не приходило в голову выпить такую лошадиную дозу спиртного, и я упорно отказывался. Но генерал категорически настоял, сказав, что не станет продолжать разговор, пока я не осушу двухсотграммовый стакан. Пришлось уступить воле начальства. Но, к ужасу, тут же был наполнен стакан снова и генерал предложил мне повторить. Я взмолился и взглядом обратился за выручкой к начальнику штаба. И тот кивком разрешил мне удалиться. Так что я и на этот раз подвергся проверке новым командармом, но другим способом.

Армия, оставив часть войск на занимаемом рубеже, под Витебском, в период с 20 по 30 апреля передислоцировалась на юг, снова в район юго-западнее Красного, приняв рубеж Ковшичи – Каребы с занимавшими его 344-й и 70-й сд и 154-м УРом.

Передислокация вдоль фронта проводилась поспешно и скрытно, в сложных условиях: дороги успели размокнуть и пришли почти в полную непригодность; войска и штабы совершали комбинированный марш – пешим порядком, на автомобилях и по железной дороге. Офицеры оперативного и других отделов были посланы на маршруты для контроля и помощи штабам соединений и частей. Я тоже весь период перегруппировки мотался по дорогам и районам сосредоточения частей. Авиация противника наше движение, по-видимому, не обнаружила, ибо на колонны не воздействовала. Но без жертв не обошлось. В частности, в эти дни погиб выполнявший мое поручение замечательный офицер оперативного отдела капитан Фомичев. На самолете По-2 он сделал неудачную посадку на размокшее вспаханное поле, самолет скапотировал и сгорел вместе с летчиком и капитаном Фомичевым.

Штаб армии переместился в район Мстиславля и занялся освоением новой полосы действий. 6 мая по заданию начальника штаба я отправился в 344-ю сд, чтобы лично разобраться с состоянием дивизии, полосой ее обороны и укомплектованностью частей и штабов. Я выехал на машине по построенной вдоль фронта жердевой дороге до населенного пункта Городец, где ожидали меня посланные из дивизии лошади, ибо дальше на машине проехать было невозможно из-за непролазной грязи. В штабе дивизии я с радостью встретился со своим давнишним другом, начальником штаба подполковником Антоном Степановичем Кучережко. В ходе работы 8 мая мы с Кучережко объезжали полки. Небо было затянуто сплошными низкими облаками, шел моросящий дождь. Оставалось посетить последний полк и возвращаться в штаб. По утопанной пешеходной тропе, тянувшейся сбоку грязной полевой дороги, подполковник Кучережко ехал верхом на коне впереди. Я следовал на могучем вороном коне за ним метрах в десяти, а за нами, один за другим, ехали наши ординарцы. Шли крупной рысью, так что то одна, то другая лошадь порой порывалась перейти в галоп.

Когда мы проезжали мимо огневой позиции артиллерийской батареи, расположившейся в сотне метрах справа, я обратил внимание на затоптанное желтоватое пятно на сером фоне тропы, по которой двигалась наша группа. Такое пятно могло появиться при вырытой и вновь засыпанной вынутым грунтом яме. Как только моя лошадь наступила задней ногой на пятно, в глаза ударила ослепительная вспышка огня. Осталось в памяти такое впечатление. Звук взрыва я не слышал. Сначала меня вместе с лошастью резко подбросило вверх, за тем, как показалось, я медленно опустился вниз вместе с головой и холкой лошади, чудом удержавшись в седле, и шлепнулся на мокрую землю. Через какое-то мгновение, показавшееся мне вечностью, я увидел такую картину: поднимаясь над землей, поплыло в сторону облако черного дыма. С неба упала моя полковничья папаха. Впереди по ходу движения подполковник Кучережко соскочил с упавшей лошади, запутавшейся ногами в собственных кишках, вывалившихся из распоротого брюха, и тут же дострелил ее из пистолета. Лошадь ординарца, ехавшего за мной, тоже свалилась и делала судорожные попытки подняться на ноги, но безуспешно, ее застрелили, чтобы не мучилась. От батареи бежали к нам красноармейцы.

Первой моей мыслью о случившемся была такая: я подумал, что под лошадью разорвался артиллерийский снаряд противника, ведь до переднего края было не более километра. Но полета снаряда не было слышно, и эта версия отпадала.

Подбежавшие товарищи стали меня выволакивать из грязи, а подполковник Кучережко, склонившись надо мной, что-то спрашивал, но я не мог его слышать, слова сливались в болезненный гул в ушах. Я не разбирал слов и не был в состоянии пошевелиться, хотя вначале боли в теле не ощущал. Сознания я, кажется, не терял, но чувствовал, что время будто остановилось, в ушах монотонно звенело, нестерпимо хотелось пить. Выглядел я жалко: шинель, гимнастерка, брюки и белье были, как бритвой, обрезаны по нижней кромке поясного ремня и бесследно исчезли. Сапог на левой ноге зиял рваными дырами, а на правой ниже голого колена держалась полоска верхней части голенища – все, что осталось от

сапога. Из обеих ног обильно текла буровато-красная кровь, смешивавшаяся с грязью. В потоке крови виднелась белая струйка – костный мозг. Одним словом, от пояса и ниже я оказался совершенно голым, а уцелевшая верхняя часть шинели выглядела кургузой кофточкой. Не мешкая мне влили в рот из солдатской фляги добрую дозу водки, помогавшую, как говорили знатоки, от столбняка, и положили мое беспомощное тело на подъехавшую от батареи одноконную повозку, затянув предварительно мои изуродованные ноги бинтами, чтобы уменьшить потерю крови. Телега мучительно трясла и бросала на меня колесами, не щадя и лицо, липкие комья грязи. В ближайшем батальонном пункте медпомощи мне сделали противостолбнячный укол, дали стаканчик водки, наложили марлевые повязки на раны, окутали солдатской плащ-палаткой и на другой, более удобной повозке отправили в полковой медпункт. Там все, кажется, повторили сначала, надели мне на ноги утепленные ватой марлевые чулки. По моему настоянию подполковник Кучережко проводил меня к ожидавшей на жердевой дороге машине, и я, посаженный рядом с шофером, с закутанными одеялом ногами, поехал к себе в штаб. Там снесли меня в дом и посадили на мою кровать. В доме и вокруг него собрался чуть ли не весь штаб, чтобы посмотреть на изуродованного начальника оперативного отдела и выказать сочувствие. Пришел и начальник штаба генерал С.И. Киносян. Пораженный моим жалким видом, генерал заплакал и послал кого-то к себе в домик за вином. Пришлось, не имея ни малейшего желания снова принимать спиртное, уступить настояниям и выпить полбутылки армянского сухого вина.

Глава 7

Раны заживают медленно

1

В день ранения, 8 мая 1944 года, меня отправили в полевой подвижный госпиталь № 467, располагавшийся в 8 километрах от передового края, в небольшой овальной роще, называвшейся Темным лесом. Внесли в хирургическую палатку и положили на операционный стол. Собравшиеся врачи, сняв повязки, осмотрели раны и стали совещаться.

Решение моей судьбы не заставило себя ждать: правую ногу, начиненную металлическими осколками, ампутировать по колено, а левую, очистив от осколков, постараться сохранить. Я запротестовал, умоляя хирургов сохранить обе ноги. Но мне спокойно пояснили, что спасать надо что-то одно из двух: жизнь или конечность. Чтобы сохранить жизнь, необходимо удалить конечность. Если же задаться целью сохранить конечность, то наверняка можно потерять саму жизнь, ибо в этом случае газовая гангрена неизбежна. Решено спасать жизнь, а не ногу: без ноги, дескать, жить можно, а мертвецу ноги ни к чему.

Не представляя себе жизнь без ноги, я пришел в отчаяние и заявил, чтобы спасали ногу, какой бы ни был риск для жизни.

– Без ноги жизнь мне не нужна, – сказал я твердо. – Не хочу быть в тягость себе и людям. И без меня калек больше чем достаточно.

Сознавая, что мое сопротивление не гарантирует сохранения мне ноги, я решил на всякий случай подстраховаться. Настойчиво попросил подтянуть к операционному столу телефонный аппарат и связался со штабом, вызвав к себе офицера оперативного отдела майора Щербака. Пока шла подготовка к операции, офицер прибыл и вошел в палатку.

– Вот что, товарищ Щербак, стойте здесь с пистолетом в руке и смотрите в оба, чтобы во время операции мне не отхватили ногу. Одним словом, ваша задача не допустить сделать меня калекой.

– Задачу понял, товарищ полковник, будьте спокойны, – отчеканил майор и встал в сторонке от операционного стола.

Врачи, посоветовавшись, решили уступить моей настойчивости и согласились ограничиться извлечением осколков, оставив ногу на месте.

– Наркоз! – скомандовал хирург Лаврушин.

Стоявшая наготове медсестра бросилась ко мне из-за изголовья с маской в руках. Я рывком руки выбил маску из рук растерявшейся медсестры.

– Операцию делайте без общего наркоза! Буду терпеть, – завопил я в отчаянии. – Хочу видеть и слышать, что вы будете со мной делать. Нога неприкосновенна!..

Признаться, мне не понравилось и казалось оскорбительным и то, что мою несчастную ногу неуважительно, а вернее, пренебрежительно назвали «конечностью».

Врачи переглянулись и уколами новокаина сделали местное обезболивание. Но это не было полным обезболиванием. Когда хирург разрезал мышцы и извлекал осколки, казалось, что мне режут сердце: было такое ощущение, что скальпель давяще ходил по сердцу, кромсая его на куски. Я сразу же взмок от обильного пота и через каждые две-три минуты просил пить. Медсестра молча подносила к моим губам стакан с водой, и я жадно лакал живительную влагу. И я терпел адскую боль. Когда же хирург отрывал от жил осколки раздробленной пяточной кости, я едва не лишился чувств. Тем не менее операция, длившаяся часа два, прошла благополучно. Правда, хирург Лаврушин не был уверен, что ему удалось отыскать в сильно опухших ногах и извлечь все осколки и другие, как он выразился, посторонние предметы. Его сомнения подтвердились, но месяца полтора спустя.

После первичной операции в полевом госпитале меня поместили в отдельную палатку и передали на попечение госпитальному хирургу майору медслужбы Дегтяреву. Опасаясь развития газовой гангрены, этот замечательный военный хирург не реже как через каждый час, а то и чаще, днем и ночью, измерял мне температуру, осматривал и ощупывал ноги, одновременно давая мне различные лекарства, преимущественно стрептоцид. Боли постепенно стихали, но перенасыщение организма лекарствами отбило всякий аппетит: я не мог ничего есть. Со временем прошло и это. Попутно замечу, что противник давал о себе знать и в госпитале: каждую ночь над лесом, в глубине которого располагался госпиталь, появлялся вражеский самолет, кружил на небольшой высоте и бросал бомбу за бомбой, падавшие где-то в стороне. Бомбежка жертв не вызывала, но при взрывах полог, закрывавший вход в мою палатку, почему-то откидывался, наружу пробивался электрический свет, нарушая светомаскировку, что причиняло беспокойство госпитальному персоналу.

Тем временем командование назначило расследование нелепого случая с моим ранением. Вставал вопрос, как мог взрывоопасный предмет находиться на тропе, по которой непрерывно ходили люди? К тому же на местности, более полугода тому освобожденной от противника. Возглавлявший разбирательство начальник инжвойск генерал-майор Юрий Вячеславович Бардзиловский, исследовав место происшествия, воронку от взрыва и найденные металлические осколки, пришел к заключению, что под моей лошастью разорвалась немецкая круглая противотанковая мина, зарытая на пешеходной тропе. Рассчитанная на определенную нагрузку и прикрытая затвердевшей глиной, мина под ногами пешехода взорваться не могла. На то она и противотанковая, чтобы не срабатывала при малом давлении на ее крышку. Когда же по размокшей глине над миной ударила нога лошади, нагрузка оказалась достаточной, чтобы сработал взрыватель. Осталось невыясненным одно: когда установлена мина? Сохранилась ли она с той поры, когда местность занималась немцами, или установлена позднее диверсионной группой противника, проникшей в наше расположение? Вероятнее было второе предположение. Теоретически я должен был быть убитым наповал и разорванным на куски. Почему же этого не произошло,

докладывал опытный инженер. А потому, оказывается, что лошадь при быстром беге наступила на мину задней ногой и взрыв раздался позади ее крупа. Удар взрывной волны пришелся под зад и брюхо животного, а это прикрыло меня от прямого воздействия, задев только ноги всадника, свисавшие по обе стороны лошади. Разлетевшиеся крупные осколки ранили впереди и позади меня бежавших лошадей. Так или иначе, я снова тяжело ранен и второй раз за три года войны оказался в госпитале на длительном лечении.

Благодаря квалификации, опыту и старанию госпитальных врачей и медицинских сестер газовая гангрена меня миновала: жизнь и конечность были сохранены. Удивительно, что полковник Кучережко, увидев меня уже после войны в 1947 году в академии Генерального штаба, бросился ощупывать мои ноги, на которых я, к его удивлению, крепко стоял, не веря своим глазам. Оказывается, он был убежден сам, как очевидец, и рассказывал общим знакомым, что я на войне лишился обеих ног. К счастью, это было заблуждением очевидца.

В полевом госпитале я пролежал около месяца как нетранспортабельный. Глубокая рана на пятке правой ноги не закрывалась, лечение затягивалось. Мне успели сшить новую офицерскую шинель и сапоги, которые надевать было не на что, выдали новые все остальные предметы обмундирования. Такая забота начальников о моей обмундировке вселяла в меня уверенность вернуться в строй и продолжать службу в действующей армии до полной победы над врагом.

Кто не испытал на своем горьком опыте, вряд ли может доподлинно понять, какое значение имеют заботы и внимание товарищей к жестоко пострадавшему человеку. Пожалуй, больше, чем от ран, я душевно страдал оттого, что надолго выбыл из строя, что не могу какое-то время принимать участия в боях с ненавистным врагом, изгонявшимся нашими войсками с Советской земли.

Но мое настроение поддерживалось, и я воодушевлялся тем, что сослуживцы меня не забывали, посещали и участливо заботились. У меня в госпитале неоднократно побывали генерал В.Д. Крюченкин, Р.П. Бабийчук, С.И. Киносян, мой заместитель полковник Я.А. Грицман, начальник разведки полковник Б.К. Ермашкевич, офицеры оперативного и других отделов Полевого управления армии, кое-кто из войск. Поэтому я всегда был в курсе обстановки и работы штаба, надеялся побыстрее вернуться в коллектив своих боевых друзей, с которыми прослужил два долгих, насыщенных тяжелыми событиями года. Но этому не суждено было сбыться.

По настоянию консилиума врачей мои начальники, не хотевшие отправлять меня за пределы армии, вынуждены были согласиться на эвакуацию меня в глубокий тыл на стационарное лечение.

В 33-ю армию я больше не вернулся.

После моего убийства по ранению этой многострадальной и героической по существу своему московской армией командовали последовательно генералы В.Д. Крюченкин, С.И. Морозов, В.Д. Цветаев, менялись начальники штабов и многие офицеры.

Армия успешно наступала в Белорусской операции летом 1944 года, в ходе которой форсировала такие крупные реки, как Днепр и Березина, блестяще ликвидировала тридцатитысячную группировку немецко-фашистских войск, окруженную восточнее Минска. Ей принадлежит важная роль в освобождении Белоруссии и Литвы. В первых числах августа ее войска вышли к границе Восточной Пруссии и сделали первый орудийный выстрел по территории фашистской Германии. Затем армия была переброшена в Польшу, в район Люблина, и вошла в состав 1-го Белорусского фронта. Она внесла неоценимый вклад в успех Висло-Одерской наступательной операции, действуя с Пулавского плацдарма на реке Висле, и занимала видное место в Берлинской операции, наступая из района Франкфурта-на-Одере. В конце войны армия, преодолев последнее отчаянное сопротивление

фашистских войск, вышла на реку Эльбу, где встретила с союзными американскими войсками.

Созданная в основном из московского народного ополчения в тяжелое для страны время первого периода войны, 33-я армия выполнила свою освободительную миссию, и ее войска были большей частью расформированы, а Полевое управление обращено на формирование Смоленского военного округа.

Многие офицеры и генералы армии после окончания войны возглавили военные комендатуры на территории оккупированной Германии и отлично справились с возложенными на них сложными обязанностями. Большинство офицеров и солдат-москвичей, ушедших на фронт добровольно в составе народного ополчения, впоследствии возвратились к мирному труду по своим гражданским специальностям, показывая образцы трудового героизма при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Многие полегли на полях сражений, оставшись лежать в братских могилах на обширном пространстве от Москвы до Берлина и Эльбы.

Прошло время. В послевоенный период, оставаясь в кадрах армии, мне пришлось служить в разных местах и на разных должностях, соприкоснуться с большим количеством людей, но время и события бессильны стереть в памяти службу в 33-й армии. С неопишуемой радостью я встречался с сослуживцами по этой армии, через которую прошло множество корпусов, дивизий, бригад и специальных частей усиления и поддержки, а следовательно, и людей, как с родными и близкими по судьбе.

С особой теплотой вспоминаются такие замечательные сослуживцы и боевые соратники, как Степан Ильич Киносян, Роман Павлович Бабийчук, Василий Семенович Бодров, Яков Абрамович Грицман, Алексей Николаевич Юрин, Борис Кирикович Ермашкевич, Василий Георгиевич Компаниец, Алексей Федорович Федоров, Федор Иванович Грызлов, Николай Александрович Смирнов, Николай Исидорович Королев, Алексей Иванович Андронов, Анатолий Леонидович Шумилин и многие, многие другие.

Не могу не сказать доброго слова и о таких, на первый взгляд незаметных, тружениках войны, как машинистки и чертежники оперативного отдела, самоотверженно несших на себе добровольно бремя повседневной опасности, лишений и бессонных ночей, помогавших своим скромным, но необходимым трудом командованию и штабу армии выполнять возлагавшиеся на них ответственные и сложные задачи. Особенно хочется отметить чертежника Валерьяна Ивановича Кондратьева, машинисток Асю Гаврилову, Надежду Разинову, Нину Воронкову, секретаря Военного совета Люсю Веникас, начальника канцелярии штаба А.И. Гаткевича и шофера Николая Сличкина.

Хотя такие люди и не совершали ратных подвигов, не бросались опоясанные гранатами под вражеские танки, не закрывали своим телом амбразуры дзотов и о них не пишут ни историки, ни мемуаристы, но и без них война обойтись не могла.

Прослужив два года в 33-й армии, ставшей для меня родным домом, и сработавшись с замечательным коллективом штаба, я вообще не хотел эвакуироваться за пределы своей армии, зная, что вернуться обратно будет если не невозможно, то очень трудно, ибо должность начальника оперативного отдела, которую я занимал, в боевой обстановке длительное время оставаться вакантной не может и будет укомплектована другим офицером или генералом до моего возвращения в строй. Но консилиум врачей, согласовав с руководством армии, вынес решение эвакуировать, и сопротивление не имело смысла. Тем не менее дальше Москвы я эвакуироваться не соглашался. В то время отмечался юбилей старого прославленного Центрального военного госпиталя имени Мандрыко, о чем сообщалось в печати. Я избрал для себя этот госпиталь с надеждой, что там меня быстро поставят на ноги. Моя просьба была уважена. Однако оказалось, что в этот московский госпиталь раненых фронтовиков не принимают, а лечат заболевших офицеров и генералов

центрального аппарата Министерства обороны. Член Военного совета армии генерал-майор Р.П. Бабийчук, видимо зная эту деталь, написал и передал с сопровождавшей меня медсестрой письмо, в котором просил сделать для меня исключение и принять.

После непродолжительной проволочки и переговоров с кем-то по телефону было решено уважить просьбу члена Военного совета армии. Меня снесли на носилках в лифт и подняли на один из этажей уютного помещения и поместили в палату, рассчитанную на двух человек. Там лежал с сильным сотрясением мозга генерал-лейтенант артиллерии Борис Иванович Шереметов, оказавшийся душевным человеком и интересным собеседником. Мы быстро подружились и долго поддерживали связь впоследствии.

Наступило время ужина. Пришла сестра-хозяйка и смущенно сказала, что я буду зачислен на довольствие по аттестату со следующего дня. Поэтому на ужин мне могут дать только чай без сахара. Я не был голоден и знал порядок продовольственного снабжения; ничего необычного в словах медсестры не было, и обижаться не было оснований. И все же подумалось, что в полевом госпитале мне бы об этом говорить не стали, а покормили бы без лишних слов. Конечно, не могло не показаться странным, что из приготовленного ужина на несколько сот человек нельзя выкроить одну порцию. Но эта мелочь меня не занимала. С утра следующего дня я стал полноправным больным госпиталя и ни в чем не нуждался.

Впрочем, в день прибытия меня навестил давний друг подполковник Н.П. Голуб, служивший в Оперативном управлении Генштаба. Он ничего другого не придумал, как принести мне бутылку водки и бутылку коньяку. Пить спиртное не хотелось.

А вот мой новый знакомый Борис Иванович не устоял. Когда Голуб ушел, он, несмотря на предупреждение лечащего врача о том, что употребление хотя бы капли спиртного, как он сам с хитрецей в глазах заметил, равносильно самоубийству, попросил меня налить ему стакан водки или коньяку. Я не смел отказать генералу и, поскольку встать на ноги не мог, чтобы удовлетворить его желание, предложил ему самому взять в тумбочке любую бутылку и выпить, сколько душа желает. С удивительной проворностью пожилой уже человек воспользовался предложением и снова лег в кровать, с головой накрывшись одеялом.

Пришла лечащая генерала врач Мария Васильевна Крылова и тут же стала укорять своего подопечного больного, почуяв коньячный запах. Борис Иванович стал обиженно оправдываться:

– Как вы могли, Мария Васильевна, такое подумать? Ведь вы меня знаете. Я же не враг сам себе... Это пахнет одеколоном...

Тактичная Мария Васильевна сделала вид, что верит уважаемому генералу. Как я понял, они были близкими знакомыми с давних времен. Сам Борис Иванович Шереметов был широко эрудированным и приятным во всех отношениях человеком, известным и заслуженным артиллерийским генералом, выдавшим виды военачальником.

2

На следующий день мои изуродованные и отекающие ноги осмотрела группа врачей-специалистов по человеческим конечностям, выказавших удивление, как меня с такой правой ногой, которую, несомненно, следовало ампутировать сразу же после ранения, не поразила газовая гангрена. Они, конечно, не знали, что такое намерение армейских хирургов было, но я отрезать ногу не дался.

Моим лечащим врачом стала та же Мария Васильевна Крылова, которая лечила и генерала Шереметова, старавшегося как можно скорее выписаться и ехать на фронт; он был назначен заместителем командующего артиллерией одного из действующих фронтов.

Крылова была удивительная женщина-врач. Своей душевностью, непосредственностью, вниманием, жизнерадостностью, миловидной внешностью и знанием дела она вызывала к себе уважение, искреннее расположение и вселяла оптимизм всякому, даже тяжело больному человеку. С первой же встречи я почувствовал себя с ней как с давно знакомым и близким человеком.

– Лечение начнем с того, – сказала Мария Васильевна, – что попытаемся согнать отечность с ног, чтобы посмотреть на них в натуральном виде.

Она назначила теплые водяные ванночки на обе ноги. И действительно, через несколько дней опухоль почти полностью спала, кожа на ногах очистилась и посветлела. В мышце правой ноги ниже колена с задней стороны стало четко проглядываться черное пятно величиной с куриное яйцо: какой-то посторонний предмет. Сделали несложную операцию и извлекли обрубок каблука от сапога с большим загнутым под прямым углом ржавым гвоздем. А злосчастной гангрены все-таки не было. Этим я был обязан хирургу майору медицинской службы Дегтяреву из полевого госпиталя, сделавшему все возможное, чтобы избавить меня от почти неизбежного общего заражения крови.

3

Лечение проходило успешно. За месяц я стал почти здоровым человеком, чувствовал себя превосходно, мог стоять на ногах и с помощью костылей свободно передвигаться, даже по ступенькам крутой лестничной клетки.

Но глубокая рана на пятке не затягивалась и не закрывалась, из нее по-прежнему сочилась мутная розоватая жидкость. Решили послать меня долечиваться в военный санаторий «Архангельское» под Москвой, считая, что рана закроется со временем, когда выйдут все мельчайшие осколки раздробленной кости.

В санатории я встретил нескольких подобных мне долечивающихся знакомых и незнакомых фронтовиков, что несколько облегчало скуку тыловой бездеятельности. Отдыхали там, между прочим, и жены некоторых видных и невидных военачальников с детьми, а кое-кто даже с собачками. Были и отдельные молодые щеголеватые лейтенанты, целыми днями гонявшие шары на бильярдных столах; это были сынки именитых родителей, зарабатывавшие себе, по-видимому, стаж военной службы подальше от фронтовой опасности. Виденное не могло не возмущать фронтовиков, забавлявшихся порой едкими анекдотами по этому поводу. Но все это – сущие пустяки, не занимавшие много внимания.

За нами, ранеными фронтовиками, был хороший уход, нас обильно кормили вкусной пищей и конечно же квалифицированно лечили. Меня, в частности, показали известному хирургу профессору А.В. Вишневному, специально приглашенному в санаторий для консультации сложных больных. Жизнерадостный, любивший пошутить пожилой профессор, с массивными седыми усами и приятным открытым лицом, осмотрев мою незаживающую рану, уверенно заявил:

– Залечим! И залечим быстро. Я, молодой человек, применю свой новый метод: сделаю блокаду. Не мешает лишний раз проверить эффективность нового способа заживления подобных ран.

Признаться, намерение ученого хирурга ставить на мне какой-то новый опыт меня обидело. Стараясь не ранить самолюбие уважаемого медицинского светила, я в шутовском тоне сказал:

– Вы, профессор, как я понимаю, намерены меня превратить в подопытного кролика. Не так ли? А не лучше ли вам подыскать для опыта более беззащитное существо?

Знаменитый врач, не приняв шутку, обиделся и возмутился, сердито зашевелил усами, свирепо поднял брови.

– Вы, полковник, отдаете себе отчет в том, что говорите? – сказал он повышенным голосом. – Наверное, вы не понимаете, с кем имеете дело? Таким неблагодарным нахалом я заниматься не буду. Отказываюсь! Пусть ваша нога гниет и дальше.

Пришлось извиниться и попросить прощения за опрометчивые слова.

Александр Васильевич молча приступил к делу. С помощью хирургической сестры он густо исколол мне ногу пугающей иглой огромного, как мне показалось, шприца, введя в мышцы что-то около трехсот кубиков новокаина. Этим самым была отключена моя больная нога от общей нервной системы и потеряла чувствительность. Затем обмотали ногу марлей, обильно смазанной похожей на деготь мазью того же Вишневого, а поверх завернули клеенкой, помазанной той же мазью, и обвязали. Мне было предписано лежать не вставая две недели. В мере возможного я выполнил указания ученого врача.

В назначенное время А.В. Вишневский приехал в санаторий и снял свою повязку с моей ноги. Рана на пятке заполнилась новой тканью и затянулась нежной розовой кожицей. Все в порядке. Профессор, довольный результатом эксперимента, пожурив меня за проявленное недоверие к его искусству, тепло попрощался и уехал, выслушав мою благодарность.

Надев носки и взяв палочку для облегчения давления на правую ногу, я пошел по аллее санаторного парка, чтобы проверить ногу под нагрузкой. Через каких-то десять минут осторожной ходьбы я почувствовал что-то мокрое в носке и снял его. Оказалось, что в новой ткани образовалось небольшое отверстие, из которого потекла густая мутная жидкость. Делать больше было нечего, и я попросил выписать меня из санатория.

Около трех месяцев я провалялся в госпиталях в то время, когда фронты Красной армии успешно изгоняли фашистских оккупантов из Белоруссии, Украины и Прибалтийских советских республик, перенесли военные действия на территорию Польши, Румынии, Венгрии, вышли на подступы к самой Германии, когда был наконец открыт долгожданный второй фронт нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Одним словом, я вынужденно пропустил многие великие события на фронте, находясь в бездействии в тылу. Это огорчало.

Следя за событиями войны по радио и газетам, я с нетерпением ждал того дня, когда снова могу вернуться в действующую армию. Но не тут-то было. Авторитетная медицинская комиссия, осмотрев меня и изучив медицинские показатели, вынесла такое решение: «Не годен в мирное время. В военное время ограниченно годен второй степени с использованием во внутреннем и фронтовом тылу на нестроевых должностях». Мне поясняли, что рана со временем затянется сама по себе, когда выйдут все секвестры. Нет нужды говорить о том огорчении, которое навалилось на меня с этим приговором. Не будучи согласен с заключением комиссии, я тут же, на глазах у комиссии, возглавляемой медицинским генералом, порвал выданный мне документ и клочки бросил в корзину для мусора, вызвав общее возмущение и угрозу принять меры. Кончилось тем, что мне выдали второй экземпляр медицинского свидетельства и выписали из санатория с предписанием явиться в Управление кадров для назначения на должность.

Часть четвертая

На берлинском направлении

Глава 1

Новое назначение

За время моего лечения многое изменилось и в 33-й армии, куда я стремился вернуться. Армией теперь командовал незнакомый мне генерал-лейтенант С.И. Морозов. Заменялся и начальник штаба генерал-майор С.И. Киносян, с которым я хорошо сработался и у которого пользовался поддержкой и доверием. Моя должность была занята полковником Г.Н. Первенцевым. Так что вероятности вернуться в свою армию никакой не было. Пришлось положиться на волю кадрового начальства.

В первых числах августа 1944 года иду в Главное управление кадров к генералу Свиридову, ведавшему общевойсковыми кадрами, опасаясь, что он потребует мое медицинское свидетельство и определит меня на нестроевую тыловую работу. Как поступить, чтобы этого не случилось? Ищу выход, путаясь в тревожных размышлениях.

Оставляю палочку, на которую опирался при ходьбе, в коридоре и захожу в кабинет, прилагая немалые усилия, чтобы скрыть хромоту.

К счастью, генерал не потребовал медицинское свидетельство, а ограничился вопросом, могу ли я продолжать службу по состоянию здоровья. Получив утвердительный ответ, он подумал и сказал:

– Поедете на ту же должность, но в гвардейскую армию. Это будет для вас как бы моральным повышением – в гвардию. Вы генерал-полковника Чуйкова знаете? – добавил кадровик заинтересованно.

– Мне известна эта фамилия из приказов и газет, но по службе встречаться не приходилось. Так что не знаю, – ответил я на вопрос.

– Ну ладно, – сказал генерал, – узнаете.

В этих словах я уловил какую-то загадочность, но уточнять не стал. Через каких-то полчаса, вручая мне предписание явиться в 8-ю гвардейскую армию на должность начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба, генерал Свиридов с некоторой озабоченностью предупредил:

– Если вас генерал Чуйков не примет на указанную должность и предложит другую, не соглашайтесь, а возвращайтесь в Москву.

Такая необычная ориентировка меня и удивила, и озадачила. И я, стараясь не показать озабоченности и беспокойства, осторожно высказал свое отношение к этому предупреждению:

– Надеюсь, я еду в армию не ординарцем к генералу Чуйкову и не в батраки; назначен приказом наркома обороны, и никакой командарм пересматривать назначение не вправе.

Я так понимаю.

– Понимаете правильно. Но вам с ним служить в боевой обстановке. Все может быть, и я считал своим долгом предупредить, – закончил генерал разговор.

С этим я и отправился в 8-ю гвардейскую армию 1-го Белорусского фронта, вышедшую к тому времени на реку Вислу в Польше в полусотне километров южнее Варшавы. До Киева доехал поездом. Дальше пассажирские поезда не ходили, пришлось до места назначения добираться как придется: до Кобрина долетел на случайном попутном самолете, а до Владавы, где размещался штаб фронта, на попутных машинах.

Представился начальнику Оперативного управления штаба фронта генералу И.И. Бойкову, ориентировавшему меня в оперативной обстановке и положении армии. Через два-три дня с группой офицеров на специально выделенной грузовой машине я был отправлен в армию. Ехали по недавно освобожденной нашими войсками от фашистского порабощения польской территории. В населенных пунктах, через которые проходил маршрут, наблюдалось спокойствие, местные жители уверенно налаживали мирную жизнь. В небольшом городке

Желехув бросилось в глаза большое количество мужчин призывного возраста, они прогуливались по улицам, как в мирное время. Глядя на этих, праздно проводящих время людей, одетых в 3 приличные костюмы и при галстуках, нельзя было не подумать, что это неплохой резерв для войска возрождающегося Польского государства. Но почему этот резерв немедленно не мобилизуется, оставалось загадкой.

2

Утром 14 августа я прибыл в штаб 8-й гв. армии, располагавшийся в имении польского помещика. Вместе с начальником отдела кадров армии полковником Мельником идем в красивое здание с массивными белыми колоннами, где мне предстояло представиться командованию. У подъезда стояла машина «Виллис», а возле нее возился стройный, с хорошей военной выправкой человек в шоферском комбинезоне поверх военного обмундирования. Поначалу я принял его за шофера. Но тут же выяснилось, что это начальник штаба армии полковник Виталий Андреевич Белявский, заместителем которого мне предстояло работать. К тому же оказалось, что мы немного знали друг друга по 19-й армии в 1941 году, в которой я служил в штабе, а он был начальником штаба 45-й кавдивизии. Полковник предложил мне ехать с ним на плацдарм, захваченный на западном берегу Вислы, представляться командарму.

– Хозяин находится на ПКП, – сказал он, – забирайтесь в машину, и поехали.

Лихо управляя юрким автомобилем, мой новый непосредственный начальник быстро домчал нас к реке, проехал с ходу по новенькому деревянному низководному мосту на западный берег и остановился у опушки высокого леса примерно в километре от переправы.

День был безветренный и ясный, солнце чувствительно пригревало. На серо-голубом небе изредка виднелись обрывки белых облаков. Между стройными соснами проглядывались штабные автобусы, армейские палатки, поставленные под деревьями походные столики, над которыми склонились офицеры и генералы. На открытой поляне перед лесом занимала огневую позицию малокалиберная зенитная батарея. Между батареей и ПКП прохаживался человек. Это был сам командарм генерал-полковник Василий Иванович Чуйков. Пока мы осматривались вокруг, появился самолет Ил-2 с ясно видимыми красными звездами на крыльях. Сделав боевой заход, самолет сбросил на батарею четыре бомбы и стал кружить на небольшой высоте, обстреливая зенитчиков из бортовых пушек. Видя, что самолет свой, батарея не стреляла, а изумленные боевые расчеты бросились в укрытия. Командарм остановился и наблюдал эту странную картину молча. Вдруг он, увидев, что одно орудие перевернулось вверх колесами, возмущенно закричал:

– Сбить! Что смотрите? Огонь!..

Немедленно послышались знакомые хлопки орудийной очереди – и самолет, вспыхнув ярким пламенем, рухнул на землю. Как оказалось, это был наш фронтowej артиллерийский корректировщик, потерявший ориентировку и принявший свою батарею за вражескую. Два члена экипажа сгорели вместе с самолетом, а на батарее было ранено два солдата и разбито одно орудие. Это странное происшествие подействовало на меня удручающе: стоило ли открывать огонь? – думал я озадаченно. Но поскольку распорядился сам командарм, на ПКП посчитали, что так должно и быть. Командарм же как ни в чем не бывало продолжал спокойно прохаживаться, погрузившись в размышления.

Полковник Белявский пошел на ПКП, а полковник Мельник повел меня представлять командующему.

Солнце припекало, и В.И. Чуйков был без фуражки, с густыми жесткими черными волосами на голове, в расстегнутом кителе. Выслушав мой рапорт и внимательно посмотрев на меня, генерал спросил, сколько мне лет. Услышав, что мне всего 30 лет, он загадочно улыбнулся.

– Отойдите в сторону, – сказал он мне, – мы с Мельником поговорим.

Желая знать, что обо мне будет сказано, я схитрил, отойдя метров на двадцать по ветру, начавшему вдруг еле заметно шевелить траву. Почти весь разговор я четко слышал. Бегло пробежав глазами мое личное дело, протянутое ему кадровиком, генерал недовольно проговорил:

– Что это за начальник оперативного отдела? Молокосос. Какой может быть у такого юнца авторитет в штабе и войсках? Ему же придется иметь дело с генералами...

Полковник Мельник стал совершенно свободно, без какой бы то ни было неловкости доказывать, что я, дескать, не новичок на должности. Что я уже был начальником оперотдела 33-й армии больше года и выбыл по ранению. Характеристики положительные. Так что, товарищ командующий, нет оснований сомневаться... Надо принимать.

Генерал ничего не ответил и позвал меня.

– Так вот, полковник. – проговорил командарм, – я решил допустить вас к той должности, на которую вы назначены.

Можете приступить к обязанностям. Но имейте в виду, что вы будете служить в 8-й гвардейской, бывшей 62-й армии, отстоявшей Сталинград. Это особая армия, и служить в ней непросто. Кто был вашим командующим до ранения? – вдруг спросил он.

– Генерал-полковник Гордов, – ответил я с некоторым опасением, как бы дело не приняло другой оборот, назвав командарма, у которого дольше всего служил.

– Хорошо, – сказал мой новый командарм. – Я Василия Николаевича знаю как грамотного и требовательного генерала. Он бездарных и ленивых подчиненных держать не станет. Принимайте должность.

Мы втроем пошли на ПКП, где командарм представил меня генералам и офицерам своего штаба и приказал убыть на КП вникать в обстановку.

– А пока на ПКП побудет ваш заместитель полковник Маслов, – добавил генерал, указав на низкорослого, намного старше меня полковника.

Здесь я встретился со старым знакомым – начальником тыла армии генерал-майором Похазниковым, с которым учился в одной группе в Академии имени М.В. Фрунзе перед войной. Со всеми другими сослуживцами пришлось знакомиться заново.

Вернувшись на КП, я не узнал здания, в котором располагался штаб. За время моего пребывания на плацдарме штаб подвергся артиллерийскому налету из тяжелых дальнобойных орудий, и ряд помещений был сильно разрушен. Но человеческих жертв не было: личный состав вовремя успел укрыться в подвалах.

Глава 2

В штабе 8-й гв. армии

1

В 8-й гв. армии я начал службу, когда обстановка на фронте резко изменилась. Прошло то тяжелое, наполненное драматизмом время, когда нам приходилось в невероятно сложных и невыгодных во всех отношениях условиях отбиваться от наседающих превосходящих сил фашистской Германии. Теперь уже не немцы нас беспощадно били, а мы их, проводя успешные, хорошо подготовленные и обеспеченные всем необходимым наступательные операции. Врагу оставалось лишь ожесточенно сопротивляться. Военные действия в основном перенесены за пределы нашей страны, а на Западе действовал второй фронт.

Так что дело окончательного и полного разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов было лишь фактором времени. Предстояли, конечно, серьезные и тяжелые сражения, требующие от войск, командиров, политработников и штабов напряженной и умелой деятельности. Но инициатива теперь была в руках не у противника, а у нас, и наше командование было вольно выбирать место и время решительных ударов, навязывая врагу свою волю. Да и опытом подготовки и ведения операций и боев мы располагали неоценимым. Одним словом, мы на горьком опыте научились воевать по-настоящему, ни в чем не уступая хваленным немецким генералам и штабам.

Армия, в которую я прибыл служить, прославила свои знамена в целом ряде сражений, и ей теперь никакой черт не был страшен. Ни малочисленных пораженцев, ни трусов и перебежчиков, ни дезертиров не было и в помине. Все были уверены в скорой окончательной победе над коварным врагом и действовали соответственно.

Оперативная обстановка на 1-м Белорусском фронте и место в ней 8-й гв. армии, действовавшей на главном направлении, в общих чертах мне были известны из ориентировки, полученной в Оперативном управлении штаба фронта. Врости в детали предстояло на месте. Вникнуть в детали обстановки, изучить состав армии и ее специфические особенности, группировку, положение и действия противостоящего противника, уяснить требования командующего, наладить деловые отношения с начальниками отделов армейского штаба, командующими родами войск и начальниками служб и их штабами, с подчиненными командирами и их штабами не так-то просто. Процесс этот требовал кропотливой работы и немалого времени. Но накопленный опыт и приобретенные навыки вселяли уверенность, что все будет нормально. Следует заметить, что я пришел в штаб с хорошо подобранным составом, с подготовленным и слаженным коллективом, со сложившимися определенными традициями, диктуемыми особенностями характера командарма, возглавляющего армию фактически все время ее существования. Во все это надо было осмысленно вникнуть и учитывать в работе. К тому же многие офицеры и генералы ведущих отделов и родов войск находились на ПКП и в войсках, ведших напряженные бои на недавно захваченном плацдарме. Все это создавало известные затруднения в общении.

Требовалось также побывать в войсках и познакомиться с командирами корпусов, дивизий и их штабами.

Некоторые офицеры оперативного отдела вели себя самоуверенно, несколько высокомерно, к делу и не к делу ссылались на командарма, так что можно было подумать, что командующий имеет дело с каждым офицером непосредственно. Все заочно называли его Василием Ивановичем или «хозяином», а при обращении – только командующим: не «товарищ генерал», как предусмотрено уставом, ибо, дескать, генералов много, а командующий один.

Непререкаемый авторитет генерал-полковника В.И. Чуйкова чувствовался во всем и всюду: его уважали, а главное – страшно боялись. Основанием этому были, как я впоследствии убедился, его суровый вид, жестокая требовательность, негибкая воля и нетерпимость к возражениям и отстаиваниям своих мнений подчиненными.

Подавляющее большинство офицеров и генералов носило на груди непривычно для меня много орденов и медалей; у всех были гвардейские знаки и медали «За оборону Сталинграда». У некоторых, особенно командующих родами войск, красовались Золотые Звезды Героя Советского Союза. У командарма было два расторопных адъютанта в лейтенантских званиях – оба родные братья В.И. Чуйкова, старший и младший; их называли Гошкой и Федькой. Они также называли своего среднего брата «товарищ командующий».

Как только я устроился на новом месте и принял рабочее положение, ко мне стали приходить начальники отделов и штабов родов войск Полевого управления знакомиться и вводить меня

в курс дела. Свою службу все они знали отлично и свободно отвечали на любой вопрос в части, касающейся их обязанностей. Первым пришел начальник войск связи армии полковник Александр Петрович Черкасов. Человек уже в годах, худощавый и подтянутый, с умеренным юмором при разговоре. Это был широко эрудированный и отлично знающий свое дело полковник, связист до мозга костей. Он часто был навеселе от пристрастия к спиртному, но эта слабость ему не мешала выполнять сложные и ответственные обязанности и вину не ставилась. Связист сразу же заявил мне, что, как только запахнет в воздухе подготовкой к наступлению, он приносит свою кровать в мой кабинет и будет работать и жить вместе со мной. Это выражение носило, конечно, образный характер. Тем не менее подчеркивало, что начальник связи должен работать в тесном контакте с начальником оперативного отдела, только в этом случае дела пойдут успешно. Я понимал такую линию по собственному опыту и был благодарен разумному связисту.

Примерно в таком же тоне говорили и другие начальники отделов. Особо выделялся начальник разведки армии подполковник Алексей Петрович Гладкий. Отличающийся удивительной скромностью офицер, Алексей Петрович был замечательным организатором войсковой разведки, отлично знал противостоящего противника и как разведчик пользовался непоколебимым авторитетом у сослуживцев и уважением и доверием у командарма и начальника штаба, как и у старших начальников по линии разведки. С ним мы не только отлично сработались, но и остались друзьями на всю жизнь. Но это было после. А пока в оперативном отделе меня встретил оставшийся за старшего на КП заместитель начальника отдела по изучению опыта войны подполковник Л.С. Барановский. Он не только детально знал положение дел в отделе и штабе в целом, но и подробности оперативной обстановки и боеспособность войск. Среди офицеров оперативного отдела особо отличались Величко, Велькин, Мережко, Федоров, Трусов, Дмитриев, Паринов, Поляков и др.

Начальник штаба армии полковник В.А. Белявский, находившийся почти все время при командарме, посоветовал мне постараться войти в доверие командарма и вести себя особенно осторожно и предусмотрительно с его адъютантами – родными братьями.

– Во многом они делают погоду, – предупредил мой непосредственный начальник. – Это надо помнить всегда.

Само собой разумеется, что такое предупреждение не могло прийтись мне по душе, если учесть, что оно исходило от начальника штаба. Как вскоре прояснилось, Виталий Андреевич знал, что говорил. С первых шагов бросилось в глаза, что роль начальника штаба несколько принижена и подавлена авторитетом командарма, нередко подменявшего его как внутри штаба, так и в войсках.

Однако следует заметить, что частое вмешательство в права и функции начальника штаба со стороны командарма не сказывалось отрицательно на работе штаба, а шло на пользу его начальнику.

По всей видимости, такое положение начальника штаба объяснялось тем обстоятельством, что мой новый непосредственный начальник только недавно был назначен на высокую ответственную должность с должности начальника оперативного отдела и, по мнению командарма, не имел достаточного опыта в новой роли. Кстати, полковник В.А. Белявский был старше меня на целых десять лет, но выглядел куда моложе своих лет. У командарма он пользовался доверием и покровительством.

2

Изучая обстановку и армию в целом, я не обошел и ее короткую, но героическую историю. В общих чертах мне она представилась так. В грозные летние дни 1942 года на юге нашей страны развернулось величайшее оборонительное сражение Красной армии. Пользуясь

численным превосходством, в конце июня – начале июля немецко-фашистские войска прорвали наш Юго-Западный фронт и мощной группировкой в составе 6-й полевой и 4-й танковой армий устремились к Волге на Сталинградском направлении. Поставленные в крайне невыгодное положение советские войска, оказывая врагу героическое сопротивление, несли тяжелые потери. Требовались все новые и новые резервы. Советское командование спешно формировало новые части, соединения и целые объединения и направляло их навстречу наступающему врагу, заполняло образовавшиеся бреши в линии фронта и наносило контрудары.

В то тяжелое время была сформирована и 7-я резервная армия, переименованная вскоре в 62-ю армию. На укомплектование ее войск были обращены как отобработанные вновь людские контингенты, так и личный состав, выписывавшийся из госпиталей и собранный из остатков разбитых в предыдущих сражениях частей.

Таким образом, в составе вновь сформированной армии оказалась значительная прослойка уже имевших известный боевой опыт солдат и офицеров. Оружие спешно подавалось из возрождаемых после эвакуации предприятий военной промышленности.

Выдвинутая навстречу наступающему врагу 62-я армия вступила в сражение 17 июля 1942 года на подступах к Сталинграду. С первых дней боевых действий она проявила высокие боевые качества: стойкость, мужество и отвагу личного состава, несгибаемую волю и твердость командования, умение сплотить, вести в бой и руководить подчиненными в невероятно тяжелой обстановке командиров и политработников. Под сильными ударами превосходящих сил врага, в условиях отсутствия сплошного фронта, армия была отеснена к Сталинграду и в уличных боях преградила противнику путь к Волге. 200 дней и ночей ее соединения и части вели непрерывные и беспримерные по стойкости бои за Сталинград. Армия сумела удержать прибрежную часть огромного города, нанеся противнику невосполнимые потери в живой силе и боевой технике, до 2 февраля 1943 года, то есть до перехода наших южных фронтов в общее контрнаступление на Сталинградском стратегическом направлении, сыграв неопределимую роль в успехе исторического Сталинградского сражения, завершившегося, как известно, блестящим окружением и разгромом 300-тысячной группировки фашистов.

Армия крепла, мужала и закалялась в жестоких боях, овладев искусством ведения боевых действий в сложных условиях сражения в крупном городе. Все ее соединения и части, весь личный состав: бойцы, командиры, политработники и штабы наилучшим образом справились со сложной и тяжелой задачей, героически выполнив свой долг перед Родиной. Лозунги «Ни шагу назад» и «Для нас за Волгой земли нет» были важнейшим девизом, определявшим поведение личного состава в ожесточенных боях. Оборона Сталинграда является самой яркой страницей в истории армии. За эти заслуги ей было присвоено почетное звание гвардейской: она стала именоваться 8-й гв. армией.

Характеризуя действия армии при защите Сталинграда, газета «Красная звезда» в номере от 1 декабря 1942 года писала:

«В молодой Красной армии 62-я армия – одна из самых юных по возрасту, но уже самых заслуженных по своему военному умению, ее действия в Сталинграде показывают могучую силу наших резервных соединений. Твердой рукой гениального ваятеля высекает наша отчизна из гранита народного материала непоколебимые советские войска. Такова доблестная 62-я армия».

С 12 сентября 1942 года армией командовал генерал В.И. Чуйков, членом Военного совета был генерал К.А. Гуров, а начальником штаба генерал Н.И. Крылов.

После Сталинградского сражения армия действовала в ряде важнейших наступательных операций на главных направлениях, представляя собой могучую ударную силу. Ей принадлежит важнейшая роль в освобождении от врага городов Одессы, Запорожья, Ковеля,

Люблина и др. В ходе успешного наступления и соответствующих перегруппировок армия последовательно смещалась на северо-запад и к лету 1944 года оказалась в 3 составе 1-го Белорусского фронта, в первых числах августа форсировала реку Вислу южнее Варшавы и захватила важный плацдарм на ее западном берегу между реками Пилицей и Радомкой в районе Магнушева.

Я прибыл в эту прославленную армию, когда она вела упорные бои по удержанию и расширению Магнушевского плацдарма. Служить в армии с таким героическим прошлым, да еще в роли начальника оперативного отдела, было для меня большой честью и доверием. Я это глубоко сознавал и старался оправдать эту честь на практической работе.

Теперь армию возглавлял тот же бессменный командарм генерал-полковник В.И. Чуйков, членом Военного совета был генерал-майор А.М. Пронин и начальником штаба полковник В.А. Белявский. Под их руководством мне и пришлось служить до окончания войны.

Знаменательно, что армия, отстоявшая Сталинград, где фашистская Германия потерпела непоправимое поражение, где во главе с окруженной группировкой сдался на волю победителя ее фельдмаршал Паулюс, теперь вышла на Берлинское стратегическое направление, кратчайшими путями выводящее в самый центр Германии, к ее столице Берлину – логову фашистского зверя, как было принято выражаться. Такое положение 8-й гв. армии летом 1944 года определяло ее место и роль в дальнейших сражениях на завершающем периоде войны. Ока закончила боевые действия в самом Берлине, широко используя сталинградский опыт боев в крупном городе. Ей выпала честь принимать капитуляцию Берлинского гарнизона 2 мая 1945 года. Но об этом будет сказано в своем месте нашего повествования.

Глава 3 Магнушевский плацдарм

1

Продолжая успешно проведенную Ковельскую наступательную операцию и преследуя разрозненные группы противника, 8-я гв. армия развивала наступление в северо-западном направлении. В последних числах июля 1944 года ее передовые части вышли к Висле в районе Демблина. Рокировав главные силы далее на северо-запад, армия вышла к реке на широком фронте от устья реки Вильги до Демблина.

По западному берегу великой польской реки, имевшей важное оперативно-стратегическое значение, немецкие войска сплошной обороны в это время не имели: рубеж оборонялся по принципу маневра подвижными боевыми группами на угрожаемые участки, располагавшиеся на некотором удалении от реки.

Подтянув силы и средства непосредственно к реке, армия, по указанию командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, форсировала Вислу на относительно широком фронте, сосредоточив главные усилия на участке Магнушев – Рычивул. Для переправы были использованы как штатные и приданные инженерные части, так и местные плавсредства.

Какого-либо серьезного сопротивления с противоположного берега в первые часы противник не оказывал. Брошенная сюда немецкая авиация встретила интенсивный зенитный огонь и истребительно-авиационное прикрытие нашей фронтовой авиации и сорвать форсирование была не в состоянии.

Под прикрытием почти беспрепятственно переправившихся передовых отрядов стали переправляться и главные силы дивизий первого эшелона, быстро расширяя захваченные

участки. Инженерно-саперные части, обеспечив перевалу первой волны с легким вооружением, приступили к наводке понтонных переправ, постройке деревянных низководных мостов для переброски через широкое русло реки артиллерии и танков. Одним словом, форсирование проходило планомерно, успешнее, чем можно было ожидать. Но по мере накапливания наших войск на западном берегу наращивалось и возрастало и сопротивление наземных частей противника. С ближайших районов спешно подводились сначала небольшие механизированные группы, а затем и более внушительные. Они с ходу вступали в бой, предпринимая отчаянные контратаки. Но наши передовые подразделения и части, поддержанные огнем всех видов из глубины, отражали эти контратаки. Сбросить наши переправившиеся части в реку и сорвать форсирование противнику не удавалось. Тем не менее сопротивление с каждым часом угрожающе нарастало. Наращивая силы, немцы все настойчивее пытались ликвидировать образовавшийся плацдарм. Любые, даже незначительные контратаки немецкое командование поддерживало массированными ударами бомбардировщиков. Но армия себя чувствовала уверенно и успешно отражала эти многочисленные контратаки.

Обеспокоенное создавшимся положением, немецкое командование, не желая смириться с потерей Вислинского рубежа хотя бы на отдельных участках, спешно подтянуло к плацдарму дивизию СС «Герман Геринг» и, рассчитывая сбросить наши войска в реку, предприняло мощную контратаку, поддержанную массой пикирующих бомбардировщиков. После короткого, но ожесточенного сражения армия сумела и на этот раз отразить удар, изрядно потрепав недоброй памятью прославленную эсэсовскую дивизию, оставившую на поле боя сотни трупов, массу орудий, танков и бронемашин. Значительные потери были и у нас. Тем не менее контратака врага захлебнулась, наши войска удержали занимаемые позиции. Но продвигаться вперед, расширяя плацдарм, становилось все труднее и труднее, потери армии в людях и танках возрастали.

Прибыв в армию 15 августа в такой напряженной обстановке, мне пришлось сразу же включиться в боевую работу, осваивая новую для меня ситуацию и знакомясь с новыми сослуживцами в ходе дела, как бы попутно. Первые пару дней я находился на КП в районе Мациевичей на восточном берегу Вислы, в то время как командарм, начальник штаба и многие офицеры и генералы Полевого управления были на ПКП на плацдарме, ближе к полю боя.

Штаб фронта чуть ли не ежечасно интересовался ходом боев на плацдарме, запрашивая детали обстановки, цели для авиации и давая часто через меня указания штабу и командованию. Придавая исключительное значение удержанию и расширению захваченного плацдарма, командование и штаб фронта приковали свое главное внимание к событиям, развернувшимся в полосе нашей армии. 17 августа прибыл для контроля и оказания помощи заместитель командующего фронтом генерал-полковник В.Д. Цветаев. Поговорив со мной по ряду вопросов и потребовав сопровождающего офицера, генерал уехал на плацдарм к командарму. Он потребовал еще больших усилий, направленных не только на удержание, но и на значительное расширение плацдарма.

После частичной перегруппировки войск и короткой подготовки 19 августа армия предприняла ряд мощных атак с целью углубить и расширить плацдарм. Но, встретив ожесточенное сопротивление противника, не считавшегося ни с какими потерями, создавшего вокруг плацдарма сплошную плотную оборону, завязала тяжелые бои, не давшие, однако, желаемых результатов. Вначале нашим войскам удалось захватить несколько населенных пунктов, но к исходу дня некоторые из них противник отбил обратно. Обе стороны несли большие потери в людях и танках. Попытки расширить плацдарм повторялись несколько дней подряд, но противник, наращивая силы, не давал нам успеха. Поэтому нам пришлось довольствоваться уже захваченным районом местности.

Анализируя сложившуюся обстановку, я пришел к убеждению, что атаки ограниченными силами и на узких участках в дальнейшем к успеху не приведут, а повлекут за собой лишь неоправданные потери. По горькому опыту 33-й армии, где я служил до ранения, пришлось убедиться, что так называемые «булавочные уколы» нам удаются крайне редко, а если порой и удаются, то неоправданно большой ценой. К тому же имевшийся плацдарм позволял нанести по противнику удар мощной фронтовой группировкой. Но для этого армия силами не располагала, а фронт дополнительных сил не выделял.

Свои обоснованные выводы, сводившиеся к тому, чтобы прекратить атаки и перейти к временной обороне, согласованные с начальником разведки А.П. Гладким и начальником штаба артиллерии полковником В.Ф. Хижняковым, я доложил командарму. В.И. Чуйков хотя и согласился с моими выводами и предложениями, но выходить с ними к командующему фронтом не хотел. Он еще раз потребовал от командиров корпусов усилить давление на противника. Но какими-то реальными силами и средствами, способными оказать существенное влияние на изменение соотношения сил в нашу пользу, он не располагал и ограничивался лишь словесными требованиями, отчего наступательные возможности корпусов не усиливались. Создавалась нервная обстановка.

Тем временем немцы, в ночь на 21 августа, сильной контратакой пехоты и танков ворвались в занятый нами накануне Гловачув, а утром полностью овладели им. 21 и 22 августа шли упорные бои за Гловачув: командарм категорически потребовал снова овладеть этим важным населенным пунктом, расположенным на господствующих высотах. Я ездил по приказанию командующего на место боев и наблюдал ужасную картину: свалку разбитых и сгоревших своих и вражеских танков, перемешанных между собой. В конце концов Гловачув был снова взят и закреплен.

В эти дни ко мне дважды заходил находившийся в армии представитель Ставки генерал-майор А. Ревякин. Мы были знакомы по совместной службе в 33-й армии, в которой он командовал дивизией и корпусом. Я изложил генералу свои соображения по дальнейшим действиям. Не имея что возразить, он сказал, пусть, дескать, решает командарм. Однако добавил: «Плацдарм следует расширять, что свяжет противника по ногам и рукам. А сидение пассивно на месте даст ему возможность активизировать контратаки. По всему видно, что немцы еще не смирились с потерей важного водного рубежа и будут пытаться сбросить армию в реку».

По приказанию командарма с 24 августа я побывал в боевых порядках и на КП 74, 79, 39-й гв. дивизий и на КП 28-й гв. ск, где ознакомился на месте с положением дел. Командиры и штабы этих соединений, по моему впечатлению, делали все от них зависящее, но признавали, что их войска способны лишь удержать занимаемые позиции. На большее рассчитывать, дескать, не приходится. Дальнейшие атаки, по их единодушному мнению, приведут лишь к неоправданным потерям и ослабят боевые возможности частей. Особенно откровенно эти суждения высказывали командир 28-го гв. ск генерал-лейтенант А.И. Рыжов и командир 39-й гв. сд полковник Е.Т. Марченко. Но я хотя и разделял их настроение, но, будучи связанным мнением и настроением командарма, представителем которого являлся, открыто поддержать этих способных боевых командиров не мог. Побывал я в первые же дни и в 82-й гв. сд, с трудом отражавшей контратаки противника. Командир дивизии генерал-майор Г.И. Хетагуров оставил у меня очень благоприятное впечатление как грамотный и рассудительный генерал, но несколько горячий и болезненно воспринимающий замечания. Его начальник штаба полковник В.А. Лебедь, неторопливый, толковый и уравновешенный офицер, хорошо помогал своему командиру.

24 августа наш КП перебрался в Несвиж, а 26 августа в 7:00 началась частная операция на левом фланге с целью овладеть лесом и местечком Козенице. Операция конечной цели не

достигла. На этом в основном и закончились действия по расширению плацдарма, и с 28 августа армия перешла к жесткой обороне Магнушевского плацдарма, представлявшего к указанному времени относительно обширное пространство на западном берегу Вислы между реками Пилицей и Радомкой – по переднему краю, то есть по линии соприкосновения войск, на 50 километров. Глубина плацдарма в самом широком месте достигала 20 километров.

С прекращением активных действий мы спланировали и провели перегруппировку войск, заняв оборонительное положение. Все три корпуса занимали полосы в первом эшелоне, имея сильные резервы. Вся армия, за исключением части тылов, оказалась на плацдарме. 3-я и 4-я польские дивизии, действовавшие на правом фланге, были сменены нашими войсками и направлены куда-то восточнее Варшавы.

В августовских боях 1944 года Магнушевский плацдарм на Висле, угрожавший Варшавскому гарнизону немцев с юга и ближе всего отстоявший на Берлинском стратегическом направлении от столицы Третьего рейха и позволявший сосредоточить на западном берегу Вислы мощную наступательную группировку, был не единственный. Несколько южнее 69-я армия овладела хотя и меньшим, но важным Пулавским плацдармом. А значительно южнее войсками 1-го Украинского фронта захвачен и укреплен обширный Сандомирский плацдарм. Были созданы условия для ведения последующих наступательных операций непосредственно на Германию.

3

В полосе армии наступило относительное затишье. Но это затишье не принесло успокоения командованию и штабу армии. Навалилась большая и многогранная работа по организации и совершенствованию обороны плацдарма. Мероприятия носили спешный и сложный характер. Противник продолжал наносить по боевым порядкам войск и по переправам мощные артиллерийские удары и систематические налеты авиации. Авиация противника, кроме того, время от времени бомбардировала мосты на реке, стремясь вывести их из строя, чтобы изолировать армию на плацдарме и затруднить снабжение войск. Иногда тот или иной мост получал незначительные повреждения. Пришлось, помимо зенитного прикрытия, проводить задымление мостов. На отдельных участках продолжались контратаки. Все это затрудняло перегруппировку войск и ведение оборонительных работ.

В эти дни случились два инцидента, вызвавшие беспокойство. Один из них следующий. Через Вислу со стороны противника переплыла молодая женщина, назвавшая себя польской гражданкой, ее задержали и доставили на КП, передав в отдел контрразведки Смерш для выяснения личности и цели визита. Задержанная незнакомка ночью сбежала. Вскоре немцы произвели артиллерийский налет по КП армии из дальнобойных орудий. Этот факт наши товарищи увязывали с убежавшей полькой: она, дескать, могла сообщить врагу точное место расположения штаба. Второй инцидент носил более серьезный характер. Поступили разведданные, которые мы не могли перепроверить – подтвердить или опровергнуть, – что якобы немцы в 15 часов 30 минут 30 августа начнут серьезную операцию по ликвидации плацдарма. В эти, хотя и непроверенные, данные просто не поверить было нельзя, и пришлось вносить изменения в сроки и порядок перегруппировки. Время показало, что или данные были ложными, или противник в последний момент отказался от своих намерений.

Как бы там ни было, но я в эти дни достаточно вник в обстановку, познакомился и наладил деловые отношения с начальниками отделов, командующими родами войск и начальниками служб. При встрече с ними я чувствовал понимание и благожелательность. С вопросами устройства и работы тыла, обеспеченностью армии материальными средствами и порядком их накопления на плацдарме меня детально познакомил отлично знавший свое дело начальник штаба тыла подполковник Я.И. Бродский, с первой встречи постаравшийся завоевать мое дружеское к нему расположение. С начальником штаба артиллерии

полковником В.Ф. Хижняковым общий язык я нашел не сразу: он пытался вести себя слишком независимо и даже несколько высокомерно. Но когда узнал, что я имею артиллерийское образование и в вопросах боевого применения артиллерии разбираюсь, трения были устранены, мы даже подружились. Этому способствовал также командующий артиллерией генерал-лейтенант Н.М. Пожарский, опытный, авторитетный и тактичный человек. Но, идя мне навстречу в делах, мои новые сослуживцы внимательно ко мне присматривались, следили за каждым моим шагом и сказанным словом. Все мои поступки немедленно становились известными командарму, что ставило меня иногда в невыгодное положение. Мне не нравилось, когда некоторые товарищи не хотели принять моих требований к подчиненным, особенно те, что злоупотребляли выпивками, к делу и не к делу жаловались на меня командующему. Как-то генерал В.И. Чуйков сказал мне с упреком:

– Вы не обижайте моих сталинградцев, не рубите сплеча. Новая метла у нас ничего не выметет. Нечего насаждать какие-то свои новые порядки...

Но это были мелочи. И все же они давали знать, что надо более осторожно и вдумчиво строить свою работу.

Тем временем мы поспешно занялись планированием и организацией оборонительной операции армии на плацдарме. Нарезали новые полосы корпусам и дивизиям, предусмотрели вывод во второй эшелон по дивизии в каждом корпусе, определили их маневр по нескольким вариантам, пересмотрели группировку артиллерии, создали подвижные противотанковые резервы, наметили и рассчитали инженерные мероприятия. Сформулировали конкретные задачи каждому корпусу, детализировав их до дивизии и полка, придавая особое значение обеспечению флангов и стыков. Командарм вникал в каждую деталь плана, придирчиво рассматривал их и вносил поправки, где находил неувязки или упущения. Командующий имел дело с оперативным отделом непосредственно, а не через начальника штаба, поэтому мне по несколько раз в день приходилось бывать у него с докладом, кое-какие вопросы планирования я обоснованно отстаивал и добивался согласия, кое-что пришлось уточнять или переделывать. С завершением планирования оперативные приказы были разосланы корпусам, а оперативная часть плана операции представлена в штаб фронта на утверждение.

Многие из нас разъехались по войскам для обеспечения претворения решения командарма в жизнь. Следует заметить, что решение было принято подробное – и за командиров корпусов и дивизий, так что им оставалось лишь уяснить свои задачи и организовывать их практическое выполнение. Это была большая и кропотливая работа, требовавшая большой энергии и настойчивости, а главное – контроля на местах. Мне выпало поехать в 4-й гв. ск, оборонявшийся на левом фланге армии. Его левый фланг частично пересекала река Радомка, что вносило особенности в построение обороны и связывало маневр второго эшелона. Корпусом командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Афанасьевич Глазунов. Прославленный воин принял мою помощь и советы с большой охотой. Поначалу мне показалось, что В.А. Глазунов ведет себя несколько пассивно и недостаточно требовательно к своему штабу и командирам дивизий. Это был спокойный, немногословный и тактичный генерал, никогда не повышавший голос, не матерившийся, как многие, но и не говоривший правду, если эта правда была невыгодной для него; положение дел он был склонен приукрашивать. На вопрос командарма, какое у меня впечатление о командире корпуса, я откровенно высказал бросившееся в глаза явление. Генерал глубокомысленно задумался.

И вдруг он вспылал и, повысив голос, сказал:

– Все это я знаю. Вы мне Америку не открываете. Глазунов действительно имеет недостатки, но у него есть солдатское счастье: под его командованием корпус выполняет задачи неплохо. Это меня и удерживает от замены его другим командиром.

В 28-м гв. ск, куда я вскорости съездил, я близко познакомился с его командиром генерал-лейтенантом Александром Ивановичем Рыжовым. Он оставил у меня очень глубокое и сильное впечатление, как эрудированный, многоопытный, в меру требовательный, волевой и досконально знающий свое дело командир, его знания и опыт далеко выходили за рамки корпуса. У такого комкора многому можно было научиться и штабу армии. С самого начала у меня с ним сложились теплые, даже дружеские отношения. Здесь я встретил своего старого фронтового друга полковника Ефима Тимофеевича Марченко, успешно командовавшего теперь 39-й гв. сд.

Что касается 29-го гв. ск, то его командир, совсем недавно назначенный с дивизии на корпус, генерал-майор А.Д. Шеменков не оставил впечатления. Бросалась в глаза его неопытность, особенно на фоне подчиненных ему более зрелых командиров дивизий. Проглядывалось его как бы безразличие к положению дел, удивительное спокойствие там, где оно неуместно, выглядевшее чем-то граничащим с безответственностью. Может быть, я и ошибался. Но если и ошибался, то не очень. Через несколько месяцев, а точнее, после проведения Висло-Одерской операции, в которой он как командир корпуса не показал себя достаточно зрелым, Шеменков был освобожден от должности. Зато командир входившей в корпус 82-й гв. сд генерал-майор Григорий Иванович Хетагуров выглядел куда выгоднее; он уверенно командовал дивизией, пользовался авторитетом у подчиненных и в штабе армии. Независимый и несколько строптивый характер, а порой и необоснованная обидчивость на упреки и замечания не мешали ему быть дисциплинированным и уважительным к вышестоящему штабу, работу которого он хорошо знал и ценил; в свое время он был начальником штаба одной из армий.

В целом я застал сложившуюся и закаленную в жестоких боях армию как прочное оперативное объединение, способное решать большие оперативные задачи, ее штатный состав от самого Сталинграда почти не менялся, что во всех отношениях сказывалось положительно и способствовало высоким боевым качествам армии.

КП армии был перемещен, после обстрела его артиллерией противника, на плацдарм и разместились в блиндажах, врытых в ограждающую с запада русло Вислы земляную дамбу. А когда обстановка окончательно стабилизировалась и оборона была укреплена, мы перебрались снова на восточный берег в деревню Подвежье, где штаб размещался вплоть до начала нового наступления.

4

Захваченный на реке Висле южнее Варшавы Магнушевский плацдарм являлся удобным исходным районом для сосредоточения мощной ударной группировки фронта с последующим, после небольшой оперативной паузы, наступлением на Познанско-Берлинском направлении. Этот плацдарм отделяло от Берлина примерно 600-километровое расстояние. Мы сознавали, что армии в недалеком будущем предстоит наступать не только в центр Германии, но и, вполне возможно, на сам Берлин. Личный состав гордился успешным выполнением задачи по захвату и удержанию этого важного плацдарма. Настроение было приподнятое, боевое.

– Мы дали по зубам фашистскому зверю в Сталинграде, и мы же добьем его в собственной берлоге – в Берлине, – можно было нередко слышать в штабе и в войсках.

Такому радужному настроению способствовали не только недавние боевые успехи армии, но и общая обстановка, сложившаяся в Европе к тому времени.

Красная армия заняла большую часть Румынии, которая приняла безоговорочно шесть условий советского правительства. Антонеску арестован. Румынские войска, действовавшие

в одной упряжке с фашистской Германией, частью сдались в плен, а частью, переменяв союзника, сражаются с немцами.

С Финляндией военные действия прекратились: она вынуждена была сдаться на милость победителя. Болгария тоже запросилась к нам в союзники. Наши западные партнеры по антигитлеровской коалиции уже заняли значительную часть Франции, Бельгию и Голландию. Они овладели Парижем, Версалем, Лионом, Бордо и другими важными объектами, вышли к швейцарской границе. В общем, события развивались успешно и благоприятно для нашей страны. Все это радовало, ибо в нем как никогда ясно проглядывал победоносный конец изрядно надоевшей разорительной войны. Тезис «Наше дело правое, победа будет за нами!» приобретал свое практическое воплощение. Отражая не только свое личное, но и господствовавшее в армии настроение, я записал в дневнике 25 августа 1944 года: «Думаю, что война в Европе закончится к 7 ноября. К 27-й годовщине Великого Октября, вероятно, мы будем праздновать победу».

Но я оказался плохим пророком и ошибся на целых полгода.

Тем временем в штабе армии царил большой и внутренний подъем, давший некоторым любителям повеселиться удобный случай перехватить спиртного. Торжествовали по случаю правительственных наград: поступило сообщение, что командарм В.И. Чуйков, начальник штаба В.А. Белявский и многие другие генералы и офицеры штаба и войск награждены высокими боевыми орденами. Командарм своим приказом наградил многих офицеров Полевого управления армии. Все офицеры оперативного отдела были также награждены орденами и медалями. Мне, как человеку новому, присвоено гвардейское звание, которым гордились все мои сослуживцы.

При вручении наград меня покорило такой случай. Получив орден и отвечая на поздравление командарма, некоторые товарищи с восторгом восклицали: «Служу Советскому Союзу и генерал-полковнику Чуйкову!» Такой необычный поступок мне показался возмутителен, тем более что командарм не пресекал угодников, а, казалось, одобрял крикунов, тепло пожимая им руки. Во всяком случае, относился к этому неблагоприятному явлению терпимо. Я откровенно высказал свое отрицательное отношение к такому некрасивому, как мне казалось, поступку, чем вызвал откровенное неудовольствие командарма и протесты некоторых сослуживцев.

Отношение ко мне командарма после этого случая заметно изменилось к худшему. Я чувствовал, что он по службе не имеет ко мне никаких претензий и относится с доверием, но мой «выпад», да еще в присутствии подчиненных, его задел как личная обида и неуважение к прославленному полководцу. Это не замедлило сказаться в личных отношениях. Начальник штаба указал мне на невыдержанность. Не буду здесь распространяться по такому незначительному поводу. Однако расскажу об одном неожиданном и странном явлении.

Когда обстановка стабилизировалась, бои стихли, как-то полковник В.А. Белявский сказал мне:

– Командующий недоволен новым начальником оперативного отдела, считая вас заносчивым и нетактичным офицером. Кроме других претензий, Василий Иванович удивлен, почему прибывший в армию полковник не отметит свое новое назначение хотя бы хорошим банкетом.

Это сообщение меня буквально потрясло и выбило из седла. Почему так поставлен вопрос? Для банкета я ничем не располагал, да и считал недопустимым с точки зрения субординации приглашать на пьянку вышестоящих начальников. Положение мне показалось безвыходным.

Придя к себе в отдел с убийственным настроением, я с отчаянием рассказал о случившемся своим офицерам Л. Барановскому и И. Велькину, пользовавшимся у командарма особым расположением.

– Стоит ли огорчаться таким пустяком, – сказали они в один голос. – У нас это в порядке вещей. И вы никуда не денетесь, банкет придется устраивать. И хороший банкет. Командарм подсказал вам лишь то, что в ваших интересах: станете более известным в Полевом управлении, своим человеком.

– На какие шиши? – вскипел я. – Ведь я не располагаю никакими возможностями. Да и время ли пьянствовать?!

Офицеры стали меня успокаивать:

– От вас, товарищ полковник, ничего практически не требуется, кроме согласия. А все дело поручите нам и назначьте время. Мы вместе с Дорфманом (это был начальник Хозо штаба) все подготовим наилучшим образом.

Деваться было некуда, и я дал согласие на скромный банкет и назначил день, хотя в душе не верил в реальность предприятия.

И что же получилось? В намеченный срок ко мне зашли мои доверенные офицеры вместе с начальником Хозо капитаном Дорфманом. Они весело доложили о готовности пиршества и пригласили меня пройти с ними осмотреть место торжества и оценить их труд. Что же я увидел?

На небольшой остров, образованный руслом Вислы и ее рукавом, был переброшен деревянный мостик. На острове поставлена большая складская палатка, а в ней накрыты длинные, сооруженные из сырых досок столы, ломившиеся от самых разнообразных закусок, вплоть до жареных поросят, державших в зубах листья свежего салата, и множество бутылок с водкой, коньяком, винами. Для почетных гостей – руководства армии – стол был поставлен поперек палатки на возвышении. Видя мое изумление, организаторы довольно улыбались.

– Чем и как я буду за все это расплачиваться? – растерянно спрашиваю.

– Ничем и никак, – последовал ответ. – Все это добро из люблинских трофейных складов. Вам остается лишь лично пригласить командующего, начальника штаба и остальных членов Военного совета. Других мы уже пригласили от вашего имени.

Мне ничего действительно не оставалось, кроме как последовать советам ретивых организаторов.

Довольный полковник Белявский, приняв приглашение, послал меня просить командарма и члена Военного совета оказать честь и пожаловать на банкет. Генерал В.И. Чуйков загадочно улыбнулся и спросил:

– А Алексея Михайловича пригласил? Он будет?

Я ответил, что сейчас иду за членом Военного совета.

Генерал-майор А.М. Пронин высказал готовность принять участие в торжестве, если будет Василий Иванович.

Банкет, собравший более сотни офицеров и генералов, получился на славу. Правда, когда командование ушло, торжество пошло самотеком, приняв невиданный в фронтовых условиях накал. Кончилось тем, что многие изрядно перехватили. Поутру пришлось разбираться с некоторыми незначительными происшествиями. Какой-то, неведь откуда взявшийся корреспондент оказался без сапог, а кинооператор, о котором я не имел никакого понятия, лишился киноаппарата с отснятой пленкой. Сапоги и кинокамеру удалось найти в реке с привязанным камнем, чтобы не всплыли. Были и другие подобные «шутки», не вызвавшие особой тревоги, как явление неизбежное в подобных ситуациях.

После этого, поскольку обстановка позволяла, устраивались небольшие, правда, банкеты по вечерам то в полку связи, то у артиллеристов, то у тыловиков, то у саперов. На них непременно присутствовал командарм; он всегда лично приглашал с собой и меня. На этих

банкетах находились энтузиасты, которые, подвыпив, забирались иногда на стол с ногами и выкрикивали:

– Сталинскому полководцу Василию Ивановичу Чуйкову – ура!.. Это он сказал: для нас за Волгой земли нет!

Выкрики сопровождались бурными аплодисментами. Я попытался урезонить и постыдить наиболее резвых крикунов. Но командарм недовольно меня одернул:

– Не мешайте, пусть выскажут свои чувства.

Я осекся и постарался под разными предлогами уклоняться от этих «ужинов». Тем более что обязанности начальника оперативного отдела не позволяли празднично проводить время. Когда мои начальники веселились, я обычно дежурил на связях с войсками и штабом фронта. К тому же продовольственные трофеи вскоре иссякли и банкеты прекратились.

Затишье на фронте затянулось, и штаб армии был переведен из-за Вислы на восточный берег и удобно разместился в польской деревне Подвежбе, а на плацдарме осталась оперативная группа штаба, в которую я ездил чуть ли не ежедневно.

Мы с нетерпением ждали указаний фронта на подготовку новой наступательной операции, прикидывали возможные варианты будущего наступления. Но подготовка пока что заключалась в пополнении частей личным составом, вооружением, накоплением боеприпасов и других материальных средств. Войска совершенствовались занимаемые позиции в инженерном отношении и вели разведку. Вторые эшелоны и резервы занимались боевой подготовкой, политическими занятиями и отдыхали.

Глава 4 Оперативная пауза на Висле

1

С захватом и закреплением войсками 1-го Белорусского фронта Магнушевского и Пулавского плацдармов на Висле здесь наступила оперативная пауза, длившаяся фактически с сентября 1944 по январь 1945 года. Активные действия сторон прекратились, и наши войска стояли в обороне, имея задачу удерживать и совершенствовать занимаемые позиции.

Но это не была пассивная стоянка на месте. Мы, конечно, не знали, сколько времени будет продолжаться наступившее затишье, но сложившаяся общая обстановка и логика событий говорили о том, что назревает время подготовки новой наступательной операции. Для ее проведения предстояло многое сделать, начиная с пополнения войск личным составом, вооружением и боевой техникой, накопления боеприпасов и других материальных средств и кончая подготовкой исходного района и разработкой детального плана наступления.

Нашей армии противостояли войска 9-й полевой армии противника, обволакивавшие плацдарм и интенсивно укреплявшие занимаемые рубежи. Немцы в свою очередь спешно пополняли свои войска, проводили перегруппировки и создавали резервы. Время от времени они наносили по нашим боевым порядкам на плацдарме мощные артиллерийские удары, не приносявшие, однако, большого урона нашим войскам, зарывшимся в землю; предпринимались налеты большими и малыми группами бомбардировщиков, действия которых по переправам через Вислу осуществлялись систематически. Надо было усиливать зенитное и авиационно-истребительное прикрытие мостов и исправлять их частые повреждения.

Командование и штаб особое внимание уделяли ведению непрерывной разведки: во избежание какой-либо неожиданности необходимо было следить за каждым шагом

противостоящего врага. Непосредственным организатором этого сложного мероприятия был начальник разведки подполковник А.П. Гладкий и его отдел, среди офицеров которого особо выделялись: заместитель начальника отдела по политчасти подполковник Н.Н. Вайгачев, заместитель начальника отдела подполковник Г.И. Матусов, старший офицер майор Р.Г. Симонян.

Прежде всего было установлено сплошное визуальное наблюдение за противником в пределах видимости со всех господствующих высот. Все, даже незначительные изменения на вражеской стороне фиксировались, анализировались и обобщались. По заявкам штаба велась воздушная разведка авиацией фронта на значительную глубину. В расположение противника засылались пешие разведгруппы. В большой лес Козенице, разделявший Магнушевский и Пулавский плацдармы по западному берегу Вислы, была успешно переправлена через линию фронта целая разведрота, она следила за передвижением резервов противника, захватывала пленных, нападала на небольшие подразделения и результаты докладывала по радио. Систематически поступала развединформация и из штаба фронта.

Однажды командарм приказал мне послать своих офицеров на самолетах с целью осмотреть с воздуха расположение частей противника в ближайшей глубине. Использовать имевшиеся в армии самолеты связи По-2 было крайне рискованно. И я договорился с представителем штурмовой авиации посадить на боевые штурмовики Ил-2 двух моих офицеров и пролететь с ними над расположением вражеских войск. Авиаторы с готовностью пошли мне навстречу. Я выделил подполковника Л.С. Барановского и майора И.Е. Велькина, проинструктировал и отправил на аэродром. Утром ясного дня линию фронта пересекли четыре штурмовика, на двух из которых находились мои посланцы. Мы наблюдали с НП за их полетом. Как только самолеты углубились за передний край километра на три, по ним немцы открыли заградительный зенитный огонь. Два Ила загорелись и рухнули на землю, а два благополучно возвратились обратно. С трепетным волнением я ждал сообщение о судьбе своих замечательных товарищей. К счастью, они, как говорится, родились в рубашке: именно те самолеты, в которых они находились, уцелели и офицеры вернулись в штаб невредимыми.

Хотя анализ разведанных, получаемых из различных источников, и не давал оснований ожидать перехода здесь противника в наступление в ближайшее время, но быть убежденным, что гитлеровцы смирились с потерей рубежа Вислы и не предпримут решительных действий по ликвидации плацдарма, тоже не следовало, – чтобы потом не прийти к жестокому разочарованию, лучше ориентироваться на худшее. К тому же вызвали озабоченность командования доходившие до нас слухи, что якобы немцы со дня на день на рубеже Вислы применяют новое, невиданное по уничтожающей силе оружие Фау-2, чтобы сбросить 8-ю гв. армию с Магнушевского, а 69-ю армию с Пулавского плацдармов. Мы на всякий случай предупреждали об этом войска, разрабатывали контрмероприятия, повышали бдительность. Но дни шли, а войска обеих сторон ограничивались перестрелкой и поисками разведчиков.

В середине сентября в торжественной обстановке от имени Верховного Совета СССР армии было вручено гвардейское знамя и проведен небольшой парад войск. Все мы гордились этим актом и рвались в бой.

В.А. Белявский получил звание генерал-майора, что укрепило его положение и авторитет как начальника штаба. Генеральское звание было присвоено и начальнику инжвойск В.М. Ткаченко.

Тем временем мы развивали систему траншей, строили блиндажи, укрепляли огневые позиции артиллерии, командные и наблюдательные пункты, по переднему краю устанавливали сплошные минные поля и проволочные заграждения, строили дороги и мосты, демонстрируя перед противником переход к длительной обороне. Офицеры штаба, политотдела, штабов родов войск мотались по боевым порядкам, контролировали

проводимые мероприятия и оказывали помощь на местах. Я с офицерами оперотдела часто бывал не только на командных пунктах соединений и частей, но и во многих боевых охранениях.

Помимо этой главной работы штаб армии и войска, в мере допустимого в боевой обстановке, занимались оперативной и боевой подготовкой: проводили командно-штабные учения, военные игры на картах и местности, тактические учения с подразделениями резерва. Отдел боевой подготовки был крайне малочисленным, поэтому его функции командарм возложил в основном на оперативный отдел. Это прибавляло работы, надо было всюду успевать.

В первых числах ноября мне стало известно, что вокруг Люблина расположена 33-я армия, в которой я служил до второго ранения и где у меня были боевые друзья и служил мой младший брат Григорий командиром пулеметной роты. С разрешения командарма я съездил в эту армию и с радостью повидался с бывшими сослуживцами. На обратном пути заехал в Главный штаб войска Польского в Люблине, переночевал у исполнявшего обязанности начальника штаба генерал-майора Б.Ф. Зарако-Зараковского, моего сослуживца и приятеля по 33-й армии. Он познакомил меня с министром обороны новой Польши генералом Роля-Жимерским, предложившим мне, по рекомендации Зарако-Зараковского, перейти в войско Польское на должность начальника оперативного отдела. Не будучи поляком, я, поблагодарив за предложение, отказался, попросив не ставить этого вопроса перед нашим командованием.

К тому времени в штабе 8-й гв. армии я стал своим человеком, освоился и чувствовал к себе деловое доверие со стороны командарма и начальника штаба. Их указания и намерения я понимал с полуслова, работалось относительно легко. Особенно мне нравилось, что В.И. Чуйков почти никогда не менял своих решений, а это облегчало работу штаба вообще и оперативного отдела в частности.

В те дни я получил письмо от командующего 3-й гв. армии 1-го Украинского фронта генерал-полковника В.Н. Гордова, сообщавшего, что он поставил вопрос о переводе меня к нему на должность начальника штаба и получил поддержку у Маршала Советского Союза И.С. Конева, знавшего меня по предыдущей службе. Мой бывший командарм советовал не отказываться.

– Приезжай ко мне. Мне, старику, тяжело здесь без тебя, – писал он расчувствованно.

Генерал В.И. Чуйков как-то спросил при очередной встрече:

– Ну как, идешь к Гордову? Ты ему, оказывается, очень нужен.

Видимо в знак расположения, командарм впервые назвал меня на «ты».

Я уклончиво ответил, что сам я этого вопроса не решаю. Мне безразлично, с кем служить.

– Для меня что ни поп, то дядько, – попытался я придать разговору шутливую окраску.

Но командарм шутку не принял:

– Я не дал согласия. Будешь работать у меня. А начальником штаба армии ты и без Гордова станешь в свое время. Но никогда не забывай, что штаб работает на командующего.

Я знал это образное выражение, с которым не всегда соглашался, и промолчал. Мне шел тридцать первый год, рана на пятке, которую я украдкой перебинтовывал, со временем затянулась. Хотя пятка потеряла чувствительность, я чувствовал себя вполне здоровым и работоспособным.

Время шло. Наряду с большой загруженностью текущими делами мы все чаще погружались в предположения, когда и как нам придется снова наступать: прикидывали на карте различные варианты, обсуждали их у командарма. Но предугадать место армии в будущей фронтальной операции, ее задачу и полосу действий, а также средства усиления, не зная, какие

силы будут наступать с нашего плацдарма и замысла командующего фронтом, было лишь тренировкой мышления. Не больше.

А срок нового наступления приближался, появились признаки подготовки фронтом крупной наступательной операции. Нам подавали массу артиллерийских боеприпасов, инженерное имущество, создавали в армии большое количество горючесмазочных материалов. Штаб фронта прислал без нашей заявки набор новых топокарт Варшавско-Познанского направления разных масштабов. На плацдарм для ознакомления с местностью и условиями переправы стали приезжать представители 5-й ударной и 61-й армий, 1-й и 2-й танковых армий, 16-й воздушной армии. Появление генералов и офицеров других армий на нашем плацдарме держалось в строгом секрете, но наши офицеры и даже рядовые солдаты замечали этот факт и говорили между собой о близком наступлении. Им не терпелось двинуться дальше на запад.

Как-то с начальником оперативного отдела 5-й ударной армии полковником С.П. Петровым я поехал на плацдарм, чтобы помочь ему разобраться с интересовавшими его вопросами. На мосту через Вислу нас остановил часовой. Проверая документы, любопытный солдат высказался:

– Что, товарищи полковники, скоро наступать? Давно пора.

И так что-то долго засиделись.

Нам показалась странной такая прозорливость солдата. Ведь мы ехали на моей машине, а у Петрова было удостоверение на имя офицера нашей армии. Но пытливый боец по каким-то деталям узнал постороннего полковника и догадался о цели его появления.

О предстоящем наступлении много говорилось. Войска пополнились и отдохнули. Никто не сомневался, что наступать придется с плацдарма: не зря же его захватывали. Да и с фашистами надо было кончать.

Между тем в мировой печати и в передачах по радио высказывались настойчивые предположения, что вот-вот Красная армия нанесет следующий сокрушительный удар на Берлинском стратегическом направлении, где сосредоточены три мощных фронта под командованием самых выдающихся советских полководцев Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского и И.С. Конева.

С беспокойством и угрозами об этом распространялась и геббельсовская пропаганда. Одним словом, нашего наступления ожидали: мы – с надеждой и уверенностью в решительную победу, а гитлеровцы – с тревогой и отчаянием.

2

Над планированием новой наступательной операции штаб фронта работал уже с выходом войск на Вислу, но это держалось в строжайшей тайне даже от штабов армий. И вот в первых числах декабря в штаб фронта, располагавшийся в польском городе Седльце, был вызван командарм. Он получил задание на предварительную выработку решения на наступление. Мероприятие проводилось под видом учебы, документы помечались грифом «Учебно-секретно», но держались в строгом секрете даже от нас, операторов. К работе привлекались, кроме командарма, член Военного совета, начальник штаба и командующий артиллерией. Они закрывались в кабинете и работали без участия штаба. У нас, операторов, тайная работа начальников вызывала любопытство, и мы старались по обрывкам фраз, по отдельным словам, по любому жесту разгадать суть дела. Узнав от начальника топографического отделения, что начальник штаба потребовал чистые топокарты, я попросил принести и мне такие же карты, по которым определил примерное направление предстоящего наступления и стал мысленно прикидывать возможную полосу армии, чтобы быть хотя бы в общих чертах готовым к скорой работе над планом операции.

На 7 декабря, с соблюдением строгой секретности, к командующему фронтом маршалу Г.К. Жукову в Седльц были вызваны: командарм, член Военного совета, начальник штаба, командующий артиллерией. Те же должностные лица были вызваны и из других армий фронта, а также командиры отдельных танковых и кавалерийских корпусов. С ними проводилась трехдневная военная игра на картах с отработкой, якобы в учебном порядке, наступательной операции. «Игрой» руководил лично маршал Жуков. Участники не сомневались, что речь идет не о какой-то учебной, а о самой настоящей операции.

Материалы этой «военной игры» были положены в основу разработки плана наступления.

Штаб приступил к работе, круг привлеченных генералов и офицеров постепенно расширялся.

В середине декабря в штаб фронта выехала вторая группа: начальник штаба, начальник оперативного отдела, начальник разведки, начальник связи и начальник штаба артиллерии. Такие же представители приехали из всех армий. Под руководством начальника штаба фронта генерал-полковника М.С. Малинина мы уясняли поставленную задачу и работали над составлением оперативной части плана операции, базируясь на предварительном решении командующего. Особое внимание уделялось разработке плановой таблицы взаимодействия.

После самостоятельной работы над документами генерал М.С. Малинин в присутствии маршала Г.К. Жукова и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина заслушал поочередно доклады представителей всех армий. Плановую таблицу взаимодействия докладывали начальники оперативных отделов, а начальникам штабов по ходу дела ставились отдельные вопросы.

Дошла очередь до меня. Хотя над планом взаимодействия мы работали все вместе под руководством генерал-майора В.А. Белявского, писал документ я. Таблица получилась объемистой, а требовалось доложить коротко и четко, выразив самое главное и существенное. Главный удар фронт наносил с нашего плацдарма, поэтому к нам предъявлялись особо высокие требования, как к хозяевам исходного района. Идя к столу, за которым сидели маршал Г.К. Жуков и генералы М.С. Малинин и К.Ф. Телегин, я испытывал трепетное волнение: смогу ли толково доложить, удовлетворю ли требованиям. Когда я уже приближался к концу своего доклада, меня вдруг нетерпеливо прервал М.С. Малинин и стал высказывать претензии и замечания. Я совсем смешался. Но тут Г.К. Жуков вывел меня из затруднения.

– Дайте мне ваши бумаги, – сказал он спокойно. Маршал углубился в чтение, а я молчал. Молчал и генерал Малинин. В зале установилась гнетущая тишина; глаза присутствующих устремились на маршала. – Вы, Михал Сергеич, зря к нему придираетесь, – сказал с улыбкой маршал. – У него, я вижу, все правильно. А что еще надо усовершенствовать и уточнить, они доделают. Время есть. Я на 8-ю армию вполне полагаюсь. Садитесь, – добавил он, возвращая мне листы плановой таблицы.

У меня отлегло на сердце и посветлело. С приливом уверенности в своих силах я пошел на место.

Подводя итоги проделанной работы, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, в частности, сказал:

– Операция предстоит серьезная, невиданная по размаху. Кто будет полагаться на прошлые успехи, кичиться своими прежними заслугами, кто думает, что все знает и все может, тот глубоко и непоправимо ошибется и с задачей не справится. Давайте поработаем в полную силу, без зазнайства и самоуспокоенности. Не заглядывайте в бутылку. Это теперь, как никогда, недопустимо и опасно. Водка тянет к бабе, баба тянет на кровать, а кровать погружает в сон. Все проспите...

Говоря о соблюдении строжайшей секретности проводимых мероприятий, маршал потребовал, чтобы к работе допускались только те лица, которым это нужно для выполнения обязанностей, и только в необходимом объеме. Ничего лишнего.

– Ни слова трепачам, похваляющимся своей осведомленностью, – сказал он с заметным раздражением. – Все разболтают, и наши замыслы и намерения дойдут до гитлеровцев.

Он потребовал в открытой пропаганде, в армейской печати и листовках усилить призывы к укреплению обороны; о готовящемся наступлении – ни слова.

Через несколько дней мы получили выписку из оперативной директивы командующего фронтом уже без грифа «Учебное». В ней официально определялась конкретная задача армии: полоса наступления, участок прорыва, направления главного удара, силы и средства усиления и поддержки, соседи и их задачи, порядок взаимодействия, плотность артиллерии на главном направлении, порядок и продолжительность артподготовки, расход боеприпасов, ось перемещения командного пункта в ходе наступления и т. и. Задача расчленялась по рубежам на каждый из первых четырех дней, и далее указывалось, что на двенадцатый день операции армия должна овладеть рубежом город Згеж на уровне Лодзи. Город Лодзь не входил в полосу армии, а отстоял примерно на 6 километров за ее левой разгранлинией (с 69-й армией).

На основе проделанной работы в «учебном порядке» и оперативной директивы штаб при непосредственном участии командарма и под его руководством разработал окончательный вариант плана наступательной операции. Всю 120-километровую глубину операции мы спланировали по дням, указав рубежи выхода войск к исходу каждого дня. Темп продвижения получался в среднем 10–12 километров в сутки. Мы не ограничивались постановкой задач корпусам, а многое сделали за них. В частности, определили задачи каждой дивизии, указав и их боевой порядок в исходном положении, и распределение средств усиления и поддержки.

Задачи войскам ставились вначале устно. С командирами корпусов, дивизий и их штабами планы наступления и вопросы взаимодействия отрабатывались на картах, на макетах местности и непосредственно на местности. Письменные оперативные приказы корпусам были вручены за трое суток до наступления, а до личного состава конкретные задачи доводились за два-три часа до атаки.

Трудно описать всю ту массу мероприятий и степень напряжения командиров, штабов, политорганов и всего личного состава, предшествовавшую наступлению. Упомяну лишь о сложнейшей перегруппировке массы войск, проводившейся по ночам с целью скрытного занятия исходного положения. Армия под своим прикрытием должна была принять на плацдарм, пропустив по своим переправам, две общевойсковые армии (5-ю ударную и 61-ю), передать им большую часть плацдарма с мерами, обеспечивающими скрытность их появления. Надо было так же скрытно разместить на ограниченном пространстве огромную массу артиллерии, танков, снарядов и мин, развить линии связи и сеть дорог. И все это в зимних условиях, при промерзшем грунте. О той кропотливой работе, которую пришлось провести по уточнению и выявлению целей для уничтожения в период артподготовки, и говорить не приходится.

Не обходилось и без отдельных ошибок и упущений, приводивших к неприятностям и нервозности. Вот одна из них. При составлении частных оперативных приказов корпусам была допущена описка, не замеченная при подписании документов. Один из населенных пунктов на переднем крае между 29-м и 28-м корпусами был указан так, что он оказался вне полосы обоих корпусов. Разграничительная линия между ними расходилась примерно на полкилометра. С занятием исходного положения могло случиться так, что полукилометровый участок оказался бы никем не занятым. Ошибка могла быть принята в корпусах за уточнение разгранлинии. Проверая на месте правильность уяснения задачи в

29-м гв. ск за два дня до начала перегруппировки, я эту ошибку обнаружил, и она была исправлена. И все же начальник штаба корпуса полковник А. К. Козловицкий не утерпел и пожаловался командарму на эту небрежность штаба армии. Мне был сделан заслуженный упрек. В целом же, как показало наступление, со всеми подготовительными мероприятиями штаб армии вполне справился.

3

К оперативной директиве фронта и к плану операции в полном объеме допускалось пять человек: командарм, член Военного совета, начальник штаба, начальник оперативного отдела и командующий артиллерией. Остальные начальники и исполнители допускались в части касающейся. При этом документы требовалось исполнять только от руки: ни машинисток, ни чертежников привлекать не разрешалось. Поэтому мне, как младшему из допущенных в полном объеме, пришлось оперативную часть плана операции и директивы корпусам, а также оперативные карты и расчетные таблицы исполнять одному, используя по тем или иным вопросам справочные материалы, подготавливаемые по моему поручению отдельными исполнителями. Все пришлось изготавливать в двух экземплярах: один для штаба фронта и один для штаба армии.

Это была большая и кропотливая работа, и лишь мой четкий почерк, навыки в работе на карте, умение формулировать мысль и понимание образа мышления и требований командарма помогли мне справиться с заданием.

Несколько слов о решении командующего на операцию. Решение командующего, каким бы талантливым и опытным он ни был, не принимается по интуиции, хотя она и играет определенную роль в его выработке. Оно рождается в процессе кропотливой работы большого коллектива штаба, направляемой командующим. Но за ним остается последнее слово, как за единоначальником.

За свою многолетнюю службу мне приходилось работать с многими прославленными командующими армиями и округами, и я не знаю случая, когда бы командующий самостоятельно сформулировал и полно объявил свое решение на операцию, не прибегая к помощи штаба, его коллективного творчества. Да это и невозможно, ибо такая сложная акция просто непосильна одному человеку. Ведь известно, что решение вытекает из многих взаимозависимых факторов: глубокое и всестороннее уяснение поставленной задачи, оценка местности под углом зрения предстоящих действий, безошибочная оценка возможностей своих войск и противостоящего противника, учет взаимного расположения сторон, соотношения сил перед началом наступления и вероятного их изменения в ходе сражения, выбор формы маневра и мероприятий, обеспечивающих и облегчающих выполнение поставленных задач подчиненными войсками, и многое, многое другое.

Важнейшее влияние на решение имеет предвидение. Принимая решение и определяя замысел операции, командующий должен ясно себе представить, как будут развиваться события, порой как бы ставить себя в положение командующего противостоящей стороны и наперед разгадывать его контрмеры при том или ином маневре своих войск и как целесообразнее реагировать на эти контрмеры; быть своеобразным ясновидцем.

Неоценимое значение имеет и безошибочная, в высшей степени объективная, а не предвзятая оценка моральной стойкости, физической выносливости и боеспособности как своих войск, так и войск противника. Здесь тоже недопустимы ошибки и просчеты: ни недооценка, ни переоценка возможностей сторон не должны иметь места, ибо такие ошибки и просчеты могут привести к постановке подчиненным непосильных задач, что имеет огромное моральное и психологическое значение и может привести, в свою очередь, к тяжелым, непоправимым последствиям. Следовало учитывать в рассматриваемых условиях и то обстоятельство, что предстояло наступать по территории Польского государства,

томящегося под немецко-фашистским игом, что не могло не откладываться на решении известного политического отпечатка. Само собой разумеется, что такая огромная и сложная работа, требующая тщательных расчетов, анализа и обоснований, по плечу лишь хорошо подготовленному и слаженному штабному коллективу, на способность которого опираются разум и воля командующего.

Можно с уверенностью сказать, что командующий 8-й гв. армией генерал-полковник В.И. Чуйков обладал всеми необходимыми качествами, обеспечившими принятие целесообразного решения на наступление с Магнушевского плацдарма. Его штаб занимал достойное место в подготовке операции как орган управления войсками.

Справедливость требует, однако, отметить, что армия вырабатывала решение и осуществляла планирование операции не изолированно. Работа проводилась под общим руководством и недремлющим оком командующего фронтом и его штаба. Именно они определяли роль и задачу каждой армии, направление главного удара и участки прорыва, возглавляли планирование и следили за работой командующих и штабов армий.

Армии были поставлены в четкие рамки фронтовой операции, и их деятельность определялась этим. Поэтому не могло быть места грубым ошибкам или несоответствию замысла и плана армейской операции общему замыслу и идеям фронтового командования. Все это направляло и облегчало работу армейского штаба, оберегало от ошибок.

Так родился план наступательной операции 8-й гв. армии, как составная часть плана Варшавско-Познанской наступательной операции 1-го Белорусского фронта, проводившейся в рамках Висло-Одерской наступательной операции 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в январе – феврале 1945 года. При этом в процессе фронтовой операции 8-я гв. армия проводила несколько последовательных армейских операций без пауз.

Нелишне здесь напомнить краткое содержание Варшавско-Познанской операции 1-го Белорусского фронта, чтобы представить себе роль и место 8-й гв. армии, не умалив роли и значения других, входивших в состав фронта армий: 5-й ударной, 2-й и 1-й танковых, 33-й, 69-й и 61-й.

1-й Белорусский фронт, имея мощную общевойсковую и танковую группировку, наносил два глубоких рассекающих удара с двух плацдармов на западном берегу Вислы: с Магнушевского и Пулавского. Главный из этих ударов наносился с Магнушевского (северного) плацдарма. С него наступали три общевойсковые (61-я, 5-я уд. и 8-я гв.) армии, две танковые (1-я и 2-я гв.) армии и 2-й гв. кавкорпус в общем направлении на Кутно, Познань. С Пулавского (южного) плацдарма наносился второй удар силами двух общевойсковых (69-я и 33-я) армий, двух танковых (11-я и 9-я) корпусов и 7-го гв. кавкорпуса в направлении Радом – Лодзь. 47-я армия наносила вспомогательный удар севернее Варшавы. На четвертый день операции 1-я армия войска Польского вводилась в сражение с задачей, во взаимодействии с войсками 47, 61 и 2-й гв. танковой армий, овладеть Варшавой. Во втором эшелоне фронта была 3-я уд. армия, предназначенная для развития успеха в направлении Познань. Замысел операции заключался в том, чтобы глубокими рассекающими ударами раздробить группировку противника на изолированные части и уничтожить их. Этот замысел и был положен в основу создания ударных группировок.

Варшавско-Познанская операция была крупнейшей фронтовой операцией Великой Отечественной войны. В ней применялась не только огромная масса войск, но и все имевшиеся в распоряжении Красной армии технические средства в массовом масштабе. Она являлась важнейшей составной частью Висло-Одерской стратегической наступательной операции, политической целью которой ставилось завершение освобождения Польши и вторжение на территорию фашистской Германии. Кроме этого, она облегчала положение наших западных союзников по антигитлеровской коалиции, терпевших неудачи в Арденнах.

8-й гв. армии предстояло наступать в составе основной группировки фронта на направлении главного удара в тесном взаимодействии с 5-й уд. армией, наступавшей справа, и 69-й армией, наступавшей левее, а также с 1-й танковой и 16-й воздушной армиями. Она действовала на левом фланге магнушевской группировки в общем направлении Нове-Място, Озоркув.

Главные усилия на первом этапе операции направлялись на быстрый прорыв сильно укрепленной полевой обороны противостоящего противника.

На этом оперативном фоне и базировалась работа командующего и штаба армии. Замечу, что решение на прорыв обороны противника, форма маневра, построение боевых порядков войск и порядок артподготовки и поддержки атаки пехоты и танков не вкладывались ни в какие уставные оперативно-тактические нормы. Приходилось подходить к делу творчески, используя предыдущий боевой опыт, глубокие знания военного дела и логическое мышление. Дело в том, что армия такую сложную и многогранную операцию проводила впервые. Поэтому командованию и штабу пришлось столкнуться со многими новыми вопросами и условиями.

Противник ожидал наше наступление. Он мог в ночь перед атакой отвести свои войска с первой позиции обороны в глубину и вынудить нас провести мощную артподготовку по пустому месту. Чтобы не дать себя обмануть, мы применили военную хитрость. И это удалось. Был создан так называемый «особый эшелон». После 25-минутного огневого налета впереди главных сил предусматривалось наступление усиленных батальонов. При их успехе решено было полную артподготовку не проводить, а перейти к огневому сопровождению методом двойного огневого вала. И лишь при усилении сопротивления противника вводить главные силы дивизий первого эшелона. Хотя противник и не увел своих войск с переднего края, передовые батальоны имели успех и мы сэкономили основную массу боеприпасов, пригодившихся при развитии наступления.

Перед началом операции были и непредвиденные трудности. Для пропуска большой массы войск и танков на плацдарм мы построили дополнительно несколько низководных мостов через Вислу. Но в последние дни по реке пошла шуга и начала давить на мосты. Они дали крен. Допустить разрушение мостов значило сорвать наступление. Эта стихия вызвала большое беспокойство. Командарм несколько раз выезжал к мостам и лично вмешивался в мероприятия по спасению переправ. Опыт и настойчивость начальника инжвойск генерал-майора В.М. Ткаченко и самоотверженный труд личного состава инженерных частей смогли укрепить мосты и спасти положение.

Как бы там ни было, все обошлось благополучно и армия в ночь на 13 января завершила занятие исходного положения для наступления.

Коротко оно выглядело следующим образом. Наша армия занимала на левом фланге плацдарма 20 километров фронта, а прорыв осуществляла на семикилометровом участке. Остальное пространство прикрывалось незначительными силами. Дивизии первого эшелона имели очень узкие участки прорыва: 1–2 километра. Поэтому для своевременного наращивания сил пришлось строить глубокое эшелонирование соединений и частей: дивизии строились в два эшелона, а одна (88-я гв. сд) – в три. Полки располагались в три эшелона – батальон за батальоном; батальоны шли рота за ротой. Вместе с пехотой действовали танки и САУ непосредственной поддержки.

Таким образом, на узком и до предела ограниченном пространстве сгруппировалась большая масса войск, танков и артиллерии (236 орудий и минометов на километр фронта). Плацдарм оказался тесным. Артиллерийские орудия стояли колесо к колесу длинными многоярусными рядами. Между ними нельзя было проехать на машине. Оперативный отдел разработал и осуществил на местности план размещения боевых порядков, предусмотрев минимально необходимое количество проездов между артиллерийскими позициями для общения с

войсками и проверки готовности к атаке. Помнится, перед началом артподготовки я поехал на «Виллисе» по одному из этих проходов что-то перепроверить. Время истекало, и появилась опасность оказаться перед стволами орудий в момент первого залпа. И лишь благодаря виртуозному управлению машиной моего шофера сержанта Ивана Бузуева мы успели проскочить опасные места за полминуты до открытия огня.

Сложно было и организовать связь. Основным средством связи тогда были кабельно-телефонные линии. Была создана густая сеть проводов. Чтобы их не порвали танки и другие боевые машины, пришлось все кабели закапывать в мерзлую землю. Связисты, умело руководимые начальником связи полковником Черкасовым, его заместителем подполковником Прядехиным и командиром полка связи полковником Сахаровым, проделали колоссальную работу в короткие сроки.

Плотное расположение войск было чревато серьезными последствиями. В случае, если противник разгадал бы время нашей артподготовки и обрушился артиллерией на наши боевые порядки, иными словами – провел бы артиллерийскую контрподготовку, тогда бы каждый вражеский снаряд принес большие жертвы. Такая возможность не исключалась. Поэтому и это было предусмотрено заранее: от войск требовалось глубоко закопаться в землю и соблюдать строгую маскировку, а вся артиллерия держалась в готовности, чтобы с открытием огня противником немедленно начать артподготовку раньше намеченного времени. Но этого, к счастью, не случилось. Погода стояла пасмурная, нелетная, и авиация противника была лишена возможности наблюдать с воздуха наше исходное положение: в данном случае погода работала на нас. Благодаря бдительности и дисциплинированности личного состава и проведенным маскировочным мероприятиям, в том числе и обманного характера, фашистам не удалось разгадать начало наших активных действий.

13 и в ночь на 14 января мы проверяли готовность войск к наступлению: на места разъехались почти все офицеры оперативного, разведывательного, политического отделов и штабов родов войск. В помощь командирам и политработникам в обеспечении дружной атаки в каждый батальон первого эшелона были посланы офицеры оперативного и политического отделов, они должны были идти в атаку вместе с батальонами.

В ночь на 14 января командарм доложил маршалу Г.К. Жукову о готовности армии к наступлению и получил окончательное время начала артподготовки – 8 часов 30 минут 14 января.

Мы знали, что первоначально операция планировалась на 20 января, но в связи с просьбой западных союзников наше Верховное командование сократило сроки подготовки операции и ускорило удар на Варшавско-Познанском направлении. 1-й Украинский фронт начал наступление с Сандомирского плацдарма на два дня раньше.

Так была использована оперативная пауза на Висле осенью 1944 и в начале зимы 1945 года.

Глава 5 Прорыв

1

Ночь на 14 января выдалась абсолютно темной. Низко и, казалось, неподвижно висели плотные сплошные облака. КП армии накануне переместился на плацдарм и расположился в блиндажах, подготовленных заблаговременно в лесу в 3 километрах от переднего края. Впереди был оборудован наблюдательный пункт, на нем дежурили офицеры – операторы, разведчики, артиллеристы. Окрест стояла глубокая тишина, напоминавшая крылатую фразу: «Затишье перед бурей». Лишь время от времени кое-где в расположении противника тускло

вспыхивали и тут же поглощались мраком осветительные ракеты. Плотнo заплoтвившая плацдарм армада наших войск как бы застыла в беспoкoйном ожидании.

Все необходимые подготовительные мероприятия были завершены и проверены. Телефонные звонки почти умолкли: без крайней необходимости переговоры по телефону запрещались, а радиостанции держались только на приеме. Личный состав частей, кроме дежурившего в первой траншее и саперов, проделывавших проходы в минных заграждениях, отдыхал, набираясь сил перед предстоящим боем.

Надо было поспать и нам, штабным работникам, ибо неизвестно, когда после начала активных действий подвернется случай немного прикорнуть. Но обстановка не допускала такой роскоши для многих из нас. Командарм пошел в свой блиндаж отдохнуть, наказав мне бдительно следить за обстановкой и в случае чего будить его немедленно. Но и ему уснуть не удалось: он часто справлялся у меня по телефону, все ли в порядке. Начальник штаба уехал на НП и дежурил там.

Тревожиться было от чего. Под покровом ночи тихо и осторожно проводились последние работы, оставленные на ночь перед атакой: саперы проделывали проходы в минных полях. Если противник обнаружит этот факт, он может до начала нашей артподготовки провести по исходному положению артиллерийскую контрподготовку, чреватую серьезными последствиями. Поэтому наши артиллерийские группы контрбатареи борьбы держались в готовности к немедленному подавлению артиллерии противника. Чтобы не застать себя врасплох, командиры соединений и частей с оперативными группами штабов дежурили на своих командных и наблюдательных пунктах.

Все мы с напряжением ждали рассвета, сверив часы, чтобы в установленное время подать сигнал к началу артподготовки, после чего все тревоги останутся позади. В успехе операции мы не сомневались. Только бы не упредил противник!

Погода не прояснялась, и надежды на действия авиации не было никакой, хотя авиационные представители 16-й воздушной армии с радиостанциями наведения находились с нами на КП в готовности к работе, как только позволит видимость. Здесь уже погода работала против нас. И не только потому, что придется начинать операцию без авиации, но и потому, что не было возможности следить за резервами противника.

В ближайшей глубине у немцев располагались полнокровные 19-я и 25-я тд: одна из них в районе Радома, а другая – севернее. Но находятся ли они в прежних районах сейчас и куда двинутся с началом прорыва, мы не знали. А это было очень важно, ибо такие сильные дивизии, появившись они где-то на фланге армии, да еще неожиданно, могли принести большую неприятность. Следить за ними и своевременно докладывать об их маневре могла надежно только воздушная разведка.

А она не действовала. Я и начальник разведки подполковник А.П. Гладкий наметили предположительно несколько вариантов использования немецко-фашистским командованием этих резервов в ходе нашего наступления и необходимые меры армии по каждому из них. Но это были только гадания, не дававшие ничего конкретного. Командарм волновался, требуя от разведчика более определенных данных.

Авиация противника тоже не могла летать из-за погоды. Это в какой-то мере сопутствовало нашему успеху. Но наша авиация теперь безраздельно господствовала в воздухе, и летная погода была бы нам на руку.

Рассвет наступал медленно, время тянулось так, что казалось, стрелки часов стоят на месте.

От соседа справа – 5-й ударной армии сообщили о прибытии к ним на КП маршала Г.К. Жукова с группой генералов.

Мы ждали его к себе, но он предпочел находиться в армии, действовавшей в центре ударной группировки.

Тем временем из корпусов доложили, что задача до личного состава доведена, ступеньки в передней стенке первой траншеи для выхода пехоты сделаны, люди накормлены горячей пищей и получили на руки сухой паек, так как горячая пища, вероятнее всего, будет подана только вечером, с наступлением темноты. Полковник А.П. Черкасов со своими связистами последний раз проверил исправность связи. Он доложил, что телефонисты держат трубки аппаратов у уха, радиостанции настроены на волну раций штаба армии. Ждут сигнала.

И вот наконец медленно стало светать, наступал артиллерийский рассвет, хотя видимость оставалась крайне ограниченной. Стрелки часов приближались к половине девятого утра.

2

В 8 часов 30 минут 14 января по знаку командарма, не отрывавшего взгляда от стрелки часов, по всем средствам связи был подан установленный сигнал к началу артподготовки, сдублированный серией ракет с наблюдательных пунктов. Тишину разорвал шуршащий залп реактивных минометов («Катюши»), выдохнувших фейерверки ослепительного пламени. Вслед за ними ударила артиллерия. Земля вздрогнула, запульсировала, раздалась раскаты невообразимого грохота.

В расположении противника, сколько видит глаз, поднялись столбы пламени, взметнулись глыбы земли, полетели вверх бревна из перекрытий блиндажей. Вскоре все затянулось дымной пеленой, сквозь которую еле проглядывались фосфористые всплески огня. Свершилось! С этого момента операция стала неотвратимой, ее нельзя было уже ни задержать, ни отложить.

Огневой налет всей массы артиллерии по артиллерийским и минометным батареям противника, по опорным пунктам его обороны, траншеям, командным пунктам и по тактическим резервам на глубину 6–8 километров длился 25 минут.

Ошеломленный противник молчал: ни единого выстрела, ни вспышки ракеты. На наблюдательных пунктах люди, без какой-либо опаски, покинули укрытия и столпились на насыпях блиндажей, на брустверах траншей, наблюдая сказочную картину ожившего исполинским огнем исходного положения для наступления.

Назревал момент, когда командарм должен был принять окончательное и очень важное решение: продолжать полную, более чем полуторачасовую артподготовку или переходить к огневому валу для поддержки атаки «особых батальонов» – своеобразная разведка боем. Решение диктовалось первоначальным результатом атаки этих батальонов. Подается сигнал для атаки, артиллерия переходит к двойному 60-минутному огневому валу. Пехота вываливается из траншей и ускоренным шагом идет вперед. Пройдя через проходы в минных полях в колоннах, на первой траншее вражеской стороны ее обгоняют развернувшиеся в боевой порядок танки и САУ.

Противник продолжает молчать. Значит, артиллерия отлично сделала свое дело. Наступление продолжалось по первому варианту плана.

Преодолевая многочисленные препятствия – заграждения и воронки, передовые батальоны переваливают первую траншею врага на всем фронте атаки, они без остановки проходят вторую и третью траншеи и устремляются в районы основной массы артиллерийских позиций вражеской артиллерии. Командующий окончательно снимает вопрос о полной артподготовке и дает указание на выдвижение главных сил дивизий первого эшелона.

Появляются очумелые, оглушенные пленные, у многих из ушей струится кровь. В изрытой снарядами рыжей земле виднеются изуродованные и лежащие в самых невероятных позах трупы вражеских солдат, одетых в запачканные глиной зеленоватые шинели.

При подходе наступающих к второй позиции противника его оборона начинает оживать, интенсивность огня с противостоящей стороны нарастает. То там, то здесь пламенеют длинные пулеметные очереди, из глубины загрохотала артиллерия и хлопки минометов, в боевых порядках наших частей рвутся серии снарядов и мин. Некоторые наши танки останавливаются и горят. Но подходят главные силы, наращивают усилия, и наступление продолжается. Бой принимает напряженный характер.

Генерал-полковник В.И. Чуйков с членом Военного совета, начальником штаба, командующими родами войск и группой офицеров штаба (ПКП) выезжает вперед, переключившись на радиосвязь. Но в эфире царит полный хаос; русская речь перемешалась с немецкой, тревожно картавящей на всех диапазонах волн. Командиры вражеских частей взывают о помощи и просят указаний. Я остаюсь за старшего на основном КП, поддерживая связь со штабом фронта, соседними армиями и штабами корпусов. Время от времени ловлю по осевой телефоннокабельной линии, прокладываемой связистами, командующего или начальника штаба и докладываю интересующие их вопросы, получаю те или иные указания.

С развитием наступления левый фланг армии, на котором действовал 4-й гв. ск генерал-лейтенанта В.А. Глазунова, растягивается и фактически оголяется. Требовалось тщательно следить, не подтягивает ли противник сюда резервы для контрудара.

Перед 4-м гв. корпусом стояла очень ответственная задача, усложнявшаяся с каждым часом, так как он главными силами участвовал в прорыве, а часть сил растягивал на левом фланге, безопасность которого во многом зависела от успехов 69-й армии, наступавшей с Пулавского плацдарма. Поэтому мне пришлось держать особо тесную связь со штабом этой армии и следить, как развиваются события там.

В этой связи следует напомнить, что по западному берегу Вислы между Магнушевским и Пулавским плацдармами, то есть между нашей 8-й гв. и 69-й армиями, оборонялась 45-я немецкая пехотная дивизия примерно на 40-километровом фронте, оставшаяся нетронутой между двумя ударами. Она беспрепятственно могла свести свои растянутые части в кулак и нанести удар по флангу нашего левофлангового корпуса. Но этого не случилось. Дивизия, не получив приказа на этот счет, бездействовала более суток, оставаясь на Висле. А потом уже было поздно что-либо серьезное предпринять, кроме как, будучи глубоко обойденной с обоих флангов, начать поспешный отход на запад, стремясь избежать полного окружения. Несколько страховало положение нашего левого фланга и то обстоятельство, что наступление 69-й армии генерал-полковника В.Я. Колпакчи развивалось стремительнее, чем наше; это угрожало тылу 45 пд, и ей было не до контратак.

За день напряженного боя наши 29-й и 28-й корпуса продвинулись на 12 километров, фактически прорвав первую (главную) полосу вражеской обороны на всю глубину. 4-й гв. ск своим правым флангом углубился в оборону противника до 8 километров, а справа 5-я уд. армия продвинулась на 12–14 километров во всей своей полосе.

К исходу дня темп продвижения стал замедляться, сопротивление противника стало принимать более организованный характер. По показаниям пленных, перед фронтом 29-го гв. ск, наступавшего в центре оперативного построения армии, и на стыке с 4-м гв. ск появились передовые части 19-й танковой дивизии противника, ее танки пытаются огнем с места остановить наше наступление. Командир корпуса генерал-майор А.Д. Шеменков с беспокойством доложил командарму, что продвижение его частей фактически остановлено. Он просил усилить поддержку армейской артиллерийской группой. Зато правофланговый 28-й гв. ск генерал-лейтенанта А.И. Рыжова, действовавший в тесном взаимодействии с войсками 5-й уд. армии, продолжал продвигаться вперед.

Стало быстро темнеть. Мы приступили к уточнению задач корпусам на развитие наступления ночью. Но тут маршал Г.К. Жуков позвонил по телефону В.И. Чуйкову и,

высказав удовлетворение результатами дня, дал указание прекратить наступление, чего мы никак не ожидали.

– Ночью наступать не будем, – сказал он коротко. – Приведите в порядок войска, людей накормить и дать им отдых. Вести разведку. Подтянуть артиллерию и тылы, переместить оставшиеся от артподготовки снаряды вперед и подготовиться к продолжению наступления с утра.

Командиры, политработники и штабы всех степеней, воодушевленные такой заботой о сохранении сил личного состава и похвалой строгого маршала, с большим энтузиазмом и напряжением за ночь выполнили все необходимые мероприятия. Особенно много пришлось потрудиться артиллерии генерал-лейтенанта Н.М. Пожарского и его штабу, возглавляемому полковником В.Ф. Хижняковым.

1-я танковая армия генерал-полковника М.Е. Катукова за наступившую ночь была переведена на плацдарм, ее передовые отряды подтянулись к переднему краю в готовности к вводу в сражение.

Перед рассветом, еще в непроницаемой темноте, был проведен мощный 40-минутный артналет всей артиллерией по узлам сопротивления, артпозициям, вероятным местам расположения тактических резервов противника. Цели не были в достаточной мере разведаны – не было светлого времени, и стрельба проводилась в основном по площади; сэкономленные снаряды позволяли такую роскошь. Получилось удачнее удачного. Изготовившаяся для контратаки 19-я танковая дивизия была упреждена в действиях и попала под губительный огонь нашей артиллерии. Она не только не смогла контратаковать, но ее части были как бы смешаны с землей. Когда я позже проезжал по этой местности, глазам предстала ужасная картина: всюду валялись разбитые и сгоревшие танки этой дивизии, перевернутые и часто с сорванными стволами орудия, растерзанные трупы фашистов, брошенное стрелковое оружие. Попадались и исправные орудия и машины, брошенные расчетами и экипажами. Брешь в обороне противника была пробита окончательно.

3

С рассветом 15 января наступление возобновилось с новой силой. Противник на направление главного удара фронта подтянул из резерва 40-й тк и предпринял контратаку, но она была отбита с ходу.

Таким образом, в первой половине дня прорыв тактической зоны обороны противника в полосе нашей армии был завершен. В образовавшуюся брешь в середине дня вошла 1-я гв. танковая армия, устремившаяся в оперативную глубину вражеской обороны. Первое время ее соединения шли вместе с нашими войсками, что сильно усложняло управление, но затем танкисты вырвались вперед.

11-й и 9-й тк, введенные в прорыв с Пулавского плацдарма в первый день, к исходу 15 января вышли в район Рад ома и в ночном бою овладели городом. 16 января в полосе 5-й уд. армии была введена 2-я танковая армия, а 47-я армия севернее Варшавы форсировала Вислу.

С успешным продвижением в глубину танковых армий и форсированием реки Пилицы войсками 61-й армии пути отхода на запад варшавской группировки противника были перехвачены. С 16 января погода прояснилась и авиация 16-й воздушной армии начала наносить массированные удары по противнику, хорошо прикрывая с воздуха и поддерживая наступление армий. Все это создало благоприятные условия для освобождения Варшавы войсками 47-й и 61-й армий и 1-й армией войска Польского 17 января без затяжного штурма.

С 18 января противник на Варшавско-Познанском направлении фактически прекратил организованное сопротивление и начал отход по всему фронту. Наши войска перешли к преследованию, часто обгоняя отступающего врага.

На этом оперативно-стратегическом фоне и проходило наступление 8-й гв. армии.

После прорыва тактической зоны обороны в полосе нашей армии началось безостановочное движение вперед. 17 января 82-я дивизия под командованием генерал-майора Г.И. Хетагурова форсировала реку Пилицу и с ходу заняла Рава-Мазовецкую, а 35-я гв. дивизия овладела городом Нове-Място, куда утром 17 января переместился наш ПКП во главе с генералом В.И. Чуйковым. Я со штабом в ночь на 18 января тоже прибыл в этот пункт, соединившись с ПКП.

Я с основным КП, а это была фактически небольшая группа офицеров и связистов, мог перемещаться вперед только тогда, когда на новом месте были готовы устойчивые связи со штабом фронта, особенно телеграфные и ВЧ. Без этого начальник штаба фронта перемещаться не разрешал, чтобы не потерять связи с армией. Дело в том, что радиосвязь считалась ненадежной, а потому второстепенной: с наступлением темноты по радио связаться часто было невозможно.

В связи с быстрым продвижением войск осевая телефонно-кабельная линия отставала и мне приходилось задерживаться на старом месте дольше, чем хотелось. Одной из важных причин отставания осевой линии от ПКП было следующее обстоятельство. Примерно по центру полосы наступления армии шла линия телеграфных столбов с множеством проводов, использовавшихся немецким командованием. Наши связисты с самого начала планировали воспользоваться готовыми столбами и проводами в ходе наступления. Но противник учитывал это. При отступлении он подрывал столбы взрывчаткой у основания и рвал проволоку. Пришлось снова ставить эти столбы и натягивать провода. Земля была мерзлой и с трудом поддавалась лопатам связистов. Чтобы ускорить темп восстановления связи, мы вынуждены были выделять в помощь связистам саперов и пехотинцев. Для руководства работами я послал на линию чуть ли не всех офицеров штаба, бывших в моем распоряжении, – они тоже брали лопаты или ломы и долбили окостенелую землю. Это несколько ускорило дело, но полностью проблему не решило, ибо темп наступления превышал запланированный более чем в два раза. Со старого КП я сначала отправлял обычно остававшиеся со мной высвобождавшиеся средства связи и личный состав штаба, а сам уезжал последним, закрывая связь. Так было и в ночь на 18 января. Взяв с собой в машину майора Трусова, ординарца Илью Кинякина и машинистку Н. Разинову, я поехал на новый КП. Проезжая через лес по хорошо накатанной дороге, мы неожиданно напоролась на большую группу немецких солдат, плотной толпой в несколько сот человек переходивших дорогу. Немцы были вооружены автоматами, пулеметами и головастыми фаустпатронами; у многих на боку висели ручные гранаты с длинными деревянными черенками. Шофер Иван Бузиев, проезжая сквозь толпу, моргал фарами, сбавив скорость.

– Езжай ровно, внимательно, ни на кого не наскочи, – сказал я водителю вполголоса.

Немцы трусцой сбегали с дороги перед самой машиной, освобождая путь. Когда толпа осталась позади, шофер рванул вперед и, облегченно вздохнув, проговорил:

– Вы, товарищ полковник, заметили, что это немцы?

Как тут было не заметить? И все же я только теперь глубоко осознал серьезность положения, в котором мы были оказались. Ведь мы еле не попали в руки врага. По спине пробежал холодный ветерок. «Вот как глупо можно погибнуть! Без какой-либо пользы», – проскочила мысль. Погибать или попадать в руки фашистов, конечно, не хотелось. Но главное было не только в этом. Со мной четыре человека, неизбежно разделившие бы мою незавидную участь. К тому же в машине находился легкий железный ящик с секретными документами, важнейшим из которых был план операции. Уничтожить их в создавшейся ситуации исключалась всякая возможность. К счастью, все обошлось благополучно. Уходящим по нашим тылам немцам было не до нас. Они стремились как можно скорее и безопаснее выйти к своим войскам: ни задерживаться, ни вступать в бои в их планы, видно, не входило. А

может, они приняли нас в темноте за своих соотечественников? Как бы там ни было, но они нас не тронули. Как вскоре выяснилось, это был один из полков 45-й пехотной дивизии, отходившей с Вислы. Как уже упоминалось, 45-я пд, оборонявшаяся по западному берегу Вислы между плацдармами, будучи глубоко обойденной с обеих сторон и боясь окружения, бросила занимаемый рубеж, тяжелое вооружение и транспорт и устремилась на запад по нашим тылам, избегая ввязываться в бесполезные бои.

Был и другой подобный случай, связанный с отходом этой немецкой дивизии. В ту же ночь перемещался штаб нашего 4-го корпуса. В пути следования колонна штаба догнала какую-то автоколонну и двигалась вплотную за ней. Вдруг неизвестная колонна, принятая за свою, остановилась и долго не трогалась. Командир корпуса генерал-лейтенант В.А. Глазунов послал вперед офицера выяснить причину задержки и принять меры к продолжению движения. Подойдя к задней машине, офицер обнаружил в ней немцев. Штаб корпуса спокойно свернул с забитой противником дороги, обошел слева и продолжал путь.

В районе Бялобжеги наши войска преградили пути отхода частей 45-й пд и в коротком, но ожесточенном бою разгромили их, взяв сотни пленных, среди которых оказался начальник артиллерии дивизии, он же командир артполка, артиллерийский подполковник без руки. Командир 39-й гв. сд полковник Е.Т. Марченко, коротко допросив безрукого пленного, направил его на КП армии. Начальник разведки подполковник А.П. Гладкий предложил мне поговорить с пленным офицером. Немец вел себя спокойно, уверовав в неизбежное поражение фашистской Германии и позорный провал дела, за которое так рьяно боролся. Он с готовностью отвечал на все вопросы, говорил даже больше того, о чем его спрашивали. Пленный с нескрываемой заинтересованностью осведомился, взяли ли мы в плен генерала, командира его дивизии. Ему ответили, что не взяли.

– Как же так? – удивился безрукий подполковник. – Ведь мы были вместе до последней минуты. Неужели ему удалось улизнуть? Надо его поискать в лесу, он не мог далеко уйти.

Вскоре мы получили непроверенные данные, что командир 45-й пд убит. Пленный подполковник сообщил с сожалением, что он потерял руку в бою под Москвой осенью 1941 года и после излечения служил в Норвегии. Когда немецкая армия на Восточном фронте стала терпеть одну неудачу за другой, он попросился на советско-германский фронт, чтобы продолжать борьбу там, где решалась судьба Германии.

– И вот результат... – проговорил он сокрушенно.

Тем временем наше наступление после овладения рубежом реки Пилицы в районе Нове-Място и узлом дорог Рава-Мазовецкая продолжалось еще стремительнее. Армия перешла к неотступному преследованию отходящего в беспорядке противника, на ряде направлений обгоняя его отступающие части.

Глава 6 Развитие успеха

1

Быстрый прорыв тактической зоны обороны противника на Висле определил успех всей Варшавско-Познанской операции. Оборонявшиеся здесь главные силы 9-й полевой армии немцев были глубоко рассечены на изолированные группы и частью уничтожены в ходе прорыва, а частью, будучи обойденными нашими войсками, остались между клиньями и неорганизованно отходили на запад, не вступая в серьезные бои.

Уже на третий-четвертый день отступление вражеских войск приняло характер панического бегства. В ряде мест образовались пробки и столпотворение. Так, например, левее нас 69-я

армия развивала наступление на Радом, а мы частью сил 4 гв. ск с танковой группой из трех танковых полков ударом с северо-востока содействовали ей в овладении городом. Когда в районе Радома оставалась небольшая горловина, которая должна была вот-вот закрыться и захлестнуть отходящих через Радом гитлеровцев, немцы, стремясь как можно скорее ускользнуть на запад, боясь окружения, столпились в узких местах, забили дороги, образовав пробки, затруднявшие отход.

Несмотря на низкую сплошную облачность, два наших разведывательных самолета сумели пробить плотные облака и пролететь над Радомом у самой земли. Они увидели огромное скопление вражеских войск, машин и боевой техники. Получив эти сведения от отважных летчиков, войска 69-й армии и нашего 4-го гв. корпуса усилили натиск и буквально перемешались с немцами. Захвачено сотни пленных и большое количество вооружения и транспортных средств. Радом был освобожден.

После входа в прорыв 1-й гв. танковой армии наши 28-й и 29-й гв. корпуса, наступавшие в тесном взаимодействии с 5-й уд. армией, устремились за танкистами и уже на шестой день вышли на уровень Лодзи, захватив с ходу город Згеж. В среднем мы продвигались в два раза быстрее, чем было предусмотрено планом операции. Поспешно отступающий враг не успевал портить дороги, взрывать мосты и разрушать населенные пункты, как он обычно поступал. Линии телеграфных столбов с проводами теперь доставались нам почти нетронутыми, что облегчало труд связистам, и они намного ускорили восстановление осевой линии связи. Освобождаемые нами польские населенные пункты оставались целыми, ибо часто захватывались нашими передовыми частями без боя. Местное население восторженно встречало советских воинов-освободителей, которые, не задерживаясь, шли вперед.

Как и всегда, не обходилось без солдатской смекалки и находчивости. Для облегчения движения наши пехотинцы предпочитали ехать, а не идти все время пешком: в ногах правды нет, говорили они. Использовались самые разнообразные транспортные средства: трофейные автомобили, повозки, запряженные брошенными противником или бесхозными лошадьми, велосипеды и даже извозчичьи экипажи допотопного вида, неизвестно откуда появившиеся. Нашему командованию такая самодеятельность не нравилась: считалось, что неорганизованное использование местных средств передвижения связывало руки людям и снижало боеспособность войск. Поэтому мы иногда отдавали распоряжения о наведении порядка в этом деле. Но требования действовали недолго, и все снова принимало прежнюю картину. Да мы и не очень настаивали и не особенно строго контролировали: смотрели на своеобразную инициативу солдат сквозь пальцы. В конечном итоге такая находчивость в какой-то мере сберегала силы личного состава и увеличивала маневренность пехоты.

К исходу дня 18 января передовые части нашей армии, используя успех 1-й гв. танковой армии, резко вырвавшейся вперед, оказались примерно в 20 километрах от города Лодзь. Этот важный промышленный польский город и узел дорог не входил в полосу нашей армии, а был в полосе соседней слева 69-й армии, несколько левее нашей разграничительной линии с ней. Поэтому в плане операции нами не предусматривался захват Лодзи. Но вдруг у командарма родилась идея с ходу овладеть городом, частью сил войдя в полосу соседа слева. Эта идея, по-видимому, была вызвана тем обстоятельством, что 69-я армия шла уступом сзади, несколько отставая от уровня наших передовых частей. Хотя темп ее продвижения был не меньше нашего, но ее исходное положение отстояло намного дальше от Лодзи, чем наше, этим и объяснялось ее некоторое отставание. Тем не менее 11-й танковый корпус, приданный 69-й армии, вырвался вперед и вот-вот мог ворваться в город. Чтобы появиться там первыми, нельзя было терять ни минуты.

И все же, загоревшись желанием захватить Лодзь, генерал-полковник В.И. Чуйков колебался. В нем боролись два противоположных мнения. С одной стороны, овладеть таким заманчивым объектом, да еще, вероятно, почти не защищенным противником, подмывало, вырисовываясь как дело престижа.

А с другой стороны, надо было вторгаться в чужую полосу и, возможно, ввязываться в затяжной бой в крупном городе, если противник вдруг окажется способным упорно его оборонять, что таило в себе нежелательные последствия: отвлечение части сил, возможно даже значительной, от выполнения поставленной официально задачи и потеря времени. А отсюда недовольство командования фронтом. Можно было бы предварительно спросить разрешения у командующего фронтом на поворот части сил армии на Лодзь, но результат не вызывал сомнения: маршал Г.К. Жуков наверняка бы такого разрешения не дал. Тогда мысль ударить на Лодзь повисла бы в воздухе, дороги к городу были бы окончательно отрезаны и он достался бы генералу Колпакчи.

Размышляя над овладевшей им идеей, В.И. Чуйков вызвал меня и начальника разведки подполковника А.П. Гладкого. У него находились член Военного совета генерал-майор А.М. Пронин и начальник штаба генерал-майор В.А. Белявский. Видимо, они обсуждали этот щепетильный вопрос.

– Я решил вырвать из-под носа Колпакчи Лодзь. Что на это скажут оператор и разведчик? – сказал командарм, многозначительно подмигнув.

– Захватим город запросто, товарищ командующий, – поспешил вставить В.А. Белявский. Не было сомнений, что начальник штаба этой фразой хотел направить мысль своих подчиненных, подсказав нам линию поведения. Мы это хорошо понимали, так как В.А. Белявский всегда старался подхватить и поддержать любую идею командарма, лишь бы не противоречить ему и не вызывать неудовольствия.

Первым высказался А.П. Гладкий:

– С точки зрения оценки противника захват Лодзи не представляет труда. Немцам в данный момент нечем оборонять город. В ближайшем районе у них нет никаких значительных резервов. А поспешно отходящие разрозненные части разбитых дивизий оказать организованное сопротивление не в состоянии: они бегут на запад не задерживаясь. Тем не менее если имеет значение мое предложение, то я бы не советовал лезть в город, тем более что это не наш объект. Надо развивать преследование, не давая противнику организовываться и приводить в порядок отступающие войска. А Лодзь сам по себе через несколько часов будет в руках 69-й армии...

– А вы что скажете? – сурово и недовольно, прервав разведчика, обратился командарм ко мне.

– Я придерживаюсь того же мнения, что и разведчик, – отвечаю. – Зачем отвлекать силы на выполнение задачи, которая нам не поставлена. Лодзь мы возьмем, в этом сомнений нет. Но надо будет оставлять в этом огромном городе какой-то гарнизон, брать на себя лишние заботы и расходовать силы. Пусть этим занимается тот, на кого возложено. Да и следует ли нарушать разгранлинию, входить в чужую полосу без разрешения фронта? Не лучше ли выполнять поставленную задачу и не вносить путаницу?..

Сказав последнюю фразу, я спохватился, что допустил опрометчивую бестактность. И я не ошибся. Командарм вспыхнул:

– Задачу надо выполнять творчески, а не держаться ее, как слепой стенки!

Разграничительная линия не непреодолимая стена: она дается для общей ориентировки. Вы что, хотите, чтобы, опираясь на Лодзь, фашисты нанесли контрудар по моему левому флангу и вся операция была скомпрометирована? Я не хочу с опаской оглядываться на Лодзь, следуя слепо на запад. К тому же я не собираюсь отвлекать много сил и задерживаться. Главные силы пусть продолжают преследование. Вы лучше скажите, кого пошлем на Лодзь? А за переход разгранлинии отвечаю я, а не вы!..

– Армейскую танковую группу пошлем, товарищ командующий. Вы правильно решили, – тут же высказал свое мнение начальник штаба, взглянув на меня с упреком.

Я не мог не учитывать, что когда дело касается престижа, то генерал В.И. Чуйков не отступится.

– Танковой группы мало, – возразил я, делая вид, что возражаю не командующему, а начальнику штаба. – Она с задачей не справится. Кто загоняет танки в крупный город без пехоты? Генерал Вайнруб вот уже которые сутки возится с этой группой и ни разу не оторвался от пехоты.

Я сказал правду. Созданная из трех малочисленных танковых полков импровизированная группа, не предусматривавшаяся при планировании операции, сначала получила задачу обогнать пехоту в ходе прорыва и захватить часть второй полосы обороны противника, но справиться с задачей не смогла. Потом она направлялась для действий совместно с 4-м гв. корпусом в направлении Радома для содействия 69-й армии в овладении городом, но и на этот раз наступала в боевых порядках пехоты, не сумев обогнать ее. Этой группой было трудно управлять и поддерживать ее действия артиллерией, так как руководивший ею командующий БТ и МВ генерал-майор М.Г. Вайнруб не имел для этого ни достаточных средств управления, ни работоспособного штаба.

Командарм знал это не хуже меня, высказывал неудовольствие своему любимцу генералу Вайнрубу и поэтому не нашел нужным опровергать мое мнение.

– Что же вы предлагаете? – спросил он нетерпеливо.

– Если брать Лодзь, то вместе с танковой группой направить дивизию.

– Какую?

Я уловил, что командарм согласен с моим предложением. Взглянув на карту, я предложил 82-ю гв. дивизию 29-го гв. ск, ближе всего находившуюся в данный момент от Лодзи, ее командир генерал-майор Г.И. Хетагуров наиболее подходил для решения этой задачи, как человек, обладавший самостоятельностью.

– Эта дивизия в 20 километрах от города. Думаю, что она, несмотря на усталость личного состава, к утру преодолет это расстояние и с рассветом ворвется в Лодзь.

– Готовьте распоряжение Хетагурову и Шеменкову. А я предварительно поставлю им задачу по телефону, – уже спокойно распорядился командарм. – Шеменкову надо быть готовым повернуть на Лодзь весь корпус, если Хетагуров не справится. Проследите лично. Утром я должен доложить маршалу Жукову о взятии Лодзи.

82-я дивизия задачу выполнила. С рассветом 19 января совместно с армейской танковой группой она вошла в Лодзь без серьезного боя, рассеяв незначительные группы противника на подступах к городу. Никаких оборонительных сооружений как вокруг, так и в самом городе не было. Лишь кое-где из чердаков массивных зданий раздавались отдельные автоматные очереди, одной из которых генерал М.Г. Вайнруб был ранен, стоя открыто у танка.

В городе не было заметно никаких разрушений. Высыпавшие на улицы местные жители восторженно приветствовали наших солдат.

Вскоре через Лодзь прошел и весь 29-й гв. ск, не встретив сопротивления. Его 74-я гв. дивизия под командованием генерал-майора Д.Е. Баканова встретила с противником лишь в 12 километрах западнее города, безуспешно пытавшимся преградить ей путь.

Справедливости ради следует отметить, что несколько раньше, в ночь на 19 января, на юго-западную окраину города вошла 20-я танковая бригада 11-го танкового корпуса, действовавшего с Пулавского плацдарма совместно с 69-й армией. Бригадой командовал полковник Николай Павлович Константинов. В городе она сделала небольшой привал и пошла дальше. Так что ко времени вступления в город частей нашей армии там ее уже не было.

Чтобы вовремя доложить в штаб фронта о взятии Лодзи, я, по приказанию командарма, еще с вечера послал в 82-ю дивизию майора И.Е. Велькина с радиостанцией. Подъехав к городу и убедившись, что в него вступили наши войска, он открытым текстом передал об успехе в штабы фронта и армии. Командарм был доволен. Прибыв в Лодзь по горячим следам, генерал назначил комендантом города командира 29-го гв. корпуса генерал-майора А.Д. Шеменкова, оставшегося в Лодзи с небольшим подразделением; его корпус без задержки продолжал движение на запад. Через некоторое время командарм, не сумев связаться ни по телефону, ни по радио с генералом Шеменковым, спросил у меня, где командир 29-го корпуса. Я сказал, что в Лодзи. Обругав Шеменкова заочно, а меня лично, В.И. Чуйков приказал мне немедленно выехать в Лодзь, отыскать отставшего комкора и гнать его к своим наступающим войскам. Я нашел генерала Шеменкова в комфортабельной, но пустой гостинице в центре города. Он полулежал на широкой кровати, утопая в пышных перинах, пил кофе и отдавал двум офицерам какие-то распоряжения. Выяснилось, что комкор слишком буквально понял свое назначение комендантом города и рьяно взялся за дело, считая, что на какое-то время он освобожден от ответственности за корпус. Услышав о цели моего приезда, генерал забеспокоился, быстро собрался и, выяснив у меня, где ему искать свой штаб, уехал догонять свой корпус, оставив за коменданта города одного из офицеров.

Воспользовавшись случаем, я проехал по городу и бегло осмотрел его центральную часть. Осмотр оставил у меня следующее впечатление. Лодзь – это один из довольно больших польских городов с развитой промышленностью, преимущественно легкой. Город красивый и во всех отношениях аккуратный, с прямолинейной планировкой и четко очерченными кварталами красивых массивных зданий. По середине города проходил широкий, точно прочерченный по линейке проспект. Перпендикулярно его пересекали также прямые улицы. Война его пощадила, так что не было заметно следов бомбежки и артиллерийского обстрела. Он был освобожден от фашистов настолько быстро и внезапно, что они не смогли ничего уничтожить, не успели вывезти материальные запасы из огромных складов и многочисленных магазинов, даже витрины в которых остались целыми. Жителей на улицах виднелось немного. Они не торопясь занимались своими обычными делами, будто не было никакой войны: кто подметал улицу или двор, кто выносил мусор, кто возился у магазина, обновляя витрину или вывеску. Словом, во всем чувствовалось спокойствие и уверенность в завтрашнем дне городских жителей, обретших свободу и избавление от немецко-фашистских поработителей. «Счастливый город, – подумалось мне. – Ему удалось выйти целым и почти невредимым из страшной военной пучины». Это, конечно, было чисто внешнее впечатление.

Я счел нужным более или менее подробно обрисовать события, связанные с освобождением Лодзи, потому что этот город явился прецедентом освобождения города и крепости Познань. Но там сложилась совсем другая обстановка, о чем будет рассказано несколько позже.

2

С выходом на рубеж Озоркув – Згеж – Лодзь наша армия получила новую задачу: начиналась новая (следующая) армейская операция без паузы. Главный ее смысл заключался в продолжении наступления на запад к реке Одере. Нам были указаны новые, а вернее, продлены разграничительные линии. Планировать новую наступательную операцию нужды не было.

Штаб армии ограничился постановкой задач корпусам и дивизиям, указав им направления дальнейшего наступления, полосы действий и ось перемещения командных пунктов. В последующем задачи войскам уточняли ежедневно, с учетом итогов дня.

КП армии переместился из Бжезины в Озоркув, войска продолжали преследование отходящих частей противника. При этом действия наших войск носили характер параллельного преследования: мы шли по основным дорогам, а немцы уходили по проселкам

между этими дорогами через леса и мелкие населенные пункты, нередко оставаясь в тылу наших войск.

В перспективе армии надлежало стремительно выйти к Одеру и форсировать реку южнее Кюстрина, упредив противника в выходе на этот важный рубеж. По всем данным, между Лодзью и Одером на направлении наступления армии крупных резервов, способных оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление, не отмечалось. Следовательно, с точки зрения оценки противника условия выхода к Одеру для армии складывались благоприятно, тем более что впереди на некоторых направлениях действовали соединения 1-й гв. танковой армии. Танкисты то отрывались от наших передовых частей, то некоторое время задерживались, и войска армии их догоняли и обеспечивали продвижение через те или иные препятствия, действуя совместно.

Вследствие больших темпов продвижения войск КП армии перемещался, как правило, ежедневно, размещаясь в населенных пунктах. Польское население охотно предоставляло нам свои дома. Сначала вперед уходил ПКП во главе с командармом, с ним почти всегда уезжал и начальник штаба. А я, до готовности устойчивой проводной связи с КП фронта на новом месте, оставался на основном КП. Переезжать приходилось преимущественно ночью.

Нередко получалось так, что я с несколькими офицерами, небольшой частью узла связи и малочисленной охраной (10–15 человек) для получения разрешения штаба фронта на перемещение вынужден был задерживаться до глубокой ночи, оказываясь в тылу своих войск, где боевых частей не было. Учитывая, что по нашим тылам отходили разрозненные части противника, возглавляемая мной часть армейского штаба оказывалась иногда в крайне опасном положении, почти беззащитной. Приведу лишь один пример. Это случилось в небольшом польском городке Коло. Я получил команду свернуть КП и срочно переезжать в Конин, где разместился ПКП, и полностью взял на себя управление войсками и связь со штабом фронта. Шел двенадцатый час непроглядной ночи. В последний момент перед самым закрытием связи ко мне ворвался встревоженный офицер-связист и впопыхах доложил, что к городу с юго-востока подходит большая группа немецких солдат. Он точно не определил их число, но видел, дескать, что много и с оружием. «Пожалуй, около полка», – сказал связист.

Его тревога передалась мне. Что делать? Нельзя же допустить, чтобы штаб разгромили недобитые фашисты. Ведь они, если узнают, что натолкнулись на часть армейского штаба и что поблизости нет боевых частей для ее защиты, без труда и какого бы то ни было риска захватят незащищенный городок и уничтожат наш личный состав и средства связи. К тому же в их руки могут попасть наши секретные документы. Надо принимать меры, чтобы этого не случилось. Но как?

Не успел я среагировать и принять решение, как раздался телефонный звонок с ПКП. Говорил начальник штаба генерал-майор В.А. Белявский. Ему кто-то из связистов успел сообщить по телефону о назревающей опасности. Генерал с нескрываемым сочувствием сказал, что помочь нам нечем. Принимайте, дескать, меры к спасению исходя из обстановки. В случае чего уничтожьте секретные документы, особенно план операции, и решайте сами по обстоятельствам. О том, чтобы уйти из-под самого носа противника с тяжелыми радиостанциями и машинами с имуществом штаба и узла связи, нельзя было и подумать. А опасность катастрофически нарастала. Надо было действовать немедленно, без размышлений. Не теряя ни минуты, я посадил в грузовик десять солдат связистов и стрелков охраны во главе с лейтенантом-связистом, вооруженных карабинами и одним ручным пулеметом, и направил эту импровизированную боевую группу навстречу приближающимся немцам с задачей открыть огонь и задержать противника как можно дольше. Больше послать было некого, ибо на узле связи работали преимущественно девушки, не имевшие оружия и не обученные ведению боя. Затем собрал оставшихся на КП офицеров и солдат (человек пятнадцать – восемнадцать) и, прежде чем поставить задачу по ускорению свертывания штаба и вытягивания машин на дорогу, проверил боевую готовность своей команды. Что же

выяснилось? Рядовые, вооруженные карабинами, имели по 15 патронов, а офицеры оказались почти с голыми руками. Хотя у каждого и был пистолет «ТТ», но патронов к ним они имели единицы: от 3 до 8, вместо 16 на пистолет. Даже офицер моего отдела майор Д., хороший штабист, располагал только тремя позеленевшими патронами и изрядно заржавевшим пистолетом, он свое личное оружие за ненадобностью не вынимал из кобуры, видимо, несколько месяцев. Понятно, что боеспособность команды не внушала оптимизма. Упреки или взыскания за безответственное содержание личного оружия я отложил до более благоприятного времени, приказав занять позицию для обороны секретной части. Сам тоже лег в жиденькую цепь, вынув из кобуры трофейный пистолет «Вальтер», пригодный разве что для употребления в тире. К счастью, вести неравный бой не пришлось. Посланная группа выехала на окраину городка в тот момент, когда немцы большой толпой были в каких-то 300 метрах. По команде лейтенанта группа открыла огонь из пулемета длинными очередями прямо из машины. Немцы круто повернули влево и пошли в обход городка, не сделав ни единого выстрела. Опасность миновала, и мы через полчаса уехали на новое место.

Поручив вести колонну одному из офицеров-операторов, я с майором Трусовым и ординарцем Кинякиным, взяв с собой металлическую шкатулку с планом операции, поспешил вперед, чтобы терять меньше времени на переезд. Не доехав километра четыре до Конины, мы заметили у дороги трех человек, освещенных фарами нашей машины. Один из них рукой подавал сигнал остановиться. Шофер Иван Бузуев круто затормозил, держа под светом фар встретившихся немцев. Впереди стоял немецкий полковник, держа на вытянутой руке белый носовой платок. В двух-трех шагах за ним – два солдата с автоматами на изготовку. Я вышел из машины и приблизился к вражескому полковнику.

– Что вы хотите сказать? – спрашиваю.

Немец понял и на ломаном русском языке заговорил:

– Я командир пехотного полка, попавшего в окружение. Полк с легким оружием ожидает в лесу. – Он махнул рукой в сторону леса, опушка которого темнела невдалеке от дороги. – Мы готовы сложить оружие и сдаться, если будут приняты наши условия.

– Какие условия? – поинтересовался я.

– Чтобы с пленными обращались по требованию Гаагской конвенции, а офицерам оставили ордена и общепринятые привилегии.

Признаться, я не знал решений Гаагской конвенции, да и не находил возможным задерживаться, чтобы принять капитуляцию. Меня ждали свои дела. Тем более что отвоевавшийся фашистский полк никуда не денется. Поэтому мой ответ парламентарю был краток:

– Хорошо. Ждите. Будет прислана команда, она ответит на ваши условия и примет капитуляцию.

Полковник ничего больше не сказал, и мы поехали своей дорогой. О случившемся я доложил командарму. К желающим капитулировать немцам была послана группа солдат во главе с офицером.

Подобные случаи в ходе нашего стремительного наступления были не единичны. Отходившие на запад по занятой нами территории остатки разбитых немецко-фашистских соединений, как правило, встретившись с нашими войсками и не имея возможности ускользнуть незамеченными, сдавались в плен или после короткого боя, или без сопротивления. Даже одиночные наши солдаты иногда, наткнувшись на бродячих по нашим тылам гитлеровцев, брали десятки и сотни пленными и спокойно приводили их к своим частям. Помнится, как-то рядовой связист-почтальон, несший почту через лес со второго в первый эшелон штаба, натолкнулся на группу немцев, сдавшихся ему в плен без всяких условий и принуждений. Он как бы попутно привел на КП армии с полсотни пленными с

автоматами и передал коменданту штаба. Порой пленных набиралось настолько много, что с ними трудно было справляться: лагеря военнопленных бывали переполнены, и тогда их администрация отказывалась принимать вновь прибывающих. Приходилось конвоирам водить их из лагеря в лагерь, чтобы сдать с рук. На охрану, обеспечение продовольствием и конвоирование пленными командиры частей выделяли людей с большой неохотой, стремясь не отвлекать личный состав от выполнения основной задачи. Поэтому нередко можно было видеть команду пленных в несколько сот человек, конвоируемых одним-двумя автоматчиками. Наблюдались случаи, когда наши офицеры строили пленных в колонну, назначали из них же старшего, вручали ему записку с указанием, куда следовать, и направляли в тыл без конвоя.

Такова была общая картина с собиранием немецких солдат и офицеров в тылу наших войск. Но были и исключения, когда немцы обстреливали случайно напоровшихся на них наших людей. Так были ранены командир 79-й гв. дивизии генерал-майор Л.И. Вагин и его начальник штаба подполковник А.А. Морозов.

Глава 7

От Лодзи до Познани. Выход на реку Одер

1

За первую неделю наступления войска 1-го Белорусского фронта, разгромив варшавско-радомскую группировку противника и выйдя на уровень Лодзи, достигли ближайшей оперативной цели в Варшавско-Познанской наступательной операции. Фронт продолжал стремительное продвижение на запад, нанося главный удар в общем направлении на Познань. С выходом на рубеж Бломберг (Быдгощ) – Познань завершалась спланированная заранее фронтовая операция. Дальнейшие действия фронта ставились в зависимость от обстановки, которая могла сложиться к этому времени, а поэтому заранее детально не планировались.

Для завершения операции оставалось овладеть укрепленными городами Бломберг и Познань и связующим их рубежом, с преодолением реки Варты. Одним словом, конечная цель Варшавско-Познанской операции была близка, тем более что наступление развивалось успешно и стремительно, хотя войска и понесли чувствительные потери; численность дивизий значительно уменьшилась, тылы растянулись и поотстали.

Мы в штабе армии полагали, что с завершением фронтовой операции наступит какая-то оперативная пауза, позволяющая пополнить войска личным составом и материальными средствами, а также подтянуть тылы и упорядочить несколько расстроенное снабжение. Но еще до взятия Познани командующий фронтом приказал продолжать наступление на Одер без какой бы то ни было задержки.

Наша 8-я гв. армия действовала в составе главной ударной группировки фронта на Познанском направлении. Как и Лодзь, Познань не входила в полосу наступления нашей армии. Разграничительная линия с действовавшей слева 69-й армией проходила километрах в шести севернее Познани. Следовательно, этим важным в оперативном отношении объектом предстояло овладеть 69-й армии под командованием генерал-полковника В.Я. Колпакчи. Поэтому, планируя операцию, мы Познань детально не изучали и никакого маневра к этому польскому городу не предусматривали, о чем впоследствии пришлось крепко пожалеть.

Как выяснилось при подходе к району Познани, на Познанском рубеже немцы поспешно организовали оборону, сосредоточив основные усилия на защите наиболее важных

направлений и узлов дорог, стремясь если не остановить, то хотя бы задержать наше наступление на этом рубеже. Сердцевиной сопротивления здесь была Познань.

Вырвавшаяся вперед 1-я гв. танковая армия, форсировав с ходу реку Варту, в районе Познани встретила упорное сопротивление противника и овладеть городом не смогла. Выполняя приказ командующего фронтом, эта армия в ночь на 25 января главными силами обошла Познань и продолжала стремительное движение к Одеру, оставив небольшие отряды для блокирования основных дорог, выводящих из города на запад и юго-запад.

8-я гв. армия также получила задачу развивать наступление к Одеру в общем направлении на Ктострин и несколько южнее. Армия должна была своим левым флангом пройти мимо Познани с севера.

Оценивая сложившуюся обстановку и уясняя новую задачу, нельзя было игнорировать или, вернее, недооценивать то обстоятельство, что если Познань не будет своевременно взята 69-й армией, то ее гарнизон нависнет над левым флангом нашей армии и будет угрожать ее коммуникациям и тылам. Но не только этим такой крупный город и крепость и важный узел дорог привлекли внимание командующего 8-й гв. армией генерал-полковника В.И. Чуйкова и его штаба. Численность и намерения, а также степень способности удерживать город Познанского гарнизона противника нам известны не были. Представлялось, что захватить Познань с ходу, с учетом того, что ее обошла танковая армия, не представит серьезных трудностей. Поэтому генерал-полковник В.И. Чуйков, подогреваемый своим начальником штаба генерал-майором В.А. Белявским и еще кое-кем из ближайшего окружения, старавшихся уловить и поддержать честолюбивые намерения своего командарма, решил «выхватить из-под носа генерал-полковника В.Я. Колпакчи», командующего 69-й армией, такой заманчивый и лакомый в смысле славы ломоть, как город и крепость Познань. В разговоре со мной по этому вопросу он так и выразился, ссылаясь на недавний опыт с Лодзью.

Мы в оперативном отделе этого нецелесообразного для армии, как нам казалось, намерения командующего, неизбежно влекущего за собой раздвоение усилий и отвлечение части сил армии для решения не стоящей перед ней и по существу второстепенной задачи, не разделяли. Нетрудно было отдать себе отчет в том, что если не удастся овладеть Познанью с ходу, то волей-неволей армия будет притянута к этому крупному городу на какое-то время, может быть, даже длительное. А это, в свою очередь, значительно уменьшит наши возможности по выполнению главной, поставленной армии, задачи – выход на реку Одер и захват плацдарма на ее западном берегу. Такое суждение я и высказал командарму, настойчиво не советуя залезать в полосу соседней армии. Но генерал не внял моим доводам и решил захватить город с ходу небольшой частью сил, не находя нужным согласовать этот вопрос и увязать взаимодействие с 69-й армией.

Была наспех создана импровизированная подвижная группа из танков и пехоты, посаженной на грузовые автомобили, названная передовым отрядом, и направлена к Познани. Этот передовой отряд беспрепятственно выдвинулся вперед и подошел к восточной окраине города, где из-за железнодорожной насыпи встретил сильное огневое сопротивление противника и залег, прижатый к земле, не будучи в состоянии маневрировать. Успеха не было: благими желаниями вымощена дорога в ад, как говорит старая пословица. Еще не поздно было, правда, дождавшись темноты, оттянуть отряд назад, убрать его в свою полосу и выполнять главную задачу всеми силами армии. Но честолюбие своевольного командарма не дало ему сил отступить от заманчивого замысла, признав решение о взятии Познани с ходу подвижным отрядом опрометчивым. И это, на мой взгляд, имело серьезные последствия, осложнившие действия армии на Одере.

Узнав о неудаче подвижного отряда, командарм забеспокоился и стал нервничать. Он раздраженно приказал мне немедленно отправиться к подвижному отряду и разобраться с обстановкой в районе Познани на месте, чтобы доложить ему истинное положение. Попутно

мне поручалось выбрать новое место для размещения командного пункта армии на подступах к Познани в районе небольшого городка Шверзенец.

С группой офицеров, подразделением охраны и связистов я отправился в Шверзенец, только что занятый нашими войсками. Выбор подходящего места для КП и наметка размещения его основных элементов по выработанной практикой схеме много времени не потребовали. Дав указания коменданту штаба майору Н.Н. Кирееву и связистам о развертывании командного пункта и организации связи с тем, чтобы к приезду командарма со штабом все было готово, сам я с двумя офицерами, оператором и разведчиком поспешил к Познани. Дорога методически обстреливалась артиллерией противника откуда-то из района города, но снаряды рвались по сторонам, и мы беспрепятственно подъехали к железной дороге, из-за которой велась пулеметная и минометная стрельба, казавшаяся беспорядочной. В сопровождении встретившегося офицера 69-й армии на железнодорожной водокачке я нашел командира передового отряда, высланного командующим 69-й армией с той же задачей. С высоты водокачки было хорошо виден город, удерживаемый противником. Наш передовой отряд окапывался в мерзлой земле перед железнодорожной насыпью рядом с отрядом 69-й армии. Оба отряда, имея задачу с ходу ворваться в город, напоравшись на организованную оборону и будучи обстрелянными пулеметным и минометно-артиллерийским огнем, и не пытались атаковать, резонно считая это дело совершенно безнадежным.

Вернувшись уже к вечеру в Шверзенец, я застал там командарма, начальника штаба и почти полностью успевший развернуться командный пункт. Мой доклад командующему сводился к тому, что город и крепость Познань придется брать после серьезной подготовки и с привлечением если не всей армии, то, во всяком случае, значительной ее части. Но командарм, имея задачу двигать армию на Одер, не считал возможным, даже мысли такой не допускал, чтобы отвлекать на Познань значительные силы. Он все еще не верил, что за этот остающийся в тылу наших войск польский город придется драться упорно и долго.

Поразмыслив какое-то время над развернутой перед ним картой с обстановкой, он приказал дать распоряжение командиру 28-го гв. ск генерал-лейтенанту А.И. Рыжову повернуть на Познань 39-ю гв. сд полковника Е.Т. Марченко с задачей овладеть городом.

– Армия продолжает выполнять поставленную задачу с выходом на реку Одер, – объявил командующий свое решение, подчеркивая этим самым, что Познань для него лишь небольшой эпизод, решаемый как бы мимоходом небольшой частью сил. Но это радужное настроение было не чем иным, как благим желанием, не основанным на реальной обстановке.

Конечно, выдвинувшаяся вперед 1-я гв. танковая армия облегчала нашей армии выполнение поставленной задачи. И если бы не связываться с Познанью, то армия всеми силами могла бы выйти к Одру и форсировать реку с ходу более сильной группировкой, что, несомненно, сделало бы другое, более благоприятное положение на Одерском плацдарме. Но оборонявшаяся Познань меняла ситуацию; ее гарнизон, окруженный кольцом наших войск, не мог отойти на запад и волей-неволей вынужден был вести длительные бои в окружении, притягивая значительные силы наших войск. Обстановка здесь сложилась так. 33-я гв. сд беспрепятственно подошла к городу и напоролась на организованное сопротивление его гарнизона: плотный огонь из всех видов оружия, особенно активно действовали фаустники. Стало ясно, что предстоят тяжелые городские бои.

Тем временем главные силы армии вслед за 1-й гв. танковой армией, используя ее переправы южнее Познани и оборудовав дополнительные, форсировали реку Варту, преодолев здесь оборонительный рубеж противника, занятый немцами лишь на отдельных участках; сплошной обороны не было.

4-й гв. ск в полном составе и 28-й гв. ск (без 39-й гв. сд) продолжали преследование отходящего противника на запад, обходя Познань с севера. На пути к Одру нам предстояло

преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. К этому рубежу теперь было приковано все внимание командования и штаба, ибо это было последнее значительное препятствие, прохождение которого выводило армию к намеченной цели.

Мы приступили к детальному анализу и обобщению всех разведанных касательно этого рубежа и ожидаемых сил и средств противника, могущих оборонять его. Выяснилось, что немцы постепенно укрепляли этот рубеж, приводя в боеспособное состояние старые долговременные сооружения; следовало ожидать, что противник сделает все возможное, чтобы заполнить имеющиеся боевые сооружения полевыми войсками. Ожидания вскоре подтвердились. Разведчики установили, что немецко-фашистское командование в спешном порядке приступило к организации обороны Мезерицкого укрепрайона: оно перебросило сюда из Югославии полевое управление 5-го горнострелкового корпуса СС, подчинив ему 433-ю учебно-запасную дивизию. Корпус имел задачу задержать наше наступление на указанном рубеже, используя для этой цели кроме выделенных в его состав сил и средств отходящие с востока остатки разбитых частей и разрозненные группы всех родов войск, сажая их в сооружения укрепрайона. Наша авиаразведка наблюдала, как со всех сторон спешили колонны разной величины к Мезерицкому рубежу. «Бегут, как мыши в свои норы, почуяв кота», – докладывали разведчики по радио.

Но ввиду стремительности нашего продвижения немцам не удалось полностью занять для обороны этот рубеж. Так, 433-я дивизия лишь подходила к рубежу на широком фронте, когда наши войска появились в этом районе и с ходу атаковали противника, не успевшего даже развернуться для боя. Немецкая дивизия и кое-какие наспех собранные из отступающих частей группы были разгромлены, а командир дивизии пожилой генерал-лейтенант Люббе взят в плен. Отдельные долговременные сооружения укрепрайона, в которых успели засечь гарнизоны, какое-то время держались, но, будучи обойденными нашими войсками, сдались.

Последнее серьезное препятствие на пути к Одеру было успешно преодолено, и в начале февраля армия 4-м и 28-м гв. корпусами с боем форсировала реку и захватила небольшой плацдарм на ее западном берегу непосредственно южнее и юго-западнее города и крепости Ктострин. За удержание и расширение этого важного плацдарма завязались упорные бои. Но об этом речь впереди. А пока вернемся к городу и крепости Познань, оставшимся в тылу войск почти на 200 километров.

2

Введя в бой за Познань 39-ю гв. сд, армия была прикована к этому крупному городу намертво: освободить ее и увести к Одеру теперь стало невозможно, как бы этого ни хотелось. К тому же не вызывало сомнений, что одна дивизия задачу не решит и увести ее от Познани можно было только после овладения городом. Генерал В.И. Чуйков, стремясь как можно скорее разделаться с Познанским гарнизоном противника и развязать себе здесь руки, повернул на Познань весь 29-й гв. ск под командованием генерал-майора А.Д. Шеменкова и немалую долю средств усиления армии. С некоторым запозданием с юго-востока к городу подошел 91-й ск 69-й армии в составе двух низкоукомплектованных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Ф.А. Волкова. Атака частями корпуса города с ходу также успеха не имела.

Вскоре город Познань был окружен сплошным кольцом шести наших дивизий: четыре дивизии 8-й гв. армии и две – 69-й армии. Объединенного командования этой группировкой вначале не было. Остававшиеся здесь подразделения 1-й гв. были сменены и ушли догонять свою армию.

Несмотря на то что большая часть нашей армии, обойдя Познань с севера, ушла на запад к Одеру, командование и штаб на некоторое время задержались в небольшом городке

Шверзенец восточнее Познани. Это диктовалось настоятельной необходимостью как можно скорее развязать Познанский узел, расчистив коммуникации и обезопасив тылы. Но бои за город и крепость приняли затяжной и упорный характер.

Управление войсками армии, разделенной на две части, разобщенных большим расстоянием, крайне усложнилось: штаб разрывался между двумя группировками. Пришлось работать с предельным напряжением день и ночь. Для руководства ушедшей к Одеру частью армии была выделена оперативная группа и основная часть средств связи. Командарм со своими непосредственными помощниками и несколькими офицерами штаба мотался то вперед, то назад, снова и снова возвращаясь к Познани.

Неудачная попытка захватить укрепленный город с ходу, несмотря на брошенные к нему немалые силы, показала, что Познань придется брать изнурительным штурмом. Осознав эту фатальную необходимость, нам ничего не оставалось, как взяться за изучение города и крепости по-настоящему: детально и кропотливо. Только теперь перед нами стало вырисовываться, что Познань не только крупный город и важный узел дорог, но и настоящая крепость. А с крепостями иметь дело нам не приходилось, и особенности их штурма для многих из нас были темнее ночи. Наши знания в этой области военного дела ограничивались лишь общими сведениями, полученными в академиях при изучении истории военного искусства, и никакой практики. К тому же никаких справочных материалов по крепостям вообще и по Познани в частности у нас под рукой не было. Срочно пришлось добывать в штабе фронта крупномасштабные карты и планы города из тех, что были своевременно изготовлены для 69-й армии. Планы города оказались точными и удобными для пользования. Наши топографы и шифровальщики их закодировали, занумеровав все кварталы и важные городские объекты. Этими планами было удобно пользоваться при переговорах по радио и телефону: номера кварталов и объектов служили кодировкой. Опыт был широко использован и впоследствии при штурме Берлина.

Командование и штаб фронта все настойчивее торопили нас с взятием города-крепости. Ответственность за взятие Познани распоряжением командующего фронтом была возложена на командарма-8 генерала В.И. Чуйкова. Фронтные начальники стали все детальнее вникать в наши действия, обнаружив нашу недостаточную подготовку в вопросах штурма крупного города, а тем более крепости. Опыта ведения боев в городских условиях, полученного личным составом армии при защите Сталинграда, оказалось крайне недостаточно: ведь Познань коренным образом отличалась от Сталинграда, а главное – там армии пришлось вести оборонительные, а здесь наступательные бои. С горечью должен признать, что мы толком не знали даже крепостной терминологии: форт, рavelин, потерна и т. п.

К тому же нам не были известны крепостные сооружения Познани, их характеристики, боевые возможности, расположение, вооружение и защищавшие их гарнизоны.

Как-то, разыскивая по телефону ВЧ командующего или начальника штаба армии, начальник штаба фронта генерал-полковник М.С. Малинин вышел на меня и стал дотошно и нетерпеливо допрашивать о деталях в системе обороны противника в Познани. Ссылаясь на крупномасштабную карту города, строгий генерал, в частности, спросил, что означают небольшие рощицы, почти симметрично расположенные вокруг города; их было более десятка. Я ничего толком не мог объяснить и старался уклониться от прямого ответа, чтобы хоть как-то смягчить неприятное впечатление у опытного штабного генерала от моей неосведомленности в данном вопросе. Но мне это не удалось, и М.С. Малинин, выругав меня последними словами, на что был большим мастером, все же пояснил, что это не что иное, как крепостные долговременные сооружения – форты, замаскированные под лесные насаждения.

Тем временем к нам в армию для контроля действий и оказания помощи на месте прибыли некоторые руководящие военачальники из фронтного управления: командующий артиллерией генерал-полковник В.И. Казаков, начальник инжвойск генерал-полковник А.И.

Прошляков, оперативная группа штаба 16-й воздушной армии во главе с генералом А.С. Сенаторовым и др. Но и это не привело к быстрому овладению Познанью.

Что же собой представлял в то время город и крепость Познань как военный объект? Это была старинная, а значит, устаревшая крепость, построенная еще в прошлом веке и модернизированная в 1914–1916 годах. Ядро крепости составляла цитадель – нечто вроде центрального форта, расположенного в центральной, а точнее, в северо-западной части города на возвышенности. Это комплекс построек, обнесенных массивной кирпичной стеной. С наружной стороны проходил глубокий ров, обвалованный с внешней стороны покатою земляной насыпью, поросшей травой и кустарником. С южной стороны на скате насыпи виднелось кладбище. В цитадель вела дорога с твердым покрытием. Чтобы попасть внутрь крепости, надо было проехать по этой дороге через аппарель, проделанную в насыпи, въехать в ров и проследовать по нему до специальной арки под стеной, повернуть в арку, и только тогда попадешь во внутреннее расположение этого мощного крепостного сооружения. С внутренней стороны крепостной стены имелись различные обвалованные земли каменные постройки, называвшиеся рavelинами, казематами, потернами и т. и. Во внешнюю сторону от крепостной стены отходили обвалованные потерны с бойницами и амбразурами, позволявшими обстреливать подступы косоприцельным и фланговым огнем. Внутренняя часть цитадели была застроена несколькими небольшими зданиями различного назначения, в одном из которых размещалась почта с радиостанцией, позволявшей поддерживать двустороннюю связь с Берлином. Между цитаделью и ближайшими городскими постройками простиралась открытая местность в несколько сот метров, что позволяло обороняющемуся надежно просматривать и обстреливать подступы к крепости.

Вокруг города располагалось несколько отдельных фортов, удаленных один от другого примерно на километр-полтора. Эти форты были в основном однотипны: мощное каменное сооружение, обвалованное плотно утрамбованной и слежавшейся землей, с внутренним коридором арочного типа; по обе стороны коридора устроены небольшие помещения. Вокруг основного сооружения – глубокий и широкий ров, укрепленный кирпичом и бетоном. Форты обсажены деревьями и на крупномасштабных картах выглядели как небольшие рощицы. В некоторых из фортов размещались различные склады, а в обводных рвах – мастерские по сборке узлов самолетов и другой боевой техники. Поэтому в ряде мест рвы были покрыты застекленными рамами, в этих рвах были смонтированы станки. Из отдельных фортов, как впоследствии обнаружилось, выводили скрытые подземные выходы.

Никакой огневой связи между фортами и фортов с цитаделью не осуществлялось. Эти долговременные крепостные сооружения, как выяснилось в ходе боя, не были подготовлены к обороне в полном смысле. И вообще крепость Познань в целом не была современной крепостью, ибо ее мощные сооружения не имели крепостного вооружения и специального гарнизона, приспособленного для их защиты. Тем не менее овладеть фортами было крайне трудно, так как они стали надежными укрытиями для частей противника, оказавшихся в Познанском котле. Оборонявшиеся группы полевых войск отрывали окопы на насыпи фортов для огневых средств и траншеи, как в обычных полевых условиях, устанавливали пулеметы, минометы и другое оружие и обстреливали подступы к объектам и промежутки между фортами многослойным губительным огнем. При артиллерийском или минометном налете с нашей стороны обороняющиеся надежно укрывались в фортах и снова занимали свои места у огневых средств, как только налет прекращался. В фортах же немцы держали боеприпасы, продовольствие, воду и все необходимое для жизни и боя, а также собирали туда раненых и больных.

Вообще же нашим войскам, окружившим Познань, пришлось штурмовать не столько крепость, сколько обычный крупный промышленный город, ибо его кварталы и массивные здания зачастую было брать не легче, чем устаревшие форты. Особое место занимала цитадель, приносявшая нам немало хлопот и затянувшая по времени ликвидацию Познанского гарнизона противника.

Какие же силы оказались окруженными в Познани и обороняли город и крепость? Вначале предполагалось, что окруженная здесь группировка насчитывала не более 20 тысяч человек. Но в ходе затянувшихся боев выяснилось, что было окружено до 60 тысяч личного состава различных частей и родов войск. Кого тут только не было! Часть 24-й пд, около десяти батальонов «фольксштурма», отошедшие сюда разрозненные группы разбитых немецких дивизий, личный состав местных тыловых органов, персонал частей аэродромного обслуживания, разнообразно и беспорядочно обмундированный, немецкое пехотное училище, дислоцированное в городе, несколько артиллерийских и минометных батарей. Никакого цельного оперативного объединения с единым командованием и штабом не было. Костяком обороны, как выяснилось, было пехотное училище под командованием полковника Коннеля. Первоначально командовал обороной города генерал-майор полиции Матери с помощью наспех созданного импровизированного штаба. Кроме радио гарнизон располагал телефонной и телеграфной связью с Берлином по подземному кабелю, о котором мы ничего не знали. Этот кабель был обнаружен только тогда, когда в воронке от бомбы открылись его разорванные взрывом концы.

3

Итак, крупный польский город Познань, с оборонявшим его разношерстным многочисленным гарнизоном противника, остался обтекаемым островом на пути 1-го Белорусского фронта к Одеру на главном направлении его стремительного наступления. Это была серьезная помеха в решении основной цели операции. В руках противника оставался не только объект оперативного значения в нашем тылу, перекрывавший коммуникации, являясь важным узлом дорог, но и накрепко приковавший к себе значительные силы двух устремившихся к Одеру наших армий: четыре дивизии 8-й гв. и две дивизии 69-й армий, два корпусных управления с частями усиления и поддержки. Почти половина нашей армии застряла в Познани, в то время как вторая половина продолжала гнать противника на запад, имея задачу выйти к Одеру, с ходу форсировать эту мощную водную преграду на пути к Берлину и овладеть плацдармом на западном берегу реки, обеспечив условия для нанесения в последующем удара непосредственно по Берлину. Это была главная в то время задача, в интересах выполнения которой было быстрое овладение Познанью, чтобы развязать себе руки и высвободить силы для направления их к Одеру. Но первые же бои за город показали, что здесь предстоит долгая и упорная борьба. А взоры командования и штаба армии были устремлены на запад, к Одеру. Медлить было недопустимо, чтобы не упустить благоприятно складывавшихся условий для форсирования реки с ходу, пока противник не успел создать организованную оборону на этом мощном рубеже.

Тем временем управление войсками армии, разобщенными все увеличивающимся расстоянием, угрожающе усложнялось. Штаб буквально выбивался из сил. Офицеров и средств связи не хватало. Все мы в штабе валились с ног от перенапряжения и бессонницы. Обстановка осложнялась. Не исключалось, что Познанский гарнизон попытается вырваться из окружения и пойти по тылам армии. Такую попытку долго ждать не пришлось. Как-то поздно вечером в мою рабочую комнату в оперативном отделе зашли: командарм генерал-полковник В.И. Чуйков, начальник штаба генерал-майор В.А. Белявский, член Военного совета генерал-майор А.М. Пронин и кое-кто из командующих родами войск. Мы стали уточнять задачи войскам на ночь и предстоящий день. Я писал от руки короткие шифровки, и по мере готовности командарм и начальник штаба подписывали их.

– Все? – спросил командующий, подписав последнюю шифровку и передав ее ожидавшему тут же начальнику шифровального отдела подполковнику Белову.

– Вроде бы все! – ответил я облегченно.

Руководящие товарищи ушли ужинать и отдыхать.

Организовав контроль за доведением задач до исполнителей и переговорив с ушедшей вперед оперативной группой, уже глубокой ночью я прилег передохнуть. Но только что начавшийся сладкий сон прервал тревожный телефонный звонок. Говорил начальник связи полковник А.П. Черкасов.

– Я сейчас соединю тебя с моим связистом на линии. Послушай, что он докладывает.

Рядовой связист, находившийся на промежуточной точке связи где-то вблизи западной окраины Познани, еле слышным голосом сообщал, что он говорит тихо потому, что мимо него, сидящего в окопе у дороги, движется колонна немцев. Идут из Познани на запад. Немцы идут тихо, говорят приглушенно, у лошадей, тянущих пушки, морды обмотаны каким-то тряпьем, наверное, чтобы не заржали...

Слушать дальше бдительного связиста времени не было. Его краткое сообщение и без того холодной струей пробежало по спине. Надо было действовать немедленно. Первое, что следовало предпринять – так это доложить о случившемся командарму. Но я по собственному опыту знал, что доложить только о свершившемся факте недостаточно. Генерал обязательно спросит, какие меры приняты штабом и командирами соединений. Звоню командиру 29-го гв. корпуса генерал-майору А.Д. Шеменкову. Тот спросонок отвечает, что ему ничего не известно и он, дескать, сомневается в достоверности сведений. По моему настоянию, генерал обещал разобраться и, если факт подтвердится, принять меры к ликвидации прорыва противника через боевые порядки его войск. Но я отдавал себе отчет в том, что корпус не располагает резервами, способными незамедлительно закрыть брешь в кольце окружения и ликвидировать выскользнувшую из города группу противника. Необходимо было реально и немедленно вмешаться штабу армии. Но чем конкретно?

Взглянув на оперативную карту, я понял, что исправить положение можно только единственным армейским резервом – танковой бригадой, расположенной километрах в десяти южнее Познани. Связаться по телефону с командиром бригады не составляло труда.

– Сколько потребуется времени, чтобы бригада выступила по тревоге? – спрашиваю.

Подумав, полковник уверенно ответил:

– Не менее 15 минут.

– Подавайте сигнал, а затем вам будет уточнена задача, поставленная командующим.

Пока бригада готовилась к выступлению, я ознакомил ее командира с обстановкой и боевой задачей.

– Выступаю, – сказал комбриг, – разрешите снимать телефонную связь?

Только после этого звоню командарму, заведомо ожидая гневную бурю. Трубку взял адъютант командующего его родной брат лейтенант Федор Чуйков. В армии его звали просто Федькой.

– Федька, буди командующего! Надо срочно доложить...

– А что случилось, товарищ полковник? – с раздражающим спокойствием спрашивает адъютант. – Командующий только недавно заснул, приказав не будить по пустякам...

– Буди! – настойчиво требую.

Не более как через минуту послышался голос В.И. Чуйкова:

– Докладывайте!

Я в нескольких словах доложил о случившемся.

– Проспали! – вскипел генерал. Затем уже более спокойно спросил: – Что предпринял штаб?

– Дано указание Шеменкову закрыть образовавшуюся брешь, а танковой бригаде – ликвидировать вырвавшуюся из города группу противника, – выпалил я одним духом.

Вслед за этим у В.И. Чуйкова со мной последовал такой диалог:

– Где находилась бригада?

– Южнее Познани.

– Почему там? Где она должна была быть? Почему не западнее города, где следовало ожидать прорыв немцев?

– Должна была быть западнее.

– Почему она туда не была переведена заранее? Вы должны были подготовить ей распоряжение, когда уточнялись задачи войскам на ночь.

– В спешке я о ней тогда не подумал, считая, что вы ее не собирались перемещать; она стояла у переправ через Варту, – нерешительно ответил я, беря на себя вину, чтобы смягчить гнев генерала.

– А где был генерал Вайнруб? Почему не предложил? Ведь он считается командующим бронетанковыми войсками...

– Он был вместе с вами, когда вы подписывали распоряжения войскам, но ничего о бригаде не сказал, даже не напомнил о ней.

Командарм некоторое время сопел в телефонную трубку и уже спокойным голосом заговорил:

– Проследите, чтобы положение было полностью восстановлено и вырвавшаяся колонна уничтожена, не успев появиться на тылах наступающих к Одеру войск. Шеменкову передайте, что он головой отвечает, если выпустит фашистов из города. Утром вместе с Вайнрубом явитесь ко мне с подробным докладом.

Поддерживаю далеко не устойчивую радиосвязь с танковой бригадой, связываюсь по телефону с командирами соединений, окружающих Познань с запада, ориентирую их в создавшейся обстановке и от имени командующего обращаю внимание на то, чтобы они усилили бдительность и давление на противника, не дав ему оторваться и уйти из города. Принятыми мерами небольшая брешь в кольце окружения была закрыта, а вырвавшаяся группа частью уничтожена, частью рассеяна.

Но этим инцидент исчерпан не был. Как только генерал Чуйков утром поднялся с постели и умылся, мы с Вайнрубом предстали перед ним в его кабинете. Вопреки тревожным ожиданиям серьезной взбучки командарм спокойно выслушал мой доклад, не высказав в мой адрес никаких претензий, а лишь добродушно заметил, чтобы впредь я был более предусмотрительным. Он тут же переключился на генерала М.Г. Вайнруба, с которым у него сложились дружеские отношения еще при защите Сталинграда. Как бы в шутку ткнув его кулаком в живот, он стал его упрекать, обвиняя в халатности и бездеятельности. Но эти упреки выглядели как-то незлобно, благожелательно. Но Вайнруб сказался незаслуженно обиженным, заявив, что у него плохой начальник штаба, не помогающий ему в работе. Немедленно был потребован на ковер начальник штаба подполковник Покальчук, получивший серьезную взбучку. Тот факт, что начальник без угрызения совести, с удивительной легкостью подставил под удар своего подчиненного, меня настолько возмутил, что я не смог сдержаться и высказал свое возмущение в довольно грубой форме. Но мои гневные слова, видимо нарочито, были пропущены мимо ушей обоих генералов.

Как же получилось, что группа противника численностью в несколько сот человек с артиллерией, без боя и не замеченная с нашей стороны прошла через боевые порядки наших

войск? Такое явление, казалось бы, не укладывается в рамки элементарной логики и представляется маловероятным. Но на войне всякое может случиться.

Как выяснилось, немецко-фашистский гарнизон не имел разрешения вырваться из Познанского котла и покинуть город. Поэтому никакой подготовки к этому акту командование гарнизона не проводило и никаких признаков этого мы не замечали. Тем не менее нашлась группа отчаявшихся головорезов, которая втайне от начальства экспромтом, с соблюдением строжайших мер маскировки, попыталась уйти из котла. Воспользовавшись непроглядной темнотой ночи и тем, что наши войска, измотанные многодневными напряженными боями, отдыхали, обнаружили лазейку в наших боевых порядках и воспользовались ею, тихо убрав задремавшее боевое охранение. Через линию окружения немцы проникали мелкими группами, собираясь в колонну за ее пределами. Не проявив бдительности наш связист, выскользнувшая из города группа противника, наверное, могла бы уйти незамеченной.

Тем временем взятие Познани затягивалось. Командование со штабом не могли больше задерживаться здесь, когда большая часть армии ушла далеко на запад, имея задачу выйти к Одере, форсировать реку с ходу южнее Кюстрина и захватить на западном берегу реки плацдарм, необходимый для проведения следующей наступательной операции уже на сам Берлин. Это была конечная цель армейской операции и главная задача армии на данном этапе. Взятие Познани, следовательно, носило подчиненный, второстепенный, хотя и важный характер. Поэтому главное внимание командования и штаба армии было приковано к Одере.

Чувствуя первостепенную ответственность за достижение конечной цели операции и стремясь осуществлять твердое руководство войсками при форсировании Одера, командарм возложил ответственность за взятие Познани, во взаимодействии с 91-м ск 69-й армии, на командира 29-го гв. корпуса генерал-майора А.Д. Шеменкова, подчинив ему и 39-ю гв. сд 28-го корпуса, и остававшиеся здесь средства усиления: артиллерийские, инженерно-саперные, огнемётные и другие части. КП армии было решено переместить к Одере.

Форсирование Одера с ходу южнее Кюстрина силами 28-го и 4-го гвардейских корпусов, при поддержке фронтовой авиации, увенчалось успехом: плацдарм был захвачен при незначительном сопротивлении не успевшего создать прочную оборону противника. Но развить успех не удалось: сопротивление немцев нарастало с каждым часом, завязались упорные бои. Наши усилия направлялись не только на удержание, но и на расширение захваченного плацдарма, а немцы отчаянно контратаковали, стремясь сбросить наши войска с плацдарма любой ценой. По переправам и подводившим к ним дорогам почти непрерывно наносила удары вражеская авиация, не считаясь с потерями самолетов.

Поддерживая телефонную связь с 29-м гв. ск в Познани, штаб армии целиком был поглощен руководством боями за плацдарм. Обстановка на Одере настоятельно требовала наращивания сил и восполнения потерь, а резервов не было. Пришлось время от времени оттягивать некоторые части от Познани к Одере. В первую очередь была переброшена и возвращена в состав 28-го гв. ск 39-я дивизия, чего настоятельно добивался командир корпуса генерал-лейтенант А.И. Рыжов, войска которого вели кровопролитные бои на плацдарме. Хотя штаб армии и находился на восточном берегу реки, мне с большей частью офицеров оперативного отдела пришлось мотаться в боевых порядках на плацдарме, в частности в 28-м корпусе, захватившем и с трудом удерживавшем населенный пункт Рычивул и высоту 81,5, отражая яростные контратаки противника.

А штурм Познани, к несчастью, затягивался. По всему было видно, что оставленный там 29-й корпус застрял надолго и не мог идти к Одере, где в нем была крайняя нужда. Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков проявлял недовольство и требовал как можно скорее разделаться с Познанью. А там дела шли неважно: немецкий

гарнизон держался упорно, действовал активно, умело используя преимущество обороняющегося в крупном городе, и наши успехи каждодневно были незначительны. К тому же взаимодействие между 29-м и 91-м корпусами разных армий не совсем ладилось. Поэтому 91-й ск 69-й армии был временно подчинен нашей армии. Но и это не решало вопроса: находясь примерно в 20 километрах от Познани, наш штаб не мог успешно осуществлять должное руководство этими корпусами. Видя такое положение, начальник штаба фронта генерал-полковник М.С. Малинин приказал выделить от штаба армии работоспособную оперативную группу, отправить в Познань и возложить на нее руководство штурмом города и крепости. Возглавить оперативную группу было приказано заместителю командующего генерал-лейтенанту М.П. Духанову. В его распоряжение выделялась определенная часть офицеров штаба и родов войск с необходимыми средствами связи и управления. На меня было возложено руководство этим импровизированным штабом, и я как бы выполнял обязанности начальника штаба этой опергруппы. Опергруппа разместилась на занятой к тому времени нашими войсками юго-западной части Познани – Ланковица. Распоряжением штаба фронта нам была подана телефонная связь вч, так что мы имели удобную и надежную связь как со штабом армии, так и со штабом фронта. С 22 января 1945 года мы приступили к своим новым обязанностям по руководству штурмом города и крепости Познань. Кто мог подумать, что придется заниматься этим сложным делом целый месяц?

4

Юго-восточную часть кольца окружения занимал 91-й ск, а северо-западную – 29-й гв. ск, штаб которого размещался рядом с нашей опергруппой, так что между нами поддерживалась непрерывная живая связь. Фактически мы работали совместно.

В 91-й ск генерал М.П. Духанов и я систематически ездили поочередно. Мы занимались организацией и поддержанием взаимодействия между корпусами и дивизиями, а также с 301-й бомбардировочной авиадивизией, поддерживавшей действия нашей познанской группировки. Ежедневно приходилось подводить итоги дня, ставить или уточнять задачи войскам, приданным и поддерживающим средствам на ночь и на следующий день.

В ходе боев мы находились на наблюдательных пунктах корпусов или дивизий или в боевых порядках частей, участвуя в их действиях. Напряжение было очень большое. Оперативная группа была крайне малочисленна, и офицерам приходилось непрерывно мотаться под огнем противника, выполняя те или иные поручения. Особенно следует отметить работу моего помощника майора А.Г. Мережко, смелого и инициативного офицера, заместителя начальника разведки армии подполковника А.И. Матусова, заместителя командующего артиллерией полковника Миронова.

Познанский гарнизон противника, используя выгодные для обороны городские сооружения, сопротивлялся ожесточенно, быстро реагировал на любые наши мероприятия, маневрируя силами и средствами на наиболее угрожаемые направления и участки. Поэтому штурм Познани вылился в методическое «прогрызание» обороны врага. Были дни удачные, когда мы захватывали несколько объектов или кварталов, а были и безуспешные атаки. Применялась тактика ближнего боя в полном смысле этого понятия. Чаще всего нас с противником разделяли стены домов, узкие переулки или промежутки между домами, так что наши бойцы слышали даже говор вражеских солдат; некоторых из них, особенно фаустников, знали в лицо.

В частях создавались импровизированные штурмовые группы, атаковавшие то или иное здание. Артиллерия, как правило, поддерживала эти группы стрельбой прямой наводкой почти в упор. Приходилось применять и необычные методы ведения боя: так, например, реактивные установки БМ-31 иногда применяли для пробивания брешей в каменных стенах

зданий прямым выстрелом из соседнего здания и т. и. Широко использовали и трофейные фаустпатроны, благо их у нас тогда накопилось довольно много.

Ночами часто прилетали немецкие самолеты и сбрасывали на парашютах грузы окруженному гарнизону. Часть груза попадала в наше расположение, и наши бойцы не прочь были полакомиться плитками шоколада, сигаретами, прочим добром. В ходе трудных уличных боев мы все больше и больше сужали Познанский котел, тесня противника к цитадели, ядру всей обороны. Как-то 91-й ск внезапной атакой овладел сразу несколькими кварталами города восточнее реки Варты, где оказалось два вражеских госпиталя, набитые ранеными вместе с медицинским персоналом. В наши руки попало здесь и несколько интендантских складов. Как потом стало известно, за эту неудачу, постигшую гарнизон, командующий обороной города генерал полиции Матери был отстранен от командования и заменен начальником военного училища полковником Коннелем, вскоре получившим генеральское звание.

Время от времени генерал Чуйков возвращался в Познань с Одера и срывал свой гнев на нас, затянувших, по его убеждению, взятие города. Как-то появился неожиданно и, зайдя ко мне в кабинет с неизменной сучковатой палкой в руке, стал возмущенно обвинять меня в том, что я, дескать, обещал давно разделаться с немцами в Познани, но слово не сдержал. Кстати, своего заместителя генерала Духанова он не ругал, а всю злость сгонял на мне, но было ясно, что обвинение меня адресовалось к Духанову. Я не сдержался и сказал: «Хорошо, товарищ командующий, мы не добились успеха, хотя, как видно из ваших упреков, могли при желании это сделать. Вот теперь вы приехали и под вашим руководством давайте и покончим с немцами». Это вызвало целую бурю гнева: командарм вскипел, грозно взмахнул палкой, швырнул ее к порогу. Я спокойно, внешне конечно, поднял палку и вручил ее владельцу. Тут генерал смягчился, и мы пошли к командиру корпуса генерал-майору Л.Д. Шеменкову, которому командарм учинил полный разнос и высказал желание лично обратиться к окруженным немцам по громкоговорителю с требованием капитуляции. Мероприятие было быстро подготовлено и организовано, и он с несколькими офицерами отправился на подготовленную точку вблизи переднего края. Генерал стал говорить через усилительную установку: «Я, Чуйков, бил вас в Сталинграде и вот теперь бью здесь. Если вы добровольно не сдадитесь на волю победителя, я уничтожу вас всех до одного...» И еще что-то подобное высказывал. Но закончить устрашающую речь не удалось. Немцы незамедлительно обрушились минометным огнем, да с такой точностью, что оратор еле успел унести ноги. Вскоре он уехал на Одер.

Затяжной бой в городе нас, конечно, не устраивал, и мы искали выход из положения. Однажды я доложил командарму при разговоре по телефону «ВЧ». Давайте, дескать, выпустим немцев из города и уничтожим в открытом поле, лишив их преимущества обороны в городских условиях. План действий со всеми подробностями я готов представить через день-два. Командарм сперва заинтересованно ухватился за эту идею, но потом стал высказывать сомнения: попадутся ли немцы на эту приманку? А где гарантия, что они нас не перехитрят и не пойдут по тылам наших войск на запад? Я настойчиво высказывал свои аргументы...

– Я подумаю, – сказал наконец генерал. Думал он недолго и через пару часов позвонил и сказал, что предложение мое не одобряет. Мне подумалось, что он советовался с командующим или начальником штаба фронта. Хотя я в этом не очень уверен.

Постепенно мы овладели всем городом, то и дело отправляя часть сил и средств на Одер. Немцы были загнаны в крепость, где они засели напроочь. Наблюдательный пункт командира 29-го корпуса расположился перед крепостью, с южной ее стороны, на чердаке Познанского театра, с которого хорошо просматривалась южная часть крепости и подступы к ней. Неоднократные атаки наших частей отбивались огнем противника из-за крепостной стены. Наши бойцы кое-где окопались на склоне насыпи и лежали под прицельным огнем, неся

потери, но дальше продвинуться не могли. Огнем прямой наводки тяжелых орудий в ряде мест нашим артиллеристам удалось пробить насквозь небольшие щели в крепостной стене, но это мало что давало. Немцы из прочных укрытий высывались во время нашей атаки и встречали атакующих губительным огнем всех видов. Они стреляли «фаустами» даже по отдельным бойцам, разнося их тела в клочья. По ночам немцы непрерывно освещали местность ракетами, что не позволяло в полной мере воспользоваться темнотой, чтобы взобраться на крепостную стену.

Пришлось искать выход из затруднения, которое необходимо было преодолевать каким-то другим путем. Сошлись на том, что решили путем взрыва проделать в насыпи спуск в ров напротив имевшейся арки в стене и по образовавшемуся проходу ночью запустить в крепость имевшиеся у нас на ходу одиннадцать танков и САУ, надежно прикрыв их пехотой. По расчетам саперов, требовалось перед рвом сделать две воронки разной глубины, да так, чтобы они соединились и образовали аппаратель. В одну вырытую щель намечалось вложить тонну взрывчатки, а в другую – полтонны. Под огнем врага поднести и вырыть шурфы было крайне трудно. Но другого выхода не было. Командарм одобрил наш план и приехал к нам, чтобы лично присутствовать при последнем штурме крепости. Благодаря героическим усилиям личного состава имевшейся в нашем распоряжении инженерно-саперной бригады план удался: после нескольких мучительных переносов по времени оглушительно прогремели один за другим гигантские взрывы. Потребовалась лишь небольшая расчистка грунта – и аппаратель была готова. В расчистке нам здорово помогли польские граждане, добровольно изъявившие желание помочь.

В ночь с 22 на 23 февраля 1945 года, незадолго до рассвета наши танки и самоходки один за другим благополучно вошли в крепость. Немцы не стреляли. Остатки немецкого гарнизона Познани сдались в плен. Был взят и генерал позиции Матери. А последний командующий обороной теперь уже генерал-майор Коннель, не успевший переодеться в генеральский мундир, пустил себе пулю в висок. Пленных выстраивали в колонны и выводили из крепости. Отправка их в лагерь военнопленных была возложена на штаб 29-го гв. ск, возглавлявшийся начальником штаба полковником А.К. Козловицким. Подполковника А.И. Матусова и майора А.Г. Мережку я оставил в помощь штабу корпуса, а сам вместе с В.И. Чуйковым и М.П. Духановым уехал на Одер, где шли ожесточенные бои за плацдарм непосредственно южнее Кюстрина.

Глава 8 Берлин перед нами

1

Обстановка на Одере к концу февраля 1945 года складывалась следующим образом. Как уже упоминалось выше, на завершающем этапе Висло-Одерской наступательной операции 8-я гв. армия, наступавшая на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта, 3 февраля силами 4-го и 25-го гв. ск с ходу форсировала реку Одер непосредственно южнее города и крепости Кюстрин и захватила небольшой плацдарм на западном берегу реки.

Немецко-фашистское командование спешно, хотя и по частям подбросило сюда в общей сложности до трех усиленных дивизий, стремясь отбросить наши войска за реку и удержать Одерский рубеж во что бы то ни стало. Завязались непрерывные бои за плацдарм: немцы старались его ликвидировать, а мы расширить и удержать.

Вначале нами была захвачена небольшая территория: около 14 километров по фронту и от 2 до 4 километров в глубину. Это стесняло, ограничивало действия наших войск, боевые порядки вплоть до самой реки находились под огнем противника, переправы непрерывно обстреливались артиллерией, не говоря уже о систематических налетах на них вражеской

авиации. Армия вела борьбу за расширение плацдарма, окружив в ходе напряженных боев совместно с частями 5-й ударной армии город-крепость Кюстрин. Гитлеровское командование предприняло отчаянную попытку прорваться к окруженному гарнизону. На одну из наших дивизий, удерживавшую позиции непосредственно западнее Кюстрина, был обрушен удар мощной группировки, поддержанной 10 артиллерийскими дивизионами и 100 танками, а также 120 самолетами. И все это на участке протяженностью около 2 километров. Дивизия не смогла удержаться на отвоеванном рубеже и стала пятиться к Одеру. Создалась угроза деблокации Кюстрина.

Положение в армии к этому моменту сложилось так, что мы не располагали свободными частями: все войска были задействованы на линии соприкосновения с противником, оказывавшим сильное давление по всему плацдарму. В тылу находилась лишь одна приданная из одиннадцати танковая бригада – последний резерв армии, – которую командарм не бросал в бой, сберегая для крайнего критического случая.

Обстановка продолжала ухудшаться. Командарм приказал мне немедленно выехать в дивизию, разобраться на месте с положением дел и вместе с командиром дивизии принять меры к отражению атаки противника.

– Остановить дальнейшее продвижение немцев во что бы то ни стало, – категорически приказал он.

Задача стояла не из легких. Взяв с собой опытного офицера майора Трусова, я отправился в дивизию. В полосе ее действий обстановка выглядела удручающе. Медленно ползла сплошная лавина вражеских танков. Немецкая артиллерия вела массированный огонь мощными налетами. Над боевыми порядками дивизии то и дело пикировали десятки вражеских самолетов. Одновременно окруженный в Кюстрине гарнизон напирал с тыла, стремясь прорваться навстречу своим спасителям.

Командира дивизии найти не удалось. На командном пункте, располагавшемся в полуразрушенном доме в полукилометре от противника, оказался командующий артиллерией дивизии, сообщивший, что комдив где-то в боевых порядках. Вместе мы пошли в ближайший полк. Солдаты и офицеры немногочисленного полка, отбиваясь от наседающих танков противника, медленно отползали назад. Окрест все горело. Облака пыли и дыма висели в воздухе, затрудняя наблюдение. На ветвях почерневших деревьев можно было, однако, разглядеть обломки от повозок и трупы лошадей, заброшенные туда взрывной волной. На изрытой взрывами земле громоздились вверх колесами развороченные орудия, догорали остовы танков, валялись зарядные ящики, а между ними – убитые лошади, тела погибших бойцов... А немецкие танки, извергая смертоносное пламя, все напирали и напирали. Укрываясь за их бронированными корпусами, с автоматами наперевес надвигались цепи пехоты. К небу тянулись искрящиеся хвосты разноцветных ракет.

Связываюсь по телефону с командующим и докладываю обстановку:

– Своими силами дивизия противника не остановит...

– Обязана остановить! – разгневанно перебивает он.

– Нужны дополнительные противотанковые средства, – настаиваю, – иначе возможен прорыв, немцы пробьют коридор в Кюстрин.

– Вы преувеличиваете опасность! – слышу в ответ.

Но я продолжаю настаивать:

– Дивизия нуждается в немедленной помощи, иначе будет поздно.

– Вы же знаете, – прокричал генерал, – что вся моя артиллерия, какая только может достать траекторией, поддерживает дивизию. Больше у меня ничего нет!

Тут я счел возможным напомнить о танковой бригаде. Она располагалась как раз неподалеку от дивизии, так остро нуждавшейся в помощи.

– Вы что же, хотите лишить меня последнего резерва? – Командующий тяжело дышал в трубку. – А если противник прорвется на другом участке, что я тогда должен делать? Сам ложиться под танк?!

Это было весьма реальное опасение. И все же нужно было действовать – и я настаивал:

– Товарищ командующий, беда может случиться с минуты на минуту.

Убедившись, что я настаиваю не из перестраховки, и понимая, что силы дивизии на исходе, В.И. Чуйков разрешил использовать резервную бригаду, добавив при этом для остротки, что, если танки будут противником сожжены, спрос с меня. Я поспешил на командный пункт бригады. Танкисты были готовы вступить в бой в любую минуту, но контратаковать превосходящую группировку представлялось рискованным, и мы с командиром бригады решили развернуть бригаду в линию, выдвинуть вперед навстречу противнику и на удобном рубеже с места отразить атаку. В считанные минуты бригада развернулась и открыла огонь. Моментально загорелось несколько машин противника. Я стал считать огненные факелы: семь, одиннадцать, четырнадцать, семнадцать... Тридцать шесть танков врага подожжено и взорвано в этой беспрецедентной дуэли. Мы потеряли шестнадцать машин.

Противник сперва остановился, а затем стал пятиться назад. Части дивизии стали восстанавливать утраченные позиции. С наступлением темноты бригада была вновь выведена в резерв. Опасность на этом участке временно миновала. Я говорю временно, потому что, по существу, почти до самого начала Берлинской операции войскам армии приходилось отражать атаки гитлеровцев, стремившихся сначала соединиться с Кюстринским гарнизоном, а затем ликвидировать плацдарм. Однако эти попытки ни к чему не привели, и 29 марта 1945 года окруженные в Кюстрине части противника были окончательно разгромлены, а остатки их пленены 82-й гв. дивизией генерал-майора Г.И. Хетагурова. Во время решающего штурма крепости командование этой дивизии бросило в бой речной десант в составе двух специальных стрелковых рот. Для перевозки десанта по разлившейся реке Варте использовались лодки, собранные для нас польскими гражданами у местного населения и частично изготовленные саперами в спешном порядке. Проводниками на лодках были также добровольцы из польского населения. Десант подошел к острову, на котором располагалась крепость, под покровом утреннего тумана. Немцы лишь в последний момент обнаружили лодки и открыли стрельбу, но помешать высадке не смогли. Наши бойцы ворвались в крепость и дерзкими действиями способствовали успеху других частей. Остатки гарнизона сложили оружие.

Однако и после падения Кюстрина фашисты не оставили попыток ликвидировать плацдарм. И, лишь окончательно убедившись, что все их усилия бесплодны, они принялись окружать его мощным валом густо заполненных войсками и противотанковыми средствами инженерных укреплений, дабы не допустить отсюда удара в направлении своей столицы.

2

Итак, мы оказались перед Берлином, на ближайших подступах к нему, а Берлин оцетинился перед нами в зловещем ожидании своей участи. Назревало время последней грандиозной битвы в Великой Отечественной войне. К этому моменту войскам нашей 8-й гв. армии и 5-й ударной (она действовала справа) удалось в результате упорных боев значительно расширить Кюстринский плацдарм: теперь он уже достигал 54 километров по фронту и до 10 километров в глубину. Сгруппировавшиеся на этой территории соединения и части советских войск отделяли от Берлина всего 70–80 километров. И тем не менее каждому из нас хотелось, чтобы это расстояние было еще меньшим.

Может быть, поэтому на дорожном указателе, установленном западнее Кюстрина и нацеленном в направлении Берлина, очень недолго просуществовало обозначение: «До Берлина 70 км». Затем неведомой рукой цифра стала переправляться, все уменьшаясь и уменьшаясь. И наконец на указателе стояло:

«До Берлина 48 км». Мы, операторы, скрупулезно подходили к измерениям расстояний на дорогах войны, памятуя о том, что... «гладко пишут на бумаге, да забыли про овраги. А по ним ходить». Поэтому стремление искусственно уменьшить действительное расстояние до столицы рейха вызывало у нас лишь ироническую улыбку. Впрочем, это стремление имело под собой некоторое основание, связанное с особенностью Берлина. Дело в том, что этот огромный город с пригородами занимал в то время площадь примерно 1200 квадратных километров.

Его протяженность с востока на запад составляла около 40 километров, а с севера на юг – до 30 километров. Это сам город, его жилые и промышленные кварталы и пригороды, где было сконцентрировано свыше 3 миллионов жителей. А вокруг пролегла окружная автострада, ее бетонное кольцо опоясывало собственно город на удалении от центрального, застроенного каменными зданиями массива, в среднем до 15–20 километров. Сначала мы принимали за основу расстояния до восточной окраины центрального массива города, а затем стало известно, что пространство, окаймленное окружной автострадой, называется зоной Большого Берлина и относится к городской черте. Потому некоторые командиры считали, что если передовые части наступающих войск перешагнут окружную автостраду, то тем самым они вступят в город, хотя от автострады до собственно города нужно было пройти еще 15–20 километров. А ведь каждый километр здесь – в этом не было сомнения – потребует сверхчеловеческих усилий, будет стоить многих и многих жизней. Кто знает, сколько еще героических сынов нашей Родины, проделавших победоносный путь от Волги до Одера, падет смертью храбрых, прежде чем наши войска преодолеют эти последние километры войны.

По имевшимся у нас разведывательным данным да и чисто по внешним признакам, фашисты тщательным образом готовились к обороне своей столицы, стремясь всеми способами оттянуть нависшее над ними возмездие. Они хорошо сознавали, что решающим актом борьбы за Берлин явится битва на Одерском оборонительном рубеже. В случае потери этого рубежа борьба неизбежно переносилась в сам Берлин. Вот почему главные усилия по защите Берлина были сосредоточены ими на Одере, где они создавали мощный барьер с развитой системой противотанковой и противопехотной обороны. Протянувшиеся западнее Одера, параллельно фронту, Зееловские высоты были изрезаны лабиринтами траншей и ходов сообщения, опоясаны минными полями и проволочными заграждениями, а полевые фортификационные сооружения здесь были до предела насыщены артиллерийскими орудиями, танками, минометами, фаустниками. Оборона состояла из трех укрепленных полос и нескольких промежуточных и отсечных рубежей и позиций.

О значении, какое придавали гитлеровцы в сражении за Берлин Одерскому оборонительному рубежу, недвусмысленно заявил впоследствии на допросе бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования Германии генерал-полковник Йодль: «Для нас было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере. Поэтому основная масса войск 9-й армии (из состава группы «Висла», оборонявшей Берлин) была введена на переднем крае. Срочно формировались резервы, которые должны были сосредоточиться севернее Берлина».

Но, укрепляя всеми силами Одерский рубеж, фашистские стратеги вместе с тем не тешили себя иллюзиями, сознавая, что им, по существу, нечего противопоставить наступательной мощи советских войск и долго на этом рубеже не продержаться. Именно поэтому все населенные пункты западнее Зееловских высот, вплоть до Берлина, подготавливались к круговой обороне, все высоты укреплялись, все доступные для войск проходы заграждались.

Вокруг Берлина спешно сооружались три оборонительных обвода: внешний – в 25–30 километрах от центра города, внутренний – по городским окраинам, городской – вдоль кольцевой железной дороги. На улицах столицы устраивались завалы, сооружались долговременные огневые точки из бетона (в общей сложности было построено свыше 400 таких точек), подготавливались к обороне почти все большие здания.

Гитлеровское командование под метелку мобилизовало население города – от подростков до глубоких стариков, вооружало и наспех обучало его, ставило в строй и гнало в окопы больных и раненых. Зенитная артиллерия, прикрывавшая Берлин с воздуха, переводилась на позиции, удобные для стрельбы по танкам прямой наводкой.

Гарнизон Берлина превышал 200 тысяч человек. Всего же на Берлинском направлении противник имел до миллиона солдат и офицеров, свыше 10 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, около 3300 боевых самолетов.

Что представлял собой в то время Берлин? Прежде всего, это был крупнейший узел железных и шоссейных дорог. В нем сходились 15 железнодорожных линий и примерно такое же количество автомобильных магистралей. Железнодорожный узел насчитывал 30 вокзалов. Район города изобиловал реками, озерами, каналами. Все это, естественно, усложняло и без того сложную задачу наступающих войск. Нашему командованию особенности Берлина были хорошо известны, и тем не менее все мы горели одним желанием – как можно скорее начать штурм. Ожидая этого штурма, гитлеровское командование вместе с тем надеялось, что созданные вокруг столицы оборонительные пояса помогут оттянуть срок падения города, а следовательно, и срок окончания войны. Ну а чем дольше протянется война, тем, по их замыслам, вероятнее возможность раскола антигитлеровской коалиции, принимая во внимание антисоветскую политику реакционных кругов США и Англии. Рассчитывая на возможность такой ситуации, гитлеровская клика предприняла ряд провокаций. В частности, была выдвинута концепция: «Лучше сдать Берлин западным державам, чем пустить в него русских». Показательны в этом отношении специальные указания, разработанные для своих войск руководством национал-социалистической партии и датированные 3 апреля 1945 года: «В скором будущем нужно ожидать большого наступления большевиков на реку Одер. Для укрепления духа и возбуждения фанатизма необходимо в период с 5 по 8 апреля провести беседы в частях. Основой для этих бесед служат следующие указания: война решается не на западе, а на востоке и именно на участке нашей (9-й) армии. Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются – люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны. При упоминании о событиях на западе, тяжесть которых нельзя недооценивать, самое главное – поддержать и усилить мужественным тоном надежду, что положение будет исправлено».

Забегая несколько вперед, уместно напомнить, что уже в ходе Берлинского сражения Гитлер лично приказал направить 12-ю армию, действовавшую против англо-американских войск, на Восточный фронт против Красной армии. Почти не оказывая сопротивления в ходе боев на западе, немцы пытались вести переговоры о заключении сепаратного перемирия с англо-американским командованием. Учитывая все это, Верховный главнокомандующий И.В. Сталин приказал всемерно ускорить подготовку к наступлению, разъясняя, что лучший способ пресечь все провокационные махинации немцев – это как можно скорее разгромить берлинскую группировку и захватить Берлин. Дальнейшие события подтвердили правильность этой установки.

Итак, нам вот-вот предстояло начать решающий штурм – ринуться на врага всей мощью пехоты, танков, артиллерии, собранных в кулак на западном берегу Одера – на плацдарме, простиравшемся до ближайших подступов к гряде Зееловских высот. Сама река по обоим берегам была ограждена земляными дамбами, а совершенно ровная низменность между

рекой и высотами во многих местах была заболочена и утыкана небольшими перелесками и кустарником. По обе стороны шоссеной дороги, идущей от Кюстрина на Зеелов, образовались озера от весенней распутицы, пузырилась непролазная грязь. Наши войска занимали не всю низменность: часть ее перед высотами на удалении от них на 4–6 километров удерживали немцы. Здесь имелось несколько населенных пунктов, была создана развитая система траншей. Это были их передовые позиции, поддерживаемые огнем с Зееловских высот. С этих же высот немцы просматривали весь наш плацдарм и обстреливали его на всю глубину артиллерией.

Построенные нашими саперами на реке низководные мосты систематически подвергались ударам вражеской авиации и артиллерии и часто выводились из строя. Приходилось все время держать наготове дымовые средства, а также прикрывать переправы мощным зенитным огнем: для этой цели использовались две зенитные дивизии.

Сама гряда высот тянется с севера на юг почти параллельно реке на удалении от нее на 12–18 километров. Превышение высот над равниной достигает 40–50 метров с крутизной восточных скатов 40–45 градусов. Позади высот вплоть до самого Берлина простирается относительно ровная местность. Пространство между высотами и Берлином покрыто густой сетью населенных пунктов, лесными насаждениями, небольшими реками, озерами и каналами. Следовательно, характер местности создавал очень выгодные условия для обороны немцев и сильно затруднял и осложнял наступление наших войск. Все это детально учитывалось нами при подготовке Берлинской наступательной операции.

3

В первых числах апреля 1945 года Ставка Верховного главнокомандования возложила на войска 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов новую задачу. Она заключалась в том, чтобы разгромить берлинскую группировку немцев, овладеть Берлином и выйти на рубеж реки Эльбы. Этими фронтами командовали прославленные советские полководцы Маршалы Советского Союза К.К. Рокоссовский, Г.К. Жуков, И.С. Конев.

Идея замысла заключалась в том, чтобы совместными ударами трех фронтов расчлнить немецко-фашистскую группировку, обороняющуюся на Берлинском направлении, и уничтожить ее по частям. Совместным маневром соединений ударной группировки 1-го Белорусского фронта, обходящих Берлин с севера и северо-запада, а также соединений и танковых армий 1-го Украинского фронта, обходящих Берлин с юга и юго-запада, предусматривалось окружение берлинской группировки противника (9-й армии и части сил 4-й танковой армии). Это должно было помешать переброске к Берлину немецких войск с запада и упредить выход к нему западных союзников. Расчленение окруженной группировки на две части предусматривалось осуществить ударом левофланговых соединений 1-го Белорусского фронта в общем направлении на южную окраину Берлина и Бранденбург. Разгром противника севернее Берлина возлагался на левофланговые соединения ударной группировки 2-го Белорусского фронта, которым предстояло нанести удар в западном и северо-западном направлениях. Благодаря этому немецкая группировка, действовавшая к северу от каналов Гогенцоллерн и Финов, отсекалась от Берлина и прижималась к прибрежным районам Балтийского моря. Успешное выполнение этой задачи обещало сорвать планы гитлеровского руководства, направленные на сдачу Берлина западным державам, препятствовало заключению гитлеровцами сепаратных сделок с тогдашними нашими союзниками и не допускало выхода к Берлину и вступления в столицу Германии англо-американских войск. (А они к этому весьма настойчиво стремились, предусматривая выброску в район Берлина воздушных десантов, дабы захватить город раньше нас.) Сложившаяся обстановка требовала быстрых действий.

В первых числах апреля Ставка Верховного главнокомандования дала командующим фронтами письменные директивы на подготовку и проведение Берлинской операции.

1-му Белорусскому фронту, в состав которого входила 8-я гв. армия, предписывалось перейти в наступление на участке Шведт – Гросс-Гастрозе, разгромить берлинскую группировку немцев, овладеть столицей Германии Берлином и, развивая наступление на запад, не позднее чем через 12–15 дней после начала операции выйти на рубеж реки Эльбы. Главный удар силами четырех общевойсковых и двух танковых армий нанести с плацдарма на западном берегу Одера западнее Кюстрина. Танковые армии должны были развивать успех в обход Берлина. Главная группировка обеспечивалась с севера и юга двумя вспомогательными ударами (силами четырех армий) из района северо-западнее Бервальде в направлении Эберсвальде, Фербелина и с плацдарма на Оudere севернее и южнее Франкфурта – в направлении Фюнстенвальде, Потсдама, Бранденбурга, в обход Берлина с юга. Ставка требовала создания на направлении главного удара артиллерийской плотности до 250 орудий на километр фронта, что должно было обеспечить максимальную силу ударной группировки. За счет стратегических резервов фронт был усилен 3-й армией, прибывавшей к 13 апреля в район Циленциг – Штенберг.

При планировании операции в штабе фронта и в штабах армий главное внимание уделялось двум основным моментам: прорыву обороны по рубежу Зееловских высот и непосредственному штурму Берлина. Эти вопросы отрабатывались наиболее тщательно и подробно, с учетом специфики местности в районе прорыва, характера обороны противника и особенностей наступления на крупный и хорошо подготовленный к защите город.

Особую заботу представлял прорыв обороны противника с Кюстринского плацдарма. На нем в первом эшелоне фронта было сосредоточено четыре общевойсковые армии, а с захватом Зееловских высот предусматривался ввод двух танковых армий. Прорыв должна была осуществлять ударная группировка в составе 8-й гв., 3-й и 5-й ударных армий. В полосе наступления 8-й гв. армии предусматривался ввод 1-й гв. танковой армии, а в полосе 5-й ударной армии – 2-й гв. танковой армии. Дивизии и полки первого эшелона усиливались значительным количеством артиллерии. Для удара по рубежу Зееловских высот привлекалась основная масса авиации фронта. Кроме того, для удара по укреплениям противника на высотах использовались соединения дальней авиации. Такое необычное использование этой авиации объяснялось особым значением, какое придавалось первому удару по противостоящему противнику, необходимости быстрого прорыва его сильно укрепленной обороны. Главная задача – пробить войскам дорогу на Берлин – требовала привлечения максимально возможного количества сил и средств. Невыгодное исходное положение наших войск на плацдарме (по условиям местности) вынуждало изыскивать новые методы обеспечения атаки, неожиданные для противника. Поэтому было принято целесообразным артиллерийскую и авиационную подготовку провести в темное время суток, до рассвета. Атака также должна была начаться перед рассветом, чтобы затруднить наблюдение и обстрел противником атакующих войск. Элемент неожиданности несло в себе и применение в момент атаки большого количества зенитных прожекторов, которым надлежало по сигналу внезапно направить световые снопы в сторону противника и ослепить его. Было использовано в общей сложности 147 прожекторов.

Для изменения исходного положения войск (подтягивание их ближе к Зееловским высотам) планировалось за двое суток до общего наступления атаковать противника передовыми батальонами, подойти к высотам и вскрыть боем характер обороны и расположение огневых средств. При успешном продвижении этих батальонов имелось в виду приблизить исходное положение главных сил к высотам.

Подготовка такой гигантской и необычно сложной операции потребовала от командования, штабов и войск колоссальной работы в крайне сжатые сроки. Усиливались существовавшие к тому времени и строились новые мосты через Одер, прокладывались дороги,

обеспечивалось исходное положение в инженерном отношении, проделывались проходы в минных полях, подвозились боеприпасы и другие материальные средства, пополнялись части личным составом, изучался опыт боев в крупных городах, проводилась целенаправленная политраба. В штабе фронта в период с 5 по 7 апреля была проведена с командующими армиями и командирами корпусов военная игра на картах по предстоящим действиям. Вслед за этим и у нас в штабе армии предстоящие действия были подробно отработаны на картах с руководящим составом штаба армии, корпусов и дивизий, с командирами частей усиления и поддержки. Перед этим штаб фронта изготовил и разослал подчиненным штабам необходимые материалы. Важнейшими из них были: фотосхема обороны противника, макет города Берлина со всеми изменениями, вызванными разрушениями при налетах нашей и союзнической авиации, крупномасштабные карты и планы немецкой столицы. Для удобства управления войсками по телефону и радио с соблюдением секретности мы у себя в армии впечатали на план Берлина нумерацию каждого квартала и всех отдельно стоящих зданий. Это очень облегчило работу впоследствии, в ходе боевых действий.

12 апреля, то есть уже в процессе интенсивной подготовки к наступлению, мы получили директиву командующего фронтом, официально определявшую задачу нашей армии в подготавливаемой операции. Директивой предписывалось в ходе наступления прорвать на узком участке оборону противника и, развивая удар в общем направлении – Зеелов, Требниц, Гарцин, Силезский вокзал, Шарлоттенбург, овладеть соответствующими рубежами к исходу каждого из трех первых дней наступления. Дальнейшей задачей было овладение пригородами Берлина – Марцаном, Фридрихсфельде, Карлсхорстом, Каульсдорфом, Мальсдорфом, Дальвяцем, центральной частью Берлина, а на шестой день операции нам надлежало выйти на восточный берег озера Хафельзее. Из директивы следовало, что нашей армии предстоит наступать в первом эшелоне ударной группировки фронта на главном направлении и по кратчайшему пути – там, где оборона противника являлась наиболее плотной и где была сосредоточена основная часть его резервов.

В соответствии с предписанной задачей было уточнено решение командарма, откорректированы задачи войскам, даны указания по взаимодействию. После разработки всех оперативных, боевых и других необходимых документов наш штаб занялся организацией подготовки к наступлению непосредственно в войсках. На левом фланге плацдарма на господствующей высоте 81,5, что находилась примерно в 2 километрах от переднего края обороны противника, был оборудован передовой командный пункт армии, на котором мы организовали круглосуточное наблюдение за противником и своими войсками. Вся деятельность войск до самого низа была взята под контроль штаба армии. С этой целью в корпуса и дивизии направлялись офицеры оперативного, разведывательного и политического отделов, а также штабов родов войск и служб, которые на местах оказывали квалифицированную помощь.

По решению командующего армией генерал-полковника В.И. Чуйкова, утвержденному командующим фронтом Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, 8-я гв. армия имела следующее оперативное построение: на правом фланге 4 гв. ск, имевший две дивизии в первом эшелоне и одну – во втором; корпусом командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант В.А. Глазунов.

В центре, в том же построении, – 29-й гв. ск под командованием только что вступившего в исполнение обязанностей генерал-майора Г.И. Хетагурова. На левом фланге – 28-й гв. ск во главе с генерал-лейтенантом А.И. Рыжовым. Корпус также имел две дивизии в первом и одну во втором эшелоне.

Штаб армии после тщательной проверки на местах в ночь на 14 апреля доложил командарму о полной готовности армии к наступлению. И вот в 7 часов 40 минут 14 апреля после двадцатиминутной артподготовки передовые батальоны дивизий первого эшелона перешли в

наступление с ограниченной целью. Это была та самая запланированная разведка боем, о которой говорилось выше. Однако противник – а мы на это и рассчитывали – принял наши действия за настоящее наступление и встретил передовые батальоны всей системой огня. Упорные бои длились весь день, в результате чего нам удалось продвинуться на глубину от 1,5 до 3 километров. На некоторых направлениях было захвачено по три траншеи в первой оборонительной позиции немцев и несколько населенных пунктов. Была вскрыта система огня противника, уточнены места огневых позиций артиллерии и опорных пунктов на Зеелобских высотах.

Ночь на 15 апреля использовалась для уточнения огневых задач, перемещения вперед боевых порядков, отработки взаимодействия.

Немцы заметно нервничали. В ходе нашей подготовки к наступлению они неоднократно использовали громкоговорители, чтобы прокричать, что Берлин нам взять не удастся, что они, дескать, тоже были под Москвой, но не взяли ее, а теперь такая участь ожидает и нас под Берлином. В последние дни раздавались нервные выкрики-вопросы: почему мы не начинаем наступать? И добавлялось, что они готовы дать нам отпор. В ночь на 15 апреля и в первой половине ночи на 16 апреля немцы предприняли несколько групповых налетов авиации на переправы через Одер, причем с использованием осветительных бомб, однако прямых попаданий в мосты не было. Во второй половине ночи на 16 апреля на фронте установилась мертвая тишина. Не было слышно ни пулеметных очередей, ни артиллерийской стрельбы. Все затаилось в томительном ожидании.

Войска на плацдарме перед противником расположились в столь плотном построении, что любой вражеский снаряд мог принести большие жертвы. Это вызывало у нас большую тревогу, артиллерия находилась в готовности к немедленному подавлению артиллерии противника, как только она заговорит. Но немец молчал: подлинное затишье перед бурей.

Можно было представить, с каким чувством ожидали этой бури фашистские войска. Из поступавших разведывательных данных мы знали, что 14 апреля во всех частях и соединениях немецких войск, оборонявшихся перед 1-м Белорусским фронтом, зачитывался специальный приказ Гитлера. В этом приказе фюрер пытался успокоить своих солдат, указывая, что немецкое командование, предвидя новый удар Советов на Берлин, заблаговременно подготовило оборону, оснастив ее колоссальным количеством артиллерии. Вместе с тем, не надеясь на стойкость своего воинства, Гитлер приказывал расстреливать на месте всех, кто разрешит отход или будет отходить, независимо от чина и занимаемого положения.

И невольно на память приходит другой приказ, с которым были ознакомлены гитлеровские войска незадолго перед этим: в нем говорилось о репрессиях в отношении семей солдат и офицеров, которые сдадутся в плен. В то же время из боевых частей, стоявших в первой линии обороны, были изъяты все солдаты и офицеры, которые сами (или их родственники) «когда-либо и каким-либо образом были связаны с Россией».

В первую линию обороны были поставлены соединения с чисто немецким личным составом. Словом, гитлеровцы постарались все продумать, все учесть, чтобы противопоставить наступательному прорыву наших войск и мощные укрепления, и огромную насыщенность военной техникой, и фанатизм отравленных фашистской чумой солдат, и даже страх перед собственной, немецкой пулей в случае отступления.

Мы тоже со своей стороны постарались все продумать, все учесть, только уже совсем под иным углом зрения. У нас в 8-й гв. армии все было сделано: проверена готовность, организовано наблюдение за противником по всему переднему краю; любая вспышка света засекалась наблюдателями, разведчики и саперы следили за проходами, проделанными в минных полях, и охраняли их.

Темноту ночи усугубляла низкая сплошная облачность. Лишь на стороне противника время от времени бледно вспыхивали осветительные ракеты. Личный состав отдыхал, чтобы набраться сил перед напряженным боем. Я тоже собрался было прилечь на часок, но пришли начальник армейской разведки подполковник А.П. Гладкий и начальник штаба артиллерии полковник В.Ф. Хижняков. Их беспокоило то же самое, что и меня, не проведет ли противник артиллерийскую контрподготовку по плотным боевым порядкам наших войск. Находясь на командном пункте армии на восточном берегу Одера, я время от времени говорил по телефону с офицерами, дежурившими на передовом пункте, оборудованном на высоте 81,5 на плацдарме. Мне сообщали, что все тихо, без изменений. Кроме пуска ракет, противник себя ничем не проявлял.

С наблюдательного пункта в светлое время суток можно было наблюдать лишь боевые порядки своих войск и восточные скаты Зееловских высот. Что делалось за гребнем высот, видно не было. Командиры всех степеней – от командующего фронтом и командарма до командиров частей и подразделений – были озабочены тем, как преодолеть Зееловские высоты: будет ли надежно подавлена система огня противника нашей артиллерией и авиацией, смогут ли танки с ходу выбраться на высоты, не будет ли перед высотами прижата к земле огнем противника пехота? Мне было известно, что на передовой командный пункт нашей армии ночью, перед началом артподготовки, прибудет командующий фронтом Г.К. Жуков со своими ближайшими помощниками. Таким образом наш передовой командный пункт на какое-то время превращался в командный пункт фронта – отсюда станет осуществляться управление всеми силами, что устремятся на Берлин. Надо было обеспечить повышенную безопасность руководства, создать условия для работы высокопоставленных лиц. На высоту 85,5 можно было выехать только со стороны противника и на виду у него, и так как артиллерия фашистов часто обстреливала высоту, то въезд пришлось прикрыть от наблюдателей изгородью из деревьев и маскировочными сетями.

Командующий армией генерал-полковник В.И. Чуйков, член Военного совета генерал-майор А.М. Пронин, начальник штаба генерал-майор В.А. Белявский, командующие родами войск и большая часть офицеров оперативного отдела также последовали на передовой пункт. Время тянулось мучительно медленно. Вместе с тем с каждым часом нарастала уверенность, что противнику не удалось разгадать наш замысел: он не определил по поведению наших войск, когда точно будет нанесен решающий удар. Значит, не пропали наши усилия, направленные на то, чтобы ввести его в заблуждение относительно начала наступления.

Наконец на высоту прибыл маршал Г.К. Жуков и сопровождающие лица. Генерал Чуйков доложил: «Товарищ Маршал Советского Союза! Войска вверенной мне армии к проведению Берлинской операции готовы!»

Георгий Константинович с довольной улыбкой и кажущимся спокойствием пожал командарму руку. Затем поздоровался со всеми остальными, кто был здесь же, и, обращаясь к командующему 16-й воздушной армией генерал-полковнику С.И. Руденко и командующему артиллерией генерал-полковнику В.И. Казакову, спросил негромко:

– Ну как, будем начинать?

– Мы готовы! – в один голос ответили генералы.

Г.К. Жуков молча вскинул руку с часами. Все поняли этот жест, и каждый сверил время на своих часах с часами командующего фронтом. Последний подошел к телефону ВЧ, соединился с начальником штаба фронта генерал-полковником М.С. Малининым и спросил спокойным голосом:

– Новостей нет?

Присутствующим не было слышно, что ответил собеседник, и все с напряженным вниманием следили за выражением лица маршала. Оно было непроницаемо спокойным.

Закончив разговор и неторопливо положив трубку, маршал поднял к глазам руку с часами, чуть помедлил и все тем же обыденным тоном произнес:

– Время! – И взмахнул рукой. И все то, что пряталось за обыденным тоном, за непроницаемым спокойствием в выражении лица, невольно прорвалось в этом жесте, зовущем к Великой победе и уверенном в ней.

Глава 9 На Берлин!

1

Вдоль переднего края вспыхнули тысячи ракет, и вся местность перед Зееловскими высотами разом сбросила темное покрывало ночи. И тотчас до командного пункта донесся шуршащий грохот: это дали первый залп прославленные «Катюши». Следом ударила вся масса артиллерии. Отдельных выстрелов орудий и разрывов снарядов не слышалось: стоял сплошной гул, сотрясавший землю. Из-за грохота тысяч орудий нам не было слышно, как пролетали наши самолеты: мы следили за их действиями по фейерверку от разрывов авиационных бомб над укреплениями противника. Гигантский огненный смерч бушевал над вражескими позициями, земля всплескивалась к небу черными фонтанами, по небу из конца в конец металась сказочные полосы зарева. Грандиозная, захватывающая воображение картина, для описания которой не хватило бы слов у самого гениального художника и которую впоследствии всего в несколько слов уложили военные историки: «На Кюстринском плацдарме началась артиллерийская и авиационная подготовка».

А что немцы! Немцы молчали...

Как стало известно несколько позже, после наших действий 14 апреля в стане врага закипела еще более лихорадочная работа по укреплению обороны. Подводились новые формирования, подтягивалась резервы, передислоцировались с других направлений оставшиеся без войск штабы, бравшие на себя управление прибывающими войсками; спешно проводилась перегруппировка войск, создавались мощные резервы позади Одерского плацдарма. На подступах к Берлину были сосредоточены 20-я моторизованная дивизия, мотодивизия «Мюнхеберг», 9-я авиадесантная дивизия, 25-я мотодивизия, а также дивизии с такими громкими названиями, как «Берлин», «Нордланд».

Еще накануне, то есть 13 апреля, командующий 9-й армией фашистов генерал пехоты Буссе предупреждал подчиненных ему командиров о том, что следует ожидать в направлении Берлина наступления советских войск крупными силами. Генерал был крайне озабочен, характеризуя положение как самое серьезное. Он подчеркивал, что 9-я армия получила строжайший приказ фюрера при любых обстоятельствах и ценой любых жертв удержать фронт на Одере, так как именно здесь будет решаться судьба Берлина.

Оценивая обстановку и анализируя разведывательные данные, которыми они наверняка располагали, руководящие военные инстанции немцев предупреждали свой офицерский состав о большой концентрации наших войск на Берлинском направлении и об их вероятном наступлении на столицу в ближайшее время. Но тот факт, что мы после действий передовых отрядов не начали большого наступления 12–15 апреля, ввел немецкое командование в заблуждение. Даже 15 апреля, в самый канун Берлинской операции, немцы были уверены, что мы нанесем удар только через несколько дней, поскольку мы не сделали этого ни 14, ни 15 апреля. Поэтому немцы продолжали перегруппировки даже в ночь на 16 апреля.

Это еще одно доказательство того, с каким искусством и скрытностью готовили наше командование и штабы такую сложную и грандиозную операцию, с какой прозорливостью они сумели завести противника в заблуждение в отношении сроков начала операции.

Итак, говоря скупым и точным военным языком, на Кюстринском плацдарме началась артиллерийская и авиационная подготовка. Не было теперь силы, которая смогла бы остановить или сорвать действие огромной массы наших войск.

2

16 апреля. 5 часов 25 минут. Артиллерийская и авиационная подготовка продолжается с нарастающей силой. В синевато-бледное небо врзается вертикальный луч мощного прожектора: сигнал для включения всех прожекторов, которые должны ослепить врага, и для начала атаки пехоты и танков.

Более полусотни прожекторов, расположенных в линию на фронте нашей армии, одновременно направили стрелы своих лучей в сторону противника. В пелене яркого света замаячили спины наступающих бойцов. Во избежание ослепления им было запрещено оглядываться назад.

Вскоре, однако, пыль и дым впереди образовали столь плотную завесу, что прожекторные лучи, упираясь в нее, стали как бы обламываться. Из-за этого применение прожекторов ожидаемых результатов не дало. Судя по первоначальным результатам атаки, ослепить противника не удалось. Справедливости ради следует, однако, признать, что в целом прожекторы принесли определенную пользу, сыграв роль весьма эффективных сигналов, а также своего рода указателей направления атаки, что имело для войск организующее значение. Но, как показали дальнейшие события, того главного, на что рассчитывало наше командование, прожекторы не принесли, поскольку наша атакующая пехота не смогла с ходу ворваться на высоты. А замысел с прожекторами сводился именно к этому.

При свете прожекторов наступление продолжалось. Пехота и танки, несмотря на губительный огонь врага, продвинулись на глубину от 3 до 6 километров, подойдя вплотную к подножию Зееловских высот. Однако здесь, используя выгодные условия местности и широко развитую систему фортификационных укреплений, немцы сумели остановить наше наступление. Подняться на высоты с ходу не удалось. Тогда для наращивания удара в 7 часов 10 минут началось выдвижение передовых отрядов 1-й гв. танковой армии. Танки вступали в бой с 11 часов по мере переправы через Одер и подхода к переднему краю.

Но немцы просматривали и обстреливали с Зееловских высот всю равнину на плацдарме. Огонь вели штурмовые орудия, танки, артиллерия, укрытые в складках местности и прочно окопанные и замаскированные. С дефиле железной дороги, идущей вдоль Зееловских высот, вел огонь бронепоезд (после захваченный нами), на платформах которого стояли самоходные орудия и полевые пушки, стрелявшие прямой наводкой по нашим танкам. Били по танкам и около 200 зенитных орудий, окопанных и укрытых на высотах для стрельбы прямой наводкой.

Становилось очевидным, что в результате нашей артиллерийской и авиационной подготовки уничтожено и подавлено значительно меньше огневых средств противника, чем ожидалось. Положение складывалось неблагоприятно. Пехота залегла на виду у противника и несла большие потери. Многие танки загорелись. Маневр был скован, так как машины могли подняться на высоты только в отдельных местах, а эти места оказались плотно замаскированы и обстреливались противотанковыми средствами.

Наше командование стало проявлять вполне объяснимую нервозность. Командующий фронтом, сначала спокойно наблюдавший за сражением и даже порой шутивший, начал возмущаться «нерешительностью наступавших войск». Ему, да и всем нам тоже, не верилось, что ни одной из частей не удалось вырваться на высоты. Он потребовал уточнить положение войск, выявить узлы сопротивления фашистов, принять меры к их надежному подавлению. Я держал непрерывную связь по телефону с наблюдательными пунктами

корпусов, звонил в дивизии первого эшелона, в соседние армии. Ответы были однозначные: войскам ни нашей армии, ни соседних взобраться на высоты не удалось.

Примерно около 11 часов утра начальник штаба армии генерал-майор В.А. Белявский сообщил мне, что по докладу одного из летчиков-истребителей, летавшего в направлении Берлина, группа наших танков подошла с востока к Мюнхебергу и ведет огонь по городу. Мюнхеберг расположен в 17 километрах за Зееловскими высотами, и выход туда наших танков говорил о преодолении нашими войсками обороны немцев на высотах. Я такими сведениями не располагал и считал, что летчик что-то напутал. Пришлось еще раз перепроверять все данные обстановки. Сведения не подтвердились. Докладываю об этом генералу Белявскому. Он тут же приказывает мне организовать более детальную проверку, для чего послать на двух самолетах связи По-2 толковых офицеров, которые могли бы с воздуха определить положение войск. Одного надлежало послать к Мюнхебергу, дабы уточнить, чьи танки вышли к этому городу, и постараться связаться с командиром этой танковой группы. Другой должен был пролететь над Зееловскими высотами по переднему краю обороны противника и просмотреть положение на линии соприкосновения войск. Сознывая опасность бесцельной потери летчиков, самолетов и офицеров (именно бесцельной, так как обстановка была совершенно ясна), я стал уговаривать начальника штаба не делать этого, доказывая, что никакие наши танки появиться у Мюнхеберга не могли. Однако генерал настаивал на своем, ссылаясь на указание командарма. Тогда я связался по телефону с командармом и доложил о полученном приказании, надеясь, что он его отменит. Последний выслушал и... подтвердил приказание, пояснив, что это делается с ведома командующего фронтом, который, дескать, находится рядом и слышит наш разговор.

Мне стало ясным, что в данном случае желаемое принимается за действительное, что легко верят тому, чему хотят поверить. Но деваться было некуда: приказ есть приказ. Приступаю к исполнению. Самолеты находились на посадочной площадке рядом с командным пунктом. На них часто летали с поручениями офицеры штаба и я сам, и организовать немедленный вылет не представляло труда. Но кого послать с таким заданием? Здесь нужны офицеры, способные с воздуха, под обстрелом противника разглядеть, что делается на земле, отличить своих от чужих, уверенно ориентироваться по карте и на местности. В этом отношении я мог положиться только на офицеров-операторов и разведчиков. Перебираю в памяти этих офицеров. Их в моем распоряжении единицы. Словом, выбор небольшой. Останавливаюсь на офицере оперативного отдела майоре Н.Л. Величко – пусть пролетит вдоль высот. К Мюнхебергу в тыл противника лучше послать офицера-разведчика и майора Р.Г. Симоняна. Вызвал их с картами и поставил задачу. Оба не первый день на фронте, тому и другому не раз приходилось выполнять серьезные и опасные боевые поручения. Услышав, куда им предстоит отправиться, офицеры невольно побледнели: слишком явной была опасность погибнуть. Однако воинский долг превыше всего, рассуждать не приходилось.

Мы вышли к самолетам. Поднялся сильный ветер, и полет обещал быть сложным и трудным, не говоря уже о необходимости лететь над позициями противника на малой высоте, доступной для всех видов стрелкового оружия. С интервалом 10 минут самолеты взлетели и пошли к линии фронта. Я наблюдал за ними визуально, пока они не скрылись из вида.

На фронте наступило относительное затишье: пехота лежала, артиллерия с обеих сторон заметно ослабила огонь, лишь туда и сюда проходили группами боевые самолеты. И вот томительное и беспокойное ожидание. Авиаторы в доказательство правильности доклада летчика представили командованию фотоснимок группы танков, подошедших к Мюнхебергу с востока. Казалось, теперь должны были отпасть последние сомнения. И тут, повнимательнее изучив снимок, я вдруг обнаружил досадную ошибку летчика: принял за Мюнхеберг Зеелов, находившийся на половине расстояния между Одером и Мюнхебергом. Перед Зееловом действительно стояли наши танки и вели огонь. Это было видно с наблюдательного пункта. Теперь не только мне, но и другим, кто имел к этому отношение, стало ясно, что Величко и Симонян были посланы в опасный полет напрасно. Однако дело

сделано, оставалось ждать последствий. Я подсчитал, сколько времени самолеты (по запасу горючего) могут находиться в воздухе. Время истекло, а ни один самолет не возвращался. Сомнений не возникало, что посланцы попали в беду. Но все обошлось. Первым вернулся майор Величко. Самолет приземлился с пустым баком, в кор пусе машины оказалось несколько десятков пробоин. А результат? Величко пролетел над передним краем, но ничего не разглядел: самолет сильно болтало, дым и пыль не позволили что-либо разглядеть на земле. Теперь оставалось дожидаться майора Симоняна. День был на исходе, наступал вечер, а о посланце никакого слуха. Я уже потерял всякую надежду и решил выйти в столовую перекусить, поскольку раньше было не до обеда. В дверях дома мне встретился Симонян. Его трудно было узнать, хотя прошло часов шесть всего. Был он грязным, словно бы закопченным и показался совсем маленьким. В руках у него окровавленный, перебитый крупнокалиберной пулей поясной ремень и пистолет в кобуре, покрытый запекшейся кровью. Из краткого доклада офицера я уяснил, что летчик после третьей попытки сумел перелететь линию фронта, но был ранен в спину. Некоторое время, преодолевая мучительную боль, он продолжал лететь к цели, но вскоре заявил, что теряет зрение. Симонян приказал повернуть обратно, и они снова под огнем пересекли линию фронта и приземлились на нашей стороне. Когда приземлились, оказалось, что летчик потерял сознание от большой потери крови. Майор Симонян извлек его из кабины самолета, донес до ближайшего медпункта, а сам направился на командный пункт, прихватив пистолет и ремень летчика. Так окончилась история этого полета. Было возбуждено ходатайство о награждении офицеров и летчиков орденами.

Однако вернемся на плацдарм, где свершались великие события войны. Первый рывок наших войск к Зееловским высотам был успешным: пехота и танки подошли вплотную к главной позиции противника, а кое-где захватили по несколько траншей и ходов сообщения. Но каждая последующая попытка продвинуться дальше и ворваться на сами высоты отбивалась многослойным огнем. Продвижение прекратилось. Более того, мы не имели реальных шансов быстро изменить положение, так как вся местность перед высотами просматривалась и простреливалась артиллерией, танками и минометами, укрытыми за скатами и в складках высот, что затрудняло их обнаружение и подавление. Хорошо еще, что мы были избавлены от ощутимых ударов с воздуха, ибо в небе господствовала наша авиация: над полем боя почти непрерывно шли воздушные бои, советские асы своевременно отгоняли вражеские самолеты, не допуская их нападения на войска и переправы.

Да, продвижение войск прекратилось. А так как день уже подходил к концу, во всех штабах началась спешная работа по подготовке ночных действий: мы не имели права потерять ни одного часа темного времени суток, дабы опередить противника, не дав ему возможности произвести перегруппировку и восстановить оборону на тех участках, где она нарушена в результате нашего дневного наступления. Едва стемнело, как на плацдарме все пришло в движение: перемещение артиллерии и минометов на новые огневые позиции, засновали машины, подвозившие боеприпасы, тут и там раздавались приглушенные команды офицеров. И ни у одного человека из многих десятков тысяч солдат, офицеров, генералов не возникало даже мысли хотя бы о самом коротком отдыхе. В эти часы решалась судьба прорыва, открывавшего дорогу на Берлин. В то же время наша артиллерия не жалела снарядов, а авиация – бомб, чтобы помешать ночным действиям врага.

Когда ночные перегруппировки у нас были в основном завершены, части готовились к новому рывку на высоты. На правом фланге армии в районе населенного пункта Зеелов на узком участке действовала 47-я гв. сд под командованием генерал-майора В.М. Шугаева. Бойцы этой дивизии умело воспользовались темнотой и, проявив подлинный героизм, штурмом захватили немецкие укрепления непосредственно на высотах чуть севернее Зеелова. И не только захватили, но и сумели удержать. Это сыграло решающую роль в обеспечении успеха дальнейшего наступления главных сил армии с утра 17 апреля. В пробитую 47-й дивизией брешь устремились и другие соединения 4-го гв. корпуса под

командованием генерал-лейтенанта В.А. Глазунова. Воспользовавшись успехом соседа справа, на высоты ворвались и части 29-го гв. корпуса под командованием генерал-майора Г.И. Хетагурова. Следом могучей лавиной через высоты потекли танковые колонны 1-й гв. танковой армии генерал-полковника М.В. Катукова. Ломая сопротивление врага, эти войска двинулись в общем направлении на Мюнхеберг. В тылу у них остался сильно укрепленный опорный пункт в Зеелове, однако он продержался недолго: в результате упорного двухчасового боя им полностью овладела 57-я гв. дивизия полковника П.И. Зализюка. Трудная дорога на Берлин была открыта.

Как же разворачивалось грандиозное сражение этого дня на других участках? В стремлении сорвать продвижение наших войск немцы ввели в бой на левом фланге нашей армии мехдивизию «Курмарк». Ее встретили части 28-го гв. корпуса генерал-лейтенанта А.И. Рыжова. Сопротивление и контратаки были настолько сильными, что все три дивизии корпуса застряли в затяжном бою на высотах и не смогли продвигаться вперед. Между главными силами армии и корпусом образовался большой разрыв. Это грозило тем, что действовавшая левее нас франкфуртско-губинская группировка немцев могла, отступая к Берлину под натиском 69-й и 33-й армий, выйти на тылы главных сил 8-й гв. армии и поставить ее в тяжелое положение. Требовалось принимать срочные меры.

Взяв карту с обстановкой, я пришел к командарму и обратил его внимание на создавшееся положение на левом фланге. Судя по всему, он и сам был обеспокоен этим. Я внес предложение выводить поочередно из боя дивизии 28-го корпуса, перемещая их по следам 29-го корпуса, в обход позиций противника. Этот маневр позволит выйти в тыл немцам и вынудит их покинуть высоты. Командарм одобрил этот план и приказал мне тотчас отправиться в корпус и вместе с генералом Рыжовым осуществить задуманный маневр.

Александр Иванович обрадовался моему приезду. Не мешкая мы приступили к делу.

Корпус подивизионно был выведен по свободному коридору, пробитому в немецких укреплениях 29-м корпусом, вышел в тыл противнику. Тот начал поспешно отходить. Опасный разрыв в оперативном построении армии был почти ликвидирован. Однако вскоре франкфуртско-губинская группировка под давлением соседа слева стала пятиться в северо-западном направлении, к Берлину, что опять-таки создавало угрозу ее выхода к левому флангу и на тылы нашей армии, также подходившей к Берлину. Тут уже на помощь пришел командующий фронтом: он ввел из резерва 3-ю армию, и группировка немцев, не успев выйти на наши тылы, была разгромлена.

Наше наступление на Берлин и в дальнейшем шло, как это бывает при любом наступлении, не всегда равномерно и гладко. Помнится, как в один из дней между Мюнхебергом и Берлином 82-я гв. дивизия, наступавшая вдоль шоссе на дороге Зеелов – Берлин, была остановлена противником и в течение дня не могла продвинуться вперед. В таких случаях обычно в дивизию выезжали для оказания помощи командиру и штабу в организации боя или сам командарм, или по его приказанию кто-либо из нас, генералов и офицеров штаба. На этот раз никто из старших начальников поехать не мог и я послал (главным образом для выяснения обстановки на месте) офицера оперативного отдела подполковника П.И. Дмитриева. Этот офицер официально был моим помощником по вопросам тыла, но, хотя и занимал должность с тыловым наименованием, проявил себя как боевой оперативный офицер и нередко выполнял те же обязанности, что и другие офицеры-операторы. За образцовое выполнение заданий я несколько раз представлял его к награждению орденом Красного Знамени, однако командарм неизменно отклонял представление, мотивируя тем, что, дескать, не следует награждать боевым орденом штабного тыловика. Вот этого «тыловика» я и послал в дивизию. По прибытии на место ему надлежало разобраться в причинах задержки наступления и доложить истинное положение по телефону. Но как только он уехал, связь с дивизией прекратилась. Наступил вечер, а от моего посланца никаких известий. Что произошло в дивизии, мы в штабе толком не знали. Командарм

нервничал, но я не мог доложить ему ничего определенного. Часов в двенадцать ночи В.И. Чуйков лег немного поспать, приказав мне находиться в его кабинете – поддерживать связь с войсками и штабом фронта, следить за обстановкой. И, естественно, выяснить наконец положение в 82-й дивизии. Отдыхал генерал в комнате рядом с кабинетом. Всю ночь, стараясь не очень шуметь, я безуспешно добивался связи с дивизией; послал туда еще одного офицера, но ни от него, ни от Дмитриева сообщений не было – как в воду канули. Наступал рассвет. Командарм проснулся и вышел умыться. Вот-вот подойдет ко мне и спросит о 82-й дивизии. Надо сказать, он не терпел туманных докладов, а тем более незнания обстановки. Ожидалась «буря». Вот он направляется ко мне, вот уже в пяти шагах от стола... Я вскочил, готовый к неприятному докладу. И вдруг раздается телефонный звонок. Схватив трубку, я услышал еле уловимый голос подполковника Дмитриева. Он доложил, что дивизия опрокинула противника, всю ночь наступала, пройдя 17 километров. Сам Дмитриев вместе с командиром дивизии находится на кирпичном заводе. Смотрю на карту и боюсь поверить: такого большого продвижения не ожидалось даже в дневное время. Но Дмитриев утверждает, что ошибки нет, что он с трудом пробился по проводам местной связи и только сейчас сумел связаться. Командарм был доволен и спросил, кто из офицеров штаба находится в дивизии. И, услышав, что там Дмитриев, сказал с улыбкой:

– Теперь можете представлять своего тыловика к Знамени. Офицер давно уже заслуживал такой награды.

И я через полчаса дал на подпись генералу представление.

– К чему такая спешка? – удивился командующий.

– По горячим следам, товарищ генерал, а то еще передумаете, если промедлить, – отвечаю.

Он усмехнулся и подписал документ.

А наступление продолжалось. Солдаты и командиры были исполнены решимости как можно скорее разгромить врага. Из уст в уста передавался лозунг: «Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге!» Этот лозунг являлся стержнем всей политико-воспитательной и агитационно-пропагандистской работы среди личного состава в то время.

В ходе четырехдневных упорных боев на Одерском рубеже войска 1-го Белорусского фронта разгромили основную немецко-фашистскую группировку – 101-й армейский корпус, 56-й танковый корпус, 11-й танковый корпус СС 9-й армии, а также ближайшие оперативные резервы группы армий «Висла». Организованное сопротивление противника на Одерском рубеже к 20 апреля было сломлено во всей полосе наступления, что создало благоприятные предпосылки для развития дальнейшего наступления на Берлин. День и ночь безостановочно шли бои. Там, где продвижение тормозилось особо яростным сопротивлением врага, впереди шли коммунисты, ведя за собой всех бойцов. Казалось, что уже ничто не могло сдержать наступательного прорыва наших войск.

Завершив прорыв Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа и разгромив первый оперативный эшелон вражеской группировки, оборонявшей дальние подступы к Берлину, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов без промедления приступили к осуществлению маневра на окружение основной группировки немцев, действовавшей на Берлинском направлении. В период с 20 по 25 апреля этот маневр был успешно завершён. В окружении оказались многочисленные войска 9-й полевой и 4-й танковой армий. Кольцо окружения вокруг столицы Третьего рейха замкнулось. На внешнем фронте окружения стремительно продвигались на запад к Эльбе передовые соединения обоих фронтов навстречу войскам наших западных союзников по антигитлеровской коалиции. Вслед за этим или, вернее, уже в ходе маневра на окружение войска 1-го Белорусского и часть сил 1-го Украинского фронтов приступили к штурму гигантского города.

В своей повседневной работе до этого мы пользовались топографическими картами, на которых отображалась вся боевая обстановка. Теперь же можно было переключиться на план Берлина, что облегчило штабную работу и создало удобства во взаимопонимании с подчиненными и взаимодействующими командирами и штабами. План Берлина представлял собой наглядную схему города с наименованием улиц, площадей, промышленных комплексов, главных сооружений, парков, магистралей, вокзалов, водоемов и т. и. В условиях боев в крупном городе это имело очень большое значение. Нужно было ясно представлять себе тот или иной район города, квартал, улицы и переулки, отдельно стоящие здания, чтобы правильно ставить задачи войскам и руководить боем, целесообразно и грамотно применять огневые средства.

Завязались уличные бои со всеми их трудными особенностями, со всей их сложностью.

3

Бои в Берлине начались уже 21 апреля, когда 3-я и 5-я ударные армии 1-го Белорусского фронта, прорвав внутренний оборонительный обвод вокруг города, ворвались в его северо-восточные пригороды. 22 апреля с юга в город вступила 3-я гв. танковая и 28-я общевойсковая армии 1-го Украинского фронта. С востока и юго-востока в Берлин пробилась войска 8-й гв. армии. Ворвавшись с ходу в пригороды немецкой столицы, наши части, несмотря на отчаянное сопротивление гитлеровцев, форсировали реку Шпрее в районе Кепеник и завязали бои в самом городе, в его основных районах. Очищая от противника квартал за кварталом, армия вскоре овладела районом Иоганисталь и аэродромом Адлер, врезавшись в толщу городских лабиринтов. В Иоганисталь был перемещен командный пункт армии, располагавшийся до этого в Шенейхе.

По мере продвижения в глубь города сопротивление фашистов все усиливалось: стреляли из окон домов, из подвалов, с чердаков, из-за всевозможных заграждений и завалов. В городе оказалась масса населения, которое пряталось в подвалах и тоннелях метрополитена. Это было серьезной помехой при ведении боевых действий, так как наши бойцы, беспощадно уничтожая фашистских головорезов, в то же время всячески старались уберечь от неоправданной гибели гражданское население.

Широкие улицы, скверы, площади, проспекты Берлина то и дело превращались в линию соприкосновения, разделявшую противоборствующие стороны. Преодоление подобных препятствий требовало тщательной организации боя, героизма и находчивости солдат и командиров. Тут очень кстати пришелся опыт, приобретенный личным составом при обороне Сталинграда, при штурме городов и крепостей на пути к Берлину. Бои шли днем и ночью. Они то затихали на короткое время, то вспыхивали с новой силой. Там, где по улицам из-за огня противника и заграждений продвинуться становилось невозможно, приходилось пробивать проемы в стенах зданий, прокладывая себе путь из дома в дом, из подвала в подвал.

Мы постепенно приближались к центру города. Двигались все медленнее и медленнее. Наступили сутки, когда 4 гв. корпус не смог продвинуться ни на шаг. Широкие улицы с массивными зданиями, отделявшие части корпуса от противника, простреливались многоярусным огнем врага. Танки не могли эффективно действовать впереди пехоты из-за непроходимых завалов и искусственно созданных противотанковых препятствий. Мешали также пожары и обвалы зданий. Почти не действовала в последние дни и наша авиация, так как очень трудно было ориентироваться с воздуха над городскими лабиринтами, где тут свои, а где противник. Вся тяжесть борьбы ложилась на пехоту.

Для возобновления наступления с утра следующего дня, ввиду чрезвычайной усталости личного состава и офицеров штабов, было сделано не все: задачи частям и подразделениям уточнены не везде, часть огневых позиций орудий и танков, поставленных на прямую

наводку, нуждалась в перемещении на новые позиции. Мы вместе с начальником штаба артиллерии армии полковником В.Ф. Хижняковым и некоторыми офицерами штаба корпуса пошли по дивизиям и на местах выполнили все мероприятия, какие только были возможны, для организации боя.

Наутро штурм возобновился. Вскоре на командный пункт корпуса прибыл командарм в сопровождении своих помощников. Я подробно доложил обстановку по личным наблюдениям и о проделанной на месте работе вместе с офицерами штаба корпуса во главе с начальником этого штаба полковником В.А. Лебедем. Командарм дал командиру корпуса и мне ряд указаний и уехал на свой наблюдательный пункт, подготовленный невдалеке от городского зоопарка.

Конечно, наблюдательным этот пункт можно было назвать только с большой натяжкой: в обычном жилом доме было подготовлено место для работы и отдыха, налажена связь с подчиненными и вышестоящими штабами. Здесь, неподалеку от переднего края отчетливее чувствовался пульс боя, удобнее было общаться с войсками. Наблюдать же, в прямом смысле этого понятия, за полем боя в городских условиях не представлялось возможным.

Вечером мне позвонил генерал-майор В.А. Белявский, при-» казав:

– Поезжайте на НП к командующему, надо подвести итоги дня и подготовить указания на ночные действия и на следующий день. Словом, там много дел и вы там нужнее, чем в корпусе.

Скоро я уже вновь окунулся в привычную атмосферу напряженной штабной работы. С вступлением наших войск в Берлин между частями разгорелось своего рода соревнование – кто первым водрузит советский флаг над зданием Рейхстага. К этому стремились буквально все, кто штурмовал столицу Германии. Рейхстаг не входил в полосу 8-й гв. армии, что у нас вызывало некоторое огорчение. Отражая такое настроение, я решил предложить командарму выделить специальный отряд для захвата Рейхстага. Условия для такой попытки были, ибо на правом фланге армии от наших передовых частей до Рейхстага было совсем близко. Именно поэтому я и надеялся, что заманчивое предложение будет принято командующим. Однако В.И. Чуйков, посмотрев на меня с подчеркнутым вниманием, доброжелательно разъяснил, что делать этого не следует. Пусть, дескать, каждая армия выполняет поставленную ей задачу – это главное для быстрейшего взятия города.

Штурм немецкой столицы продолжался. По мере продвижения наших частей линия фронта становилась все короче, так как кольцо окружения день ото дня сужалось и, естественно, плотность войск противника все время увеличивалась. Да и нашим частям становилось тесно в улицах и переулках: они как бы стояли в очереди, напирая на противника. Бои все ужесточались. Гитлеровцы превратили большую часть каменных зданий, подвалы, тоннели метрополитена, подземные сооружения городского коммунального хозяйства в самые настоящие крепости и защищали их с фанатическим упорством. Нередко группы солдат противника пробирались по тоннелям метро и другим подземным ходам в тыл наших частей, доставляя нам дополнительные хлопоты. Но исход грандиозной битвы был уже предрешен, к концу апреля положение берлинской группировки гитлеровцев стало критическим. Вместе с тем усложнились условия боя и для наших войск. Районы, удерживаемые гитлеровцами, стали настолько незначительными, что порой снаряды нашей артиллерии перелетали через позиции противника и рвались в расположении своих войск, атакующих врага с противоположной стороны.

Все ближе подступали советские войска к имперской канцелярии, в подземелье которой последнее время укрывались сам Гитлер и его ближайшее окружение. Последнее логово фашистского зверя после потери узла связи Верховного командования, находившегося в бомбоубежище на Брандлерштрассе, располагало, как нам стало известно из показаний пленных, лишь плохо действовавшей радиосвязью. Что творилось в имперской канцелярии,

мы в то время не знали. Однако было известно из передач немецкого радио, что Гитлер обвенчался в подземелье с некой Евой Браун. Этим сведениям мы существенного значения не придавали, они вызывали лишь недоумение и насмешку. Да и вообще Гитлер не представлял для нас особого интереса. Главным было скорее добиться окончательной победы, завершить разгром гитлеровских войск. Было также известно, что бесноватый фюрер застрял в окруженном Берлине и уже не сможет выбраться из ловушки даже на самолете, так как городские аэродромы в наших руках. Заняли мы и все широкие улицы, с которых могли бы взлетать маленькие самолеты. Словом, Гитлер оказался в мышеловке, и его ожидало справедливое возмездие.

30 апреля шли бои в центральных районах города. Войска нашей армии с юга, западнее Бранденбургских ворот, подошли к улице Унтер-ден-Линден. С востока, запада и севера действовали войска других армий.

Перед личным составом наших войск ставилась задача – завершить разгром немецко-фашистской группировки в Берлине и полностью овладеть столицей немецко-фашистского рейха к 1 мая.

Глава 10

Утро Победы

1

Анализ сложившейся к 30 апреля обстановки показывал, что овладеть Берлином полностью к 1 мая и преподнести радостный праздничный подарок советскому народу не удастся, как бы ни хотелось этого. Никаких признаков того, что фашисты вывесят белые флаги и сложат оружие, прежде чем будут поголовно истреблены и пленены, не проявлялось. Было похоже, что придется воевать и 1 мая, и еще несколько дней после праздника.

Мы в штабе армии сознавали измотанность в многодневных напряженных боях личного состава войск и усталость людей. А противник с неослабевающей яростью преграждал подступы к своим позициям многослойным огнем из всех видов оружия, опираясь на способствующие обороняющейся стороне городские условия. Поэтому ожидать резкого изменения обстановки за наступающую ночь видимых оснований не было.

Последний день апреля угасал, отражаясь багряными бликами над руинами огромного города.

Задачи войскам на ночь и на следующий, первомайский день оставались прежние. Следовало лишь внести некоторые уточнения и подтверждения. Эти мероприятия были отражены в подготовленных мной и подписанных командармом боевых распоряжениях корпусам.

Управление войсками в это время осуществлялось с передового КП, размещенного недалеко от городского зоопарка. Здесь, вблизи переднего края, отчетливее чувствуется пульс боя, удобнее общаться с войсками и влиять на их боевые действия.

На передовом КП находились: командующий армией генерал-полковник В.И. Чуйков, член Военного совета генерал-майор А.М. Пронин, заместитель командующего генерал-лейтенант М.П. Духанов, командующие родами войск и я с группой офицеров штаба. Командарм располагался в комфортабельном особняке в тупике переуллка, а штабная группа – в большом доме рядом. Штаб армии во главе с его начальником генерал-майором В.А. Белявским дислоцировался в юго-восточной части города – Иоганисталь.

Наступала ночь. Я пошел в особняк командарма, чтобы выяснить, нет ли каких дополнительных указаний от штаба фронта, которые командующий мог получить, минуя штаб, и не возникло ли у него каких-либо новых намерений на ночь.

На улице уже стемнело. Ощущался резкий аромат распускающейся сирени. Слышались отдельные выстрелы орудий и разрывы снарядов; мощных артиллерийских налетов не раздавалось ни у нас, ни у соседей. То там, то здесь по направлению к линии соприкосновения войск изредка взмывали вверх осветительные ракеты, выхватывая на мгновение из темноты черные, зияющие проломами силуэты полуразрушенных зданий. Город казался пустынным.

В передней комнате особняка я застал командарма и находившихся при нем генералов: они были в шинелях и, как видно, собрались уезжать. В.И. Чуйков был в веселом настроении, что случалось нечасто; он заканчивал рассказывать анекдот об ограниченных возможностях даже самой красивой француженки. Увидев меня, генерал сказал, что уезжает в штаб, где намерен помыться, поужинать и немного отдохнуть.

– Ведь завтра праздник, черт возьми! – воскликнул он вдруг. Затем уже серьезным тоном добавил, что на передовом КП остаемся генерал Духанов и я. Утром он, дескать, приедет.

– А не случится ли так, – пошутил я в тон общему настроению, – что без вас придется принимать капитуляцию немцев? Было же в Познани: только вы уехали, оставив генерала Духанова и меня, как фашисты, отсиживавшиеся в крепости в течение месяца, начали сдаваться – и вам пришлось срочно возвращаться обратно.

Генерал, сделав вид, что не уловил шуточной интонации, обеспокоенно спросил, какие имеются основания ожидать капитуляцию противника этой ночью. Чувствовалось, что он ждет этого с нетерпением, но только что дотошно опрошенный начальник разведки подполковник А.П. Гладкий подобного прогноза не сделал. У меня для такого умозаключения было только одно основание – это мое желание, и я смущенно ответил, что основываюсь на опыте Познани. Не знаю, было ли так на самом деле, но я уловил в настроении командарма чуть заметное колебание: уезжать или остаться? Да, наверное, мне так только показалось. Ибо он тут же стал прощаться, напомнив мне о необходимости внимательно следить за обстановкой, поддерживать непрерывную связь с войсками и, если случится что-либо важное, немедленно докладывать ему.

У меня к командующему вопросов не было: его отъезд сам по себе показывал, что ночью активизировать боевые действия не следует – пусть войска хоть немного передохнут и приведут себя в порядок. Впрочем, отъезд командующего ничего по существу в управлении войсками не менял, так как передовой КП от штаба отделяли всего 25 минут езды на машине. Помимо того, хорошо отлаженная начальник связи полковником А.П. Черкасовым телефонная связь позволяла командарму в любое время говорить не только с командирами корпусов и дивизий, но, если потребуется, и с командирами полков.

Генерал Духанов остался в особняке, а я ушел к себе и сообщил в штаб, что командарм уехал к ним. Затем, переговорив по телефону с начальниками штабов корпусов и напомнив им о необходимости усилить разведку, следить за каждым шорохом противника и чаще докладывать, я прилег отдохнуть, оставив у телефонов дежурного офицера; ему надлежало немедленно будить меня, если позвонят из штаба фронта или командарм. Считалось неудобным, когда на звонок старших начальников, особенно требовательного командарма, ответит второстепенный офицер: ведь начальство может подумать, что ты спишь.

Лучше пусть оно думает, что подчиненные операторы вообще не спят. Это, конечно, шутка, но она не случайна: начальнику оперативного отдела во время активных боевых действий спать некогда, в этом смысле он живет на голодном пайке. Кроме непрерывной работы, да такой, что не успеваешь поворачиваться, ты всегда можешь понадобится командующему или начальнику штаба. Когда они не отдыхают, а работают, ты должен постоянно следить за обстановкой, чтобы доложить в любую минуту все тонкости и детали происходящего на поле боя, готовить и своевременно представлять на подпись разнообразные документы, доводить задачи до исполнителей, вести оперативные карты и делать всевозможные расчеты

и обоснования, знать все отдаваемые распоряжения и следить за их правильным уяснением подчиненными и контролировать исполнение. А когда начальство отдыхает, тебе тем более спать нельзя, потому что еще внимательнее надо следить за обстановкой, отвечать на запросы подчиненных командиров и штабов, на звонки вышестоящего штаба, поддерживать взаимную связь с соседними и взаимодействующими армиями. Когда же начальники проснутся, обязан тотчас подробно, со всеми деталями доложить обо всем, что произошло за время их отдыха, о полученных распоряжениях сверху и принятых по ним мерах и т. п. Вот и выбирай украдкой время прикорнуть несколько минут без ущерба для дела. Но как-то так получается: как только вздремнешь, раздастся неожиданный начальственный звонок – и ты оказываешься застигнутым врасплох.

Так получилось и на этот раз: не успел задремать, как загремел всегда узнаваемый звонок командарма. Генерал сообщил о своем приказании генералу Духанову выехать в 4-й корпус и организовать встречу, а сам он немедленно выезжает к нам. Я догадался: парламентар!

Мне сделалось ужасно неловко: первым о парламентаре узнал командир в штабе, а не я на передовом КП. Правда, я не подал виду, что не знаю о случившемся, и, как только закончился разговор, постарался выяснить подробности. Оказалось, что командир корпуса генерал-лейтенант В.А. Глазунов, получив сообщение о предстоящем прибытии немецкого парламентаря, сразу же доложил об этом лично В.И. Чуйкову, минуя штаб. Это было важное и приятное сообщение: начинался процесс, связанный с капитуляцией берлинской группировки вражеских войск. Факт появления парламентаря красноречиво свидетельствовал о том, что Берлинский гарнизон исчерпал последние возможности к сопротивлению, потерял всякую надежду на выручку извне и на обещанное «чудо», о котором до последнего момента твердили Гитлер и Геббельс, и больше держаться не в состоянии. Приятным это сообщение было еще и потому, что парламентар идет именно в нашу, 8-ю гвардейскую армию, прославившуюся неповторимым подвигом при защите Сталинграда.

Как же развивались события после получения сообщения о намерении генерала Кребса перейти линию фронта? Я постараюсь изложить все по порядку, в той последовательности, как это происходило.

Должен, однако, оговориться, что ход переговоров никто не стенографировал, не делалось подробных записей, фото- или киносъемок. Я сожалею об этом, ибо организовать такую работу, как теперь представляется, не составляло большого труда. И все же этого сделано не было, так как на передовом КП некому и некогда было этим заниматься. Переговоры оказались для нас фактически совершенно неожиданными. Кто мог подумать, что окруженное со своими войсками в Берлине немецко-фашистское правительство обратится к советскому руководству именно через нашу армию. Ведь она не одна штурмовала столицу рейха. Логичнее было бы ожидать, что, если немцы и вздумают вступить в переговоры, на что мы мало надеялись, они могли бы найти более подходящий способ и место связаться непосредственно с Москвой или, на худой конец, с командованием фронта. Почему же этого не случилось? По-видимому, фашистские правители упустили время и в сложившейся обстановке такой возможности уже не имели. Кроме того, переговоры должны были проводиться в условиях строгой секретности, с допуском крайне ограниченного круга лиц. И это не позволяло привлекать каких-то секретарей, стенографисток, фотографов. Необходимость соблюдения секретности диктовалась несколькими важными соображениями, которые, возможно, с позиции сегодняшнего дня покажутся не очень существенными, однако в то время иначе мы поступить не могли.

Вот почему эти важные исторические события не оставили потомкам полно и точно отображенной документальной картины. Приходится базироваться на том, что сохранилось в памяти участников событий, на некоторых общих документах и отчетах, составленных хотя и в тот период, но не в ходе переговоров, а задним числом, опять же по памяти.

Появившиеся за истекшие годы в печати разного рода воспоминания об этих часах и днях на КП 8-й гв. армии отражают с позиции авторов лишь общую, без деталей, картину. Приведенные в них диалоги, вопросы и ответы, внешний вид личностей и тонкости их поведения не совсем зачастую воспроизводят истинную картину: все написано по памяти, с течением времени, по устным рассказам других, якобы участников или свидетелей. Отсюда и неточности и искажения.

До начала переговоров я приготовился вести запись для официального отчета, но прямое участие в них и неоднократное отвлечение другими неотложными делами, связанными с ведением боевых действий, позволили выполнить намерения лишь частично.

Присутствовавший в комнате, где проводились переговоры, военный корреспондент – известный советский поэт Евгений Долматовский сделал ценные записи, но по определенным причинам они также не исчерпывающи и не всеобъемлющи, хотя и представляют большой интерес.

Переход линии фронта в полосе 8-й гв. армии вражеским парламентаром объясняется главным образом тем, что ее войска глубже проникли к центру города, чем другие армии, ближе находились к имперской канцелярии, в подzemелье которой укрывались руководители вражеской стороны, и здесь был открытый, просматриваемый участок, в какой-то мере удобный для перехода линии огня.

Командование оборонявшего Берлин гарнизона не знало места расположения КП нашей армии, и нет никаких оснований думать, что Кребс шел именно в 8-ю гв. армию или в какую другую конкретно. Во всех отношениях ему было бы разумнее связаться с командованием всей советской группировки, штурмовавшей Берлин, то есть с командующим 1-м Белорусским фронтом, но он сделать этого практически, видимо, не мог. Он шел к советскому командованию наугад, толкаемый крайним отчаянием, и в первую минуту не знал, в какой армии оказался и с кем из советских военачальников встретился.

Справедливости ради следует заметить, что сам факт прихода Кребса в 8-ю гв. армию не является каким-то особым местом этой армии в битве за Берлин и не умаляет роли других армий, принимавших непосредственное участие в этом историческом сражении.

2

Ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года застала 102-й гв. сп 35-й гв. сд, входившей в состав 4-го гв. ск, лицом к лицу с упорно обороняющимся противником. наших солдат отделяли от врага улица и площадь, поливавшиеся плотным пулеметным и автоматным огнем.

Разделявшее стороны пространство казалось пустынным, но оно настороженно просматривалось сотнями невидимых глаз и чутко прослушивалось с обеих сторон.

Мелькнувшая тень человеческой фигуры, вспышка выстрела или скрытый за толстой стеной изуродованного строения голос мгновенно вызывали пулеметную или автоматную очередь. Ночь выдалась тихая и темная. Даже отдаленный незначительный звук прорезал тишину, тревожно усиливаясь, и казался совсем рядом. Ничто не могло ускользнуть от чуткого слуха наблюдателей.

И вдруг в расположении противника послышался шорох вкрадчивых шагов и из-за угла одного из занимаемых врагом домов, пренебрегая опасностью быть прошитым свинцовой струей, появился человеческий силуэт. Вспышка осветительной ракеты вырвала из темноты немца с поднятым вверх белым флагом – шедший размахивал над головой небольшим полотнищем и быстро приближался в нашу сторону, явно стараясь как можно скорее преодолеть нейтральную зону.

Не от хорошей жизни на войне поднимаются белые флаги: они невольно извещают противоположную сторону о сломленной воле и утраченном военном могуществе, дают

знать победителю о признании противником своего поражения. Это поняли все, кто увидел в руке идущего белое полотнище.

Выстрелов не последовало ни с той ни с другой стороны. В непривычной тишине отчетливо слышались приближающиеся шаги. Человек, спотыкаясь о груды битого кирпича и обрушенной штукатурки, не окликнутый с нашей стороны, достиг занятого нашими бойцами здания, юркнул в зияющий проем вырванных снарядами ворот и шагнул за внутреннюю сторону стены, как бы отыскивая безопасное место. Он тяжело перевел дыхание и огляделся. Заметив, что находится перед небольшой кучкой советских солдат, немецкий офицер назвал себя, не ожидая вопросов: «Подполковник Зейферд». Помолчав вопросительно несколько секунд, он продолжал, что имеет пакет для командования русских войск.

Его тут же, не спрашивая, не обыскивая и не требуя пакет, препроводили в штаб 35-й гв. сд, и комдив, как и подобает поступать в подобных случаях, сразу же доложил по телефону командиру корпуса. Ну а командир корпуса, естественно, тотчас же связался с командармом.

По указанию генерал-полковника В.И. Чуйкова в дивизию выехал начальник штаба корпуса полковник В.А. Лебедь. Он и командир дивизии полковник Г.Б. Смолин приняли от подполковника Зейферда пакет с документом, изложенным на русском и немецком языках и подписанным Мартином Борманом. Документ гласил: «Подполковник Зейферд уполномочен германским Верховным командованием для встречи и переговоров с представителями русского командования по поводу установления места и времени перехода линии фронта начальником Генерального штаба генералом пехоты Кребсом для передачи русскому военному командованию особо важного сообщения».

Ознакомившись с документом, полковник Лебедь изложил его содержание по телефону генерал-полковнику Чуйкову. Командарм дал указания передать посланцу, что готов принять и выслушать немецкого генерала Кребса. Пусть приходит... Это ему санкционировал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Затем командарм позвонил на передовой КП генералу Духанову и приказал немедленно выехать в штаб 35-й дивизии вместе с начальником разведки армии подполковником А.П. Гладким, организовать встречу Кребса, обеспечить его безопасность при переходе линии фронта и доставить на ПКП армии, куда он, Чуйков, сейчас выезжает. После этого командующий позвонил мне, о чем упоминалось выше.

Когда Зейферду сказали, что командование советских войск не возражает принять и выслушать генерала Кребса, он заявил, что примерно через полтора часа начальник Генерального штаба перейдет линию фронта.

Зейферда препроводили к переднему краю – на тот участок, где он появился, и немец ушел в расположение своих войск без особых помех. Стрельбы на этом участке не было ни с нашей, ни с немецкой стороны. На всех других участках фронта окружения слышалась перестрелка.

Генерал-лейтенант Духанов и подполковник Гладкий выехали в штаб 35-й дивизии, а командарм с группой генералов прибыл на передовой КП. О принятых мерах было доложено в штаб фронта. Началось приготовление к переговорам.

К приезду командующего я уточнил все последние детали обстановки, переговорил с соседними и взаимодействующими армиями. Парламентеры в других местах не появлялись. В обстановке существенных изменений не произошло, противник не ослаблял сопротивления. Обо всем этом я доложил командарму.

В 3 часа ночи 1 мая на том же участке, куда приходил подполковник Зейферд, из-за искалеченного боями здания появились четыре человека в немецкой военной форме: генерал, два офицера и солдат с винтовкой; на штыке винтовки – белый флажок. Они не торопясь шли в нашу сторону, и тысячи глаз с обеих сторон следили из-за укрытий за каждым их шагом. Молчали пулеметы и автоматы, лишь с соседних участков доносились то длинные, то

короткие пулеметные очереди. И вот они – в расположении наших войск. Это были генерал Кребс и сопровождающие его лица: начальник штаба 56-го тк полковник Генштаба фон Дуфвинг, переводчик и солдат. Зачем послала этих четырех своих граждан Германия через линию фронта, какого подвига она от них ждет? Что изменит в этой жестокой войне их приход: ускорит или оттянет конец кровопролития?

Встретив парламентаров, наши бойцы, возглавляемые офицером, молча проводили их в штаб дивизии. Здесь их уже ждали полковники Смолин, Лебедь, подполковник Гладкий и генерал Духанов. От Гладкого и Духанова я и узнал все подробности происходившего здесь в то время.

Войдя в помещение, Кребс чуть заметным кивком приветствовал присутствующих и в нерешительности остановился у порога. Позади жались сопровождающие.

Разговор начал генерал Духанов.

– Какова цель вашего прихода в расположение советских войск? – обратился он к Кребсу.

Наш переводчик повторил вопрос по-немецки. С готовностью, четко выговаривая каждое немецкое слово, Кребс заговорил несколько приглушенным голосом. Переводчик повторил по-русски:

– Я имею поручение от Геббельса и Бормана сделать русскому Верховному командованию особо важное секретное сообщение. – Умолкнув, парламентар с деланным спокойствием ожидал, что ему на это скажут, обратив к Духанову неподвижное, будто окаменелое лицо.

– Хорошо, – произнес Духанов, – вы сейчас же будете доставлены к месту переговоров с советским командованием.

Поспешным кивком Кребс показал готовность отправиться в путь, не выждав, пока переводчик повторит сказанное. Духанов и находившиеся здесь наши офицеры поняли, что Кребс владеет русским языком. Однако они не подали виду о своей догадке. Немцев посадили в автомобили и повезли к нам на передовой КП.

Тем временем на КП шли приготовления к приему парламентаря. Командующий заметно волновался, проявляя нетерпение. На меня нажимали желающие присутствовать на переговорах многие товарищи, в том числе и появившиеся корреспонденты газет, и другие представители из Москвы, оказавшиеся в армии. Я спросил В.И. Чуйкова, какие будут его указания на сей счет.

– Никого лишнего не допускать! Пусть не путаются под ногами любопытные...

Я не стал настаивать и составил список, в который, кроме наших генералов и некоторых офицеров, включил, по их настоятельной просьбе, писателей Всеволода Вишневского и Евгения Долматовского, композиторов Тихона Хренникова и Матвея Блантера. В списке оказалось человек пятнадцать: член Военного совета армии генерал-майор А.М. Пронин, командующий артиллерией генерал-лейтенант Н.М. Пожарский и др. Показал список командарму. Он нехотя пробежал список глазами и вернул мне, ничего не сказав. Поименованные в списке лица немедля собрались в приемной кабинета командарма, приготовленной для ведения переговоров. Допущенным зрителям были поставлены стулья и указаны места в глубине кабинета на некотором удалении от стола.

В 3 часа 30 минут машины с немцами и нашими представителями во главе с генералом Духановым подошли к зданию ПК. Мы сели за стол и приготовились принять парламентаря.

О чем высокопоставленный представитель немецко-фашистского руководства собирался говорить с нами, к чему быть готовыми? Этот вопрос волновал всех нас. Одно было ясно: конец войне! Не по пустякам же, рискуя жизнью, идет к нам на поклон сам начальник Генерального штаба вражеской армии! Значит, держаться противнику стало невозможно. Но

не провокация ли это? Фашисты способны на любые пакости: раненый, но недобитый зверь опасен.

Командарм сел на председательское место за столом лицом к входной двери. К торцу стола справа от В.И. Чуйкова сел член Военного совета генерал-майор А.М. Пронин, а с противоположной стороны, левее командующего – я. По другую сторону стола напротив генерала Чуйкова был поставлен стул для Кребса. Дверь в прихожую держалась открытой, и мы видели, как вошли генерал Кребс, два немецких офицера, а следом нерешительно плелся немецкий солдат с белым флажком на штыке винтовки.

Зачем Кребс взял с собой солдата, осталось неясным. Для охраны самого Кребса он был, во всяком случае, бесполезен, а членом делегации вряд ли мог считаться. Я дал знак одному из наших офицеров, чтобы солдата выставили за дверь.

3

В прихожей Кребс неторопливо снял шинель и массивную фуражку с серым орлом над козырьком, аккуратно повесил то и другое на крючок вешалки и, держа в руке кожаную папку, застегивающуюся на молнию, вошел в кабинет и остановился перед столом напротив В.И. Чуйкова. Это был типичный профессиональный немецкий генерал, среднего роста и средних лет, стройный, подтянутый, в хорошо сидящем на нем кителе, перетянутом поясным ремнем, на котором висел в кожаной кобуре маленький пистолет. На алюминиевой пряжке ремня виднелась немецкая надпись: «С нами Бог». Голова немца была тщательно выбрита, так что под ярким светом потолочной электрической лампы блестела, как зеркало. Он заинтересованно обвел глазами всех присутствующих и остановил взгляд на генерале Чуйкове. Тот жестом предложил ему сесть на приготовленный для него стул. Кребс молча кивнул, благодарю, дескать, за внимание, но сесть не торопился.

В самом начале переговоров неожиданно возникла небольшая заминка: генерал-полковник Чуйков решил обойтись без помощи переводчика и сделал попытку говорить по-английски. Он в какой-то мере владел этим языком и почему-то считал, что немец не мог не знать английского. Однако Кребс не понимал его, а увидев, что Чуйков собирается обратиться к помощи переводчика, вдруг четко, хотя и с сильным немецким акцентом сказал по-русски:

– Я немного знаю русский. – И по лицу его еле заметно скользнула тень самодовольной улыбки. Затем он вновь окинул взглядом присутствующих и, обратившись к Чуйкову, проговорил официальным тоном: – Господин маршал!..

Мы в недоумении переглянулись: за кого он принимает нашего командарма? Наверное, думает, что предстал перед командующим фронтом маршалом Г.К. Жуковым?

– Господин маршал, – продолжал парламентар, – я имею полномочия передать вам, первому из немцев, важное секретное сообщение. Но я хотел бы говорить с вами наедине...

Почему он сказал «из немцев»? Видимо, фашисты намерены сообщить какую-то важную новость в первую очередь именно советскому командованию, а не всем союзникам по антигитлеровской коалиции? В чем тут дело? И почему он хочет говорить наедине? Мы терялись в догадках. А Кребс, потупившись, ждал ответа. Командарм на мгновение задумался: как поступить? Тогда я шепнул ему:

– Пусть говорит при всех!

И В.И. Чуйков, не обратив, казалось, внимания на мои слова, спокойно ответил Кребсу:

– Здесь присутствуют члены Военного совета, доверенные, так сказать, лица; можете говорить при них.

Кребс сразу же согласился, сел и, вынув из папки бумаги, передал одну из них Чуйкову:

– Здесь изложены мои полномочия...

Документ был написан на машинке на официальном бланке начальника имперской канцелярии. Внизу стояла подпись Мартина Бормана, рядом с которой красовался четкий оттиск печати. В документе значилось, что он выдан на имя начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии генерала Кребса на право ведения переговоров с русским Верховным командованием.

Выждав, пока Чуйков ознакомится с бумагой, Кребс, держа перед собой документ из нескольких стандартных страниц машинописного текста, начал медленно читать, четко выговаривая каждое слово; он не говорил, а именно читал то, что было заранее написано, по-видимому стараясь не сказать ни одного лишнего слова.

Смысл прочитанного парламентаром заявления сводился к следующему. Сегодня, 30 апреля 1945 года (хотя было уже не 30 апреля, а 1 мая), в 15 часов 50 минут по берлинскому времени вождь немецкого народа (это подлинное выражение Кребса) Адольф Гитлер добровольно ушел из жизни. Перед своей смертью фюрер оставил завещание, в котором выразил последнюю волю и создал новое, «демократическое», как выразился Кребс, правительство: рейхспрезидент – гроссадмирал Дёниц, рейхсканцлер – Геббельс, министр по делам партии – Борман... На должность главнокомандующего сухопутными войсками назначался генерал-фельдмаршал Шернер, на должность начальника штаба Верховного главнокомандования – генерал-полковник Йодль. Начальником Генерального штаба сухопутных сил по-прежнему оставался генерал Кребс и т. д.

Полный список нового правительства Германии прилагался к документу, который читал Кребс. Закончив чтение, парламентар отделил от списка последние две или три страницы, спрятал их во внутренний карман кителя, а остальные передал В.И. Чуйкову. Принесенный Кребсом документ являлся обращением Геббельса и Бормана к «вождю советских народов маршалу Сталину». Под ним стояли подписи Геббельса и Бормана, скрепленные печатью имперской канцелярии фюрера. Все документы датировались 30.04.1945 года.

Передавая впечатления от увиденного и услышанного в те часы и излагая содержание переговоров, я не стану повторять то, что уже описано в мемуарной литературе, а в мере надобности коснусь высказанного другими лишь там, где требуется уточнить или внести ясность.

Итак, из всего услышанного мы уяснили следующее.

Согласно посмертной воле Гитлера, изложенной в его завещании (текст завещания Кребсом предъявлен не был), вся государственная власть в Германии переходит Дёницу, Геббельсу и Борману. Выполняя последнюю волю Гитлера и основываясь на ней, Геббельс и Борман обращаются к советскому Верховному командованию только с одним конкретным предложением: временно прекратить военные действия в Берлине, иными словами, договориться о перемирии, и не больше. Это им потребовалось якобы для того, чтобы получить возможность создать базу для ведения мирных переговоров между Германией и Советским Союзом, народы которых понесли наибольшие жертвы в ведущейся войне. Прекращение боев Геббельсу и Борману нужно, по их заявлению, для проведения следующих, не терпящих проволочек неотложных мероприятий: известить немецкий народ «о постигшем его горе» (явно имелось в виду самоубийство Гитлера) и об образовании нового «законного» правительства; это новое правительство обеспокоено тем, чтобы где-либо в других частях Германии не было создано других, незаконных правительств. Временное перемирие им нужно еще и для того, чтобы восстановить связь Берлина с другими районами страны и с остальными членами нового правительства, находящимися вне Берлина, а также для вступления в переговоры о мире, так как Германия войну уже проиграла. Если советское командование согласится с предложением немцев на прекращение военных действий в Берлине и они смогут выполнить указанные выше

мероприятия, то тем самым новое германское правительство приобретет силу, станет законным и советское правительство будет иметь законного партнера при переговорах о заключении мира.

Главное было ясно: немцы добиваются прекращения огня, а это значит, что немецко-фашистские войска в Берлине продолжать боевые действия больше не в состоянии; они уже не могут защищать даже последнюю цитадель – имперскую канцелярию, в подzemелье которой укрываются остатки немецко-фашистского правительства и командования. Добиваясь прекращения огня, они стремятся оттянуть падение Берлина, оставляя за собой островок, на котором можно было бы попытаться спастись попавшим в ловушку фашистским преступникам и использовать этот остров для какого-то торга при переговорах о мире. Ясно было и то, что никаких свободных и способных сил, которые находились бы вне Берлина и могли бы попытаться выручить Берлинский гарнизон и укрывшихся в имперской канцелярии гитлеровцев, у Германии уже нет.

Нельзя было не подумать, что Геббельс и Борман, попавшие в безвыходное положение и встав лицом к лицу с неумолимым возмездием, запросили пощады у тех, кого они намеревались поработить и уничтожить, какими бы внешними покрывалами они ни вуалировали мотивы своего обращения к советской стороне. Вот какое умозаключение оставил у нас первый этап переговоров с вражеским парламентаром.

На что же рассчитывали фашистские главари? Кто имеет право и кто практически может дать им исчерпывающий и окончательный ответ на предложение о перемирии? Пока что не мир, не капитуляция, а только перемирие! Что это значит? Если бы речь шла об условиях капитуляции, не было бы никаких вопросов: бери в плен вражеские войска – и делу конец.

А тут нечто другое. Но и в этом другом заложена возможность прекратить дальнейшее кровопролитие, не теряя больше человеческих жизней.

Общая линия была ясна: Германия должна капитулировать без всяких условий с ее стороны. Но здесь конкретный вопрос, и на него нужно дать конкретный и безошибочный ответ. Всем нам, перед кем сидел и ждал ответа высокопоставленный парламентар врага, было совершенно ясно, что ответ немцам может дать только наше советское правительство в лице Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Свое решение в виде четко сформулированного ответа Верховный передаст, конечно, через командующего фронтом маршала Г.К. Жукова.

Генерал-полковник Чуйков позвонил по телефону ВЧ маршалу Жукову, находившемуся на командном пункте фронта вне Берлина, в районе Ландсберга. Нетрудно представить, с каким нетерпением ждал этого звонка командующий фронтом, уже поставленный в известность о прибытии парламентаря.

В этот момент Кребс понял, что ошибочно принял генерала Чуйкова за маршала Жукова, и по его лицу пробежала тень досады. Едва Чуйков начал докладывать, как маршал перебил его вопросом: к кому конкретно обращается немецкое руководство – к нам или через нас к правительствам союзников по антигитлеровской коалиции? В.И. Чуйков, не кладя телефонную трубку, задал тот же вопрос Кребсу. Тот с заминкой ответил, что, поскольку немецкое командование вошло в контакт с русским командованием, оно обращается к нему.

– В Берлине советские войска, – добавил он.

Генерал Чуйков передал этот ответ маршалу. Выслушав, тот приказал передать Кребсу, что мы можем говорить с представителями немецкого руководства только от имени союзников, и никак не иначе; сепаратных переговоров вести не намерены. Когда Чуйков передал об этом Кребсу, тот ничего не возразил, а только безразлично заметил, что его сторону это устраивает. Под конец телефонного разговора командарм напомнил командующему фронтом, что парламентар ждет определенного и окончательного ответа и он, Чуйков,

должен передать ему этот ответ. Г.К. Жуков приказал передать, что речь может идти только о прекращении сопротивления Берлинского гарнизона и сдаче его в плен советским войскам без каких бы то ни было условий.

– С окончательным официальным ответом повременим. Скажите ему, что не ладится связь, займите пока разговорами. Пусть подождет. Ответ дам после доклада Верховному.

Услышав от Чуйкова требование о прекращении сопротивления без каких бы то ни было условий, Кребс с тоской заявил, что не уполномочен вести речь о капитуляции. Да и Геббельс с Борманом не могут пойти на это.

– Капитуляция Берлина, – пояснил мрачно Кребс, – означала бы самоликвидацию правительства, созданного по воле Гитлера. К тому же у нас нет на это санкции рейхспрезидента Дёница, который находится вне Берлина, и с ним нет никакой связи. – И он еще раз повторил, что просит только временного прекращения огня в Берлине. – Берлин будет защищаться до последнего солдата, – вдруг твердым голосом заявил Кребс.

По лицу В.И. Чуйкова пошли красные пятна. Зная его крутой нрав, можно было ожидать, что он сейчас выпалит что-нибудь вроде: «За каким же чертом тебя сюда принесло? Иди и защищайся до последнего солдата, как было в Сталинграде!..» Но он сдержал свой гнев, сознавая, что перед ним не подчиненный и не пленный, а фактически пока неподвластный человек. Тут уместно, забегая вперед, заметить, что мне впоследствии приходилось бывать вместе с В.И. Чуйковым у американских военачальников не один раз и видеть, что он, когда это необходимо, умел сдерживать свой гнев, особенно если имеет дело с не подчиненными ему людьми.

На этот раз его реакция на упорство вражеского парламентаря выразилась внешне лишь в том, что он чрезмерно сильным рывком поднял телефонную трубку, вызывая маршала Жукова.

– Товарищ маршал! Кребс твердит только о временном прекращении огня. На другое он, видите ли, не имеет полномочий. – И после небольшой паузы добавил, бросив жесткий взгляд на Кребса: – Придется добивать!..

Кребс сидел в угрюмой задумчивости. Он понимал слова Чуйкова, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

Командарм не очень плотно держал трубку у уха, и я отчетливо слышал, как маршал сказал с возмущением:

– Ну и черт с ним! Помедлите с окончательным ответом: я доложу товарищу Сталину и позвоню вам. А пока еще раз повторяю – скажите ему, что, мол, случился перебой в связи; как только наладится связь, будет дан окончательный ответ.

Кребс понял существо разговора, и, когда Чуйков сказал ему о перерыве связи, он лишь молча кивнул с грустной улыбкой, дав понять, что неполадки в связи ему представляются вымышленными. По выражению его лица было видно, что с каждой минутой он теряет и до того слабую надежду, что ему удастся выполнить возложенную на него миссию, оправдать доверие Геббельса и Бормана и добиться желаемого перемирия. Кребс также окончательно убедился, что перед ним не маршал, как он назвал его вначале, а некто другой. Думаю, он догадался, что имеет дело с командующим 8-й гв. армией генерал-полковником В.И. Чуйковым. Во всяком случае, он не называл больше Чуйкова господином маршалом.

Что же принципиально нового мы узнали из зачитанного Кребсом послания Геббельса и Бормана и из тех коротких фраз, которые последовали сразу же после прочтения этого послания?

Во-первых, что самое главное, – это официальное признание фашистским руководством, что война Германией проиграна; во-вторых, самоубийство Гитлера, как следствие проигранной

войны, и, в-третьих, создание, по крайней мере на бумаге, нового «демократического» правительства Германии, в которое серьезно поверить было нельзя. А во всем этом, вместе взятом, во всей широте и ясности раскрылась наша окончательная победа над гитлеризмом, мы вплотную подошли к той великой цели, за которую сражались около четырех лет.

Я свидетельствую, что о самоубийстве Гитлера до прихода Кребса никому из нас известно не было. До сообщения нам фашистские главари это событие держали в тайне и от соотечественников, своих вооруженных сил, и от внешнего мира; они не могли не отдавать себе отчета в том, что сам факт гибели фюрера вызвал бы немедленный разброд в рядах продолжавшей яростное сопротивление фашистской армии и крах всего, что еще оставалось. Мы даже не были уверены, что Гитлер до последнего оставался в Берлинском котле. Распространившиеся слухи о его поспешном венчании с Евой Браун выглядели наивно и неправдоподобнее, чем обычная геббельсовская утка.

Сам по себе встает вопрос, можно ли было предполагать иной ответ вражескому парламентарю, чем требование безоговорочной капитуляции? Если бы это исключалось, то незачем было бы тянуть с окончательным ответом: предъявить ультиматум и, если он будет отклонен, продолжить штурм и силой взять оставшиеся в руках фашистов объекты города, перебить или пленить фашистских главарей – и делу конец. Но не так это было просто, как теперь кажется: приход парламентаря и предложение о прекращении огня многое значили; появилась возможность избежать дальнейшего кровопролития. Следовательно, военная ситуация в Берлине, да и не только в Берлине, резко менялась. Отвергнуть или принять предложение немцев выходило за рамки компетенции командующего фронтом, а тем более одного из командующих, штурмовавших германскую столицу армий. Решение могло быть принято только высшим политическим и военным руководством страны.

Так в чем же дело? – напрашивается вопрос. Разве нельзя было немедленно доложить Верховному главнокомандующему о предложении противника и получить указания? Чем объяснить проволочку с ответом? Этому были свои причины. Прежде всего, поспешность в таком большом и серьезном деле считалась недопустимой: надо было детально разобраться в возникшей ситуации, взвесить все за и против и быть готовым при докладе Верховному высказать свои предложения, если потребуется. Маршал Г.К. Жуков с поспешными, глубоко не проанализированными и обоснованными предложениями обращаться к Сталину не мог. К тому же, как мне стало известно, когда я прибыл в кабинет командующего фронтом, И.В. Сталин в эту ночь поздно прилегал отдохнуть и его не решались до определенного времени будить. Время работало на нас, и в Генеральном штабе часы отдыха Верховного использовали для выяснения деталей происшедшего, чтобы, когда он проснется, сделать короткий и точный доклад.

Тем временем переговоры на КП 8-й гв. армии продолжались; они носили характер неторопливых вопросов и ответов.

После краткого раздумья состоялся такой диалог:

- Чем вы можете доказать, что Гитлер покончил жизнь самоубийством?
- Я не имею никаких доказательств.
- Можете ли вы предъявить его труп?
- Тело фюрера сожжено.
- Видели ли вы лично его мертвого?
- Я там не присутствовал. Поэтому не видел, как его сжигали.
- На чем же основывается ваше утверждение, что Гитлера нет в живых?

На этот вопрос Кребс ответил более пространно:

– У меня есть уверенность, что это правда. Через меня отдавалось распоряжение найти бензин для сжигания тела фюрера и Евы Браун. Я поручил найти две бочки бензина. Надеюсь, что последняя воля фюрера – сжечь его тело – была выполнена. Хотя я и не видел мертвого фюрера, у меня не возникает сомнений в его смерти. Последнее время я был постоянно вместе с ним и наблюдал, что он был в таком расстроенном состоянии, беспомощным и фактически невменяемым, что жить больше не мог...

Я отметил про себя, что в тоне Кребса нет ни сожаления о смерти Гитлера, ни враждебного к нему отношения. Видимо, Кребса теперь больше занимала собственная судьба.

Можно ли было принять сообщение о самоубийстве Гитлера за истину, не вызывающую сомнений? Конечно же нет. Сомнения были. Версия не подкреплялась неопровержимыми доказательствами. Могло быть, что гитлеровцы под прикрытием этой версии решили упрятать фюрера в безопасное место, а слух о его гибели им был нужен, чтобы отвлечь победителей от поисков главаря преступной фашистской шайки. Логические размышления не могли пройти мимо такого суждения. Но и твердых мотивов опровержения этой версии тоже не имелось.

Разговоры о Гитлере напомнили мне услышанный случайно два дня назад диалог солдат. Приехав в 4-й корпус, я вышел к переднему краю, пробрался в полуподвал разрушенного здания на КП командира полка и рассматривал в амбразуру, проделанную в каменном фундаменте, узел сопротивления противника по другую сторону маленького сквера. За треснутой стеной отчетливо слышался разговор двух солдат:

– Иван, а Иван? Вот ежели тебе пришлось бы первому встретиться лоб в лоб с самим Гитлером, что бы ты сделал?

– Что бы сделал? Да я бы его тут и прикончил.

– Так не можно, это тебе не простой фриц; его надо брать живьем, как берут звероловы уссурийского тигра.

– А ежели бы он не сдавался, отстреливаться вздумал, тогда что?

– Тогда другое дело... тогда можно и прошить из автомата его поганую рожу. Подвернись он мне, я бы его ухватил за висячую чуприну – и к старшине: так, мол, и так, фюрера приволок! Он бы его, гада, к ротному представил. Всякие там кресты и свастики всякие содрали бы с него и, погоревшего, как швед под Полтавой, повезли бы под надежной охраной в Кремль к самому Сталину, толкнули бы взашей: становись, мол, гад, на колени, молись! Посмотрел бы товарищ Сталин на фашистского зверя, пососал бы трубку свою и спросил: «Кто поймал?» – «Гвардии рядовой Махонин, товарищ Сталин, взял его живьем», – отрапортовал бы маршал Жуков. «Наградить гвардии рядового Ивана Махонина боевым Красным Знаменем и домой отпустить, пусть гуляет на славу! – сказал бы товарищ Сталин. – А этого гада, Гитлера значит, заковать в цепи и возить на полutorке по всем городам и селам. Пусть каждый, кто захочет, кинет в него булыжник, плюнет в противную рожу его или ущипнет за что попало».

– А потом куда его девать?

– Заковали бы в добротную клетуху и в музей на общее, да еще бесплатное обозрение, чтобы каждый посмотрел, какие фашистские главари бывают...

Припомнившийся разговор двух солдат почему-то укрепил во мне уверенность, что в самоубийстве Гитлера сомневаться не следует.

На вопрос В.И. Чуйкова, где находятся члены созданного Гитлером нового правительства, Кребс ответил, что Геббельс и Борман – в Берлине, а остальные – вне Берлина. Где именно, он уточнять не стал.

Из последующих вопросов и ответов выяснилось, что ни Геббельс, ни Борман с предложениями, подобными тем, с какими они обратились к советскому командованию, к

командованию англо-американских войск не обращались. Да они и не имели возможности это сделать, находясь в Берлинском котле.

На вопросы, где в данное время находятся Гиммлер, Геринг и Гудериан, Кребс дал краткие ответы. Чувствовалось, что он это делает с неприязнью и с нежеланием. Из его ответов мы уяснили, что Гиммлер сознательно не выполнил требования фюрера о снятии немецких войск с Западного фронта и переброске их для защиты Берлина и без согласия Гитлера вел переговоры с представителями английского и американского правительств об условиях капитуляции Германии. Гитлер, кроме того, подозревал, что Гиммлер был намерен сместить его и стать у власти. Это явилось вроде бы причиной того, что за несколько дней до своей смерти Гитлер исключил Гиммлера из партии, лишил всех постов и наград как предателя. Геринг тоже, по словам Кребса, был освобожден по болезни от занимаемых должностей и уехал в Баварию. Кребс сослался на передачу Берлинского радио от 27 апреля, в которой сообщалось, что ввиду болезни сердца Геринг просил Гитлера освободить его от обязанностей главнокомандующего военно-воздушными силами и что эта просьба удовлетворена. Вместо Геринга назначен командующий 6-м воздушным флотом генерал-полковник фон Грейм, получивший звание генерал-фельдмаршала. На самом деле причины ухода Геринга были другие, но Кребс умолчал о них. Окончательно прояснилось все впоследствии на Нюрнбергском процессе.

Геринг в действительности, подобно Гиммлеру, надеялся спасти положение путем заключения сепаратного соглашения о перемирии с англо-американцами и видел в Гитлере помеху в осуществлении этого замысла. В связи с этим он 23 апреля направил Гитлеру радиogramму с требованием сложить с себя функции главы государства и передать всю власть ему, Герингу, как законному преемнику. Возмутившись таким вероломством, Гитлер приказал исключить Геринга из партии, лишить всех должностей и званий, арестовать и умертвить.

Все эти перипетии свидетельствуют о наступивших в те дни брожении, разложении и распаде в правящей клике фашистской Германии.

Что касается Гудериана, то Кребс сообщил следующее: Гудериан тяжело заболел и с 15 марта 1945 года не является начальником Генерального штаба. Его обязанности с этого времени исполнял он, Кребс, как его заместитель. А с 25 апреля, согласно приказу фюрера, Кребс официально назначен начальником Генерального штаба сухопутных войск.

В.И. Чуйков поставил Кребсу и такой вопрос. Какой смысл в дальнейшем сопротивлении Берлинского гарнизона? Кребс ограничился повторением сказанного им ранее: немцы будут оборонять столицу до последнего солдата.

Сколько же оставалось в Берлине немецких солдат и далеко ли до последнего из них, мы не спросили, хотя этот вопрос нас очень интересовал. Но подобные вопросы уместно задавать пленному. Но Кребс не был пленным. Мы у него даже не изъяли пистолет, хотя кое-кто в горячности требовал это сделать.

В частности, с таким требованием вдруг выступил присутствовавший на переговорах известный наш писатель Всеволод Вишневский.

– Отобрать пистолет у этого бандюги! – выкрикнул он, увидев кобуру на пояском ремне парламентаря. Генералу М.П. Духанову с трудом удалось успокоить писателя, выведя его на время в другую комнату. Излишнюю, хотя и вполне объяснимую горячность Вишневский проявил и позднее, когда заметил, что немецкий генерал, передав В.И. Чуйкову документы, спрятал несколько страниц в карман своего кителя. Вишневский снова стал бурно возмущаться и требовать силой взять все бумаги. Пришлось опять его успокаивать.

Переговоры тем временем продолжались. Однако на заключительной их стадии мне присутствовать не удалось. Дело в том, что по указанию маршала Г.К. Жукова мне было

поручено отправиться в штаб фронта с принесенными Кребсом документами и вручить их лично командующему фронтом, а также быть готовым доложить подробности о переговорах и детали обстановки в армии на последний момент.

Покинув кабинет, я встретился в приемной с только что приехавшим в армию заместителем командующего фронтом генералом армии Василием Даниловичем Соколовским. Генерал задал мне несколько вопросов и, узнав, куда я направляюсь, сказал:

– Поторопитесь! Это дело срочное. Георгий Константинович ждет.

В.Д. Соколовский по поручению маршала Жукова взял дальнейшие переговоры с Кребсом в свои руки.

4

За мной была закреплена трофейная автомашина «Мерседес-Бенц», которой мастерски управлял лихой шофер с Урала Вася Бузуев. Я взял с собой заместителя начальника разведки армии подполковника И.А. Матусова и двух автоматчиков для охраны, и мы отправились в путь. В это облачное и несколько прохладное, при наступивших теплых днях, первомайское утро рассвет был заметно запоздалым, но, когда мы выехали, было уже довольно светло. Поперек дороги в ряде мест, особенно в долинах, пробегали синие полосы тумана. Мы торопились, выбрали кратчайший путь, но ехать было трудно.

Но тут, к великому огорчению, с досадой пришлось на практике убедиться в справедливости поговорки: на войне не каждая кратчайшая дорога короче. Особенно это было ощутимо по фактору времени. Двигаясь незнакомыми улицами и переулками, нам приходилось то и дело объезжать различные завалы и заграждения, взорванные мосты и мостики, горящие кварталы. А когда выбрались из города, то и тут не стало легче: дорога была запружена автомашинами, обозами, артиллерией, танками, ремонтными летучками, частые заторы и объезды были и здесь. На каких-то 75 километров пути пришлось потратить около двух часов. Мне казалось, что опытный шофер не проявляет должной находчивости, и я нервничал, нетерпеливо подстегивал водителя замечаниями и упреками.

Между тем мысленно я уже стоял перед суровым маршалом, формулировал в уме предстоящий доклад, пытался предугадать возможные вопросы и искал ответы на них. Многое перебрал в памяти и передумал за это не столь уж продолжительное время.

С Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в ходе войны мне неоднократно случалось встречаться в различной обстановке; иногда доводилось отвечать на его вопросы, докладывать обстановку лично и по телефону, в его присутствии или лично ему приходилось иногда докладывать ту или иную часть оперативного плана армейской операции. Так что не впервой мне предстояло явиться собственной персоной пред ясные очи выдающегося полководца нашего времени, не терпящего мямлей, бездарности, врунов, демагогов, трусов и лентяев. Когда чем-либо недоволен, когда не в духе, он одним словом, одним своим видом, жестом буквально подавлял любого человека.

И я волновался: не хотелось показаться чего-либо не знающим, что обязан знать, не умеющим доложить, колеблющимся или спасовавшим под ударами всегда, казалось, неожиданных вопросов. Но благополучный исход встреч с ним в прошлом несколько успокаивал. Он ко мне относился, как помнится, с явным снисхождением и однажды даже заступился, когда придиричиво распекал меня в его присутствии начальник штаба фронта генерал-полковник М.С. Малинин.

Внезапная остановка машины перед шлагбаумом контрольно-пропускного пункта штаба фронта вывела меня из размышлений. Подошел незнакомый капитан, сел к нам в машину, и мы поехали к домику, в котором размещался командующий фронтом. Лихой шофер

подкатил вплотную к маленькому крыльцу указанного капитаном домика в лесу и круто затормозил, закрипев тормозами.

Только я, выбравшись из машины, поставил ногу на первую ступеньку крыльца, как дверь резко распахнулась и в проеме показался маршал Г.К. Жуков. Он был в ворсистом халате, перетянутом толстым шнуром с увесистыми кистями, и в утепленных домашних тапочках.

В таком штатском и сугубо домашнем, отдававшем чем-то мирным и покойным одеянием было странным и непривычным видеть прославленного в великих битвах военачальника. Как бы ни был напряжен мозг, в мыслях молниеносно промелькнуло сознание: вот он, тот самый человек, волей которого направляется огромная войсковая масса, окружившая и штурмующая германскую столицу. Именно от этого небольшого ростом человека, вроде бы и мало отличавшегося от многих других, ждет взятия Берлина, принятия капитуляции от поверженной в конце концов фашистской Германии и победоносного завершения войны советский народ и его правительство; на него с восхищением смотрят и с величайшим уважением называют его имя не только советские люди, но и народы союзных по антигитлеровской коалиции стран; со страхом и трепетом мысленно представляют себе его личность смертные враги Советского государства, мечущиеся в последней агонии поражения и попросившие хоть какой-то пощады через своего высокопоставленного парламентаря генерала Кребса.

Представиться маршалу и доложить о прибытии мне не удалось. Не дав вымолвить слова, он грозным, отрывистым голосом, но не возвышая его, произнес:

– Где вас носит? Почему я должен так долго ждать? За смертью вас посылать, а не с важными поручениями!

Он тут же шагнул обратно в домик. Мы с Матусовым последовали за ним. Я невнятно пробормотал в оправдание:

– Ехали с максимальной скоростью и нигде не останавливались...

Маршал перебил меня:

– Довольно! Оправдываться будете в военном трибунале. Давайте бумаги!

Фразу о военном трибунале я, конечно, не принял буквально и потому не придал ей значения, пропустив мимо ушей, как безобидное замечание. Раскрыв папку и вынув из неопечатанного конверта послание Геббельса и Бормана, протянул его маршалу. Он окинул меня взглядом с ног до головы и лишь потом взял документ. Вначале перелистал страницы, посмотрел на подписи, а затем стал читать по порядку, стоя посередине комнаты, склонив массивную голову несколько набок.

Маршал углубился в чтение, а я, стараясь как-то смягчить напряженность ожидания, стал обводить глазами комнату, из которой ее обитатель управлял Берлинской операцией и докладывал обо всем происходящем Верховному главнокомандующему. В комнате стояли два стола: один в глубине у дальней поперечной стенки – рабочий стол маршала, на нем – настольная лампа с плоским абажуром на выгнутой ножке, несколько аккуратно сложенных рядышком зачиненных карандашей, стопка бумаги, картонная папка с какими-то документами и большой блокнот без верхней корки. Второй стол длинный, поставленный вдоль комнаты посередине ее на некотором удалении от рабочего; он был покрыт зеленым сукном. На этом столе бросились в глаза: топографическая карта в свернутом виде и крупномасштабный план Берлина. По обеим сторонам стола – несколько полумягких стульев. В углу, с правой стороны письменного стола на небольшом столике сгрудились несколько телефонных аппаратов, один из них белого цвета. Второй такой же белый аппарат висел на продольной стене напротив середины длинного стола. Такие аппараты использовались в системе засекреченной правительственной связи ВЧ. В правой продольной стене виднелась плотно закрытая дверь, которая, по-видимому, вела в комнату отдыха.

На подоконнике стоял красивый литровый термос, видимо с чаем, рядом с ним – стакан в мельхиоровом подстаканнике с опущенной в него чайной ложкой. Вот и все, что я мог рассмотреть.

Маршал читал документы с большим вниманием, время от времени он возвращался к уже прочитанным страницам и некоторые места перечитывал снова. Меня это несколько удивило, так как я знал, что содержание документов известно маршалу из разговоров по телефону с генералом Чуйковым. Прочитав послание, он пробежал глазами приложенный к нему список членов нового германского правительства и вдруг спросил, глядя на меня в упор:

– Здесь не все страницы, нет подписей. В чем дело?

– Кребс отделил последние страницы и, не предъявив нам, положил в карман, – пояснил я, вроде оправдываясь.

– Ну да это не столь важно. Кому нужно это правительство! – с неожиданным безразличием молвил маршал.

Он снова прошелся по комнате и, подойдя ко мне вплотную, приблизил лицо к моему лицу; его глаза оказались на уровне моего подбородка, так как он был чуть ниже ростом и в обуви без каблучков.

– В послании все изложено ясно и четко, – заговорил он, как бы рассуждая вслух. – Но нет ли в этом демарше какого-либо тайного расчета? Не прикрывают ли Геббельс с Борманом других замыслов? А может, намереваются сделать попытку вырваться из Берлинского котла на запад? Не ждут ли чего от наших союзников? Действительно ли они просят перемирия, или это просто маневр?

При этом вопросе он посмотрел сначала на меня, потом на Матусова исподлобья. Пока я собирался с мыслями, заговорил Матусов: ссылаясь на данные разведки, он неуверенно сказал, что немцы, несомненно, ищут какого-то выхода, ждут чего-то на западе...

Г.К. Жуков нетерпеливо прервал его взмахом руки. Тогда вступил в разговор я, заявив, что немцы в Берлине держаться больше не могут и что их просьба о перемирии является не чем иным, как фактическим началом капитуляции. Им уже не на что рассчитывать, кроме как на милость победителей. Демарш Геббельса и Бормана есть не что иное, как унижительная просьба пощады, прикрываемая слишком прозрачной оболочкой.

Маршал мотнул головой – и я подумал, что он не станет дальше меня слушать. Но он не прервал меня, продолжая глядеть мне в лицо заинтересованно. Я осмелел и продолжал:

– Немецкая нация неоднократно вероломно развязывала войну и, когда видела, что победы не добиться, своевременно признавала себя побежденной, не допуская до полного разгрома. Вот и теперь, хотя и поздно, немецко-фашистское руководство намеревается удержать за собой во что бы то ни стало не занятый победителями островок в Берлине, с которого от имени нации попытаться вести торг об условиях мира. Лишившись же этого островка, они теряют самую возможность говорить от имени Германии. А новое, названное «демократическим» правительство им понадобилось единственно потому, что с гитлеровским руководством о судьбе разгромленной Германии никто из победителей разговаривать не станет. Ежели же попытаются вырваться из котла, как вы заметили, то, во-первых, мы им этого не позволим, а во-вторых, в открытом поле мы их перебьем, как куропаток...

Маршал больше не стал выслушивать мою тираду, он многозначительно улыбнулся и, отступив от меня на пару шагов, приподнятым голосом произнес:

– Не дадите вырваться! Перебьете, как куропаток!.. Откуда такая самоуверенность? В Берлине воюет не одна ваша армия. Да и чем она лучше других армий? Что вы с вашим командармом носитесь со своей армией как дурень с торбой?..

Мне хотелось возразить, что-то сказать в свое оправдание, но я не посмел, сознавая, что в таких случаях лучше промолчать.

Маршал круто, по-солдатски, повернулся кругом и в раздумье вновь прошелся по кабинету, потом поднял трубку одного из телефонов и вызвал к себе начальника оперативного управления генерала И. И. Бойкова. Затем он взял с письменного стола большой блокнот, замеченный мной ранее, и с размаху кинул его на длинный стол, приказал мне сесть и писать. И тотчас стал диктовать доклад И.В. Сталину. Диктовал он быстро. Мне, с перебитой разрывной пулей в одном из боев рукой с оставшимся ложным суставом в правом предплечье, быстро писать было трудно, и я не поспевал за маршалом. Это его раздражало.

Вошел генерал И.И. Бойков. Маршал приказал ему передавать по ВЧ донесение в Генеральный штаб, адресованное И.В. Сталину. Молниеносно Москва оказалась на проводе. Маршал продолжал диктовать, а я писать. Исписав лист, я вырывал его из блокнота и передавал Бойкову, а тот диктовал написанное в трубку белого телефона. Как я понял, на противоположном конце провода в Москве донесение принимал и записывал генерал армии А.И. Антонов.

Наконец Георгий Константинович умолк. Диктуя, он постепенно становился более терпеливым, движения его делались менее резкими, смягченными, и он теперь стоял в задумчивости у окна. Продиктованное им донесение Верховному было немногословное, но емкое по содержанию: в нем сперва кратко излагались выводы из оперативно-стратегической обстановки, сложившейся в районе Берлина, затем следовало выраженное обобщенно содержание послания Геббельса и Бормана, смысл разговора с Кребсом и в заключение говорилось о том, что Берлин будет полностью взят в ближайшие часы, несмотря на несогласие противника прекратить бои и сложить оружие. Из продиктованного доклада Верховному было видно, что ни командующий фронтом, ни в Москве до прихода к нам парламентаря не знали о самоубийстве Гитлера и это сообщение явилось важной новостью.

В ожидании дальнейших указаний я окинул взглядом присутствующих и вдруг спохватился, что все стоят, а я сижу, и вскочил со стула. Это вывело маршала из задумчивости, и он спокойно задал мне и Матусову несколько вопросов. В частности, спросил, как ведет себя немецкий парламентар. Потом, не ожидая ответа, сообщил, что послал для продолжения переговоров с представителями германского правительства своего заместителя генерала армии В.Д. Соколовского. Я доложил, что видел генерала Соколовского на КП армии перед отъездом.

Что же касается поведения Кребса, то он, сказал я, старается держаться с достоинством, без унижения и амбициозности, но скрыть волнение не в состоянии, во всем существе его проглядывает безнадежность.

На этом аудиенция закончилась. Маршал разрешил нам с Матусовым возвращаться обратно в армию. На прощание он сказал, что окончательный ответ немцам будет дан в ближайшие минуты.

Тем временем на КП 8-й гв. армии переговоры с парламентаром противника продолжались. Их возглавил теперь генерал В.Д. Соколовский, выслушав прежде подробный доклад В.И. Чуйкова о предшествовавшем разговоре.

Пока мы находились в пути, Г.К. Жуков получил указания И.В. Сталина. Эти указания были кратки и бескомпромиссны: никакого перемирия, потребовать безоговорочной капитуляции, а не согласятся – продолжать штурм! Решение тут же было передано по телефону генералам В.Д. Соколовскому и В.И. Чуйкову. Все стало ясным и окончательным. Командующий

фронтом дал соответствующие указания командующим всеми окружавшими Берлин армиями.

Мне неизвестно, сам ли проснулся Верховный, или его разбудили с получением письменного доклада маршала Жукова, или маршалу удалось доложить ему лично по телефону, но ответ, которого мы так ждали, последовал незамедлительно.

В обратном направлении, по уже знакомой и менее запруженной дороге, мы проехали быстрее. В Берлине стояла какая-то особая, казалось, огромная тишина: не было слышно ни единого артиллерийского выстрела, ни разрыва снаряда, ни пулеметной очереди. Можно было подумать, что война закончилась. Но на улицах и площадях по-прежнему было пустынно, войска не покидали укрытых боевых позиций, они ожидали команды продолжить последний бой. А загнанные смертельной опасностью в убежища и подвалы местные жители не показывались на свет божий, чувствуя, что спокойствие еще не наступило. Тишина была обманчивой. Война продолжалась, она лишь на время затаила свое огненное дыхание и готова была полыхнуть исполинским пламенем в любую минуту.

5

Была первая половина дня 1 мая. Утренняя облачность рассеялась, и день стоял ясный, ярко светило весеннее солнце, но дул слабый, пронизывающий прохладой ветерок. Кое-где по голубому небу пробегали отдельные белесые облака, полосками теней отражаясь на зияющих руинах кварталов города.

Мы подъехали к дому, в котором шли переговоры. Бросилась в глаза следующая картина. У подъезда стоял наш бронетранспортер, за рулем которого сидел водитель в комбинезоне танкиста. К машине, в сопровождении офицера связи из моего отдела капитана Касюка, подошел генерал Кребс и, прежде чем сесть в приготовленную для него машину, начал внимательно оглядывать стоящие окрест дома. Я обратился к Кребсу с вопросом, почему он так внимательно смотрит вокруг? Не намеревается ли, запомнив место нашего расположения, по возвращении обрушить на нас артиллерийский огонь?

– Нет, полковник, – грустно ответил он, – это уже ни к чему. Жизнь моя на волоске. Вам это трудно понять, полковник... – На глазах у него заблестели слезы. Вдруг он встряхнулся, выпрямился, быстро встал ногой на колесо и взобрался на транспортер, машина рванулась с места. Следом за ней двинулась машина с остальными членами парламентарской делегации. Обе машины были открытого типа, и немцы, сопровождаемые нашими офицерами, следовали по улицам Берлина на виду у наших бойцов, да и у местных жителей, если кто из них осмелился выглянуть из укрытия. Глядя вслед удаляющимся машинам, я подумал, что это шествие многозначительно и полезно: оно символизирует наступление мира.

По возвращении на КП армии я подробно расспросил оставшихся здесь офицеров, как протекали переговоры в мое отсутствие. Вот что мне рассказали. После того как стало известно решение И.В. Сталина, Кребсу был дан соответствующий ответ. На это Кребс повторил свое заявление, что уполномочен вести переговоры только о временном перемирии, о прекращении огня в Берлине. Говорить же о капитуляции он не вправе.

– Немецкие войска в Берлине, – заявил он еще раз, – будут сражаться до последнего солдата.

Что же касается безоговорочной капитуляции, как того требует русское командование, то без указания Геббельса вступать в такие переговоры никто, а тем более он, Кребс, не может.

В.Д. Соколовский предпринял еще одну попытку склонить немцев к капитуляции, что могло бы сберечь жизни многих советских, а равно и немецких солдат и офицеров в последние дни, а может быть, и часы боев. Он предложил послать полковника фон Дуфвинга вместе с представителем советского командования подполковником А.П. Гладким к Геббельсу с тем, чтобы сообщить о ходе переговоров, передать требование советского Верховного

командования о безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона, а также установить прямую телефонную связь между сторонами через линию фронта, что позволило бы Кребсу лично связаться с имперской канцелярией.

Генерал Кребс, остро почувствовав, что не выполнил своей миссии, заметно сник. Но против предложения генерала Соколовского в принципе не возражал, хотя и сомневался в полезности этого предприятия.

И вот полковник фон Дуфвинг, сопровождаемый подполковником Гладким и переводчиком старшиной Журавлевым, направился к переднему краю, чтобы перейти линию фронта и предстать перед самим Геббельсом. Однако немцы неожиданно обстреляли делегацию. Об этом доложили командарму, и он, не желая подвергать риску наших людей, по указанию В.Д. Соколовского, приказал Гладкому и Журавлеву остаться и к немцам не ходить. Немецкому полковнику при второй попытке удалось с поднятым флагом пройти в расположение своих войск. Он добрался до подземелья имперской канцелярии и доложил Геббельсу и Борману о ходе переговоров и о советских условиях. Вскоре наши солдаты снова увидели немецкого полковника: он поспешно возвращался обратно. Здесь он попросил связать его по телефону с нашим КП и доложил генералу Кребсу, что задание выполнено, однако Геббельс требует его, Кребса, к себе для личного доклада.

Затем Дуфвинг совместно с нашими офицерами занялся организацией прямой телефонной связи через линию фронта.

Сообщение Дуфвинга вызвало у Кребса явную тревогу. Он попросил генерала В.Д. Соколовского окончательно сформулировать советские условия, которые он мог бы доложить Геббельсу. Генерал Соколовский охотно согласился и заново изложил наши требования. Они окончательно были сформулированы так:

1. Немедленная и безоговорочная капитуляция Берлинского гарнизона.
2. Всему личному составу войск, сложивших оружие, гарантируется жизнь, сохранение орденов и личных вещей, а офицерам – и холодного оружия. Раненым будет оказана медицинская помощь.
3. Если немецкая сторона примет эти условия, советское правительство не будет рассматривать как военнопленных членов нового правительства Германии и его ответственных сотрудников – согласно особому списку.
4. Членам немецкого правительства, находящимся в Берлине, советское командование предоставит возможность связаться с гроссадмиралом Дёницец, а также возможность обратиться к правительствам трех союзных держав с предложением начать переговоры о мире. Изложив эти пункты, В.Д. Соколовский сделал оговорку, что советское командование не дает гарантии, что правительства СССР, Англии и США вступят с новым германским правительством в какие-либо переговоры.

– Да, я понимаю, – вздохнул Кребс и попросил переправить его обратно через линию фронта.

Здесь уместно рассказать в нескольких словах, как была установлена прямая телефонная связь между нами и немцами. Дело было так. Одному советскому солдату-связисту (фамилия его мне не запомнилась) было приказано взять катушку с полевым кабелем и телефонный аппарат и пойти за немецким полковником фон Дуфвингом в немецкое расположение, разматывая кабель. Дуфвинг должен был дать указание немецким связистам соединить свой провод полевой связи с советским и поддерживать связь. Наш солдат, перейдя линию фронта, соединил совместно с немецким связистом провода, продул трубку телефона и сообщил своим, что лежит в глубокой воронке, а вокруг него – немцы.

– А как они с тобой уживаются? – спросили его.

Он весело ответил, что фрицы ведут себя смирно, даже предложили сигарету.

Это была своего рода импровизированная международная линия связи, смонтированная из полевых кабелей воюющих сторон и обслуживаемая советским солдатом, находящимся среди врагов. Только эта уникальная линия существенной роли не сыграла: немецкая сторона инициативы в использовании ее не проявляла, нам же говорить было не о чем, ибо мы свое уже сказали: безоговорочная капитуляция и никаких гвоздей! Правда, перед самым уходом Кребса его связали с имперской канцелярией и он нехотя переговорил с Геббельсом, но слышимость была скверная, и он еле разобрал требование своего шефа явиться для личного доклада.

Спустя некоторое время после отъезда Кребса мне доложили по телефону, что, как только Кребс в сопровождении того же Дуфвинга появился на нашем переднем крае, немцы неожиданно открыли пулеметный огонь. Парламентеры отскочили назад, укрывшись за стеной каменного здания. Выждав несколько минут, Дуфвинг, размахивая над головой белым флагом, снова решительно двинулся вперед. Огня не последовало. Он подошел к своим соотечественникам, что-то сказал им и затем дал знак Кребсу. После этого тот уже без помех перешел линию фронта.

Необычная телефонная линия продолжала функционировать, но по ней не о чем было говорить. Время от времени лишь перекликались наши телефонисты, проверяя ее исправность. Справа и слева слышалась перестрелка, на этом же участке стояла напряженная тишина. Мы пребывали в ожидании окончательного ответа Геббельса.

Наконец где-то около 18 часов в распоряжение наших войск по уже проторенной дорожке прибыл подполковник СС, фамилия которого у меня в памяти не сохранилась. Он принес пакет. Не распечатывая его переправили на КП армии и передали генералу В.Д. Соколовскому. За подписями Бормана и Кребса в нем излагался ответ германского правительства на советские условия. Ответ сводился к тому, что условия эти немецкой стороной приняты быть не могут и отклоняются.

Генерал армии В.Д. Соколовский тотчас известил по телефону об окончательном ответе немцев командующего фронтом. Маршал Г.К. Жуков приказал всем находящимся в Берлине армиям возобновить штурм и завершить разгром немецкой группировки. Главная ставка делалась на артиллерию. И вскоре фронт выдохнул исполинский фейерверк пламени, за которым последовал потрясший землю грохот тысяч орудий. Гул канонады стоял весь остаток дня 1 мая, он не затих и с наступлением ночи. Над кварталами города, остававшимися еще в руках гитлеровцев, висела пелена пыли и дыма. Бойцы всех армий рвались в бой и там, где это было возможно в условиях смерча артиллерийского огня, захватили отдельные объекты врага. Уже развевалось знамя Победы над Рейхстагом, штурмом взятым войсками 3-й ударной армии. Но белые флаги в расположении противника не появлялись. И штурм продолжался. Красная армия добивала врага в его берлоге, как тогда выражались.

Наутро нам стало известно, что Геббельс, не дождавшись согласия на перемирие, уничтожил своих детей и жену и сам покончил жизнь самоубийством. Об этом сообщил немецкий генерал Вейдлинг, о котором речь пойдет впереди. Обгоревшие трупы членов семьи нашумевшего рейхсминистра пропаганды и его самого впоследствии были найдены и опознаны. Он тоже оставил посмертное завещание, в котором признавался, что не выполнил единственного за все годы приказания своего фюрера – это остаться жить после его ухода в «лучший мир». Но он надеется на том свете объясниться с Гитлером, будучи уверенным, что фюрер поймет своего подручного и простит ему единственное и последнее неповиновение.

Я поинтересовался позднее у Вейдлинга, какова судьба Кребса. Оказалось, что генерал Ганс Кребс последовал примеру своих хозяев – Гитлера и Геббельса: вернувшись в имперскую канцелярию после того, как побывал у нас в качестве парламентаря, и не застав Геббельса в живых, он пустил себе пулю в лоб. Это был типичный представитель немецкой военщины. Вторая мировая война застала его в роли начальника штаба 7-го армейского корпуса. Он

считался знатоком России, владел русским языком и потому в марте 1941 года получил назначение на должность помощника германского военного атташе в Москве. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз прервало его дипломатическую деятельность в нашей стране. В январе 1942 года он был назначен начальником штаба 9-й армии, в марте 1943 года получил повышение, став начальником штаба группы армий «Центр». В сентябре 1944 года его переводят на должность начальника штаба группы армий «Б». Начальником Генерального штаба сухопутных войск, как уже упоминалось, Кребс был назначен в марте 1945 года. Будучи на этом высоком посту, Кребс и покончил счеты с жизнью, ибо убедился в неизбежности окончательного и бесповоротного краха фашистского режима. Это случилось 1 мая 1945 года.

Теперь логика повествования подводит меня к изложению событий, происходящих в Берлине 2 мая 1945 года и явившихся финалом великой битвы, увенчавшей нашу Родину и ее армию неуязвимыми лаврами военной доблести и славы.

6

Примерно около полуночи с 1 на 2 мая на рабочей волне радиостанции штаба 79-й гвардейской стрелковой дивизии 28-го гв. ск начала передачи неизвестная радиостанция, непрерывно повторявшая открытым текстом на русском языке одно и то же.

«Алло, алло! Говорит 56-й германский танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 00 часов 50 минут по берлинскому времени высылаем парламентариев на Потсдамский мост. Оповестительный знак – белый флаг. Ждем ответа».

Радиограмма была принята нашей радиостанцией несколько раз. Радисты ее дословно записали и перепроверили, затем передали в эфир ответ: «Вас поняли. Передаем вашу просьбу вышестоящему начальнику». Радисты доложили о радиограмме немцам командиру дивизии, а тот немедленно связался по телефону с командармом и попросил указаний. Генерал-полковник В.И. Чуйков приказал прекратить огонь в районе Потсдамского моста, принять парламентариев и доставить их на КП армии.

К указанному в радиограмме времени на Потсдамский мост были высланы офицеры 47-й гв. сд. Они встретили там трех немецких офицеров с белым флагом – полковника и двух майоров – и доставили их в штаб дивизии. Немецкий полковник оказался старым знакомым: это был все тот же начальник штаба 56-го танкового корпуса фон Дуфвинг. Его сопровождали два офицера штаба этого корпуса. Дуфвинг передал нашим представителям, что командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг уполномочил их заявить советскому командованию о решении прекратить сопротивление частей 56-го танкового корпуса и капитулировать. Полковник предъявил документ следующего содержания: «Командир 56-го танкового корпуса. Командный пункт, 01.05.1945 года. Полковник Генерального штаба фон Дуфвинг является начальником штаба 56-го танкового корпуса. Ему поручено от моего имени и от имени находящихся в моем подчинении войск передать разъяснение. Генерал артиллерии *Вейдлинг*».

Устное заявление Дуфвинга никаких разъяснений не требовало. Но содержание приведенного выше документа вызывало недоумение. Вместо того чтобы сдаваться в плен, немцы собираются давать разъяснение. Почему генерал Вейдлинг не написал о капитуляции в документе, ограничившись передачей своего решения на словах через уполномоченного офицера? Все объяснялось просто: слишком позорная миссия выпала на долю старого генерала и оставлять потомкам свидетельство о ней в документе ему не хотелось.

47-й дивизией в тот момент командовал полковник И.В. Семченков – умный и решительный воин. Он спросил у Дуфвинга, сколько времени потребуется командованию корпуса, чтобы

сложить и организованно сдать в плен советским войскам весь личный состав, технику и вооружение?

– Часа три-четыре, – ответил тот и добавил: – Но нам нужно поторопиться, чтобы успеть сдать все это до утра, потому что по приказу Геббельса эсэсовцы будут стрелять в спину каждому, кто попытается перейти к русским.

Было условлено, что сдачу в плен частей корпуса следует закончить к 7 часам утра 2 мая по берлинскому времени. Учитывая это, полковник И.В. Семченков решил не направлять Дуфвинга на КП командарма, а, не теряя времени, отправить его обратно к генералу Вейдлингу, чтобы передать, что советское командование принимает капитуляцию и предлагает сдачу корпуса в плен закончить к 7:00 2 мая, а самому Вейдлингу со своим штабом перейти линию фронта в 6:00 и сдаться первым. Такое условие выдвинул полковник Семченков.

Об этом решении инициативного командира было доложено генералам В.Д. Соколовскому и В.И. Чуйкову, и оно было одобрено. Одновременно командарм приказал направить в 47-ю дивизию заместителя начальника разведотдела армии подполковника Матусова и переводчика капитана Кельбера с задачей встретить генерала Вейдлинга и, уточнив на месте порядок капитуляции немецких частей, доставить его на КП. К 4 часам утра офицеры прибыли на КП 47-й дивизии.

Приняв без колебаний поставленные условия, немецкий полковник сразу же ушел в расположение своих войск для доклада генералу Вейдлингу и организации сдачи в плен личного состава корпуса. Офицеры, прибывшие с Дуфвингом, остались на нашей стороне: идти обратно им не разрешил полковник Семченков. Впоследствии он пояснил, что оставил этих офицеров в качестве заложников. Вообще же у нас не было принято брать заложников, тем более ни к чему это было в данной обстановке. Впрочем, он их не арестовывал, а отправил в тыл, как военнопленных.

В 47-й дивизии, как и во всей армии, приступили к подготовке приема пленных. Обо всем этом было доложено в штаб фронта и сообщено штабам соседних армий. Огонь с нашей стороны был полностью прекращен и больше не возобновлялся.

В 5 часов 30 минут с переднего края сообщили, что немцы выходят из укрытий и строятся в колонны. Слышатся команды офицеров. В расположении противника начали появляться белые флаги.

Как и было установлено, генерал Вейдлинг с группой офицеров своего штаба в 6 часов утра перешел линию фронта и сдался в плен, не выставляя никаких условий. Всю группу доставили на командный пункт 47-й дивизии. Здесь Вейдлингу было задано несколько вопросов, на которые он охотно ответил. Из этого опроса выяснилось, что генерал артиллерии Вейдлинг является не только командиром 56-го танкового корпуса, но одновременно и командующим обороной Берлина. На эту должность он был назначен шесть дней назад.

Отвечая на вопросы полковника Семченкова и подполковника Матусова, Вейдлинг пояснил, что принял решение о капитуляции без ведома Геббельса, который, по дошедшим до него слухам, покончил жизнь самоубийством. После этого Вейдлинг был доставлен на КП армии, где предстал перед генералом армии В.Д. Соколовским и генерал-полковником В.И. Чуйковым. Здесь у него были проверены личные документы; он имел даже солдатскую книжку.

Поскольку побывавший в этом кабинете генерал пехоты Кребс был парламентаром, его не допрашивали, а лишь в рамках возможного вели с ним переговоры, стараясь соблюдать некоторую дипломатичность. У него, как я уже упоминал, даже не изъяли пистолет. Генералу Вейдлингу, как военнопленному, учинили короткий допрос. Вначале ему

поставили три вопроса, имевшие в то время срочное практическое значение. Вот содержание этих вопросов, на которые пленный генерал ответил, проявляя нескрываемую нервозность и беспокойство:

1. Является ли он командующим обороной Берлина? (Его предварительные показания были нам уже известны по телефону от командира 47-й дивизии.)
2. Отдал ли он приказ о капитуляции всему гарнизону Берлина или только частям 56-го корпуса?
3. Что вынудило его принять решение о капитуляции? Сделал он это по указанию немецкого правительства или данное решение – его личная инициатива?

Вейдлинг русским языком не владел, и разговор происходил с помощью переводчика. Генерал сильно волновался, отвечал сбивчиво и неясно. Переводчику то и дело приходилось переспрашивать и уточнять. Я присутствовал на этом допросе и хорошо помню его содержание.

Смысл ответов Вейдлинга сводился к следующему: шесть дней назад он, Вейдлинг, приказом Гитлера был назначен командующим обороной Берлина. Основываясь на указаниях фюрера, запрещающих сдачу в плен, полученных 30 апреля, Вейдлинг утром 1 мая отдал приказ войскам Берлинского гарнизона разбиваться на мелкие самостоятельные группы и пробиваться в разных направлениях из Берлинского котла. С этого времени связи с другими частями гарнизона, кроме частей 56-го танкового корпуса, у него не было. Поэтому его приказ о прекращении сопротивления, а также сообщение о смерти Гитлера до войск всего гарнизона доведены быть не могли. Решение о капитуляции практически касается только частей 56-го танкового корпуса. Что же касается причин, побудивших его решиться на капитуляцию, то это весть о смерти фюрера, бессмысленность дальнейшего сопротивления и бесцельность жертв, а также глубокое сознание ужасных страданий гражданского населения и раненых солдат, находящихся в зоне боевых действий. Решение он принял по собственной инициативе, Геббельс в этом не принимал никакого участия.

Из этого краткого допроса стало ясно, что сдача в плен танкового корпуса и командующего обороной Берлина с его штабом не является официальной сдачей всего Берлинского гарнизона. А это очень важно, ибо никто не мог представить, как поведут себя остальные войска, и особенно эсэсовский сброд, отчаянно мечущийся в тесной мышеловке.

Генерал В.Д. Соколовский тут же предложил Вейдлингу отдать приказ всем войскам окруженного гарнизона о прекращении бессмысленного сопротивления и сдаче в плен. Вейдлинг вначале решительно запротестовал, мотивируя тем, что войска не посчитают такой приказ законным и не станут выполнять, ибо он будет отдан фактически бывшим командующим, находящимся в плену у противника.

– Как могут отдаваться подобные приказы из плена? – взмолился он.

Подумав, В.Д. Соколовский начал терпеливо втолковывать пленному командующему, что в данном случае для немецких частей нужен моральный толчок, который освободил бы их от ложно понимаемого чувства долга. Советские войска все равно добьют сопротивляющиеся части, а остатки личного состава силой возьмут в плен. Так не лучше ли избежать ничем не оправданных жертв с обеих сторон!

После мучительных колебаний и робких препирательств Вейдлинг наконец согласился отдать предложенный приказ.

Но он все еще медлил, нервничал и никак не мог приступить к составлению приказа. Мы были готовы помочь ему... Вдруг Вейдлинг оживился и, как мне показалось, даже обрадовался: он увидел через окно, что в сопровождении нашего офицера мимо идет группа немецких военнослужащих.

– Вон идет мой начальник штаба, он поможет составить приказ! – воскликнул озабоченный генерал, распознав в идущей группе нужного ему человека.

Этим человеком был начальник штаба обороны Берлина полковник Рефиор – дородный аристократ с холеным лицом и моноклем в глазнице. Вейдлинг взволнованно объяснил ему, что от них требуется, и, не теряя времени, они сели писать проект приказа. На это ушло минут двадцать – двадцать пять.

Наш переводчик ознакомил присутствующих с содержанием проекта. В целом документ удовлетворял наших начальников, следовало лишь по указанию В.Д. Соколовского внести некоторые незначительные поправки и подредактировать. Мне было поручено заняться этим вместе с Вейдлингом и Рефиором, с привлечением переводчика. Мы это незамедлительно сделали, и приказ был напечатан на машинке с русским шрифтом.

Генералы Соколовский и Чуйков приказ одобрили. Оставалось перевести документ снова на немецкий язык, напечатать в нескольких десятках экземпляров и подписать бывшему командующему обороной германской столицы. И вдруг возникло неожиданное затруднение: у нас не было пишущей машинки с немецким шрифтом. Я кинулся на поиски нужной машинки. В коридоре стояли несколько офицеров, ожидавших поручений, и солдат Гребенщиков, служивший у меня в оперативном отделе в качестве связного. Это был удивительно расторопный и юркий парень, выполнявший самые разнообразные поручения, будучи на побегушках, как он сам выражался. Я обратился к стоявшим:

– Товарищи, где взять пишущую машинку с немецким шрифтом?

Кто-то из офицеров высказал предположение, что такая машинка должна быть в политотделе армии. Я в этом не сомневался, но за ней надо было ехать во второй эшелон штаба, а это требовало времени.

– Я сейчас принесу! – тотчас отозвался рядовой Гребенщиков. – Я видел, где лежит такая штукавина.

Через несколько минут он принес портативную машинку из соседнего дома.

– А кто умеет печатать по-немецки? – спрашиваю, входя в кабинет с машинкой в руках.

Выход нашелся и тут: среди немцев, пришедших от Ганса Фриче (о них я скажу ниже), оказался какой-то референт или секретарь, который и вызвался напечатать приказ.

Вейдлинг и Рефиор не торопясь, внимательно прочитали машинописный текст, и пленный, поколебавшись некоторое время, подписал наконец первый экземпляр. Он окинул присутствующих беглым взглядом, как бы интересуясь, какое этот жест произвел впечатление, быстро подписал остальные экземпляры, которые я подсовывал ему один за другим; их было экземпляров двадцать – двадцать пять.

Это был последний официальный приказ представителя немецко-фашистского командования во Второй мировой войне, развязанной и проигранной Германией, отданный в ее столице – Берлине, – приказ командующего обороной столицы рейха остаткам разгромленного и уже фактически несуществующего вермахта. Поэтому этот документ может представлять известный интерес и я его привожу дословно:

«Приказ. Берлин, 30.04.1945 г. – 02.05.1945 г. Фюрер покончил жизнь самоубийством и нас, присягнувших ему на верность, оставил одних. Согласно приказу фюрера вы должны продолжать борьбу за Берлин, несмотря на недостаток в тяжелом оружии и боеприпасах, несмотря на общее положение, которое делает борьбу явно бессмысленной. Каждый час борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву. По согласованию с Верховным командованием советских войск требую немедленного прекращения борьбы.

Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина».

Как видно из текста приказа, генерал Вейдлинг не преминул привести в нем оправдательные причины, по которым он нарушил указания фюрера о продолжении борьбы за Берлин, и осторожно упрекнул его за то, что он, покончив с собой, оставил войска, присягнувшие ему на верность. Но это для нас не имело практического значения; важно было, чтобы приказ способствовал прекращению огня.

Возник вопрос: как довести этот приказ до личного состава немецких войск, остававшихся в окружении?

Генерал В.Д. Соколовский предложил:

– Разослать приказ с немецкими офицерами. Вон сколько их уже собралось...

Вейдлинг опять было запротестовал, высказав опасение, что посланных с приказом офицеров, как только они появятся, расстреляют эсэсовцы. Однако В.Д. Соколовский возразил ему, заявив, что эсэсовцы сейчас целиком озабочены спасением собственной шкуры. И Вейдлинг нехотя, под нажимом, согласился послать офицеров своего штаба обратно через линию фронта для распространения приказа. Его несколько ободрило то обстоятельство, что с каждым из них до переднего края должен был ехать наш офицер.

Вскоре немецкие офицеры были построены, спокойно выслушали задачу, которую поставил им генерал Вейдлинг, и на наших машинах в сопровождении наших офицеров двинулись в путь.

Помимо этого, по указанию генерала В.Д. Соколовского, А.М. Пронин приказал начальнику политотдела армии организовать передачу приказа с помощью громкоговорителей, установленных на специальных автомобилях, направив их к линии фронта. Приказ должны были слушать как немецкие солдаты и офицеры, так и местное население.

Одновременно приказ был передан по телефону в штабы соседних армий для сведения и распространения среди противостоящих им немецких войск.

Любопытен такой факт. Когда приказ был подписан и офицеры разъехались, интерес к Вейдлингу погас, на него почти перестали обращать внимание. Я заметил, что он вышел в соседнюю комнату, и, взяв с собой переводчика, последовал за ним, опасаясь, как бы в отчаянии он не выкинул какого-либо драматического трюка. Генерал торопливо ходил по комнате, сгорбив худощавое туловище и заложив руки за спину. Продолговатая бритая голова побагровела, глаза лихорадочно горели мутно-голубыми огоньками. Мы с переводчиком молча смотрели на него. Вначале показалось, что немец нас не замечает или делает вид, что не замечает. Вдруг он схватился за голову обеими руками и стал выкрикивать:

– Эх, Берлин, Берлин!.. Что же это такое!.. Будь проклято все!..

Я перебил его вопросом:

– Что вы так волнуетесь, генерал? Ведь все уже позади, война окончена. Радоваться надо!

Он внезапно остановился, как бы очнувшись от забвения, и, вспомнив, где находится, уставился на меня одичавшим взглядом и странным нравоучительным тоном заявил:

– Вам, полковник, трудно осознать мое положение: многие управляли Германией, сидя в Берлине, а вот сдавать столицу рейха врагу выпало на долю несчастного генерала Вейдлинга!.. Я солдат, а не политик!..

– Войдете в историю, генерал! – попытался я «утешить» его.

Что собой представлял этот вымуштрованный в прусском духе и насквозь пропитанный фашистским ядом немецкий генерал, считавший себя стоящим вне политики старым солдатом, на долю которого выпало подписать приказ о капитуляции столицы гитлеровской Германии?

Начало войны Германии против Советского Союза застало генерала артиллерии Вейдлинга в должности начальника артиллерии 40-го танкового корпуса. В декабре 1941 года он был назначен командиром 86-й пехотной дивизии, которой командовал до октября 1943 года. Затем был повышен в должности и назначен командиром 41-го танкового корпуса. В апреле 1944 года этот корпус был наголову разгромлен советскими войсками. Оставшись генералом без войск, Вейдлинг по воле Гитлера вступил в командование 56-м танковым корпусом, а 24 апреля 1945 года назначен командующим обороной Берлина, оставаясь одновременно и командиром корпуса. На этом шатком посту он и закончил свою военную карьеру.

Когда приказ Вейдлинга был размножен, многие товарищи стали просить у меня по экземпляру на память. Здесь были наши известные писатели Всеволод Вишневский и Евгений Долматовский, композиторы Тихон Хренников и Матвей Блантер. Некоторым удалось его получить на русском языке.

Встает вопрос: сыграл ли этот приказ какую-либо положительную роль? Думается, что сыграл. Ибо с его рассылкой началась массовая сдача в плен войск всего Берлинского гарнизона: всюду стали появляться белые флаги, а окруженные немецкие солдаты и офицеры выползали из городских руин и убежищ, складывая в кучи оружие и строясь в колонны для организованной сдачи в плен. Больше немецкие войска в Берлине не сделали, кажется, ни единого выстрела.

К этому времени относится еще одно событие, также проливающее свет на последние дни и часы гитлеровского рейха. Здесь идет речь о капитуляции уже гражданских властей, остававшихся в Берлине.

После прихода генерала Вейдлинга, во время его допроса, меня попросил к телефону начальник штаба 29-го гв. ск полковник А. К. Козловицкий. Штаб этого корпуса располагался неподалеку от нашего передового КП. Козловицкий сообщил мне, что к нему в штаб прибыла группа немцев, но они гражданские, и он не знает, что с ними делать. Я распорядился привести их ко мне: если окажется, что представляют какой-то интерес, доложу о них командарму.

Немцев было четверо: трое – в штатском, один – в солдатской форме, с винтовкой и белым флажком на штыке. Я приказал дежурному офицеру отобрать у солдата винтовку и выставить его за дверь: пусть, дескать, присоединяется к своим пленным собратьям.

Для выяснения, кто эти люди и зачем пришли, много времени не потребовалось, так как один из них – сухонький, чрезвычайно подвижный старичок – превосходно владел русским языком. Их прислал первый подручный Геббельса, заместитель министра пропаганды доктор Ганс Фриче с важным, как они заявили, поручением. Они именовали Фриче имперским директором и выступали от его имени. Я повел делегацию к командарму. Здесь они изложили генералам В.Д. Соколовскому и В.И. Чуйкову мотивы своего появления у нас. Смысл заявления сводился к следующему: в ночь на 2 мая Геббельс покончил жизнь самоубийством, впрыснув себе и всем членам своей семьи яд. Сам Геббельс в дополнение к яду еще и застрелился. Фриче остался единственным представителем высшей власти в Берлине. В связи с создавшимся положением он берет на себя ответственность и готов отдать приказ военному руководству о капитуляции Берлинского гарнизона и всей германской армии.

Делегация передала записку от Фриче. Помнится, в ней говорилось, что он готов отдать приказ о капитуляции. Кроме того, излагалась просьба позаботиться о раненых и взять под защиту оставшихся в живых членов правительства и их семьи, чтобы их не уничтожили опять те же эсэсовцы. Посланцы в один голос заявили, что сам Фриче сдаваться боится, так как ждет, что его сразу же расстреляют.

– Он решил застрелиться, – заговорили они, перебивая друг друга.

Генерал армии В.Д. Соколовский пояснил пришельцам, что никого из членов немецкого правительства, как и других пленных, советские войска расстреливать не собираются. Что касается самого Фриче, то ему в данное время ничто не угрожает, его судьбу будет решать советское правительство, в распоряжение которого он будет передан.

– Он бы не стрелялся, если бы знал это, – сказал один из делегатов.

Второй вызвался поехать к Фриче вместе с нашим представителем и рассказать ему все.

– Увидев меня вернувшимся живым, он обрадуется и приедет! – воскликнул доброволец уверенно.

Предложение было принято, и командарм поручил мне организовать поездку. В моем распоряжении оставалось всего два офицера-оператора (остальные разъехались с различными поручениями). Один из этих офицеров был майор Н.Л. Величко – смелый и всегда находчивый, хорошо ориентирующийся на местности и в любой обстановке, в то время я держал его при себе на случай какого-либо важного поручения. Не хотелось его посылать в пасть раненого зверя. Но более подходящего офицера для выполнения такой миссии под рукой не было. Я назвал командарму его кандидатуру, но он сказал, что следует послать кого-нибудь другого. Я так и не понял, почему он не согласился, – или не хотел рисковать этим толковым оператором, или не доверял ему такого поручения. За окном, у стоявших перед домом машин, показался заместитель начальника разведотдела по политчасти.

– Это кто – кажется, Вайгачев? – спросил командарм. – Вот его и послать!

Я позвал подполковника Н.П. Вайгачева, спросил, чем он сейчас занят. Выяснилось, что в данный момент он никаких поручений не имеет.

– Очень хорошо, – сказал командующий и начал излагать задачу, стоящую перед Вайгачевым. Она заключалась в следующем: взять с собой представителей от Фриче, отправиться в немецкое министерство пропаганды и предъявить Фриче от имени советского командования требование отдать по радио приказ Берлинскому гарнизону и всей немецкой армии о безоговорочной капитуляции, после чего прибыть к нам на КП для ведения дальнейших переговоров.

В группу Вайгачева, кроме одного из немцев, были включены переводчик старшина В.Н. Журавлев и разведчик рядовой Гудул. Когда они собрались к отъезду, генерал Вейдлинг обратился ко мне с просьбой поручить отъезжающей группе привезти его шинель, оставленную им в имперской канцелярии.

Я дал такое указание.

Группа благополучно добралась до переднего края, но при переходе через линию фронта была обстреляна с немецкой стороны из автоматов. Фашисты стреляли, несмотря на то что немецкий солдат, шедший в составе группы, держал высоко поднятый белый флаг и кричал: «Не стреляйте, идут парламентареры!»

В конце концов стрельба прекратилась и Вайгачев провел своих людей в расположение вражеских войск. При обстреле, к счастью, никто не пострадал.

В переулке у здания министерства пропаганды сгрудилась толпа – здесь были и штатские, и военнослужащие. Среди этих людей оказался и сам Фриче (его узнал немец, что был в составе группы Вайгачева). Вайгачев предложил Фриче зайти куда-нибудь в помещение. Они спустились в подвал здания министерства. Сюда же пришло несколько ответственных чиновников министерства и сопровождающий группу командир центрального участка обороны штурмбаннфюрер Метц.

Приступили к переговорам. Подполковник Вайгачев изложил условия, с которыми он прибыл. На это имперский директор сказал, что он уже обратился к советскому

командованию с заявлением о капитуляции; тут он повторил содержание присланной нам ранее записки. Вайгачев ответил, что советское командование примет меры к поддержанию порядка в городе и не допустит расправы со стороны эсэсовцев над правительственными чиновниками, возьмет под свою защиту гражданское население и окажет необходимую помощь раненым. Затем он предложил Фриче выступить по радио и отдать приказ о капитуляции.

– Только выполняют ли командиры частей Берлинского гарнизона ваш приказ? – высказал сомнение наш представитель.

Фриче принялся убеждать, что он является сейчас в Берлине последним из старших членов правительства, его имя как в Берлине, так и во всей стране популярно и авторитетно, поэтому приказ будет выполнен.

Однако тут же выяснилось, что немецкая радиостанция, на которую рассчитывали, уже не работает из-за отсутствия электропитания. Вайгачев предложил воспользоваться советской рацией, на что Фриче согласился, только попросил разрешения взять с собой нескольких своих помощников. Прежде чем отправиться на радиостанцию, Н.П. Вайгачев посоветовал Фриче отдать приказ о капитуляции находившемуся здесь же командиру центрального участка обороны Метцу. Фриче сделал это, и Метц немедленно приступил к исполнению, приказав подчиненным ему офицерам и солдатам складывать оружие и сдаваться в плен. С нашей стороны была организована охрана министерства вызванной с переднего края командой, чтобы не допустить уничтожения архивов, и Вайгачев повез Фриче и тех, кого он взял с собой, на КП 8-й армии.

Доктор Ганс Фриче – матерый, но усмирленный силой оружия фашист – выглядел в той обстановке своеобразно. Невысокого роста, упитанный, свежесбрившийся, тщательно причесанный, он был одет в хорошо отутюженное серое в елочку пальто; вел себя уравновешенно, говорил ровно и медленно, обдумывая каждую фразу. На КП он встретился с генералом Вейдлингом, успевшим уже подписать приказ о прекращении огня без санкции Фриче. Увидев имперского директора, Вейдлинг набросился на него с упреками:

– Где вы были раньше? Вы не разрешали капитулировать! Напрасные жертвы – по вашей вине! Надо было отдать приказ еще вчера!.. – Он, казалось, готов был кинуться на заместителя министра с кулаками.

Фриче же невозмутимо молчал, не удостоив генерала вниманием, лишь рот его покривился в брезгливой гримасе.

С переднего края стали докладывать о появлении в Берлинском котле множества белых флагов. Немцы складывают оружие и выстраиваются в колонны. Наши войска по всему фронту приступили к приему пленных и оружия.

Я попросил командарма разрешить мне выйти из кабинета, отправиться к себе в отдел и заняться сбором данных о ходе капитуляции противника и контролем за действиями войск.

Тем временем генералы В.Д. Соколовский и В.И. Чуйков занялись допросом Фриче, хотя его показания, по существу, уже не имели для нас практического значения. Берлинский гарнизон сдавался в плен советским войскам, бои прекратились, война с фашистской Германией фактически закончилась. Жалкие остатки гитлеровского правительства оказались в наших руках. Правда, в разных районах Германии и в Чехословакии еще продолжались бои с отступавшими на запад разрозненными группировками врага, но это уже для исхода войны не имело существенного значения. Берлин был завершающим актом Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Покончив со своими делами в отделе, я вернулся в кабинет командарма и доложил, что пленные исчисляются уже тысячами и их все прибавляется. Куда нам девать всю эту людскую массу?

Прежде чем ответить, генерал армии Соколовский переговорил по ВЧ с маршалом Г.К. Жуковым и с начальником штаба фронта генерал-полковником М.С. Малининым и распорядился:

– Военнопленных сосредоточивать на аэродроме Темпельхоф. А оружие складывать в штабеля и выставять охрану.

О дальнейшем поступят указания штаба фронта.

После этого генерал Соколовский уехал в штаб фронта. Уехал и командарм в штаб армии, оставив меня на ПКП на некоторое время. Начальник штаба армии генерал-майор В.А. Белявский, приехавший на ПКП из штаба утром 1 мая, вернулся в штаб раньше.

Вскоре командарм распорядился свернуть передовой КП, а мне ехать в штаб. По пути я решил заехать в центр города, взглянуть на Рейхстаг, имперскую канцелярию и Бранденбургские ворота. Улицы, по которым я ехал, были запружены колоннами пленных. Вид у них был изнуренный и обшарпанный, в строю виднелось много раненых, поддерживаемых солдатами или медсестрами, одетыми в женскую военную форму.

Проезд в Бранденбургских воротах был заложен кирпичом, а на Рейхстаге в разных местах развевалось много самодельных красных флагов, вывешенных советскими бойцами. Я спросил ехавшего со мной в машине майора Н.Л. Величко:

– Как думаете, который флаг появился на Рейхстаге первым и кто его водрузил?

Он ответил с коротким вздохом:

– Во всяком случае, флага 8-й гв. армии там нет. А жаль!

– Ничего, – утешил я его и себя, – все эти флаги – наши.

Мы проехали по той части центрального района города, которая не была взята штурмом, а досталась нашим войскам в результате капитуляции оборонявших ее немецких войск. Этот район, окаймленный линией соприкосновения противоборствующих сторон до момента капитуляции, за последние полтора суток фактически не изменялся: линия фронта в целом оставалась той, какая была на момент прихода к нам первого немецкого парламентария в лице генерала Кребса, за исключением, может быть, отдельных незначительных мест. В этом районе находилась и имперская канцелярия, так что ее никто не штурмовал. Теперь этой линии, еще вчера разделявшей две армии, два мира, две социально-политические системы, уже не существовало: наши солдаты стерли ее с лица земли и овладели всем городом. И там, где еще так недавно грохотали бои, стояла тишина, отдавая непривычным покоем.

Теперь казалось, что смотришь окрест как-то по-другому, чем несколько часов назад, будто видишь все другими глазами: изуродованный воронками от бомб и снарядов бывший красивым, наверное, огромный европейский город, разрушенные дотла, полуразрушенные, частично поврежденные капитальные здания, прошитая пулеметными строчками и испещренная осколками различной величины облицовка уцелевших стен, обгорелые и расщепленные пни от деревьев Трептов-парка, среди которых бросались в глаза обнаженные скульптурные изображения оленей и других диких животных, и тяжелые металлические скамьи, на которых в свое время уединялись жители германской столицы, – все это выглядело как-то по-новому, непривычно.

День был погожим, по небу быстро пробегали отдельные небольшие облака, несколько раз порывался идти мелкий непродолжительный дождик, причем солнце продолжало сиять во всю свою весеннюю силу даже в дождь. На тротуарах между руинами домов, а кое-где и на мостовых появилось много жителей Берлина, покинувших свои спасительные убежища и подвалы, чтобы больше в них не возвращаться. Здесь толпились женщины, старики, дети, мужчины разного возраста, некоторые из них с пустыми рукавами или на костылях. Были молодые и средних лет мужчины: наверное, это были переодетые в гражданское платье

вчерашие офицеры и солдаты, своевременно удравшие из подразделений и избежавшие плена.

Люди стояли молча, с угрюмыми лицами, и смотрели на проходящих пленных соотечественников, конвоируемых советскими солдатами-победителями. Некоторые тихо плакали. По всему Берлину из окон домов, с балконов, с проломов в стенах свисали белые полотнища разных размеров, говорившие, что капитулировали не только войска, а и все население.

Жалко было смотреть на эти толпы людей, на лицах и в глазах которых проглядывали страх и надежда, виноватость и безысходная тоска, отчаяние и неуверенность в будущем, и в то же время – облегчение, чувство освобождения от фашистского бреда, как пробуждение от кошмарного сна.

А колонны пленных шли и шли нескончаемым потоком. Пленные «завоеватели» двигались медленно, понуриив повинные головы, глядя себе под ноги или в спины своих товарищей, как бы не замечая стоявших по сторонам соотечественников, не смея взглянуть им в глаза. А те смотрели на проходящих мимо не то с состраданием, не то с упреком, но не слышалось ни возгласов, ни вздохов, ни каких-либо замечаний.

Разноликие толпы берлинцев показались мне каким-то далеким и непонятным миром, и в голове проплывали смешанные, порой противоречивые мысли и чувства. Что это за люди? – думалось мне. Часть той самой нации, которая ставилась гитлеровскими теоретиками выше всех других наций, считалась призванной угнетать и поработать другие народы, господствовать над всем миром? Это и есть тот самый арийский народ, что тысячеголосо орал на площадях и в огромных залах «Хайль Гитлер!». Народ, слепо поверивший гитлеровской демагогии и геббельсовской бредовой пропаганде; народ, вырастивший и отдавший в распоряжение шайки фашистских авантюристов своих сынов, брошенных в кровавую мясорубку войны для завоевания жизненного пространства, для поработки других народов; народ, своим трудом и разумом создававший смертоносные машины для человеческой бойни – «Юнкерсы» и «Мессершмитты», «Тигры» и «Пантеры», крейсера, подводные лодки и торпедные катера, фаустпатроны и другие орудия уничтожения и разрушения. Народ, щедро снабжавший фашистских завоевателей продовольствием, обмундированием, одурманивающим шнапсом, строивший лагеря смерти, благословлявший мародеров и убийц на завоевательские походы. Народ, охотно пользовавшийся награбленным добром в поработанных странах, жестоко эксплуатировавший захваченных в разных странах рабов и радовавшийся получаемым с фронта посылкам с награбленным в чужих краях своими сыновьями, мужьями и братьями, оставившими на необъятных просторах Советского Союза целые поля березовых крестов над своими могилами и разрушенные до основания города и сожженные дотла села. Это что же, массовое отравление фашистским ядом, одурманивание обещаниями райской жизни за счет поработанных народов? Виноват ли в этом только бесноватый фюрер и его ближайшие сподвижники? Навряд ли! Ведь Гитлер, сделавшийся идиолом, которому этот народ фанатически поклонялся чуть ли не как божеству, не мог стать во главе 80-миллионного народа без его поддержки, без слепой веры в авантюристические планы и обещания. Обманутый народ? Но ведь Гитлер не скрывал своих безумных планов и намерений; с обнаженным цинизмом фюрер обещал этому народу поработить мир для блага и процветания арийской нации. Немцы не так глупы, чтобы их можно было так легко обмануть. Так в чем же дело?

Размышляя над этим сложным и запутанным социальным явлением, я вдруг стал возражать сам себе. Не все же немцы были такими: немецкая нация социально не однородна. Гитлер пришел к власти и творил свои кровавые дела не только благодаря демагогическим обещаниям. Это произошло в результате ожесточенной борьбы и грубого насилия, Гитлера поддержали наиболее реакционные круги магнатов империализма, заложившие материальную основу фашизма. Наиболее сознательная часть немецкого рабочего класса и

передовой интеллигенции была разгромлена и лишена возможности поднять свой голос. Многие немцы отвергали бредовые идеи и действия гитлеризма, самоотверженно боролись с ними и потому гибли в концентрационных лагерях, тюрьмах и на виселицах; в первую очередь истреблялись коммунисты... Теперь все это позади. Какие же уроки извлечет немецкий народ из трагических итогов проигранной войны?

Думается, что теперь этот народ будет более осмотрительным при выборе политической системы своего государства, с большей бдительностью и предусмотрительностью станет подходить к выбору себе правящих партий и государственных руководителей. Теперь, когда разгромлена наголову гитлеровская Германия и ликвидирована фашистская система правления, немецкий народ, отрезвленный суровой действительностью, получил, благодаря Красной армии, возможность организовать свое государство заново, на демократической основе.

Проезжая по улицам и переулкам, я замечал казавшиеся странными явления: на скверах и на свободных площадках между домами то там, то здесь виднелись дымящиеся солдатские кухни наших частей и собравшиеся у них толпы детей и старых женщин с разными посудинами – они получали пищу.

Это несколько удивляло: никто таких указаний пока не давал, кормили наши солдаты голодных людей по собственной инициативе. «Какой гуманный и немстительный русский человек, – подумал я, – как скоро он забывает зло, причиненное ему врагом!»

Размышления мои прервались, когда машина свернула в переулок района Иоганисталь, где размещался штаб армии.

Выйдя из машины, я вдруг заметил, что весна в самом разгаре, что расцвела сирень, что поют птицы. Почему я не замечал этого раньше? Видимо, произошла резкая перемена в ощущениях, пришло осознание наступающего мира.

В одной из комнат оперативного отдела заботами девушек-машинисток был накрыт стол и подготовлен настоящий праздничный обед по-домашнему, которого я не знал вот уже без малого четыре года. Пришли гости – поэт Евгений Долматовский, с которым у меня сложились дружеские отношения, композиторы Тихон Хренников и Матвей Блантер. С некоторым запозданием появился известный писатель Всеволод Вишневский. Завязался оживленный разговор. С радостью говорили о победоносном окончании войны, о послевоенной мирной жизни, вспоминали о погибших боевых друзьях. Кто-то сказал о необходимости поддерживать сложившиеся на войне дружеские связи и в дальнейшем. Я пошутил, обращаясь к писателям и композиторам:

– Сейчас вы говорите о дружбе, но вот уедете в Москву, займетесь своими делами и забудете о фронтовых друзьях. Приедет кто-либо из нас в столицу, позвонит кому-нибудь из вас по телефону и услышит ответ: «Встречалась где-то такая фамилия, но где и когда, уже не помню. А вы по какому вопросу, какое у вас ко мне дело?..»

Гости обидчиво запротестовали:

– Как ты можешь так говорить! Этого никогда не случится...

Один только Всеволод Вишневский с серьезным видом поддержал меня:

– А вы что думали? Пока шла война, мы в ней участвовали вместе с фронтовыми товарищами, подружились. В мирные дни перед нами встанут другие задачи и заботы. Они займут наше время и внимание... Мы, писатели, окажемся в другой среде...

Должен заметить, что в послевоенное время мне довелось встречаться и поддерживать дружеские связи с поэтом Е. Долматовским и мы оба при встрече вспоминали фронтовые дела и эпизоды боевой обстановки.

Мое краткое повествование о больших исторических событиях было бы незаконченным, если не сказать вкратце о том, что происходило в Германии в те дни и часы и в последовавшее за ними время вне поверженного Красной армией Берлина, ставшее известным некоторое время спустя.

Как-то после окончания боев в Берлине я включил радиоприемник, чтобы послушать голос Родины – Москву. Знакомый голос неподражаемого диктора Центрального радио Левитана заканчивал передачу словами И.В. Сталина:

«– ...Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, а немецкое государство остаются...»

Гитлера к тому времени уже не было в живых, но жили пока и действовали его последыши.

Как стало известно из воспоминаний гроссадмирала Дёница и других источников, созданное Гитлером «новое демократическое правительство» (за исключением тех его членов, которые бесславно закончили свою деятельность с падением Берлина) в течение двадцати дней своего существования всю свою энергию и хитрость направляло на попытки сговора с западными державами втайне от советского правительства. Еще в последние дни апреля 1945 года Дёниц несколько раз встречался с Гитлером и они обсуждали создавшееся положение и выработывали меры «спасения Германии от русских». Это «спасение» они видели в прекращении сопротивления войскам западных капиталистических держав и капитуляции перед ними с передачей страны англо-американцам, без учета, естественно, прав и интересов Советского Союза.

Вечером 30 апреля гроссадмирал Дёниц, прибывший в город Плен, получил из убежища Гитлера в Берлине зашифрованную радиogramму: «Вместо рейхсмаршала Геринга фюрер назначает отныне Вас, господин адмирал, своим преемником. Письменное полномочие выслано. С настоящего момента Вам надлежит принимать все меры, которые окажутся необходимыми в настоящей обстановке. *Борман*».

Дёниц без колебаний, как он сам пишет, принял к исполнению эту радиogramму. Его «правительственная программа» заключалась в том, чтобы не допустить массовой сдачи немецких войск и территории советским войскам. Но Дёниц в то время побаивался Гимmlера, претендовавшего на место Гитлера. Поэтому он со всеми мерами предосторожности уговорил Гимmlера приехать к нему и показал телеграмму Бормана, дабы узаконить в глазах Гимmlера свое право на пост главы государства. Это возымело действие, на которое рассчитывал Дёниц: Гимmlер понял, что отныне он лишился реальных шансов захватить власть. После некоторого замешательства он предложил свои услуги, пожелав быть правой рукой Дёница в «правительстве». Однако теперь он не был нужен Дёницу, и тот дал от ворот поворот.

После отъезда Гимmlера Дёниц взялся за работу. Прежде всего он вызвал к себе начальника штаба Верховного главнокомандования генерал-фельдмаршала Кейтеля и начальника штаба оперативного руководства генерал-полковника Йодля и потребовал ознакомить его с военной обстановкой.

1 мая утром Дёниц получил вторую радиogramму из канцелярии фюрера, отправленную из Берлина в 7 часов 40 минут. Телеграмма гласила: «Завещание вступает в силу. Прибуду возможно скорее к вам. По моему мнению, до этого следует воздержаться от опубликования. *Борман*». Дёниц понял, что Гитлера нет в живых, и отдал приказ по вермахту. Этот приказ, приведенный в воспоминаниях Дёница, говорит сам за себя: «Фюрер назначил меня своим преемником в качестве главы правительства и Верховного главнокомандующего. Я принял на себя Верховное командование всеми вооруженными

силами Германии с тем, чтобы продолжать борьбу против большевиков для спасения действующих на фронте войсковых частей и сотен тысяч семей в Восточной Германии...»

О продолжении сопротивления войскам западных держав в приказе ничего не говорилось.

После встреч и переговоров с министром финансов графом Швериг-Крозигком, отставными генерал-фельдмаршалами Боком и Манштейном Дёниц убедился, что его взгляды полностью совпадают со взглядами этих лиц и заключаются в том, что будущее Германии должно быть связано с Западной Европой, то есть с капиталистическими державами, с которыми ее объединяла ненависть к Советскому Союзу и социалистическому строю.

Ознакомившись с общей ситуацией на театрах военных действий, Дёниц, по его словам, пришел к выводу, что в военном отношении война Германией проиграна. И он начал искать политические возможности изменения положения Германии. Но союзники по антигитлеровской коалиции, по настоятельному требованию советского правительства, требовали безоговорочной капитуляции всех германских вооруженных сил. А это, по умозаключению Дёница и его подручных, обязательно приводило к тому, что немецкие армии на Восточном фронте должны сдаваться в плен русским, что не входило в их планы и было крайне нежелательным. Поэтому Дёниц считал необходимым оттянуть момент капитуляции. Ему хотелось отвести немецкие армии с Восточного фронта как можно ближе к границе англо-американской оккупационной зоны, которая к тому времени была уже известна немецкому руководству.

Подсчеты показали, что для отвода войск и эвакуации гражданского населения на запад требовалось по крайней мере еще 8—10 дней. Поэтому Дёниц и пытался оттянуть на этот срок момент капитуляции перед Советским Союзом.

Попытки договориться с англо-американцами о частичной капитуляции (то есть только перед ними, при продолжении войны с Советским Союзом) немцы предпринимали неоднократно, скрывая это от советского правительства. Касаясь этого вопроса, гроссадмирал Дёниц пишет в своих воспоминаниях: «...ни в коем случае нельзя было действовать открыто, так как русские своим вмешательством, безусловно, сорвали бы этот план». Дёниц далее разъясняет свой план следующим образом: «Моим намерением явилось заключение с Западом отдельных соглашений о капитуляции». Этими закулисными махинациями «новое немецкое правительство», находившее взаимопонимание с реакционными кругами англо-американцев, ставя их в преимущественное положение по отношению к Советскому Союзу, рассчитывало вбить клин между СССР и западными державами в вопросах завершения войны и послевоенного мира. Для этой цели Дёниц через своих представителей вел тайные переговоры с главнокомандующим английскими войсками фельдмаршалом Монтгомери и американским главнокомандующим генералом Эйзенхауэром, которые шли на значительные уступки немцам. В связи с этим в результате закулисных переговоров создались условия, которые Дёниц оценивает так: «Мы чувствовали себя так, словно освободились от большого бремени. Сделан был первый шаг к тому, чтобы направить капитуляцию на западе так, чтобы она не была связана со сдачей немецких солдат или населения в руки русских». Далее он пишет: «Это отвечало моим намерениям как можно скорее закончить войну на западе, на всех фронтах, поскольку Англия согласилась на предложенные мною условия капитуляции».

4 мая все боевые действия немецких войск против западных держав были по указанию Дёница полностью прекращены. Он также отменил приказ о затоплении кораблей немецкого военно-морского флота, чтобы передать их англо-американцам, если не удастся сохранить их за Германией. Войскам было приказано, продолжая сопротивление Красной армии, пробиваться на запад и сдаваться англо-американцам. «Нам оставалось только радоваться, — пишет Дёниц, — за каждый кусочек территории, который занимался американцами, а не русскими».

Эти отчаянные замыслы были сорваны стремительным продвижением Красной армии, которая, преодолевая сопротивление отходящего на запад противника, завершила разгром остатков немецко-фашистских вооруженных сил по всему фронту и соединилась с войсками западных союзников. Быстрое взятие советскими войсками столицы Германии Берлина в значительной мере способствовало выполнению этой задачи и сыграло решающую роль в срыве закулисных махинаций немцев и реакционных кругов англо-американцев.

К 8 мая боевые действия всюду были прекращены, капитуляция гитлеровской Германии завершена.

Новое «правительство» Германии во главе с гроссадмиралом Дёницем 2 мая 1945 года было арестовано союзнической контрольной комиссией на корабле «Патриа» при участии представителей Красной армии.

Для нашей 8-й гв. армии, как и для других армий, штурмовавших Берлин, война была закончена 2 мая. В этот день командование оборонявшей столицу рейха группировки официально признало Германию побежденной и приняло требование советского командования о безоговорочной капитуляции. Боевые действия в Берлине после 2 мая для нас, участников Берлинской наступательной операции, ушли в область истории. Здесь грохот войны резко оборвался и замолк. Но напряженная работа в штабе армии продолжалась. Возникали новые задачи, требовавшие своего решения.

8 мая я поехал в штаб 5-й ударной армии, располагавшийся в Карлсхорсте и ставший отныне одновременно штабом Берлинского гарнизона советских войск (в связи с назначением командующего этой армией генерал-полковника Н.Э. Берзарина комендантом Берлина). Нужно было согласовать ряд вопросов, касающихся режима и размещения в городе наших войск. Там я встретился с начальником оперативного отдела штаба этой армии полковником С.П. Петровым, который информировал меня о том, что сегодня будет подписываться акт о безоговорочной капитуляции Германии. «Понаехало много высокопоставленных лиц от союзников и представителей прессы, – сокрушенно сказал он, – сколько свалилось забот по их размещению, охране, питанию, обеспечению машинами». Мы пошли посмотреть на прибывающих представителей союзных армий. Прибывали английские, американские, французские генералы. Их встречали генерал армии В.Д. Соколовский, генерал-полковник Н.Э. Берзарин и другие товарищи. Офицеры штаба армии под руководством начальника штаба генерал-лейтенанта А.М. Куцева занимались подготовкой места и организацией проведения исторического акта и всеми связанными с этим мероприятиями.

Мимо нас прошла группа немецких генералов. Среди них – высокий и тощий генерал-фельдмаршал Кейтель с маршальской булавой в руке. Немцев провели в отдельное помещение, где они должны были ждать, когда их позвут для подписания документа.

По пути к себе в штаб я включил радиоприемник. Передавалось сообщение о том, что акт о безоговорочной капитуляции Германии подписан. Условлено считать официальным днем победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года. От имени поверженной Германии акт подписал генерал-фельдмаршал Кейтель, от Советского Союза – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, от Великобритании – главный маршал авиации А. Теддер, от Соединенных Штатов Америки – генерал К. Спаатс, от Франции – генерал Ж. Делатр де Тассиньи.

Союзники по антигитлеровской коалиции официально зафиксировали полный разгром фашистской Германии и ее сателлитов, разгром, решающая роль в котором по праву принадлежала Вооруженным силам Союза Советских Социалистических Республик.

Мне тогда вспомнилось беспокойство и волнение последнего командующего обороной Берлина генерала артиллерии Вейдлинга 2 мая, когда он подписал приказ своим войскам о капитуляции: ведь тогда еще у фашистской Германии были солдаты, державшие в руках оружие. Кейтель же подписал акт о капитуляции, когда уже не было у Германии ни армии,

ни правительства. А вечером мы слушали по радио обращение к народу советского правительства.

«Великие жертвы, – говорилось в нем, – принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться Великое знамя свободы народов и мира между народами...

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой».